БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов XIV Международной научно-практической конференции

(Могилев, 10 апреля 2026 года)

Начать просмотр

Могилев
2026

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов XIV Международной
научно-практической конференции

(Могилев, 10 апреля 2026 года)

Научное электронное сетевое текстовое издание

Могилев
Могилевский институт МВД
2026

ISBN 978-985-589-171-1(CD)
ISBN 978-985-589-174-2 (on-line)

© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (on-line), 2026
© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (CD), 2026

Перейти к сведениям об издании 1 2 3 Перейти к статьям

УДК 343(082)
ББК 67.48

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Научное электронное сетевое текстовое издание

Рекомендовано к изданию научно-методическим советом учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

Б84 **Борьба с преступностью: теория и практика** : тезисы докладов XIV Международной научно-практической конференции (Могилев, 10 апреля 2026 года) / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: К. Д. Сазон (пред.) [и др.]. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/9824. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-985-589-174-2.

В сборник вошли тезисы докладов участников XIV Международной научно-практической конференции «Борьба с преступностью: теория и практика», которая проводилась 10 апреля 2026 года в рамках I Международной весенней научной сессии в учреждении образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Тематика статей затрагивает актуальные вопросы, отражающие теоретические, историко-правовые, конституционные, административно-правовые, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические, тактико-специальные и психолого-педагогические аспекты борьбы с преступностью.

Может быть полезен научным работникам, преподавателям, адъюнктам (аспирантам) и курсантам (студентам), а также практическим работникам.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем.

Ул. Крупской, 67, Могилев
тел. +375 222 72 41 58
e-mail: oonmid@institutemvd.by
https://www.institutemvd.by

© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (on-line), 2026
© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (CD), 2026

Перейти к сведениям об издании 2 3 Перейти к титульному экрану
Перейти к статьям

Научное электронное сетевое текстовое издание

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов XIV Международной научно-практической конференции

(Могилев, 10 апреля 2026 года)

Основу данного издания составляет электронное текстовое издание локального доступа:

Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов XIV Международной научно-практической конференции (Могилев, 10 апреля 2026 года) / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: К. Д. Сазон (пред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2026. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-985-589-171-1.

Перейти к титульному экрану Перейти к сведениям об издании 1 3
Перейти к статьям

Научное электронное сетевое текстовое издание

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов XIV Международной научно-практической конференции

(Могилев, 10 апреля 2026 года)

Редакционная коллегия:

Сазон К. Д., первый заместитель начальника учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент (председатель);

Вишневская Т. И., доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Демидова И. А., профессор кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Лубенков А. В., начальник кафедры административной деятельности факультета милиции учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Кривенков Ю. В., временно исполняющий обязанности по должности начальника кафедры профессионально-прикладной физической подготовки учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»;

Лаппо Е. А., временно исполняющий обязанности по должности начальника кафедры тактико-специальной подготовки учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Примаков А. Н., доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Рябцева Л. А., доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат педагогических наук;

Свиридов Д. А., начальник кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»;

Сысоев А. С., начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»;

Толочко А. Н., начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Шкаплеров Ю. П., профессор кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов XIV Международной
научно-практической конференции
(Могилев, 10 апреля 2026 года)

Рецензенты:

начальник кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз
федерального государственного казенного учреждения
дополнительного профессионального образования
«Тюменский институт повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
кандидат юридических наук, доцент *Р. А. Дерюгин*;

доцент кафедры юриспруденции факультета экономики и права
учреждения образования
«Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»
кандидат юридических наук, доцент *С. И. Довгун*

Сведения о программном обеспечении:
современные программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Mozilla Firefox, Google Chrome и другие. Такие браузеры не нуждаются в дополнительных настройках и осуществляют открытие pdf-файла при нажатии на соответствующую ссылку.

Редактор технический *Е. И. Дзен*
Корректоры: *Н. П. Ковалькова, Т. Ю. Лухтанова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 22.10.2026.
Объем 6,35 Мб. Заказ № 9.

Перейти к титульному экрану Перейти к сведениям об издании 1 2
Перейти к статьям

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 351.74:94(476.4)

А. А. Воробьев
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат исторических наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИЯ МИЛИЦИИ Г. МОГИЛЕВА И МОГИЛЕВСКОГО УЕЗДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Организация правоохранительных органов всегда занимала одно из важнейших направлений деятельности государственных органов во все времена. Занималась этим и большевистская партия, которая пришла к власти в России после Октябрьской революции 1917 г. Правоохранительные органы, созданные большевиками, получили название рабоче-крестьянской милиции. Процесс создания милиции на белорусских землях, входивших в состав советской России, стал проходить гораздо более быстрыми темпами только в начале 1920-х гг., т. к. именно к этому времени на белорусских землях завершились боевые действия против немецких оккупантов и польских интервентов.

Город Могилев и Могилевский уезд в первой половине 1920-х гг. составляли одну территориальную единицу, общественный порядок в которой поддерживался единым Могилевским уездно-городским управлением милиции. Управление имело свое внутреннее деление, речь о котором пойдет в дальнейшем. Так, г. Могилев был разделен на два отделения милиции. В первом отделении было пятьдесят милиционеров, его начальник Михальков Пилип являлся беспартийным, а его заместитель Емельян Лукьянов был членом РКП(б) (т. е. членом большевистской партии). Начальником второго Могилевского городского отделения милиции являлся член большевистской партии Иосиф Двебовский, а всего в отделении вместе с начальником работало семь милиционеров [1, л. 85–85об.].

В Вейнянском волостном отделении милиции было всего четыре человека, начальником отделения был Плиндов Назарий, в подчинении у него было два старших милиционера и один младший. В Чаусском волостном отделении милиции было восемь человек, начальником отделения был член РКП(б) Шиповалов Сергей, в отделении было два старших милиционера, а остальные были

младшими. В Долгомохской волости в отделении милиции было четыре человека, начальником был Фомицкий Михаил. В Сухаревской волости в отделении милиции также было четыре человека, а начальником являлся член РКП(б) Павловский Владислав [1, л. 86].

В Черневской волости в отделении милиции также было четыре человека, начальником являлся Васильев Алексей. Четыре человека было и в Кручанском волостном отделении милиции, начальник отделения Шантарев Михаил являлся членом РКП(б). В Шкловской волости в отделении милиции было пять человек, начальник отделения Корабельников Владимир был членом РКП(б). В Круглянской волости Могилевского уезда работало шесть милиционеров, а начальником волостного отделения являлся Неверовский Павел. В Вендорожском волостном отделении милиции было четыре человека, начальника не было, а временно исполняющим по должности начальника отделения являлся Гросс Роберт. В Белыничской волости было семь милиционеров, начальником волостного отделения был Крючков Иван. В Княжицкой волости работало шесть милиционеров во главе с начальником отделения Скотченко Дмитрием. В Глухском волостном отделении милиции было только четыре человека, включая начальника Ханина Моисея, который был членом РКП(б). В Городищенской волости также было четыре милиционера, начальник волостного отделения Королев Лаврентий также был членом РКП(б). В Старобыховской волости Могилевского уезда работало одиннадцать милиционеров, начальник волостного отделения Гирчис Антон являлся членом РКП(б) [1, л. 86–86об.].

В Грудиновском волостном отделении милиции работало четыре человека, включая начальника отделения Кондратенко Максима, который был членом РКП(б). Нам также удалось обнаружить в архиве совершенно секретную записку начальнику Могилевского уездно-городского управления милиции члену РКП(б) Антонову Петру Григорьевичу, в которой ему рекомендовалось снять с должности начальника Белыничского волостного отделения милиции Крючкова Ивана за систематическое пьянство и покровительство самогонщикам [1, л. 18, 86об.].

Общее состояние Могилевского уездно-городского управления милиции в середине 1920-х гг. было оценено как удовлетворительное. Вместе с тем было отмечено недовольство рядовых милиционеров малыми окладами жалованья (17 рублей в месяц). Особенно нуждающимися в повышении зарплаты (жалованья) были признаны семейные милиционеры. Также в докладе было указано, что обмундирование, а также обувь и белье милиционерам совершенно не выдаются. В отношении внутренней дисциплины в отделениях было сказано, что в двух городских отделениях дисциплина была хорошей, а в волостных

отделениях наблюдаются случаи пьянства и недостаток револьверных патронов [1, л. 105].

В завершающей части данной публикации можно сделать следующие выводы. За основу публикации был взят отчет начальника Могилевского уездно-городского управления милиции Антонова П. Г. Могилевскому уездному комитету РКП(б). В отчете были указаны организация и структура милицейских формирований, действовавших на территории г. Могилева и Могилевского уезда в первой половине 1920-х гг. Численность милиционеров в городских и волостных отделениях милиции была пропорциональной численности населения, которое проживало на соответствующей территории. Кроме структуры и численности милиционеров в Могилевском уездно-городском управлении милиции, в отчете содержалась и информация о состоянии дисциплины среди его сотрудников и их обеспеченности обмундированием, обувью, оружием и денежным содержанием (зарплатой).

Начальник управления отметил в своем докладе все недостатки, подчеркнув, что уровень дисциплинированности милиционеров оставляет желать лучшего (особенно в волостных отделениях милиции). Несмотря на то, что не удалось найти информацию о снятии с занимаемой должности начальника Белыничского волостного отделения милиции Ивана Крючкова, думается, он был снят с занимаемой должности, ибо его снятие стало хорошим предупреждением другим любителям спиртных напитков. Работа Могилевского уездно-городского управления милиции была признана удовлетворительной, что говорит о том, что личный состав управления в целом достаточно эффективно вел борьбу против преступности на территории г. Могилева и Могилевского уезда в первой половине 1920-х гг.

Список основных источников

1. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. Ф. 6622. Оп. 1. Д. 460. Вернуться к статье

УДК 94(476.4):355

Р. Д. Галынский
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат исторических наук

КИЙ КАК ПЛЕБЕЙСКОЕ ОРУЖИЕ В АКТОВЫХ КНИГАХ МОГИЛЕВСКОГО МАГИСТРАТА 1578–1580 ГГ.

В условиях массовой вооруженности городского населения белорусских городов эпохи Средневековья и раннего Нового времени существовало обилие дешевых и доступных для всех слоев населения предметов вооружения. Наряду с оружием «рыцарским», или «благородным», в руках горожан было много экземпляров так называемого плебейского оружия (под плебеями мы понимаем людей неблагородного происхождения). В данной статье мы обратим внимание в первую очередь на плебейское оружие ударно-дробящего воздействия (к этому оружию относят булавы, шестоперы и т. д.). Среди этих предметов вооружения присутствуют весьма примитивные и дешевые в производстве средства боя (дубины). Данные виды холодного оружия мы можем связать и с криминальным элементом, и с предметом для повседневного использования.

Основным источником у нас выступают актовые книги Могилевского магистрата за 1578–1580 гг. В данных документах нет терминов «булава», «шестопер» и подобных им, но присутствуют термины «кий» и «кол». Исходя из наблюдений белорусского историка-оружиеведа Ю. Н. Бохана, два последних термина в документах XVI в. встречаются довольно часто и обозначают дубины, впрочем, как и термин «посох» [1, с. 150; 2, с. 104–105].

В рассматриваемых источниках слово «кий» упоминается несколько раз. В первом случае мы имеем дело с судебным разбирательством по вопросу избиения паном Кручинским с соучастниками могилевского мещанина Андрея Савинича:

– «Перед лентвойтом, бурмистрами, райцами, лавниками места Могилевског, тог року на справах меских в ратушу будучым, ставшы очевисто пан Кручынский, будучы перед урядомъ, самъ доброволне сознал, иж казалъ с клети выволокши Федка Авдеевича, мещанина Могилевског, *ему киемъ дать*» [3, с. 577].

– «…видел есми на берегу у реки Днепра шарпаючысе мещанина Могилевского Андрея Савинича с паном Сворским *и кием пану Сворскому далъ*…» [3, с. 616].

Привлекает внимание также и дело «О побоях, нанесенных могилевскими мещанами Яну Солецкому, его жене Раине и его слуге Ивану Матвеевичу»:

− «…яко невинного члвека *с кими, с колемъ и з ыншою броною,* с коня его збили…» [3, с. 61]; «…*ки(й)ми и колемъ* били и мордовали, хотечи забить его до смерти…»; «…рана крывавая шкодливая, *пробитая киемъ* аж до кости, хрибетъ ким збиты…» [3, с. 62].

Исходя из приведенных записей, можно выяснить, что *кий* — это не палка или шест, как мы привыкли понимать в белорусском языке, а дубина. Здесь следует провести параллель между двумя разными видами оружия, а именно дубиной (возможно, все-таки булавой) и шестом (как вариант — вырванной из забора штакетиной). Оба средства боя являются разновидностями плебейского оружия, применявшегося, как правило, в качестве криминального оружия в уличных потасовках, так называемого оружия крайней необходимости. Но с булавами/дубинами, по нашему мнению, необходимо связывать *кий*, исходя из частоты и контекста записей, в то время как *кол* приводится только единожды и вместе с *кием*.

Булава, как известно, представляла собой оружие ближнего боя с округлой или многогранной боевой частью, насаженной на деревянную или металлическую рукоять. Боевые экземпляры оснащались рукоятью длиной 70–80 см, а у символов власти (данную роль булавы и родственные им перначи и буздыганы играли вплоть до конца XVIII в.) рукоять не превышала в длину 50 см. Навершия булав были разнообразны: округлые, грушевидные, квадратные со скошенными углами (брус), с лопастями (пернач, шестопер) [1, с. 150–151; 2, с. 104–105; 4, с. 130; 5, с. 395].

Вместе с тем так и не получен ответ на возникающий вопрос: почему *кий* и *кол* — это плебейское оружие? В связи с тем, что меч и сабля всегда были оружием благородным, в руках горожан чаще оказывались большие ножи, корды, топоры и дубины (речь идет о холодном оружии) [6, с. 34–35]. Остальные средства боя зачастую могли подпадать под юридический запрет для неблагородного населения. Следовательно, необходимость защищать свою жизнь и имущество сподвигала людей на обход данных законов. Наиболее простым видом оружия в этом случае выступает дубина (*кий*). Самый простой вариант ее исполнения — крепкая цельная ветка плотного дерева лиственных пород (дуб, вяз и пр.) с навершием из части ствола. Подобные артефакты характерны для многих народов по всему миру и имели свои местные названия (самые знаменитые — шиллила (Ирландия), томагавк (Северная Америка), мачуга (Литва и Латвия)). В повседневной жизни данный предмет выполнял роль трости, а при необходимости превращался в грозное оружие. В свою очередь *кол* — это

длинный шест, концы которого могли быть окованы металлом. Примером служит квотерстафф на Британских островах. При этом данные виды оружия присутствуют в учебниках по фехтованию XVI в. [7].

Отметим также и факт того, что каждый человек, который претендовал на право называть себя горожанином (мещанином) города с магдебургским правом, обязан был иметь (и уметь использовать) определенный комплекс вооружения. В него входили огнестрельное оружие (либо лук со стрелами) и копье (рогатина) [6, с. 83–86; 8, с. 23–24; 9; 10].

В обоих случаях упоминания в актовых книгах Могилевского магистрата за 1578–1580 гг. «плебейского» оружия ударно-дробящего типа фигурировали в качестве оружия нападения (грабеж и покушение на убийство). На наш взгляд, артефакты были элементами повседневного костюма. При этом наличие *кия* в обиходе могилевских мещан не выходит за рамки общеевропейской военной традиции. Однако отсутствие упоминаний этого оружия в качестве боевого не дает нам оснований воспринимать дубины в качестве военного снаряжения, а только как элемент костюма и гражданского оружия.

Список основных источников

1. Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. Мінск : Экаперспектыва, 2002. 336 с. Вернуться к статье

2. Ткачоў М. А. Булава // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. / рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. Мінск : БелЭн, 1993. С. 104–105. Вернуться к статье

3. Акты, издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древних актов : в 39 т. Вильна : Тип. Губерн. правления, 1865–1915. Т. 39 : Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580). 1915. 664 с. Вернуться к статье

4. Бохан Ю. М., Крывальцэвіч М. М, Плавінскі М. А. Булава // Археалогія Беларусі : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. Т. 1 : А–К. С. 130. Вернуться к статье

5. Бохан Ю. М. Булава // Вялікае Княства Літоўскае : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. З. Э. Герасімовіч. 2-е выд. Мінск : БелЭн, 2007–2010. Т. 1 : Абаленскі – Кадэнцыя. 2005. С. 355. Вернуться к статье

6. Галынский Р. Д. Военное дело в повседневной жизни населения Могилева (вторая половина XVI – XVII в.) : моногр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2025. 228 с. Вернуться к статье

7. Майер П. Атлетическое искусство : в 2 т. Аугсбург, 1540–1542. Т. 1. 626 с. Вернуться к статье

8. Белорусский архив древних грамот. Часть 1 / [сост. И. И. Григорович]. М. : Тип. С. Селивановского, 1824 (2017). 148 с. URL: https://knihi.com/Ivan_Hryharovic/Bielorusskij_archiv_drievnich_hramot_Cast_1.html (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

9. Галынский Р. Д. Некоторые аспекты милитарной составляющей повседневной жизни населения города Могилёва в конце XVI – XVII в. // Романовские чтения — 17 : сб. междунар. науч. конф., Могилев, 28 нояб. 2024 г. / под общ. ред. А. С. Мельниковой, Е. И. Головач. Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2025. С. 22–23. Вернуться к статье

10. Галынский Р. Д. Правовой аспект милитарной повседневности жителей города Могилева второй половины XVI – XVII в. // Вестн. Могилев. ин-та МВД. 2024. № 2 (10). С. 13–18. Вернуться к статье

УДК 336.71.078.3

Я. И. Григорьева
доцент кафедры банковского дела
Белорусского государственного экономического университета,
кандидат экономических наук

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА УМЕНЬШЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ПРАВОНАРУШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Борьба с преступностью является естественным и необходимым процессом по поддержанию правопорядка в современном государстве. Вместе с тем в условиях активного и повсеместного развития технологий преступность приобретает новые формы проявления и реализуется все чаще посредством цифровых каналов и электронных схем мошенничества.

Цифровизация различных сфер общества вынуждает современное государство активно трансформировать и адаптировать целые отрасли экономики в условиях расширяющегося применения новых технологических решений, таких как «Интернет вещей» (Internet of Things), технология блокчейн, технология больших данных (Big Data) и машинное обучение (ML), технология умных данных (Smart Data) и ряд иных. В таких условиях вопросы потенциальных рисков применения новых инновационных цифровых методов и инструментов естественным образом существуют и доминируют в повестке контролирующих органов.

Вопросы информационной безопасности и, в частности, кибербезопасность, являются актуальными не только для правоохранительных органов нашей страны, но и для Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, поддерживающего национальную систему обеспечения кибербезопасности в стране, так же как и для Национального банка Республики Беларусь, осуществляющего регуляторный контроль за банковским сектором, в том числе за финансовой устойчивостью банков страны.

Республика Беларусь является государством с хорошо развитым компонентом информационно-коммуникационной инфраструктуры общества. Анализ индекса развития ИКТ (IDI) за последние годы подтверждает устойчивый прогресс Республики Беларусь на пути к построению общества с социальной поддержкой, когда создаются необходимые условия для снижения уровня неравенства общества и повышения уровня доступности современных технологий.

Как видно из таблицы, Республика Беларусь последние три анализируемые автором года стабильно улучшает свои показатели развития сектора информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) в мировом рейтинге ИКТ (таблица).

Таблица

Индекс развития сектора информационно-коммуникационных технологий Республики Беларусь [1] [1]

Показатели прогресса (0–100)	**2023**	**2024**	**2025**
Физические лица, пользующиеся Интернетом (%)	91,5	94,2	96,3
Домохозяйства, имеющие дома доступ в Интернет (%)	91,8	94,2	97,2
Число активных абонентов мобильной широкополосной связи на 100 жителей	63	65,2	69,2
Показатели универсальной связи, среднее итого	**82,1**	**84,5**	**87,6**
Покрытие сетей 3G и 4G/LTE	98,4	98,8	99
Трафик мобильного широкополосного Интернета на одну подписку (ГБ)	77	80	82,3
Фиксированный широкополосный интернет-трафик за подписку (ГБ)	79,1	79,4	82,6
Стоимость потребительской корзины для мобильных данных и голосовой связи с высоким уровнем потребления (в % от ВНД на душу населения)	95,5	97,2	99,1
Стоимость корзины услуг фиксированного широкополосного доступа в Интернет (в % от ВНД на душу населения)	100	100	100
Физические лица, владеющие мобильным телефоном (%)	100	100	100
Значимые показатели подключения, среднее итого	**91,7**	**92,6**	**93,8**
Итоговый индекс ИКТ	**86,9**	**88,5**	**90,7**
Место Республики Беларусь в мировом рейтинге стран по индексу ИКТ	**52 из 169**	**52 из 170**	**46 из 164**

Итоговое значение ИКТ-индекса Республики Беларусь по оценке 2025 г., обусловленное поступательным улучшением значения в среднем на 1,9 пункта ежегодно за рассматриваемый период, составило 90,7 пункта.

В соответствии с утвержденной Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы (далее — ПСЭР), дальнейшее цифровое развитие должно основываться на управлении данными, импортонезависимом программном обеспечении, внедрении передовых технологий в экономику страны и жизнь населения [2, с. 6]. В качестве одного

[1] Собственная разработка на основе источника № 1.

из семи утвержденных данным документом приоритетов Республики Беларусь на период 2026–2030 гг. определен «рост конкурентоспособности, ускорение технологического развития и цифровая трансформация» [2, с. 8].

Таким образом, вектор цифрового развития Республики Беларусь в ближайшие пять лет будет направлен на сохранение достигнутого уровня компетенций, знаний и развитости информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также на дальнейшую интеграцию цифровых возможностей в разные сферы общества и государства для осуществления следующего технологического рывка и сохранения конкурентоспособности страны в условиях активной цифровой трансформации, наблюдаемой во всем мире.

Процессы цифровой трансформации, безусловно, влияют на все сферы современного общества и предоставляют уникальные возможности. Вместе с тем цифровая трансформация побуждает государство озаботиться вопросами социальной ответственности в сферах (областях) применения цифровых технологий населением и субъектами хозяйствования. По мнению автора, уже в ближайшей перспективе достаточно остро станет вопрос проявления социальной ответственности субъектов хозяйствования и населения страны как в цифровом пространстве в целом, так и при осуществлении финансовых операций, используя цифровые инструменты.

Социальная ответственность становится новым феноменом (явлением) и сопутствующим компонентом в условиях цифровой трансформации экономики. Проявление социальной ответственности будет иметь отношение ко всему обществу, что, впрочем, еще в 2022 г. нашло отражение в дополнении ст. 21 Конституции Республики Беларусь, предусматривающей норму, обязывающую каждого проявлять социальную ответственность и вносить посильный вклад в развитие общества и государства [3]. Однако именно в современной парадигме трансформации миропорядка и условий сохранения суверенитета страны, в том числе цифрового, как никогда актуальным будет вопрос осознанного и ответственного поведения в целях минимизации потенциальных рисков использования новых инновационных цифровых методов и инструментов.

В целях развития высокотехнологичной и самодостаточной экономики в качестве одной из задач ПСЭР по направлению цифровой трансформации определено развитие цифровых компетенций специалистов и населения, включая вопросы безопасности, а в качестве одного из новых финансовых рисков в рамках актуальной проблемы современного развития определена необходимость адаптации к новым финансовым инструментам [2, с. 4, 21].

По сравнению с прошлыми периодами в стране по итогам 2025 г. зафиксировано снижение (на 6 %) общего количества киберпреступлений. Однако,

несмотря на положительную динамику, доля таких преступлений в общей структуре продолжает расти и составляет порядка 30 % [4]. Статистика подтверждает доводы автора о высоких рисках преступной деятельности в процессе перехода страны в активную фазу цифровой трансформации и потребности в выработке новых решений (подходов) по повышению социальной ответственности каждого гражданина Республики Беларусь.

Список основных источников

1. Индекс развития ИКТ на 2025 год [Электронный ресурс] // ITU : [сайт]. URL: https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/idi2025/ (дата обращения: 16.12.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собр. от 19 дек. 2025 г. № 1. URL: https://minzdrav.gov.by/upload/lcfiles/P925v0001_1766178000-1.pdf?ysclid=mjy1r642zb290185949 (дата обращения: 03.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/?ysclid=ml6yljwfcm767258787 (дата обращения: 29.11.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. МВД: доля киберпреступлений в Беларуси составляет около 30 % [Электронный ресурс] // Агентство «Минск-Новости» : [сайт]. URL: https://minsknews.by/mvd-dolya-kiberprestuplenij-v-belarusi-sostavlyaet-okolo-30/?ysclid=mlfhlviyvg739881068 (дата обращения: 07.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 340.1

И. А. Демидова
профессор кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОПОРЯДОК: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА В ПРОЕКЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Рассмотрение правопорядка как теоретической конструкции связано с определением роли и значимости права как регулятора общественных отношений в современных реалиях. В качестве базового принимается положение, что правопорядок подлежит пониманию и может существовать только как феномен общественной правовой культуры, что призвано характеристике правового функционирования современного общества. В данной связи применимо определение правопорядка как порядка взаимоотношений субъектов права в сфере правовой регуляции [1, с. 529].

В философском плане подлежит различению понимание правопорядка как абстрактно-должного (предусмотренного и закрепленного в законодательстве правового порядка разрешения того или иного дела или правопорядка в целом) и реального правопорядка (фактически соблюдаемого и реально-функционирующего абстрактно-должного правопорядка [1, с. 530]. Постижению реального правопорядка соответствует его определение как основанной на праве и законности организации общественной жизни, отражающей качественное состояние общественных отношений на определенном этапе развития общества [2, с. 457]. В этом случае под правопорядком понимается состояние упорядоченности, организованности общественной жизни, которое предусмотрено нормами права, возникает в результате фактической реализации правовых норм и обеспечивается государством [2, с. 457]. Представленный подход позволяет рассматривать правопорядок как с позиции теории, так и социальной практики.

Осмыслению теоретических основ правопорядка посвящены диссертации Н. А. Анциферовой [3], В. Н. Казакова [4], Т. Э. Мехдиева [5] и др. Так, в обосновании Н. А. Анцифировой «правовой порядок — сложная многообъектная юридическая категория, а также основной родовой вид и главный непосредственный составляющий элемент общественного порядка, основными непосредственными составляющими которого являются законность, юридическая

ответственность, права и свободы человека и гражданина, правовая культура, правосознание, правовое мышление, факультативными непосредственными составляющими — установленный порядок управления и общественной безопасности» [3, с. 11]. Тем самым фиксируется связь правопорядка и общественного порядка, его сложная структура. Видовая характеристика правопорядка устанавливается различением гражданского правопорядка, отражающего правовое состояние гражданского общества, государственного (конституционного) правопорядка, а также международного правопорядка [3, с. 12]. Представленная логическая схема позволяет рассматривать правопорядок как результат действия права и одновременно как основанную на нормах права совокупность всех правоотношений в рамках национального и мирового правового пространства.

В современных реалиях актуализируется исследование правопорядка цифрового пространства в качестве особого гибридного вида правового порядка, функционирующего в цифровом пространстве, которое создается с помощью устройств и технологий, обеспечивающих цифровое преобразование информации [5, с. 7–8]. Цифровое пространство характеризуется трансграничностью коммуникаций, динамизмом и высокой скоростью обмена информации, для него характерна анонимность и множественность субъектов взаимодействия и ряд других отличительных свойств, что усложняет правовое регулирование данной сферы общественных отношений и установление цифрового правопорядка.

Ограниченность возможностей государственного регулирования определяет значимость негосударственного регулирования посредством саморегулирования и самоорганизации участников интернет-отношений, установления субъектов-собственников цифровых платформ и др., что определяет требование сформированности как общественной, так и профессиональной и индивидуальной правовой культуры, проявленной в правомерном поведении субъектов интернет-отношений. В данном случае можно говорить о правомерном поведении физических лиц и правомерных действиях юридических лиц [6, с. 18]. Это позволяет использовать широкое понимание правомерного поведения как общественно необходимого, желательного или допустимого с точки зрения личности, общества и государства массового осознанного поведения дееспособных личностей и правоспособной деятельности юридических лиц, обусловленной их мировоззренческими взглядами, жизненным и практическим опытом, ограниченной правами и свободами взаимодействующих субъектов, соответствующей нормам права, его принципам и целям, гарантируемой и охраняемой государством [6, с. 20].

Обеспечение правопорядка цифрового пространства связывается с регулированием контента и иной информации, размещаемой на цифровых платформах, действием на территории конкретного государства цифровых платформ, взаимодействием собственников цифровых платформ с государством, контролем со стороны государства сегментов цифрового пространства [5, с. 9]. Одновременно с нормоустанавливающей деятельностью государства для обеспечения правопорядка в данной сфере необходимо социально значимое поведение граждан и других субъектов интернет-отношений. В данном случае регулирующее воздействие оказывают не только нормы права, но и нормы морали, имеют значение правовые и культурные традиции социального взаимодействия.

Таким образом, можно констатировать тесную связь правопорядка и правовой культуры, что определяется их содержательным пониманием в соответствии с социальным назначением права как нормативного регулятора общественных отношений и обусловленностью социальным действием права.

Правопорядок как социально-культурный феномен может характеризоваться как устойчивая совокупность правовых общественных отношений и социальной деятельности, которая обеспечена механизмами правового регулирования, в целом социального нормирования, которые соответствуют ценностным основаниям, идеям и принципам функционирования общества, находят закрепление в национальном праве.

Список основных источников

1. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов. М. : НОРМА, 2002. 552 с. Вернуться к статье

2. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М. : ИНФРА-М — НОРМА, 1997. 570 с. Вернуться к статье

3. Анциферова Н. А. Правовой порядок: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кубан. гос. аграр. ун-т. Краснодар, 2010. 25 с. Вернуться к статье

4. Казаков В. Н. Правомерное поведение и правопорядок : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Моск. юрид. ин-т МВД России. М., 1999. 27 с. Вернуться к статье

5. Мехдиев Т. Э. Правопорядок цифрового пространства : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 5.1.1 / Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина. М., 2024. 25 с. Вернуться к статье

6. Шамаров В. М. Содержание понятия и мотивы правомерного поведения // Вестн. Акад. права и упр. 2015. № 1 (38). С. 13–24. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ponyatiya-i-motivy-pravomernogo-povedeniya (дата обращения: 14.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.771

А. А. Дыжова

профессор кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ДИКИХ ЖИВОТНЫХ, НЕ ОТНОСЯЩИХСЯ К ОБЪЕКТАМ ОХОТЫ И РЫБНОЙ ЛОВЛИ

Животный мир Республики Беларусь является охраняемым компонентом природной среды, возобновляемым природным ресурсом, представляющим собой совокупность всех диких животных, находящихся на территории республики. Самыми распространенными видами пользования животным миром является охота и рыбная ловля, многие граждане не знают о том, что в республике также осуществляется закупка и заготовка диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства. К данным видам животных относят виноградную улитку, личинок хирономид (личинки комаров-звонцов), лягушек зеленых (лягушек прудовых, лягушек съедобных, лягушек озерных), гадюку обыкновенную, длиннопалого (узкопалого) рака, полосатого рака, восточную речную креветку. Правовая охрана данных диких животных осуществляется Законом Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З «О животном мире» [1], постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 июня 2006 г. № 699 «Об утверждении Правил добычи, заготовки и (или) закупки диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства» (далее — Постановление № 699) [2].

Отметим, что распространение виноградной улитки на территории республики не равномерно. Наибольшей плотностью отличаются Гродненская и Витебская области, где находится более 70 % от ее биологического запаса в нашей стране [3]. В настоящий момент на территории Беларуси зафиксировано 656 локальных популяций виноградной улитки.

Данные беспозвоночные широко используются в пищу в ряде европейских стран. В последние годы данный вид заготавливается с целью его переработки и экспорта за рубеж.

Статьей 1 Закона Республики Беларусь «О животном мире» дается понятие заготовки диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства, под ней понимается вид специального пользования объектами животного мира, осуществляемого юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями самостоятельно или с привлечением граждан на основании

гражданско-правовых или трудовых договоров для добычи диких животных, в целях их использования в экономической деятельности [1]. Целенаправленную заготовку виноградной улитки в республике начали с 1993 г. Биологическое обоснование на заготовку и закупку виноградной улитки разрабатывается сроком на пять лет. При этом запрещается добыча, заготовка и закупка беспозвоночных с 15 июля по 15 августа — в Гомельской и Брестской областях; с 15 июля по 1 сентября — в Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской областях; с размером раковины менее 26 мм [2].

Хирономиды, или комары-звонцы, представляют сбой наиболее распространенное и многочисленное семейство длинноусых двукрылых, обладающих экологической пластичностью. В стадии личинки хирономиды проводят наиболее длительный период жизни, который может составлять от нескольких недель до двух лет. Наибольшую известность они имеют среди любителей подледного лова, т. к. мотыль является одной из лучших приманок для лова. К сожалению, добыча данных животных зачастую значительно превышает нормы и ведется не в сроки, установленные законодательством, в связи с чем Постановлением № 699 запрещается добыча, заготовка и (или) закупка личинок хирономид в рыболовных угодьях Брестской и Гомельской областей с 20 марта по 18 мая, Минской, Могилевской и Гродненской областей — с 1 апреля по 30 мая, Витебской области — с 10 апреля по 8 июня, а также в темное время суток, при этом норма сбора составляет 0,1 кг в сутки [2].

Для трех мест республики, расположенных в окрестностях озера Освейское (Верхнедвинский район), д. Ратомка (Минский район) и рыбхоза «Альба» (Несвижский район), характерно обитание прудовой лягушки, озерной лягушки, прудовой и диплоидных особей съедобной лягушки [4]. Мясо лягушки является деликатесным продуктом. Наиболее экономически выгодно в промышленных масштабах для экспорта и для внутреннего потребления разводить озерную лягушку, в связи с чем в республике также устанавливаются запреты на добычу, заготовку и закупку лягушки зеленой с 1 по 31 мая и с длиной тела менее 65 и более 80 мм [2].

По подсчетам ученых в Беларуси обитает не менее 500 тысяч особей гадюк. Змеиный яд служит основой для ряда лекарственных и косметических препаратов. В Беларуси исследованиями добычи змеиного яда не первое десятилетие занимается коллектив ученых Научно-практического центра НАН по биоресурсам [5]. Наибольшая численность популяции гадюки находится в Брестской области (60,7 тыс. экземпляров), наименьшая — в Могилевской (30,2 тыс. экземпляров) и Минской (30,6 тыс. экземпляров) областях [6].

Отметим, что запрещается добыча, заготовка и закупка гадюки с 1 по 31 августа с длиной тела менее 450 миллиметров, а также гражданами в личных целях [2].

В Республике Беларусь разрешен вылов узкопалого (длиннопалого) рака, широкопалый рак занесен в Красную книгу, и его отлов строго запрещен. Длиннопалый рак обитает в озерах и водохранилищах в белорусской части бассейна Западного Буга. Максимальная суточная добыча длиннопалого рака составляет 2 кг, полосатого рака — без ограничений. Запрещается добыча, заготовка и закупка длиннопалого рака в рыболовных угодьях Брестской и Гомельской областей с 20 марта по 18 мая, Минской, Могилевской и Гродненской областей — с 1 апреля по 30 мая, Витебской области — с 10 апреля по 8 июня, а также яйценосных самок и самок с личинками — в течение всего года. При этом учитывается длина тела (не менее 10,5 см), орудия лова (не более 3 раколовок на человека), способа лова (только с визуальным контролем и в дневное время суток) [2].

Озеро Белое в Березовском районе является местом обитания восточной речной креветки в республике. Ее родина — Юго-Восточная Азия. В СССР восточная речная креветка была обнаружена в Московской области в водоеме-охладителе ГРЭС-3, именно туда из р. Янцзы завозили для разведения белого амура и случайно завезли личинки креветки, где она отлично адаптировалась. Затем в республике построили Березовскую ГРЭС, водоемом-охладителем для нее стало озеро Белое. После повышения температуры воды в связи с работой ГРЭС в озере исчезли раки, а также такие хищные рыбы, как судак и щука. Именно тогда ученые решили освободившуюся экологическую нишу заполнить восточной речной креветкой [7]. Норма объема добычи восточной речной креветки в сутки составляет 1 кг. Запрещается добыча, заготовка и закупка животного с 1 апреля по 1 июля [2].

При заготовке данной категории диких животных ведется инструктаж, о чем делается соответствующая запись в журнале. На раколовках, которые используют юридические лица и индивидуальные предприниматели, указываются наименование юридического лица, номер и дата решения о предоставлении права на заготовку и закупку. В случае закупки с использованием передвижных заготовительных пунктов заготовители обязаны обеспечить оформление товарно-транспортных накладных при перевозке закупленных диких животных.

В республике проводятся открытые аукционы или конкурсы на заготовку и закупку диких животных. Предметом торгов является право на заготовку и закупку на территории одного административного района — виноградной улитки, лягушек зеленых, гадюки обыкновенной; одного водного объекта — личинок хирономид, длиннопалого (узкопалого) рака.

При наступлении ответственности за незаконную добычу, заготовку и закупку диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства, в первую очередь постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 апреля 2022 г. № 219 «О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и порядке его исчисления» определяется размер возмещения вреда. Так, за незаконную добычу виноградной улитки предусматривается возмещение вреда в размере 15 базовых величин за 1 кг, за незаконную добычу лягушки зеленой — 3 базовых величин за один экземпляр, независимо от веса и размера [8].

Список основных источников

1. О животном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З : в ред. от 30 дек. 2025 г. № 126-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Об утверждении Правил добычи, заготовки и (или) закупки диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 июня 2006 г. № 699 : с изм. и доп. от 12 дек. 2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Дикие животные [Электронный ресурс] // Экол. портал Респ. Беларусь. URL: https://ecoportal.gov.by/bioraznoobrazie/fauna/dikie-zhivotnye/#:~:text=Распространение%20улитки%20в%20пределах%20страны,(Мядельский%2C%20Минский%2C%20Несвижский%20и%20Клецкий) (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Распространение зеленых лягушек (Pelophylax esculentus complex) на территории Беларуси [Электронный ресурс] / Е. А. Куликова [и др.]. URL: https://studik.net/rasprostranenie-zelenyx-lyagushek-pelophylax-esculentus-complex-na-territorii-belarusi/?ysclid=min6rs4ndx669049613 (дата обращения: 11.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Змеи по полочкам. Почему производство яда гадюки пока остается хорошей, но нереализованной бизнес-идеей для нашей страны [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня : [сайт]. URL: https://www.sb.by/articles/zmei-popolochkam.html?ysclid=min7wmwszu308047461 (дата обращения: 11.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Пространственное распределение и промысловые ресурсы региональной популяции гадюки обыкновенной (Pelias Berus) в Беларуси [Электронный ресурс] // Природные ресурсы : [сайт]. URL: https://priroda.belnauka.by/jour/article/view/76?ysclid=min99965t6835998091 (дата обращения: 11.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Креветочное озеро в Беларуси. Уникальная креветка интересна только ученым [Электронный ресурс] // ИнвестБел : [сайт]. URL: https://produkt.by/storys/analitika/krevetochnoe-ozero-v-belarusi-unikalnaya-krevetka-interesna-tolko?ysclid=miodxqbj20284400483 (дата обращения: 11.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и порядке его исчисления [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 11 апр. 2022 г. № 219 : в ред. от 28 авг. 2025 г. № 468. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 340.153

Н. В. Еремеева
старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат философских наук

МИЛОСТЫНЯ КАК ПРИНЦИП СМЯГЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В РУССКОЙ ПРАВДЕ

Определяя понятие «милостыня» в языке книжников Древней Руси, необходимо указать, что под милостыней здесь подразумеваются возможности помогать, которые напрямую зависят от социального положения человека, любовь к ближнему и благонравие. Такая концепция получила распространение на Руси в связи с ее отражением в Изборнике 1076 г., составителем которого считается некий Иоанн Грешный, подвергший основательной переработке византийский Изборник 1073 г. В адаптированном к восточнославянским реалиям Изборнике 1076 г. правки коснулись не только языка и стиля, но и идеологии. Исследователи обоих вариантов текста утверждают, что Иоанн Грешный приспособил свой труд к интересам благочестивых светских читателей, отвечая на вопрос, как спастись в миру. В отрывке «О милостивом Созомене» вместо призыва к уходу от мира, как это было в оригинале, Иоанн помещает совершенно иное поучение [1, с. 118–119]. Житель Иерусалима Созомен, повстречав нищего, отдал ему свою одежду и в ту же ночь увидел в видении, что каждая милостыня стократ вознаградится у Бога, чему Созомен очень обрадовался и стал всегда благодетельствовать убогим и подавать милостыню, прославившись как человек щедрый [2, с. 693–705]. В конце отрывка Иоанн Грешный пишет: «Если восхочет самовольством и льготою без труда спасти душу свою, милостынею может спасти… и пожнет жизнь вечную» [2, с. 705–706]. Труд, под которым в данном случае подразумевается монашество, таким образом, противопоставляется милостыне. Милостыня же трактуется гораздо шире, чем просто материальное подаяние, что Иоанн Грешный доказывает словами из Нагорной проповеди о блаженстве милостивых, которые помилованы будут [2, с. 706]. Более того, исследователи подчеркивают, что поучение древнерусского книжника будто бы обозначает княжескую опору на силы народных масс и учет их интересов как милостыню [1, с. 120–121]. Народные массы в этом случае не пассивные подданные, но тоже подают князю свою милостыню — повиновение и послушание, как если бы оно оказывалось самому Богу, ибо князь Божий — слуга людям и поставлен миловать и казнить [1, с. 121]. Такое взаимное служение представляет собой мирской путь к спасению, и практикой

его становится милостыня, понятая в социально-политическом смысле как взаимная поддержка и доверие, своеобразный социальный капитал.

Это понимание милостыни имплицитно отразилось в эволюции такого памятника писаного права Древней Руси, как Русская Правда. Наличие двух редакций Русской Правды, краткой и пространной, может способствовать неверному представлению об одном и том же тексте, представленном в двух вариантах. На самом деле краткая редакция — это первоначальная запись сложившейся на Руси системы законодательных норм, которая датируется эпохой Ярослава Мудрого (XI в.), а пространная редакция появляется в XII–XIII вв., при Владимире Мономахе либо его сыне Мстиславе Великом, и представляет собой вторую кодификацию писаного русского права. Законодательная деятельность Владимира Мономаха была обусловлена изменениями социально-политического и религиозного характера, произошедшими на Руси за два столетия развития государства. Общая тенденция к смягчению законодательных норм была продиктована христианским мировоззрением самого великого князя и объективными тенденциями закрепления христианской морали в древнерусском обществе.

Уже краткая редакция Русской Правды утверждает связь правды и закона, правды и справедливости. Владимир Мономах обогащает законодательную мысль Древней Руси соотношением понятий правды и защиты. Так, норма о мести, вполне справедливая и законная «правда» во времена Ярослава для тех, кто в силах защитить себя сам [3, с. 491], век спустя требует корректировки. Круг мести ограничивается ближайшими родственниками, расширяется сфера применения штрафа (виры) [4, с. 496–499]. Упорядочиваются экономические отношения в области торговли и собственности, взимание процентов регламентируется «уставом о резах» [4, с. 505]. Однако особое попечение власть оказывает незащищенным категориям населения. К таким социальным группам относятся женщины, особенно вдовы, и дети, закупы и холопы. Так, закуп — должник — отвечает перед господином своим трудом, но не имуществом, и до тех пор, пока честно отрабатывает долг, он не подлежит обращению в полные холопы [4, с. 505]. Интересен и пример смягчения наказания для холопа, если он причинит телесные повреждения свободному человеку. Читаем в пространной редакции следующее: «Если холоп ударит свободного человека… если где найдет тот уваренный своего ответчика, который его ударил, то Ярослав постановил его убить, но сыновья после смерти отца постановили выкуп деньгами, либо бить его, развязав, либо взять гривну кун за оскорбление» [4, с. 507–509]. Так, наглядно отмечается изменение законодательной нормы в соответствии с принципом милостыни в отношении самого

непривилегированного слоя населения Руси. Ответственность холопа за кражу распространяется только на него самого, если его жена и дети не были его соучастниками [4, с. 517]. Таким образом, уязвимое положение закупов и холопов на социальной лестнице хотя бы отчасти компенсируется милостыней князя, которая в данном случае отражена в детальной регламентации их прав и наказаний, чтобы и они могли найти защиту в суде от несправедливого обвинения со стороны.

Большое внимание в пространной редакции Русской Правды уделяется наследству. Детальная регламентация вопросов о наследстве свидетельствует о развитии правового института наследования. Здесь милостыня власти адресована прежде всего детям и женщинам [4, с. 513–515] и обеспечивает их имущественные права. Отмечается и случай, когда у свободного человека дети от рабыни — в этой ситуации они не являются наследниками, но обретают свободу вместе с матерью [4, с. 513].

Владимир Мономах развивал и политическое понимание милостыни. В этой сфере оно связано с понятием добра. Добро — это забота о благе подданных, поэтому разрешать дела добром — значит избегать губительных последствий вражды, в том числе между князьями, разрешать споры мирно, не допускать по возможности войн и нестроений [1, с. 124]. Избавляться от врагов нужно не пролитием крови, а, как и от грехов, «покаянием, слезами и милостынею», тогда, по учению Владимира Мономаха, и зло можно победить, и царствие небесное обрести [5, с. 461].

Как писал известный исследователь древнерусской мысли С. В. Бондарь, «имманентная логика развития общества состоит в отказе от зла и работе на ниве добродеяния» [6, с. 181]. Через понятие милостыни мы приходим к пониманию добра и правды как политико-правовых категорий. С богословской точки зрения милостыней можно назвать благодать Нового Завета, с философско-исторической — новый этап развития общества, жизнь «по-христиански» и добрые дела как ее плоды. Житейско-бытовое понимание милостыни как материальной помощи неимущим расширяется в трактовке милостыни как заботы о ближнем. С правовой позиции милостыня — это имплицитный принцип эволюции древнерусской законодательной нормы в сторону смягчения наказания, что на определенном историческом этапе способствовало законной защите социального порядка и согласия как самодостаточных ценностей.

Список основных источников

1. Замалеев А. Ф. Философская мысль в Средневековой Руси (XI–XVII вв.). Л. : Наука, 1987. 249 с. Вернуться к статье

2. Изборник 1076 года : в 2 т. / сост. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко ; отв. ред. А. М. Молдован. М. : Рукопис. памятники Древ. Руси, 2009. Т. I. 744 с. Вернуться к статье

3. Русская Правда (краткая редакция) // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб. : Наука, 1997–2020. Т. 4. С. 490–495. Вернуться к статье

4. Русская Правда (пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб. : Наука, 1997–2020. Т. 4. С. 496–517. Вернуться к статье

5. Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб. : Наука, 1997–2020. Т. 1. С. 456–465. Вернуться к статье

6. Бондарь С. В. Антропологические воззрения святого Кирилла Туровского в контексте христианского учения о человеке. Часть 3 // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личности, в идеях. СПб. ; Казань, 2016. Вып. 6. С. 116–184. Вернуться к статье

УДК 004.056.53

Е. Е. Иванов
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь

СПОСОБЫ ПРИМЕНЕНИЯ КАНАРЕЕЧНЫХ ТОКЕНОВ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ

Современные информационные системы функционируют в условиях постоянного роста киберугроз. Полная защита информационной инфраструктуры остается недостижимой целью, в связи с чем особое значение приобретают средства раннего обнаружения вторжений, которые позволяют минимизировать угрозы и сократить время пребывания злоумышленника в системе.

Одним из перспективных направлений являются технологии и методы введения злоумышленника в заблуждение путем создания ложных объектов в информационной инфраструктуре. Частным случаем таких технологий, который практически не исследован в отечественной научной литературе, выступают канареечные токены (canary tokens) — легковесные цифровые маячки, встроенные в файлы, учетные данные или сетевые ресурсы и предназначенные для оповещения владельца о несанкционированном доступе.

Канареечные токены представляют собой компактный вариант маячка-ловушки по сравнению с ресурсоемкими системами-ловушками, или ханипотами (honeypots). В отличие от ханипотов, канареечные токены не нуждаются в выделенной инфраструктуре и интегрируются в существующую информационную среду организации. Принцип действия основан на встраивании в файл или ресурс триггера — уникального URL-адреса. При обращении к ресурсу триггер инициирует запрос к серверу мониторинга, который направляет владельцу уведомление с IP-адресом источника, временем обращения и идентификатором токена. Любое взаимодействие с токеном свидетельствует о несанкционированном доступе, поскольку в штатном режиме обращение к ложному ресурсу не предполагается.

По форме реализации выделяют следующие типы: токены учетных данных (имитация логинов, паролей, API-ключей); документарные токены (файлы DOC, PDF, XLSX с встроенным триггером); URL-токены; DNS-токены (фиктивные DNS-записи); пользовательские токены (записи реестра, каталоги, журналы событий).

Применение канареечных токенов специалистами по кибербезопасности направлено на сокращение времени обнаружения вторжения. Так, в компании Grafana Labs поддельные ключи облачного сервиса AWS позволили

обнаружить компрометацию в течение суток, поскольку при попытке злоумышленника проверить похищенные учетные данные немедленно сработал канареечный токен, заранее размещенный в базе [1].

Стоит отметить, что канареечные токены являются инструментом двойного назначения. Хакеры и специалисты, моделирующие действия злоумышленников, используют их в наступательных целях. Например, иранская APT-группа MuddyWater внедряла канареечные токены во вредоносные скрипты для дифференциации реальной жертвы от «песочницы» (sandbox) — изолированной среды для анализа подозрительных программ. При исполнении в «песочнице» скрипт генерировал один запрос к серверу, в то время как на реальном компьютере — два. При получении одного запроса вредоносная программа прекращала работу [1].

Вместе с тем технология имеет недостатки и уязвимости. Исследование Г. Мано, Д. Турусида и М. Н. Хаддад показало, что троян удаленного доступа (RAT) Meterpreter способен получить доступ к файлам с канареечными токенами без срабатывания маячка [2]. Также к недостаткам относятся распознаваемость стандартных доменов сервиса, возможность анализа XML-структуры документов для обнаружения встроенных URL-адресов и целенаправленное массовое срабатывание токенов для перегрузки центра мониторинга.

Правовые основания применения канареечных токенов в Республике Беларусь могут быть определены рядом нормативных правовых актов. Закон от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» устанавливает обязанность обладателей информации принимать меры по ее защите [3], что позволяет рассматривать канареечные токены как техническое средство обеспечения такой защиты. Поскольку их применение связано со сбором сведений о лице, инициировавшем срабатывание (IP-адрес, время, местоположение), необходимо соблюдение Закона от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» [4]. В свою очередь, Указ Президента от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности» позволяет квалифицировать канареечные токены как элемент системы мониторинга и реагирования на киберинциденты [5].

Таким образом, канареечные токены представляют собой эффективный инструмент раннего обнаружения несанкционированного доступа, применяемый как в защитных, так и в наступательных целях. Канареечные токены не являются универсальным решением и требуют использования в совокупности с иными средствами обеспечения информационной безопасности. Правовой анализ свидетельствует о допустимости их применения в Республике Беларусь

в качестве технического средства защиты информации и одного из элементов системы мониторинга и реагирования на киберинциденты.

Список основных источников

1. Kabiden D. Canary Tokens as a Strategic Component in Cybersecurity Defense and Red Teaming // TSARKA SCIENCE. 2026. Vol. 1, Iss. 1. P. 26–36. Вернуться к статье

2. Mano G., Turusida D., Haddad M. N. Exploring the Role of Canary Tokens in Detection and Backdoor Attacks in Windows Environments // Подготовка профессиональных кадров в магистратуре в эпоху цифровой трансформации (ПКМ-2024) : сб. лучших докл. V Всерос. науч.-техн. и науч.-метод. конф. магистрантов и их руководителей, Санкт-Петербург, 3–5 дек. 2024 г. : в 2 т. / СПбГУТ. СПб., 2025. С. 292–295. Вернуться к статье

3. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455 (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100099&p1=1 (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. О кибербезопасности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 14 февр. 2023 г. № 40 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32300040&p1=1 (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 94(47)«1987»

А. Е. Игнатович
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат исторических наук, доцент

ОБРАЗ МИЛИЦИИ В СЕРИИ ПЛАКАТОВ Н. П. ЧАРУХИНА ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

Образы милиции стали органичной частью советского плаката. Серия плакатов художника Н. П. Чарухина, созданных в 1987 г. [1], представляет собой уникальный источник, отражающий место милиции в советском обществе периода перестройки. Анализ плакатов позволяет выделить несколько ключевых аспектов агитации и пропаганды времен перестройки, связанных с милицией.

1987 г. стал переломным моментом в истории СССР, что напрямую влияло на содержание государственной пропаганды и, в частности, плаката. На январском пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев провозгласил курс на коренную перестройку экономической и общественной жизни. Лозунги «гласность», «демократизация» и «ускорение» стали официальными, но на практике общество столкнулось с нарастанием проблем: товарным дефицитом, инфляцией и обострением криминогенной обстановки. Работу органов внутренних дел осложняла неготовность всей государственной системы к кардинальным переменам. В этих условиях плакат должен был выполнять сложную функцию: укреплять авторитет правоохранителей и напоминать о незыблемости закона как основе порядка.

Представленные восемь плакатов образуют тематический цикл, который выходит за рамки простой ведомственной агитации. Это попытка создания своеобразного «идеологического портрета» советской милиции эпохи перестройки. Н. П. Чарухин (1934–2008) был опытным мастером, который с 1959 по 1990 г. активно сотрудничал с мастерской «Агитплакат» и ведущими издательствами страны («Изобразительное искусство», «Плакат», «Советский художник») [2]. Для его работ, созданных в 1987 г., характерны структурность и продуманность, обусловленные хорошей академической школой художника-плакатиста. Работы выполнены в технике классического советского плаката (офсетная печать с проработанным рисунком). Художник не прибегает к гротеску или карикатурности, его стиль — это умеренный реализм, призванный внушать доверие. Характерно использование сдержанных, но контрастных

цветов: отличительный цвет милицейской формы, красный — знамен, лозунгов и советской символики.

При этом образ милиционера в работах Н. П. Чарухина представляет собой сложный семиотический конструкт, который балансирует между традицией и вызовом времени. Милиционер предстает как собирательный образ. Это не конкретный человек, а воплощение государства. Строгий, подтянутый сотрудник статичен и монументален, что символизирует незыблемость закона даже в эпоху перемен. Введение сюжетных миниатюр вокруг центральной фигуры — это важный семиотический ход. Эти миниатюры раскрывают глаголы лозунгов плакатов («защищать», «сплотить», «покончить»). Они показывают милиционера многофункциональным защитником.

Слоганы на плакатах этой серии играют роль якоря, фиксирующего смысл: 1) «Защищать права и интересы граждан, утверждать социальную справедливость. Конституция — основной закон СССР»; 2) «Советская милиция — это союз идейно убежденных людей, стоящих на страже интересов и прав трудящихся»; 3) «Сражались на фронтах отцы и деды, Товарищей теряя боевых. Они добыли Родине Победу. Мы эстафету приняли от них»; 4) «Политработник — совесть коллектива Дело чести политработника — сплотить личный состав в отряд единомышленников, объединенных общей целью: борьбой за социальную справедливость»; 5) «Политическая учеба — фундамент глубокого понимания работником милиции политики Коммунистической партии Советского Союза»; 6) «Доверие партии и народа оправдаем делами»; 7) «Покончим с пьянством навсегда!»; 8) «Наш долг — сберечь природу для потомков!». С одной стороны, Н. П. Чарухин отражает новые задачи, поставленные перед советским обществом и, в частности, милицией (антиалкогольная кампания, внимание к экологии). С другой стороны, в большинстве представленных плакатов он апеллирует к традиционному для советского строя концепту, связанному с ключевой ролью коммунистической партии (значимость деятельности политработников, политическая учеба, идея социальной справедливости и т. д.). Важно, что использован образ Великой Отечественной войны: идеи преемственности, примера для подражания должны были поддержать милиционеров в эпоху перемен. У Чарухина милиционеры предстают в нескольких ипостасях, объединенных высокой моральной идеей: защитники социальной справедливости, наследники Победы, коллективный отряд единомышленников, спаянный общей целью. Это соответствует перестроечной риторике о человеческом факторе и важности морального климата.

Таким образом, серия плакатов Н. П. Чарухина 1987 г. — это попытка «перезагрузки» образа милиции в глазах общества. В условиях гласности и

нарастающей критики, когда любые промахи власти становились достоянием общественности, эти плакаты должны были работать на укрепление авторитета советской милиции. Автор балансирует между консерватизмом государственной системы и новыми смыслами, что отражает двойственность перестройки. Это не просто набор агитационных листов, а важный документ эпохи, целостный идеологический конструкт, созданный в переломный момент истории. Используя традиционную форму, плакатист наполнил образ милиционера новым содержанием, соответствующим перестроечным лозунгам, одновременно пытаясь удержать ускользающий идеал стабильности и порядка.

Список основных источников

1. Каталог советских плакатов по темам [Электронный ресурс] // Советские плакаты : [сайт]. URL: https://www.plakat-cccp.ru/?srsltid=AfmBOoreGFsVtW24DfY0XfKz1s2DVBY-KF6xs2WV8tXobbe9qlcgWWLO (дата обращения: 15.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Николай Петрович Чарухин (1934–2008) [Электронный ресурс] // Трамвай искусств : [сайт]. URL: https://tramvaiiskusstv.ru/plakat/spisok-khudozhnikov/item/416-charukhin-nikolaj-petrovich-1934-2008.html (дата обращения: 15.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.92

Р. Н. Козыренко
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат политических наук
Е. С. Новицкий
курсант 1 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ

В условиях современного миропорядка выбор обществом ценностей и идеалов, определяющих основы его развития и отражающих традиции и цели государственности, обусловливается в значительной степени исторической динамикой общественно-политических процессов.

Республика Беларусь продолжает свое развитие как государство, в центре которого находится человек, его права и свободы. Они составляют высшую цель и ценность белорусского государства и общества [1]. Постановка в Конституции Республики Беларусь вопроса о ценности человека имеет исключительную важность. Однако «для человека условия его общественного существования значат не меньше, чем прирожденные индивидуальные естественные права» [2, с. 11]. Поэтому развитие белорусского общества находит свое юридическое выражение в изменениях, вносимых в политическую систему, государственную и правовую организацию. При этом в сферу конституционного права перешли отдельные общественные отношения, которые ранее правом не регулировались.

Содержание Конституции Республики Беларусь и практика конституционного развития свидетельствуют, что легитимное нормативное закрепление в Основном Законе, прежде всего в его преамбуле, получили ценности и идеалы, выработанные в процессе исторического развития белорусского общества и государства, самоопределения белорусской нации [3, с. 9].

Значение преамбулы как раздела Конституции Республики Беларусь исключительно велико. Будучи вступительной частью Конституции, она излагает принципиальные положения, цели и задачи Основного Закона, обстоятельства и цели его принятия [4, с. 452]. Строгий отбор положений преамбулы, закрепляемых на высшем уровне, способствует повышению стабильности Основного Закона, его авторитета [5, с. 16].

Содержание преамбулы Конституции Республики Беларусь свидетельствует о том, что белорусским народом определены в качестве важнейших в первую очередь общечеловеческие ценности — универсальные ориентиры желаемого поведения и межличностных взаимоотношений, имеющие одинаковую значимость для всех или почти всех людей мира и служащие критериями моральной оценки человеческих поступков, а также основой для взаимопонимания и сотрудничества людей. Перечень этих ценностей в преамбуле не приводится, их конкретные проявления обусловлены историческими обстоятельствами. Такими ценностями прежде всего выступают устойчивые представления о жизни, здоровье, добре, истине, справедливости и иных явлениях, составляющих предмет изучения аксиологии.

Одновременно в преамбуле получили закрепление такие значимые ценности и идеалы белорусской нации, как мир, гражданское согласие, благополучие граждан и процветание Республики Беларусь [1]. Важное место при этом уделено истории развития белорусской государственности и культурно-историческому наследию белорусского народа: не случайно в этом разделе Конституции зафиксированы право народа Беларуси на самоопределение, незыблемость народовластия, независимость, сохранение национальной самобытности и суверенитета [1].

Эти исходные ценности и идеалы образуют наиболее общие начала белорусской государственности и организации белорусского общества. Будучи закрепленными в преамбуле Конституции Республики Беларусь, они получили признание как важная часть символического капитала белорусской нации — воспринятых от древних предков духовных ценностей и основанных на них коллективных и индивидуальных практиках жизнедеятельности; развивающиеся и кристаллизирующиеся на опыте сменяющих друг друга поколений такого рода духовные ценности и социальные практики служат факторами сплочения нации без применения административного или экономического принуждения.

Как указывает известный белорусский политолог В. А. Мельник, цивилизационная идентичность и социокультурная самобытность белорусского общества, традиционные идеалы и ценности белорусов, особенности их национального характера — все это взаимосвязанный комплекс факторов, влияющих на жизнедеятельность общества [6, с. 207].

В преамбуле содержатся иерархически высшие для остальных разделов Конституции и для национального законодательства положения. Белорусским народом сделан серьезный шаг вперед в развитии отечественного права, позволяющий белорусскому обществу и дальше развиваться в рамках собственной социокультурной традиции.

Закрепление в преамбуле Конституции Республики Беларусь ценностей и идеалов белорусского народа обусловлено также важной характеристикой Конституции как основного источника идеологии белорусского государства.

Конституция Республики Беларусь, выступая не только регулятором, но и стимулятором общественного развития, призвана способствовать не только защите сложившихся в белорусском обществе отношений по поводу символического капитала белорусской нации, но и их дальнейшему совершенствованию, стимулируя их развитие и вызывая к жизни новые из них. В этой связи, в частности, в числе конституционных обязанностей установлена обязанность граждан Республики Беларусь сохранять историческую память о героическом прошлом белорусского народа [1].

Такой подход создает дополнительные конституционные гарантии сохранения символического капитала белорусской нации, а жизненная практика свидетельствует, что отечественной науке конституционного права присуще объективное представление о реальных возможностях конституционного регулирования.

Список основных источников

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Чиркин В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М. : Зерцало, 1998. 448 с. Вернуться к статье

3. Конституция Республики Беларусь: научно-практический комментарий / под общ. ред. П. А. Миклашевича, О. И. Чуприс, Г. А. Василевича. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. 544 с. Вернуться к статье

4. Юрыдычны энцыклапедычны слоўнік / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: С. В. Кузьмін [і інш.]. Мінск : БелЭн, 1992. 636 с. Вернуться к статье

5. Теоретические основы советской Конституции : моногр. / Т. Е. Абова [и др.] ; отв. ред. Б. Н. Топорнин. М. : Наука, 1981. 287 с. Вернуться к статье

6. Мельник В. А. Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы / науч. ред. П. Г. Никитенко. Изд. 4-е, испр. и доп. Минск : Тесей, 2007. 280 с. Вернуться к статье

УДК 34.037

А. А. Маслакова
преподаватель кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь

ПРИНЦИП КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ПРИМИРИТЕЛЬНОЙ ПРОЦЕДУРЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЕГО НАРУШЕНИЕ

Укрепление правопорядка и защита прав граждан в Республике Беларусь напрямую зависят от повышения эффективности работы судей, адвокатов, медиаторов и иных лиц, участвующих в гражданском процессе, а также от строгого соблюдения законодательства, гарантирующего законные интересы каждого человека.

Урегулирование конфликтов и защита нарушенных прав и законных интересов участников гражданских отношений могут быть достигнуты как посредством вынесения судебного решения, так и посредством добровольного урегулирования спора, учитывающего взаимные интересы сторон. Мировой опыт, в частности юридическая практика Казахстана, Франции и США, свидетельствует о том, что эффективным методом урегулирования спорного правоотношения является примирение при содействии третьей стороны — примирителя. При обращении к процедуре медиации примирителем будет выступать медиатор, а при обращении к переговорам при содействии адвокатов — непосредственно сам адвокат.

Статья 165 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее — КГС) определяет конфиденциальность как основополагающий принцип примирения сторон [1]. Это означает, что информация, полученная в ходе примирительных процедур, является строго охраняемой. Доступ к ней предоставляется только уполномоченным лицам, чья деятельность непосредственно связана с ее обработкой. Любое несанкционированное раскрытие конфиденциальных данных третьим лицам является нарушением. Для обеспечения действенности принципа конфиденциальности необходимо наличие юридической ответственности за его несоблюдение.

Законодательство Республики Беларусь содержит нормы, регулирующие привлечение к ответственности лица, разгласившего конфиденциальную информацию. Статьи 28 и 29 Конституции гарантируют неприкосновенность частной жизни, корреспонденции и жилища [2]. Статья 179 (незаконное распространение сведений о частной жизни) и ст. 203^1 (незаконное

распространение персональных данных) Уголовного кодекса Республики Беларусь защищают право личности на защиту персональных данных [3]. Статья 23.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях содержит санкции за нарушение законодательства о защите персональных данных [4]. В ст. 172 КГС также указано, что примиритель не вправе нарушать принципы примирения сторон [1]. Таким образом, ключевым аспектом правовой парадигмы Беларуси является требование к сторонам гражданского процесса, включая примирителей, безусловно соблюдать принцип конфиденциальности.

С 2004 г. Республика Беларусь является активным членом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), участвуя в формировании международно-правовых норм в сфере торговли, включая арбитраж и согласительные процедуры. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой согласительной процедуре (далее — Типовой закон), предоставляющий государствам универсальную основу для принятия современных законов о примирительных процедурах, допускает разглашение информации, полученной в ходе примирения, в судебном разбирательстве. Это возможно, если раскрытие такой информации предписано законом или необходимо для реализации либо принудительного исполнения достигнутого сторонами соглашения [5]. То есть данный международный правовой акт трактует принцип конфиденциальности менее жестко, чем белорусский законодатель, и допускает разглашение некой приватной информации в качестве доказательства в гражданском процессе (п. 5 ст. 10 Типового закона) [5].

В случаях, когда стороны не достигают согласия в ходе примирительных процедур, разрешение спора передается на рассмотрение государственного суда. Тем не менее, законодательство (п. 3 ст. 171 КГС [1], п. 10 Правил проведения медиации [6]) налагает запрет на раскрытие в судебном процессе сведений, ставших известными в рамках примирения. Это обстоятельство приводит к увеличению сроков судебного разбирательства и не соотносится с принципом процессуальной экономии.

Итак, в рамках дальнейшего развития гражданского процессуального законодательства видится возможность дополнить КГС нормой, устанавливающей, что примиритель имеет право разглашать конфиденциальную информацию без согласия сторон в исключительных случаях в интересах правосудия, что будет соответствовать нормам международного права и коррелировать с Типовом законом ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой согласительной процедуре.

Список основных источников

1. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. : в ред. от 30 дек. 2025 г. № 126-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск : Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. 77 с. Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. ЮНСИТРАЛ. Типовой закон о международной коммерческой согласительной процедуре и Руководство по принятию и применению. 2002 год [Электронный ресурс]. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2004. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/03-90955_ebook.pdf (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Правила проведения медиации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 28 дек. 2013 г. № 1150 : в ред. от 24 июня 2020 г. № 368. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 340.132

Т. А. Некрашевич
адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Одним из ключевых направлений развития общества и государства является борьба с преступностью. Для этого государство использует различные средства и инструменты, среди которых особое внимание уделяется правовому воздействию. В целях более глубокого и детального изучения данного феномена следует исследовать функционирование правового воздействия в системе социального воздействия, в том числе выявить, как различные социальные регуляторы взаимодействуют с правом и каким образом их влияние отражается на поведении индивида в социуме.

Понятие «воздействие» в большинстве словарей определяется как оказание влияния на что-либо с целью достижения необходимого результата. Д. Н. Ушаков в «Толковом словаре современного русского языка» определяет воздействие в качестве системы действий, имеющих целью повлиять на кого-нибудь или что-нибудь [1, с. 89]. Воздействие в широком смысле также понимается как влияние, действие, операция, стимулирование, побуждение [2, с. 121].

Социальное воздействие является составной частью непосредственно воздействия и включает в себя все виды, формы, способы воздействия не только на поведение, но также и на сознание и мировоззрение людей, на сферу их интересов, потребностей и мотивов. Направления воздействия так же разнообразны, как и сферы человеческой деятельности, которые охватывает собой эта система: экономическое, правовое, психологическое, культурное, религиозное направления воздействия.

Определить место правового воздействия в системе социального воздействия невозможно без рассмотрения места и роли права в системе иных социальных регуляторов.

Существует целый ряд классификаций социальных норм, но традиционно выделяют следующие их виды: обычай, традицию, религиозные, моральные, корпоративные, политические и правовые нормы. Каждый вид социальных норм является определенным эталоном поведения в соответствующей сфере общественной жизни, а также имеет большое влияние в данной деятельности.

Например, право регулирует наиболее важные стороны общественной жизни (вопросы собственности и власти и др.), мораль разрешает дилемму справедливости и нравственности. Однако следует подчеркнуть, что у социальных норм нет четких границ, т. к. они постоянно взаимодействуют и оказывают влияние друг на друга.

Помимо этого, некоторые социальные регуляторы выступают в качестве «контролеров» при воздействии иных социальных регуляторов. К примеру, религия и мораль часто определяют границы правового воздействия, когда правовая норма идет вразрез с требованиями религии или морали. Данная контролирующая функция социальных регуляторов нередко противодействует различным злоупотреблениям.

Также следует акцентировать внимание на том, что эффективность воздействия различных социальных норм возможна в той степени, в которой их требования, предъявляемые человеку, соответствуют их внутренним установкам и убеждениям. При расхождении требований социальной нормы и внутренних императивов человека происходит не только внутренний конфликт у конкретного человека, но и уменьшается эффективность воздействия соответствующих социальных регуляторов.

Помимо вышеизложенного, для определения места и роли правового воздействия в системе социального воздействия следует выявить признаки, характеризующие правовое воздействие.

Правовое воздействие проявляет себя в различных сферах общественной жизни, в том числе отражается в сфере правового регулирования. В связи с этим следует предложить первый признак правового воздействия, а именно его социально-юридический характер. Л. Н. Берг полагает, что характерная черта категории «правовое воздействие» выражается в том, что она принадлежит и миру социальных отношений, и миру правовых явлений [3, с. 97]. Следует согласиться с тем, что отличительным признаком правового воздействия является его двойственный характер. Именно правовое воздействие создает сферу социально-правового взаимодействия человека с правом, в которой они проходят правовую социализацию и обретают свою правовую идентичность.

В качестве второго признака необходимо рассмотреть управленческую природу правового воздействия. Сразу следует отметить, что управление обществом является закономерным и необходимым процессом, с помощью которого можно согласовать и организовать совместную деятельность людей, а также их отношения между собой.

Д. А. Керимов к определяющим признакам любого управления относит поддержание определенного порядка, выполнение общих функций в процессе

совместного труда, согласование индивидуальной и коллективной деятельности [4, с. 78].

Третьим признаком правового воздействия, характеризующим его в системе социального воздействия, является его специфический инструментарий. Правовое воздействие оказывает влияние на сознание и поведение людей не только системой юридических средств (нормами права, актами применения и реализации права и др.), но и неюридическими средствами (информационными, психологическими, воспитательными, организационными и др.), которые определяют особенности сознания и мотивов поведения человека в юридически значимых ситуациях. Данная уникальная совокупность юридических и неюридических средств воздействия влияет на жизнь человека и общества.

Исходя из анализа взаимодействия социальных норм, а также определения ключевых признаков правового воздействия, можно сделать вывод о том, что правовому воздействию уделяется особое внимание в системе социального воздействия. При этом направления социального воздействия не изолированы друг от друга, а активно взаимодействуют и воздействуют друг на друга. Каждый вид социальных норм имеет свои недостатки, однако, действуя в рамках системы социального воздействия, они влияют на различные сферы человеческой деятельности, обеспечивая всю целостность и полноту социального воздействия, в целях укрепления законности и правопорядка в обществе.

Список основных источников

1. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с. Вернуться к статье

2. Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / авт.-сост.: Л. Г. Бабенко [и др.] ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 836 с. Вернуться к статье

3. Берг Л. Н. Об основных гносеологических проблемах формирования модели правового воздействия // Государство и право. 2018. № 3. С. 97–101. Вернуться к статье

4. Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М. : Аванта+, 2000. 484 с. Вернуться к статье

УДК 349.22

Н. В. Пушко
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат экономических наук, доцент

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕССЕНДЖЕРОВ КАК ИНСТРУМЕНТОВ КОРПОРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время развитие цифровых технологий меняет многие процессы, в том числе и коммуникационные. Появление новых средств и каналов виртуальной коммуникации дают коммуникантам возможность оптимизировать инструменты для общения, что, несомненно, имеет свои положительные черты, однако может вызывать и некоторые сложности ввиду отсутствия нормативного правового регулирования использования корпоративных чатов в мессенджерах для связи как между самими работниками по профессиональным вопросам, так и для их взаимодействия с руководителем. Одной из насущных проблем такой интерактивности является отсутствие регулирования количества времени, которое затрачивает работник для просмотра и анализа имеющейся в чате информации.

На данный момент достаточно широкое распространение получили как официальные чаты, создаваемые руководством для информирования сотрудников, документооборота, постановки задач, так и чаты, создаваемые лично сотрудниками и предназначенные для оперативного решения возникающих в процессе трудовой деятельности вопросов. К наиболее распространенным из них можно отнести служебные переписки, создаваемые в таких популярных мессенджерах, как WhatsApp, Telegram, Viber и др., и корпоративные каналы связи, создаваемые на основе собственного IT-потенциала организации.

В настоящее время отсутствие правовой регламентации использования мессенджеров как каналов коммуникации может приводить к возникновению неурегулированных разногласий между нанимателем и работниками, особенно по поводу условий труда, режима труда и отдыха. Поэтому правовое закрепление «режима мессенджеров», в том числе и на локальном уровне, через установление норм в Правилах внутреннего трудового распорядка (далее — ПВТР) организации позволит не только оптимизировать работу системы коммуникации внутри предприятия, но и защитить трудовые права работника.

Целесообразно было бы установить в нормах ПВТР следующие положения:

1. Работник выражает свое добровольное письменное согласие на использование личного мессенджера, а также имеет право отозвать такое согласие в любое время.

2. Работнику гарантируется обеспечение необходимыми средствами для использования мессенджеров при выполнении трудовых обязанностей (выдача корпоративной сим-карты или мобильного телефона с установленным приложением), в частности, в случаях, если наниматель обязывает работника использовать определенное программное обеспечение или приложение-мессенджер.

3. Устанавливается денежная компенсация за использование личного мобильного устройства и Интернета при коммуникации в рабочих целях.

4. Доступность работника в чате должна определяться исходя из установленного режима рабочего времени и наличия сверхурочной работы.

5. Фиксируется запрет для нанимателя использовать коммуникационный канал в мессенджере в нерабочее время, и одновременно закрепляется право работника не выходить на связь интерактивно при наступлении времени отдыха.

6. Работник вправе требовать перехода на корпоративные каналы связи (рабочая электронная почта, служебный аккаунт) в случае, если использование личного устройства не позволяет ему должным образом реализовывать свое право на отдых.

Данные правила могут быть закреплены не только в ПВТР, но и в трудовом договоре с работником.

Отечественным законодательством, исходя из толкования ст. 29^1 Трудового кодекса Республики Беларусь [1], установлено, что обмен информацией с дистанционным работником допускается в электронном виде, но при условии, что используются программно-технические средства, позволяющие нанимателю однозначно идентифицировать работника (с использованием электронной цифровой подписи) и обеспечивающие контроль над передаваемой информацией. Таким образом, мессенджеры, установленные на персональных устройствах работника, в отличие от, например, корпоративных платформ, не отвечают данным критериям. Следовательно, и передача рабочих документов при дистанционной работе через них не может считаться правомерной.

Также немаловажной проблемой является и то, что корпоративное взаимодействие происходит через мессенджеры, установленные на персональный смартфон из личного аккаунта, и утрата такого устройства с рабочей

информацией может повлечь достаточно серьезные негативные последствия. В связи с тем, что вопросы использования корпоративных чатов не урегулированы в рамках внутренних локальных правовых актов, наниматель лишается законных оснований привлечь, например, утерявшего телефон работника к ответственности, т. к. правового акта, обязывающего сотрудника отвечать за сохранность информации, которая была ему передана через мессенджер, не существует. Поэтому было бы целесообразно детально регламентировать вопросы, связанные с утратой коммерческой информации в ПВТР, установив следующее:

1) передача рабочей информации возможна только через защищенную электронную почту или же корпоративные защищенные каналы коммуникации;

2) информация удаляется сразу же после ее использования.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что развитие цифрового общества меняет средства и каналы коммуникации в нем, и появление новых коммуникационных инструментов, в том числе более активное использование мессенджеров в корпоративном общении, требует от законодателя новых подходов в урегулировании данного вопроса. Нерешенность проблемы использования корпоративных чатов в мессенджерах в рамках правового поля является актуальным вызовом, стоящим перед трудовым правом и требующим детального изучения.

Список основных источников

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 9 дек. 2025 г. № 110-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.92

Е. В. Соколов
доцент кафедры управления органами внутренних дел
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Историческое развитие организованной преступности демонстрирует переход от локальных, территориально закрепленных групп к сложным сетевым структурам, нередко интегрированным в легальную экономику и политические процессы. Классические мафиозные и иерархические сообщества уступают место гибридным образованиям, использующим как традиционные криминальные практики, так и высокотехнологичные способы извлечения преступных доходов.

Современный этап характеризуется глобализацией преступности, когда преступные сообщества действуют сквозь государственные границы, опираясь на международные финансовые потоки, средства связи, транспорт и цифровые коммуникации [1, с. 23]. В результате формируется транснациональное криминальное пространство, способное конкурировать с государством за контроль над ресурсами, территориями и ключевыми сегментами экономики.

Важной тенденцией стала возрастающая восприимчивость организованной преступности к достижениям научно-технического прогресса, включая использование сложных финансовых инструментов, криптовалют, а также информационно-телекоммуникационных технологий [2, с. 79]. Наблюдается дальнейшее взаимопроникновение организованной преступности и легального бизнеса, а также коррупционное влияние на органы власти и управления. Такая интеграция позволяет преступным структурам использовать легальные организационно-правовые формы, государственные контракты и приватизационные механизмы для легализации доходов и расширения сфер влияния [3, с. 28].

Государственная политика противодействия преступности рассматривается как системное направление деятельности государства, направленное на разработку и реализацию стратегии и тактики организованного противодействия преступным посягательствам. В ее рамках противодействие организованной преступности выступает приоритетным направлением, учитывая масштабы ущерба и угрозу национальной безопасности.

Основной целью противодействия организованной преступности признается минимизация ее влияния на ключевые сферы общественной жизни до уровня, не угрожающего устойчивому развитию, правам граждан и реализации государственных программ. Для достижения этой цели требуется сочетание уголовно-правовых, оперативно-разыскных, организационно-управленческих, финансово-контрольных и превентивных средств.

Международно-правовое регулирование основывается на универсальных и региональных конвенциях, соглашениях об экстрадиции и правовой помощи, а также Конвенции ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью. Эти документы задают ориентиры для гармонизации национального законодательства, унификации составов преступлений и усиления международного сотрудничества компетентных органов.

В современных условиях приоритеты государственной политики целесообразно формировать с учетом комплексного характера угроз и необходимости сочетания силовых и превентивных мер. Речь идет не только о выявлении и пресечении уже существующих преступных структур, но и о воздействии на социально-экономические и институциональные факторы, способствующие воспроизводству организованной преступности.

К ключевым приоритетам относятся:

1. Совершенствование законодательного регулирования, включая уточнение понятийного аппарата, расширение перечня преступлений организованного характера и усиление ответственности за участие в криминальных сообществах.

2. Развитие специализированной системы органов и подразделений по борьбе с организованной преступностью, основанной на принципах вертикальной подчиненности, межведомственности и оперативной координации. Важное значение имеет создание устойчивых каналов обмена информацией, проведение совместных операций и формирование единых стандартов аналитической работы.

3. Подрыв экономической основы организованной преступности за счет усиления финансового мониторинга, контроля за движением капитала, пресечения отмывания доходов и изъятия преступных активов. Эффективность таких мер напрямую связана с прозрачностью финансовых систем, взаимодействием с банковским сектором и использованием современных аналитических инструментов.

4. Противодействие коррупции как системообразующему фактору устойчивости организованных преступных структур. Приоритетными являются

меры по укреплению антикоррупционной инфраструктуры, защите добросовестных служащих и внедрению механизмов общественного контроля за деятельностью органов власти.

5. Развитие международного сотрудничества в сфере обмена оперативной информацией, совместных расследований, экстрадиции и конфискации активов, размещенных за рубежом.

6. Разработка и реализация государственных программ, нацеленных на снижение социальной базы организованной преступности, в том числе за счет борьбы с маргинализацией и люмпенизацией населения.

Реализация обозначенных приоритетов требует совершенствования механизмов стратегического планирования, контроля и оценки эффективности государственной политики противодействия организованной преступности. Важное значение имеет кадровое обеспечение, включающее профессиональную подготовку, переподготовку и специализацию сотрудников правоохранительных органов. Отдельное направление связано с внедрением современных информационно-аналитических систем, позволяющих обрабатывать большие массивы данных о финансовых операциях и миграционных потоках.

Эволюция форм организованной преступности демонстрирует ее высокую адаптивность к изменениям в экономике, политике и технологиях, что делает данное явление одним из наиболее сложных вызовов для современного государства. В этих условиях приоритеты государственной политики противодействия должны строиться на принципах комплексности, межведомственной координации, международного сотрудничества и опоры на научно обоснованные концепции. Такой подход позволяет не только нейтрализовать уже существующие структуры, но и сдерживать формирование новых криминальных конфигураций в условиях глобализирующегося мира.

Список основных источников

1. Гилинский Я. И. Глобализация и преступность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2008. № 2 (15). С. 23–33. Вернуться к статье

2. Аносов А. В. Цифровые детерминанты коррупционной преступности // Тр. Акад. упр. МВД России. 2023. № 1 (65). С. 77–85. Вернуться к статье

3. Соколов Е. В. Правовое обеспечение и организация деятельности территориальных органов МВД России по противодействию преступности транснационального и межрегионального характера : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.11 / Акад. упр. МВД России. М., 2019. 221 с. Вернуться к статье

УДК 17.022.1:351.74

А. Н. Толочко
начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИМИДЖЕЛОГИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ОСНОВЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

Правоохранительная деятельность органов внутренних дел (далее — ОВД) «органически вплетена в социальную жизнь общества, определяется ею и сама воздействует на нее» [1, с. 9]. Как следствие, эффективность этой деятельности зависит от уровня доверия людей к милиции, от их готовности сотрудничать с ней, оказывать ей помощь в борьбе с правонарушениями. Поэтому важно формировать положительный имидж ОВД в представлении граждан, тем более с учетом того, что работа милиции находится «под пристальным вниманием общественности» [2, с. 194].

В последние годы появилось немало публикаций, посвященных исследованиям имиджа ОВД, однако в этих исследованиях, как правило, затрагиваются отдельные вопросы формирования имиджа ОВД, в них нет системного характера, должной методологической базы и, более того, далеко не всегда соблюдаются требования терминологической однозначности.

В этой связи следует заметить, что научные представления об имидже развиваются в самых разных научных дисциплинах: социологии, социальной философии, политологии, экономике, педагогике, психологии, культурологии, коммуникативистике, медиалогии, лингвистике, антропологии и т. д. [3, с. 45; 4, с. 3], причем «каждая наука вносит свой вклад, высвечивая определенную грань изучения данного явления» [5, с. 19].

Таким образом, исследования имиджа в целом имеют междисциплинарный характер, на что прямо указывается в ряде публикаций [4, с. 3; 6, с. 3; 7, с. 22; 8; 9, с. 9]. Такие разноплановые исследования имиджа привели к созданию самостоятельной научной дисциплины — имиджелогии, в которой изучаются способы формирования имиджа, закономерности функционирования имиджа и управления им, а также связи и отношения субъекта имиджа и социальных групп [10].

В общем случае имиджелогия представляет собой единое «междисциплинарное научное направление, сочетающее результаты исследований ряда наук» [4, с. 3]. По специфике профессиональной деятельности имиджелогия делится

на отдельные виды [11, с. 11], среди них наиболее развиты политическая, предпринимательская и педагогическая имиджелогии. В рамках такой специализации для различных сфер профессиональной деятельности рассматриваются особые пути формирования имиджа с учетом особых характеристик имиджируемых социальных субъектов и социальных групп, с которыми они взаимодействуют.

Междисциплинарность имиджелогии предполагает возможности проведения исследований имиджа на основе методологического междисциплинарного (далее — МД) подхода. Однако такой подход до сих пор не получил распространения как в исследованиях имиджа, так и в других социологических исследованиях, хотя целесообразность его использования в социологии не вызывает сомнений [12, с. 25].

Так, в работе, посвященной анализу проблем исследований в области прав человека на основе МД-подхода, отмечается: «…несмотря на преимущества этого подхода, знакомясь с получаемыми в результате междисциплинарных исследований научными продуктами, сегодня нечасто можно констатировать, что междисциплинарность в них реализована. Многие (если не большинство) исследования, задуманные и позиционируемые как междисциплинарные, в итоге по сути представляют собой совокупность исследований монодисциплинарных» [14, с. 7]. Это объясняется сложностью проведения междисциплинарных исследований, обусловленной «несовпадением концептуальных основ и методологических подходов представителей разных дисциплин» [14, с. 9].

Представляется интересным обсуждение вопросов разработки методологии исследований имиджа ОВД на основе МД-подхода. Решение этих вопросов является актуальным для обеспечения положительного имиджа не только ОВД, но и всей правоохранительной системы в целом, с учетом различных показателей, влияющих на имидж ее отдельных ведомств [13, с. 54].

При проведении исследований имиджа ОВД на основе МД-подхода следует руководствоваться соответствующей методологией, при ее разработке можно учитывать результаты ранее выполненных исследований в области развития (совершенствования) оперативно-розыскной деятельности ОВД на основе использования МД-связей [15]. В частности, с учетом этих результатов можно разработать методологические положения, определяющие особенности применения МД-подхода к развитию (совершенствованию) имиджелогии ОВД, в первую очередь методов формирования имиджа ОВД. Возможные варианты формулировок этих положений в общем виде представлены ниже.

1. Сущность МД-подхода к развитию имиджелогии ОВД заключается в создании ее МД-связей, под которыми понимаются подобные по содержательно-смысловым характеристикам фрагменты научных знаний (научных данных, научных методик и т. п.), имеющиеся и в имиджелогии ОВД, и в других видах имиджелогий и играющие роль связеобразующих элементов.

МД-связи имиджелогии ОВД создаются путем целенаправленного заимствования имиджелогией ОВД различных элементов из других видов имиджелогий, благодаря чему обеспечивается развитие имиджелогии ОВД, так что процесс формирования МД-связей по сути является процессом их использования. Заимствование этих элементов не является чисто механической процедурой, а предполагает их специальную доработку (корректировку) для лучшего «встраивания» в имиджелогию ОВД.

Главная цель развития имиджелогии ОВД на основе МД-подхода — совершенствование методов формирования положительного имиджа ОВД, повышения его общественной значимости.

2. Алгоритм создания МД-связей имиджелогии ОВД включает следующие этапы: 1) выявление потенциальных связей (предварительное определение фрагментов содержания разных видов имиджелогий, подходящих для заимствования имиджелогии ОВД; 2) отбор связей (сравнительная оценка возможного влияния потенциальных связей на развитие имиджелогии ОВД и окончательный отбор связей для заимствования); 3) собственно создание связей (перенос фрагментов содержания разных видов имиджелогий в соответствующие места содержания имиджелогии ОВД и их доработка).

3. Потенциальные МД-связи имиджелогии ОВД выявляются следующими путями: 1) сначала устанавливаются проблемы имиджелогии ОВД, которые не могут быть решены за счет ее собственного арсенала научных знаний (включая обнаружение новых проблем и констатацию ранее известных проблем), после чего ведется поиск готовых решений этих проблем в виде фрагментов содержания разных видов имиджелогий, в которых заложены ответы на поставленные вопросы; 2) сначала выявляются фрагменты содержания разных видов имиджелогий, заимствование которых имеет потенциальный интерес для развития имиджелогии ОВД, после чего ведется поиск мест в содержании имиджелогии ОВД, перенос в которые заимствуемых фрагментов будет способствовать наилучшему развитию имиджелогии ОВД.

Таким образом, разработаны методологические положения развития имиджелогии ОВД на основе МД-подхода. Поскольку рассмотренные формулировки методологических положений носят предварительный характер и даны

в общем виде, то они нуждаются в дальнейшем уточнении и дополнении, пояснении и обосновании.

Список основных источников

1. Аврутин Ю. Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел (государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования) : автореф. дис. … д-ра юр. наук : 12.00.02 / С.-Петерб. акад. МВД России. СПб., 1998. 46 с. Вернуться к статье

2. Вопросы повышения авторитета сотрудников полиции в современном российском социуме / Д. А. Картавцев [и др.] // Вопросы рос. и междунар. права. 2020. Т. 10, № 7А. С. 193–199. Вернуться к статье

3. Калюжная Е. Г. Имидж: предыстория и культурологическое обоснование феномена // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2006. Т. 47, № 12. С. 45–52. Вернуться к статье

4. Ресурсы массовой коммуникации в формировании страновых имиджей / И. В. Сидорская [и др.] ; под ред. И. В. Сидорской. Минск : БГУ, 2016. 191 с. Вернуться к статье

5. Бунчук С. В. Педагогическое сопровождение формирования профессионального имиджа офицера-преподавателя военного вуза : дис. ... канд. пед. наук : 5.8.7 / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2022. 183 л. Вернуться к статье

6. Вакуленко Р. Я., Колосова В. В. Социальная значимость имиджа вуза: проблемы и перспективы междисциплинарных исследований [Электронный ресурс] // Науковедение. 2013. Вып. 6. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/182EVN613.pdf (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Герасимова Г. И. Междисциплинарный характер категории «имидж» // Сб. науч. тр. в честь проф. К. В. Киуру. СПб. : С.-Петерб. ГЭУ, 2017. С. 22–24. Вернуться к статье

8. Шестак О. В. Источники для изучения имиджа музея: к формированию междисциплинарного подхода // Вестн. КемГУКИ. 2018. № 44. С. 85–90. Вернуться к статье

9. Дроздова Ю. А. Имидж региона в стратегии развития территории : моногр. Волгоград : Изд-во Волгогр. ин-та упр. — фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2021. 396 с. Вернуться к статье

10. Байтурбаева А. Т. Категория «политический имидж лидера» в политологии [Электронный ресурс] // Вестн. КГТУ. 2015. № 2. URL: https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KNUBAJTURBAEVAA.T.2015-2.pdf (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

11. Шепель В. М. Имиджелогия : учеб. пособие. М. : Нар. образование, 2002. 254 с. Вернуться к статье

12. Зборовский Г. Е. Междисциплинарность и плюрализм методологических подходов в социологическом исследовании // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 25–31. Вернуться к статье

13. Междисциплинарные исследования в области прав человека / Т. П. Афонченко [и др.]. 2-е изд. Минск : Экоперспектива, 2020. 220 с. Вернуться к статье

14. Мордвинов К. В., Удавихина У. А. Имидж правоохранительных органов: актуальное состояние и практики его улучшения // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 3. С. 53–60. Вернуться к статье

15. Толочко А. Н. Принципы развития теории и практики оперативно-розыскной деятельности на основе использования междисциплинарных и межпрактических связей : моногр. / учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2022. 291 с. Вернуться к статье

УДК 94(476)«1954»

А. Н. Тютюнков
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат исторических наук

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ Г. МОГИЛЕВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ В 1954 Г.

Отечественный опыт привлечения населения к охране правопорядка и борьбе с преступностью давно интересует исследователей истории правоохранительных органов. Во многом определяющим дальнейший ход исторических событий в БССР документом стало постановление Центрального комитета ВЛКСМ от 25 июня 1954 г. «О борьбе комсомольских организаций с проявлениями хулиганства среди молодежи» (далее — Постановление) [1, с. 319–320], которое определяло порядок и формы участия комсомольских организаций в борьбе с преступностью. Его появление было предсказуемо, т. к. после проведения в 1953 г. амнистии в стране в целом и в Могилевской области в частности значительно вырос уровень преступности [2, с. 168]. Целью нашего исследования стала деятельность комсомольских организаций г. Могилева по реализации данного нормативно-правового акта в первое полугодие с момента его появления. Источниковой базой стали документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Могилевской области: письма, докладные записки, справки, постановления областного комитета ВЛКСМ (далее — Обком) и управления внутренних дел (далее — УВД), т. е. те структуры, которые непосредственно должны были реализовывать Постановление.

Так, 27 сентября 1954 г. Центральный комитет комсомола Беларуси обращает внимание секретаря Обкома на неудовлетворительную организацию по выполнению Постановления, т. к. в августе – сентябре 1954 г. был отмечен рост преступности среди молодежи. В документе определялись конкретные формы работы: участие комсомольцев в охране общественного порядка совместно с милицией, дежурство комсомольского актива в общественных местах, создание вокруг хулиганов, пьяниц и нарушителей общественного порядка «нетерпимой обстановки общественного мнения» [3, л. 56–57]. При этом критика со стороны руководства белорусского комсомола была вполне обоснованной, т. к. по состоянию на начало октября 1954 г. статистика по уголовной преступности выглядела следующим образом: в июне количество

молодежи комсомольского возраста, привлеченной к уголовной ответственности, составляло 25,1 %, в июле — 24,3 %, в августе — 27,6 %, в сентябре — 31,5 %. И из 188 человек, совершивших хулиганство за 8 месяцев 1954 г. 101 человек относился к данной категории граждан [4, л. 44–45].

Приведем ряд характерных примеров. Так, группа комсомольцев в количестве пяти человек (возраст 17–18 лет), находясь в нетрезвом состоянии на ул. Челюскинцев, напали на рабочего завода № 511 и его девушку и избили их; молодой человек — учащийся техникума, член ВЛКСМ, 1934 года рождения, был задержан за хулиганство в нетрезвом виде на станции Могилев-1; группа рабочей молодежи стройтреста № 78 устроила коллективное распитие спиртных напитков в помещении общежития и при прибытии представителей комсомольской организации — затеяла с ними драку [5, л. 39–40].

Обком отреагировал решением о роспуске городского комсомольского штаба по борьбе с хулиганством, созданием аналогичных штабов при всех четырех отделениях милиции города. За каждым штабом были закреплены комсомольские организации конкретных предприятий. Например, за штабом при 4-м отделении милиции — первичные организации торфозавода «Гребенево», локомобильного завода, мясокомбината, завода «Красный металлист», артели «Победа», стройплощадки № 3, СМУ-Белхладстрой. Каждой из первичных организаций устанавливалась квота (от 3 до 35 человек) на направление комсомольцев в бригады содействия милиции [6, л. 54–55].

Требуется отметить, что в столь короткий срок, несмотря на принятые меры, исправить ситуацию не удалось, и уже в декабре 1954 г. бюро Центрального комитета комсомола Беларуси отметило, что в ряде городов, таких как Минск, Гродно, Гомель, Витебск, Могилев, продолжается рост молодежной преступности. По итогам заседания были приняты конкретные решения с указанием форм и методов работы с данной категорией населения. Так, была установлена практика обязательного обсуждения в комитетах комсомола и на комсомольских собраниях всех фактов хулиганства и других аморальных проявлений со стороны членов ВЛКСМ, возобновлена работа штабов в соответствии с административно-территориальным делением, активизировано освещение недостатков в деятельности комсомольских организаций на страницах печатных изданий и т. д. [7, л. 51–53].

Приведенные факты показывают, что на всех уровнях управления государством пришло осознание того, что без широкого участия населения в охране общественного порядка и борьбе с преступностью в стране в целом и конкретно взятом населенном пункте в частности достигнуть улучшения состояния правопорядка невозможно. Авангардную роль в этом должна была сыграть самая

инициативная часть населения — молодежь, в том числе г. Могилева. И, соответственно, возглавить ее должен был ВЛКСМ. Однако в первые месяцы реализации Постановления ситуация осложнялась отсутствием опыта данной работы у комсомольских организаций г. Могилева, в том числе опыта взаимодействия с милицией. Вторая половина 1954 года стала периодом выработки эффективных форм и методов профилактической работы с молодежью города.

Список основных источников

1. Очерки истории милиции Белорусской ССР. 1917–1987 / В. Н. Савичев [и др.] ; под ред. В. А. Пискарева. Минск : Беларусь, 1987. 535 с. Вернуться к статье

2. Тютюнков А. Н. О результатах работы милиции Могилевской области за 1953 год // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. арт. удзельнікаў XIV Міжнар. навук. канф., г. Магілёў, 27–28 чэрв. 2025 г. / Музей гісторыі Магілёва ; уклад. С. І. Бяспанскі. Жлобін, 2025. С. 165–170. Вернуться к статье

3. Записка по «ВЧ» секретарю Могилевского обкома ВЛКСМБ от 27.09.1954 г. // Государственный архив Могилевской области (ГАМгО). Ф. 4513. Оп. 1а. Д. 34. Л. 56–57. Вернуться к статье

4. Справка о состоянии преступности и нарушении общественного порядка среди комсомольцев и молодежи в возрасте до 25 лет от 07.10.1954 г. // ГАМгО. Ф. 4513. Оп. 1а. Д. 34. Л. 44–45. Вернуться к статье

5. Справка о состоянии преступности и нарушении общественного порядка среди комсомольцев и молодежи в возрасте до 25 лет и детской беспризорности и безнадзорности по г. Могилеву за 1954 г. от 04.11.1954 г. // ГАМгО. Ф. 4513. Оп. 1а. Д. 34. Л. 39–43. Вернуться к статье

6. Постановление заседания бюро Могилевского ГК ВЛКСМБ от 15.10.1954 г. // ГАМгО. Ф. 4513. Оп. 1а. Д. 34. Л. 54–55. Вернуться к статье

7. Выписка из протокола № 25 заседания бюро ЦК ЛКСМ Белоруссии от 11 декабря 1954 года № 26/8 от 20.12.1954 г. // ГАМгО. Ф. 4513. Оп. 1а. Д. 34. Л. 51–53. Вернуться к статье

УДК 342

О. В. Чмыга
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина,
кандидат юридических наук, доцент
К. А. Кохнович
студент 3 курса юридического факультета
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Информационно-коммуникационные технологии выступают как основа осуществления государственного управления, функционирования мировой экономики и развития предпринимательской деятельности. Развитие информации и электронных технических средств оказывает серьезное влияние на процессы государственного управления [1, с. 619].

Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к созданию нового технологического уклада мировой экономики, при котором хозяйственная деятельность осуществляется с применением как новых компьютерных технологий, так и систем электронных телекоммуникаций, прежде всего — глобальной сети Интернет [2, с. 161]. Ежедневный рост числа пользователей и объемов обрабатываемой информации, внедрение электронного правительства, биометрических данных, облачных вычислений пропорционально увеличивают уязвимость информационных систем и требуют анализа ключевых нормативных актов, которые являются основой защиты информации в сети Интернет.

1. Конституция Республики Беларусь — основной источник правового регулирования, в том числе в сфере информационной безопасности и защиты информации в сети Интернет. Она гарантирует право граждан на получение, хранение и распространение информации, а также обеспечивает защиту личной жизни и персональных данных [3].

2. Основным законом, регулирующим защиту информации, является Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее — Закон) [4]. Законодатель указывает классификацию информации, основополагающую терминологию и правовой статус владельцев информационных ресурсов и т. д. Для минимизации пробелов в сфере защиты информации предлагаем внесение и закрепление в Законе дефиниции «дипфейк», под которым понимаются аудио-, видео-,

фотоматериалы, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта, искажающие внешние, голосовые данные, а также действие и (или) бездействие лица, создавая ошибочное впечатление об их подлинности.

3. Законодатель уделяет внимание защите персональных данных. В 2021 г. принят Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», регулирующий вопросы обработки персональных данных, а также устанавливающий права субъектов персональных данных и обязанности операторов, осуществляющих их обработку [5]. Предлагаем введение термина «синтетические персональные данные», под которым понимается искусственно созданная информация, созданная на основе подлинных данных, сохраняющая свойства оригинала, не позволяющая идентифицировать конкретное физическое лицо.

4. Важный элемент правового регулирования защиты информации в сети Интернет — Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности», который устанавливает проведение анализа информации о кибератаках и вызванных ими киберинцидентах, выяснение причин киберинцидентов [6].

5. Значимая составляющая правового регулирования — Указ Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2019 г. № 449 «О совершенствовании государственного регулирования в области защиты информации», который направлен на повышение уровня национальной безопасности в информационной сфере и совершенствование системы защиты государственных секретов и критически важных объектов информатизации [7].

6. В Уголовном кодексе Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З [8] и Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З [9] предусмотрен ряд статей, которые направлены на защиту информации и противодействие преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий. Эти нормы обеспечивают охрану компьютерной информации, персональных данных и информационных систем.

Отмечаем, что Республика Беларусь активно сотрудничает с международными организациями и принимает участие в разработке международных стандартов в области защиты информации. Примером такого взаимодействия является Концепция информационной безопасности Союзного государства России и Беларуси, принятая в 2023 г. [10]. Данный документ — результат плодотворного и тесного сотрудничества между аппаратами советов безопасности двух государств. Важно, что такое взаимодействие не только способствует

совершенствованию правовой базы, но и улучшает процесс обмена информацией о киберугрозах и методах их предотвращения.

Анализируя правовые основы защиты информации в сети Интернет на территории Республики Беларусь, предлагаем разработку Закона Республики Беларусь «Об искусственном интеллекте», который юридически закрепит права на интеллектуальную собственность, созданную физическим лицом в соавторстве с искусственным интеллектом, определит правила распределения ответственности за материальный вред или физически ущерб по причине ошибки искусственного интеллекта, обозначит введение обязательной маркировки в виде невидимых водяных знаков для контента, созданного с помощью искусственного интеллекта.

Для минимизации пробелов в сфере защиты информации предлагаем внесение в Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» и закрепление в нем дефиниции «дипфейк», под которым понимаются аудио-, видео-, фотоматериалы, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта, искажающие внешние, голосовые данные, а также действие и (или) бездействие лица, создавая ошибочное впечатление об их подлинности.

Для безопасного проведения цифровых исследований предлагаем введение термина «синтетические персональные данные», под которым понимается искусственно созданная информация, созданная на основе подлинных данных, сохраняющая свойства оригинала, не позволяющая идентифицировать конкретное физическое лицо.

Реализация данных предложений позволит Республике Беларусь защитить информационный суверенитет, снизить число киберпреступлений, поспособствует закреплению прав пользователей в сети Интернет на территории Республики Беларусь.

Список основных источников

1. Антанович Н. А. Информационно-коммуникативные технологии как фактор трансформации системы государственного управления // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации : материалы 4-й ежегод. междунар. конф. фак. гос. упр. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2006. С. 619. Вернуться к статье

2. Суздальцев С. И. Информационно-коммуникационные технологии как фактор развития общества // Соврем. науч. мысль. 2013. № 4. С. 161. Вернуться к статье

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З : в ред. от 10 окт. 2022 г. № 209-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З : в ред. от 16 марта 2026 г. № 134-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. О кибербезопасности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 14 февр. 2023 г. № 40. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. О совершенствовании государственного регулирования в области защиты информации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 дек. 2019 г. № 449. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

9. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

10. О Концепции информационной безопасности Союзного государства [Электронный ресурс] : утв. постановлением Высш. Гос. Совета Союзного государства 22 февр. 2023 г. № 1. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 34.07

Е. Н. Ярмоц
доцент кафедры теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина,
кандидат юридических наук, доцент

КАТЕГОРИИ «ЛЕГАЛЬНОСТЬ» И «ЛЕГИТИМНОСТЬ»: РАЗНИЦА В ПОНИМАНИИ

Проблематика легитимности в праве и в деятельности государственных органов характеризуется достаточной степенью новизны как для юридической, так и для политологической науки. Категорию «легитимность» необходимо отграничивать от категории «легальность», лежащей в основе принципа законности в праве, и правопорядка как общественно-правового феномена. В основе понятия «легитимность» находится категория «доверие». Феномен доверия носит универсальный характер, но его природа лежит в сфере нравственности. Может быть, поэтому категория «легитимность» в большей степени изучалась представителями политологической и социологической отраслей научного знания, нежели юриспруденции.

В целом легитимность выступает как идеалистичная многоплановая конструкция, легальность же имеет непосредственное отношение к праву и правовым конструкциям. Легальность — категория статичная, зачастую отражающая формальную сторону (внешнее проявление, соответствие правилам) какого-либо явления, в том числе права. Категорию «легитимность» целесообразно рассматривать в динамике как содержательную сторону того или иного явления, его внутреннюю природу.

Классическое понимание легитимности принадлежит М. Веберу, который выделяет следующие идеальные типы легитимности: традиционную, харизматическую и рациональную (легальную).

Традиционная легитимность основывается на авторитете нравов и обладает «исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение» [1, с. 646]. Данный тип легитимности формируется на основе веры людей в необходимость подчинения власти в силу обычая, традиции, привычки. Сущность традиционной легитимности хорошо передана Г. Ф. Шершеневичем: «Важным источником силы государственной власти является традиция, сила сложившегося порядка» [2, с. 227]. Харизматическая легитимность основана на «авторитете внеобыденного личного дара» [2, с. 646]. Она характеризуется «полной личной преданностью и личным доверием, вызываемым наличием качеств вождя у какого-то человека» [2, с. 646]. Иными словами, харизматичная

легитимность складывается вокруг фигуры политического или духовного лидера. Основой рациональной легитимности является вера в легальность установленного порядка и законность осуществления господства на основе этой легальности. Она базируется на «деловой компетентности», «обоснованной рационально созданными правилами», когда происходит «ориентация на подчинение при выполнении установленных правил» [1, с. 646–647].

Вышеуказанным типам легитимности присуще поступательно-эволюционное развитие. Так, основу традиционной и харизматической легитимности образует иррациональное (неосознанное) начало, присущее традиционному обществу. Последний тип легитимности, напротив, базируется на ценностно-рациональной основе и становится возможным лишь в результате рационализации общества и его индивидов, а также повышения уровня общественного правосознания [3, с. 16–17].

В. Н. Плигин отмечает, что в XX в. произошло разделение легитимности на политическую, социальную, юридическую и т. п. [4, с. 6]. И все же легитимность — категория общественная, органически связанная с социумом и общественно-политическим развитием. Д. Битэм описывал легитимность в контексте гражданского общества как идеальную платформу для построения сообщества, в котором власть и граждане являются сотрудничающими агентами [5, p. 35].

Ж. Буа выделяет два аспекта легитимности, которые соответствуют, по нашему мнению, категориям «легальность» и «легитимность» соответственно, — так называемая нормативная сторона легитимности (стандарты поведения обладателя власти) и ее социологический аспект («общественные» стандарты легитимной власти) [6].

По мнению И. А. Исаева, «легитимность идеалистична, легальность — реалистична» [7, с. 4]. Если легитимность стимулирует трансформационные процессы в праве, то легальность обеспечивает стабильность правовой системы.

В этой связи сущностные различия между категориями «легальность» и «легитимность» можно выразить следующим образом: легальность — категория статичная, зачастую отражающая формальную сторону (внешнее проявление, соответствие правилам) какого-либо явления, в том числе права; легитимность — категория динамичная, характеризующая содержательную сторону того или иного явления, внутреннюю природу, онтологически связанная с категорией «доверие».

Список основных источников

1. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 809 с. Вернуться к статье

2. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М. : Изд-во Бр. Башмаковых. 1910. 806 с. Вернуться к статье

3. Голубев И. С. Феномен легитимности власти в политической теории Макса Вебера: философские аспекты // Человек. Культура. Общество : тез. докл. XIV науч. конф. студентов и аспирантов фак. филос. и соц. наук, г. Минск, 19 апр. 2017 г. / БГУ ; редкол.: А. А. Легчилин (отв. ред.), В. С. Сайганова. Минск, 2017. С. 16–17. Вернуться к статье

4. Плигин В. Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Ин-т государства и права Рос. акад. наук. М., 2021. 51 с. Вернуться к статье

5. Beetham D. The Legitimation of Power. London : Macvillan Education, 1991. 274 p. Вернуться к статье

6. Bois J. The European Court's Brokered Legitimacy: Conceptualising the Sociological Legitimacy of the Court of Justice of the European Union during the OMT Saga [Electronic resource] // ECPR : [website]. URL: https://ecpr.eu/Events/Event/PaperDetails/46328 (date of access: 13.11.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Исаев И. А. Легитимность и легальность в конституционном процессе // История государства и права. 2012. № 6. С. 2–6. Вернуться к статье

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ВОПРОСАМ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.9

П. Л. Боровик
доцент кафедры информационного права
факультета криминальной милиции
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

РИСКОРИЕНТИРОВАННЫЙ НАДЗОР ЗА ПРОВАЙДЕРАМИ УСЛУГ ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ СТРАН ЕАГ

Развитие рынка виртуальных активов и связанных с ним услуг стало одним из ключевых факторов трансформации современной финансовой системы. Наряду с технологическими преимуществами криптоэкономики значительно возрастают риски использования виртуальных активов в преступных целях, включая отмывание доходов и финансирование терроризма [1]. В странах Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (далее — ЕАГ), в состав которой входят Беларусь, Индия, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, данный вопрос приобретает особое значение в связи с активным развитием цифровых финансовых технологий и ростом числа провайдеров услуг виртуальных активов (далее — ПУВА). В этих условиях особое значение приобретает внедрение рискориентированного подхода в надзорную деятельность, что соответствует современным международным требованиям и рекомендациям Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force on Money Laundering (FATF)) (далее — ФАТФ) [2, с. 192–193].

Рискориентированный подход (далее — РОП) основан на принципе пропорциональности, предполагающем концентрацию надзорных ресурсов на тех субъектах, чья деятельность связана с наибольшими угрозами легализации преступных доходов или финансирования терроризма. В соответствии с официальными рекомендациями ФАТФ, данный подход требует от субъектов финансового рынка, включая ПУВА, проведения собственной оценки рисков клиентов и операций, выстраивания внутренней системы контроля и предоставления соответствующей отчетности надзорным органам [3]. Так, РОП

обеспечивает гибкость регулирования и позволяет адаптировать меры надзора в зависимости от уровня угроз.

Сравнительный анализ практик государств ЕАГ свидетельствует о существенной неоднородности национальных моделей регулирования и рискориентированного надзора в сфере виртуальных активов [4].

Так, в Российской Федерации регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты сформировано на основе специального законодательства, дополненного в 2024 г. положениями о реестрах лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, и операторов майнинговой инфраструктуры. При этом надзорные подходы Центрального банка России и субъектов финансового мониторинга включают риск-классификацию клиентов и операций, однако проблема унификации индикаторов риска сохраняет значение для единообразного применения процедур контроля.

В Республике Казахстан надзор реализуется в рамках Международного финансового центра «Астана», обладающего собственной нормативной базой и механизмами цифрового мониторинга. Здесь применяется система оценки рисков, основанная на регулярной отчетности и автоматизированной проверке комплаенса.

В Республике Беларусь модель регулирования деятельности с токенами в значительной степени опирается на внутренние правила контроля резидентов Парка высоких технологий и их обязанность самостоятельно оценивать риски клиентов, операций и направлений деятельности.

В Республике Узбекистан применяется лицензионная модель деятельности поставщиков услуг в сфере оборота криптоактивов через Национальное агентство перспективных проектов, тогда как в Кыргызской Республике регулирование сектора виртуальных активов продолжает формироваться при сохранении запрета на использование виртуальных активов в качестве средства платежа [4].

Разнородность подходов подтверждает отсутствие единых региональных методологических стандартов и объективно осложняет трансграничное взаимодействие в сфере выявления и минимизации рисков, связанных с виртуальными активами. Одной из ключевых проблем является отсутствие унифицированных критериев оценки рисков, что препятствует сопоставимости данных и снижает эффективность анализа. Существенным препятствием остается и слабая межведомственная координация, выражающаяся в ограниченном обмене информацией между финансовыми разведками, банками и регуляторами. Кроме того, правовое регулирование преимущественно охватывает централизованные платформы, в то время как децентрализованные финансовые сервисы (например,

DeFi), стейблкоины и другие инновационные формы цифровых активов остаются вне сферы прямого контроля.

Перспективы совершенствования рискориентированного надзора связаны с формированием региональной модели, которая бы учитывала особенности правовых систем стран ЕАГ и обеспечивала гармонизацию стандартов. Важным направлением является создание унифицированной шкалы рисков для ПУВА, включающей количественные и качественные показатели. Существенную роль может сыграть внедрение технологий искусственного интеллекта и блокчейн-аналитики, способных автоматически выявлять нетипичные транзакционные паттерны и прогнозировать уровень риска. Создание единой базы данных ПУВА государств ЕАГ позволит отслеживать трансграничные операции и предотвращать использование регуляторных арбитражей. Эффективное развитие надзора невозможно без подготовки квалифицированных специалистов, владеющих современными методами анализа цифровых транзакций и управления рисками.

Таким образом, рискориентированный надзор за провайдерами услуг виртуальных активов представляет собой ключевой инструмент обеспечения финансовой устойчивости и безопасности в условиях цифровизации экономики. Внедрение единой методологии оценки рисков, интеграция цифровых технологий мониторинга и усиление межведомственного взаимодействия способны повысить эффективность национальных и региональных систем надзора, обеспечив более высокий уровень прозрачности и устойчивости рынка виртуальных активов.

Список основных источников

1. Типологический проект. Мониторинг рисков использования виртуальных активов в преступных целях [Электронный ресурс]. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/Public_typology_reports/Monitoring%20the%20Risks%20of%20Use%20of%20Virtual%20Assets_rus.pdf (дата обращения: 12.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Минаков В. М., Эриашвили Н. Д. Риск-ориентированный подход с использованием технологий искусственного интеллекта в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма в контексте обеспечения экономической безопасности России // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 2. С. 191–199. Вернуться к статье

3. Обновленное руководство по применению риск-ориентированного подхода. Виртуальные активы и провайдеры услуг в сфере виртуальных активов [Электронный ресурс]. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/06.Updated-Guidance-VA-VASP_rus.pdf (дата обращения: 12.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. EAG typologies project. Monitoring the Risks of Use of Virtual Assets for Criminal Purposes [Electronic resource]. URL:

https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/Public_typology_reports/Monitoring%20the%20Risks%20of%20Use%20of%20Virtual%20Assets_eng.pdf (date of access: 12.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343

О. В. Бушуева
доцент кафедры публичного и частного права
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук
И. Е. Гай
студент 4 курса обучения по направлению «Юриспруденция»
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
В. А. Мамыко
студент 4 курса обучения по направлению «Юриспруденция»
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ОТКАЗ В ЭКСТРАДИЦИИ: ПРИЧИНЫ, ЗАКОННЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

В данной статье рассмотрим основные причины отказа в экстрадиции в Россию, законные основания для этого и аспекты политической целесообразности. Современное отечественное законодательство не содержит легального определения экстрадиции, однако в научной литературе под этим термином обычно понимают совокупность уголовно-процессуальных мероприятий, направленных на розыск, задержание, заключение под стражу и передачу лица иностранному государству либо органам и учреждениям международной юстиции (Международному трибуналу, Международному уголовному суду) на основаниях и в порядке, установленных международными договорами Российской Федерации и национальным законодательством, либо исходя из принципа взаимности, с целью осуществления уголовного преследования, отправления правосудия или исполнения вступившего в законную силу приговора [1]. Таким образом, можно обобщить, что экстрадиция — это процесс передачи человека, подозреваемого или осужденного за преступление, от одного государства другому. Однако, несмотря на четкое определение и цели экстрадиции, существуют обстоятельства, при которых ее осуществление становится невозможным или нецелесообразным.

В России первостепенным источником правовых норм, регулирующих процесс экстрадиции, является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а именно часть 5, которая полностью посвящена нормам,

устанавливающим правила международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства [2].

Отказ в экстрадиции является сложным процессом, основанным на ряде юридических и политических факторов. Существует несколько ключевых причин, по которым государство может отказать в экстрадиции:

1. Политические преступления. Одной из главных причин отказа в экстрадиции является тот факт, что преступление, в котором обвиняется лицо, может считаться политическим. Многие страны имеют законы, которые защищают людей от экстрадиции в случае, если они обвиняются в преступлениях, связанных с их политической деятельностью. Россия входит в круг этих стран.

2. Риск преследования. Если есть основания полагать, что экстрадируемое лицо будет подвергнуто преследованию или жестокому обращению в стране назначения, это также может стать основанием для отказа. Это связано с обязательствами государств, и в частности Российской Федерации, по соблюдению прав человека.

3. Наличие двойного преследования. Для экстрадиции необходимо, чтобы деяние, в котором обвиняется лицо, было преступлением как в стране-экстрадоре, так и в запрашивающей стране. Если это условие не выполнено, экстрадиция может быть отклонена.

Законные основания для отказа в экстрадиции относительно Российской Федерации регулируются Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, в частности ст. 464, закрепляющей случаи, когда лицо не может быть выдано другому государству: например, если запрос на экстрадицию поступил на гражданина России; если деяние, вследствие которого поступил запрос, не считается преступным согласно законодательству Российской Федерации и т. д.; если деяние было совершено на территории Российской Федерации или против ее интересов за пределами территории Российской Федерации; за то же самое деяние уже осуществляется уголовное преследование в Российской Федерации и т. д. [2].

Понимание причин и оснований для отказа может помочь в оценке международных правовых отношений и обеспечении соблюдения прав человека. В конечном итоге каждое решение об экстрадиции должно быть взвешенным и основывающимся на фактических и юридических обстоятельствах.

Политическая целесообразность института экстрадиции является комплексной и многогранной. С одной стороны, экстрадиция способствует справедливости и правопорядку, а с другой — может использоваться в политических целях. Кроме национальных законодательств, выдача лиц

осуществляется и регулируется международными конвенциями и договорами, среди которых важнейшее место занимает Европейская конвенция о выдаче (ETS № 024), заключенная 13 декабря 1957 г. и подписанная большинством стран Европы, включая Россию [3]. Однако пусть эта Конвенция и является действующей, существуют некоторые проблемы с ее соблюдением, в частности одни государства, находясь в нормальных отношениях, склонны осуществлять выдачу по обоснованным запросам, к примеру экстрадиция в Российскую Федерацию Вардана Хачатряна, произошедшая 29 июня 2021 г., произведенная Венгрией [4], иные же в связи с негативным политическим климатом склонны к отказу экстрадиции, и, как правило, такие отказы приобретают политически мотивированный характер, к примеру отказ Княжества Лихтенштейн в экстрадиции по запросу в рамках уголовного дела о хищении имущества ОАО «АКБ “Пробизнесбанк”» [5]. Также следует подчеркнуть, что некоторые государства, будучи сторонами Европейской конвенции о выдаче, нередко направляют запросы к другим странам о выдаче собственных граждан, фактически пренебрегая положениями ст. 6 «Выдача собственных граждан» [3]. Подобные случаи противоречат основополагающим принципам международного права, согласно которым государство обязано исполнять принятые на себя договорные обязательства. Исходя из изложенного, можно констатировать, что, несмотря на значительные успехи в межгосударственном сотрудничестве по борьбе с преступностью, в практической реализации такого ключевого института международной уголовной юстиции, как экстрадиция, отсутствует единообразный подход.

В заключение следует отметить, что, несмотря на значительные успехи в развитии международного сотрудничества по вопросам борьбы с преступностью, в регуляции института экстрадиции все еще присутствуют ряд проблем, связанных с пониманием правовой природы этого института, отсутствием единого структурированного акта, регулирующего вопросы экстрадиции во многих странах, включая Россию, отсутствием регламентации этого института между странами, не заключившими двусторонний международный договор, а также отсутствием легального определения термина «экстрадиция» в законодательстве значительного количества государств. В качестве решения данных проблем можно рассмотреть принятие единого нормативного акта, подробно регулирующего вопросы, связанные с экстрадицией, введение в законодательство легального определения термина «экстрадиция», а также вынести предложение универсальной конвенции о выдаче в рамках Организации Объединенных Наций для решения вопросов унификации экстрадиционного законодательства стран — членов Организации Объединенных Наций.

Список основных источников

1. Воронин О. В. О понятии, содержании, типах, видах и сложившихся моделях экстрадиции [Электронный ресурс] // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 37–40. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-soderzhanii-tipah-vidah-i-slozhivshihsya-modelyah-ekstraditsii/viewer (дата обращения: 27.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 9 апр. 2026 г. № 78-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Европейская конвенция о выдаче [Электронный ресурс] : подписана 13 дек. 1957 г. // М-во иностр. дел Рос. Федерации : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51344/ (дата обращения: 27.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Осужденного за тяжкое преступление экстрадировали из Венгрии в Россию [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Рос. Федерации : [сайт]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/25228649 (дата обращения: 27.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Колокольцев: России начали массово отказывать в экстрадиции [Электронный ресурс] // Ведомости : [сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/01/28/1088796-otkazivat-v-ekstraditsii_(дата обращения: 27.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 341.45

Л. Ю. Мельникова
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Сибирского юридического института МВД России

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Экспоненциальный рост киберпреступности, приобретающей устойчиво транснациональный характер, обуславливает необходимость взаимодействия и сотрудничества государств в сфере противодействия киберпреступлениям. Согласно «Global Cybercrime Report 2025», совокупные глобальные убытки от киберпреступлений в 2026 г. достигнут 11,9 трлн долларов, а к 2030 г. этот показатель прогнозируется на уровне 19,7 трлн долларов — суммы, превышающей ВВП Китайской Народной Республики [1]. В этих условиях эффективное международное сотрудничество становится не просто инструментом правоохранительной деятельности, а стратегической необходимостью обеспечения национальной и глобальной безопасности.

Современная система правовых механизмов противодействия киберпреступности включает универсальные и региональные договоры. Ключевым документом долгое время оставалась Будапештская конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 г. [2], однако ее ограниченная географическая применимость, отсутствие новых форм киберпреступлений и киберугроз стимулировали разработку новых глобальных стандартов. Значимым прорывом стало принятие в декабре 2024 г. проекта Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности, призванной создать универсальную правовую основу для международного взаимодействия в этой сфере [3].

В рамках сотрудничества в соответствии с указанными актами реализуются три основных механизма: экстрадиция лиц, совершивших киберпреступления; взаимная правовая помощь в сборе доказательств; трансграничный доступ к электронным данным. Последний аспект остается наиболее проблемным и дискуссионным ввиду коллизионности положений национальных законодательств.

Формальные механизмы взаимодействия между государствами по противодействию киберпреступности в первую очередь базируются на двусторонних и многосторонних договорах, регулирующих порядок оказания правовой помощи. Однако оперативность борьбы с киберпреступностью требует применения в том числе и неформальных каналов сотрудничества. В этой части полицейское

сотрудничество через такие международные организации, как Интерпол и Европол, а также создание национальных центров реагирования на киберинциденты позволяют осуществлять мгновенный обмен разведданными и координировать совместные операции по пресечению кибератак в режиме реального времени.

Основная проблема, которая в значительной мере влияет на эффективность применения указанных формальных и неформальных механизмов, заключается в том, что перед государствами встают вопросы защиты национальных интересов в информационной сфере и сложности, связанные с технологической совместимостью.

На региональном уровне стоит отметить сотрудничество государств в рамках Содружества Независимых Государств (далее — СНГ). Последние несколько лет СНГ стабильно демонстрирует положительную динамику в развитии механизмов противодействия киберпреступности.

Нормативную основу сотрудничества в рамках СНГ составляют Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности 2013 г. и Концепция информационной безопасности государств — участников СНГ 2008 г. [4; 5]. В 2019 г. киберпреступность официально была выделена как отдельный вид транснациональной преступности, что стимулировало разработку единой автоматизированной системы обмена информацией между правоохранительными органами стран СНГ.

Важным шагом к гармонизации законодательства государств стало принятие 14 апреля 2023 г. Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ модельного закона «О противодействии киберпреступности» [6].

Дополнительный импульс сотрудничеству придала Стратегия обеспечения информационной безопасности государств — участников СНГ до 2030 года и составленный в соответствии с ней План первоочередных мероприятий 2022 г., который направлен на согласование подходов к регулированию в области информационной безопасности [7; 8].

Тем не менее, несмотря на прилагаемые государствами усилия и достигнутые результаты, по всему миру наблюдается устойчивый рост киберпреступлений. В целом эффективность международного взаимодействия в сфере противодействия киберпреступлениям ограничена рядом системных проблем, среди которых можно выделить как основные следующие аспекты:

1. Юрисдикционная разрозненность. Отсутствие единообразия в определении составов киберпреступлений и критериев их криминализации затрудняет правоприменение и взаимное признание решений.

2. Латентность преступлений. По данным исследований, наблюдается устойчивый рост скрытой киберпреступности, обусловленный как техническими сложностями фиксации инцидентов, так и бюрократическими барьерами при трансграничном сборе доказательств без согласия запрашиваемого государства [9].

3. Кадровый дефицит. Согласно материалам «Cybersecurity Skills Gap Statistics: What the Numbers Reveal», глобальная нехватка специалистов в сфере кибербезопасности в 2025 г. достигла рекордного показателя в 4,8 миллиона незаполненных вакансий, что на 19 % больше по сравнению с предыдущим годом. Такой кадровый голод создает критический разрыв в кадровом обеспечении не только коммерческих компаний, но и правоохранительных органов [10].

4. Технологическое неравенство. Согласно «Global Cybersecurity Index (GCI) 2024», средний балл стран СНГ (условный расчет, основанный на позициях стран в рейтинге; методика GCI учитывает 5 ключевых параметров для подсчета баллов и определения места в рейтинге: законодательная база, технические меры, организационные меры, развитие потенциала, международное сотрудничество) составил 67 из 100 (при глобальном показателе 66), однако разрыв между лидерами (Казахстан — 94 балла в юридических мерах) и отстающими странами достигает 70 баллов, что создает уязвимости в системе коллективной безопасности. Таким образом, страны СНГ в целом соответствуют глобальному уровню, но с большой внутренней дисперсией [11].

В целом, подводя итог, можно сказать, что международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью демонстрирует устойчивую тенденцию к институционализации и нормативному оформлению. Принятие глобальных конвенций и региональных стратегий создает необходимую правовую основу для совместных действий. Однако эффективность этих механизмов напрямую зависит от преодоления юрисдикционных барьеров, гармонизации законодательства и устранения технологического дисбаланса между государствами. Только комплексный подход, сочетающий правовые, технические и организационные меры при активном использовании как формальных, так и неформальных каналов взаимодействия, позволит обеспечить адекватный уровень защиты в условиях постоянно эволюционирующих киберугроз.

Список основных источников

1. Global Cybercrime Report 2025 [Electronic resource] // Proxyrack : [website]. URL: https://www.proxyrack.com/blog/global-cybercrime-report-2025/ (date of access: 05.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Convention on Cybercrime [Electronic resource]. URL: https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Convention-of-Cybercrime.pdf (date of access: 05.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (дата обращения: 05.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности (Санкт-Петербург, 20 ноября 2013 г.) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: https://base.garant.ru/70604710 (дата обращения: 05.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. DECISION OF COUNCIL OF HEADS OF STATES OF COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES [Electronic resource]. URL: https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=26220 (date of access: 05.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Модельный закон «О противодействии киберпреступности» [Электронный ресурс] : принят постановлением Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ № 55-20 от 14 апр. 2013 г. // Гарант. URL: https://base.garant.ru/411235105/ (дата обращения: 05.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Решение Совета глав правительств СНГ от 25 октября 2019 г. «О Стратегии обеспечения информационной безопасности государств — участников Содружества Независимых Государств» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: https://base.garant.ru/73391721/ (дата обращения: 05.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Решение о Плане первоочередных мероприятий по реализации Стратегии обеспечения информационной безопасности государств — участников Содружества Независимых Государств на период до 2030 года [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

9. Жарова А. К., Анисимов Е. С. Анализ динамики киберпреступности в России [Электронный ресурс] // Russian Journal of Economics and Law. 2026. № 1. С. 190–206. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-dinamiki-kiberprestupnosti-v-rossii (дата обращения: 07.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

10. Cybersecurity Skills Gap Statistics 2025: What the Numbers Reveal [Electronic resource] // DeepStrike : [website]. URL: https://deepstrike.io/blog/cybersecurity-skills-gap (date of access: 05.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

11. Global Cybersecurity Index 2024 [Electronic resource] // ITU : [website]. URL: https://www.itu.int/epublications/publication/global-cybersecurity-index-2024 (date of access: 05.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 341.16:343.37

В. В. Меркушин
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Белорусского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент
В. А. Лесун
студент 3 курса факультета права
Белорусского государственного экономического университета

РОЛЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ФИНАНСОВОЙ РАЗВЕДКИ (ДФР КГК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ) В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Актуальность исследования роли подразделений финансовой разведки в современной системе безопасности обусловлена трансграничным характером экономической преступности. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, является не только уголовно наказуемым деянием, но и фундаментальной угрозой для стабильности финансовых систем и экономического суверенитета государств. В условиях глобализации ни одна страна не способна эффективно бороться с этим явлением в одиночку, что предопределяет необходимость тесного международного взаимодействия. Для Республики Беларусь, стремящейся к интеграции в мировую экономику и гармонизации своего законодательства с международными стандартами, эффективность работы Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь (далее — ДФР КГК) как ключевого элемента национальной системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (далее — ПОД/ФТ) приобретает особое значение.

Целью данной работы является анализ роли ДФР КГК в системе международного сотрудничества по борьбе с легализацией преступных доходов и оценка перспектив его развития во взаимодействии с иными элементами национальной системы ПОД/ФТ.

На сегодняшний день в структуре Комитета государственного контроля Республики Беларусь функционируют два специализированных департамента, которые в совокупности образуют национальную систему финансовой разведки. Департамент финансового мониторинга (далее — ДФМ) является подразделением финансовой разведки в классическом понимании и представляет Республику Беларусь в группе «Эгмонт» (неформальном объединении подразделений финансовой разведки мира) с 2007 г. [1]. Департамент же финансовых

расследований (далее — ДФР) выступает в роли специализированного правоохранительного органа в сфере экономики, наделенного как полномочиями по проведению финансовых расследований и оперативно-розыскной деятельности, так и функциями досудебного уголовного производства.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. № 414-З «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь» (ст. 13), ДФР наделен широкими полномочиями по выявлению и пресечению экономических преступлений [2].

Двойственная природа белорусской модели — тесное взаимодействие аналитического центра (ДФМ) и правоохранительной компоненты (ДФР) — позволяет оперативно реагировать на выявленные подозрительные финансовые операции. ДФМ осуществляет сбор и анализ информации о подозрительных транзакциях, поступающей от банков и иных организаций, а ДФР, получая эти материалы, проводит по ним оперативные проверки и уголовные расследования [3, с. 45]. Как отмечается в документах группы «Эгмонт», именно такое взаимодействие департаментов Комитета государственного контроля неоднократно демонстрировало высокую эффективность при пресечении трансграничных финансовых схем [4].

Международное сотрудничество в сфере финансовых расследований реализуется ДФР по нескольким ключевым направлениям. Первое и основное — это участие в международном информационном обмене. Хотя непосредственным участником группы «Эгмонт» является ДФМ, получаемая через эту организацию информация о зарубежных активах и операциях белорусских резидентов передается в ДФР для проведения оперативных мероприятий и расследований [5, с. 99–100]. Благодаря этому механизму белорусские финансовые разведчики могут получать сведения о счетах и транзакциях резидентов за рубежом, что критически важно для расследования трансграничных финансовых схем.

Вторым важным направлением является участие представителей ДФР в деятельности международных организаций и рабочих группах. Республика Беларусь, представленная экспертами как ДФМ, так и ДФР, активно участвует в пленарных заседаниях и рабочих группах Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) и Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ). Это позволяет не только отслеживать изменения в международных стандартах, но и доносить позицию страны, влиять на формирование повестки в сфере ПОД/ФТ, а также демонстрировать приверженность борьбе с финансовыми преступлениями.

Третье направление — заключение межведомственных соглашений о сотрудничестве как с подразделениями финансовой разведки, так и с правоохранительными органами других государств. ДФР самостоятельно заключает соглашения о взаимодействии с профильными правоохранительными структурами зарубежных стран. Такие двусторонние документы создают правовую основу для более тесного и оперативного взаимодействия.

На сегодняшний день ДФР КГК подписаны соглашения о сотрудничестве с Грузией, Узбекистаном, Россией, Казахстаном и др., что свидетельствует о многосторонности его работы в данной сфере.

Несмотря на достигнутые успехи, перед ДФР стоят новые вызовы, обусловленные цифровизацией экономики. Рост популярности криптовалют, развитие даркнет-рынков и усложнение схем трансграничного движения капитала требуют постоянного совершенствования методов финансовых расследований.

В связи с этим перспективным направлением развития международного сотрудничества ДФР видится более активное взаимодействие по вопросам отслеживания криптоактивов, в том числе в рамках Глобального форума по борьбе с отмыванием денег с использованием виртуальных активов (V20), а также внедрение передовых цифровых решений для анализа больших данных, поступающих от зарубежных партнеров как напрямую, так и через ДФМ [6].

Таким образом, ДФР КГК играет ключевую роль в правоохранительном блоке национальной системы ПОД/ФТ, выступая связующим звеном между финансовой разведкой (ДФМ) и уголовным преследованием.

Выполняя функции специализированного правоохранительного органа по борьбе с экономическими преступлениями, он не только обеспечивает защиту экономических интересов государства внутри страны, но и выступает активным участником международного сотрудничества в рамках своей компетенции.

Эффективное взаимодействие с ФАТФ, ЕАГ и Содружеством Независимых Государств, основанное на имплементации международных стандартов и двусторонних соглашениях, позволяет Республике Беларусь вносить вклад в коллективную безопасность, а также создает условия для возврата незаконно выведенных активов и привлечения к ответственности лиц, совершивших финансовые преступления.

Дальнейшее развитие этого направления должно быть сосредоточено на адаптации к новым технологическим вызовам и углублении взаимодействия с ключевыми международными партнерами по линии как финансовой разведки, так и правоохранительных органов.

Список основных источников

1. Департаменту финансового мониторинга КГК Беларуси вручен международный диплом группы «Эгмонт» [Электронный ресурс] // Союзное государство : [сайт]. URL: https://xn--c1anggbdpdf.xn--p1ai/news/bezopasnost/192786/ (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 16 июля 2008 г. № 414-З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Петров И. И., Сидоров А. Н. Финансовые расследования: теория и практика : учеб. пособие. Минск : Акад. МВД, 2023. 320 с. Вернуться к статье

4. Передовые IT-технологии возьмут на вооружение подразделения финансовой разведки Группы «Эгмонт» [Электронный ресурс] // БелТА : [сайт]. URL: https://belta.by/society/view/peredovye-it-tehnologii-vozmut-na-vooruzhenie-podrazdelenija-finansovoj-razvedki-gruppy-egmont-577739-2023/ (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Васильева Е. П. Международное сотрудничество в борьбе с отмыванием денег: роль ЕАГ // Евраз. юрид. журн. 2025. № 3. С. 99–105. Вернуться к статье

6. Преступные доходы и коррупция: противодействие [Электронный ресурс] // ЮрСпектр : [сайт]. URL: http://www.urspectr.info/service/seminars/2017/prestupnye---dokhody-i-korruptsiya--protivodeystvie-/ (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 32:343.85

Д. А. Ревин
старший преподаватель кафедры
профессионально-прикладной физической подготовки
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ВЛИЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ БОРЬБУ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В эпоху, когда преступность утратила географические границы, ни одно государство не способно выстоять в одиночку. Транснациональные угрозы — от кибератак и гибридных войн до наркотрафика и попыток политического шантажа — стали новым ликом глобального хаоса. В этом турбулентном мире Республика Беларусь демонстрирует парадоксальную, но четкую стратегию: несмотря на беспрецедентное санкционное давление и попытки изоляции со стороны коллективного Запада, Минск не просто сохраняет, но и кратно наращивает международное взаимодействие по борьбе с преступностью. Опираясь на союзников по стратегическим интеграционным объединениям и прагматично используя универсальные механизмы Организации Объединенных Наций (далее — ООН), Беларусь превращается в ключевой элемент альтернативной архитектуры безопасности. Республика Беларусь на деле оказывается незаменимым партнером в поимке преступников, уничтожении наркопотоков и разработке новых правил цифрового мира.

Белорусская стратегия международного сотрудничества основана на универсальных механизмах (ООН, Интерпол), региональной интеграции (Содружество Независимых Государств (далее — СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ)) и двусторонних союзнических отношениях. Этот многовекторный подход позволяет Минску сохранять оперативную свободу и влиять на глобальную повестку безопасности.

На универсальном уровне Беларусь демонстрирует высокую экспертную вовлеченность. В феврале 2025 г. представитель Генеральной прокуратуры принял участие в тренинге Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) в Вене. Белорусские специалисты не просто учатся, они сами формируют международное правовое поле, давая оценку соответствия правовых систем иностранных государств требованиям Конвенции ООН против коррупции [1]. Так, ранее белорусская сторона участвовала в оценках Ирана, Польши и даже Антигуа и Барбуды. Это высокий уровень доверия, означающий, что голос Минска в международных антикоррупционных стандартах является значительным. Более того, в мае 2025 г. глава Министерства внутренних дел

Республики Беларусь И. В. Кубраков на полях Всемирного полицейского саммита в Дубае провел судьбоносную встречу с президентом Интерпола Ахмедом Насером Аль Раиси. Несмотря на попытки некоторых стран «тормозить» полицейское сотрудничество, Беларусь подтвердила статус ответственного и активного члена организации, сделав акцент на борьбе с терроризмом, наркоторговлей и киберпреступностью. Сам президент Интерпола подчеркнул, что, невзирая на «определенные политические моменты», белорусские специалисты продолжают профессиональную работу. Таким образом, профессионализм оказался выше политической конъюнктуры [2].

Вторым, наиболее мощным, направлением является региональное сотрудничество в рамках СНГ и ОДКБ, где наблюдается качественный скачок в цифровизации и координации. В апреле 2025 г. Палата представителей ратифицировала Протокол о внесении изменений в Договор государств — участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц [3]. Ключевое новшество — переход на электронный документооборот с использованием мультисервисной системы обмена криминалистической информацией. Министр внутренних дел Республики Беларусь И. В. Кубраков прямо заявил, что это позволит повысить оперативность и эффективность поиска преступников, а также даст ощутимый экономический эффект [4]. Преступность перешла в цифру, и белорусские правоохранители встретили ее там же — скоростью электронных запросов. Параллельно в рамках ОДКБ, как отметил Государственный секретарь Совета Безопасности А. Г. Вольфович, выстроен «адекватный механизм реагирования» [5]. Результат коллективной работы — 19 предотвращенных терактов за 20 лет, изъятие более 420 тонн наркотиков и ликвидация 250 каналов нелегальной миграции. Сегодня в повестке ОДКБ — информационная и биологическая безопасность, а также операции «Наемник», «Нелегал» и «Прокси» (против киберугроз). Беларусь выступает здесь не пассивным наблюдателем, а генератором идей [5].

Наконец, третье измерение — это союзнический тандем с Россией, вышедший на уровень взаимной защиты от политически мотивированного правосудия третьих стран. В январе 2026 г. российский парламент завершил ратификацию соглашения с Беларусью о защите граждан от необоснованного преследования со стороны иностранных государств и международных судебных органов [6]. Документ, подписанный президентами в марте 2025 г., базируется на принципах невмешательства во внутренние дела и суверенного равенства. Это не просто юридическая техника, это создание «иммунного щита» для высших должностных лиц и граждан, которых на Западе пытаются преследовать по политическим мотивам. Как справедливо отметили в Совете

Федерации, это снижает риски политически мотивированного преследования и укрепляет суверенитет. И, конечно, нельзя не отметить участие делегации Следственного комитета Республики Беларусь в Глобальном форуме сотрудничества в Китае, где председатель Следственного комитета подчеркнул, что противостоять транснациональной преступности можно только через скоординированные действия и обмен опытом [7]. Беларусь сегодня — это источник обмена передовыми криминалистическими практиками между Востоком и Югом [3].

Западные стратеги, просчитывавшие «изоляцию» Минска, не учли главное: преступность не знает санкций, и бороться с ней можно только сообща. Таким образом, Беларусь не просто выстояла в одиночестве — она переформатировала свою международную правоохранительную дипломатию, превратив ее из инструмента получения помощи в механизм глобального влияния, заставив считаться со своим правом на безопасность и правосудие.

Список основных источников

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. О международном сотрудничестве с Управлением ООН по наркотикам и преступности в сфере борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] // Генер. прокуратура Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://prokuratura.gov.by/special/media/novosti/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/o-mezhdunarodnom-sot210225/ (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Протокол о внесении изменений в Договор государств — участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц от 10 декабря 2010 г. [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств : [сайт]. URL: https://eccis.org/document/7005 (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Збереновская А. Кубраков — главе Интерпола: Беларусь продолжит сотрудничество для обеспечения безопасности в стране и мире [Электронный ресурс] // SB.BY. Беларусь сегодня. URL: https://www.sb.by/articles/kubrakov-glave-interpola-belarus-prodolzhit-sotrudnichestvo-dlya-obespecheniya-mezhdunarodnoy-bezopa.html. Дата публ.: 13.05.2025. Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Александр Вольфович: в ОДКБ удалось выстроить адекватный механизм реагирования на вызовы и угрозы [Электронный ресурс] // Хойніцкія навіны. URL: https://www.hoiniki.by/?p=133622. Дата публ. 08.06.2023. Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Парламент РФ ратифицировал соглашение с Беларусью о защите граждан от необоснованного международного преследования [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL:

https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/january/92079/ (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Следственный комитет Беларуси на международной платформе по вопросам безопасности [Электронный ресурс] // Следств. комитет Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/sledstvennyj-komitet-belarusi-na-mezhdunarodnoj-platforme-po-voprosam-bezopasnosti-15328/ (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.2

А. С. Студнев
старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: МЕХАНИЗМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Обеспечение безопасности личности, общества и государства занимает важное место в повестке Правительства Российской Федерации. В настоящее время этот аспект деятельности российского государства приобретает особое значение, учитывая современные вызовы и угрозы. Необходим тонкий подход, особенно в отношении преступной деятельности, затрагивающей жизнь, здоровье и имущество граждан, проживающих в приграничных регионах.

Понятие «трансграничное сотрудничество органов внутренних дел в области оперативно-розыскной деятельности» охватывает взаимодействие между российскими правоохранительными органами и их коллегами из соседних стран [1]. Международное сотрудничество в оперативно-розыскной сфере представляет собой комплексную правовую конструкцию, функционирование которой детерминировано двумя взаимодополняющими регулятивными системами: нормами международного публичного права, закрепленными в двусторонних и многосторонних договорах, и национальным законодательством Российской Федерации, в первую очередь Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и ведомственными нормативными актами Министерства внутренних дел России [2]. Данный механизм правового регулирования создает институциональные рамки для трансграничного взаимодействия, определяя его формы, пределы и процессуальные гарантии.

Эмпирические данные, полученные в ходе исследования деятельности территориальных органов внутренних дел, дислоцированных в приграничных субъектах Российской Федерации, подтверждают системный характер взаимозависимости криминогенной обстановки в сопредельных регионах. Анализ материалов статистических данных Министерства внутренних дел России [3] позволил выявить устойчивую тенденцию: значительная доля преступлений, обладающих признаками повышенной общественной опасности и организованности, совершаются лицами, имеющими непогашенные или неснятые судимости на территории сопредельных государств.

Данная категория правонарушителей характеризуется высоким уровнем криминальной специализации, отработанными методами противодействия расследованию и использованием трансграничных логистических схем для сокрытия следов преступной деятельности и легализации доходов, полученных незаконным путем.

Больше половины (57,1 %) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое пятое (19,8 %) — в состоянии алкогольного опьянения, каждое тридцать четвертое (2,9 %) — несовершеннолетними или при их соучастии [3].

Эти обстоятельства объективно обусловливают невозможность эффективного противодействия подобным угрозам исключительно в рамках национальной юрисдикции. В современном научно-практическом дискурсе признается приоритетная значимость развития обмена оперативно-розыскной информацией. Данный вектор актуализирует необходимость совершенствования механизмов такого взаимодействия, в частности в аспекте обеспечения конфиденциальности в рамках трансграничного сотрудничества. Институционализация такого взаимодействия, включая регулярный обмен информацией, согласование планов оперативно-профилактических мероприятий и проведение совместных скоординированных действий, является не факультативным, а императивным условием нейтрализации криминальных рисков, порождаемых трансграничным характером современной организованной преступности. Таким образом, эмпирическая верификация подтверждает тезис о том, что результативность оперативно-розыскной деятельности в приграничных регионах находится в прямой функциональной зависимости от качества и глубины международного полицейского сотрудничества.

Считаем, что необходимо расширение сотрудничества между российскими и зарубежными правоохранительными органами для эффективной борьбы с транснациональной преступностью. Решение правовых и организационных проблем имеет определяющее значение для обеспечения бесперебойного взаимодействия в оперативно-розыскной деятельности за рубежом.

Направление запросов является составной частью межведомственных соглашений, регулирующих сотрудничество между правоохранительными органами приграничных регионов соседних стран, заключенных с различными государствами, имеющими общую границу с Российской Федерацией [4]. Этот способ взаимодействия преимущественно предполагает письменные запросы, что является распространенной практикой во всем мире. Однако его эффективность, особенно в отношении экономии времени, вызывает сомнения. В прикладном аспекте деятельности оперативных подразделений Министерства

внутренних дел России приоритетное значение приобретает обеспечение своевременности и оперативности обмена оперативно-розыскной информацией. Это вызывает вопросы о методах, используемых при таком обмене, особенно в отношении конфиденциальности в рамках трансграничного сотрудничества.

Сохраняются опасения по поводу конфиденциальности информации, передаваемой с помощью традиционных средств, таких как бумажные носители, что потенциально может подорвать ее безопасность. Хотя использование шифрованных телеграмм не предусмотрено межгосударственными соглашениями, они признаны в нормативных актах, регулирующих межгосударственный розыск лиц [4]. Это предполагает потенциальную применимость в трансграничном сотрудничестве между территориальными полицейскими силами, что требует законодательной базы для формализации их использования.

Интеграция альтернативных цифровых коммуникационных каналов, в частности платформ обмена мгновенными сообщениями (Instant Messaging Platforms), в практику международного полицейского взаимодействия представляет собой перспективный вектор повышения оперативной эффективности. Эмпирические наблюдения свидетельствуют о существовании де-факто практик неформального информационного обмена между оперативными сотрудниками правоохранительных органов государств — участников Содружества Независимых Государств посредством таких мессенджеров, как WhatsApp и Telegram, несмотря на отсутствие их нормативной легитимации на межгосударственном уровне. Данный феномен указывает на стихийное формирование адаптивных коммуникативных моделей, отвечающих потребности в оперативности, что актуализирует вопрос об их институционализации и системном внедрении.

Повышение результативности трансграничного сотрудничества при одновременном обеспечении режима информационной безопасности требует разработки комплексной, методологически выверенной концепции. Ключевым элементом такой концепции должна стать формализация процедур использования специализированных защищенных платформ обмена сообщениями, криптографические протоколы которых соответствуют требованиям защиты служебной информации ограниченного распространения. Параллельно необходима детальная регламентация уровней взаимодействия, включая ранее недостаточно структурированное сотрудничество на уровне районных правоохранительных органов, что позволит оптимизировать потоки информации и сократить временные издержки.

Важным организационно-правовым механизмом минимизации рисков и повышения ответственности является четкое определение круга

уполномоченных должностных лиц с обеих сторон, наделенных исключительными полномочиями на осуществление информационного обмена, включая устные консультации в рамках установленных процедур. Формальное закрепление их статуса, компетенции и пределов допустимого к передаче контента не только усилит правовые гарантии, но и создаст систему персональной ответственности, что является фундаментальным условием для выстраивания устойчивых, доверительных и, главное, безопасных каналов оперативно-розыскного взаимодействия в условиях цифровой трансформации преступности.

Список основных источников

1. Ондар А.-Х. Э. Приграничное сотрудничество территориальных органов МВД России с компетентными органами иностранных государств в сфере оперативно-розыскной деятельности : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.12 / Акад. упр. МВД России. М., 2018. 221 с. Вернуться к статье

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ : в ред. от 1 апр. 2025 г. № 41-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Краткая характеристика состояния преступности в России за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики о сотрудничестве органов внутренних дел и органов общественной безопасности приграничных регионов обоих государств (извлечение) (Заключено в г. Пекине 26.06.2002) [Электронный ресурс]. URL: https://conventions.ru/int/17493/ (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.9

П. В. Тепляшин
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ЗНАЧИМОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕЕ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ

В условиях транснационализации наркопреступности, когда угроза исходит извне, а также формируется в гибридном цифровом пространстве, ни одно государство не способно в одиночку обеспечить эффективный уровень антинаркотической безопасности. Антинаркотическая стратегия государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2026–2030 годы (далее — Стратегия) формирует новый уровень коллективного ответа на общие вызовы [1]. Однако ее декларативные цели и принципы требуют для практической реализации прочной правовой основы. В этом контексте особое значение приобретает развитие модельного законодательства Организации Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ) как уникального инструмента гармонизации правовых систем ее государств-членов. Инновационный подход к оценке его значимости заключается в рассмотрении не через призму традиционного международного права, а через концепцию «коллективной безопасности от транснациональной организованной преступности», которая постулирует, что уязвимость одного государства-члена, вызванная криминальным давлением, напрямую ослабляет безопасность всего союза. В рамках данной концепции модельные законы ОДКБ выступают не просто рекомендательными актами, а правовым инструментом ситуационного сближения национальных антинаркотических режимов, создающим единое воздействие на наркобизнес на территории ответственности государств — членов ОДКБ.

Стратегия ОДКБ задает основные векторы сотрудничества: от совместных операций до гармонизации законодательства. Она отвечает на вопрос «Что делать?», но оставляет открытым вопрос «Как это закрепить в национальных правовых системах?». Например, развитие потенциала противодействия использованию IT-технологий (задача, предусмотренная подп. «д» п. 3 Стратегии) не содержит механизмов правового принуждения к блокировке наркомаркетплейсов или обязанности провайдеров хранить данные для расследований. В свою очередь, подрыв экономических основ наркопреступности (задача,

зафиксированная в подп. «е» п. 3 Стратегии) не предлагает единой модели конфискации и обращения в доход государств криптоактивов, полученных от наркоторговли [1].

Модельные законы, разрабатываемые в рамках Парламентской Ассамблеи ОДКБ, представляют собой оптимальные правовые конструкции, предлагаемые для имплементации в национальные законодательства. Их значимость для антинаркотической безопасности государств — членов ОДКБ состоит в формировании предпосылок оптимизации модельного законодательства. Допустимо обозначить ряд следующих перспективных предложений:

I. Создание единых правовых барьеров на пути транснационального наркотрафика. В этой связи разработка и принятие модельного закона ОДКБ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» с детальной проработкой соответствующих мер антинаркотического характера позволили бы унифицировать в государствах-членах: 1) перечень предикатных преступлений, обязательно включающий все составы, связанные с незаконным оборотом наркотиков; 2) порядок замораживания и конфискации виртуальных активов (криптовалют), используемых при расчетах в даркнете; 3) обязанности финансовых институтов и поставщиков услуг с криптоактивами по выявлению и сообщению о подозрительных операциях, связанных с наркоторговлей.

II. Формирование общего цифрового правового поля. В ответ на вызовы, исходящие от IT-инфраструктуры наркобизнеса, необходим модельный закон ОДКБ «О мерах противодействия использованию информационно-телекоммуникационных сетей в целях незаконного оборота наркотических средств». Ключевые положения данного закона могли бы включать: 1) унифицированные основания и упрощенную процедуру экстренного блокирования интернет-ресурсов, распространяющих наркотики, включая сайты в доменных зонах государств — членов ОДКБ; 2) обязанность организаторов анонимной рассылки и хостинг-провайдеров предоставлять по запросам правоохранительных органов других государств — членов ОДКБ данные, необходимые для идентификации распространителей; 3) закрепление правовых оснований для проведения согласованных контролируемых поставок в цифровой среде («кибер-провокаций») под надзором единого оперативного штаба.

III. Устранение «правовых убежищ» для прекурсоров и новых психоактивных веществ. Соответственно, для решения задач, предусмотренных подп. «и», «о», «п» п. 3 Стратегии, требуется принятие модельного закона ОДКБ «О государственном контроле за оборотом прекурсоров и психоактивных веществ». Его инновационностью может стать: 1) закрепление принципа

«опережающего контроля», предусматривающего механизм оперативного (в течение 30–45 дней) внесения в единый реестр запрещенных веществ новых формул новых психоактивных веществ, выявленных в любом из государств-членов, с одновременным введением временного запрета на их оборот на всей территории ОДКБ до завершения полной экспертизы; 2) создание единой автоматизированной системы учета легального оборота прекурсоров с прямым доступом правоохранительных органов всех государств — членов для выявления аномальных (по объему, по структуре и другим критериям) закупок. В этом заключается прогнозирующий характер реализации соответствующих задач Стратегии. Ведь, как отмечается в специальных исследованиях, «прогностическая задача… отражает аналитико-диагностический потенциал информационного обеспечения и выражается в выявлении, анализе и прогнозе тенденций развития в сфере международной антинаркотической деятельности» [2, с. 75].

На фоне обозначенных предложений необходимо отметить, что процесс модельного законотворчества в ОДКБ сталкивается с проблемами, которые можно свести к следующим:

1. Декларативность и низкая скорость имплементации. Так, модельные законы часто носят общий характер, а их трансформация в национальные акты может занимать годы, нивелируя своевременность ответа на угрозы.

2. Отсутствие механизмов принуждения к исполнению, поскольку не разработаны санкции за непринятие или искажение ключевых положений модельного акта.

3. Слабая проработка процессуальных аспектов законодательства. Ведь Стратегия и модельные акты фокусируются на материальном праве, оставляя без должного внимания вопросы доказательств, полученных в соответствующем.

Таким образом, значение законодательства ОДКБ для антинаркотической безопасности государств-членов выходит далеко за рамки традиционной гармонизации. В условиях, когда наркоугроза носит сетевой и трансграничный характер, модельные законы становятся инструментом практической реализации коллективного суверенитета, позволяя создать непрерывное правовое поле для результативного противодействия гибридным наркоугрозам. Инновационный подход заключается в переходе от разработки рамочных документов к созданию «точечных», технологически ориентированных правовых модулей, которые в кратчайшие сроки могут закрывать наиболее уязвимые места в национальных законодательствах. Только через углубленную, детализированную и обязывающую правовую интеграцию, основанную на концепции коллективной антикриминальной безопасности, государства — члены ОДКБ смогут

эффективно выполнить поставленные в Стратегии задачи и обеспечить устойчивую защиту своего населения от деструктивного влияния наркопреступности.

Список основных источников

1. Антинаркотическая стратегия государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2026–2030 годы [Электронный ресурс] // Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств — членов ОДКБ (КСОПН) : [сайт]. URL: https://ksopn.odkb-csto.org/news/antinarkoticheskaya-strategiya-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-/#loaded (дата обращения: 20.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Мелихов М. Г., Струговец В. М., Кузовлев В. Ю. Сущность, цели и задачи информационного обеспечения международной антинаркотической деятельности // Вестн. Всерос. ин-та повышения квалификации сотрудников М-ва внутр. дел Рос. Федерации. 2024. № 2. С. 70–78. Вернуться к статье

УДК 316.334.3

Б. И. Шумская
аспирант Белорусского государственного экономического университета,
магистр политических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АТАК: ПОЛИТИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ

На текущем этапе развития международных отношений кибертерроризм утвердился в качестве фактора международной безопасности, разрушающего классические представления о суверенитете и монополии государства на применение силы. Всеохватная природа атак, их скрытность и проблемы идентификации влекут за собой целесообразность международного взаимодействия в процессе их изучения и пресечения. В данной связи автор постулирует переход от фрагментарных юридико-технических интерпретаций к холистической политико-институциональной парадигме противодействия кибертерроризму. Предлагаемый подход рассматривает расследование атак не как набор следственных процедур, а как структурный элемент международного сотрудничества, отражающий трансформацию суверенитета, механизмов доверия и баланса интересов в киберэпоху. Противодействие кибертерроризму трактуется как политически детерминированный процесс, зависящий от уровня институциональной согласованности и готовности руководства стран к долгосрочному сотрудничеству.

Ранние юридико-технические интерпретации кибертерроризма в фокусе цифровой криминалистики и правовой квалификации малоэффективны в рамках геополитического соперничества, что прослеживается на примере деятельности Европола и Европейского центра по борьбе с киберпреступностью (EC3), ориентированного на оперативно-техническую координацию, а также механизма e-Evidence Европейского союза по трансграничному доступу к электронным доказательствам [1]. Расследование инцидентов отныне зависит от межгосударственного доверия и институционального взаимодействия, что делает переход к холистической политико-институциональной парадигме обоснованным. В ней кибертерроризм рассматривается не как полная техническая и правоприменительная проблема, а как синтезированный феномен международной безопасности, интегрированный в систему современных политических отношений.

Размывание вестфальской модели государственного суверенитета стало первостепенным институциональным барьером при изучении

кибертеррористических акций. Транснациональный характер угроз ограничивает государственный контроль над инфополем, что актуализирует потребность в интеграции национальных ресурсов в наднациональные координационные форматы. Процесс предполагает формирование единых правовых режимов и баз данных, без которых невозможны установление виновных и пресечение экстерриториальных кибератак. Имеющиеся законодательные базы не справляются с регуляцией интернет-инцидентов, что препятствует международным следственным действиям [2, p. 1, 3–4, 7]. Выявленная узкость инструментария подтверждает тезис автора, т. е. эффективность расследования определяется степенью институциональной адаптации международной системы, а не технологическим потенциалом.

Холистическая политико-институциональная парадигма рассматривает противодействие кибертерроризму как многоуровневую систему, состоящую из четырех компонентов (уровней). Политический уровень выражает состояние международного доверия и готовность государств к кооперации; институциональный — деятельность международных организаций и режимов коллективной безопасности; правовой — процессы нормативной унификации и гармонизации законодательства; технологический — инструменты цифровой криминалистики, обмена электронными доказательствами и защиты критической инфраструктуры. Результативность расследования в рамках данной парадигмы определяется интеграцией указанных компонентов в единую модель международного взаимодействия.

Асимметрия политических интересов и расхождение правовых стандартов блокируют создание более устойчивых механизмов сотрудничества, превращая безопасность в «заложника» политической конъюнктуры. Трансформация кибербезопасности в поле политического торга обуславливает потребность анализа расследований через призму политико-институциональных противоречий, а не исключительно правоприменительной практики.

Системный кризис доверия на макроуровне провоцирует дилемму безопасности, при которой защитные меры одних государств воспринимаются другими как угроза. Приоритет суверенного развития в высокотехнологичных отраслях препятствует открытому информационному взаимодействию и приводит к транснациональным последствиям во всех сферах [3]. Без формирования наднациональных режимов доверия любые следственные механизмы остаются ситуативными и уязвимыми к политической фрагментации.

Международная организация уголовной полиции (Интерпол) занимает положение центрального звена и основного канала по обмену разведывательными данными, что минимизирует трансакционные издержки межгосударственного диалога [4]. Одновременно эффективность организации ограничена дефицитом наднациональных полномочий и зависимостью от политической конъюнктуры, т. к. ее дееспособность зависит от готовности суверенных акторов ставить общую безопасность выше частных национальных интересов.

Роль нормативного эталона выполняет Будапештская конвенция Совета Европы, унифицирующая параметры доступа к цифровым материалам и процедуры взаимной юридической поддержки [2, p. 3–6]. Между тем фрагментарный характер участия акторов мира и споры об универсальности Конвенции лимитируют ее возможности как многофункционального механизма борьбы с кибертерроризмом.

В рамках Организации Объединенных Наций (ООН) расследование кибертеррористических атак вписано в парадигму борьбы с транснациональной преступностью. Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC) содействует укреплению национальных компетенций, но внедрение его стандартов сталкивается с политизацией и институциональной разобщенностью [5]. Результативность изученных институтов и правовых инструментов коррелирует с готовностью стран жертвовать частью суверенных полномочий в пользу коллективной безопасности.

Международное сотрудничество в расследовании кибертеррористических атак нуждается в переходе к многоуровневой модели координации, объединяющей правовые, институциональные и политические компоненты. Приоритетным направлением является развитие механизмов трансграничного доступа к электронным доказательствам и прямое взаимодействие с сервис-провайдерами [6]. Параллельно актуализируется задача формирования культуры стратегического доверия: совместные учения и сеть контактных пунктов минимизируют политические трения и повышают оперативность реагирования.

Перспективной видится институционализация сотрудничества внутри региональных объединений с высокой степенью нормативной конвергенции. Опыт Евразийского экономического союза по части формирования единого правового пространства подтверждает преимущества углубленной интеграции, сочетающей правовые гарантии с гибкостью правоохранительного взаимодействия. Фактически расследование кибертеррористических атак должно стать индикатором институциональной зрелости мировой системы безопасности. С позиции холистической политико-институциональной парадигмы его эффективность определяется умением государств интегрировать правовые и

политические инструменты в общую модель. Совершенствование следственных механизмов невозможно без нормативной унификации и формирования устойчивой политической воли к коллективному управлению цифровыми угрозами, что превращает борьбу с кибертерроризмом в звено на пути к стабильности международных отношений.

Список основных источников

1. European Cybercrime Centre — EC3 [Electronic resource] // Europol : [website]. URL: https://www.europol.europa.eu/about-europol/european-cybercrime-centre-ec3 (date of access: 09.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Budapest Convention on Cybercrime and Cross-Border Access to Electronic Evidence [Electronic resource] // EuroJust : [website]. URL: https://www.eurojust.europa.eu/publication/budapest-convention-cybercrime-and-cross-border-access-electronic-evidence (date of access: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. MEPs endorse international agreement on sharing electronic evidence [Electronic resource] // European Interest : [website]. URL: https://www.europeaninterest.eu/meps-endorse-international-agreement-on-sharing-electronic-evidence/ (date of access: 12.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Terrorism [Electronic resource] // INTERPOL : [website]. URL: https://www.interpol.int/Crimes/Terrorism (date of access: 13.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Cybercrime [Electronic resource] // United Nations : [website]. URL: https://www.unodc.org/romena/en/cybercrime.html (date of access: 16.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Access to e-evidence: Council authorises member states to ratify international agreement [Electronic resource] // Council of the European Union : [website]. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/02/14/access-to-e-evidence-council-authorises-member-states-to-ratify-international-agreement/ (date of access: 20.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 342.951

С. Г. Антонова
старший преподаватель кафедры
административной деятельности органов внутренних дел
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ГРУППЫ РИСКА В ДОРОЖНОМ ДВИЖЕНИИ

На протяжении многих лет обеспечение безопасности дорожного движения остается одной из основных демографических, правовых и организационных проблем нашего общества и государства. В связи с тем, что дорожно-транспортные происшествия (далее — ДТП) влекут за собой причинение вреда жизни, здоровью граждан, а также значительный материальный и социально-экономический ущерб, обеспечение безопасности дорожного движения образует одно из приоритетных направлений государственной политики. Цели государственной политики в данной области нашли свое отражение в Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841 (далее — Стратегия) [1]. В соответствии со Стратегией, основным показателем состояния безопасности дорожного движения является снижение смертности в результате ДТП в полтора раза к 2030 г. и в два раза к 2036 г. Для достижения поставленных целей к установленным срокам требуется наличие эффективных механизмов ее достижения [2, с. 28–31]. Однако, несмотря на принимаемые меры по повышению безопасности дорожного движения, в Российской Федерации по-прежнему остаются высокими показатели смертности в результате ДТП, что препятствует росту ожидаемой продолжительности жизни. В России ежегодно фиксируется большое количество ДТП, причинивших вред гражданам. Так, в 2025 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 132 037 ДТП, в которых погибло 14 403 лиц и ранено 164 574 [3].

Причинами ДТП является комплекс факторов, одновременно воздействующих в процессе дорожного движения, среди которых немаловажное значение имеет поведение участника дорожного движения. Именно человеческий

фактор чаще всего становится источником опасности на дороге и является основной причиной правонарушений, среди которых особое место занимают преступления, т. к. влекут за собой общественную опасность. Риск совершения преступлений в данной сфере связан с личностными характеристиками участников дорожного движения, которые обладают разными способностями, оказывающими существенное влияние на их поведение на дороге [4, с. 9]. В силу физических, психофизиологических качеств может проявиться несвоевременное прогнозирование опасных ситуаций во время движения; неумение быстро оценивать совокупность обстоятельств, требующих оперативной реакции на изменения обстановки, и др. Все это может привести к ДТП. Административные методы предупреждения ДТП, являясь в целом эффективной формой профилактики, тем не менее во многом исчерпали себя и не учитывают индивидуальные особенности отдельных участников дорожного движения. Законодательством Российской Федерации не в достаточной мере разработан механизм обеспечения безопасности тех участников дорожного движения, вероятность совершения ДТП которыми более высокая ввиду их физических, психофизиологических и иных особенностей.

С принятием новой Стратегии впервые на законодательном уровне введено понятие групп риска и определены участники дорожного движения, входящие в них. К основным группам риска относятся те лица, участие которых в дорожном движении имеет более высокую вероятность совершения ДТП. Среди них перечислены: уязвимые участники дорожного движения; дети; начинающие водители; лица старшего возраста; иностранные граждане; ранее совершавшие грубые нарушения или систематические нарушения; лица, склонные к употреблению алкогольной продукции, наркотических средств или иных психоактивных веществ: лица с ограниченными возможностями здоровья и лица, имеющие заболевания, в том числе препятствующие безопасному управлению.

Стратегией отмечено и увеличение численности групп риска, что несет угрозу безопасности дорожного движения и вызывает необходимость детального раскрытия их социально-демографических характеристик, а также изучения особенностей их участия в дорожном движении. Установление психологических и психофизиологических особенностей участников дорожного движения является необходимым при расследовании преступлений в сфере безопасности дорожного движения, т. к. они непосредственно связаны с субъектом и позволяют сделать вывод о наличии его вины [5, с. 28]. Особое значение это имеет при доказывании виновности водителя, когда стоит вопрос о наличии у него технической возможности избежать ДТП. Такая возможность напрямую

связана с моментом восприятия имеющейся или возникшей перед ним опасности [6]. Установление психологических и психофизиологических особенностей участников движения имеет значение не только при расследовании преступлений, но и для выработки требований, предъявляемых к ним, а также для повышения эффективности применяемых к ним мер принуждения.

В настоящее время законодательство Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения, не раскрывает в полной степени правовое положение групп риска, а также учет индивидуальных психологических, психофизиологических особенностей и их влияние на состояние защищенности данного процесса. Правила дорожного движения, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 [7], дают общее понятие участника дорожного движения, которым является лицо, принимающее непосредственное участие в процессе движения, и перечисляют единые требования без учета особенностей, наличие которых относит некоторых из них к определенным группам риска. Кроме того, Правила дорожного движения не раскрывают понятие «групп риска» и их перечень. Не разработан в достаточной степени и механизм реализации принуждения в отношении лиц, относящихся к группам риска, что влечет снижение эффективности мер по противодействию правонарушениям в области безопасности дорожного движения.

Таким образом, сложившаяся в Российской Федерации ситуация, связанная с демографическими, социально-экономическими, миграционными и другими изменениями, привела к увеличению численности групп риска, что, в свою очередь, создает угрозу для безопасности дорожного движения и требует решения вопросов об учете, контроле и развитии механизма участия их в дорожном движении. В настоящее время существует необходимость комплексного изучения рисков участия в дорожном движении групп риска и выработки мер правового и организационного характера по обеспечению их безопасности. Представляется целесообразным путем правового регулирования решить вопросы участия групп риска в дорожном движении с учетом их физических, психофизиологических и иных индивидуальных особенностей, что позволит повысить эффективность принимаемых мер по противодействию правонарушениям в сфере безопасности дорожного движения.

Список основных источников

1. Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 14 нояб. 2025 г. № 841. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Майоров В. И. Цель и задачи государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения: в контексте стратегического планирования // Современная наука. 2024. № 2. С. 28–31. Вернуться к статье

3. Показатели состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] // Госавтоинспекция : [сайт]. URL: http://stat.gibdd.ru (01.05.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Осуществление комплексных мер по обеспечению безопасности наиболее уязвимых участников дорожного движения : учеб.-практ. пособие / С. А. Жбанова [и др.]. Орёл : Орлов. юрид. ин-т МВД России им. В. В. Лукьянова, 2025. 65 с. Вернуться к статье

5. Александрова Л. А. Особенности установления обстоятельств при проверке сообщения о преступлении в сфере безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2024. № 3. С. 27–32. Вернуться к статье

6. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 9 дек. 2008 г. № 25. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

7. О Правилах дорожного движения [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации от 23 окт. 1993 г. № 1090. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 342.951+343.3/.7

А. А. Бань
преподаватель кафедры конституционного права
юридического факультета
Белорусского государственного университета

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НЕКОТОРЫХ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ ПРОТИВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ПОРЯДКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

В контексте становления национальной безопасности Республики Беларусь важную роль играют биологическая и экологическая составляющие, которые формируют крепкий фундамент в современной геополитической обстановке, ориентируясь на защиту интересов нашего государства. На страже укрепления отмеченных элементов национальной безопасности белорусского государства стоит юридическая ответственность, где такие ее виды, как административная и уголовная, призваны обеспечить правомерное поведение всех субъектов общественных отношений.

В частности, в настоящее время остро стоит вопрос в сфере агропромышленного комплекса в части непроизводительного выбытия крупного рогатого скота. Открытые источники информации подтверждают суждение о важности поднимаемой проблематики [1], где отражаются основные причины падежа скота и выражаются предложения о введении уголовной ответственности за нарушение ветеринарно-санитарных и зоотехнических требований содержания сельскохозяйственных животных, которое создало условия для его падежа.

В этом свете, обратившись к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП), отмечаем наличие ст. 16.28, где противоправные деяния сведены к комплексу нарушений ветеринарных правил, закрепленных в различных нормативных правовых актах как государственного уровня, так и входящими в право Евразийского экономического союза, а равно запрету ввоза на территорию Беларуси товаров без соответствующего разрешения, если таковое необходимо [2].

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) устанавливает аналогичную диспозицию в ст. 284 с той лишь разницей, что указанные деяния повлекли по неосторожности распространение заразных болезней животных или причинение ущерба в крупном размере, который приравнен к 250 и более базовым величинам, определяемым на день совершения преступления [3].

Не вдаваясь вглубь анализа ст. 284 УК, которую в достаточной мере раскрыли правоведы А. А. Пухов [4] и В. В. Марчук [5, с. 638–640], остановимся

на ином аспекте нарушений ветеринарных требований, которые влияют на биолого-экологическое равновесие человека и компонентов окружающей среды.

Имеющиеся инциденты сокрытия падежа сельскохозяйственных животных вызывают вопросы об их фактическом размещении после наступивших случаев выбытия, которые, на первый взгляд, должны давать простой законный ответ, сводящийся к захоронению трупов крупного рогатого скота в специально отведенных местах (скотомогильниках). Вместе с тем, как показывает практика, включающая выявляемые контролирующими органами, отмечаются факты захоронения скота вне санкционированных мест, попросту говоря, в земле путем раскопки грунта. Подобные нарушения уже не только влекут нарушения в области ветеринарной деятельности, они непосредственно связаны с экологической безопасностью, охраной окружающей среды и порядком природопользования.

Так, действующая практика в данном направлении сводится только к установлению факта причинения вреда окружающей среде в порядке абзаца 13 подп. 1.1 п. 1 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 11 апреля 2022 г. № 219 [6], т. е. деградации земель (включая почвы), выразившейся в незаконном нарушении земель в результате осуществления хозяйственной деятельности.

Указанные противоправные деяния квалифицируются по ст. 16.11 КоАП (порча земель) либо по ст. 269 УК (порча земель) [3] в случае причинения ущерба окружающей среде в особо крупном размере (1 000 и более раз превышающем размер базовой величины) [2].

В то же время, по видению автора, принимаемые меры недостаточны для установления всех возможных последствий рассматриваемого отрицательного антропогенного воздействия на компоненты окружающей среды — землю и подземные воды.

Видится также необходимость отбора проб и проведения лабораторных исследований образцов почвы в местах несанкционированного захоронения трупов сельскохозяйственных животных на предмет установления их загрязнения химическими и иными веществами, бактериально-паразитическими организмами, результаты которых, помимо установления факта причинения вреда окружающей среде в результате загрязнения земель такими веществами также дадут ответ на вопрос о возможном поступлении небезопасных элементов путем их миграции в подземные воды.

Вместе с тем представляемая практика проведения отбора проб земель и дальнейших биохимических исследований, дающая комплексное

представление о негативном влиянии на компоненты окружающей среды, в настоящее время отсутствует, что затрудняет анализ и оценку эколого-биологического состояния и равновесия природных объектов.

Здесь же, в корреляции административной и уголовной ответственности и в высказываемых подходах ужесточения последней к выявляемым противоправным деяниям сферы ветеринарной деятельности, следует обратить внимание на факт нахождения таких правонарушений, как, впрочем, и всего природоохранного блока в гл. 16 КоАП, которая презюмирует освобождение лица от административной ответственности с вынесением предупреждения в случае совершения им деликта впервые в течение года, признания факта нарушения и добровольного возмещения вреда, причиненного окружающей среде, в случае его наличия (естественно, до размера, влекущего уголовную ответственность) [2].

Таким образом, констатируем необходимость пересмотра имеющегося либерального примечания к гл. 16 КоАП, которое не отвечает современным условиям национальной безопасности, ибо влечет как минимум ужесточение иных доступных государственных механизмов воздействия на субъектов правоотношений, в том числе путем установления дополнительных санкций в белорусском уголовном законе.

В заключение необходимо подчеркнуть важность принимаемых превентивных мер, включая надлежащую проработку административно-деликтного механизма, направленного на сокращение фактов антиобщественного поведения, которое ориентировано в том числе и на борьбу с имеющимися уголовными преступлениями.

Список основных источников

1. Возмещение вреда от падежа скота и птицы: НПЦ Генеральной прокуратуры провел круглый стол [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://www.prokuratura.gov.by/ru/media/sobytiya-i-meropriyatiya/vozmeshchenie-vreda-03112025/ (дата обращения: 02.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Пухов А. А. Объективная сторона нарушения ветеринарных правил (ст. 284 Уголовного кодекса Республики Беларусь) // Право.by. 2013. № 5 (25). С. 79–84. Вернуться к статье

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь: научно-практический комментарий : от 9 июля 1999 г. : с учетом изменений и дополнений, внесенных в Уголовный кодекс Республики Беларусь, по состоянию на 19 июля 2019 г. / Т. П. Афонченко [и др.]. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. 1000 с. Вернуться к статье

6. О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и порядке его исчисления [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 11 апр. 2022 г. № 219 : в ред. от 28 авг. 2025 г. № 468. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 351.81

И. В. Голубев
преподаватель кафедры организации охраны общественного порядка
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России

КОНЦЕПЦИЯ ОЦЕНКИ ОПАСНОГО ВОЖДЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БАЛЛОВОЙ СИСТЕМЫ

Повышение безопасности дорожного движения является одной из главных задач, стоящих в настоящее время перед обществом и государством, а стремительно увеличивающийся трафик движения автотранспорта и повышение аварийности на дорогах являются насущными проблемами, требующими проведения дополнительных исследований.

Одним из наиболее эффективных примеров повышения безопасности дорожного движения в последнее время стало использование систем видеофиксации правонарушений посредством автоматизированных камер видеонаблюдения на дорогах. Системы видеонаблюдения уже давно используются для мониторинга общественных мест, выявления и пресечения преступной деятельности, а также для выявления правонарушений на транспортных магистралях и дорогах общего пользования в городах. Вместе с тем универсальной системы прогнозирования и предотвращения опасных ситуаций в области безопасности дорожного движения в настоящее время не существует.

В целях повышения безопасности дорожного движения, а также обобщения опасных действий лиц, управляющих автотранспортом, в 2016 г. постановлением правительства Российской Федерации в Правила дорожного движения были внесены изменения, закрепившие норму, запрещающую опасное вождение. Согласно п. 2.7. Правил дорожного движения Российской Федерации, под опасным вождением понимается неоднократное совершение одного или нескольких следующих друг за другом действий [1, с. 54], а именно:

- невыполнение при перестроении требования уступить дорогу транспортному средству, пользующемуся преимущественным правом движения;
- перестроение при интенсивном движении, когда все полосы движения заняты, кроме случаев поворота налево или направо, разворота, остановки или объезда препятствия;
- несоблюдение безопасной дистанции до движущегося впереди транспортного средства;
- несоблюдение бокового интервала;

− резкое торможение или ускорение, если такое действие не требуется для предотвращения дорожно-транспортного происшествия;

− препятствование обгону.

Следует указать, что отдельно данные действия не создают юридически значимых последствий в виде ответственности за совершение правонарушения и не нашли свою регламентацию в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях [2].

Основным препятствием при принятии норм права, отражающих ответственность за опасное вождение, являлось мнение, что определение вины будет зависеть от субъективного мнения должностного лица, что содержит элемент правовой неопределенности и, в свою очередь, может повлечь его расширительное толкование при рассмотрении дела об административном правонарушении.

Действительно, указанные действия несут в себе различную степень опасности, определение уровня которой затруднено субъективной оценкой. Что опасней? Резкое торможение, несоблюдение бокового интервала или препятствование обгону? Хватает ли двух элементов опасного движения для возбуждения дела об административном правонарушении или требуется большее количество опасных действий?

По мнению автора исследования, на данном этапе возможно ввести балловую систему оценки для конкретизации степени опасности действий. То есть условно каждое действие, отраженное в содержании Правил дорожного движения и имеющее признаки опасного вождения, принять за один бал. Когда количество баллов достигает критического значения, которое необходимо определить на законодательном уровне (для примера возьмем условно десять баллов), появляется основание для возбуждения дела об административном правонарушении и принимается необходимое решение.

Фиксация и накопление информации о совершенных действиях, содержащих признаки опасного вождения, происходит путем автоматизации при использовании систем видеонаблюдения, расположенных на автомагистралях и улицах населенных пунктов. Также в качестве распознавания опасного вождения возможно использовать элементы искусственного интеллекта, при этом важно это делать в режиме реального времени [3, с. 80]. Так, требования к алгоритмам использования искусственного интеллекта при определении опасного вождения были рассмотрены автором в своем предыдущем исследовании. В нем рассматривалось использование систем искусственного интеллекта в целях выявления опасного вождения как процесс сбора, маркировки и анализа

данных, загруженных в программное обеспечение, способное выявлять, фиксировать и обобщать отдельные признаки опасного вождения [4, с. 338].

Другим немаловажным условием квалификации опасного вождения является определение времени, в период которого будут учитываться начисляемые баллы за указанные действия водителя транспортного средства. Предполагается, что опасное вождение подразумевает совершение участником движения перечисленных действий в относительно короткий срок. Стоит ли ограничиваться временным отрезком учета действий, содержащих признаки опасного вождения за сутки, или промежуток времени может составлять насколько дней. По мнению автора, наиболее целесообразным промежутком времени представляется период, равный трем календарным дням или семидесяти двум часам. В случае накопления в указанный период условных баллов предоставляется право должностному лицу на возбуждение дела об административном правонарушении.

Следует отметить, что данные предложения по совершенствованию безопасности дорожного движения являются предварительными заключениями и требуют дополнительного исследования и практической апробации. Так, представляется возможным в целях апробации отдельных моментов введение пилотных проектов в нескольких регионах, отличающихся повышенной напряженностью в области безопасности дорожного движения, с перспективой распространения подобной практики на страну в целом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что противодействие опасному вождению лежит не только в правовом поле, но в определении точных критериев и правил учета квалификации опасного вождения, что в целом должно способствовать повышению уровня обеспечения общественной безопасности в сфере дорожного движения.

Список основных источников

1. Жильцов А. В., Иванов А. Ю. К вопросу о перспективах реализации некоторых законодательных инициатив в сфере обеспечения безопасности дорожного движения // Юрид. наука и правоохран. практика. 2017. № 1 (39). С. 52–58. Вернуться к статье

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. от 23 марта 2026 г. № 75-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Майоров В. И., Бекетов О. И. О нормативно-правовом определении понятия опасного вождения в контексте законодательства об административных правонарушениях // Вестн. Омской юрид. акад. 2017. Т. 14, № 1. С. 77–82. Вернуться к статье

4. Голубев И. В. Использование систем искусственного интеллекта в целях выявления опасного вождения // Борьба с преступностью: теория и практика : тез.

докл. XIII Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 17 апр. 2025 г. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь. Могилев, 2025. С. 337–339. Вернуться к статье

УДК 342.951

М. А. Горностаева
преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ

Охрана института семьи как естественной и фундаментальной ячейки общества выступает в качестве одного из ключевых направлений демографической политики Республики Беларусь. Так, приоритетными задачами государства в области увеличения потенциала семьи и детей являются пропаганда позитивного семейного образа жизни и обеспечение надлежащего уровня поддержания и развития духовно-нравственных традиций семейных взаимоотношений [1].

Вместе с тем в ходе реализации мероприятий в рамках проводимой государственной семейной политики Республика Беларусь признает одним из приоритетных принципов деятельности принцип обеспечения защиты детей, а также его полноценного физического, психического и интеллектуального развития [2].

Исходя из содержания данного принципа, на родителей возлагается ряд обязанностей по созданию и поддержанию необходимых условий для роста ребенка, его всестороннего обучения и воспитания. Кроме того, на законодательном уровне закреплены и основные права ребенка. В частности, ребенок обладает правом на жилище, жизнь и здоровье, образование и социальное обеспечение, а также правом на проживание в семье и на заботу со стороны своих родителей [3].

Так, ребенок, независимо от факта проживания его родителей совместно либо раздельно, имеет право на общение с каждым из них в равной степени [3], при этом создание одним из родителей любых препятствий к общению с совместными детьми запрещено.

В то же время если родители не выполняют свои родительские обязанности либо уклоняются от их выполнения, к ним могут быть применены меры административно-правового воздействия.

Как было сказано ранее, ребенок вправе поддерживать общение с каждым из родителей, при этом последние самостоятельно определяют порядок такого общения. Договоренность же о порядке общения с ребенком может быть

установлена как устно, так и путем заключения Брачного договора, Соглашения об уплате алиментов или Соглашения о детях.

В исключительных случаях, когда договоренность о порядке общения с детьми между родителями не достигнута, подобные споры подлежат разрешению в судебном порядке. При этом суд вправе ограничить одного из родителей в общении с ребенком на тот либо иной срок с учетом интересов последнего [4].

Однако не единичны случаи, когда родитель, несмотря на примененные в его отношении правоограничения, продолжает нарушать порядок общения с ребенком: не соблюдает установленный график и время встреч с ребенком, создает препятствия для общения с другим родителем и иное. При этом за подобные деяния белорусским законодателем административная ответственность не установлена.

В то же время в Российской Федерации за нарушение прав несовершеннолетних, в частности, права на их общение с родителями или близкими родственниками, а равно неисполнение родителями судебного решения о порядке осуществления родительских прав, виновные лица подлежат административной ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5].

В этой связи в целях дальнейшего совершенствования законодательства Республики Беларусь в части обеспечения охраны институтов родительства и детства целесообразно внести изменения в ст. 10.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, дополнив ее частью 3 следующего содержания:

«Деяния, связанные с нарушением родителями или лицами, их заменяющими, условий Брачного договора, либо Соглашения об уплате алиментов, либо Соглашения о детях, либо судебного постановления об участии отдельно проживающего родителя в воспитании ребенка (детей) в части вопросов воспитания и содержания ребенка (детей), совершенные в период действия судебного решения об ограничении общения с ребенком (детьми) —

влекут наложение штрафа в размере до десяти базовых величин».

Список основных источников

1. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс] : утв. протоколом заседания Президиума Совета Министров Респ. Беларусь 4 февр. 2020 г. № 3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь

от 21 янв. 1998 г. № 46 : в ред. от 28 дек. 2007 г. № 676. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 19 нояб. 1993 г. № 2570-XII : в ред. от 12 июля 2025 г. № 86-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 23 марта 2026 г. № 75-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 342.9

А. Н. Данилин
старший преподаватель кафедры административной деятельности факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь
А. П. Тарасенко
курсант факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Внедрение искусственного интеллекта (далее — ИИ) в различные сферы жизни общества создает новые возможности в сфере регулирования общественных отношений, но и одновременно увеличивает риски нарушения прав граждан в сфере конфиденциальности и безопасности использования их персональных данных. В Республике Беларусь вопросы регулирования обработки и защиты персональных данных закреплены в законодательстве, однако развитие ИИ требует дополнений и уточнений.

Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее — Закон об информации) регламентирует порядок работы с персональными данными, статья 4 регулирует защиту информации о частной жизни физического лица и персональных данных [1]. В соответствии с абз. 2 ч. 1 ст. 17 Закона об информации, к информации с ограниченным распространением относится: информация о частной жизни физического лица и персональные данные; сведения, составляющие государственные секреты, служебная информация ограниченного распространения; информация, составляющая коммерческую, профессиональную, банковскую и иную охраняемую законом тайну; информация, содержащаяся в делах об административных правонарушениях, материалах и уголовных делах органов уголовного преследования и суда до завершения производства по делу, а также иная информация. К иной информации можно отнести адрес электронной почты, профили в социальных сетях, с помощью которых можно идентифицировать человека.

Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» закрепляет понятие биометрических данных [2].

Вследствие популярности социальных сетей практически у каждого человека, даже не наделенного особыми полномочиями, появляется доступ к биометрическим данным других людей, а именно: характеристика лица и его изображение. Тем самым создается возможность для правонарушителей, которые могут использовать ИИ-технологии в своих целях.

В ст. 23.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) предусматривается ответственность за нарушение правил обработки персональных данных [3]. Объектом в данной статье являются отношения, возникающие в связи со сбором, обработкой, хранением, предоставлением, распространением, обеспечением защиты персональных данных. Из-за открытого доступа к личным фотографиям граждан в социальных сетях правонарушители могут спокойно пользоваться биометрическими данными законопослушных граждан. Практическим примером нарушения законодательства в сфере защиты персональных данных является использование технологии deepfake, т. е. создание подделок изображений, видео-, аудиоматериала, фактически вводящих в заблуждение граждан. Такие технологии дают возможность генерировать материалы и публиковать их, что способно испортить карьеру, общественное мнение и в целом негативно сказаться на жизни гражданина. Условно говоря, использование биометрических данных человека, а именно его фотографии или иного изображения, позволяет порочить сведения о личности и нарушает законодательство о защите персональных данных.

По нашему мнению, для усиления ответственности за нарушение правил обработки данных необходимо усилить нормативную базу и обеспечить широкое применение ст. 23.7 КоАП Республики Беларусь. В частности, необходимо четко определить, какие именно действия можно квалифицировать как незаконный сбор, хранение, обработка и использование персональных данных в контексте ИИ и автоматизированных систем ИИ. Также необходимо выработать систему профилактических мер, предупреждающих об ответственности за использование биометрических данных человека, которые могут негативно повлиять на его репутацию и другие аспекты жизни. В условиях быстрого развития технологий ИИ статья 23.7 КоАП Республики Беларусь становится достаточно эффективной возможностью для реализации права граждан на защиту персональных данных. Важно определить круг субъектов, которые имеют доступ к автоматизированным системам, и четко поставить границы и рамки использования систем искусственного интеллекта.

Список основных источников

1. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З : в ред. от 10 окт. 2022 г. № 209-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З : в ред. от 1 июня 2022 г. № 175-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 342.9

О. А. Дизер
заместитель начальника института по научной работе
Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина
Н. В. Муленко
старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Сегодня в России наиболее распространенными являются нарушения, связанные с незаконным пребыванием иностранных граждан на территории страны (в частности, это несоблюдение трудовых норм), а также недостаточным учетом мигрантов.

В связи с международной обстановкой вопрос выдворения и депортации иностранных граждан и лиц без гражданства становится особенно актуальным.

Очевидно, что незаконная миграция является общественно опасным, стремительно развивающимся явлением и определенно создает угрозу национальной безопасности Российской Федерации [1]. Увеличение миграционных потоков привело к потребности в обновлении нормативно-правовой базы в сфере миграции.

В рамках выступления акцентируем внимание на перспективе нового правового режима «высылка». В августе 2024 г. Президент Российской Федерации подписал Федеральный закон № 260-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Закон включает ряд нововведений, которые улучшают законодательство в области контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства в России [2], что всецело влияет на обеспечение национальной безопасности государства, прав иностранных граждан и лиц без гражданства [3].

Соответственно, необходимо проанализировать изменения в законодательстве в связи с введением нового правового режима — режима высылки. Режим высылки представляет собой административно-правовой механизм регулирования миграционных процессов, направленный на контроль и обеспечение выезда иностранных граждан и лиц без гражданства, нарушающих миграционное законодательство Российской Федерации.

Реализация данного режима предусматривает: внесение в реестр контролируемых лиц; ограничение правосубъектности; обязательную биометрическую

регистрацию. Механизм вступает в действие с момента фиксации нарушения и продолжается до устранения оснований для его применения.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1126, иностранным гражданам, нарушившим сроки пребывания в России, предоставляется возможность легализовать свое нахождение в стране до 30 апреля 2025 г. [4]. Для урегулирования правового положения необходимо: пройти дактилоскопическую регистрацию, медицинское освидетельствование, предоставить документы о знании русского языка, истории России и основ законодательства, погасить задолженности по обязательным платежам, не иметь оснований для отказа в выдаче разрешительных документов. В случае невыполнения требований до 1 мая 2025 г. выносится решение о неразрешении въезда, лицо включается в реестр контролируемых лиц, также к нему применяется ограничение прав и свобод. Важно отметить, что с 5 февраля 2025 года введен миграционный режим высылки, предусматривающий строгий контроль за нелегально находящимися иностранцами и ограничение их прав и свобод» [5].

Соответственно, с 5 февраля 2025 г. в России введен особый режим высылки для нелегальных мигрантов, предусматривающий комплекс ограничительных мер, в том числе запрет на трудовую деятельность, приобретение недвижимости и транспортных средств, ограничения в банковской сфере и свободе передвижения. Также невозможен прием незаконно находящихся в Российской Федерации несовершеннолетних иностранцев в школы и детские сады. При несоблюдении установленных правил последует принудительная депортация.

Хотелось бы отметить, что одна из причин введения такого новшества связана с преступной деятельностью мигрантов, большинство из которых не состоят на миграционном учете [6]. В связи с этим режим высылки позволяет обеспечить выезд незаконных мигрантов из страны, а также урегулировать их нахождение на территории Российского государства.

Иностранный гражданин попадает в реестр контролируемых лиц, если у него истек срок пребывания в Российской Федерации, аннулированы разрешительные документы, он получил отказ в статусе беженца или временного убежища, а также в случаях административного выдворения, депортации и других мер.

В силу вступления в силу нового правового режима высылки должностные лица МВД России получили полномочия самостоятельно принимать решения об административном выдворении из страны иностранных граждан и лиц без гражданства за ряд правонарушений. Ранее данными полномочиями

обладали только судьи, а также сотрудники пограничной службы в особых случаях совершения правонарушений иностранными субъектами непосредственно при въезде в Российскую Федерацию.

Таким образом, необходимо отметить, что режим высылки иностранных граждан является важной мерой для обеспечения национальной безопасности и порядка в нашей стране, однако работа по урегулированию законодательных мер в миграционном законодательстве до сих пор ведется, что свидетельствует о постоянной динамике в данном вопросе [7].

Говоря о перспективах эффективности нового режима высылки мигрантов, хотелось бы отметить, что ее можно будет оценить лишь в результате анализа статистических показателей миграционной ситуации после вступления в силу изменений законодательных актов и дальнейшей оценки практики применения.

Список основных источников

1. Амельчаков И. Ф., Катаева О. В. Высылка иностранного гражданина как ограничение его права на свободу передвижения и как способ обеспечения национальной безопасности // Право. Журн. Высш. шк. экономики. 2019. № 3. С. 138–159. Вернуться к статье

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 8 авг. 2024 г. № 260-ФЗ : в ред. от 28 дек. 2024 г. № 517-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. О реестре контролируемых лиц [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации от 26 дек. 2024 г. № 1899. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 30 дек. 2024 г. № 1126. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ : в ред. от 4 нояб. 2025 г. № 405-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

6. Евсикова Е. В. Миграционный учет (контроль): современные реалии и перспективы развития // Ученые зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. 2023. № 1. С. 136–150. Вернуться к статье

7. Жолобов Я. Б. Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: проблемы и пути их решения // Судья. 2015. № 6. С. 31–36. Вернуться к статье

УДК 342.951

О. Г. Каразей
заместитель начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

ЗНАЧЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА ПО ВОПРОСУ КОНСТИТУЦИОННОСТИ Ч. 4 СТ. 18.15 КОАП РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

1 октября 2023 г. вступили в силу изменения законодательства, в соответствии с которыми в настоящее время Конституционный Суд Республики Беларусь выносит решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты.

В 2025 г. на интернет-сайте Конституционного Суда размещено наибольшее количество решений и определений по жалобам на нарушения прав при применении законодательства. Причем 8 из 17 касаются вопросов административно-деликтного и процессуально-исполнительного права [1].

Причины такого положения дел очевидны. Новые Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) [2] и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП) [3] вступили в силу лишь в марте 2021 г., и уже на десятках страниц подготовлен законопроект об их корректировке (3 октября 2025 г. принят в первом чтении), в том числе по причине несовершенства правовых предписаний.

К работе по выявлению такого несовершенства присоединился и Конституционный Суд. При этом обращают на себя внимание не только решения данного органа, но и определения об отказе в возбуждении производства по делу, например, уже три определения о конституционности ч. 4 ст. 18.15 КоАП: от 17 декабря 2024 г. № О-2/2024 по жалобе Гницевича А. А. [4]; от 26 апреля 2025 г. № О-4/2025 по жалобе Каспера И. А. [5]; от 27 июня 2025 г. № О-8/2025 по жалобе Шилова И. А. [6].

Часть 4 ст. 18.15 КоАП предусматривает ответственность за употребление водителем алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ (далее — алкоголь) после подачи сотрудником

органов внутренних дел сигнала об остановке транспортного средства либо после совершения дорожно-транспортного происшествия (далее — ДТП), участником которого он является, до прохождения проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния опьянения или состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ.

Заявители считают, что ч. 4 ст. 18.15 КоАП не соответствует Конституции, поскольку содержит пробел и правовую неопределенность, выражающиеся в том, что в указанной норме не установлен срок, в течение которого водителю запрещено употребление алкоголя после совершения ДТП. Данная норма создает возможности для произвольного усмотрения должностных лиц при установлении обстоятельств дела.

Конституционный Суд пришел к выводу, что юридические запреты на употребление алкоголя после ДТП «являются правомерными, поскольку они обусловлены требованиями обеспечить безопасность дорожного движения посредством исключения из него транспортных средств, которые управляются лицами в состоянии, ухудшающем их реакцию и внимание, что создает повышенную опасность для участников дорожного движения, а также вызваны необходимостью объективного и всестороннего установления всех обстоятельств происшествия. Норма части 4 статьи 18.15 КоАП является юридической гарантией соблюдения водителями своих обязанностей, способствует достоверному установлению всех обстоятельств ДТП, необходимых для правильного разрешения вопроса о справедливой ответственности лица, виновного в совершении ДТП» [7].

Только по делу Гницевича А. А. из определения Конституционного Суда ясно, что он был освидетельствован в день совершения административного правонарушения. И в этой связи можно полностью согласиться с обоснованием Конституционного Суда отказать в возбуждении производства.

Однако как подходить к оценке такого деяния, если водителя освидетельствовали не в день правонарушения, а позже — спустя неделю, месяц…? И, если водитель не прошел освидетельствование, в течение какого срока ему запрещено употребление алкоголя? И что будет означать факт нахождения водителя в состоянии опьянения спустя месяц после ДТП? Полагаем, что утверждения о необходимости объективного и всестороннего установления всех обстоятельств ДТП не применимы, т. к. причинно-следственная связь между ДТП и состоянием опьянения не устанавливается.

Согласно медицинским данным, при употреблении 500 мл водки в крови, моче и выдыхаемом воздухе алкоголь сохраняется 24 часа и более. Все

индивидуально, однако спустя неделю после употребления алкоголя состояние опьянения установлено не будет.

Часть 4 ст. 18.15 КоАП временную границу запрета употреблять алкогольные напитки после совершения водителем ДТП не устанавливает вообще. Срок наложения административного взыскания по данной статье составляет два месяца с момента его совершения. При этом определение состояния опьянения спустя месяц после ДТП объективно не устанавливает обстоятельства данного ДТП. И наоборот, установление отсутствия состояния опьянения спустя неделю после ДТП не подтверждает утверждение лица, что в момент происшествия он был трезв.

Таким образом, отсутствие временных границ употребления алкоголя после ДТП приводит к установлению строгой ответственности за априори правомерное деяние (употребление алкоголя), не соответствует объекту рассматриваемого правонарушения — общественным отношениям в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, в целом задачам и принципам КоАП — законности, справедливости, виновной ответственности.

Аналогичные вопросы ставят и другие исследователи, отмечая, что «под временным промежутком для привлечения лица по рассматриваемому составу необходимо считать время, в течение которого возможно установить факт нахождения его в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством» [8, с. 47], «водитель, скрывшийся с места происшествия, может быть признан совершившим преступление… в состоянии опьянения, если после его задержания к моменту проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения или судебной экспертизы не утрачена возможность установить факт нахождения его в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством» [9, с. 137].

Рассматривая данные определения Конституционного Суда, мы не ставим их под сомнение, учитываем, что в ходе рассмотрения дела о проверке конституционности закона, примененного в конкретном деле, по конституционной жалобе Конституционный Суд не входит в обсуждение фактических обстоятельств конкретного дела и не дает оценку судебному постановлению по существу дела (ч. 2 ст. 161 Закона «О конституционном судопроизводстве» [10]).

В то же время наличие таких жалоб, их содержание, приведенные доводы позволяют определять направления дальнейшего совершенствования положений административно-деликтного права в целях обеспечения соблюдения прав граждан.

Список основных источников

1. Акты Конституционного Суда [Электронный ресурс] // Конституц. Суд Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://www.kc.gov.by/%D0%90%D0%BA%D1%82%D1%8B_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0/2025 (дата обращения: 12.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 92-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Об отказе в возбуждении производства по делу о конституционности части 4 статьи 18.15 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях по жалобе гражданина Гницевича Антона Александровича [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Респ. Беларусь 17 дек. 2024 г. № О-2/2024 // Конституц. Суд Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://kc.gov.by/document-76673 (дата обращения: 12.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Об отказе в возбуждении производства по делу о конституционности части 4 статьи 18.15 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях по жалобе гражданина Каспера Игоря Александровича [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Респ. Беларусь 26 апр. 2025 г. № О-4/2025 // Конституц. Суд Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://kc.bsu.by/document-87003 (дата обращения: 12.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Об отказе в возбуждении производства по делу о конституционности части 4 статьи 18.15 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях по жалобе гражданина Шилова Игоря Анатольевича [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Респ. Беларусь 27 июня 2025 г. № О-8/2025 // Конституц. Суд Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://kc.bsu.by/document-87583 (дата обращения: 12.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Конституционный Суд подтвердил правомерность привлечения водителей транспортных средств к административной ответственности за употребление алкогольных напитков после совершения дорожно-транспортного происшествия до прохождения освидетельствования (определение Конституционного Суда 27 июня 2025 г.) [Электронный ресурс] // Конституц. Суд Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://www.kc.gov.by/document-87343 (дата обращения: 12.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Никулин Е. Д. Особенности квалификации административного правонарушения, связанного с невыполнением обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием (ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ) // Безопасность дорожного движения. 2021. № 4. С. 45–48. Вернуться к статье

9. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Определение понятия опьянения признано неконституционным // Lex russica. 2018. № 7 (140). С. 135–156. Вернуться к статье

10. О конституционном судопроизводстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 8 янв. 2014 г. № 124-З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 284-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 351.74

И. Ю. Касницкая
начальник кафедры организации охраны общественного порядка
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России,
кандидат юридических наук

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Избирательный процесс представляет собой значимый компонент функционирования демократической структуры общества, обеспечивающей активное вовлечение граждан в систему управления страной. Охрана общественного порядка является важнейшей задачей государства в период проведения выборов. Она направлена на обеспечение законности избирательного процесса, защиту прав избирателей и кандидатов, предотвращение правонарушений. Сотрудники подразделений охранительных ведомств занимают центральное место в поддержании законности и стабильности общественного порядка на протяжении всего периода избирательной кампании и непосредственно в день голосования [1, с. 7].

В связи с этим законодательство как Российской Федерации, так и Республики Беларусь содержит нормы, регулирующие охрану общественного порядка в этот важный политический период. Анализ компетенций сотрудников полиции Российской Федерации и сотрудников милиции Республики Беларусь позволяет выявить особенности реализации их профессиональных функций в условиях проведения выборов.

Для начала обратимся к законодательству Российской Федерации. Юридическое регулирование профессиональной деятельности сотрудников полиции в России осуществляется посредством положений Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [2] (далее — ФЗ «О полиции»). Нормативный документ регламентирует структуру организационной работы полицейской службы и фиксирует основные обязанности представителей правоохранительных структур в контексте выборного процесса.

Так, в соответствии п. 31 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции» основными обязанностями сотрудников полиции Российской Федерации в период выборов являются:

1. Обеспечение безопасности и поддержание общественного порядка. Основной задачей сотрудника полиции является создание условий, гарантирующих защищенность всех участников избирательного процесса от возможных нарушений общественного порядка и угрозы социальной нестабильности около мест голосования.

2. Надзор за соблюдением действующего законодательства. Представителям полиции делегированы полномочия по проверке документов граждан, находящихся на территориях пунктов голосования, выявлению фактов противоправного воздействия на ход процесса голосования, регистрации актов преступных деяний, направленных на искажение процедуры выбора.

3. Предупреждение криминальных проявлений. Сотрудники полиции обладают правом инициирования мероприятий реагирования на потенциальные попытки манипулирования результатами голосования, противодействия попыткам нелегального вмешательства в выражение воли избирателей и иных видов уголовно наказуемых действий, угрожающих нормальному ходу выборов.

4. Поддержка работы избирательных комиссий. Важнейшей функцией сотрудников полиции является осуществление мер защиты членов избирательных комиссий, сохранение неприкосновенности помещений для голосования, официальных документов. Такие мероприятия способствуют повышению уровня объективности и открытости всей процедуры голосования.

5. Освещение вопросов правовой осведомленности граждан. Законодательство возлагает на полицию обязанность доводить до сведения граждан правила поведения на пунктах голосования, минимизацию конфликтов и быстрое реагирование на поступающие жалобы, способствуя созданию комфортных условий для реализации активного участия граждан в выборах. При этом влиять каким-либо образом на саму процедуру голосования или давать советы гражданам относительно выбора в пользу того или иного кандидата сотрудникам полиции запрещено.

Милиция, являясь составной частью органов внутренних дел Республики Беларусь и системы обеспечения национальной безопасности в целом, осуществляет борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивают общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на нее Законом Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее — Закон об ОВД) и иными законодательными актами (ст. 1) [3].

К основным задачам органов внутренних дел отнесены, в частности, профилактика, выявление, пресечение преступлений и административных правонарушений, производство дознания по уголовным делам, ведение административного процесса в соответствии с их компетенцией, а также оказание на условиях и в порядке, предусмотренных законодательством, помощи гражданам, государственным органам, общественным объединениям и иным организациям в реализации их прав и возложенных на них обязанностей (ст. 2 Закона об ОВД).

Применительно к теме нашего исследования деятельность сотрудников милиции по поддержанию правопорядка на период проведения голосования регулируется также приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 24 июля 2013 г. № 333 «Об организации деятельности органов внутренних дел по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности» [4].

Таким образом, в отличие от российского законодательства, ФЗ «О полиции» в частности, где конкретно закреплена обязанность сотрудников полиции по охране общественного порядка в период избирательных кампаний, Закон об ОВД Республики Беларусь такую обязанность напрямую не содержит.

Несмотря на некоторые различия в механизме исполнения служебных обязанностей, принципиальные задачи сотрудников белорусских правоохранительных органов совпадают с функциями сотрудников полиции Российской Федерации.

Так, к основным компетенциям сотрудников милиции Республики Беларусь в период выборов можно отнести следующие:

1. Защита объектов инфраструктуры и поддержание общественного порядка. Сотрудники милиции осуществляют охрану помещений, предназначенных для голосования, обеспечивая порядок среди населения и ликвидируя риски посягательств на общественные объекты в непосредственной близости от территорий проведения выборов.

2. Выявление и пресечение административных правонарушений и преступлений. Сотрудники милиции наделяются полномочиями пресекать любую активность, противоречащую действующему законодательству в области выборов, такую как распространение ложной информации, препятствие свободному волеизъявлению граждан и нарушения установленной регламентации избирательного процесса.

3. Проверка личных документов граждан, которые прибывают на избирательные пункты, удостоверяя статус лица как кандидата, наблюдателя,

журналиста или рядового избирателя. Она является неотъемлемым элементом избирательного процесса и проведения выборов, которая обеспечивает прозрачность и проверяемость итоговых результатов голосования путем снижения риска возможных манипуляций и фальсификаций.

4. Координационная помощь органам региональной власти и избирательным комиссиям. Так, одним из важнейших направлений деятельности является сопровождение деятельности избирательных комиссий, охрана помещений для голосования в целом, а также сейфов для документации избирательной комиссии и используемых ящиков для голосования, бюллетеней и другой документации.

5. Преодоление конфликтных ситуаций. При поступлении оперативной информации, требующей реагирования, сотрудникам милиции необходимо во взаимодействии с заинтересованными лицами принимать меры по недопущению и пресечению правонарушений, а также воспрепятствованию действиям, направленным на подготовку несанкционированных акций и иных мероприятий, сопряженных с нарушением общественного порядка.

Таким образом, несмотря на определенные различия в структуре правового регулирования деятельности указанных категорий сотрудников, ключевые направления их профессионального взаимодействия остаются идентичными. Основная цель обоих ведомств заключается в защите конституционных прав граждан, профилактике криминогенных факторов и создании равных возможностей для всех участников избирательного процесса. Обе структуры нацелены на формирование безопасной среды для легитимного, открытого и честного участия граждан в процедурах голосования.

Список основных источников

1. Амельчаков И. Ф., Озеров И. Н., Александров А. Н. Правовые и организационные основы деятельности территориальных органов МВД России по обеспечению охраны общественного порядка при подготовке и проведении избирательных кампаний : метод. рекомендации. Белгород : Белгород. юрид. ин-т МВД России им. И. Д. Путилина, 2021. 48 с. Вернуться к статье

2. О полиции [Электронный ресурс] : Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ : в ред. от 8 марта 2026 г. № 52-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З : в ред. от 19 мая 2022 г. № 171-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Об организации деятельности органов внутренних дел по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 24 июля 2013 г. № 333 : в ред.

от 30 дек. 2022 г. № 313. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 342.9

С. Н. Климов
старший преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

МЕТОДЫ И СПОСОБЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ФАКТОВ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Домашнее насилие является одной из острейших социальных проблем современности. Латентность данного вида правонарушений обусловлена рядом факторов: психологической зависимостью жертвы от агрессора, страхом огласки, недоверием к государственным структурам, а также устойчивыми стереотипами о «частном» характере семейных конфликтов. Указанные обстоятельства существенно затрудняют своевременное выявление и документирование фактов насилия в семье. Актуальность исследования обусловлена тем, что реальный масштаб явления, по оценкам специалистов, значительно превышает регистрируемые показатели. В этой связи разработка комплексной системы методов выявления фактов насилия приобретает первостепенное значение. Системный анализ существующих методов и способов выявления домашнего насилия в Беларуси позволит определить ключевые проблемы их практического применения и сформулировать предложения, направленные на повышение эффективности профилактической и правоохранительной деятельности в данной сфере.

Правовую базу противодействия домашнему насилию в Беларуси формирует совокупность нормативных правовых актов различного уровня. Основополагающим среди них выступает Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [1], который ввел в национальное правовое пространство понятие домашнего насилия, определил субъектов профилактики и базовые механизмы их взаимодействия. Органы внутренних дел располагают наиболее разветвленным инструментарием выявления домашнего насилия. Ключевую роль здесь играет участковый инспектор милиции — должностное лицо, непосредственно взаимодействующее с населением на закрепленном административном участке. К числу основных методов работы участкового следует отнести профилактические обходы жилого фонда, в ходе которых фиксируются внешние признаки неблагополучия (следы ударов на теле жильцов, характерные звуки из квартиры, свидетельские показания соседей). Существенным инструментом своевременного выявления насилия служат автоматизированные информационные системы, позволяющие отслеживать частоту обращений по конкретным

адресам. Практика показывает, что два и более вызова по одному домохозяйству на протяжении полугода являются статистически значимым индикатором систематического насилия. Медицинские работники занимают особое место в системе раннего выявления домашнего насилия. Врачи скорой помощи, травматологических пунктов, а также специалисты первичного звена здравоохранения располагают объективными данными о характере травм, их давности и несоответствии официально заявленным обстоятельствам получения. В Беларуси действует порядок обязательного информирования правоохранительных органов о поступлении пациентов с травмами криминального характера, происхождение которых в том числе вызывает обоснованные сомнения. К специфическим признакам насилия, фиксируемым при медицинском осмотре, относятся: множественные травмы на различных стадиях заживления, расположенные на закрытых участках тела; следы ожогов, укусов или характерных сдавлений; диссонанс между описанием механизма получения травмы и ее клинической картиной; признаки хронического стрессового расстройства. Документирование указанных признаков в медицинской карте формирует доказательную базу, значимую для последующего уголовного или административного преследования. Территориальные центры социального обслуживания населения, учреждения образования и организации здравоохранения образуют разветвленную сеть раннего обнаружения семейного неблагополучия. Социальные педагоги образовательных организаций выявляют косвенные признаки насилия в отношении детей: необъясненные пропуски занятий, регрессивное поведение, явные изменения в аффективном состоянии, физические следы травм. Центры социального обслуживания осуществляют мониторинг «социально уязвимых» домохозяйств, проводят патронажные посещения семей с детьми, состоящих на профилактическом учете. При наличии признаков насилия социальные работники обязаны незамедлительно информировать органы опеки и попечительства, а также передавать сведения в органы внутренних дел.

Особой формой социальной профилактики выступают телефоны доверия, а также ряд региональных «горячих линий» оказания психологической помощи. Анализ обращений на такие линии позволяет формировать статистику о распространенности насилия, а непосредственная работа с обратившимися — обеспечивать первичную помощь жертвам. Регистрация фактов домашнего насилия представляет собой многоуровневый процесс. Первый уровень составляют обращения пострадавших в органы внутренних дел с заявлениями о насилии либо с вызовом на место происшествия. Второй уровень — регистрация административных правонарушений и возбуждение уголовных дел. Третий —

формирование профилактических учетов в отношении лиц, допускающих насилие в семейно-бытовой сфере. Между тем латентность домашнего насилия остается критически высокой. К факторам, определяющим незарегистрированность, относятся: психологическая зависимость жертвы от агрессора и феномен «цикла насилия», предполагающий чередование эпизодов агрессии и примирения; экономическая зависимость — особенно характерна для ситуаций, когда насильник является единственным кормильцем в семье; обоснованные опасения жертвы относительно возможной эскалации насилия в ответ на обращение в правоохранительные органы; недоверие к эффективности государственных мер защиты, обусловленное случаями прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон. Преодоление латентности требует комплексного подхода, в том числе введения модели «обвинение без согласия жертвы», при которой преследование насильника ведется государством в публичных интересах вне зависимости от желания потерпевшей стороны. Для Беларуси данный подход представляет интерес в контексте совершенствования законодательства. Совокупность мер по снижению латентности должна также включать упрощение процедуры подачи заявлений (в том числе в электронном формате), гарантию конфиденциальности для жертв, развитие системы кризисных комнат и временных убежищ, а также широкое просветительское информирование населения о правовых механизмах защиты.

Таким образом, домашнее насилие представляет собой сложное социально-правовое явление, борьба с которым требует консолидированных усилий государства, гражданского общества и каждого отдельного гражданина. В Республике Беларусь сформирована законодательная база и создана система субъектов профилактики [1], однако практика демонстрирует необходимость ее последовательного совершенствования. Ключевыми направлениями развития системы выявления и противодействия домашнему насилию являются: повышение квалификации специалистов первичного контакта (сотрудников органов внутренних дел, медиков, социальных работников, педагогов) в части распознавания признаков насилия; укрепление межведомственного взаимодействия на основе единой информационной платформы; снижение латентности через создание множественных низкопороговых каналов обращения за помощью; усиление уголовно-правовых и административных санкций в сочетании с обязательными реабилитационными программами для агрессоров. Реализация обозначенных мер позволит существенно повысить эффективность государственной политики в сфере противодействия домашнему насилию, обеспечить надлежащую защиту пострадавших и последовательно изменить общественные установки, легитимизирующие домашнее насилие.

Список основных источников

1. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 122-З : в ред. от 8 июля 2024 г. № 26-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 351.74

М. Ю. Койнов
старший преподаватель кафедры
организации охраны общественного порядка
Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ (ЦИФРОВОЙ) ФОРМЫ СОСТАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОТОКОЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ

В статье рассматриваются вопросы совершенствования производства по делам об административных правонарушениях в деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции (далее — ППСП) в условиях требований внедрения инновационных технологий в деятельности полиции согласно положениям ст. 11 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», регламентирующей необходимость использования достижений науки и техники, информационных систем, сетей связи [1].

В настоящее время инновационные технологии нашли широкое применение во всех сферах деятельности человека, общества и государства. Однако использование в правовом поле электронного (цифрового) административного протокола должностными лицами полиции пока не нашло своего применения. Стоит отметить, что степень развития инновационных технологий, а также потребностей правовой системы обусловливает необходимость появления электронной (цифровой) формы административного протокола в ближайшее время.

Отдельные стороны использования электронной формы возбуждения дела об административном правонарушении, такие как содержание, порядок оформления, процессуальные особенности составления, нашли свое отражение в ряде научных работ. Так, над проблемами и особенностями составления электронных процессуальных документов по административному делу работали А. Б. Дудаев, В. В. Ткаченко, Э. А. Безуглый, Т. П. Пестова и ряд других ученых, которые обосновали необходимость введения данной формы административного производства. При этом отдельно раскрытия особенностей использования данной формы административного производства в деятельности сотрудников, несущих службу в общественных местах, в частности ППСП, сделано не было.

Рассматривая данное направление совершенствования деятельности правоохранительных органов, авторы настоящего исследования полагают, что целесообразность предоставления полномочий сотрудникам ППСП

по составлению административного протокола в электронной (цифровой) форме обусловлена следующими факторами:

1) внедрение и использование электронной (цифровой) формы административного протокола позволит ускорить процесс административного производства;

2) использование электронной (цифровой) формы административного протокола позволит автоматизировать процесс регистрации, учета, прохождения и принятия решений по делу об административном правонарушении, что поможет снизить нагрузку на промежуточные звенья (руководство территориальных органов полиции, инспекторов по исполнению административного законодательства) принятия и обеспечения решений в процессе административного производства;

3) данное нововведение позволит модернизировать тактику несения службы нарядами ППСП в общественных местах, не покидать посты и маршруты патрулирования, не терять время на доставление правонарушителя в дежурную часть территориального органа полиции, а также обеспечит дальнейшее сопровождение административного производства по возбужденному делу;

4) деятельность строевых подразделений ППСП носит публичный характер, вследствие чего внимание общественности и граждан на внесенные изменения найдет положительный отклик, т. к. позволит обеспечить доступность, комфортность и оперативность при оформлении элементов электронного документооборота.

Однако следует учитывать определенные сложности, возникающие при внедрении в деятельность строевых подразделений ППСП электронной (цифровой) формы составления административного протокола. Использование электронной (цифровой) формы административного протокола потребует оснастить все наряды полиции интерактивными цифровыми устройствами ведения электронного документооборота с возможностью постоянного доступа в Интернет. Данная проблема уже нашла частичное решение после принятия приказа МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» (далее — Наставление ППСП). Так, в соответствии с пп. 58.12 и 132 Наставления ППСП все наряды ППС должны быть оснащены вычислительной, электронной организационной специальной техникой, необходимой для несения службы по охране общественного порядка [2]. В 2025 г. достигнуты высокие показатели укомплектованности строевых подразделений ППСП необходимыми технологическими устройствами (мобильными планшетами). Сотрудники МВД России

уже получили более 40 тысяч планшетов [3]. При этом использование мобильных планшетов скажется на эффективности выявления лиц, находящихся в розыске, по базам данных «ИБД-Регион», «Розыск-Магистраль» и др.

Следующим важным этапом совершенствования для реализации возможностей составления электронной (цифровой) формы административного протокола является внесение изменений в действующее законодательство. В первую очередь необходимо внести дополнения в содержание ст. 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Протокол об административном правонарушении», указав в содержании на возможность составления административного протокола в электронной (цифровой) форме.

В данном контексте возможно рассмотреть практический опыт, полученный в Республике Казахстан, где уже реализована возможность производства по делам об административных правонарушениях как в бумажной, так и в электронной форме. Соответствующие положения отражены в ст. 737-1. Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях. Еще в 2017 г. сотрудники правоохранительных органов Республики Казахстан получили такие полномочия и стали оформлять дела об административных правонарушениях с использованием электронной формы административного протокола. На первом этапе апробации нововведения такая возможность была предоставлена сотрудникам правоохранительных органов в административных центрах и столичном регионе г. Астана (г. Нурсултан с 2019 по 2022 г.). Данный эксперимент получил положительные отзывы как от сотрудников правоохранительных органов, так и от граждан [4, с. 108]. Вследствие подобная практика была распространена и на другие регионы страны.

Дополнительным фактором, влияющим на эффективность административного производства с помощью электронного (цифрового) протокола, будет служить возможность приобщения в упрощенной форме к материалам дела фактов, доказывающих наличие вины правонарушителя, например, видеосъемки, фотофиксации, геопозиционирования объекта или другой информации в виде цифрового файла. Также материалы дела, копии и содержание дополнительных файлов могут быть незамедлительно направлены на электронную почту заинтересованным лицам. В настоящее время, согласно ч. 2 ст. 29.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, сделать это возможно только на бумажном носителе [5, с. 361].

Таким образом, в настоящее время потребность в составлении административного протокола в электронной (цифровой) форме сотрудниками ППСП становится актуальной. В случае устранения выше рассмотренных сложностей данные изменения позволят значительно сократить время административного

производства, обеспечить необходимую доступность предоставляемых услуг, а также повысит эффективность несения службы строевых подразделений ППСП.

Список основных источников

1. О полиции [Электронный ресурс] : Федер закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ : в ред. от 8 марта 2026 г. № 52-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 28 июня 2021 г. № 495. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Сотрудникам МВД для проверки иностранцев выдали более 40 тыс. планшетов [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/obschestvo/23035285 (дата обращения: 23.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Дудаев А. Б., Ткаченко В. В., Безуглый Э. А. Электронный протокол об административных правонарушениях в деятельности органов внутренних дел на транспорте // Северо-Кавказ. юрид. вестн. 2022. № 1. С. 107–112. Вернуться к статье

5. Щекина Д. С. Возможности внедрения в производство по делам об административных правонарушениях электронных протоколов: проблемы и пути их решения // E-Scio. 2023. № 7 (82). С. 355–362. Вернуться к статье

УДК 342.9

С. В. Кончатова
старший преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ

Жестокое обращение с животными является одной из важных и актуальных проблем современного общества.

В 2024 г. в нашей стране принят Закон Республики Беларусь «Об ответственном обращении с животными», который определяет правовые основы обращения с животными, а также защиту животных от жестокого обращения с ними.

В соответствии со ст. 4 названного Закона, обращение с животными основывается на принципах:

− обеспечения прав и законных интересов физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, юридических лиц;

− нравственного и гуманного отношения к животным как к существам, способным испытывать чувства и физические страдания;

− ответственности владельцев за жизнь и здоровье животных;

− обеспечения защиты животных от жестокого обращения с ними и избавления от них [1].

Нравственность, мера ее влияния на человека — один из важнейших критериев самозаконодательства каждого человека и консенсуса. Это обусловлено характерными особенностями нравственности как специфического регулятора ценностных ориентаций в социальных отношениях и неразрывно связанных с ними избирательным предпочтением вполне определенных образцов поведения [2].

Каждый человек должен понимать, что образец поведения в отношении «братьев наших меньших» заключается в отсутствии причинения им физического вреда, нанесении телесных повреждений.

При выявлении фактов жестокого обращения с животными виновных лиц необходимо привлекать к установленной законом ответственности.

Охарактеризуем особенности привлечения к административной ответственности за жестокое обращение с животными.

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях в ст. 19.14 «Жестокое обращение с животным» содержится три части [2].

Первые две части по конструкции объективной стороны являются административными правонарушениями с формальным составом: жестокое обращение с животным (за исключением истязания животного), не повлекшее его гибели или увечья, а часть вторая — избавление от животного.

Третья часть статьи по конструкции объективной стороны — административное правонарушение с материальным составом: жестокое обращение с животным, выразившееся в истязании животного либо повлекшее его гибель или увечье.

Сотрудники органов внутренних дел при выявлении данного противоправного факта непосредственно либо в случае обращения к нему граждан с сообщением по данному факту обязаны пресечь административное правонарушение, вызвать в случае необходимости специалиста в области ветеринарии при причинении животному телесных повреждений, задержать лиц, совершивших административное правонарушение, выявить свидетелей правонарушения, обеспечить охрану места происшествия.

Для того чтобы доказать, что в действиях виновных лиц есть состав административного правонарушения, сотруднику органов внутренних дел необходимо также уточнить, имеются ли у очевидцев правонарушения видеозаписи, которые приобщаются к делу об административном правонарушении.

На этом этапе должностными лицами, ведущими административно-деликтный процесс, также могут применяться технические средства для фиксации противоправной деятельности.

Следует обратить внимание на тот факт, что граждане не остаются равнодушными, если видят противоправные действия в отношении животных.

Обратимся к примерам. Так, к сотрудникам органов внутренних дел обратились граждане К. и С., которые сообщили о том, что в подъезде дома, где они проживают, их сосед гражданин Р. наносит удары ногами своей собаке. На замечания не реагирует и утверждает, что это его пес и он вправе с ним делать все, что захочет. Граждане факт избиения собаки зафиксировали на мобильное устройство.

Другой пример. В одной из социальных сетей жительница одного из домов в жилом микрорайоне выложила видеоролик, на котором видно, как мужчина, осуществляя выгул собаки, неоднократно поднимал ее высоко над землей и бросал со всей силы на землю, причинив собаке физическую боль и страдание.

В каждом подобном случае сотрудник милиции, прибывая на место происшествия, проводит проверку по данному факту и осуществляет сбор доказательной базы по факту совершения административного правонарушения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что жестокое обращение с животными недопустимо в современном обществе. Каждому противоправному факту в отношении животного сотрудниками правоохранительных органов будет дана правовая оценка.

Необходимо помнить, что животные способны испытывать чувства и физические страдания. Жестокое обращение в отношении их всегда пресекается и наказывается как в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, так и другими законодательными актами.

Список основных источников

1. Об ответственном обращении с животными [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 1 апр. 2024 г. № 361-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Кончатова С. В. Социокультурные императивы нравственности и морального самоопределения // Вестн. Могилев. ин-та МВД. 2024. № 1 (9). С. 76–80. Вернуться к статье

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 342.9

П. Г. Купреева
преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ЭВОЛЮЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОАП БССР 1984 Г. И КОАП РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 2021 Г.

В Республике Беларусь роль семьи первостепенна: именно в семье закладывается личность, развивается человеческий потенциал и формируется фундамент для всей дальнейшей жизни детей.

Дети неизбежно взрослеют, и, пожалуй, именно подростковый период является самым сложным, он дается непросто как детям, так и их родителям. На данном этапе подростки могут проверять границы дозволенного, чтобы понять, где заканчивается разрешенное и начинается наказуемое.

Однако права детей нередко нарушаются самими родителями, о чем свидетельствует довольно-таки тревожная статистика в сфере ответственности родителей или лиц, их заменяющими, за обязанность по воспитанию детей.

Сегодня в Республике Беларусь при невыполнении обязанностей по воспитанию детей родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию детей, повлекшем совершение деяния, содержащего признаки административного правонарушения либо преступления, несовершеннолетним, не достигшим ко времени совершения такого деяния возраста, с которого наступает административная или уголовная ответственность за совершенное деяние, родители или лица, их заменяющие, привлекаются к административной ответственности по ч. 1 ст. 10.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП Республики Беларусь) «Невыполнение обязанностей по воспитанию детей» [1].

В случае невыполнения родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по сопровождению несовершеннолетнего в возрасте до шестнадцати лет либо по обеспечению его сопровождения совершеннолетним лицом в период с двадцати трех до шести часов вне жилища, родители или лица, их заменяющие, привлекаются по ч. 2 ст. 10.3 КоАП Республики Беларусь [1].

Изначально принятый в 1984 г. Кодекс об административных правонарушениях БССР (далее — КоАП БССР) включал ст. 162, предусматривающую

ответственность за «Злостное невыполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию детей» [2].

В ч. 1 ст. 162 содержалось описание основного состава правонарушения — в злостном невыполнении родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию и обучению несовершеннолетних правонарушителей (санкция предусматривала предупреждение или наложение штрафа на родителей или лиц, их заменяющих, в размере до трех минимальных заработных плат). Часть 2 предусматривала ответственность за мелкое хулиганство или хулиганство, совершенное подростками в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет (штраф на родителей или лиц, их замещающих, в размере от трех до пяти минимальных заработных плат). Часть 3 данной статьи содержала в себе ответственность за повреждение или уничтожение телефонов-автоматов, совершенное подростками в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет (штраф на родителей или лиц, их замещающих, в размере от пяти до десяти минимальных заработных плат). В ч. 4 закреплялось совершение подростками в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет повторно в течение года после применения мер административного взыскания действий, предусмотренных частью третьей это статьи (штраф на родителей или лиц, их замещающих, в размере от десяти до двадцати минимальных заработных плат).

При более детальном изучении сравнительно-правовых норм, действовавших в советский период, и нынешних законодательных решений, становятся заметны довольно значимые отличия.

Так, если обратиться к формулировке самого названия статей, можно отметить один из ключевых моментов, который демонстрирует смену законодательной концепции — исключение термина «злостное». В ст. 162 КоАП БССР данный квалифицирующий признак являлся обязательным элементом объективной стороны правонарушения. В ст. 10.3 КоАП Республики Беларусь ссылка на «злостность» деяния отсутствует.

Значение слова «злостность» истолковывается в русском языке как «исполненный злых умыслов, сознательно недобросовестный, закоренелый в чем-то дурном» [3]. В правоприменительной практике выделяются следующие критерии злостности применительно к ст. 162 КоАП БССР:

1) систематическое невыполнение обязанностей по воспитанию детей;

2) умышленный характер бездействия родителей или лиц, их заменяющих, при наличии реальной возможности исполнения обязанностей надлежащим образом;

3) наличие вступивших в законную силу постановлений о привлечении к административной ответственности в течение года аналогичных правонарушений.

Таким образом, злостность выполняла важную функцию, обеспечивая применение административной ответственности лишь в том случае, когда семейное неблагополучие приобретало устойчивый характер.

Следующие изменения претерпело количество частей данной статьи: с четырех до двух. Сокращение количества статей при одновременном расширении предмета регулирования говорит о том, что законодатель стремится к унификации конкретных видов правонарушений несовершеннолетних. В нынешнем кодексе ч. 2 ст. 162 КоАП Республики Беларусь вынесена в отельную ст. 19.1 «Мелкое хулиганство», которая была помещена в гл. 19 «Административные правонарушения против общественного порядка и общественной нравственности» раздела «Профилактические меры воздействия и административное взыскание». По данному правонарушению административная ответственность наступает с 14 лет.

Касаемо ч. 3 ст. 162 КоАП БССР, в действующем КоАП Республики Беларусь этот подход заменен на принцип самостоятельной ответственности. Повреждение имущества (в том числе телефонов-автоматов) теперь охватывается общим составом ст. 11.3 «Умышленные уничтожение либо повреждение чужого имущества». В данном случае субъектом является физическое лицо, совершившее правонарушение в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. Следовательно, если несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет умышленно повреждает телефон-автомат, он привлекается к ответственности самостоятельно по ст. 11.3 КоАП Республики Беларусь, а не его родители.

В настоящее время законодательством Республики Беларусь установлен запрет на нахождение несовершеннолетних в возрасте до шестнадцати лет в общественных местах с 23:00 до 06:00 без сопровождения взрослых. В КоАП БССР данная норма отсутствовала, а вот с 2012 г. данная норма была введена в ч. 2 ст. 10.3 действующего КоАП Республики Беларусь с целью усилить превентивную составляющую: воздействовать на родителей, не дожидаясь, пока ребенок совершит какое-либо противоправное деяние. В данном случае субъектом ответственности выступают исключительно родители, и протоколы также составляются именно на родителей, т. к. они не контролируют нахождение своих детей в указанное время.

Подводя итог, необходимо отметить, что законодательство Республики Беларусь в исследуемой сфере демонстрирует изменения от модели

«ответственности за ребенка», когда родители несли наказания за действия подростка, к модели «ответственности перед ребенком и обществом», когда родители отвечают за качество выполнения собственных воспитательных функций. Цель подхода — сместить акцент на раннюю профилактику, побуждая родителей предотвращать противоправное поведение детей, а не выступать в роли гаранта возмещения вреда уже после совершения проступка. Эти изменения направлены на усиление профилактического потенциала правовых норм и обеспечение баланса между защитой прав детей и формированием их ответственности за собственное противоправное поведение.

Список основных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: текст с изменениями и дополнениями по состоянию на 1 февраля 2003 г. Минск : Амалфея, 2003. 304 с. Вернуться к статье

3. Ожегов С. М. Словарь русского языка. 3-е изд. М. : Иностр. и нац. словари, 1953. 848 с. Вернуться к статье

УДК 342.9

А. В. Лубенков
начальник кафедры административной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В БОРЬБЕ С АДМИНИСТРАТИВНЫМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ, СОВЕРШАЕМЫМИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

На территории нашей страны на системной основе проводятся различные массовые мероприятия и спортивные соревнования, в которых принимает участие значительное количество граждан. В целях обеспечения надлежащего общественного порядка при проведении массовых мероприятий и спортивных соревнований органы внутренних дел Республики Беларусь обязаны выявлять и пресекать административные правонарушения, которые могут быть совершены при их проведении. Важную роль в борьбе с административными правонарушениями, совершаемыми при проведении массовых мероприятий, спортивных соревнований, играет административный (административно-деликтный) процесс, иными словами, — установленный порядок производства по делам об административных правонарушениях.

Анализируя и обобщая существующие в отраслевой юридической литературе мнения о сущности административного (административно-деликтного) процесса, можно сделать вывод, что в самом общем виде он представляет собой деятельность уполномоченных должностных лиц и государственных органов по выявлению фактов административных правонарушений, подготовке к рассмотрению дел об административных правонарушениях, рассмотрению данных дел, в отдельных случаях обжалованию (опротестованию) принятых по ним решений, а также исполнению постановлений по делам об административных правонарушениях.

В свою очередь, вышеизложенное показывает, что административный (административно-деликтный) процесс — это не только деятельность участвующих в нем субъектов, но и система процессуальных действий, разграниченных по стадиям, которые проходит дело об административном правонарушении. Стадии административного процесса представляют собой

самостоятельные этапы административного процесса, связанные между собой общими задачами и единством принципов.

Большинство дел об административных правонарушениях, совершенных при проведении массовых мероприятий, спортивных соревнований, проходит четыре стадии:

1) начало административного процесса (гл. 9 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП)) [1];

2) подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению (гл. 11 ПИКоАП) [1];

3) рассмотрение дела об административном правонарушении (гл. 12 ПИКоАП) [1];

4) исполнение принятого по делу решения (гл. 14 ПИКоАП) [1].

Принимая во внимание, что, в соответствии со ст. 9.5 ПИКоАП «Начало административного процесса» [1], административный процесс считается начатым с момента фактического административного задержания физического лица, представляется необходимым заострить внимание на том, что по делам об административных правонарушениях, совершаемых при проведении спортивно-массовых мероприятий, спортивных соревнований, на стадии начала административного процесса особую актуальность приобретает вопрос определения точного количества лиц, подлежащих административному задержанию (например, участвующих в незаконном массовом мероприятии), потому что:

− необходимо рассчитать количество сотрудников ОВД, которые будут осуществлять фактическое административное задержание правонарушителей;

− необходимо определить количество сотрудников, которые будут оперативно осуществлять процессуальное оформление административного задержания, в том числе осуществлять (в случае необходимости) реализацию права задержанного лица на защиту (юридическую помощь).

Однако единая методика такого подсчета отсутствует. В этой связи главным управлением охраны правопорядка и профилактики милиции общественной безопасности МВД Республики Беларусь в 2025 г. определены несколько вариантов подсчета количества граждан, участвующих в незаконном массовом мероприятии [2]. Наиболее подходящим для наших целей представляется вариант с использованием возможностей искусственного интеллекта.

В сети Интернет следует найти инструмент Mapchecking — инструмент для оценки максимального количества людей, находящихся на определенной территории. Инструмент Mapchecking — бесплатный, чтобы им воспользоваться, регистрироваться не нужно. Сервис англоязычный, однако разобраться

в нем не составит труда. В браузере мобильного телефона или на персональном компьютере (ноутбуке) открываем сайт www.mapchecking.com. В поисковой строке открывшейся страницы карты вводим название города, где проходит массовое мероприятие. С помощью кнопок «+» и «–» увеличиваем и уменьшаем карту. Выделяем на карте площадь, в которой нужно посчитать количество присутствующих, кликаем мышкой, чтобы поставить точку, перемещаем мышку на другую точку, снова кликаем. Продолжаем, пока не выделим полностью нужную территорию. Если выделен неверный участок, нажимаем на красную кнопку справа Reset the area («Сбросить область»). В колонке справа передвигаем бегунок на шкале Crowd density и выбираем нужное количество человек на квадратный метр. Обновляем страницу, чтобы увидеть количество людей, пришедших на мероприятие, и площадь, которую люди заняли [2].

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы. На территории страны на системной основе проводятся массовые мероприятия, в которых принимает участие значительное количество граждан. В целях надлежащего обеспечения охраны общественного порядка органами внутренних дел оцениваются вероятные риски и угрозы совершения административных правонарушений (нарушения общественного порядка) при проведении массовых мероприятий, спортивных соревнований.

Важную роль в борьбе с административными правонарушениями, совершаемыми при проведении массовых мероприятий, спортивных соревнований, играет административный (административно-деликтный) процесс — установленный порядок производства по делам об административных правонарушениях.

Административный процесс состоит из четырех стадий, которые совершаются в определенной последовательности. Каждая стадия имеет свои особенности, присущие только ей задачи, а также свой порядок прохождения.

По делам об административных правонарушениях, совершаемых при проведении спортивно-массовых мероприятий, спортивных соревнований на стадии начала административного процесса, особую актуальность приобретает вопрос определения численности участников мероприятия и точного количества лиц, подлежащих административному задержанию. Сделать это можно с использованием возможностей искусственного интеллекта на сайте www.mapchecking.com.

Список основных источников

1. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 92-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред.

Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Учебно-методический материал о порядке определения количества участников массового мероприятия, проводимого под открытым небом. Минск : МВД Респ. Беларусь; 2025. 12 с. Вернуться к статье

УДК 343.85

М. А. Магазинщикова
преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ — СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ КОНФЛИКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Семейно-бытовые конфликты остаются одной из наиболее острых проблем современного белорусского общества. Как отмечают сотрудники правоохранительных органов, большинство семейных скандалов завершается обращением в милицию, причем в большинстве случаев факты домашнего насилия случаются в ходе ссор, возникающих на почве употребления алкогольных напитков. При этом жертвами домашнего насилия чаще всего становятся женщины, дети и пожилые люди, что придает проблеме особую социальную значимость.

2026 год, объявленный Президентом Республики Беларусь Годом белорусской женщины, создает дополнительные возможности для переосмысления роли женщины в системе профилактики правонарушений. Национальный план мероприятий, утвержденный Правительством Республики Беларусь, включает 61 мероприятие, направленное на поддержку женщин и семьи, а также на формирование позитивного образа белорусской женщины в обществе. В рамках этого плана особое внимание уделяется проектам «Помощь рядом», «Точка опоры», «Быть мамой — это круто!» [1].

В системе Министерства внутренних дел Республики Беларусь сегодня насчитывается более 2,5 тысячи многодетных семей, в которых воспитываются свыше 8 тысяч детей, а около 500 многодетных женщин проходят службу в органах внутренних дел и внутренних войсках [2].

Приведенные выше цифры свидетельствуют о том, что современная женщина — сотрудник органов внутренних дел является хранительницей семейных ценностей и традиций, что придает ей ряд преимуществ при работе с семейно-бытовыми конфликтами.

Во-первых, это способность к установлению доверительного контакта с жертвой домашнего насилия, испытывающей страх, стыд, неуверенность. Обращение к сотруднице-женщине позволяет преодолеть психологический барьер, поделиться переживаниями и проблемами. Женщины в большей мере

наделены такими психологическими и коммуникативными качествами, как эмпатия, терпение, умение выслушать и выстроить доверительный диалог.

Во-вторых, это комплексный подход к проблеме. Женщина-милиционер, сама являясь матерью и хранительницей семейного очага, лучше понимает не только правовую, но и морально-психологическую сторону конфликта. Она видит за фактом правонарушения не просто состав преступления, а разрушенные семейные отношения, травмированных детей, потерянное доверие.

В-третьих, это эффективность при работе с несовершеннолетними. В семьях, где практикуется насилие, дети оказываются в особо уязвимом положении. Женщина-милиционер способна найти подход к ребенку, выявить факты насилия, о которых дети боятся рассказывать сотрудникам-мужчинам.

В белорусском законодательстве «домашнее насилие» определяется как умышленные действия физического, психологического или сексуального характера, совершаемые членом семьи (в том числе бывшим супругом, сожителем, братом, сестрой или другим близким родственником) по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права и причиняющие физические или психические страдания [3].

Законодательство Республики Беларусь предусматривает несколько видов ответственности за домашнее насилие: административная ответственность по ч. 2 ст. 10.1 КоАП Республики Беларусь и уголовная ответственность по ст. 153, 154, 186 УК Республики Беларусь [4; 5].

Важным инструментом профилактики является защитное предписание. Эта мера временно запрещает агрессору совершать определенные действия в отношении пострадавшего. Самая действенная норма в рамках предписания — обязанность агрессора немедленно покинуть общее жилое помещение, где проживает жертва, даже если это его собственная квартира. С защитным предписанием правонарушитель ознакомляется под подпись, и ему разъясняется ответственность за несоблюдение запретов. Сотрудники милиции регулярно контролируют исполнение защитного предписания.

Одним из ключевых направлений в профилактической работе женщин-милиционеров является индивидуальная работа с потерпевшими. Участковые инспекторы ведут прием граждан в общественных пунктах охраны правопорядка. На приеме женщина-милиционер не только принимает заявления, но и разъясняет права, помогает сориентироваться в правовых механизмах защиты, оказывает психологическую поддержку.

Безусловно, важнейшим элементом профилактики является постановка на профилактический учет лиц, совершивших домашнее насилие. Эта мера осуществляется на основании Закона Республики Беларусь № 122-З

«Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [6]. Женщины-милиционеры проводят с состоящими на учете профилактические беседы, разъясняют последствия повторных правонарушений.

Также следует отметить такое направление, как участие в республиканских профилактических акциях. Ежегодно в Беларуси проводится республиканская профилактическая акция «Дом без насилия». Ее цель — привлечь внимание общественности к проблемам негативных взаимоотношений и оказать пострадавшим своевременную помощь. Женщины-милиционеры активно сотрудничают с кризисными комнатами, территориальными центрами социального обслуживания населения, учреждениями здравоохранения и образования.

Система профилактики семейно-бытовых конфликтов в Республике Беларусь включает разнообразные инструменты: от защитных предписаний до республиканских акций, от индивидуальной работы с пострадавшими до межведомственного взаимодействия с кризисными комнатами и социальными службами. Вместе с тем роль женщины-сотрудника органов внутренних дел, которая эффективно использует свои коммуникативные и психологические компетенции в профилактике семейно-бытовых конфликтов, является достаточно важной. Специфика работы с жертвами домашнего насилия требует не только правовых знаний, но и способности к установлению доверительного контакта, эмпатии, терпения, психологической устойчивости — качеств, которые в большей мере ассоциируются с женщиной.

Объявление 2026 года Годом белорусской женщины создает дополнительные возможности для повышения статуса женщины-милиционера, популяризации ее работы и привлечения внимания общества к проблеме домашнего насилия.

Список основных источников

1. О проведении Года белорусской женщины [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 7 февр. 2026 г. № 69 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22600069 (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Как в МВД поддерживают многодетные семьи сотрудников [Электронный ресурс] // БЕЛТА : [сайт]. URL: https://belta.by/society/view/ozdorovitelnyj-lager-dlja-detej-sotrudnikov-mvd-mogut-sozdat-v-belarusi-768477-2026/ (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2015 г. № 122-З : в ред. от 17 июля 2025 г. № 70-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 122-З : в ред. от 30 дек. 2025 г. № 126-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 656.1

Д. Ю. Макацария
заместитель начальника кафедры административной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат технических наук, доцент

БЕЗОПАСНЫЙ ПРОЕЗД ПЕРЕКРЕСТКА, ДВИЖЕНИЕ НА КОТОРОМ РЕГУЛИРУЕТСЯ СИГНАЛАМИ РЕГУЛИРОВЩИКА

Процесс движения по автомобильным дорогам и улицам населенных пунктов связан с постоянными рисками для участников дорожного движения. Проезд перекрестков представляет особую опасность в связи с тем, что здесь пересекаются на одном уровне различные транспортные и пешеходные потоки. Перекресток представляет собой место концентрации дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), вызванных столкновениями между движущимися транспортными средствами и наездом автомобиля на пешехода. Для снижения дорожной аварийности на перекрестках используют методы регулирования дорожного движения. Одним из них является разделение транспортных потоков между собой и с пешеходными потоками во времени с использованием сигналов регулировщика.

Регулирование дорожного движения на перекрестках может осуществлять сотрудник Государственной автомобильной инспекции МВД, который является регулировщиком. От участников дорожного движения его отличает наличие экипировки, которая представляет собой хорошо заметное форменное обмундирование с элементами материала, изготовленного из световозвращающей ткани, а также свисток и жезл, применяемые для подачи сигналов [1].

Порядок проезда перекрестков на автомобильных дорогах и улицах населенных пунктов, движение через которые регулируется сигналами регулировщика, определен Правилами дорожного движения (далее — ПДД) [1]. Ошибки, допускаемые водителями и пешеходами при движении через перекресток, приводят к таким видам дорожной аварийности, как боковые столкновения автомобилей и наезд транспортного средства на пешехода. Основной причиной данных ошибок является недостаточное знание требований ПДД и неумение правильно определить последовательность проезда перекрестка водителями и пешеходами.

В Могилевском институте МВД изучение требований ПДД курсантами факультета милиции начинается на третьем курсе в процессе изучения учебной

дисциплины «Автомобильная подготовка» (далее — Автоподготовка) [2]. Образовательный процесс организован таким образом, что вопросы, касающиеся изучения сигналов регулировщика и порядка проезда перекрестков, объединены в одной теме. Это нацелено на то, чтобы знания о разрешающих и запрещающих сигналах регулировщика для различных транспортных средств и пешеходов, участвующих в дорожном движении, усваивались во взаимосвязи со знаниями о порядке проезда различных перекрестков.

Регулировщик, находясь на перекрестке и осуществляя регулирование дорожного движения, подает сигналы водителям транспортных средств и пешеходов с использованием жезла, жестами рук и применяя свисток. При этом сигналы, подаваемые регулировщиком, являются обязательными для всех без исключения участников дорожного движения. Они главнее сигналов светофора, требований дорожных знаков и других технических средств организации дорожного движения [1].

На семинарских занятиях по Автоподготовке курсанты изучают сигналы регулировщика, знают их назначение и отличие одного и того же сигнала для водителей трамвая, других транспортных средств и пешеходов. Изучая порядок проезда перекрестков, курсанты рассматривают условия предоставления преимущества трамваю, приближающемуся справа транспортному средству и другие особенности. Несмотря на это при решении задач по проезду перекрестков, порядок движения на которых регулируется регулировщиком, при одновременном нахождении на нем нескольких транспортных средств, курсанты не всегда могут правильно определить порядок проезда перекрестка.

Ошибки, допускаемые курсантами при решении задач по данной теме, можно объединить в несколько групп. Во-первых, неправомерное предоставление преимущества водителю трамвая. Необходимо помнить, что разрешающий сигнал регулировщика для водителя легкового автомобиля не всегда является разрешающим сигналом для водителя трамвая. Если руки регулировщика направлены в стороны или опущены по швам, то для транспортных средств, расположенных слева или справа, для водителя легкового автомобиля при движении прямо или направо — это разрешающий сигнал, а для водителя трамвая только при движении прямо — разрешающий, а при повороте направо — уже запрещающий сигнал. Решая задачу, курсант забывает про это и при движении с одного направления легкового автомобиля прямо и повороте трамвая налево предоставляет преимущество трамваю, забывая, что данный сигнал регулировщика для трамвая является запрещающим.

Во-вторых, неправомерное предоставление преимущества пешеходам. Аналогично разрешающий сигнал регулировщика для водителя легкового

автомобиля не всегда является разрешающим сигналом для пешеходов. Если правая рука регулировщика направлена вперед, то для автомобилей и пешеходов, расположенных со стороны груди, значение сигнала будет отличаться. Для водителя легкового автомобиля при движении направо — это разрешающий сигнал, а для пешеходов, которым необходимо перейти проезжую часть дороги вдоль левого бока — запрещающий сигнал. Решая задачу, курсант забывает про это и при одновременном движении легкового автомобиля направо и необходимости пересечения перекрестка пешеходами по линии тротуаров или обочин справа предоставляют преимущество пешеходам, забывая о том, что данный сигнал регулировщика для них является запрещающим.

Таким образом, необходимо разработать и обосновать последовательность действий курсанта, определяющих порядок проезда перекрестков, движение на которых определяется сигналами регулировщика, отработка которых на практическом занятии позволит безошибочно определять порядок его проезда.

Список основных источников

1. Правила дорожного движения : по состоянию на 25 августа 2025 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. 184 с. Вернуться к статье

2. Макацария Д. Ю. Особенности организации обучения курсантов в сфере прикладных дисциплин с использованием технических средств обучения // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2016. С. 327–332. Вернуться к статье

УДК 342.9

О. А. Мельникова
старший преподаватель кафедры организации
охраны общественного порядка
Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В современном мире невозможно представить отрасль, которой не коснулся технологический прогресс. Инновационные технологии позволяют улучшить условия труда, сэкономить время, повысить эффективность производства. При этом, несмотря на вышеперечисленное, отрасль административного процесса остается одной из самых консервативных областей правового регулирования.

Административно-юрисдикционное производство представляет собой один из ключевых видов административного процесса. Согласно положениям ст. 28.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП) «Подача процессуальных документов участниками производства по делу об административном правонарушении», предусмотрена возможность подачи документов как на бумажном носителе, так и в электронном виде (электронный документ) [1]. Например, такие документы, как заявления, ходатайства, жалобы, протест, могут быть поданы в формате электронного документа через Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций).

Однако анализ действующего законодательства демонстрирует существенные ограничения в применении электронного документооборота:

1) ст. 28.2 КоАП «Протокол об административном правонарушении», ст. 29.4 КоАП «Определение, постановление, выносимые при подготовке к расследованию дела об административном правонарушении» и ст. 29.7 КоАП «Порядок рассмотрения дела об административном правонарушении» регламентируют исключительно письменную форму ведения производства;

2) меры обеспечения административного производства (доставление, привод, административное задержание, личный досмотр, изъятие вещей и документов) оформляются исключительно на бумажном носителе.

Несмотря на длительное существование правовых оснований для электронного документооборота, согласно Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите

информации». В соответствии с п. 11.1 ст. 2 указанного закона, электронный документ — это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [2].

При анализе нормативных актов, определяющих рамки общих административных процедур, следует отметить, что электронный документ может использоваться как при реализации своих прав гражданами, обществом, так и в деятельности органа государственной власти и представляющего его должностного лица [3, с. 277].

Одним из возможных ограничений, связанных с отсутствием такой формы ведения административного производства, как составление электронного процессуального документа, является необходимость его защиты от неправового использования, а также идентификацией на право полномочности действия должностного лица. Этому критерию отвечают установленные правила ведения делопроизводства в административно-юрисдикционной деятельности государственных органов, содержащие право подписи должностного лица и заверение документа печатью для удостоверения подлинности и полномочности бумажного документа.

Однако и эта сторона административного делопроизводства имеет свое решение: удостоверение административно-процессуальных и иных документов, составленных в электронной форме, осуществляется участниками административного производства путем заверения его электронной цифровой подписью. В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», существует два вида электронных подписей: простая и усиленная (квалифицированная) [4, с. 110].

Особенностью неквалифицированной электронной подписи является упрощенный порядок подтверждения личности, который посредством определенных алгоритмов действий, таких как создание логинов и паролей, а также использование пришедших кодов, подтверждает правомочность лица на необходимое действие.

Квалифицированная электронная подпись является сложным криптографическим ключом, содержащимся в защищенной программе и создаваемым уполномоченным на то государственным органом. Квалифицированная электронная подпись выдается только на определенное время и на конкретизированный перечень действий, данная информация содержится в электронно-цифровом сертификате. Такая электронная подпись признается равнозначным

документу на бумажном носителе, подписанному собственноручно и заверенному гербовой печатью. Использование квалицированной электронной подписи в административном производстве полностью удовлетворяет всем требованиям безопасности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что внедрение электронного административного производства соответствует современным требованиям эффективности и безопасности. Однако реализация данного потенциала требует комплексной модернизации законодательной базы и совершенствования практических аспектов административного производства.

Список основных источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. от 23 марта 2026 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 569-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Азарова Ж. М. Цифровизация в административном процессе // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 18–20 апр. 2023 г. : в 2 ч. / Краснояр. гос. аграр. ун-т ; редкол.: М. В. Горелов [и др.]. Красноярск, 2023. Ч. 2. Наука: опыт, проблемы, перспективы развития. Т. 2. С. 276–283. Вернуться к статье

4. Дудаев А. Б., Ткаченко В. В., Безуглый Э. А. Электронный протокол об административных правонарушениях в деятельности органов внутренних дел на транспорте // Северо-Кавказ. юрид. вестн. 2022. № 1. С. 107–112. Вернуться к статье

УДК 342.9

С. В. Митрофанова
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования
Воронежского института ФСИН России,
кандидат юридических наук

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТИШИНЫ И ПОКОЯ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Проблема обеспечения акустического комфорта в условиях урбанизированной среды, характеризующейся высокой плотностью застройки и интенсивностью социальных взаимодействий, занимает одно из центральных мест в системе гарантий прав и законных интересов граждан.

Правовое регулирование отношений, связанных с обеспечением тишины, в Российской Федерации основано на многоуровневой системе источников права. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП) содержит составы, применяемые в случае нарушения санитарно-эпидемиологических требований. В частности, ст. 6.3 КоАП предусматривает ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, что может включать и нарушение нормативов шума. Более конкретной является ст. 6.4 КоАП, устанавливающая ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений и общественных помещений, зданий, сооружений и транспорта [1].

Анализ регионального регулирования выявляет как общие тенденции, так и существенную дифференциацию подходов. Общим для всех субъектов является установление так называемого ночного периода тишины — временного промежутка, в который любые действия, нарушающие покой граждан, запрещены. Однако его хронологические границы варьируются. Например, в городе Москве (Закон города Москвы от 12 июля 2002 г. № 42 «О соблюдении покоя граждан и тишины в городе Москве» [2]) ночным периодом установлено время с 23:00 до 07:00. В Санкт-Петербурге (Закон города Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» [3]) этот период начинается раньше — с 22:00 и длится до 08:00. Подобная вариативность отражает попытку учесть особенности жизненного уклада населения.

Второй общей чертой является введение «тихого часа» — дополнительного дневного периода, в который также действуют ограничения, прежде всего на проведение ремонтных работ. В Москве и Московской области такой период установлен ежедневно с 13:00 до 15:00. Однако в законодательстве Санкт-Петербурга аналогичное дневное ограничение отсутствует, что демонстрирует различный подход к балансу интересов жильцов, осуществляющих ремонт, и их соседей.

Третьей важной областью регулирования являются специальные правила для проведения ремонтных и строительных работ в многоквартирных домах. Здесь различия особенно значимы. Московский закон вводит жесткие ограничения: проведение таких работ с применением инструментов, являющихся источниками повышенного шума, запрещено с 19:00 до 09:00, а также в воскресенье и установленные федеральным законом нерабочие праздничные дни. Санкт-Петербургский закон идет дальше, устанавливая, что любые строительные и ремонтные работы в многоквартирном доме, длящиеся суммарно более одного часа в течение суток, могут проводиться только по согласованию с уполномоченным лицом собственников помещений. Административная ответственность по региональным законам носит преимущественно штрафной характер, причем размеры санкций, как правило, существенно превышают федеральные [4, с. 31]. Нарушение законодательства о тишине квалифицируется как административное правонарушение, посягающее на общественный порядок, общественную безопасность и благополучие граждан.

Судебная и административная практика исходит из того, что для квалификации нарушения по региональному закону (в отличие от привлечения к ответственности по ст. 6.4 КоАП) не всегда требуется официальный инструментальный замер уровня шума в децибелах. Часто достаточно подтверждения самого факта нарушения покоя граждан в запрещенное время, что может быть установлено посредством свидетельских показаний, объяснений сторон, аудио- или видеозаписи, фиксации вызова полиции.

Механизм привлечения к ответственности является многосубъектным. Пострадавшее лицо вправе обратиться с заявлением в полицию. Формами реагирования являются выезд наряда полиции по факту совершения правонарушения в момент его совершения для составления протокола об административном правонарушении, либо последующая проверка, проводимая участковым уполномоченным полиции. Процессуальной формой возбуждения дела об административном правонарушении является протокол, составляемый уполномоченным должностным лицом.

Несмотря на детальную регламентацию, правоприменительная практика в сфере обеспечения тишины сталкивается с рядом системных проблем, которые снижают эффективность всего механизма административно-правового регулирования.

Первая и наиболее острая проблема — это доказывание факта правонарушения. Административный процесс характеризуется оперативностью, в то время как объективная фиксация превышения уровня шума требует привлечения специалистов с сертифицированным оборудованием, что исключает сиюминутное реагирование. Вызов полиции часто приводит к тому, что к моменту прибытия наряда шум прекращается. В результате значительная часть конфликтов остается не задокументированной надлежащим образом, что приводит либо к отказу в возбуждении дела, либо к его прекращению за отсутствием состава правонарушения. Эта ситуация порождает правовой нигилизм у нарушителей и чувство незащищенности у добросовестных граждан.

Вторая проблема — субъективность оценки «нарушения покоя». Звуковое восприятие индивидуально, и то, что для одного является невыносимым шумом, для другого может быть фоновым звуком. Отсутствие обязательного инструментального замера в рамках дел о нарушении регионального закона приводит к тому, что исход конфликта зачастую зависит от субъективного мнения сотрудника полиции или судьи, оценивающего достаточность доказательств, основанных на свидетельских показаниях.

Третья проблема заключается в слабой эффективности санкций. Даже региональные штрафы, особенно для граждан, зачастую несоразмерны причиняемому вреду и не выполняют превентивной функции. Для юридических лиц штрафы могут быть более чувствительными, но и они зачастую рассматриваются как издержки ведения бизнеса.

Внедрение упрощенных и доступных способов фиксации шума (например, с помощью специальных мобильных приложений, сертифицированных для целей доказывания), расширение практики предупреждения как основной меры воздействия при первичном нарушении, а также развитие досудебных и медиативных процедур урегулирования соседских конфликтов могли бы снизить нагрузку на правоохранительные органы и суды и повысить уровень правосознания граждан.

Список основных источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. от 23 марта 2026 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. О соблюдении покоя граждан и тишины в городе Москве [Электронный ресурс] : Закон г. Москвы от 12 июля 2002 г. № 42. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] : Закон Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Буравлев Ю. М. К вопросу об административной ответственности за нарушение покоя граждан и тишины // Административное право и процесс. 2021. № 6. С. 45–50.Вернуться к статье

УДК 340.134

Л. В. Павлова
главный советник главного управления законодательства
о национальной безопасности, правоохранительной и судебной деятельности
Национального центра законодательства и правовой информации
Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОСМОТРА, ЛИЧНОГО ДОСМОТРА И ЛИЧНОГО ОБЫСКА

Досмотр, личный досмотр и личный обыск являются способами выявления административных правонарушений и преступлений (далее — правонарушения), иных нарушений в различных сферах жизнедеятельности общества и государства, а также осуществляются для обеспечения нормального функционирования определенных объектов инфраструктуры, например, критически важных объектов, и в иных случаях. Востребованность применения данных действий в практической деятельности способствует развитию их правовой регламентации; например, произошло формирование разновидностей досмотра — досмотр вещей, документов, ценностей и транспортных средств (далее — досмотр). Возможность проведения досмотра, личного досмотра и личного обыска предусматривают значительное количество нормативных правовых актов, наделяющих соответствующими полномочиями субъектов в пределах их компетенции. Вместе с тем несмотря на то, что суть проводимых действий отражена в их названии, необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в части конкретизации правовой природы и определения порядка (процедуры) проведения таких действий. На наш взгляд, этому не всегда уделяется должное внимание, особенно применительно к проведению досмотра или личного досмотра, хотя осуществление данных действий посягает на конституционные права граждан (личная неприкосновенность, тайна корреспонденции, право собственности и др.).

По общему правилу *личный обыск* является процессуальным действием, регламентирован в ст. 8.6 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП) и ст. 211 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) [1; 2]. В то же время личный обыск (а не личный досмотр) уже как непроцессуальное действие получил регламентацию в Правилах внутреннего распорядка мест отбывания административного ареста, утвержденных постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20 октября 2015 г. № 313 [3]. Это

не способствует разграничению сути и назначения личного обыска и личного досмотра. Данный подход также применен в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений открытого типа, утвержденных постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 13 января 2017 г. № 15 (далее — правила по ИУОТ) [4].

Личный досмотр, наоборот, ПИКоАП и УПК не предусмотрен. В иных законодательных актах порядок проведения личного досмотра, досмотра, осуществляемых в рамках противодействия правонарушениям, проведения проверок, не получил общей и унифицированной регламентации. Например, Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее — Закон об ОВД) наделяет сотрудников органов внутренних дел правом «проводить личный досмотр лиц, задержанных на основании и в порядке, установленных законодательными актами, досмотр находящихся при них вещей, транспортных средств», но при этом не определяет порядок (процедуру) проведения досмотра, личного досмотра и ограничивает предоставляемое право указанием на необходимость соблюдения предписаний законодательных актов в части случаев, когда эти действия могут осуществляться (ст. 25) [5].

Помимо досмотра и личного досмотра, проводимых в целях выявления правонарушений, данные действия осуществляются в целях нормального функционирования, например, наиболее важных объектов социальной, производственной, транспортной инфраструктуры и др. Так, сформирована практика, что личный досмотр, досмотр рассматриваются как мероприятия, направленные на обеспечение так называемых режимных требований определенных объектов.

Ряд таких объектов перечислен в перечнях, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 25 октября 2007 г. № 534 «О мерах по совершенствованию охранной деятельности» [6]. В данных перечнях закреплены *организации, обладающие правом создания военизированной охраны* (например, Департамент охраны Министерства внутренних дел Республики Беларусь, воинские части и другие организации Министерства обороны Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, органов пограничной службы), а также *организации, не обладающие правом создания военизированной охраны, в которых допускаются личный досмотр, досмотр* вещей и документов, транспортных средств работниками охраны этих организаций (например, КУП «Минский метрополитен», РУП «Издательство “Белорусский Дом печати”», ОАО «Научно-исследовательский институт электронных вычислительных машин», организации кондитерской, сахарной промышленности и др.). В развитие положений данного нормативного

правового акта Законом Республики Беларусь от 8 ноября 2006 г. № 175-З «Об охранной деятельности» [7] Совет Министров Республики Беларусь наделен соответствующими полномочиями в сфере охранной деятельности (ст. 6), в том числе на определение правил проведения досмотра, личного досмотра. Детальная регламентация данных вопросов осуществлена в утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 июня 2026 г. № 307 Правилах проведения личного досмотра, досмотра вещей и документов, досмотра транспортных средств сотрудниками специального органа охраны, работниками военизированной охраны, работниками охраны организаций, не обладающих правом создания военизированной охраны [8].

В указанных случаях (обеспечение нормального функционирования объектов) досмотр и личный досмотр не являются процессуальными действиями (поскольку осуществляются не на основании ПИКоАП или УПК), в связи с чем правовая природа данных действий не совсем ясна.

Соблюдение режимных требований определенных объектов также обеспечивается предписаниями, содержащимися в иных законодательных актах. Например, в Воздушном кодексе Республики Беларусь в целях обеспечения авиационной безопасности содержатся нормы о предполетном досмотре, личном досмотре и иных процедурах контроля (ст. 78) [9]. Процедурные вопросы регламентированы в Инструкции о порядке осуществления предполетного досмотра в целях обеспечения авиационной безопасности, утвержденной совместным постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь и Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 1 марта 2017 г. № 4/54 [10]. Сотрудники органов внутренних дел наделены правом проводить на охраняемых объектах, на входах в здания аэропортов, железнодорожных вокзалов, на объектах метрополитена и в иных местах, определенных законодательными актами, личный досмотр граждан и досмотр находящихся при них вещей, в том числе с помощью технических и специальных средств (ст. 25 Закона об ОВД). При этом порядок проведения в таких случаях досмотра, личного досмотра заслуживает конкретизации.

На основании изложенного полагаем возможным отметить следующее.

1. Необходимо разграничивать досмотры исходя из целей их проведения (охрана правопорядка и выявление правонарушений; обеспечение режимных требований определенных объектов; иное). Данный вывод применим и к таким действиям, как личный досмотр и личный обыск.

2. Цель проведения досмотра (а равно личного досмотра, личного обыска) должна учитываться при определении правовой природы данных действий (процессуальные, непроцессуальные; общеправовые (универсальные),

частноотраслевые) и, соответственно, круга субъектов, которые могут быть наделены правом на проведение досмотра (личного досмотра, личного обыска).

3. Цель проведения данных действий значима также для определения их содержания (например, полный и неполный личный обыск).

4. Предоставляя полномочия на проведение досмотра, личного досмотра и личного обыска, в обязательном порядке в нормативных правовых актах следует закреплять порядок проведения данных действий. В качестве положительного примера отметим положения ст. 328, 329 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [11], подп. 1.16.5 п. 1 ст. 107 Налогового кодекса Республики Беларусь [12].

5. При этом, с учетом специфики общественных отношений, может быть предусмотрена как универсальная регламентация порядка проведения досмотра (личного досмотра, личного обыска), например, как это реализовано по вопросам охранной деятельности, так и отраслевая (как выше рассмотрено по вопросам авиационной безопасности, таможенного контроля, налоговых отношений).

Список основных источников

1. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 92-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка мест отбывания административного ареста [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 20 окт. 2015 г. № 313 : в ред. от 14 сент. 2022 г. № 238. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений открытого типа [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 13 янв. 2017 г. № 15 : в ред. от 18 июня 2014 г. № 217. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З : в ред. от 19 мая 2022 г. № 171-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. О мерах по совершенствованию охранной деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 25 окт. 2007 г. № 534 : в ред. от 6 марта 2025 г. № 97. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. Об охранной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 8 нояб. 2006 г. № 175-З : от 21 июля 2023 г. № 302-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

8. Об осуществлении охранной деятельности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 июня 2026 г. № 307. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

9. Воздушный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 мая 2006 г. № 117-З : принят Палатой представителей 3 апр. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 24 апр. 2006 г. : в ред. от 5 января 2024 г. № 346-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

10. Об утверждении Инструкции о порядке осуществления предполетного досмотра в целях обеспечения авиационной безопасности [Электронный ресурс] : постановление М-ва транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь и М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 1 марта 2017 г. № 4/54 : в ред. от 13 августа 2021 г. № 24/242. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

11. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : вступ. в силу 1 янв. 2018 г. : в ред. от 11 апр. 2017 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

12. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г. № 166-З : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 127-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 342.9

В. В. Павловец
заместитель начальника
управления охраны правопорядка и профилактики
милиции общественной безопасности
УВД Минского облисполкома

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНТРОЛЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Одним из проблемных аспектов административно-деликтного и процессуально-исполнительного права Республики Беларусь является недостаточная исследованность и правовая оформленность вопросов о контрольных полномочиях органов, ведущих административный процесс, в таком процессе. Особую важность данный вопрос приобрел в последнее время в контексте нового законодательства Республики Беларусь об административных правонарушениях, поскольку меры административного принуждения, предусмотренные Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) [2] и Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП) [2], непосредственно затрагивают права и интересы граждан, а значимость их соблюдения ежегодно возрастает в связи с масштабностью применения административной ответственности.

В административно-правовой литературе контроль традиционно рассматривается среди прочих средств обеспечения законности в государственном управлении. При этом широкое освещение получили вопросы понятия, сущности, функций, форм и методов контроля, его соотношения с надзором в государственном управлении. Вместе с тем за рамками научных исследований остаются проблемы ведомственного контроля в административном процессе (в узком смысле этого слова). В ПИКоАП контролю посвящена только одна ст. 14.7, да и то она определяет лишь субъекты контроля на стадии исполнения постановления о наложении административного взыскания.

Сущность контроля заключается в том, что уполномоченные на то государственные органы с помощью определенных способов и средств выявляют отклонения от предусмотренной законодательством деятельности и должного поведения подконтрольных органов исполнительной власти и их должностных лиц. В случаях же обнаружения нарушений законности и дисциплины контролирующие органы своевременно их устраняют, восстанавливают нарушенные

при этом права, привлекают виновных к ответственности, принимают меры к предотвращению нарушений законности и дисциплины [3, с. 445].

По мнению С. Б. Трухачева, «контроль представляет собой метод или способ правоохранительной деятельности, который включает в себя три элемента: 1) проверку фактического выполнения закона, иного нормативного или индивидуального предписания, распоряжения, задания, норматива, т. е. всей деятельности подконтрольных органов и организаций; 2) проверку путей и средств выполнения закона, иного правового предписания, задания, поручения, позволяющего оценить работу конкретных лиц, оценить, как достигнуты результаты; 3) принятие мер в процессе контроля для оценки, исправления положения, устранения недостатков, поощрения или, наоборот, наказания» [4, с. 76].

По нашему мнению, контроль в административном процессе представляет систему гарантий, направленных на обеспечение неуклонного соблюдения законности, защиты прав и законных интересов лиц, привлекаемых к ответственности, потерпевших и иных участников административного процесса, а также достижение целей административной ответственности.

Сущность контроля в административном процессе заключается в проверке соответствия всей процессуальной деятельности — от стадии начала административного процесса до исполнения наложенного административного взыскания — предписаниям КоАП, ПИКоАП и иным нормативным правовым актам, а также в принятии предусмотренных законом мер по выявленным отклонениям. Функционально контроль служит не только целям выявления и исправления ошибок и нарушений, но и выполняет превентивную, воспитательную и дисциплинирующую функцию в отношении должностных лиц органов, ведущих административный процесс, способствуя повышению качества правоприменения.

Правовая природа контроля в административном процессе характеризуется его внутрисистемным и внешним, последующим и текущим характером. Основными организационно-правовыми формами его реализации выступают:

1) ведомственный (внутренний) контроль, который является одной из основных организационно-правовых форм реализации контроля в административном процессе и состоит в контроле вышестоящими органами или их должностными лицами за действиями подчиненных, осуществляющих подготовку дела об административном правонарушении к рассмотрению;

2) прокурорский надзор за соблюдением КоАП и ПИКоАП на всех стадиях административного процесса, включающий право прокурора принимать

акты прокурорского реагирования при выявлении нарушений законности в ходе ведения административного процесса;

3) судебный контроль, который является центральным, наиболее гарантированным и эффективным элементом этой системы. Судебный контроль носит дуалистичный характер. Во-первых, он реализуется непосредственно в рамках рассмотрения дела об административном правонарушении, поскольку значительная часть дел рассматривается судом, что изначально предполагает независимую правовую оценку собранных материалов. Во-вторых, он осуществляется в форме последующего контроля за уже принятыми внесудебными органами постановлениями путем их обжалования в суд в порядке, установленном ПИКоАП. Это обеспечивает возможность пересмотра не только юридической, но и фактической стороны дела, его справедливости и соразмерности.

Таким образом, контроль в административном процессе представляет собой самостоятельный правовой институт со свойственными ему характерными особенностями. Его правовая природа объединяет в себе элементы административного управления (ведомственный контроль) и правосудия (судебный контроль), находясь на стыке исполнительной и судебной власти. Его фундаментальной основой являются принципы законности, презумпции невиновности, обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов, которые материализуются через контрольные механизмы. В итоге целостная система контроля служит достижению баланса между эффективностью противодействия административным правонарушениям и незыблемостью прав личности, минимизируя риски произвола и ошибок в столь массовом и властном виде государственной принудительной деятельности.

Список основных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 92-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Административное право : учеб. пособие / И. В. Козелецкий [и др.] ; под общ. ред. И. В. Козелецкого. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2019. 480 с. Вернуться к статье

4. Трухачев С. Б. Правовая природа и понятие судебного контроля в производстве по делам об административных правонарушениях // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 3. С. 72–78. Вернуться к статье

УДК 342.9

Д. В. Плоскунов
прокурор отдела прокуратуры Витебской области,
магистр юридических наук

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В ч. 2 ст. 4.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) установлено, что административная ответственность преследует такие цели, как воспитание физического лица, совершившего правонарушение, а также предупреждение новых правонарушений со стороны лица, его совершившего, и других физических и юридических лиц [1].

Мерой административной ответственности выступает административное взыскание. Наиболее распространенным видом административного взыскания является штраф.

Как отмечали М. И. Еропкин, Л. Л. Попов и А. П. Шергин, административный штраф занимает промежуточное положение между уголовным наказанием и мерами общественного воздействия, поэтому оказывает влияние на состояние и динамику не только административных правонарушений, но и преступности. По сути борьба с целым рядом административных правонарушений представляет собой одновременно борьбу с преступлениями, направленную на их предупреждение [2, с. 208].

Таким образом, налагая административное взыскание, суд и органы, ведущие административный процесс, применяют меру государственного принуждения, чем обеспечивают предупреждение совершения физическими лицами преступных деяний (в том числе при избрании более строгих, чем штраф, видов взысканий).

Представляется возможным выделить следующие виды правонарушений, административная ответственность за совершение которых способствует предупреждению преступлений (с учетом особенностей их объективной стороны или субъекта):

1) правонарушения со специальными субъектами (лицами, ранее совершившими преступления, в отношении которых установлен превентивный надзор, либо находящимися под профилактическим наблюдением), ответственность за которые обусловлена несоблюдением требований, предъявляемых к поведению таких субъектов, и направлена на предупреждение совершения ими новых преступлений (чч. 1–3 ст. 25.11 КоАП);

2) правонарушения, повторное совершение которых влечет уголовную ответственность (например, чч. 1–3 ст. 18.15, ч. 8 ст. 24.36 КоАП и др.);

3) правонарушения, отграничиваемые от преступлений по характеру (размеру) наступивших последствий (например, ст. 11.1 КоАП и ч. 1 ст. 205 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), ст. 11.2 КоАП и ч. 1 ст. 216 УК, ч. 1 ст. 18.16 КоАП и ч. 1 ст. 317 УК, ч. 2 ст. 23.2 КоАП и ст. 372 УК и т. д.);

4) правонарушения, отдельные признаки объективной стороны которых совпадают с признаками преступлений, но в законодательстве отсутствуют четкие критерии их разграничения (например, непредставление должником в трехдневный срок сведений об изменении места работы, повлекшее непринятие судебным исполнителем мер по обращению взыскания на его заработок в счет алиментов, влечет ответственность по ч. 1 ст. 25.9 КоАП. Если же при перемене места работы должник более 3 месяцев в течение года не уплачивал алименты и не сообщал судебному исполнителю об имевшемся у него доходе, содеянное им содержит признаки преступления, предусмотренного ст. 174 УК).

Указанный перечень построен по степени значимости предполагаемого административно-правового воздействия (по мере его уменьшения) на поведение субъектов правонарушений в целях предупреждения совершения ими преступлений (например, неоднократное в течение года совершение мелкого хищения не повлечет уголовной ответственности, если стоимость похищенного не превысит установленного законодательством размера, а иные условия признания деяния преступлением будут отсутствовать).

Административная ответственность реализуется в процессуальной форме. Исполнение требований законодательства при привлечении к этому виду ответственности выступает условием достижения ее целей и правомерности принятых по делам об административных правонарушениях решений.

Согласно ст. 2.2, 2.9 ПИКоАП, на суды и органы, ведущие административный процесс, возлагается обязанность по соблюдению законности в ходе административного процесса, а на государственные органы и должностных лиц — по обнаружению административных правонарушений и выявлению совершивших их лиц.

Надзор за исполнением законодательных актов в административном процессе осуществляется прокурором, который вправе поручить органу, ведущему административный процесс, подготовку дела об административном правонарушении, опротестовать постановление по делу и т. д.

Так, установив в результате изучения материалов исполнительного производства факт несообщения судебному исполнителю должником

по алиментам о своем трудоустройстве, прокурор вправе, на основании п. 8 ч. 2 ст. 2.16 ПИКоАП, поручить органу принудительного исполнения подготовку дела об административном правонарушении по ч. 1 ст. 25.9 КоАП.

Это полномочие может быть реализовано прокурором и в случае совершения правонарушений, ответственность за которые наступает по требованию потерпевшего или его законного представителя (ст. 4.4 КоАП, ст. 9.4 ПИКоАП). По таким деяниям административный процесс также может быть начат непосредственно прокурором.

Выявив нарушения законодательства, перечисленные в ст. 13.16 ПИКоАП, прокурор вправе опротестовать постановление по делу об административном правонарушении.

В частности, признание лицом, совершившим административный проступок, факта совершения правонарушения и непринятие в отношении него в течение года решений о наложении административного взыскания или об освобождении от административной ответственности с вынесением предупреждения за такое же деяние, является основанием для принесения прокурором протеста на постановление о наложении административного взыскания (для его отмены). Это обусловлено тем, что в такой ситуации применение предупреждения является обязательным.

Наличие противоречий относительно времени совершения одним и тем же лицом двух правонарушений, обстоятельства которых исключают друг друга, служит основанием для принесения протеста об отмене постановления по делу, которым лицо привлечено к административной ответственности за оба вмененных ему деяния (ввиду односторонности и неполноты их исследования).

В таких случаях дела об административных правонарушениях после отмены по протестам прокурора вынесенных по ним постановлений подлежат направлению на новое рассмотрение для правильного разрешения вопросов о применении к виновным лицам мер административного принуждения.

Отмена вынесенных с нарушениями законодательства постановлений по делам об административных правонарушениях необходима, в том числе для недопущения необоснованного уголовного преследования, если на таких постановлениях могут быть основаны материалы уголовных дел.

Таким образом, реализуя полномочия, предусмотренные процессуально-исполнительным законодательством об административных правонарушениях, в том числе обеспечивая законность привлечения к административной ответственности, прокурор одновременно принимает меры по предупреждению преступлений и исключению необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Список основных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Еропкин М. И., Попов Л. Л., Шергин А. П. О применении штрафов за нарушения общественного порядка (извлечение) // Избр. науч. тр. / под общ. науч. ред. А. П. Шергина, В. Г. Татаряна. М. : Эксмо, 2010. С. 201–214. Вернуться к статье

УДК 342.9(476)

В. А. Полуян
аспирант кафедры международного экономического права
Белорусского государственного экономического университета

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ

Эффективность административных взысканий в современном правовом поле Республики Беларусь целесообразно рассматривать не только как результат государственного принуждения, но и как юридически организованный профилактический ресурс, направленный на поддержание правопорядка и формирование правосознания. Введение в действие Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [1] и Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [2] усилило акцент на соразмерности и индивидуализации взысканий, а также на их предупреждающей функции. Эффективность взысканий целесообразно оценивать через призму способности обеспечивать достижение целей административной ответственности при соблюдении процессуальных гарантий.

По данным судебной статистики Верховного Суда Республики Беларусь за 1 полугодие 2025 г., районными (городскими) судами наложены административные взыскания в отношении 58 615 лиц. Наиболее распространенные виды взысканий распределились следующим образом [3]:

− Штраф. Данный вид взыскания был применен к 41 989 лицам. Это составляет около 71,65 % от общего числа взысканий.

− Административный арест. Применен в отношении 15 484 лиц (около 26,42 %). Значительная доля арестов пришлась на правонарушения, предусмотренные за мелкое хулиганство, распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива в общественных местах, а также мелкое хищение.

− Общественные работы. Назначены 1 125 лицам (около 1,92 %) [3]. Указанный вид взыскания потенциально обладает выраженным воспитательным компонентом, однако его применение ограничено условиями назначения общественных работ: они налагаются только судом, при наличии согласия лица и с учетом установленных законом исключений.

− Лишение права заниматься определенной деятельностью. Применено в 2 случаях [3].

Теоретическое осмысление системы административных взысканий в работах С. М. Забелова базируется на признании их исключительной

материально-правовой природы как единственной законной формы выражения государственной реакции на противоправное деяние [4, с. 132]. Автор подчеркивает, что взыскание выступает не только мерой карательного воздействия, но и инструментом правового воспитания и превенции, не преследующим цели унижения чести и достоинства личности.

В свою очередь, А. Л. Бачило и Н. Е. Сокол раскрывают проблему через призму сравнительно-правового анализа, рассматривая взыскания как динамическую систему, адаптирующуюся к социально-экономическим условиям и особенностям субъектного состава правонарушений [5, с. 185]. Авторы акцентируют дифференциацию ответственности и оценку санкции с точки зрения ее соразмерности и экономической адекватности для различных категорий субъектов, включая юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Сопоставление указанных подходов позволяет сделать вывод, что эффективность взыскания в современном праве определяется не столько его суровостью, сколько балансом между ограничительным содержанием и профилактическим потенциалом, а также воспроизводимостью фактических оснований и соблюдением процессуальных гарантий.

В прикладном измерении С. М. Забелов акцентирует индивидуализацию ответственности и требования процедурной справедливости, подчеркивая значение неотвратимости и корректного обоснования выбора меры воздействия. А. Л. Бачило и Н. Е. Сокол обращают внимание на необходимость расширения спектра альтернатив штрафу и использования более гибких экономических механизмов в отношении субъектов хозяйствования, опираясь на международный опыт.

Представляется, что в условиях цифровизации и автоматизации административно-юрисдикционных процедур (в том числе с использованием средств автоматической фиксации) взыскание рискует восприниматься как формальная денежная процедура, снижая воспитательный эффект. В связи с этим оправдано обсуждение дополнительных механизмов, обеспечивающих реальную исполнимость штрафа и учет имущественного положения лица без утраты превентивного потенциала ответственности.

В качестве одного из возможных направлений предлагается нормативно урегулировать конверсию неисполненной части штрафа в общественные работы по ходатайству физического лица при подтверждении объективной невозможности уплаты штрафа. Возможная редакция нормы:

«Статья 7.1-1. Замена штрафа общественными работами.

Суд, орган, ведущий административный процесс, рассматривающий дело об административном правонарушении, вправе по ходатайству физического

лица, в отношении которого вынесено постановление о наложении административного взыскания в виде штрафа, заменить данное взыскание общественными работами при условии подтверждения лицом объективной невозможности исполнения взыскания в виде штрафа (тяжелое материальное положение, отсутствие дохода).

Замена производится из расчета одного часа общественных работ за каждые 0,2 базовой величины штрафа, но на срок не более шестидесяти часов».

Таким образом, административное взыскание в современном праве трансформируется в механизм точечного профилактического воздействия. Эффективность системы взысканий напрямую зависит от баланса между строгостью санкции и ее реальной исполнимостью, что подтверждается доминированием штрафов в структуре взысканий при одновременном росте значимости превентивных мер.

Предложенный подход к замене штрафа общественными работами ориентирован на усиление воспитательного эффекта ответственности и снижение риска формальной карательности при объективной невозможности исполнения денежного взыскания.

Список основных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 92-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 1 полугодие 2025 года // Верховный Суд Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/0d8c026ee8934bbe.html (дата обращения: 11.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Забелов С. М., Игнатюк А. З., Гасанов А. П. Административное право : курс лекций / под общ. ред. А. З. Игнатюка. Минск : Нар. асвета, 2019. 255 с. Вернуться к статье

5. Бачило А. Л., Сокол Н. Е. Сравнительное административное право : краткий курс лекций. Минск : БИП-С, 2003. 282 с. Вернуться к статье

УДК 342.922

Е. С. Пустовойт
доцент кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Сибирского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

ЦЕНТР ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (далее — ЦВСНП; Центры) являются структурными подразделениями территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях, деятельность которых направлена на профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетними. Центры как субъект профилактики не выполняют карательные функции, и они не являются местом отбывания наказания (местом пенитенциарной системы). Деятельность ЦВСНП направлена на обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, профилактику повторных антиобщественных действий и социальную реабилитацию несовершеннолетних путем осуществления индивидуальной работы [1]. По данным официальной статистики подростковая преступность в Российской Федерации за 2025 г. выросла на 10 % [2], что свидетельствует о необходимости усиления мер профилактического воздействия. Основными факторами, способствующими росту подростковой преступности, являются неблагоприятные семейные условия, негативное влияние массовой культуры, социальное окружение, недостаток надзора и поддержки со стороны родителей и т. д.

Актуальность изучения данной темы обусловлена тем, что помещение несовершеннолетних правонарушителей в ЦВСНП как мера профилактического воздействия используется на практике достаточно редко. По большей мере, по мнению И. А. Чичик, это «связано с отсутствием единого понимания сути данной меры как сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних, так и судом, выносящим постановления или приговоры о помещении подростков в ЦВСНП» [3, с. 69]. Вместе с тем, принимая во внимание принцип гуманизма, можно предположить, что к несовершеннолетним лицам, совершившим противоправные деяния, целесообразно применять менее суровое наказание. Это обусловлено их возрастными особенностями, которые предполагают возможность изменения поведенческих установок и выбора пути исправления.

Основания помещения несовершеннолетних в ЦВСНП в виде конкретных процессуальных документов указаны в п. 3 ст. 22 Федерального закона № 120 [4, с. 17], к которым относятся приговор и постановление суда.

Профилактическую работу с несовершеннолетними в ЦВСНП проводят педагоги, психологи, инспекторы и работники социальной поддержки, осуществляющие комплексную психолого-педагогическую работу, с учетом личностных характеристик каждого несовершеннолетнего, направленную на:

1) формирование у несовершеннолетнего критической оценки своих действий, а также разъяснение прав и ответственности за данные противоправные действия;

2) обучение несовершеннолетних способам конструктивного поведения и межличностных коммуникаций в различных жизненных ситуациях;

3) направление энергетического потенциала несовершеннолетних в социально значимые сферы деятельности, а также содействие в процессе их личностного и профессионального самоопределения с целью помочь приспособиться к жизни и предотвратить повторность совершения противоправного поведения;

4) формирование у несовершеннолетнего приверженности здоровому образу жизни;

5) компенсацию пробелов образовательных (школьных) знаний, допущенных по разным причинам (осуществляется организация учебных занятий для продолжения образования в ЦВСНП);

6) проведение бесед с родителями или законными представителями об их ответственности, условиях содержания и воспитания несовершеннолетнего, выявление характера детско-родительских отношений.

На основании вышеизложенного становится очевидным, что для эффективного устранения причин девиантного поведения и достижения целей исправления несовершеннолетних, а также для профилактики безнадзорности и правонарушений необходимо не только привлечение сотрудников полиции, но и применение комплексного подхода, включающего взаимодействие с различными социальными институтами и специалистами. Также следует понимать, что достижение цели окончательного исправления несовершеннолетнего за столь короткий срок маловероятно (30 суток), а возвращение в прежнюю среду может повлечь за собой продолжение антиобщественного поведения. Стоит согласиться с мнением В. Н. Панасенко, что «в период пребывания несовершеннолетнего в ЦВСНП и после необходимо проводить параллельную работу с его окружением» [5, с. 241].

Следовательно, Центры выполняют психологическую, педагогическую, воспитательную и образовательную деятельность, что существенно увеличивает шанс на успешную трансформацию несовершеннолетнего в обществе после пребывания в специализированном учреждении. Однако на сегодняшний день существует ряд проблем, влияющих на эффективность деятельности ЦВСНП. Во-первых, следует отметить недостаточное межведомственное взаимодействие между подразделениями полиции как в контексте помещения несовершеннолетнего в Центры, так и в аспектах профилактики безнадзорности и профилактики правонарушений. Во-вторых, несовершенство российского законодательства в вопросах регулирования деятельности ЦВСНП приводит к правовым коллизиям и снижает эффективность работы учреждений. В-третьих, присутствует кадровая проблема (высокая текучесть кадров и недостаток квалифицированных специалистов), что негативно сказывается на качестве работы ЦВСНП. В-четвертых, как уже говорилось выше, проводится недостаточная работа с окружением несовершеннолетнего.

Таким образом, ЦВСНП как субъект безнадзорности и профилактики правонарушений несовершеннолетних обладает значительным потенциалом в реализации эффективных профилактических мер. Успешное выполнение этой задачи возможно при условии комплексного подхода, включающего социально-реабилитационные и воспитательные меры по коррекции поведения несовершеннолетних, а также при активном взаимодействии всех сотрудников правоохранительных органов.

Список основных источников

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120 : в ред. от 23 июля 2025 г. № 239-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Рос. Федерации : [сайт]. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Чичик И. А. Производство индивидуальной психолого-педагогической работы с несовершеннолетними на базе центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей // Науч. портал МВД России. 2025. № 3 (71). С. 67–73. Вернуться к статье

4. Чумарова Е. Ю. Помещение несовершеннолетних правонарушителей в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел : учеб. пособие. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2023. 67 с. Вернуться к статье

5. Панасенко В. Н. К вопросу эффективности деятельности Центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей // Юристъ-правовед. 2021. № 4 (99). С. 213–215. Вернуться к статье

УДК 342.9

П. В. Самолысов
доцент кафедры организации финансово-экономического,
материально-технического и медицинского обеспечения
Академии управления МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОРЬБЫ С КАРТЕЛЯМИ

Проблемы борьбы с картелями и связанные с ними вопросы нецелевого использования и хищения государственных средств, теневой экономики и коррупции в последнее время достаточно активно обсуждаются в научной литературе, становятся темами громких разоблачений в средствах массовой информации.

Картели как основная и наиболее опасная разновидность монополистических объединений конкурирующих компаний, наряду с причинением вреда национальной экономической безопасности государства, приобрели статус глобальной проблемы для мировой экономики.

Исторически период конца XIX – начала XX в. охарактеризовался монополизацией мировой промышленности. Уже тогда появляющиеся монополистические объединения оказывали большое влияние на экономику и социальные отношения. Вопросы монополизации (синдицирования, трестирования и картелизации) были предметом рассмотрения ведущих ученых и политических деятелей того времени — А. И. Каминки, В. И. Ленина, В. И. Синайского, А. Ф. Федорова, Г. Ф. Шершеневича и др., которые отмечали негативное влияние монополистических объединений на экономику стран. Сегодня в юридической, исторической и экономической литературе указанные проблемы снова все чаще становятся предметом исследований.

В словаре русского языка С. И. Ожегова картель истолковывают как «одну из форм капиталистических монополий — объединение крупных предприятий какой-нибудь отрасли промышленности, сохраняющих коммерческую и производственную самостоятельность, организованное в целях регулирования производства, обеспечения господства на рынке, контроля над ценами и извлечения сверхприбылей» [1, с. 269].

Понятие «картель» имеет в мировой научной литературе, как правило, негативную окраску по следующим причинам.

Во-первых, картели связаны с нарушением принципов конкуренции, что приводит к монополизации рынка, устранению конкурентов, повышению цен, сокращению выпуска жизненно важных товаров.

Во-вторых, картели являются антиконкурентным соглашением (больше устным, чем письменным) между компаниями-конкурентами об установлении, повышении, снижении или поддержании цен (в том числе на торгах), разделе рынка, ограничении производства товаров.

Все эти негативные практики могут подорвать экономическую эффективность рынка, снизить инновационную активность и препятствовать развитию новых технологий или товаров.

Закон о защите конкуренции [2] определяет организационные и правовые основы защиты конкуренции, в том числе предупреждения и пресечения монополистической деятельности, устанавливает запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов (картели).

Целями борьбы с картелями являются обеспечение экономической безопасности Российской Федерации; защита конкуренции, выявление и пресечение монополистической деятельности российских и иностранных юридических лиц, физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, выявление ограничения, устранения конкуренции федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления [3].

Административно-правовое обеспечение борьбы с картелями представляет собой осуществление государством единой политики по недопущению экономической деятельности, направленной на монополизацию.

Основным субъектом борьбы с картелями является государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной власти.

Вопросы предупреждения монополистической деятельности, принятие мер по прекращению нарушения антимонопольного законодательства и привлечения к ответственности за такие нарушения являются компетенцией антимонопольных органов (Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) и ее территориальные органы).

Конкретным результатом административно-правового обеспечения борьбы с картелями являются административно-правовые режимы предупреждения монополистической деятельности, направленные на создание условий для свободной и честной конкуренции.

Административно-правовые режимы включают в себя установление правовых норм и мер ответственности за создание и деятельность картелей,

а также разработку механизмов выявления, пресечения и предотвращения, ограничивающих конкуренцию соглашений.

Действующие санкции за нарушение Закона о защите конкуренции, такие как административные штрафы, временные запреты на деятельность (дисквалификация) и уголовная ответственность, служат важным стимулом для недопущения формирования и функционирования картелей.

Высокий уровень ответственности повышает риски для участников картелей, делая их деятельность более рискованной и менее привлекательной. В результате такие меры способствуют более строгому контролю со стороны государства, стимулируя компании к соблюдению правил и прозрачности в их деловой практике. В свою очередь, это способствует созданию справедливой рыночной среды, защите интересов потребителей и развитию здоровой конкуренции, что является ключевым аспектом эффективной борьбы с картелями.

Таким образом, институт борьбы с картелями является комплексным правовым институтом, характеризующим организацию защиты социально-значимых интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Список основных источников

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 1989. 924 с. Вернуться к статье

2. О защите конкуренции [Электронный ресурс]: Федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ : в ред. от 8 марта 2026 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Об утверждении Межведомственной программы мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2024–2028 годы [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 5 марта 2024 г. № 512-р. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 347.91(476)

Д. П. Семенюк
доцент кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
факультета милиции общественной безопасности
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МЕЛКОГО ХУЛИГАНСТВА ПО КОАП РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОЦЕНОЧНЫЕ КАТЕГОРИИ И ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Актуальность исследования вопросов квалификации мелкого хулиганства как административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную нравственность, обусловлена важностью защиты личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Исторический анализ административной ответственности за мелкое хулиганство позволяет выявить наиболее типичные его проявления, которые закреплялись в административно-правовых нормах в качестве признаков и выявлялись в ходе рассмотрения дела. Чаще всего это сквернословие, оскорбительное неуважение к гражданам и иные непристойные проступки, нарушающие общественный порядок и спокойствие. В отличие от мелкого хулиганства, уголовно наказуемым хулиганством признавалось деяние, сопровождаемое нанесением телесных повреждений, истреблением имущества и другими действиями, причиняющими или создающими угрозу причинения существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным интересам.

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП Республики Беларусь), принятом Законом Республики Беларусь от 21 апреля 2003 г. № 194-З и введенном в действие с 1 марта 2007 г., в ст. 17.1 КоАП Республики Беларусь мелкое хулиганство было определено как «нецензурная брань в общественном месте, оскорбительное приставание к гражданам и другие умышленные действия, нарушающие общественный порядок, деятельность организаций или спокойствие граждан и выражающиеся в явном неуважении к обществу» [1].

В дальнейшем при внесении изменений в КоАП Республики Беларусь Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 95-З из диспозиции статьи были исключены слова «нецензурная брань в общественном месте» [2].

В действующей редакции ст. 19.1 КоАП Республики Беларусь «Мелкое хулиганство» диспозиция осталась без изменений и описывает те же признаки [2].

Одной из причин сложности правильной квалификации правонарушения является оценочность и нечеткость отдельных признаков, закрепленных в законодательной конструкции, которая содержит неопределенные и неоднозначно понимаемые категории «явное неуважение к обществу», «оскорбительное приставание», «другие умышленные действия». Это предоставляет возможность для более широкого субъективного толкования деяния не только самим правонарушителем, но и сотрудниками органов внутренних дел и судов.

В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 марта 2005 г. № 1 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве» раскрывается состав хулиганства и критерии его отграничения от смежных составов и мелкого хулиганства [4].

В частности, обращается внимание на недопустимость расширительного толкования ключевого понятия уголовно наказуемого хулиганства. Подчеркивается необходимость исключения случаев привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в мелком хулиганстве и других административных правонарушениях, которые по своему характеру не обладают признаком общественной опасности.

В данном нормативном акте отсутствует разъяснение таких понятий, как «оскорбительное приставание», «другие умышленные действия», «нецензурная брань», что порождает их различное толкование правоприменителем.

Раскрывая понятие явного неуважения к обществу, отмечается, что оно характеризуется заведомым пренебрежением обвиняемым общепринятыми нормами (правилами) поведения в обществе, активным, открытым противопоставлением своей личности интересам общества или отдельных лиц, в том числе в средствах массовой информации либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи. Кроме этого, хулиганство может совершаться и в местах, которые не принято считать общественными (лес, пустырь), если они сопряжены с нарушением общественного порядка.

В настоящее время хулиганство, мошенничество, оскорбление, клевета и другие противоправные деяния все чаще совершаются в социальных сетях, которые представляют сложный общественный и культурный феномен, изменивший и усовершенствовавший способы человеческого общения, обмена информацией, работы и непосредственно повлиявший на трансформацию общества и качество межличностного взаимодействия. Являясь публичным

пространством, социальные сети не только выступают как место общения граждан, но и фактически являются местом совершения преступления и административного правонарушения.

Без инфраструктуры Интернета работа социальной сети как набора серверов, приложений и баз данных была бы невозможна.

Мессенджеры (включая Viber, WhatsApp, Telegram и др.), сервисы электронной почты также построены и работают исключительно на базе сети Интернет и иных сетей электросвязи. Однако в данном случае оценка места совершения правонарушения должна осуществляться с точки зрения анализа публичного пространства, т. е. возможности доступа к информации широкого круга лиц.

Интересным представляется опыт Российской Федерации, законодатель которой закрепил в ч. 3 ст. 20.1 КоАП отдельный состав мелкого хулиганства, в котором предусмотрена административная ответственность за «распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети “Интернет”, информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам…» [5].

Таким образом, действующая редакция статьи о мелком хулиганстве в КоАП Республики Беларусь включает нечеткие оценочные признаки, что осложняет ее применение и требует более детального их уточнения. Для эффективной защиты общественного порядка и общественной нравственности, в том числе в виртуальной среде, необходимо законодательное закрепление специального состава правонарушения, устанавливающего ответственность за деяния, совершаемые с сети Интернет.

Список основных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 8 янв. 2018 г. № 95-З : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 24 марта 2005 г. № 1 : в ред. от 26 июня 2025 г. № 5. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. от 20 февр. 2026 г. № 31-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 336.71

Н. Н. Смелова
старший преподаватель и аспирант кафедры банковского дела
Белорусского государственного экономического университета,
магистр экономических наук

ЗАЩИТА ОТ КИБЕРУГРОЗ — ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЕЖНОСТИ И СОХРАННОСТИ СРЕДСТВ НА СЧЕТАХ В БАНКАХ

Защита от киберугроз является критически важным элементом банковской системы, который обеспечивает сохранность средств клиентов и их доверие в условиях стремительно развивающейся цифровизации.

Хранение средств на депозитных счетах в банках считается одним из самых безопасных способов сбережения. Но даже здесь мошенники находят возможность украсть средства. Им это удается посредством:

- социальной инженерии;
- фишинговых сайтов;
- установки вредоносного программного обеспечения;
- подставных или недобросовестных сотрудников банка;
- кибератак.

Для усиления защиты информационной инфраструктуры от внутренних и внешних угроз с 14 февраля 2023 г. действует Указ Президента № 40 «О кибербезопасности» (далее — Указ) [1].

Документом определена правовая основа создания и функционирования национальной системы обеспечения кибербезопасности, предусматривающая комплексное формирование многоуровневого механизма противодействия кибератакам на государственные органы и организации, критическую информационную инфраструктуру. Указом определена кибербезопасность как состояние защищенности информационной инфраструктуры и содержащейся в ней информации от внешних и внутренних угроз.

Согласно Указу, информационная инфраструктура включает наиболее важные объекты информатизации, информационные сети, информационные системы, информационные ресурсы и иные совокупности технических средств, систем и технологий создания, преобразования, передачи, использования и хранения информации, которые принадлежат государству и компаниям, кроме государственных секретов.

Указом определен перечень из 27 владельцев критически важных объектов информатизации. Примечательно, что в него включены такие ключевые гиганты — составляющие банковско-финансовой системы, как ОАО

«Белорусский процессинговый центр», ОАО «Межбанковский расчетный центр», ОАО «Белагропромбанк», ОАО «СБ “Беларусбанк”» и СБР ОАО «Белгазпромбанк».

Для защиты систем информации, сведений о клиентах и финансовых активов от киберугроз, обеспечения непрерывности банковской деятельности, а также снижения рисков мошенничества и хищений, Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь 20 ноября 2019 г. утверждена Концепция обеспечения кибербезопасности в банковской сфере [2]. Она создает единообразное понимание и подходы к обеспечению кибербезопасности с целью надежного функционирования банковской системы.

Документ обеспечивает защиту созданной в банковской сфере информационной инфраструктуры от противоправных действий, которыми могут быть как случайные (ошибочные), так и целенаправленные нарушения защиты информации, к которым можно отнести конфиденциальность, целостность, доступность, подлинность и сохранность.

Киберриск в настоящее время становится важнейшей угрозой финансовой стабильности [3]. Сущность данного понятия можно определить как потенциальные финансовые потери или вред (урон), причиненный технической инфраструктуре и информационным системам организации.

Комплексная кибербезопасность включает многофакторную аутентификацию, шифрование данных, защиту от фишинга и вирусов, предотвращая утечки данных и незаконный доступ к счетам. Данные факторы представляют собой основу финансовой стабильности.

Система защиты банковских данных включает:

1. Технические меры. Для этого используются продвинутые методы шифрования транзакций, алгоритмов обнаружения мошенничества, внедрение систем предотвращения утечек данных и многофакторной аутентификации.

2. Организационные меры. При этом банками на постоянной основе проводится регулярное обучение сотрудников, осуществляется мониторинг подозрительных операций и быстрое реагирование на возникающие инциденты.

3. Защита от угроз — мероприятия по противодействию фишингу, вредоносному программному обеспечению и атакам, направленным на разглашение и последующее хищение информации.

4. Эффективная кибербезопасность не только защищает средства клиентов на счетах в банках, но и выполняет функцию минимизации репутационных рисков, обеспечивает конкурентоспособность банка в цифровой экономике.

Однако гарантия государства и информационная инфраструктура не могут в полной мере защитить средства на банковских счетах, если сами клиенты

не проявят необходимую бдительность и устойчивость к манипуляциям мошенников. Элементарные правила сопротивления атакам мошенников нередко игнорируются, что приводит к печальным последствиям.

С целью усиления защиты средств на счетах в банках государству, банковской системе и клиентам важно в условиях постоянного отражения мошеннических атак сохранять устойчивость, рассудительность, предвидеть угрозы. В выигрыше останется тот, кто в сочетании со строгой дисциплиной проявляет осмотрительность, внедряет и использует инновационные технологии и действует на опережение. Победа в борьбе с мошенничеством во многом зависит от комплексной защищенности от киберугроз и постоянной бдительности каждого из нас.

Список основных источников

1. О кибербезопасности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 14 февр. 2023 г. № 40. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Концепция обеспечения кибербезопасности в банковской сфере [Электронный ресурс] : постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь от 20 нояб. 2019 г. № 466 // Нац. банк Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://www.nbrb.by/legislation/documents/koncepciya-kiberbezopasnosti.pdf (дата обращения: 24.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Клинцевич П. В., Буда А. В. Цифровые технологии и киберриски в банковской сфере Республики Беларусь // Исследования молодых ученых : материалы LXXXII Междунар. науч. конф., Казань, май 2023 г. Казань : Молодой ученый, 2024. С. 5–11. Вернуться к статье

УДК 342.9:351.74

Т. В. Телятицкая
профессор кафедры международного экономического права
Белорусского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРЕСЕЧЕНИЕ КАК ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ РЕСУРС БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Административное пресечение представляет собой юридически формализованный инструмент немедленного прекращения правонарушения и локализации угроз, снижающий риск перехода административных деликтов в более опасные формы поведения. Оно ориентировано на быстрый охранительный результат, однако его юридическая устойчивость обеспечивается процессуальной формой и доказательственной воспроизводимостью фактических оснований вмешательства. Функциональная связь пресечения и мер обеспечения административного процесса с предупреждением преступности на ранних стадиях обусловлена тем, что такие меры применяются, в числе прочего, для установления личности, обеспечения рассмотрения дела и исполнения постановления, то есть направлены на предотвращение дальнейшего вреда и эскалации противоправного поведения.

Меры обеспечения административного процесса имеют прикладное значение для правоохранительной и административно-юрисдикционной практики, позволяя действовать в условиях дефицита времени и повышенных рисков. К ним относятся доставление и административное задержание, личный обыск, изъятие вещей и документов, освидетельствование и иные процессуальные действия, направленные на фиксацию обстоятельств и обеспечение исполнения постановления. Одновременно каждая мера является формализованным вмешательством в сферу прав и свобод и требует соблюдения модели «норма — процедура — гарантии — результат»: законного основания и компетенции, пропорциональности, корректного оформления, разъяснения прав и возможности обжалования. Нарушение этих требований ведет к процессуальным издержкам и может обнулить охранительный результат, поскольку фактическое пресечение не получает устойчивого юридического подтверждения [1, с. 5; 2, с. 13].

Внешний контур административного принуждения определяется компетенцией органов внутренних дел и реализуется через первичное реагирование, фиксацию обстоятельств и применение мер обеспечения процесса. Именно

здесь формируется доказательственная основа решения и баланс между оперативностью и процессуальными гарантиями.

Соприкосновение административного принуждения с иными механизмами обеспечения безопасности проявляется при использовании информации и материалов оперативно-розыскной деятельности. Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает правовые основания и пределы соответствующих мер, включая цели выявления и пресечения преступлений и правонарушений [3]. Для административного процесса устойчивость решения определяется не только значимостью сведений, но и процедурной допустимостью их использования: данные должны быть включены в дело в форме, позволяющей проверить происхождение, неизменность и относимость. Несоблюдение этих требований формирует правовой дефект, превращающий результат пресечения в процессуальные издержки и снижая профилактический эффект.

Допустимость и устойчивость принудительных решений задают специальные правовые режимы публичной безопасности. Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» усиливает требования к определенности основания вмешательства и качеству фиксации фактических данных, включая информационную среду [4]. Закон Республики Беларусь от 30 декабря 1997 г. № 114-З «О массовых мероприятиях» определяет порядок реализации соответствующих прав и пределы административного вмешательства в целях обеспечения общественного порядка и безопасности [5]. В этих режимах особенно значимы процедурные гарантии и корректность документирования.

В условиях цифровизации эффективность административного пресечения во многом зависит от правового режима данных и информационной защищенности. Принудительное воздействие опосредуется обработкой данных (идентификация, проверка статусов, фото- и видеофиксация, электронные материалы, межведомственный обмен). Законы Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» [6] и от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» [7] устанавливают требования законности и защиты данных, а Указ Президента Республики Беларусь от 16 апреля 2013 г. № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию защиты информации» [8] — требования к конфиденциальности, целостности и доступности. В совокупности это формирует условия допустимости и устойчивости решений, основанных на данных.

Рассмотрение административного пресечения как профилактического ресурса позволяет конкретизировать двухконтурную эффективность

принудительного воздействия в цифровой среде. Первый контур составляет охранительный результат (прекращение противоправного поведения и устранение угрозы), второй — правовая корректность данных и цифровых материалов (законность получения и использования, соблюдение требований к защите информации и персональных данных, воспроизводимость цифровых доказательств). Нарушение второго контура делает результат уязвимым при обжаловании и контроле и трансформирует ресурс пресечения в процессуальные и организационные издержки.

Эффективность административного пресечения целесообразно оценивать как соотношение достигнутого охранительного результата и совокупных издержек его достижения, включая правовые, процессуальные и организационные издержки. Такой подход позволяет перейти от формальных показателей результативности к критериям качества пресечения и его вклада в профилактику. Процессуальная дисциплина и корректная работа с данными выступают условием устойчивости результата и снижения издержек.

Таким образом, профилактическая ценность административного пресечения обеспечивается не только немедленным прекращением противоправного поведения, но и юридической устойчивостью результата, достигаемой процессуальной дисциплиной и корректностью обращения с данными. Приоритетными направлениями повышения эффективности выступают стандартизация фиксации обстоятельств применения мер обеспечения административного процесса, единый стандарт обращения с цифровыми материалами и внедрение ведомственных регламентов и чек-листов процессуального контроля, ориентированных на снижение отмен и возвратов материалов и повышение качества документирования [9, с. 35–37, 42–43].

Список основных источников

1. Крамник А. Н. Административно-правовое принуждение : моногр. Минск : Тесей, 2005. 208 с. Вернуться к статье

2. Административно-правовое принуждение в государственном управлении Республики Беларусь : моногр. / О. И. Чуприс [и др.]. Минск : Четыре четверти, 2018. 384 с. Вернуться к статье

3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З : в ред. от 7 февраля 2023 г. № 248-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2007 г. № 203-З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. О массовых мероприятиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 1997 г. № 114-З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З : в ред. от 10 окт. 2022 г. № 209-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З : в ред. от 1 июня 2022 г. № 175-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

8. О некоторых мерах по совершенствованию защиты информации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 16 апр. 2013 г. № 196 : в ред. от 6 июня 2025 г. № 227. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

9. Каразей О. Г., Янчин В. О. Особенности ведения административного процесса в отношении несовершеннолетних (с образцами процессуальных документов) : метод. рекомендации. Минск : МВД Респ. Беларусь, 2023. 107 с. Вернуться к статье

УДК 342.9

И. Л. Федчук
доцент кафедры конституционного и административного права
Института управленческих кадров
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Введение законодательных новелл в сфере административных правонарушений обусловило необходимость комплексного усовершенствования административного процесса, направленного на системное регулирование процессуальных аспектов внедрения как новых, так и реформированных правовых институтов, закрепленных в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях. Особое значение при этом приобретают институционализация профилактических мер воздействия, а также законодательное закрепление общественных работ в качестве инновационной формы административного взыскания, что требует детального нормативного урегулирования и адаптации процессуальных механизмов с целью обеспечения их эффективного функционирования в правоприменительной практике. Потребность в оптимизации процессуально-исполнительных норм, регулирующих сферу административных правонарушений в Республике Беларусь, обусловлена необходимостью адаптации правового механизма к вызовам современного этапа развития правовой системы. Оптимизация данного законодательства включает не только реформирование процедур обеспечения исполнения административных наказаний, но и внедрение принципов эффективности, прозрачности и справедливости. При этом особое значение приобретает обеспечение баланса между интересами государства и правами субъектов административных правоотношений.

При проведении в 2021 г. оптимизации процессуально-исполнительного законодательства Республики Беларусь об административных правонарушениях в целом сохранена структура Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП) с одновременным дополнительным обобщением в рамках новых и существующих глав норм, относящихся к одному правовому институту или вопросу.

В частности, в самостоятельной главе консолидированы нормы, определяющие ускоренный порядок административного процесса.

Как отмечает Конституционный Суд Республики Беларусь в решении от 28 декабря 2020 г. № Р-1248/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях», закрепление в ПИКоАП 2021 г. норм об ускоренном порядке ведения административного процесса обусловлено необходимостью обеспечения баланса конституционных ценностей и основанных на них законных интересов гражданина и государства. По мнению Конституционного Суда, данный порядок обеспечивает оперативность и экономичность процесса, отвечает интересам как государства, так и гражданина, других участников процесса [1]. В свою очередь, О. В. Деркач и М. Г. Коршекевич, говоря о значении ускоренного порядка ведения административного процесса, считают, что «…на сегодняшний день ускоренный порядок подтверждает свою состоятельность. Обеспечивая процессуальную экономию, он способствует снижению материальных и временных затрат как для государственных органов, так и для правонарушителей» [2, с. 15–16]. Таким образом, с одной стороны, обеспечена дополнительная систематизация норм, определяющих порядок административного процесса, а с другой — сохранена понятная и привычная правоприменителю структура законодательных актов.

Для устранения правовых пробелов и обеспечения единообразия правоприменительной практики в ПИКоАП закреплены основания приостановления подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению, а также требования к содержанию жалобы на действия и решения судьи, должностного лица органа, ведущего административный процесс. В целях разумного сочетания протоколирования и технической фиксации определен порядок закрепления хода судебного заседания с использованием средств звуко- или видеозаписи и с составлением краткого протокола. Для обеспечения полноты и завершенности правового регулирования в процессуально-исполнительном законодательстве установлен порядок исполнения нового вида административного взыскания — общественных работ.

Произошедшие изменения однозначно указывают на направленность законодательных изменений на повышение четкости, системности и рационализации процедур ведения административного процесса.

Одним из ключевых направлений оптимизации процессуально-исполнительного законодательства Республики Беларусь является цифровизация административного процесса. Ряд норм ПИКоАП в этом направлении

также модернизирован. Так, ПИКоАП включает положения, обеспечивающие надлежащую регламентацию использования электронных (цифровых) доказательств в административном процессе. В частности, ст. 6.3 ПИКоАП определяет доказательства как любые фактические сведения, полученные в установленном самим ПИКоАП либо иными нормативными правовыми актами порядке, на основании которых суд либо орган, ведущий административный процесс, формируют выводы относительно наличия либо отсутствия административного правонарушения, предусмотренного Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, а также обоснованности привлечения юридического лица к административной ответственности, виновности или невиновности физического лица, подвергаемого административной ответственности, и иных обстоятельств, существенных для вынесения процессуального решения. В перечень источников доказательств, закрепленный в ПИКоАП, включены объяснения субъектов административного процесса — как самого лица, в отношении которого ведется этот процесс, так и потерпевших, свидетелей, в том числе полученные посредством технологий видеоконференц-связи, экспертные заключения, вещественные доказательства, протоколы об административных правонарушениях и процессуальных действиях, а также иные документы и информационные носители, добытые в порядке, регламентированном ПИКоАП и сопутствующими законодательными актами. Такой комплексный подход к квалификации и приему доказательств способствует интеграции электронных (цифровых) материалов в административный процесс, при условии их получения с соблюдением как предписаний ПИКоАП, так и иных нормативных требований, что обеспечивает их допустимость и достоверность в рамках рассматриваемых дел.

Вместе с тем В. Ю. Чешко указывает на наличие проблем, которые в настоящее время требуют разрешения и от которых зависит дальнейшее развитие направления цифровизации административного процесса: отсутствие разработанных определений понятий «электронное доказательство», «электронное дело об административном правонарушении»; обеспечение защиты информации и организации защищенного доступа к нему; невозможность одномоментной интеграции цифровых технологий в административный процесс [3, с. 90].

Действительно, сегодня ПИКоАП не предоставляет возможности подать электронное заявление о совершенном административном правонарушении, подписанное электронной цифровой подписью; формировать электронное дело об административном правонарушении; собирать, проверять и оценивать электронные доказательства. В этой связи очевидно ключевое направление

оптимизации процессуально-исполнительного законодательства об административных правонарушениях на современном этапе — дальнейшая цифровизация административного процесса, что обусловлено необходимостью адаптации процессуальных норм к реалиям цифровой эпохи.

Список основных источников

1. О соответствии Конституции Республики Беларусь Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь от 28 дек. 2020 г. № Р-1248/2020. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Деркач О. В., Коршекевич М. Г. История становления и перспективы развития института ускоренного порядка ведения административного процесса в Республике Беларусь // Право.by. 2021. № 5. С. 13–20. Вернуться к статье

3. Чешко В. Ю. Электронное правосудие в административном процессе: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь : материалы Респ. науч.-практ. конф., г. Минск, 18–19 нояб. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2022. С. 85–91. Вернуться к статье

УДК 342.9

Н. А. Шелегова
доцент кафедры административной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат технических наук, доцент

ПРАВОВАЯ БАЗА И ПРОЦЕДУРА ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

На территории современной Республики Беларусь является должным соблюдение прав и законных интересов граждан, взаимодействие общества и государства, соблюдение Конституции и законов, уважение государственных символов и национальных традиций и т. д. Эти требования обязательны, относятся к каждому гражданину, находящемуся в нашей стране, и лежат в основе установленных законодательством норм. Нарушение же этих норм влечет для лица, их нарушившего, наступление соответствующей юридической ответственности, в частности, административной.

Особенности и порядок применения административной ответственности в Республике Беларусь регламентированы совокупностью законодательных актов, основными из которых является Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) [1] и Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП) [2]. Эти нормативные правовые акты лежат в основе таких юридических процедур, как квалификация правонарушения, выбор меры административной ответственности (административного взыскания) и ее реализация. Можно сказать, что КоАП и ПИКоАП выступают в качестве основных инструментов законного применения административной ответственности для органов внутренних дел Республики Беларусь, а в некоторых случаях — и для других правоохранительных органов.

Согласно ч. 1 ст. 4.1 КоАП, «административная ответственность выражается в порицании лица, совершившего административное правонарушение, и наложении административного взыскания на физическое лицо, совершившее административное правонарушение, юридическое лицо, подлежащее административной ответственности» [1].

Для административной ответственности характерным является ряд признаков, достаточно полно и всесторонне описывающих этот вид юридической ответственности. Например, тот факт, что административная ответственность выступает в качестве государственного принуждения и регулируется нормами

административного (административно-деликтного) права, является характеризующим ее признаком.

Кроме того, следует отметить простоту, оперативность и экономичность применения административной ответственности. Например, возможное применение ускоренного порядка ведения административного процесса в отдельных случаях, предусмотренных КоАП и ПИКоАП (наложение административного взыскания при признании лицом своей вины).

Административная ответственность лица, как и любая другая юридическая ответственность, является субъективной (личной) ответственностью конкретного правонарушителя — обязанностью отвечать за содеянное. В свою очередь, отсутствие предусмотренного законодательством запрета на то или иное деяние с установлением ответственности за него является основанием статутной, а не субъективной ответственности. Трансформация же статутной ответственности гражданина в субъективную (личную) ответственность происходит в результате юридического факта правонарушения — объективного фактора, который, в свою очередь, невозможен без доказанности, причем в отношении всех элементов состава.

Нельзя не согласиться с предположением, что административная ответственность, как и уголовная или дисциплинарная, подразумевает осуждение правонарушителя со стороны общества и государства, поскольку наступает в результате посягательства на права и свободы граждан, защищаемые правом и законодательством.

И, наконец, еще одной особенностью административной ответственности является то, что ее мера (административное взыскание) является одновременно средством принудительного воздействия, а также инструментом частной и общей превенции (предупреждения). Проявление частной превенции состоит в «наказании» правонарушителя с воспитательной целью и целью предупреждения совершения им правонарушений в будущем. Общая же превенция выражена в профилактическом влиянии на других субъектов права, то есть в этом случае применение административной ответственности к одному гражданину способствует предупреждению правонарушений, совершаемых другими гражданами.

Вид и мера административной ответственности обуславливает государственно-принудительный ее характер, который формируется санкциями правовых норм и находится под контролем государства также и в части реализации. Мало того, при необходимости уполномоченный на это государственный орган вправе применить к правонарушителю избранную государством меру ответственности в принудительном порядке.

Итак, административная ответственность заключается в необходимости отвечать за уже совершенное правонарушение, то есть носит ретроспективный характер. В то же время нельзя не отметить возможное проявление административной ответственности в позитивном ключе. Позитивная ответственность (не юридическая) состоит в некой личностной трансформации правонарушителя, в осознании им собственного долга перед обществом и другими людьми, что имеет весьма весомое социальное значение. Рассмотрев отдельные теоретические и правовые аспекты административной ответственности, можно сказать, что этот вид юридической ответственности выступает также в качестве особой разновидности социальной ответственности, являясь одним из эффективных орудий обеспечения социальной справедливости, правопорядка и законности в Республике Беларусь.

Список основных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 92-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 15 апр. 2026 г. № 138-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 342.9

Р. С. Явица
аспирант кафедры международного экономического права
Белорусского государственного экономического университета

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Противодействие экстремизму является одной из приоритетных задач обеспечения национальной безопасности, так как экстремистская деятельность направлена на подрыв конституционного строя, нарушение общественного порядка и межнационального согласия. В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь [1], противодействие экстремизму и терроризму отнесено к основным направлениям государственной политики в сфере национальной безопасности, а административно-правовые меры рассматриваются как важный инструмент профилактики и пресечения угроз в информационной сфере. Аналогичный подход закреплен в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [2]. В условиях цифровизации общественных отношений и трансграничного характера экстремистских угроз административно-правовые меры приобретают особую значимость, позволяя оперативно ограничивать распространение деструктивной идеологии и пресекать деятельность причастных субъектов.

Реестры экстремистов и экстремистских материалов являются одним из важных инструментов для противодействиия экстремизму. Они выполняют превентивную функцию, обеспечивая оперативное ограничение доступа к запрещенным материалам и деятельности причастных лиц. В условиях цифровизации и трансграничного характера угроз реестры регулярно обновляются. По состоянию на февраль 2026 г. республиканский список экстремистских материалов в Республике Беларусь превышает 8 500 позиций [3], перечень граждан, причастных к экстремистской деятельности, включает более 6 149 позиций [4], федеральный список экстремистских материалов в Российской Федерации приближается к 5 500 позициям [5]. Активная проработка создания единого реестра в рамках Союзного государства с 2024 г. подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования административно-правовых механизмов противодействия экстремизму.

В научной литературе реестры экстремистских материалов и лиц оцениваются как эффективный превентивный инструмент. В. В. Кравец отмечает, что современные подходы к пониманию экстремизма и правовые меры борьбы с ним позволяют оперативно пресекать распространение деструктивной идеологии и способствуют формированию устойчивого правосознания граждан [6]. С. С. Приёмко в своих работах определяет эффективность реестров через способность своевременно блокировать каналы распространения экстремистской идеологии, снижать количество административных правонарушений экстремистской направленности и укреплять профилактическое воздействие. [7]. Российские авторы Ф. Н. Багаутдинов и А. Р. Мухаметшин акцентируют внимание на том, что регулярное обновление федерального списка выступает ключевым фактором ограничения распространения опасных материалов [8].

На основе обобщения указанных подходов полагаем, что реестры в Республике Беларусь и Российской Федерации демонстрируют свою эффективность и их дальнейшее развитие, включая синхронизацию в рамках Союзного государства, позволит существенно усилить превентивный эффект за счет оперативного обмена данными и унификации процедур.

В настоящее время министерствами внутренних дел Российской Федерации и Республики Беларусь прорабатываются механизмы синхронизации баз данных [9]. Цель этой работы заключается в том, чтобы ресурсы или лица, признанные экстремистскими в одной стране, автоматически считались таковыми и в другой. Это позволит повысить профилактический эффект в трансграничном пространстве.

Для дальнейшего усиления эффекта противодействия экстремизму считаем необходимым продолжить работу по унификации процедур в рамках межведомственного взаимодействия МВД Республики Беларусь и Российской Федерации, оперативному обмену данными и совершенствованию механизмов судебного контроля, что позволит максимально реализовать профилактические цели без ущерба для конституционных гарантий.

Список основных источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собрания от 25 апр. 2024 г. № 5 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Администрация Президента России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Республиканский список экстремистских материалов [Электронный ресурс] // М-во информации Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://mininform.gov.by/ru/respublikanskiy-spisok-ekstremistskikh-materialov-ru/ (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма. Перечень граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства, причастных к экстремистской деятельности [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://www.mvd.gov.by/ru/news/8642 (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Экстремистские материалы [Электронный ресурс] // М-во юстиции Рос. Федерации : [сайт]. URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/ (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Кравец В. В. Развитие научных взглядов на проблему противодействия экстремизму в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. 2025. № 2 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-nauchnyh-vzglyadov-na-problemu-protivodeystviya-ekstremizmu-v-respublike-belarus (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Приемка С. С. Анализ проблематики противодействия экстремизму в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2025. № 1. С. 106–111. URL: https://elib.amia.by/handle/docs/14177 (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Кожанова Е. В., Чурилов С. А. Федеральный список экстремистских материалов: 10 лет со дня создания [Электронный ресурс] // Обзор. НЦПТИ. 2017. № 2 (11). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/federalnyy-spisok-ekstremistskih-materialov-10-let-so-dnya-sozdaniya (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

9. Беларусь и РФ прорабатывают механизм создания единого реестра экстремистов [Электронный ресурс] // Sputnik Беларусь : [сайт]. URL: https://sputnik.by/20260116/belarus-i-rf-prorabatyvayut-mekhanizm-sozdaniya-edinogo-reestra-ekstremistov-1103508223.html (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.2/7

Я. М. Абдулханнянова
адъюнкт адъюнктуры
Нижегородской академии МВД России

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ОТ КАЗУАЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ К НАУЧНОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ

К вопросам неопределенности в праве в различные времена так или иначе обращались многие авторы. Однако законодательное употребление оценочных понятий как самостоятельная проблема уголовно-правовой науки имеет довольно позднее происхождение. Связано это в первую очередь с тем, что сама наука уголовного права сформировалась относительно недавно.

По убеждению профессора Императорского училища правоведения В. Д. Набокова, русская уголовно-юридическая наука очень молода и является «ровесницей» Судебных уставов императора Александра II (1864 г.) [1]. Указанную позицию разделяет и М. П. Чубинский, отмечая, что благодаря судебной реформе в общественную жизнь государства постепенно внедрялись принципы законности: предполагалось, что введение суда присяжных и института выборных мировых судей позволит населению лучше понять суть права и закона, а также преодолеть укоренившееся за долгие годы недоверие к судебной системе [2, с. 4].

В то же время существовало мнение, что основные принципы уголовного права были заложены гораздо раньше — в 1766 г., с изданием Наказа Екатерины II, излагавшего взгляды императрицы на будущее российское законодательство и государственное устройство [3, с. 678–688].

Исторические факты свидетельствуют о том, что оба вышеуказанных государственных деятеля сыграли важную роль в становлении уголовной юстиции как в практической, так и в теоретической сфере. Подготовка упомянутых актов была детерминирована двумя ключевыми факторами: во-первых, практической необходимостью реформирования уголовно-правовой системы,

а во-вторых, достигнутым к тому моменту уровнем теоретической разработанности правовых вопросов, что, в свою очередь, способствовало переосмыслению как традиционных, так и формирующихся уголовно-правовых институтов.

«До очевидности ясно и неоспоримо, — пишет А. Ф. Кистяковский, — что появление уголовного права как науки относится к более позднему времени, чем было то время, когда появилось уголовное право как совокупность законов и обычаев. Положение это подтверждается историческими данными. Даже появление науки права вообще нельзя принимать за появление вместе с тем и науки уголовного права. Причина такого различия во времени появления того и другого заключается в различии свойств уголовного права как совокупности законов и уголовного права как науки. Первое создается непосредственною деятельностью человека и даже на низших ступенях развития... Второе для своего создания требует значительной степени развития обобщающей и систематизирующей мыслительной способности человека» [4, с. 5].

Несмотря на то что системное научное рассмотрение неконкретизированных (оценочных) понятий в уголовном праве началось лишь во второй половине XIX столетия, это вовсе не свидетельствует об отсутствии практики их законодательного использования в исторических памятниках русского уголовного права. Ввиду ограниченности объема настоящей статьи автор не ставит перед собой задачу подробного описания последних (достаточно подробно данный вопрос исследовала Е. В. Кобзева [5]). Однако все же следует отметить, что изучение древнейших источников, к числу которых относятся Русская Правда, Псковская и Новгородская судные грамоты [6; 7], а впоследствии и Соборное уложение 1649 г. [8], демонстрирует, что законодатель, стремясь охватить многообразие жизненных ситуаций, вынужденно прибегал к формулировкам, предполагающим судейское усмотрение. Такие категории, как «бесчестье», «многие люди» или оценка ущерба «как государю укажут», по своей сути являлись прообразами современных оценочных понятий, поскольку их конкретное содержание наполнялось правоприменителем в каждом отдельном случае, исходя из фактических обстоятельств дела и господствующего правосознания.

Это позволяет утверждать, что объективная потребность в использовании оценочных конструкций существовала всегда, однако долгое время она носила не столько теоретический, сколько сугубо прикладной казуистический характер. Научное же осмысление данного феномена стало возможным лишь с формированием доктрины уголовного права как таковой, когда накопленный эмпирический материал потребовал систематизации и выработки единых

подходов к толкованию закона. Именно поэтому, несмотря на многовековую историю существования оценочных понятий в законодательных текстах, их концептуальное исследование начинается параллельно с развитием университетской юридической науки и судебной практики пореформенной России. В этот период перед учеными возникает принципиальный вопрос о допустимых границах судейского усмотрения и той тонкой грани, которая отделяет необходимую для справедливого правосудия гибкость права от опасного произвола, неизбежно возникающего при безграничном и бесконтрольном толковании неконкретизированных понятий. Данная дилемма, зародившаяся еще в трудах классиков русской юриспруденции, сохраняет свою актуальность и по сей день, составляя ядро современной дискуссии о природе, функциях и пределах использования оценочных понятий в уголовном праве.

Список основных источников

1. Набоков В. Д. К вопросу о будущей ориентации русской науки уголовного права // Право. Еженед. юрид. газета. 1915. № 44. Стб. 2773–2790. Вернуться к статье
2. Чубинский М. П. Кризис права и морали и пути к возрождению России. Ростов н/Д : [б. и.], 1919. 41 с. Вернуться к статье
3. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. М. : Юрлитинформ, 2016. Т. 1 / А. В. Наумов [и др.] ; под ред. Н. А. Лопашенко. 711 с. Вернуться к статье
4. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного права. Часть Общая. Киев : Ф. А. Иогансон, 1891. 413 с. Вернуться к статье
5. Кобзева Е. В. Оценочные признаки в Уголовном законе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2002. 318 с. Вернуться к статье
6. Русская Правда [Электронный ресурс] // Хронос : [сайт]. URL: https://hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье
7. Новгородская и Псковская судные грамоты [Электронный ресурс] // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина : [сайт]. URL: https://www.prlib.ru/item/429120 (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье
8. Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/sobornoe_ulogenie_1649_goda.pdf (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.13

Р. Р. Алекперов
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Академии МВД Республики Беларусь
М. А. Тукишев
курсант 3 курса следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь

ОБ АЛЬТЕРНАТИВЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ УГОЛОВНОМУ СУДУ

Тектонические изменения в системе мировой политики и экономики обострили существующие противоречия и послужили катализатором разрушения однополярной модели мироустройства. Международные организации по безопасности и другие международные органы фактически перестали влиять на геополитические процессы. Их деятельность уже не является сдерживающим фактором по соблюдению международных правовых норм. Под влиянием стран Запада создаются условия для придания легитимности применению норм, противоречащих международному праву против «неугодных» стран, имеющих влияние на политической арене мира. Подобным примером оказания политического давления со стороны коллективного Западного мира является деятельность Международного уголовного суда (далее — МУС) на государства, имеющие собственные правовые взгляды на международное и уголовное законодательство, а также правовые ориентиры, основанные на правильном, а не политизированном толковании норм международного права.

Согласно Римскому статуту, принятому 17 июля 1998 г., МУС признается постоянный орган, уполномоченный осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества. Создание МУС явилось мощным стимулом к росту исследовательского и практического интереса к международному уголовному праву. Впервые в истории человечества создан постоянно действующий суд, в юрисдикцию которого вошло отправление правосудия по серьезным преступлениям, вызывающим озабоченность всего международного сообщества. В компетенцию МУС входит преследование лиц, ответственных за геноцид, преступления против человечности, военные преступления, преступления агрессии [1, с. 133].

Тем не менее первые два десятилетия функционирования указанного института на фоне формально неудовлетворительных результатов породили массу споров о месте данной судебной инстанции, а также скепсис и разочарование

в его перспективах. Усугубила ситуацию политика ряда государств, прямо критикующих МУС.

В этой связи актуальным основанием для обсуждения проблематики деятельности МУС и возможного появления его отечественной альтернативы стал тезис, озвученный заместителем Председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д. А. Медведевым: «Вполне возможным выглядит и проработка на межрегиональном уровне (например, в рамках БРИКС) концепции создания международно-правового органа, альтернативного Гаагскому уголовному суду». По его словам, новый судебный орган БРИКС подтвердил бы стремление стран-участниц объединения «неукоснительно следовать принципам Устава ООН». В частности, речь идет о принципах иммунитета глав суверенных государств от иностранного вмешательства [2, с. 22].

По нашему мнению, в настоящее время МУС манипулирует международной уголовной повесткой, обращая свое внимание не на принципы правильности и законности при отправлении правосудия, закрепленные в Римском статуте, а на действия, направленные на осложнение международных отношений. Подобным примером является выданный 17 марта 2023 г. ордер на арест Президента Российской Федерации В. В. Путина и Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка М. А. Львовой-Беловой, что, по мнению Следственного комитета Российской Федерации, является вопиющим случаем привлечения к уголовной ответственности заведомо невиновных и пользующихся международной защитой лиц [3].

Из перечисленных обстоятельств мы можем сделать вывод о том, что деятельность МУС носит исключительно циничный характер, и, действительно, вопрос альтернативы создания международного судебного органа, осуществляющего правосудие по уголовным делам, в настоящий момент стоит как никогда остро. Ссылаясь на слова Д. А. Медведева о создании МУС на примере дружественных государств, целесообразно выделить БРИКС. В настоящий момент данная тема находится только на этапе зарождения и имеет свою проблематику. На официальных встречах саммита БРИКС обсуждаются темы государственного порядка и мироустройства в контексте всего земного шара, повестка уголовно-правового сближения государств-участников при проведении переговоров не находит своего отражения. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, что образование аналога МУС на основе стран — участников БРИКС в настоящий момент невозможно в связи с отсутствием нормативно-правовой базы, регулирующей подобные отношения.

Другим примером возможной альтернативы МУС может являться создание международного судебного органа в рамках Союзного государства России

и Беларуси либо Содружества Независимых Государств. Ведь определенная схожесть и приближенность уголовно-процессуального законодательства и наличие тесных исторических связей и геополитической близости — это тот аспект, которого нет в БРИКС. Отметим, что основными нормативными правовыми актами для создания альтернативы МУС целесообразно считать: Договор о создании Союзного государства, Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) и принятые межведомственные соглашения (например, Соглашение министров внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с преступностью (Ашхабад, 17 февраля 1994 г.)), Соглашение о создании СНГ (Минск, 8 декабря 1991 г.).

Следует указать, что весомым фактором, определяющим необходимость реального создания альтернативы МУС, следует считать крен в современном мире в сторону проводимой прозападной политики, в том числе в отношении Республики Беларусь и Российской Федерации. Потенциал к образованию альтернативы и предметные юриксдикционные основы международного судебного органа могут найти свое отражение в вышеупомянутых нормативных актах, Уставе ООН, Конституциях и уголовно-процессуальном законодательстве рассматриваемых государств, иных международных документах, касающихся отдельных вопросов уголовно-правового регулирования.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что Республика Беларусь и Российская Федерация не ломают устои и международные порядки, которые складывались не одно десятилетие. Образование альтернативы МУС является закономерным действием со стороны обоих государств в ответ на политизацию и фиктивное существование нынешнего международного органа уголовной юстиции, в котором не соблюдаются принципы деятельности, заложенные для решения значимых уголовно-правовых деликтов.

Список основных источников

1. Скуратова А. Ю. Россия и Римский статус Международного уголовного суда // Моск. журн. междунар. права. 2016. № 4. С. 125–137. Вернуться к статье

2. Медведев Д. А. Утраченные иллюзии, или Как Международный уголовный суд стал юридическим ничтожеством // Правоведение. 2025. Т. 69, № 1. С. 3–23. Вернуться к статье

3. СК объявит в розыск судей МУС, выдавших ордер на арест Путина [Электронный ресурс] // Радио РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/11/05/2023/645ccb2f9a79477cfedd41d4 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.3/.7

Е. Н. Алешина-Алексеева
доцент кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАЩИТЫ ПРАВ КРЕДИТОРОВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Экономическая сфера представляет неотъемлемую составляющую любого современного государства, образуя фундамент для его устойчивого развития. Предпринимательская деятельность, регулируемая нормами гражданского права, неизбежно порождает возникновение юридических обязательств. Преступное их неисполнение, имеющее общественно опасный характер, подпадает под действие уголовного законодательства. Таким образом, гарантируется защита законных интересов кредиторов от противоправных действий должников как недобропорядочных заемщиков.

Современное уголовное законодательство осуществляет защиту прав кредиторов в рамках ст. 176, 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК Российской Федерации) [1]. Среди стран СНГ наблюдается дифференцированный подход к уголовно-правовому регулированию ответственности за нарушения прав кредиторов, отличный от российского, однако обладающий типологическим сходством с нормами ст. 176, 177 УК Российской Федерации. Так, ст. 237 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) устанавливает ответственность за «незаконное получение кредита или субсидии» [2]. Анализ данной нормы в сопоставлении с ч. 1 ст. 176 УК Российской Федерации выявляет существенные различия в подходе толкования предмета преступления и объективной стороны. В частности, белорусское уголовное законодательство в предмет преступления включает не только кредиты, но и субсидии. Российское же уголовное законодательство, напротив, фокусируется на льготном получении кредита как дополнительном предмете преступления, помимо самого кредита. Исходя из вышеизложенного, ряд российских исследователей высказывают мнение о необходимости исключения данного элемента из состава преступления [3, с. 68]. Полагаем, данное суждение заслуживает внимания. Основываемся на том, что, как демонстрирует практика применения законодательства, его доказывание сопряжено со значительными трудностями [4, с. 39]. Данное утверждение имеет существенное теоретическое значение и заслуживает пристального рассмотрения. Оно указывает

на наличие в диспозиции нормы элементов экономического характера, которые выражаются через конструкцию общественно опасного посягательства на экономические отношения.

Отмечается, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 237 УК Республики Беларусь, содержит «несообщение индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица информации о возникновении обстоятельств, влекущих приостановление или прекращение кредитования, или субсидирование, повлекшие причинение ущерба в крупном размере» [2]. Выделение законодателем факта утаивания сведений о залоговом имуществе потенциально позволяет прекратить кредитные выплаты, что может способствовать повышению действенности российского законодательства.

В том случае, если бы диспозиция ст. 176 УК Российской Федерации была структурирована аналогичным белорусскому законодательству образом, с учетом накопленного опыта правоприменения, это позволило бы существенно снизить возможности заемщиков для утаивания информации. Такой подход устранил бы существующие пробелы в законодательстве, которые затрудняют эффективную защиту от незаконного получения кредита.

Полагаем, белорусское уголовное законодательство выступает в качестве перспективного источника для заимствования в части расширения объективной стороны преступления незаконного получения кредита для эффективной защиты кредиторов. Неуведомление о возникновении существенных обстоятельств кредитования может способствовать обеспечению кредитных средств.

Предлагаемое решение направлено на усиление объективной стороны состава преступления посредством имплементации дополнительных признаков, выраженных в форме бездействия. Данная мера призвана повысить превентивный потенциал отечественного уголовного права и оптимизировать механизмы защиты кредиторских интересов.

Законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь устанавливает уголовно-правовые меры воздействия в отношении лиц, сознательно уклоняющихся от исполнения обязательств по кредиторской задолженности.

Так, ст. 177 УК Российской Федерации определяет такое деяние, как «злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности», при этом на практике возникают трудности с установлением самого факта «злостности». Белорусское уголовное законодательство в ст. 242 установило «уклонение от погашения кредиторской задолженности», указав ключевым фактором наличие реальной возможности их выполнить, т. е. «при наличии возможности выполнить обязанность» [2]. Сравнительный анализ соответствующих уголовно-правовых норм позволяет сделать вывод об отсутствии дефиниции

«злостности» в белорусском законодательстве, расширяя спектр охватываемых преступных деяний. Кроме того, диспозиция статьи содержит указание на наличие возможности выполнить эту обязанность, обозначая существование действий, исключающих преступность выполнения кредитных обязательств.

Проведенный сравнительный анализ уголовно-правовых норм Российской Федерации и Республики Беларусь в области защиты прав кредиторов позволил выявить сходство и различия в их структурных элементах. При сопоставлении с российским уголовным законом констатируется, что белорусское уголовное законодательство пошло по пути расширительного толкования объективной стороны в ст. 237, 242 [2]. Видится возможным устранение пробелов российского регулирования через интеграцию неуведомления о возникновении существенных обстоятельств кредитования. В этой связи нормативный опыт белорусского уголовного законодательства может выступить в качестве перспективного источника для заимствования, представляя обоснованным модификацию объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК Российской Федерации, посредством включения бездействия в диспозицию нормы для эффективной защиты прав кредиторов.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Скрипченко Н. Ю. Незаконное получение кредита: законодательное регулирование и практика применения // Банковское право. 2021. № 3. С. 39–45. Вернуться к статье

4. Алешина-Алексеева Е. Н. Уголовная ответственность за преступления в сфере кредитования (статьи 176, 177 УК РФ) : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4. СПб., 2024. 244 с. Вернуться к статье

УДК 343.97

Р. В. Антропов
заведующий лабораторией контрастивных исследований
немецкой и российской систем права
Забайкальского института предпринимательства
Сибирского университета потребительской кооперации;

доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
Забайкальского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

ТРАНСФОРМАЦИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ УГРОЗ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОТ КИБЕРВАНДАЛИЗМА К ГИБРИДНЫМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ

С момента массового распространения сети Интернет в конце XX в. цифровая среда стала неотъемлемой частью жизни общества, государства и экономики. Однако стремительная цифровизация привела и к обратному эффекту — формированию нового пространства для совершения противоправных деяний. Если на заре цифровой эры преступления в Сети зачастую носили характер хулиганства или демонстрации технических способностей — так называемый кибервандализм (англ. *cyber vandalism*), то современные реалии демонстрируют качественно иную картину.

Сегодня мы наблюдаем конвергенцию физического и цифрового миров, где атака на информационную систему может привести к остановке промышленного производства, нарушению логистики или повлиять на электоральные процессы [1]. Цель данной статьи — проследить эволюцию криминальных угроз в цифровой среде (англ. *digital environment*), выявить движущие силы этой трансформации и охарактеризовать феномен гибридных посягательств как доминирующую угрозу современности.

1. Этап первый: кибервандализм и примитивная корысть (1990-е – середина 2000-х гг.).

Первый этап развития киберпреступности характеризовался относительно низким порогом входа и ограниченным масштабом последствий. Основными акторами выступали лица или небольшие группы (хакеры, хактивисты).

Ключевые формы проявления: дефейс (англ. *defacement*) — хакерская атака (взлом и изменение внешнего вида веб-сайтов с целью самоутверждения или донесения политического/идеологического послания); вирусописательство (создание вредоносных программ (вирусов, червей) ради интереса, известности или тестирования собственных навыков). Яркие примеры — культовые почтовые черви-вирусы ILOVEYOU (он же LoveLetter) (2000) и Melissa (1999); спам

(англ. *spam*) и фишинг (от *fishing* — «рыбалка/выуживание») — примитивные формы мошенничества, направленные на массовую рассылку и сбор учетных данных.

Криминологическая характеристика этого этапа такова: мотивация часто не была корыстной (преобладал мотив самоутверждения), ущерб исчислялся нарушением работы отдельных систем или репутационными потерями, а техническая сложность атак была невысока.

2. Этап второй: коммерциализация и профессионализация (конец 2000-х – середина 2010-х гг.).

Переломным моментом стало осознание преступным миром того, что киберпространство может приносить стабильный и высокий доход. Произошла профессионализация и коммерциализация киберпреступности [2].

Ключевые изменения: появление модели Malware-as-a-Service (англ. *MaaS*, вредоносное программное обеспечение как услуга) (сформировался теневой рынок, где можно купить конструкторы вирусов, базы уязвимостей и услуги по проведению атак); преступность стала «индустрией»; целевые атаки (отказ от массового поражения в пользу точечных ударов по банкам и корпорациям с целью хищения средств); опасный тип вредоносного программного обеспечения «Шифровальщики» (англ. *ransomware*) (появление вымогательского программного обеспечения, которое блокирует данные жертвы и требует выкуп (часто в криптовалюте)).

На этом этапе технический вандализм уступил место экономически мотивированной преступности. Ущерб стал измеряться миллиардами долларов.

3. Этап третий: гибридизация и геополитизация угроз (середина 2010-х – по настоящее время).

Современный этап характеризуется стиранием граней между киберпреступностью, кибертерроризмом и кибервойной. Формируется феномен гибридных посягательств.

Под гибридными посягательствами в цифровой среде понимаются скоординированные действия, сочетающие в себе компьютерные атаки, информационно-психологические операции и давление на критические инфраструктуры, проводимые с участием или под покровительством государственных акторов для достижения политических, экономических или военных целей без формального объявления войны [3].

Характерные черты современного этапа: политический контекст (атаки на избирательные системы, вмешательство в выборы, дискредитация государственных институтов); нацеленность на критическую инфраструктуру (атаки на энергосети с применением вредоносной программы BlackEnergy, объекты

здравоохранения, транспорт и водоснабжение). Целью является не кража денег, а дестабилизация общества и управленческий коллапс; синтез технологий и психологии (англ. *Social Engineering 2.0*) (использование уязвимостей человека в сочетании с deepfake-технологиями (подделка видео и голоса) для компрометации первых лиц компаний и государства); операции влияния (англ. *Information Operations*, сокр. IO) (распространение фейков, создание поляризации в обществе через социальные сети, манипуляция общественным мнением с помощью ботов и троллей).

Переход от вандализма к гибридным посягательствам обусловлен рядом факторов: цифровизация всего и вся (зависимость всех сфер жизни от IT-систем расширяет поверхность для атак); сложность атрибуции (государства могут использовать прокси-группы (хактивистов, киберпреступников) для проведения атак, сохраняя «правдоподобное отрицание» (англ. *plausible deniability*)); асимметрия (стоимость защиты многократно превышает стоимость проведения атаки, что делает кибероружие привлекательным для слабых акторов).

Современная правовая система и криминологическая наука сталкиваются с серьезными вызовами. Традиционные составы преступлений (кража, мошенничество, хулиганство) плохо применимы к гибридным посягательствам:

– Как квалифицировать атаку, которая отключила электричество зимой в густонаселенном регионе? Это диверсия, терроризм или военное преступление?

– Как доказать состав преступления, если целью была деморализация населения через массированную дезинформацию в соцсетях?

Таким образом, трансформация криминальных угроз в цифровой среде прошла путь от подросткового хулиганства до инструмента большой геополитики. Кибервандализм не исчез полностью, но он отошел на периферию угроз. На первый план вышли гибридные посягательства, которые представляют собой комплексную угрозу национальной безопасности, экономической стабильности и социальному миру.

Противодействие этим угрозам требует новой парадигмы. Недостаточно просто установить антивирус или нанять системного администратора. Необходимо выстраивать системы управления гибридными рисками, объединяющие усилия технических специалистов, сотрудников правоохранительных органов, дипломатов и психологов. Требуется также гармонизация международного права для выработки единых подходов к квалификации и наказанию за гибридные атаки, совершенные в киберпространстве.

Список основных источников

1. Danner S. Cyberkriminalität. Bedeutung, Auswirkungen auf digitalisierte Produktions- und Logistikprozesse und Abwehrmaßnahmen. München : GRIN Verlag, 2020. 22 S. Вернуться к статье

2. Hopfmüller T. Dein Ratgeber zu allen Gefahren, die heutzutage im Internet lauern. Berlin : epubli, 2025. 78 S. Вернуться к статье

3. Malek K., Popp A., Nadeborn D. Strafsachen im Internet Praxishandbuch. Heidelberg : C. F. Müller. 2024. 320 S. Вернуться к статье

УДК 343.346

Г. Ш. Аюпова
начальник кафедры уголовного права
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

В последние годы в России фиксируется увеличение основных показателей аварийности с участием средств индивидуальной мобильности (далее — СИМ) (рис.) [1]. С учетом повсеместного внедрения СИМ в повседневную жизнь общества аналогичная тенденция наблюдается и в иных государствах.

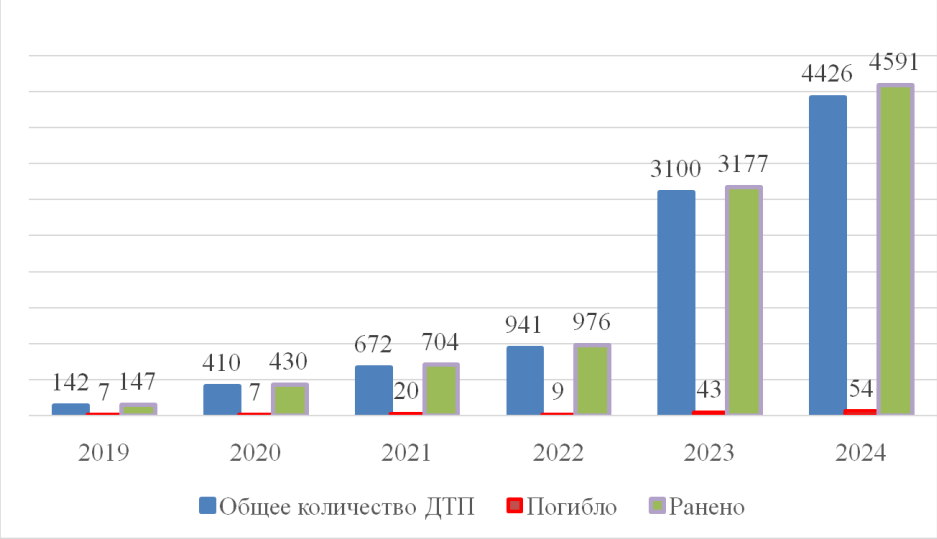

Рис. Показатели дорожно-транспортных происшествий с участием СИМ

В 2022 г. в законодательство Российской Федерации введена категория «средство индивидуальной мобильности» [2]. Под ним понимается транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей). В Правилах дорожного движения (далее — ПДД) Республики Беларусь СИМ названо средством персональной мобильности, при этом прямо указано на использование электродвигателя, уточнена максимальная конструктивная скорость движения — не более 25 км/ч [3]. В законодательстве

Российской Федерации в отношении транспортных средств с такими характеристиками применяется термин «электрическое средство индивидуальной мобильности» [4].

При этом, в соответствии с ПДД указанных государств, категория «механические транспортные средства» не распространяется ни на СИМ, ни на средства персональной мобильности, что является препятствием для квалификации противоправных действий лиц, управляющих такими средствами передвижения, по ст. 264 Уголовного кодекса (далее — УК) Российской Федерации и ст. 317 УК Республики Беларусь соответственно как нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств [5; 6; 7; 8].

В таком случае напрашивается вывод о том, что речь должна идти о преступлениях, предусмотренных ст. 268 УК Российской Федерации и ст. 321 УК Республики Беларусь, суть которых заключается в нарушении пассажиром, пешеходом или другим участником движения правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшем указанные в уголовно-правовых нормах последствия [7; 8]. Особенности объективной стороны перечисленных составов преступлений и уточнение, закрепленное в ПДД указанных государств, о том, что такие средства не относятся к механическим, снимают сомнения в решении вопроса об уголовно-правовой оценке действий (бездействия) лиц, использующих для передвижения СИМ либо средства персональной мобильности в пределах дорог [7; 8].

Так, например, Ф., ведущий электросамокат, в нарушение п. 24.8 ПДД Российской Федерации перевозил пассажира О., в нарушение п. 24.6[1] ПДД Российской Федерации выехал на проезжую часть, тем самым не уступил дорогу, создал помеху и опасность для движения автомобиля под управлением водителя С. В результате Ф. совершил с ним столкновение, причинив своими действиями пассажиру электросамоката О. по неосторожности тяжкий вред здоровью. Ф. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 268 УК Российской Федерации [9].

Следует особо отметить, что ПДД указанных государств устанавливается порядок движения транспортных средств как по дороге, так и по непосредственно прилегающей к дороге территории — по дворам, жилым массивам, автостоянкам, АЗС, предприятиям и т. п. В ПДД указанных государств также внесены поправки в части уточнения требований к движению лиц, использующих для передвижения искомые средства, в том числе в пределах проезжей части дороги, обочины, тротуаров, велосипедных, велопешеходных дорожек, пешеходных зон, жилых зон и дворовых территорий. Соответственно, потенциалом для повышения эффективности реализации уголовно-правовых норм

в отношении лиц, использующих СИМ, обладают поправки в ПДД Российской Федерации и Республики Беларусь. Вместе с тем возникает вопрос о юридической оценке ситуаций за пределами дорог.

В частности, учитывая, что деяние подлежит квалификации по ст. 268 УК Российской Федерации лишь в случае, когда было оказано негативное влияние на безопасность движения и эксплуатации транспорта, то действия лица, ведущего СИМ, повлекшие указанные в ст. 268 УК Российской Федерации последствия не в результате нарушения правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, должны квалифицироваться по соответствующим статьям УК Российской Федерации, предусматривающим ответственность за преступления против жизни и здоровья [10, с. 197–198]. Представляется, что аналогичное правило справедливо и для уголовного права Республики Беларусь.

Учитывая, что субъектами составов преступлений, предусмотренных как ст. 268 УК Российской Федерации, так и ст. 321 УК Республики Беларусь, являются пассажир, пешеход или другой участник движения, необходимо определить, к какому из этих субъектов относится лицо, использующее для передвижения СИМ либо средство персональной мобильности соответственно.

В законодательстве Республики Беларусь лица, передвигающиеся на средствах персональной мобильности, приравниваются к велосипедистам, что лишний раз доказывает справедливость вывода о целесообразности квалификации их противоправных действий при наличии иных составообразующих признаков по ст. 321 УК Республики Беларусь как нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта [7]. Все это позволяет рассматривать лицо, использующее для передвижения средство персональной мобильности, в качестве такого субъекта, как «другой участник движения».

Аналогичное уточнение в ПДД Российской Федерации отсутствует. Вместе с тем постановлением Правительства Российской Федерации от 6 октября 2022 г. № 1769 установлено, что лица, *ведущие* СИМ, приравниваются к пешеходам [2].

В ПДД Российской Федерации встречаются такие сочетания слов, как «лица, ведущие СИМ», «лица, использующие для передвижения СИМ», что не случайно. Перечисленные категории не равны по своему содержанию. Формулировка «лица, ведущие СИМ» относится к ситуациям, при которых лицо спешилось и перемещает СИМ, ведя его рядом с собой; «лица, использующие для передвижения СИМ» — к ситуациям, при которых лицо само перемещается

посредством СИМ, находясь на СИМ с работающим двигателем. Такой вывод основан на анализе терминов, применяемых в ПДД Российской Федерации [5].

В определении понятия «пешеход» применительно к СИМ приводятся именно слова «лица, ведущие», а не «лица, использующие для передвижения». Принимая во внимание, что обе формулировки не являются новеллой действующей редакции ПДД Российской Федерации, можно сделать вывод, что законодатель учел их сущностное различие и умышленно сделал выбор в пользу первой из них. В частности, в более ранних редакциях ПДД Российской Федерации связка слов «лица, ведущие» использовалась в сочетании с велосипедом, мопедом, мотоциклом, и к таким лицам тоже применялся термин «пешеход» [5]. Следует отметить, что формулировка «лица, ведущие» содержится и в ПДД Республики Беларусь применительно к средствам персональной мобильности, и в таких случаях лицо приравнивается не к велосипедистам, а считается пешеходом [6].

Таким образом, лицо, *ведущее* СИМ, относится к пешеходам, а лицо, *использующее для передвижения* СИМ, следует рассматривать в качестве такого субъекта, как «другой участник движения», для целей ст. 268 УК Российской Федерации.

Список основных источников

1. Аналитические обзоры состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] // Науч. центр безопасности дорожного движения МВД России : [сайт]. URL: https://xn--90aga7a7b.xn--b1aew.xn--p1ai/%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%83%D1%80%D1%81%D1%8B/%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%D1%8B-%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 окт. 2022 г. № 1769 : в ред. от 27 мая 2025 г. № 731. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Об изменении Указа Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 4 авг. 2025 г. № 295. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Электрические средства индивидуальной мобильности. Технические требования и методы испытаний [Электронный ресурс]: ГОСТ Р 70514-2022. Введ. 01.02.2023. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. О Правилах дорожного движения [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации от 23 окт. 1993 г. № 1090 : в ред. от 16 июля 2025 г. № 1071. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

6. О мерах по повышению безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 нояб. 2005 г. № 551 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 4 авг. 2025 г. № 295. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 534-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

9. Постановление № 1-433/2024 от 15 декабря 2024 г. по делу № 1-433/2024. Ленинский районный суд г. Иваново (Ивановская область) [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/u2AZaJH3fWLJ/ (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

10. Особенности квалификации преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта : учеб. пособие / Г. Ш. Аюпова [и др.]. Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2025. 262 с. Вернуться к статье

УДК 343.35

О. И. Бахур
начальник кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О РАСПОЛОЖЕНИИ ИЛИ ПЕРЕМЕЩЕНИИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ, ВООРУЖЕНИЯ, ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ И БОЕПРИПАСОВ

Установление уголовной ответственности за несанкционированное распространение информации о расположении или перемещении подразделений, вооружения, военной техники и боеприпасов в системе мер, направленных на обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь, ее обороноспособности, призвано усилить принудительное воздействие государства на лиц, нарушающих установленные режимные меры обеспечения эффективности проведения контртеррористических операций, обеспечения реализации государственных и общественных интересов, защиты прав и свобод граждан в период чрезвычайного либо военного положения.

Законом Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) была введена соответствующая статья (ст. 375^3) [1; 2]. С объективной стороны уголовная противоправность действий, составляющих преступление, предусмотренное ст. 375^3 УК, выражается в активных действиях по распространению информации о расположении или перемещении подразделений, вооружения, военной техники и боеприпасов Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований по территории Республики Беларусь, если такая информация официально не распространялась.

Информация, содержащая указанные данные, выступает в качестве предмета анализируемого преступления, независимо от формы ее представления (электронная, печатная, устная, фото- и видеоматериалы).

Распространение данных о дислокации и перемещении военной техники, вооружения, боеприпасов, воинских подразделений подразумевает публичное разглашение информации о текущем их расположении, а также об их перемещении по территории страны. Официально такие данные могут публиковаться Министерством обороны Республики Беларусь (например, Генеральным

штабом Министерства обороны). Под незаконным распространением такого рода информации понимается несанкционированное государственными органами, соответствующими должностными лицами обнародование данных в средствах массовой информации, соцсетях, на информационных каналах мессенджеров, с использованием радио- или телеэфира и т. п. Для такого распространения типичным является восприятие указанной информации несколькими лицами, а также создание реальной возможности распространения и восприятия информации широким кругом лиц, на что и рассчитывал субъект преступления.

Под дислокацией понимается фиксированное размещение военных сил на базах или в определенных пунктах, районах. Перемещение охватывает любые передвижения техники, вооружения, боеприпасов или личного состава Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований, включая логистику и маневры.

Помимо Вооруженных Сил, в диспозиции указанной статьи упоминается о других войсках и воинских формированиях, к которым относятся внутренние войска Министерства внутренних дел Республики Беларусь, органы государственной безопасности (Комитет государственной безопасности Республики Беларусь), органы пограничной службы Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, Служба безопасности Президента Республики Беларусь, территориальные войска.

Обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого преступления является время совершения деяния — в период проведения контртеррористической операции, действия чрезвычайного либо военного положения.

Введение, порядок действия и отмена чрезвычайного положения на территории Беларуси определяется Законом Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З «О чрезвычайном положении», в соответствии с которым чрезвычайное положение вводится указом Президента Республики Беларусь на всей территории или в отдельных местностях с последующим утверждением Советом Республики Национального собрания в течение трех дней. Всебелорусское народное собрание также может ввести его в случае бездействия Президента и при наличии оснований, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь [3; 4].

Введение военного положения предусмотрено Законом Республики Беларусь от 13 января 2003 г. № 185-З «О военном положении» [5], в ст. 1 которого военное положение определено как особый правовой режим, временно вводимый на территории Республики Беларусь в случае военной угрозы либо в случае нападения (акта вооруженной агрессии) на Республику Беларусь, связанный

с предоставлением государственным органам, органам военного управления, местным советам обороны полномочий, необходимых для устранения военной угрозы или отражения нападения, а также с временным ограничением прав и свобод граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, прав организаций, возложением на них обязанностей, установленных в соответствии с данным Законом. Основаниями введения военного положения указанный Закон определяет наличие военной угрозы (например, объявление войны или концентрация войск у границы) или нападения (акт вооруженной агрессии). Военное положение вводится указом Президента Республики Беларусь с последующим утверждением Советом Республики Национального собрания в течение трех дней. С 2023 г. Всебелорусское народное собрание вправе ввести военное положение при наличии оснований, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь, в случае бездействия Президента. В особых обстоятельствах (в случае гибели Президента в результате покушения на его жизнь) такое решение принимает Совет Безопасности Республики Беларусь.

Распространение данных о дислокации и перемещении соответствующих сил и средств считается оконченным с момента доведения такой информации до адресата любым способом.

В указанных действиях лица по распространению информации должны отсутствовать признаки таких преступлений, как измена государству (ст. 356 УК), шпионаж (ст. 358 УК) и умышленное разглашение государственных секретов (ст. 373 УК). От указанных преступлений анализируемое преступление отличает предмет преступления, а именно то, что распространяемая информация не содержит государственные секреты Республики Беларусь, а равно сведения, составляющие государственные секреты иностранных государств, международных организаций, межгосударственных образований, переданных Республике Беларусь в установленном порядке.

Необходимо отграничивать данный состав преступления и от преступления, предусмотренного ст. 361^4 УК «Содействие экстремистской деятельности» в части иного содействия экстремистской деятельности. Оно также может быть выражено в распространении информации о расположении или перемещении подразделений, вооружения, военной техники и боеприпасов Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований по территории Республики Беларусь, однако же в диспозиции указано на специальный признак — адресата такой информации, а именно на лиц, осуществляющих экстремистскую деятельность (экстремистская организация, сообщество). Кроме того, важно учитывать, что в случае с преступлением,

предусмотренным ст. 375^3 УК, такое распространение происходит в период проведения контртеррористической операции, действия чрезвычайного либо военного положения.

В ситуации же, когда имеет место распространение указанной информации в период проведения контртеррористической операции, действия чрезвычайного либо военного положения, направленное на содействие экстремистской деятельности, имеет место совокупность преступлений, предусмотренных ст. 361^4 и 375^3 УК, поскольку данное деяние не охватывается в полной мере диспозицией ни одной из указанных статей.

С субъективной стороны уголовная противоправность рассматриваемого преступления выражается в прямом умысле совершения распространения информации о расположении или перемещении подразделений, вооружения, военной техники и боеприпасов Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований по территории Республики Беларусь. При этом виновный сознает, что данная информация официально не распространяется, а происходит это в период проведения контртеррористической операции, действия чрезвычайного либо военного положения.

Цели и мотивы совершения рассматриваемого преступления не являются обязательными признаками состава преступления, они могут быть любыми (например, идейные соображения) и в основном на квалификацию не влияют (кроме корыстных побуждений).

Субъектом распространения информации о расположении или перемещении подразделений вооружения, военной техники и боеприпасов могут быть граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, достигшие к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

Квалифицированным видом умышленного распространения указанной информации являются случаи совершения данного деяния группой лиц по предварительному сговору, или из корыстных побуждений, или повлекшие тяжкие последствия. К тяжким последствиям могут быть отнесены, например, такие последствия, как атака на воинские подразделения, совершение диверсии, гибель военнослужащих или гражданских лиц из-за разглашения сведений.

Таким образом, ст. 375^3 УК устанавливает уголовную ответственность за несанкционированное распространение информации о дислокации или перемещении военных подразделений, вооружения, техники и боеприпасов в период контртеррористических операций, чрезвычайного или военного положения. Это преступление характеризуется прямым умыслом, охватывает любые формы обнародования (посредством средств массовой информации, социальных сетей, теле- и радиопередач, устно) и отличается от шпионажа, измены государству

или разглашения гостайны отсутствием секретных данных, а от содействия экстремизму — временем совершения преступления и адресатом. Анализируемая норма призвана усилить уголовно-правовую защиту интересов государства в сфере национальной безопасности.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. О военном положении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 янв. 2003 г. № 185-З : в ред. от 9 дек. 2025 г. № 111-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.575

В. Г. Волколупов
доцент кафедры уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

КВАЛИФИКАЦИЯ БЕСКОНТАКТНОГО СБЫТА НАРКОТИКОВ: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СТАДИЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Бесконтактный (дистанционный) способ сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также наркосодержащих растений или их частей (далее — наркотики) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, в настоящее время все активнее используется при совершении рассматриваемых деяний. Он включает ряд последовательных этапов: получение наркотиков от оптового поставщика, их расфасовку, размещение в тайнике-закладке (далее — закладка), передачу «курьером» его координат «куратору» либо «оператору» и последующее доведение информации о месте нахождения наркотиков до конечного потребителя (приобретателя). Определение момента окончания данного преступления и установление критериев разграничения его стадий вызывают наибольшие затруднения в правоприменительной практике, что подтверждается многочисленными изменениями судебных решений, выносимыми вышестоящими инстанциями. Рассмотрим названные проблемы более детально.

1. Критерий разграничения оконченного сбыта наркотиков и покушения на него: доведение (или недоведение) информации о месте нахождения закладки до конечного потребителя.

Ключевым критерием, позволяющим отграничить оконченный состав незаконного сбыта наркотиков (ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК Российской Федерации) от покушения на него (ч. 3 ст. 30 УК Российской Федерации), является установленный и доказанный факт доведения информации о месте нахождения закладки до непосредственного приобретателя [1].

Предоставление сведений о координатах закладки иному соучастнику («куратору», «оператору»), не являющемуся конечным потребителем, не может рассматриваться как выполнение всех необходимых действий по передаче наркотиков приобретателю. В таких случаях осведомленный о закладке

соучастник выступает лишь промежуточным звеном в преступной цепи. Данная правовая позиция последовательно подтверждается судебной практикой.

Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 14 января 2025 г. № 77-71/2025 переквалифицировал действия осужденных с оконченного состава преступления на покушение, обосновав свое решение указанием на отсутствие доказательств, подтверждающих доведение сведений о местах нахождения наркотиков до непосредственных приобретателей [2]. Аналогичное решение было принято Вторым кассационным судом общей юрисдикции в определении от 7 августа 2025 г. № 77-2198/2025, согласно которому четыре инкриминируемых эпизода сбыта переквалифицированы с оконченных преступлений на покушение ввиду того, что информация о закладках была передана только соучастникам [3].

Таким образом, для признания бесконтактного сбыта наркотиков оконченным недостаточно лишь установления факта их перемещения между соучастниками или передачи информации от одного соучастника другому внутри преступной группы. Преступление считается оконченным с момента, когда сведения о месте нахождения закладки переданы и стали доступны приобретателю, независимо от того, успел ли он фактически изъять находящиеся в ней наркотики.

2. Разграничение покушения на сбыт и приготовления к сбыту наркотиков: начало выполнения действий, образующих объективную сторону рассматриваемого преступления.

Разграничение покушения на сбыт (ч. 3 ст. 30, ст. 228.1 УК Российской Федерации) и приготовления к нему (ч. 1 ст. 30, ст. 228.1 УК Российской Федерации) проводится с учетом установления момента начала выполнения действий, непосредственно направленных на совершение преступления, то есть образующих его объективную сторону.

Так, само по себе получение «курьером» координат оптовой закладки с наркотиками, предназначенными для их последующего сбыта, если дальнейшие действия по их изъятию оттуда не были совершены (виновный не прибыл на место и не приступил к изъятию партии), образует только приготовление к преступлению. В этом случае лицо лишь создает необходимые условия для последующего совершения сбыта наркотиков, но еще не приступает к выполнению его объективной стороны.

Данный подход последовательно находит свое подтверждение в судебной практике. Например, по делу Б., осужденной по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК Российской Федерации, установлено, что она получила информацию о месте хранения наркотиков, прибыла на участок, пыталась найти закладку,

но была задержана сотрудниками полиции до ее обнаружения. Никаких действий по приобретению, хранению, перевозке, изготовлению или переработке запрещенных веществ она не совершала. Суд кассационной инстанции переквалифицировал ее деяние на ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК Российской Федерации как приготовление к сбыту наркотиков [4].

Аналогичное решение содержится и в определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 4 октября 2023 г. № 77-4499/2023, согласно которому действия осужденных, задержанных при попытке отыскать закладку, были переквалифицированы с покушения на приготовление, поскольку они не осуществляли деятельности по приобретению или хранению наркотиков [5].

Однако в новейшей судебной практике встречается и иной подход к квалификации таких деяний. В частности, как указал Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 28 января 2025 г. № 77-269/2025, получение одним из соучастников координат закладки и выдвижение к месту ее нахождения свидетельствуют о выполнении виновным действий, непосредственно направленных на последующее совершение преступления, что образует покушение на сбыт [6].

3. Квалификация действий лиц, выступающих в качестве промежуточных звеньев преступной цепи.

При многоуровневых схемах бесконтактного сбыта наркотиков особую сложность представляет квалификация действий промежуточных звеньев — лиц, которые непосредственно не контактируют с потребителями, но выполняют технические операции, например, по фасовке и перезакладке наркотиков.

Так, оборудование одним из соучастников закладки не может квалифицироваться как оконченный сбыт, если ее место нахождения либо не было заблаговременно согласовано с потребителем, либо информация о ней не доведена до потенциального приобретателя. В кассационном определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 9 февраля 2023 г. № 77-573/2023 действия Н., оборудовавшего шестнадцать закладок и передавшего их координаты соучастнику («оператору»), были переквалифицированы на покушение, поскольку информация до потребителей так и не дошла, а наркотики изъяты из закладок полицией [7].

Проведенный анализ обобщенной судебной практики позволяет выделить следующие критерии разграничения стадий бесконтактного сбыта наркотиков:

Сбыт наркотиков признается оконченным преступлением с момента доведения информации о месте нахождения закладки до конечного потребителя. Передача «курьером» сведений своим соучастникам («куратору», «оператору») оконченного состава не образует.

Покушение на сбыт составляют действия «курьера», непосредственно направленные на выполнение им объективной стороны преступления (например, сообщение «оператору» координат сделанной «курьером» закладки, попытка изъятия наркотиков из оптовой закладки и т. п.), если деяние в виде последующего бесконтактного сбыта не доведено до конца по независящим от него обстоятельствам.

Приготовление к сбыту наркотиков предполагает умышленное создание необходимых условий для совершения данного преступления (получение координат закладки, сговор на совершение сбыта), если виновный еще не приступил к выполнению действий, образующих объективную сторону состава и непосредственно направленных на завладение наркотиками или их передачу потребителю.

Представляется, что выявленные проблемы, связанные с формальным подходом отдельных правоприменителей к оценке действий виновных при определении стадии совершенного ими преступления, когда, например, сбыт ошибочно признается оконченным с момента отправки «курьером» отчета «куратору» либо сообщения «оператору» без проверки факта доведения информации до конечного приобретателя, требуют дальнейшего обобщения судебной практики и соответствующего разъяснения на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 января 2025 г. № 77-71/2025 (УИД 36RS0003-01-2022-000850-78) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=200281 (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 7 августа 2025 г. № 77-2198/2025 (УИД 77RS0002-02-2024-003438-54) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=187794 (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 февраля 2024 г. № 77-539/2024, 77-786/2024 (УИД 32RS0003-01-2022-001546-30) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=162114 (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 4 октября 2023 г. № 77-4499/2023 (УИД 32RS0003-01-2022-001422-14) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=144789 (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2025 г. № 77-269/2025 (УИД 32RS0033-01-2023-002840-06) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=201061 (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 9 февраля 2023 г. № 77-573/2023 (УИД 30RS0001-01-2017-000236-59) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=122812 (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.35

О. Ф. Воспякова
старший преподаватель кафедры
общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ МОТИВАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Правовая регламентация мотивов коррупционных преступлений является необходимым условием их правильной квалификации, осуществления мер по предупреждению подобных преступных деяний. Побудительными мотивами коррупционных деяний выступают корыстная или иная личная заинтересованность. В ряде статей Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) корысть либо иная личная заинтересованность указаны в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления либо выступают как квалифицирующий признак (в частности, ст. 424, 425, чч. 2, 3 ст. 426) [1].

Установление корыстной заинтересованности, как правило, не вызывает трудности в судебно-следственной практике ввиду ее законодательной регламентации. Понятие корыстных побуждений сформулировано в ч. 10 ст. 4 УК как стремление извлечь имущественную выгоду для себя или близких либо избавиться от материальных затрат. Также трактовка корыстных побуждений дается в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424–428 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» (далее — постановление). Таковыми признаются намерения должностного лица получить выгоду имущественного характера с использованием служебных полномочий [2]. Безусловно, обязательным условием выступает стремление к незаконному извлечению материальной выгоды. Так, суд обоснованно усмотрел корыстную заинтересованность в действиях главного бухгалтера сельхозпредприятия Ш., которая давала своим подчиненным указания в рабочее время убирать принадлежащий ей картофель, а также производить ремонт в ее доме. В табеле учета рабочего времени Ш. указывала, что сотрудники во время выполнения этих работ находились на своих рабочих местах, на основании чего им начислялась и выплачивалась заработная плата [3].

В отличие от корыстных побуждений законодательное определение личной заинтересованности отсутствует. Не вносит конкретики в уяснение этого признака и вышеуказанное постановление, согласно которому этот мотив

рассматривается как стремление извлечь выгоду неимущественного характера, что может быть обусловлено карьеризмом, протекционизмом, желанием приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т. п. Такая законодательная неопределенность подчас приводит к необоснованному расширению перечня мотивов, которые можно расценивать в качестве личной заинтересованности. Ведь, так или иначе, но к личной заинтересованности можно отнести любые мотивы поведения человека. Приходится констатировать, что в судебно-следственной практике имеют место случаи формального подхода к установлению этого мотива, обоснованию его негативного характера. В материалах уголовных дел указывается, что деяние совершено из иной личной заинтересованности без аргументации такого вывода, хотя она должна быть доказана в каждом конкретном случае. Так, по одному из уголовных дел подсудимому вменялось злоупотребление служебными полномочиями, выразившееся в содействии в трудоустройстве своего сына в медицинское учреждение, в котором он являлся главным врачом. В основу доказательства иной личной заинтересованности был положен только факт наличия близких родственных отношений. Судом обоснованно был вынесен оправдательный приговор, так как органами предварительного расследования не было конкретизировано, в чем именно заключалась такая заинтересованность обвиняемого.

Вместе с тем по другому уголовному делу суд признал наличие иной личной заинтересованности в действиях К., который, работая председателем СПК, желая скрыть недостатки и упущения в своей работе и работе хозяйства, избежать привлечения к дисциплинарной ответственности, удержаться в занимаемой должности, организовал документальное оформление производства молока, которое в действительности не надаивалось, а также оформление реализации непроизведенного молока и павшего молодняка крупного рогатого скота работникам сельхозпредприятия [4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятия корыстной и иной личной заинтересованности, как альтернативные признаки субъективной стороны коррупционных преступлений, не совпадают по своему содержанию. Они различаются по характеру выгоды, которую стремится получить виновное лицо. Если корыстная заинтересованность предполагает получение выгоды имущественного характера в результате неправомерных действий, то иная личная заинтересованность связана с удовлетворением личных неимущественных интересов (продвижение по службе, сокрытие недостатков в профессиональной деятельности, получение взаимной услуги, поддержки в решении какого-либо вопроса и т. п.).

Говоря об иной личной заинтересованности, следует иметь в виду, что личные побуждения не всегда можно рассматривать как мотив коррупционных преступлений. Они выступают таковыми только в том случае, если они направлены на извлечение благ неимущественного характера, что, по нашему мнению, можно было бы закрепить на законодательном уровне (например, разъяснить понятие «иная личная заинтересованность» в ст. 4 УК). При этом общественная опасность этого мотива должна быть обусловлена побуждениями негативного характера, что сознается самим виновным. При разрешении конкретных уголовных дел необходимо четко обосновывать, в чем заключается иная личная заинтересованность и чем она доказывается.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424–428 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 16 дек. 2004 г. № 12 : в ред. от 30 сент. 2021 г. № 7. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК) [Электронный ресурс] : Обзор судебной практики Верхов. Суда Респ. Беларусь. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Информация о судебной практике по делам, связанным с коррупционными преступлениями [Электронный ресурс] // Брестплемпредприятие : [сайт]. URL: https://brestplem.by/o-borbe-s-koruptsiey/bich-sovremennosti-korruptsiya/informatsiya-o-sudebnoy-praktiki/ (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.852

Д. И. Гаврилов
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Кузбасского института ФСИН России

МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Меры пресечения в настоящее время являются составным элементом механизма применения мер государственного принуждения. Подходы ученых к определению понятия обоснованно связаны с задачами уголовного судопроизводства, что, безусловно, является базовым на пути понимания сущности мер пресечения. Институт мер пресечения долгое время находился в статическом состоянии, что привело к росту числа изменений и подходов к пониманию ограничения прав и свобод на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства. На наш взгляд, наиболее значимым изменением является включение в процесс применения специализированного органа (контролирующего органа) — Федеральной службы исполнения наказаний России, задачей которой является организация контроля за запретами, предусмотренными ч. 6 ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК) [1].

В нашем понимании профилактика преступлений со стороны властных государственных органов — это дозированное, точечное применение правоограничивающих механизмов в отношении лиц, потенциально являющихся преступниками. Исходя из практики деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, не стоит уповать на то, что подозреваемый, обвиняемый, осужденный, прошедший стадии уголовного процесса, в которых не нашлось достаточных данных полагать, что привлекаемое лицо непричастно к совершению преступлению, будет вести правопослушный образ жизни даже после признания вины и назначения уголовного наказания.

Частная профилактика в местах лишения свободы является максимально эффективной: находясь под круглосуточным надзором, осужденным достаточно сложно организовать совершение преступления. Тем более что за совершение преступлений осужденный будет подвергнут дисциплинарной, уголовно-исполнительной и уголовной ответственности, это повлияет на изменение режима его содержания — до максимально возможных ограничений конституционных прав. Однако в настоящее время существующие средства профилактики в местах лишения свободы не всегда являются тем фактором, который останавливает осужденных: непростая ситуация в области совершения преступлений

экстремистской и террористической направленности фиксируется и в местах лишения свободы.

О. В. Русецкий [2, с. 114] и другие авторы закономерно обращают внимание на профилактику преступлений в информационном пространстве. Актуальность и важность данной тематики несомненна: так, за шестилетний период, с 2018 по 2023 г., количество преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий возросло в четыре раза — с 174,7 тыс. до 677 тыс., а за 7 месяцев 2025 г. уже зарегистрировано 424,8 тыс. преступлений. В настоящее время каждое третье преступление совершается в цифровой среде. Свыше 80 % от этого числа составляют хищения, совершенные дистанционным способом [3, с. 2].

Безусловно, мера пресечения в виде заключения под стражу, по сравнению с другими мерами, обеспечивает наибольшую степень профилактики преступлений. Однако в настоящее время государством выбран путь гуманизации и совершенствования мер пресечения, исполняемых уголовно-исполнительными инспекциями (залог с запретами, предусмотренными ч. 6 ст. 105.1 УПК, запрет определенных действий и домашнего ареста).

Важным элементом профилактики преступлений и противоправных действий подозреваемых (обвиняемых) является институт зачета сроков применения мер государственного принуждения. Согласно прямому предписанию п. 1.1 ч. 10 ст. 105^1 УПК, срок применения меры пресечения в виде запрета определенных действий с установленным запретом на покидание места исполнения меры пресечения подлежит обязательному зачету в срок содержания под стражу и наказания. Установленная законодательная пропорция зачета является императивной: один день содержания под стражей приравнивается к двум дням исполнения запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК. В отношении срока домашнего ареста механизм зачета определяется п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК, ч. 3.4 ст. 72 Уголовного кодекса Российской Федерации [4], а также позицией Верховного Суда Российской Федерации и засчитывается в той же пропорции.

Принимая во внимание то, что механизм зачета направлен на реализацию принципа справедливости и обеспечения учета строгости досудебных ограничений при определении окончательного срока исполнения наказания, можно выделить несоразмерную пропорцию между рассматриваемыми правилами зачета срока. С учетом фундаментальных различий в целях и фактической степени ограничения прав и свобод принципы соразмерности и справедливости наказания, существующие пропорции зачета срока запрета определенных действий и домашнего ареста не могут быть одинаковы. Запрет определенных действий предусматривает предоставление права обвиняемому (подозреваемому)

продолжать заниматься профессиональной, учебной или иной деятельностью, а домашний арест изолирует лицо в месте его жительства. Для обеспечения соответствия зачетов сроков принципам справедливости и соразмерности представляется целесообразным пересмотреть коэффициенты и предложить следующие: срок запрета определенных действий (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК) — из расчета три дня за один день лишения свободы, что позволит адекватно отразить реальную степень ограничения конституционных прав.

При анализе соотношения мер пресечения в виде запрета определенных действий и домашнего ареста обращает на себя внимание существенный дисбаланс в регулировании сроков их применения. Законодатель устанавливает императивное требование об определении срока для запрета определенных действий (конкретно п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК), в то время как для домашнего ареста установление срока распространяется на все запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК. Такая диспропорция в правовом регулировании представляется недостаточно обоснованной. Так, срок применения запрета в виде выхода в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, согласно ч. 10 ст. 105.1 УПК, устанавливается и продлевается судом по ст. 109 УПК, иные запреты не требуют установления сроков их применения и продления.

Таким образом, обратим внимание на следующее: во-первых, сотрудники, осуществляющие контроль за запретами, предусмотренными ч. 6 ст. 105.1 УПК, наряду с обеспечением порядка нахождения под мерами пресечения в виде залога с запретами, запрета определенных действий и домашнего ареста обеспечивают посредством принудительного потенциала конкретной меры профилактику совершения преступлений, в том числе в информационном пространстве. Во-вторых, потенциал мер пресечения, исполняемых уголовно-исполнительными инспекциями, обладает заявительным порядком избрания: подозреваемый (обвиняемый) добровольно берет на себя обязательства по исполнению возлагаемых запретов, тем самым понимая последствия противоправного поведения и неизбежного ужесточения применяемых к нему мер. Учитывая изложенное, необходимо констатировать, что меры пресечения, исполняемые уголовно-исполнительными инспекциями, обладают достаточным профилактическим воздействием, что должно стать основанием значительного увеличения практики их избрания.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 535-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Русецкий О. В. Система профилактики преступлений в информационном пространстве // КриминалистЪ. 2024. № 2 (47). С. 113–120. Вернуться к статье

3. Состояние преступности в России за январь – июль 2025 года / М-во внутр. дел Рос. Федерации ; ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2025. 63 с. Вернуться к статье

4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 534-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 343.137.9

Е. В. Горенская
старший научный сотрудник Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве (далее — ДСС) нацелен на раскрытие и расследование сложных, часто многоэпизодных, осуществляемых по специально разработанным схемам преступлений, на установление местонахождения имущества, добытого преступным путем, и т. п.

Основой правового регулирования института ДДС выступает в России п. 61 ст. 5 (понятие ДДС) и гл. 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Российской Федерации (введена 2009 г.) [1], в Беларуси — п. 4^1 ст. 6 (понятие ДДС) и гл. 49^1 «Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве» (введена в 2015 г.) УПК Республики Беларусь [2].

Следует отметить, что при различной формулировке понятия ДДС законодатели России и Беларуси сохраняют его содержательно-смысловое наполнение как соглашения, в рамках которого обвиняемый (подозреваемый) содействует предварительному следствию, в результате чего изменяются условия ответственности за совершенное им (инкриминируемое ему) деяние.

Сравнительный анализ текстов УПК России и Беларуси позволяет сделать вывод об их значительном сходстве. Вместе с тем между ними имеются и различия. В гл. 40.1 УПК Российской Федерации отсутствует статья-преамбула, тогда как в УПК Республики Беларусь в таком качестве выступает ст. 468^5 главы 49^1. В установленном в России порядке заявления ходатайства о заключении ДСС отсутствуют положения, препятствующие его заключению, а также о том, что подозреваемый (обвиняемый) дополнительно может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших (как в ст. 468^6 УПК Республики Беларусь). Помимо этого, в России следователь направляет указанное ходатайство прокурору вместе с мотивированным постановлением о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении ДДС либо выносит постановление об отказе; в Беларуси —

вместе со справкой о возможности либо невозможности заключения с подозреваемым (обвиняемым) ДДС. Кроме того, согласно УПК Российской Федерации, постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении ДСС, принятое прокурором по результату его рассмотрения, может быть обжаловано, по УПК Республики Беларусь такое постановление обжалованию не подлежит [1; 2].

На наш взгляд, существенным отличием в регулировании порядка составления ДСС, согласно УПК Республики Беларусь, является то, что в нем должно быть указано признание подозреваемым (обвиняемым) своей вины в совершении преступления (ст. 468^{8}), и это с учетом предусмотренного в кодексах обеих стран описания инкриминируемого ему преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В УПК Российской Федерации имеется ст. 317.4, регулирующая проведение предварительного следствия в отношении лица, с которым заключено ДСС, в УПК Республики Беларусь таковая отсутствует. Кроме того, согласно ст. 317.5 УПК Российской Федерации, необходимо указывать в представлении прокурора об особом порядке проведения судебного заседания «степень угрозы личной безопасности, которой подвергались обвиняемый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица» [1]. При этом ст. 468^{11} УПК Республики Беларусь такого не предусматривает [2].

Помимо прочих различий, в России на лицо, с которым заключено ДСС, распространяются все меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства (ст. 317.9 УПК Российской Федерации).

Полагаем, данные различия необходимо нивелировать в целях гармонизации и унификации уголовно-процессуального законодательства, соответствующих вектору успешного развития Союзного государства, образованного Российской Федерацией и Республикой Беларусь [3; 4]. Тем более, по нашему мнению, количество заключаемых ДСС будет расти, так как указанный институт предоставляет уникальную возможность смягчения (порой весьма значительного) наказания для лица, заключившего и надлежащим образом исполнившего ДСС. Например, по данным Генпрокуратуры Российской Федерации по Дальневосточному федеральному округу, в Хабаровском крае члены преступного сообщества при реализации лесоматериалов на экспорт путем мошенничества при возмещении НДС похитили из госбюджета более 500 млн рублей. Заключившему ДСС участнику преступного сообщества за совершение 8 преступлений, квалифицированных по ч. 4 ст. 159 УК Российской Федерации

(за каждое из которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 10 лет), судом по совокупности преступлений назначено наказание в виде 4 лет лишения свободы в колонии общего режима [5].

Вместе с тем институт ДСС претерпевает определенные трудности. Так, правовая доктрина относит к дискуссионным следующие вопросы: определение момента, с которого возможно заключение ДСС [6]; поиск баланса между добровольной обязанностью лица в рамках ДСС совершать активные действия по расследованию и раскрытию преступлений при пассивном предоставлении стороной обвинения лишь законодательно установленных гарантий смягчения ответственности [7, с. 50]; включение в ДСС конкретных обязательств сторон во избежание необоснованных претензий по их выполнению (невыполнению) как со стороны защиты, так и со стороны обвинения [8, с. 78]; отсутствие в перечне доказательств такого источника доказательств, как показания лица, заключившего ДСС [9, с. 43], и др.

Считаем также актуальным и требующим правового урегулирования вопрос о порядке заключения ДСС с несколькими лицами, заявившими ходатайства, особенно если речь идет о преступлениях, совершаемых преступным сообществом (преступной организацией), и сразу несколько участников такого преступного сообщества могут обладать процессуально ценной информацией о различных обстоятельствах (цепочках) криминальных схем совершения преступлений [10]. В настоящее время запрет на заключение ДСС с несколькими обвиняемыми по одному уголовному делу законодателем не предусмотрен.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 535-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Научные концепции развития российского законодательства / Т. Я. Хабриева [и др.]. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2024. 656 с. Вернуться к статье

4. Уголовно-правовая охрана национальных интересов / В. Ю. Артемов [и др.]. М. : Проспект, 2025. 272 с. Вернуться к статье

5. Прокурор разъясняет [Электронный ресурс] // Упр. Генер. прокуратуры Рос. Федерации по Дальневост. федер. округу : [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_dvfo/activity/legal-

education/explain/e2098206/?ysclid=mtea6zjv3173544764 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Погорельский А. А. Дискуссионные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Актуальные проблемы рос. права. 2023. № 1. С. 150–160. Вернуться к статье

7. Манько М. Н. К вопросу о сущности досудебного соглашения о сотрудничестве в Республике Беларусь // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сб. ст. IV Междунар. науч. конф., Могилев, 29–30 мая 2018 г. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь ; под ред. Ю. П. Шкаплерова. Могилев, 2018. С. 45–51. Вернуться к статье

8. Зайцев О. А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // Журн. рос. права. 2019. № 1 (265). С. 73–81. Вернуться к статье

9. Поликашина О. В. Показания лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, как источник доказательств по уголовному делу // Уголов. судопроизводство. 2025. № 2. С. 39–43. Вернуться к статье

10. Горенская Е. В. Характеристика участников организованных групп, совершающих экономические преступления в топливно-энергетическом комплексе // Уголовная политика в области обеспечения экономической безопасности: вызовы и угрозы : сб. материалов Междунар. круглого стола, Москва, 30 нояб. 2021 г. / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. М. : Юриспруденция, 2021. С. 74–82. Вернуться к статье

УДК 343.13

Е. В. Горчакова
доцент кафедры уголовного процесса
Дальневосточного юридического института МВД России
имени И. Ф. Шилова

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Институт прекращения уголовного дела и уголовного преследования является важнейшим механизмом оптимизации уголовного судопроизводства, позволяющим исключить из сферы уголовной юстиции дела, дальнейшее рассмотрение которых нецелесообразно по различным основаниям, таким как малозначительность деяния, деятельное раскаяние лица, примирение с потерпевшим и другие обстоятельства, свидетельствующие об утрате общественной опасности деяния или лица.

Первоначально в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. правом прекращения уголовного дела (или судебного преследования, согласно ст. 16) обладал исключительно суд по следующим основаниям: 1) кончина обвиняемого; 2) истечение срока давности; 3) достижение соглашения между обвиняемым и потерпевшим в случаях, предусмотренных законом; 4) высочайший указ или всеобщая амнистия, дарующая помилование [1].

В период революционных событий 1917 г. были сформированы следственные комиссии, осуществлявшие уголовное правосудие, основываясь на революционной идеологии [2, с. 1127].

В 1918–1919 гг. порядок прекращения уголовных дел регламентировался временными положениями и инструкциями. Анализ этих инструкций и положений позволяет заключить, что в период с 1918 по 1922 г. основаниями для прекращения уголовного дела являлись: 1) отсутствие признаков преступления (отсутствие состава преступления); 2) наличие законных оснований для освобождения от наказания; 3) неустановление виновного из-за недостаточности доказательств. Решение о прекращении уголовного дела принимали судебные органы [3, с. 183].

С 1922 по 1926 г. порядок прекращения уголовных дел был урегулирован Уголовно-процессуальным кодексом (далее — УПК) РСФСР 1922 г., который предусматривал 8 оснований, применявшихся судом [4].

Изучая данный период, важно отметить, что возможность прекращения уголовных дел на стадии предварительного расследования впервые появилась

согласно постановлению Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 16 февраля 1926 г. На основании этого постановления УПК РСФСР 1922 г. был дополнен ст. 4-1, регламентирующей право прокурора на прекращение уголовного дела в связи с малозначительностью деяния. Законодатель связывал прекращение уголовного дела по этому основанию с понятием уголовного преследования, что, по нашему мнению, вполне обоснованно, поскольку прекращение дела на стадии предварительного расследования возможно только при отказе от деятельности, осуществляемой на этой стадии. Кроме того, данная норма предусматривала понятие целесообразности уголовного преследования, подразумевающее качественное изменение условий, влияющих на преступное действие, в результате чего последнее теряет свою общественную опасность. Этой нормой законодатель впервые предпринял попытку предусмотреть альтернативу уголовной репрессии и более гуманно подходить к разрешению уголовно-правовых конфликтов. Впоследствии эта норма была исключена из УПК РСФСР 1922 г. [5, с. 122].

В результате изменений, внесенных в УПК РСФСР 1922 г. в 1927 г., было закреплено девять оснований для прекращения уголовного дела и произошел полный отказ от практики прекращения уголовных дел исключительно судом, это право было передано и органам предварительного расследования [6, с. 131].

Принятый 27 октября 1960 г. УПК РСФСР расширил этот перечень до одиннадцати оснований, также применимых на этапе предварительного расследования (кроме оснований прекращения дел частного обвинения). Применение этих оснований было возможно только при условии признания лица, совершившего преступление, виновным [7, с. 185].

В научной среде десятилетиями продолжались обсуждения правомерности прекращения уголовных дел органами предварительного расследования в связи с освобождением лица от уголовной ответственности. Особую актуальность эта дискуссия приобрела после принятия Конституции СССР в 1977 г. и закрепления в ст. 160 принципа презумпции невиновности, согласно которому виновным лицо может быть признано только судом на основании обвинительного приговора [8].

В свете закрепленного в Конституции СССР 1977 г. принципа в юридической литературе стали высказываться мнения о том, что решение о прекращении уголовного дела и освобождении лица от уголовной ответственности должно приниматься исключительно судом, поскольку фактически происходит признание лица виновным, а это возможно только по решению суда [7, с. 185].

В противовес этому другие исследователи полагали, что прекращение уголовного дела и освобождение лица от уголовной ответственности на этапе предварительного расследования не противоречит принципу презумпции невиновности. Они аргументировали это тем, что, согласно УПК РСФСР от 27 октября 1960 г., дело прекращалось не в отношении лица, совершившего преступление, а в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние. Для разрешения этого противоречия законодатель установил исключительно судебный порядок прекращения уголовного дела с освобождением лица от уголовной ответственности [9, с. 120].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что история становления и развития института прекращения уголовного дела и уголовного преследования берет свои корни в стремлении к дифференциации уголовного процесса, поиске баланса между неотвратимостью наказания и принципами экономии процессуальных ресурсов, гуманизма. В дореволюционной России возможность прекращения дела была ограничена и носила скорее исключительный характер, обусловленный либо отсутствием состава преступления, либо актом монаршей милости. С развитием советского уголовного процесса институт прекращения дела расширился, появились основания, связанные с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, изменением обстановки. Целью являлось не только освобождение от уголовной ответственности, но и стимулирование правомерного поведения, восстановление социальной справедливости.

Список основных источников

1. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. [Электронный ресурс] // Конституция РФ : [сайт]. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Тумко А. Е. Становление института уголовного преследования в России до 1917 г. // Вопр. рос. юстиции. 2022. № 9. С. 1126–1134. Вернуться к статье

3. Светачева Е. Е. Особенности развития института уголовного преследования в советский период // Эпомен. 2020. № 39. С. 182–186. Вернуться к статье

4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс] // Нац. исследов. ун-т «Высшая школа экономики» : [сайт]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Савельева К. И. Особенности исторического развития института прекращения уголовного дела и уголовного преследования в России // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 3. С. 121–124. Вернуться к статье

6. Пеннер А. Я. Становление и развитие уголовно-процессуального института прекращения уголовного дела и уголовного преследования // Публичное и частное право. 2014. № 1 (21). С. 129–136. Вернуться к статье

7. Воронко Ю. В. Развитие уголовно-процессуального законодательства о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования от УПК РСФСР 1922 года до УПК РФ 2001 года // Проблемы материального и процессуального уголовного права : сб. материалов науч. кружка при кафедре уголовно-правовых дисциплин Рос. тамож. акад. / Рос. тамож. акад. М., 2023. С. 185–186. Вернуться к статье

8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. [Электронный ресурс] // Ист. фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова : [сайт]. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

9. Лаура Г. К. Развитие и современное состояние института прекращения уголовного дела и уголовного преследования в России // Закон и право. 2019. № 5. С. 119–121. Вернуться к статье

УДК 343.13

Д. А. Делль
доцент кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

ЗАПРЕТ ВЫЕЗДА ЗА ГРАНИЦУ КАК МЕРА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ВОЗМОЖНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Автор выявляет проблему отсутствия ограничительных мер по пересечению границы Российской Федерации для лиц, наделенных процессуальным статусом подозреваемого, обвиняемого, в т. ч. в отношении которых избраны меры пресечения, не связанные с лишением свободы.

Актуальность проблемы подтверждается следующими фактами:

- Статистические данные свидетельствуют о значительном числе подозреваемых и обвиняемых, объявленных в международный розыск, многие из которых скрылись за границей [1].
- Увеличение числа отказов иностранных государств в экстрадиции российских граждан подчеркивает потребность в превентивных мерах.
- Действующее законодательство Российской Федерации (ст. 458 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Российской Федерации) фокусируется на решении уже возникших проблем сокрытия лиц за рубежом, а не на их предотвращении [2].

Анализ законодательства Российской Федерации.

- Конституция Российской Федерации (ст. 22, 55) гарантирует право на свободу и личную неприкосновенность, допуская ограничения только федеральным законом [3].
- Раздел IV УПК Российской Федерации предусматривает исчерпывающий перечень мер процессуального принуждения, однако не включает ограничения на выезд за границу.
- Федеральный закон № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ч. 3 ст. 15) допускает временное ограничение права на выезд для подозреваемых и обвиняемых, но порядок его реализации в УПК Российской Федерации и ведомственных актах не регламентирован [4].

- Практика следственных органов Екатеринбурга показывает отсутствие использования механизма «сторожевого контроля» для реализации таких ограничений.

Опыт Республики Беларусь.

Статья 132.1 УПК Республики Беларусь предусматривает возможность временного ограничения права на выезд из страны как меру обеспечительного характера [5]. Цель данной меры — предотвращение уклонения подозреваемого/обвиняемого от участия в следствии и суде. Основанием для ее применения может служить наличие связей, недвижимости или вида на жительство за рубежом. Решение о временном ограничении принимается следователем, прокурором или судом на основании мотивированного постановления/определения. Данные о запрете передаются в Министерство внутренних дел для ведения банка данных и последующей их передачи по техническим каналам в Государственный пограничный комитет, после чего последний организует проверку информации о выезжающих на пунктах пропуска. Вместе с тем предусмотрена возможность подачи подозреваемым/обвиняемым ходатайства на выезд по уважительным причинам (участие в процессе за границей, лечение, похороны близких).

Представляется, что применение данной ограничивающей меры способствует предотвращению ситуаций, при которых подозреваемый или обвиняемый может скрыться от органов предварительного расследования за территорией Республики Беларусь. Актуальность рассматриваемой меры с практической стороны подтверждает и председатель суда Фрунзенского района Минска Денкевич Андрей Казимирович [6].

Предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации.

Предлагается внести изменения в ч. 6 ст. 105.1 УПК Российской Федерации, расширив перечень запретов определенных действий, которые суд возлагает на обвиняемого, избирая данную меру пресечения. Среди уже существующих запретов предлагается предусмотреть ограничение права на выезд за пределы Российской Федерации.

Таким образом, включение запрета на выезд за пределы Российской Федерации в систему мер процессуального принуждения по аналогии с опытом Республики Беларусь позволит повысить эффективность противодействия сокрытию лиц от органов уголовного преследования и обеспечить исполнение правосудия.

Список основных источников

1. Глава НЦБ Интерпола МВД: ЕС вопреки здравому смыслу отказывает РФ в выдаче преступников [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/interviews/18667755 (дата обращения: 03.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 535-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 1 июля 2020 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [Электронный ресурс] : Федер. закон от 15 авг. 1996 г. № 114-ФЗ : в ред. от 23 июля 2025 г. № 257-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Временное ограничение права на выезд из страны: кого касается и что делать, чтобы избежать неприятных ситуаций [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/minskij/gorodskoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/62f049e5990e45d5.html (дата обращения: 05.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.9

М. А. Дзюба
преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ УЧАЩИМИСЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

В структуре преступлений, совершаемых в общеобразовательных организациях, основной массив составляют преступления, совершенные учащимися. Оценка статистической информации и проведенные опросы экспертов показывают, что на долю учащихся приходится не менее 90 % всех преступлений, совершенных в общеобразовательных организациях. Одной из наиболее значимых характеристик рассматриваемого вида преступности является латентность преступлений, совершаемых учащимися в общеобразовательных организациях [1]. На основе репрезентативных экспертных оценок, полученных в ходе опроса специалистов, установлено, что фактический объем преступлений, совершаемых учащимися в общеобразовательных организациях, превышает количество зарегистрированных не менее чем в 12 раз[1].

Сопоставление указанных данных с доступной статистической информацией позволяет установить нижние границы фактического числа преступлений, которые совершают учащиеся в общеобразовательных организациях. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел России, в 2024 г. было зарегистрировано 1 041 преступление, совершенное в образовательных организациях [2]. По данным проведенных экспертных опросов, не менее 90 % таких преступлений составляют преступления, которые совершают учащиеся в общеобразовательных организациях. Соответственно, по данным на 2024 г., количество зарегистрированных преступлений такого рода составляет не менее 937, а фактическое количество совершенных учащимися преступлений в общеобразовательных организациях — не менее 11 244.

Среди причин высокой латентности преступлений, совершенных учащимися в общеобразовательных организациях, опрашиваемые специалисты отметили сокрытие информации администрацией общеобразовательных

[1] Эмпирическая информация, полученная автором на основе результатов проведенных им в 2023–2025 гг. опросов по специально разработанной анкете специалистов из числа сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел и работников общеобразовательных организаций из 24 субъектов Российской Федерации.

организаций ради сохранения репутации, из-за стремления избежать дополнительной бюрократической и профилактической нагрузки, общественного резонанса, проверок со стороны вышестоящих и сторонних инстанций (органов управления образованием, прокуратуры); замалчивание жертвой факта преступления из-за страха мести со стороны преступника, травли, стыда, страха стать изгоем, недоверия к учителям, администрации школы и сотрудникам правоохранительных органов; отсутствие заявлений родителей из-за страха возникновения проблем у ребенка, низкой правовой грамотности; замалчивание факта совершения преступления сверстниками из-за страха мести или из солидарности с преступником.

Эксперты отметили высокий уровень криминальной активности школьников из числа мигрантов и лиц, которые приобрели российское гражданство. По мнению экспертов, преступления данной категории лиц не менее чем в три раза превышают криминальную активность учащихся из числа граждан России.

Это свидетельствует о том, что социальные различия и трудности интеграции криминализируются, становясь основой для организованных форм противоправного поведения. Подобные группы реализуют практики группового насилия, систематической травли и унижений в отношении других учащихся, которые не входят в данное сообщество. Сплоченность криминальных групп учащихся усиливает ощущение безнаказанности и взаимной поддержки, снижает индивидуальный контроль над поведением и способствует более жестоким формам насилия. При этом сами преступления зачастую сопровождаются дополнительными унизительными действиями в отношении жертвы.

Преступления, совершаемые учащимися в общеобразовательных организациях, характеризуются неоднородным территориальным распределением. Это обусловлено особенностями контингента учащихся, организации внутреннего порядка и поддержания дисциплины.

Следующей характерной чертой преступлений, совершенных учащимися в общеобразовательных организациях, является использование различных видов оружия [3]. По оценкам опрошенных нами экспертов, не менее 15 % насильственных и корыстно-насильственных преступлений в общеобразовательных организациях совершаются с применением или с угрозой применения оружия.

Данные, полученные по результатам эмпирических исследований, показывают, что основная криминальная активность в общеобразовательных организациях приходится не на период учебного процесса, а на периоды, когда контроль со стороны педагогов ослабевает: до и после уроков, на переменах.

Места совершения преступлений в школьной среде, как правило, представлены зонами минимального контроля. Внутри здания школы опасными локациями выступают раздевалки и гардеробы, туалеты и глухие коридоры, кабинеты во внеурочное время. Высокий криминогенный потенциал имеют внешние пространства: пришкольная территория и прилегающие улицы.

Следующей особенностью, отмеченной экспертами, является активное использование социальных сетей и мессенджеров для достижения различных криминальных целей, среди которых координация преступной деятельности, публичная демонстрация результатов противоправной деятельности в среде школьников, распространение криминальной идеологии и субкультуры, запугивание жертв и виктимизация других учащихся, психическое насилие, а также распространение материалов порнографического характера. Современные средства онлайн-коммуникации существенно облегчают организацию и координацию групповой преступной активности среди учащихся. Социальные сети и мессенджеры служат платформой для публичной демонстрации противоправной деятельности — видеозаписей драк, издевательств, актов вандализма или других преступлений. Такие материалы нередко выкладываются самими же участниками преступлений с целью саморекламы, повышения статуса в глазах сверстников или запугивания жертв.

Криминологические особенности преступлений, совершаемых учащимися, связаны с высоким уровнем криминологического рецидива. По данным экспертных опросов, отсутствие правовых последствий для учащихся, совершивших преступление, формирует у них чувство безнаказанности, что способствует повторной криминализации. Эксперты указали, что около половины учащихся-правонарушителей впоследствии совершают повторное преступление.

Оценивая характер преступлений, совершаемых учащимися, следует отметить, что зачастую такие общественно опасные деяния носят спонтанный, импульсивный характер. В силу возрастных психологических особенностей (эмоциональная неустойчивость, недостаточная развитость самоконтроля) подростки нередко совершают преступления без длительной подготовки [4].

Выявленные криминологические особенности преступлений, совершаемых учащимися в общеобразовательных организациях, требуют учета при разработке и реализации мер их предупреждения.

Список основных источников

1. Насилие в школе: состояние, причины, предупреждение (по материалам Воронежской области) : учеб. пособие / Е. В. Грибанов [и др.]. Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России, 2014. 88 с. Вернуться к статье

2. Форма федерального статистического наблюдения № 5-ЕГС «Сведения о потерпевших и совершенных в отношении их преступлениях», утвержденная приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 1 июня 2021 г. № 295 [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/70230276/ (дата обращения: 01.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Суходольская Ю. В. Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. 210 с. Вернуться к статье

4. Уткина Е. Ю., Богунова Г. В. Элементы криминологической характеристики несовершеннолетних преступников и профилактические меры предупреждения преступности несовершеннолетних // Ученые заметки ТОГУ. 2014. Т. 5. № 4. С. 340–344. Вернуться к статье

УДК 343.144.5

А. Н. Дрозд
начальник кафедры психологии и педагогики
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ В ОТНЕСЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Проведение психофизиологического исследования — это пример социального применения психологии. В настоящее время в ходе раскрытия и расследования преступлений его результаты, как известно, применяются не только в качестве ориентирующей информации, но и (в единичных случаях) как доказательства при рассмотрении дела по существу в виде заключения эксперта [1].

С 2014 г. Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь в отношении лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, проводятся судебные психофизиологические экспертизы с использованием полиграфа. Предметом судебно-психофизиологической экспертизы являются психофизиологические признаки поведения, направленного на сокрытие (охрану) своей осведомленности об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Сложившаяся ситуация позволяет поставить некоторые вопросы об избирательном отношении к использованию результатов психофизиологического исследования в уголовном процессе.

Первое. В современном белорусском обществе, как и во многих зарубежных странах, в тои числе среди ученых и юристов, сохраняется скептическое отношение к использованию полиграфа [2]. В ходе одной из пресс-конференций, отвечая на вопрос журналиста, один из руководителей Верховного Суда Республики Беларусь Р.Г. Анискевич отметил, что «полиграф в судебной практике в Беларуси не используется» [3]. Постоянно ведутся дискуссии о достоверности таких доказательств, указывается на вероятностный характер результатов, а также проблему методологического характера, не позволяющего охарактеризовать данный метод как валидный [4; 5]. В то же время следует понимать, что в настоящее время разработаны различные методики проведения психофизиологического исследования, не ограничивающиеся тестами контрольных вопросов, направленных на выявление значимой для лица информации, а представленные также методикой выявления скрываемой информации (далее — МВСИ). МВСИ направлена на диагностику наличия в памяти

человека следов скрываемых им событий прошлого [6], т. е. суть исследования состоит в обнаружении памяти по физиологическим реакциям: испытуемому задают конкретные вопросы о преступлении (об особенностях предмета, средствах, орудии преступления, потерпевшем, обстановке места происшествия и других обстоятельствах совершения общественно опасного деяния) и проверяют, осведомлен ли испытуемый о фактах, связанных с преступлением. В специальной литературе высказываются мнения о том, что по своей сути МВСИ является аналогом такого следственного действия, как предъявление для опознания [7, с. 96].

Как часто указывается, недостатком МВСИ является повышенная вероятность совершения ошибки по типу «пропуск цели», т. е. «оправдательный» уклон. Однако, как представляется, данный недостаток может быть нивелирован путем указания в методике на то, что вывод может быть сделан только при выявлении знания об обстоятельствах дела. Следует отметить, что, в соответствии с приводимыми в исследованиях данными, достоверность получаемых сведений при 10–12 предъявлениях с выраженными реакциями на каждое из них равняется 100 %, т. е. вероятность реакции неосведомленного лица на более чем 10 частных признаков конкретного преступления стремится к нулю [8, с. 286]. Фактически признано, что тест по МВСИ проводится в соответствии с критериями, выдвинутыми Верховным Судом США по делу «Доуберт против Мерелл Доу Фармасьютикалс Инк», которые являются стандартами надежности научных доказательств [9], и полностью подходит для использования в качестве доказательства. Соответственно, получается, что именно МВСИ при выявлении осведомленности лица отвечает критерию достоверности доказательства и может быть использована при мотивировке обвинительного приговора.

Второе. С точки зрения допустимости применительно к результатам психофизиологического исследования в качестве доказательства используются заключения эксперта. Однако, как было указано выше, объектом судебно-психофизиологической экспертизы в Республике Беларусь являются только подозреваемые (обвиняемые) и потерпевшие по уголовным делам о преступлениях, связанных с половой неприкосновенностью и свободой, а также лица, в отношении которых проводятся проверочные мероприятия по сообщениям о совершении преступлений указанной категории [10].

Конечно, определить виновность или причастность лица непосредственно к совершению деяния по результатам экспертизы нельзя, но можно выявить скрываемую информацию, причем не только по половым, но и по другим преступлениям, в частности убийствам, в том числе для обнаружения трупов.

Распространение использования экспертизы на иные преступления не скажется негативно на правовом положении обвиняемых. Аргументом может выступить тот факт, что даже положительный результат экспертизы не определяет виновность или причастность лица к совершению преступления, а только констатирует его осведомленность, т. е., по сути, является косвенным доказательством, которое подлежит оценке в совокупности с иными материалами дела. Так, к примеру, отпечатки пальцев на месте происшествия не доказывает однозначно виновность лица в совершенном деянии, но является доказательством его присутствия в помещении. Что касается предубеждения против компетентности экспертов и отработанности методики, то, безусловно, как и любая человеческая деятельность, проведение экспертизы содержит вероятность допущения ошибки, при этом ее вероятность при проведении судебно-психофизиологической экспертизы не больше, чем по другим видам экспертиз, основанным не столько на расчетах, сколько на мнении эксперта: судебно-психиатрической, культурологической, пожаро-технической и др.

Многие годы идет полемика относительно возможности использования результатов психофизиологического исследования в качестве доказательства в суде. Однако взвешенным и дифференцированным является подход, в соответствии с которым доказательством следует признать не все результаты, а только безальтернативный вывод о наличии у лица информации о преступлении по методике выявления скрываемой информации (МВСИ). Именно данный вывод, закрепленный в заключении судебно-психофизиологической экспертизы, отвечает всем требованиям к доказательствам, включая допустимость и достоверность. При этом избирательность в методике позволит отказаться от избирательности в сфере ее применения. Выявление наличия у лица скрываемой информации может и должно быть доказательством не только по преступлениям против половой свободы, но и по другим видам преступлений (включая преступления против жизни).

Список использованных источников

1. Полиграф в уголовном процессе — доказанная эффективность [Электронный ресурс] // Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://sudexpert.gov.by/ru/centr-news.html?news_id=2266 (дата обращения: 14.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Аврамчик Н. В. Некоторые аспекты использования полиграфа в доказывании по уголовным делам // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 мая 2023 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2023. С. 183–184. Вернуться к статье

3. Белорусские суды не используют данные «детекторов лжи» [Электронный ресурс] // Sputnik Беларусь : [сайт]. URL: https://sputnik.by/20160331/1021380596.html (дата обращения: 15.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Iacono W. G., Ben-Shakhar, G. Current status of forensic lie detection with the comparison question technique: An update of the 2003 National Academy of Sciences report on polygraph testing // Law and Human Behavior. 2019. № 43 (1). P. 86–98. Вернуться к статье

5. Козлачкова Ю. И. Инструментальные методы определения достоверности информации в системе управления персоналом: на примере использования полиграфа [Электронный ресурс] // Финансовые рынки и банки. 2022. № 12. С. 96–106. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instrumentalnye-metody-opredeleniya-dostovernosti-informatsii-v-sisteme-upravleniya-personalom-na-primere-ispolzovaniya-poligrafa (дата обращения: 15.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Исследования в парадигме сокрытия информации: оценка фМРТ-данных на групповом уровне [Электронный ресурс] / В. А. Орлов [и др.] // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17, № 1. С. 86–107. URL: https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170106 (дата обращения: 15.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Теория и практика применения полиграфных устройств в органах внутренних дел. Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа : учеб. пособие / А. Г. Ермаков [и др.]. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России. 2015. 184 с. Вернуться к статье

8. Справочник полиграфолога / Л. Г. Алексеев [и др.]. М. : Перо, 2015. 392 с. Вернуться к статье

9. Кичигина Е. Б. Соединенные штаты против дактилоскопической экспертизы: новый подход к решениям суда // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2019. С. 35–37. Вернуться к статье

10. Исследование на полиграфе — новый вид экспертизы внедрен в практику могилевскими экспертами [Электронный ресурс] // Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://sudexpert.gov.by/ru/list_news_occurrence_n.html?news_id=12333 (дата обращения: 14.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.233

Ю. Е. Духовник
заместитель начальника кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И ДЕЯНИЕ, СВЯЗАННОЕ С РИСКОМ, В УГОЛОВНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В настоящее время в Республике Беларусь крайняя необходимость и деяние, связанное с риском, как обстоятельства, исключающие преступность деяния, предусмотрены ст. 36 и 39 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) соответственно [1]. В административном законодательстве крайняя необходимость и обоснованный риск входят в систему обстоятельств, исключающих признание деяния административным правонарушением, и закреплены в ст. 3.3 и 3.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) [2].

При изучении уголовно-правовых и административно-правовых норм, регламентирующих данные обстоятельства, первое, что обращает на себя внимание, — это схожесть, а иногда идентичность формулировок описания их условий правомерности. Тем не менее отдельные подходы нормативного закрепления в рассматриваемых нами отраслях права имеют свои отличия, в связи с чем представляется важным рассмотреть данные правовые явления в контексте межотраслевых связей с целью определения эффективности регулирования норм, их предусматривающих, в УК и КоАП, и выявить возможные пути совершенствования.

При проведении сравнительно-правовой характеристики крайней необходимости в уголовном и административном праве выделяется практически идентичный подход в нормативном закреплении данного обстоятельства. В целом данный подход представляется логичным с учетом разнообразия источников опасности, которые могут нести угрозу и требовать мер по защите от их вредных последствий. Выбор нормы для применения в условиях тождественности нормативных формулировок, думается, находится в плоскости причиненного вреда в результате отражения опасности. Если причиненный вред оценивается с позиции административной ответственности, то применяется ст. 3.3 КоАП, в случае наступления вреда, подлежащего оценке по уголовному законодательству, применению подлежит ст. 36 УК.

Ведя речь про незначительные отличия крайней необходимости в рассматриваемых нами отраслях права, следует обратить внимание на круг объектов защиты при крайней необходимости. В ч. 1 ст. 36 УК среди них указываются *личность, права и законные интересы данного лица или других лиц, интересы общества или государства*. Часть 1 ст. 3.3 КоАП перечисляет такие объекты защиты, как *жизнь, здоровье, права и законные интересы данного лица или других лиц, интересы общества или государства*. Уголовному законодательству Республики Беларусь не характерно использование термина «личность» как объекта охраны, в связи с чем формулировка круга объектов защиты, содержащаяся в КоАП, в большей степени соответствует принципу системности права.

Подвергая сравнительно-правовому исследованию такое обстоятельство, как обоснованный риск, следует сразу остановиться на разных наименованиях соответствующих статей в УК и КоАП, где в КоАП сохранен традиционный подход к наименованию рассматриваемого обстоятельства как «обоснованный риск», а в УК Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» [3] оно было изменено на «деяние, связанное с риском» по причине дополнения статьи новым видом рискованного деяния — деловым (экономическим) риском.

Однако, на наш взгляд, принятые корректировки не требовали изменения наименования ст. 39 УК, так как выделяемый экономический (деловой) риск является особой разновидностью обоснованного риска, что подтверждается его описанием в ч. 2^1 ст. 39 УК, которая закрепляет: «Экономический (деловой) риск может признаваться *обоснованным*…», в связи с чем содержащееся в КоАП наименование «обоснованный риск» считаем более традиционным для правовой доктрины и соответствующим содержанию ст. 39 УК.

Одновременно следует обратить внимание, что в ст. 3.4 КоАП отсутствует норма, которая отражает ситуации, которые категорически определяются как необоснованный риск, в отличие от ч. 3 ст. 38 УК. Взяв данную норму за основу с учетом особенностей административного права, полагаем возможным дополнить ст. 3.4 КоАП частью 4 следующего содержания: «Риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой экологической катастрофы, общественного бедствия, причинения телесного повреждения, не повлекшего кратковременного расстройства здоровья или незначительной

стойкой утраты трудоспособности, лицу, не выразившему согласия на то, чтобы его здоровье было поставлено в опасность».

Также характерной отличительной чертой для обоих рассматриваемых обстоятельств является то, что КоАП, в отличие от УК, не отвечает на вопрос, как влияет превышение пределов их условий правомерности на привлечение к административной ответственности. В УК превышение пределов крайней необходимости и деяния, связанного с риском, выступает обстоятельством, смягчающим ответственность в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 63 [4, с. 254]. Как представляется, подобное решение возможно путем дополнения ч. 1 ст. 7.2 КоАП таким обстоятельством, смягчающим административную ответственность, как *совершение административного правонарушения при нарушении условий правомерности обстоятельств, исключающих признание деяния административным нарушением*. Такой подход будет способствовать реализации принципа справедливости административной ответственности.

Таким образом, рассмотрение крайней необходимости и деяния, связанного с риском, в уголовном и административном праве позволяет сделать следующие выводы:

1. В ч. 1 ст. 36 УК следует скорректировать круг объектов защиты при крайней необходимости, указав на *жизнь, здоровье, права и законные интересы данного лица или других лиц, интересы общества или государства*, что послужит реализации принципа системности права.

2. Наименование ст. 3.4 КоАП «Обоснованный риск» считаем более традиционным для правовой доктрины и соответствующим содержанию ст. 39 УК, в связи с чем целесообразно переименовать данную статью.

3. Статью 3.4 КоАП следует дополнить нормой, определяющей ситуации необоснованного риска.

4. Часть 1 ст. 7.2 КоАП следует дополнить таким обстоятельством, смягчающим административную ответственность, как *совершение административного правонарушения при нарушении условий правомерности обстоятельств, исключающих признание деяния административным правонарушением*.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт.

2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2015 г. № 241-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Уголовное право. Общая часть : учебник / О. И. Бахур [и др.] ; под общ. ред. В. С. Яловика ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2025. 470 с. Вернуться к статье

УДК 343.237

Д. В. Ермолович
профессор кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СОУЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

На современном этапе развития уголовного законодательства Республики Беларусь соучастие в преступлении является самостоятельным уголовно-правовым институтом. Данный уголовно-правовой институт, закрепленный в ст. 16 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), на наш взгляд, не претерпел существенных изменений с момента разработки Уголовного кодекса Республики Беларусь и введения его в действие. В настоящий момент под соучастием в преступлении признается «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления» (ч. 1 ст. 16 УК) [1]. Проводя уголовно-правовой анализ, можно отметить, что понятие соучастия в преступлении аналогичным образом закреплено в Уголовном кодексе Российской Федерации (ст. 32) [2], Уголовном кодексе Республики Казахстан (ст. 27) [3], а также в Уголовном кодексе Кыргызской Республики (ст. 39) [4].

Анализируя содержание понятия соучастия в преступлении, можно выделить ряд существенных признаков, а именно:

– объективные признаки соучастия;

– субъективные признаки соучастия.

Безусловно, рассматривая объективные признаки соучастия в преступлении, можно отметить, что «количественный признак», на наш взгляд, не требует пересмотра — «участие в совершении преступления двух и более лиц» [5, с. 202–203].

Однако «качественный признак» соучастия в преступлении — «совместность участия этих лиц в совершении преступлений» — в определенной степени с учетом современных сетевых технологических возможностей человечества, возможно, требует уточнения. Примером подобного рода подходов в признании лица соучастником преступления может быть резонансный факт юридического преследования владельца мессенджера «Телеграм» Павла Дурова.

В рамках рассмотрения субъективных признаков соучастия в преступлении условно можно выделить два основных [5, с. 203–204], а именно:

1. Умышленное участие лиц в совершении преступления.

2. Участие лиц в совершении умышленного преступления.

Если рассмотреть первый из обозначенных нами субъективных признаков соучастия в преступлении, то в уголовном законодательстве Республики Беларусь определено, что соучастия в преступлении по неосторожности не может быть, все действия соучастников должны иметь прямой или косвенный умысел. Следует отметить, что в рамках анализа субъективной стороны преступлений экстремистской направленности на современном этапе отдельные лица или группы лиц, совершая, на первый взгляд, разрешенные действия по сбору определенного контента (например, фото на фоне железнодорожного эшелона с техникой и товарами военного назначения, с цифровой привязкой в фотографии ко времени и геолокации на местности; коммерческому специализированному анализу данных о процессах и деятельности отдельных должностных лиц на территории Республики Беларусь и др.) во многих случаях по неосторожности (глупости, безрассудства, популизма и др.), реализуют действия, которые заранее спрогнозированы и учтены в рамках отдельных схем общественно опасных деяний со сложными способами совершения, сокрытия и уклонения от уголовной ответственности. Данный подход при квалификации деяний отдельных лиц, по нашему мнению, также требует дополнительной проработки.

Анализируя второй субъективный признак соучастия в преступлении, можно отметить, что, на наш взгляд, есть определенные возможности для дальнейшего уточнения и совершенствования содержания понятия «участие» на современном этапе развития уголовного законодательства Республики Беларусь. Примером может быть организация и деятельность информационных каналов и площадок, полностью направленных на дискредитацию государственных органов или отдельных общественных деятелей. С нашей точки зрения, лица, оказывающие помощь в подготовке материала провокационного, дискредитирующего или оскорбительного содержания, на стадии его создания, редактирования, технической обработки, подачи в эфир, сохранения в архиве и прочее полноценно и адекватно воспринимают общественную опасность своих действий.

Подводя итог, можно отметить, что в современных условиях устоявшееся содержание понятия соучастия в преступлении в части ряда объективных и субъективных признаков требует уточнения и проведения исследования на монографическом уровне.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом

Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 534-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 28 окт. 2021 г. № 127. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Уголовное право. Общая часть : учебник / О. И. Бахур [и др.] ; под общ. ред. В. С. Яловика ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2025. 470 с. Вернуться к статье

УДК 343.8

А. А. Жук
старший преподаватель
кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии
уголовно-исполнительного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

Я. В. Канчер
курсант 2 курса следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ДИАГНОСТИКА СИСТЕМНЫХ ПРОБЛЕМ И ПОИСК ОПТИМАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Преступность несовершеннолетних остается одной из наиболее актуальных социальных проблем в любом обществе, в том числе и в Республике Беларусь. Ее предупреждение является не только правоохранительной задачей, но и определенной стратегией государства, направленной на формирование законопослушной личности и создание благоприятных условий для развития и социализации молодежи. В Беларуси сложилась комплексная система профилактики, которая основывается на принципах межведомственного взаимодействия, раннего вмешательства, а также приоритета воспитательных мер.

Актуальность заданной темы подтверждается сохраняющейся криминальной активностью лиц несовершеннолетнего возраста. Совершение противоправных деяний лицами, не достигшими возраста совершеннолетия, закладывает основу, а также способствует дальнейшей криминогенности общества, так как на этапе формирования противоправного поведения имело место быть отклонение от общепринятых норм.

В любом государстве за будущим стоит молодежь, на которую всегда возлагалась особая задача по сохранению мира и дальнейшему развитию государства. В Республике Беларусь молодежи уделяется особое внимание и делается все возможное для ее развития и самореализации. Однако наряду с возложенной задачей стоит и проблема совершения противоправных деяний указанной категорией лиц.

По мнению А. Л. Пислякова и И. А. Дамм, преступления в наше время стали уже некоторой обыденностью, с которой мы сталкиваемся ежедневно,

однако общество всегда интересовал вопрос борьбы с таким явлением, так как жертвой может стать каждый из нас [1, с. 109].

Исходя из статистических данных (таблица), можно сделать вывод о том, что число совершенных преступлений несовершеннолетними на территории Республики Беларусь в период с 2020 по 2025 г. возросло на 8,74 %, что свидетельствует о негативной тенденции, требующей повышенного внимания со стороны субъектов профилактики и необходимости системного подхода к решению проблемы подростковой преступности.

Таблица

Численность несовершеннолетних, совершивших преступления, по территории Республики Беларусь [2]

Виды преступлений	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
Всего по видам преступлений	1 270	1 351	1 343	1 526	1 381
Убийство и покушение на убийство	1	4	2	3	3
Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения	18	11	4	8	7
Изнасилование и покушение на изнасилование	4	4	5	16	10
Кража	572	552	565	440	353
Грабеж	48	81	69	57	73
Разбой	4	2	5	1	4
Мошенничество	21	43	52	75	74
Хулиганство	227	271	228	217	221

Причинами преобладания преступлений, связанных с хищением имущества в той или иной форме, выступают недостаточный контроль со стороны родителей и материальное положение подростков. Каждый молодой человек хочет быть самодостаточным, независимым от родителей, поэтому ищет варианты, каким именно образом закрыть свои так называемые базовые потребности, не всегда выбирая верный вариант. Чаще всего несовершеннолетние выбирают «легкий путь» закрытия потребностей через совершение краж, считая этот вариант единственно верным. В данной ситуации большинство несовершеннолетних осознают, что совершать хищения нельзя, однако про наступление административной или уголовной ответственности за подобные деяния знает не каждый. Неверно либо недостаточно сформированное правосознание и является в большинстве случаев причиной совершения преступлений.

Распространенной формой хищения среди несовершеннолетних является мошенничество. Этому поспособствовал «век цифровых технологий», в котором у подростков имеется реальная возможность использовать свои умения и современные гаджеты в преступных целях. По данным судебной статистики об осужденных несовершеннолетних в первом полугодии 2025 г., за мошенничество осуждено 17 лиц, а также 9 лиц — за хищение имущества путем модификации компьютерной информации, что в совокупности составляет около 27 % от общего количества преступлений против собственности за рассматриваемый период [3].

Внушительную часть совершенных преступлений составляет хулиганство. Зачастую данный вид преступлений совершается не единолично, а группой лиц. Причиной совершения преступлений выступает желание подростков показать свое превосходство. То есть причиной смело можно назвать и пагубное влияние со стороны компании подростков, которые порой умышленно подстрекают на совершение преступления. За хулиганство в первом полугодии 2025 г. в Беларуси осуждено 37 человек, что составляет 56 % от общего числа преступлений против общественного порядка и общественной нравственности в рассматриваемом нами периоде [3].

Мы находимся на стадии социально-экономического прогресса, где каждый хочет проявить себя и повысить уровень своего дохода. В погоне за этим подростки оказываются без присмотра, так как далеко не каждый родитель может уделить должное количество времени воспитанию своего ребенка. Вследствие этого несовершеннолетние начинают присоединяться к определенным компаниям, которые оказывают пагубное влияние на формирование правомерного поведения, психофизическое развитие. Зачастую влияние такого характера может повлечь не только совершение несовершеннолетними преступлений, но и возможность стать их жертвой. Согласимся с мнением И. Н. Архипцева, А. В. Сарычева и А. О. Барботько о том, что основным примером поведения подростков выступает их семья. Формирование противоправного поведения у подростков может быть следствием копирования действий членов их семьи, которые когда-либо занимались преступной деятельностью. В такой среде модель противоправного поведения становится единственно правильной. Нередко дети даже из благополучных семей совершают преступления, при этом не каждый родитель точно знает, где находится их ребенок и чем он занимается. Для данной категории лиц характерна наглость, а также избалованность [4, с. 148].

Основной мерой профилактики преступности несовершеннолетних можно считать взаимодействие правоохранительных органов и учреждений

образования. В них каждый подросток проводит большую часть своего времени, поэтому школы либо колледжи становятся основным местом для проведения работы, направленной на профилактику. Инспекция по делам несовершеннолетних выступает ключевым субъектом профилактики преступлений, на который возлагаются особые функции и задачи по взаимодействию с образовательными учреждениями, которое проявляется в участии инспекторов в проведении индивидуальных и коллективных бесед, тематических диспутов, круглых столов с учащимися. Также важным субъектом профилактики выступает и само учреждение образования в лице социальных педагогов и педагогов-психологов, которые не только выявляют девиантное поведение, но и работают над его детерминацией и профилактикой.

Считаем необходимым согласиться с мнением Э. А. Оношко о том, что именно школа должна готовить гражданина для общества, обучать подростка социальному взаимодействию. На школу возлагается чрезвычайно важная задача, выражающаяся в передаче знаний и развитии необходимых навыков, а также устранении ошибок в воспитании детей, допущенных родителями и обществом, путем обеспечения благоприятных условий для нравственного развития личности [5, с. 58].

Общество не стоит на месте, наступил цифровой век, когда абсолютно каждый независимо от своего возраста в свободном доступе может использовать так называемую Всемирную паутину, но самыми активными пользователями данного пространства выступают несовершеннолетние. В наше время практически каждый имеет в распоряжении гаджет, с помощью которого обеспечивается свободный доступ к любому источнику информации, что не всегда положительно влияет в том числе и на формирование правомерного поведения. Однако в настоящее время Интернет может не только стать источником, оказывающим отрицательное влияние, но и предоставить отличные возможности профилактики.

Несмотря на приведенные выше причины преступности несовершеннолетних, по нашему мнению, основными проблемами являются безнадзорность и избыток свободного времени, которым молодежь порой не понимает, как правильно распорядиться, что в итоге приводит к неразумным и незаконным действиям.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что необходимо продолжить работу субъектов профилактики, основанную на их тесном взаимодействии, где фокус внимания должен быть сосредоточен на действенных мерах, имеющих реальный результат. Также в целях профилактики преступности требуется выверенный и согласованный алгоритм

взаимодействия заинтересованных и компетентных органов и учреждений, направленный на вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь государства, в социально-экономическую и иные сферы, что обеспечит возможность самореализации молодежи, поспособствует ее полезной занятости и привитию навыка законных способов заработка.

Список основных источников

1. Дамм И. А., Писляков А. Л. Виктимологическая профилактика преступности несовершеннолетних // Вестн. науки. 2020. Т. 1, № 6 (27). С. 108–112. Вернуться к статье

2. Численность несовершеннолетних, совершивших преступления по территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000008 (дата обращения: 02.12.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Данные судебной статистики за 1 полугодие 2025 года об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/091569db74014355.html (дата обращения: 02.12.2025). Перейти кисточнику Вернуться к статье

4. Архипцев И. Н., Сарычев А. В., Барботько А. О. Проблемы профилактики преступности среди несовершеннолетних // Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 2. С. 147–152. Вернуться к статье

5. Причины преступности несовершеннолетних и пути ее предупреждения : сб. науч. ст. / Нац. ин-т образования ; редкол.: Э. А. Оношко. Минск : НИО, 2000. 262 с. Вернуться к статье

УДК 343.54

И. А. Заббарова
адъюнкт кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Казанского юридического института МВД России

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ОТ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Проблема семейно-бытового насилия приобрела глобальный характер, Организация Объединенных Наций охарактеризовала ее как «теневую пандемию», особенно обострившуюся в период пандемии COVID-19. Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на гуманизацию права, домашнее насилие во многих юрисдикциях до сих пор воспринимается как частное дело, а не как публичное нарушение прав человека. Отсутствие эффективных правовых механизмов приводит к высокой латентности преступлений и нередко к летальным исходам, которые можно было предотвратить.

Современное международное право рассматривает насилие в семье не как бытовой конфликт, а как форму дискриминации. Фундаментальным стандартом является Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция), открытая к подписанию от 11 мая 2011 г. Она базируется на предотвращении, защите и преследовании [1].

Несмотря на наличие стандартов, процесс их внедрения в национальные законодательства сталкивается с рядом системных проблем, которые стоит рассмотреть.

Международные стандарты требуют, чтобы расследование насилия не зависело от жалобы жертвы. Однако во многих странах побои и легкий вред здоровью относятся к делам частного обвинения. Это возлагает бремя доказывания на жертву, которая находится в зависимости от агрессора, что противоречит самой сути защиты прав человека [2].

В. А. Лазарева и М. Ю. Жирова также задаются вопросом, как частный обвинитель может эффективно выполнить свою обязанность по доказыванию вины, если он юридически не имеет полномочий для сбора доказательственных материалов. В своем анализе авторы подчеркивают серьезный процессуальный парадокс: любые сведения, добытые гражданином самостоятельно, изначально признаются недопустимыми в суде, поскольку они получены неуполномоченным лицом и вне строгих рамок уголовно-процессуального закона [3, с. 269].

Кроме того, Общая рекомендация № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенная для обновления общей рекомендации № 19, требует внедрить систему быстрого реагирования, которая позволяет юридически изолировать агрессора от жертвы моментально, бесплатно для жертвы и жестко (вплоть до выселения), ставя физическую безопасность выше имущественных и родительских прав нападающего. Хотя во многих правовых системах это невозможно без длительного судебного разбирательства и нарушения права собственности, которое ставится выше права на жизнь и здоровье [4].

В. С. Харламов, анализируя охранный ордер, прописанный в Модельном законодательстве о насилии в семье, приходит к выводу, что временный ордер служит эффективным средством оперативного вмешательства, позволяя немедленно оградить жертву от агрессора путем его выселения, запрета на контакты и возложения финансовых обязательств по лечению пострадавшей. Правовед подчеркивает, что эти специальные меры защиты действуют параллельно с нормами уголовного и гражданского права, а временные ограничения заменяются постоянным судебным ордером по инициативе самой жертвы или ее представителей [5, с. 35].

В национальных законах часто отсутствуют определения домашнего насилия, физического, психологического и экономического насилия. Отсутствие четкой терминологии буквально связывает руки правоохранительным органам: полиция часто не может вмешаться, так как действия агрессора, такие как тотальный контроль или шантаж, формально не являются правонарушением.

Для преодоления разрыва между международными стандартами и национальной практикой предлагается следующий комплекс мер:

1. Принятие отдельного нормативного акта о профилактике семейно-бытового насилия, который введет понятийный аппарат, перечислит все виды домашнего насилия и закрепит межведомственное взаимодействие.

2. Введение охранных ордеров разных видов, таких как «чрезвычайный временный ограничительный ордер, который должен быть оформлен в течение 24 часов со времени совершения насилия» и «судебный охранный ордер» [2].

3. Перевод дел в публичное обвинение. Любые акты насилия в семье должны преследоваться в порядке публичного или частно-публичного обвинения, где сбор доказательств осуществляет полиция, а примирение сторон возможно только под контролем суда и при прохождении коррекционных программ.

Список основных источников

1. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием [Электронный ресурс] // АО «Кодекс» : [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/420206767/ (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Модельное законодательство о насилии в семье [Электронный ресурс]. URL: https://conventions.ru/int/12009/ (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Лазарева В. А., Жирова М. Ю. Теоретические проблемы доказывания в свете специфики производства по делам частного обвинения // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 267–275. Вернуться к статье

4. Общая рекомендация № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенная для обновления общей рекомендации № 19 [Электронный ресурс]. URL: https://european-court-help.ru/obshhaja-rekomendacija-35-o-gendernom-nasilii-v-otnoshenii-zhenshhin-prednaznachennaja-dlja-obnovlenija-obshhej-rekomendacii-19-2/ (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Харламов В. С. Институт охранного ордера в зарубежном законодательстве как инструмент защиты личности от внутрисемейного насилия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 34–40. Вернуться к статье

УДК 343.9

А. Д. Злыденко
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ И УСТРАНЕНИЯ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Криминологический взгляд на теоретические основы выявления в ходе предварительного расследования и устранения обстоятельств, способствующих совершению преступлений, обнаруживает явный дуалистический характер рассматриваемого правоохранительного института. Его образуют два основных компонента, относящихся к близким, но все же разным областям предмета криминологической науки. Выявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений, имеет непосредственное отношение к теории причинности (детерминации) преступного поведения, тогда как устранение обстоятельств, способствующих совершению преступления, выступает компонентом теории предупреждения преступлений. Этот вывод имеет важное значение не только для теоретического осмысления рассматриваемого феномена, но и для его практической реализации.

В данном случае один и тот же институт сочетает в себе две разнородные, но диалектически связанные криминологические функции [1, с. 22]: объяснительную (аналитическую) — применительно к выявлению указанных обстоятельств и практически-преобразовательную — применительно к их устранению.

Выявление обстоятельств, способствующих совершению преступления, обеспечивается непосредственно в ходе (по итогам) расследования преступления, когда соответствующее должностное лицо (следователь, дознаватель, руководитель следственного органа) путем производства следственных и иных процессуальных действий устанавливает круг соответствующих обстоятельств. Ответственное должностное лицо здесь на основе собранных материалов и полученной информации обеспечивает осуществление криминологической диагностики. Ее основой является теория причинности и детерминации преступного поведения, подробно разработанная в криминологической доктрине [2, с. 89]. Именно здесь органически соединяется криминологическая теория и предупредительная практика в работе лица, осуществляющего предварительное расследование. Заметим, что в советском уголовно-процессуальном

законодательстве (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. [3]) и в советской доктрине применительно к рассматриваемому институту речь шла именно о выявлении в ходе уголовного судопроизводства обстоятельств (причин и условий), способствующих совершению преступлений.

Собственно реализация аналитической функции криминологии в рамках выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений, органически связана с деятельностью следователя (дознавателя, руководителя следственного органа) по расследованию уголовного дела.

Имеющиеся уголовно-процессуальные и криминалистические инструменты и методики не всегда позволяют в полной мере обеспечить решение задач по выявлению обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Это обусловлено необходимостью установления детерминант преступлений на основе исчерпывающей информации, полученной в ходе предварительного расследования, о личности преступника и жертвы, характеристике криминогенной ситуации до, во время и после совершения преступления, действиях правоохранительных органов и иных субъектов предупреждения преступлений. Такая аналитическая работа требует от ответственного должностного лица реализации несколько иного направления мыслительной деятельности, отличного от устоявшихся стереотипов процессуальной деятельности.

При выявлении рассматриваемых обстоятельств значительно расширяется спектр аналитической работы, в орбиту которой включаются круг обстоятельств, которые могут не иметь прямого отношения к процессу доказывания и установления истины по уголовному делу, но имеют существенное значение в детерминационном механизме преступления. И здесь явно недостаточно традиционных криминалистических методик расследования отдельных видов преступления, которые, как правило, не содержат информации, касающейся выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Необходимые рекомендации в этой области для субъектов предварительного расследования могут быть даны только на основе криминологической теории причинности, а их успешная реализация может быть обеспечена профессионально подготовленными специалистами в области криминологической диагностики. В этой связи важно понимание субъектами предварительного расследования криминологических закономерностей данного правоохранительного института.

Выявленные обстоятельства, способствующие совершению конкретных преступлений, могут быть использованы в рамках более системной аналитики для выявления общих криминогенных детерминант отдельных видов преступности на различных уровнях: местном, региональном и федеральном.

Другой аспект рассматриваемой проблематики связан с реализацией практически-преобразовательной функции криминологии, которая обеспечивается теорией предупреждения преступлений. Здесь выявленные ранее субъектом предварительного расследования обстоятельства ложатся в основу разработки и реализации конкретных мер предупреждения преступлений, обеспечивающих полную или частичную нейтрализацию действия криминогенных факторов. Эта деятельность выходит далеко за пределы предварительного расследования и затрагивает различные сферы общественной жизни, нуждающиеся в коррекции. Здесь в движение приводится вся система предупреждения преступлений: субъекты, объекты, меры и технологии их реализации [4, с. 26].

Эта деятельность является самостоятельной, масштабной и непроцессуальной, она институционально и ресурсно выходит далеко за рамки полномочий и возможностей следователя. Нормативное возложение на следователя (дознавателя, руководителя следственного органа) обязанности по ее осуществлению представляет собой своего рода юридическую фикцию, не соответствующую организационной и предметной сути данной деятельности. Устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений, требует компетенций в самых разных областях общественной жизни (экономике, образовании, семье, IT-безопасности, социальном обслуживании, градостроительстве, менеджменте), которыми объективно не могут в полной мере обладать субъекты предварительного расследования.

Устранение указанных обстоятельств не может рассматриваться как некое разовое действие, это сложный алгоритм действий, требующий управления и контроля [4, с. 28], обеспечить которые следователь (дознаватель, руководитель следственного органа) не может. Субъекты предварительного расследования имеют широкий доступ к самой детальной информации о механизме совершения конкретного преступления, что делает их идеальными естественными диагностами. Однако указанные лица полностью оторваны от той организации или социальной системы, в которой должны произойти изменения для нейтрализации или минимизации действия криминогенных факторов. Их рекомендации не могут быть идеальными и в этой связи являются часто невыполнимыми на практике.

Таким образом, в рамках предварительного расследования в полной мере может быть обеспечена реализация аналитической функции посредством выявления (установления) обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

Список основных источников

1. Прозументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть : учеб. Томск : ДиВо, 2007. 229 с. Вернуться к статье

2. Шестаков Д. А. Возвращение к криминологической теории причинности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 2 (37). С. 88–97. Вернуться к статье

3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010093 (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Грибанов Е. В. Универсальная (типовая) технология предупреждения преступлений // Общество и право. 2021. № 3 (77). С. 26–31. Вернуться к статье

УДК 343.3/.7

А. Н. Ибатуллина
адъюнкт
Казанского юридического института МВД России

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ СБЫТА ТОВАРОВ И ПРОДУКЦИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО ПОСРЕДСТВОМ ОНЛАЙН-ТОРГОВЛИ

Современный период развития общества именуется информационной эрой, характеризующейся быстрыми глобальными коммуникациями и доминирующим характером информационных сетей, что значительным образом изменило форму современного общества. Данные качественные изменения способствовали цифровизации экономических отношений.

В 2024 г. доля электронной коммерции в мировых розничных продажах составила примерно 20,1 % [1]. По результатам аналитических исследований рынка электронной коммерции в России, объем онлайн-торговли в общей розничной торговле вырос с 5 до 23 % за период 2019–2024 гг. [2]. Данные показатели свидетельствуют о тенденции качественных изменений структуры современной торговли, где доля сбыта товаров и продукции посредством электронной коммерции постоянно растет.

Вместе с тем цифровая среда создает благоприятные условия для распространения контрафактных, фальсифицированных или запрещенных товаров через интернет-платформы. Именно эти тенденции обусловливают возрастающую актуальность анализа общественной опасности сбыта товаров и продукции посредством онлайн-торговли.

В отечественной доктрине общественная опасность рассматривается как объективное свойство деяния, выражающееся в его способности причинять или реально ставить под угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам [3, с. 118]. Это позволяет отличать преступления от иных правонарушений, обладающих асоциальным, общественно вредным, но не опасным для общества характером.

Общественная опасность связывает деяние с риском причинения значимого вреда личности, обществу или государству и служит критерием криминализации. Уголовное право признает способ совершения деяния важным критерием его оценки. Это означает, что цифровые методы реализации товара через Интернет могут повышать общественную опасность по сравнению с традиционными способами, поскольку обеспечивают анонимность, масштабность и сложность контроля.

В онлайн-торговле существует множество технологических характеристик, которые делают ее предпочтительной для совершения преступлений: возможность осуществления анонимного сбыта товаров; наличие виртуального пространства без четких границ правового регулирования; разнообразие инструментов сбыта (маркетплейсы, социальные сети, мессенджеры).

Онлайн-торговля позволяет расширить потенциальный круг лиц, подвергающихся воздействию опасной продукции, до неограниченного количества потребителей. Дистанционный характер сделок, в свою очередь, затрудняет обнаружение и пресечение противоправной деятельности. Использование электронных платежных систем, VPN-соединений, закрытых групп и Темной сети повышает сложность установления личности виновных и объема незаконной реализации.

Особую общественную опасность представляют товары, не отвечающие требованиям безопасности (например, детские товары без необходимой сертификации); фальсифицированные лекарственные средства; запрещенные или ограниченные в обороте продукты.

Онлайн-способ реализации характеризуется высокой скоростью распространения, анонимностью субъектов, что отличает его от традиционных форм распространения товаров и усиливает общественную опасность деяний.

Статья 238 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК), в свою очередь, устанавливает ответственность за сбыт товаров, выполнение работ и оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности [4]. Однако, несмотря на общественную опасность реализации товаров и продукции посредством онлайн-торговли, данный признак не признается квалифицирующим в рамках ст. 238 УК. Согласимся с И. А. Шеиной в целесообразности выделения квалифицирующего признака «сбыт товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей с использованием сети “Интернет”» [5, с. 138]. Также считаем необходимой разработку методических разъяснений для правоприменителей в части применения положений норм ст. 238 УК по отношению к преступлениям, совершаемым посредством использования сети Интернет.

Онлайн-торговля как способ реализации товаров обладает рядом особенностей, которые усиливают общественную опасность деяний при незаконном сбыте. Эти особенности требуют внимания со стороны уголовно-правовой доктрины и практики, в том числе совершенствования ст. 238 УК, направленной на пресечение подобных преступлений.

Список основных источников

1. Ecommerce to account for more than 20 % of worldwide retail sales despite slowdown [Electronic resource] // EMARKETER : [website]. URL: https://www.emarketer.com/content/ecommerce-account-more-than-20--of-worldwide-retail-sales-despite-slowdown?utm_source (date of access: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Рынок онлайн-торговли вырос с 1,7 трлн до 12,6 трлн рублей с начала пандемии [Электронный ресурс] // Ведомости : [сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2025/03/14/1097954-rinok-onlain-torgovli-viros (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М. : БЕК, 1996. 560 с. Вернуться к статье

4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 534-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. Шеина И. А. Уголовно-правовые меры противодействия производству, хранению, перевозке либо сбыту товаров и продукции, выполнению работ или оказанию услуг, не отвечающих требованиям безопасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Моск. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации им. В. Я. Кикотя. М., 2016. 180 с. Вернуться к статье

УДК 343.9

Я. Г. Ищук
главный ревизор отдела ведомственного контроля в сфере закупок
Контрольно-ревизионного управления МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ОПЫТ УЧАСТИЯ МВД РОССИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В современной российской государственной политике обеспечение общественной безопасности и укрепление правопорядка неразрывно связаны с развитием системы профилактики правонарушений. Принятие Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ [1] заложило прочную законодательную основу для формирования многоуровневой системы предупреждения преступности, где региональные программы профилактики правонарушений стали основным инструментом консолидации усилий всех субъектов профилактики на местах. Однако законодательное единство не всегда гарантирует практическую целостность и равную эффективность. Как показывает анализ, реализация этих программ демонстрирует значительную дифференциацию, особенно в части участия ключевого субъекта — Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД). Роль территориальных органов МВД варьируется от формального исполнителя отдельных мероприятий до активного системного интегратора профилактических усилий, что создает неравные условия для обеспечения безопасности граждан в разных субъектах Федерации.

Проведенный анализ подтверждает, что региональные программы профилактики правонарушений формируются в строгих рамках, заданных федеральным законодательством. Это приводит к высокой степени формального сходства: все программы декларируют общие цели снижения преступности и повышения безопасности, базируются на единых принципах законности, системности и приоритета предупредительных мер, а также охватывают стандартный набор направлений — от работы с несовершеннолетними до противодействия экстремизму. МВД России закономерно фигурирует в них как ключевой исполнитель, чья деятельность структурирована вокруг организационно-координационных функций, индивидуальной профилактической работы, обеспечения общественного порядка и правового просвещения.

Однако содержание программ учитывает разнообразные факторы, определяющие реальную эффективность мероприятий. Первое существенное отличие заключается в расстановке акцентов: программы депрессивных

промышленных регионов фокусируются на имущественной преступности и социальных проблемах, приграничных — на трансграничных угрозах, а курортных — на безопасности туристов. Второе, и наиболее критическое различие, лежит в сфере межведомственного взаимодействия. В таких регионах, как Томская область или Республика Татарстан, созданы эффективные механизмы координации, где МВД выступает не изолированным субъектом, а частью целостной сети, оперативно обмениваясь данными с органами социальной защиты, образования и здравоохранения. В других субъектах такое взаимодействие остается декларативным, ограниченным ведомственными барьерами и несовершенством информационных систем.

Третье различие связано с уровнем технологического развития профилактической деятельности. Передовые регионы, такие как Пермский край, активно внедряют геоинформационные системы для криминологического картографирования [2], мобильные приложения для сотрудников и электронные журналы учета, в то время как в иных до сих пор доминируют бумажные носители и рутинные методы работы. Именно в регионах первого типа сформировался тот положительный опыт, который требует осмысления и масштабирования. Речь идет о Томской модели профилактики семейно-бытового насилия, построенной на алгоритмизированном взаимодействии полиции и социальных служб [3]; о Казанской модели подростковых клубов, где сотрудники ПДН работают совместно с психологами [4]; о пермском опыте использования аналитических систем для адресного распределения ресурсов. Эти примеры доказывают, что активная, интегрированная и технологичная роль МВД является катализатором эффективности всей профилактической системы на местах.

Выявленная вариативность, с одной стороны, является отражением федеративного устройства и разной остроты локальных проблем, но с другой — свидетельствует об отсутствии общегосударственного стандарта организации профилактической деятельности органов внутренних дел. Для преодоления этой ситуации предлагается внедрение Типовой модели участия территориальных органов МВД России в региональных программах профилактики правонарушений. Данная модель не является жестким шаблоном, подавляющим инициативу, а представляет собой вектор, задающий единые ориентиры, минимальные стандарты и общее направление развития.

Смысловым ядром модели выступает система взаимосвязанных принципов, среди которых, помимо закрепленных законом, особое значение приобретают принцип обязательной координации, предполагающий активное встраивание МВД в межведомственную среду, и принцип технологической обеспеченности, требующий повсеместного внедрения цифровых

инструментов. На операциональном уровне модель детализирует ключевые направления участия МВД — от организационно-аналитического обеспечения до правового просвещения, но делает акцент не на простом перечислении мероприятий, а на описании целевых результатов и стандартов взаимодействия с другими субъектами профилактики на каждом направлении.

Критически важным элементом модели являются унифицированные механизмы управления, призванные преодолеть стихийность планирования. Речь идет о введении обязательного для каждого территориального органа МВД ежегодного ведомственного плана участия в региональных программах профилактики правонарушений, разрабатываемого на основе региональной программы, а также о системе контроля и оценки эффективности на основе единого набора индикаторов. Эти индикаторы должны выходить за рамки традиционной уголовной статистики и включать такие показатели, как количество выявленных и устраненных криминогенных факторов, результаты социальной адаптации лиц, состоящих на профилактическом учете, и оценка уровня безопасности со стороны населения.

Современное состояние участия МВД России в региональной профилактике правонарушений характеризуется противоречием между формальным единством, заданным федеральным законом, и существенной практической дифференциацией. Эта дифференциация приводит к неравенству в уровне защищенности и неэффективному использованию кадровых и материальных ресурсов. Накопленный передовой опыт ряда регионов убедительно демонстрирует, что прорыв в эффективности возможен там, где территориальные органы МВД переходят от роли обособленного правоохранительного ведомства к роли интегратора и координатора межведомственных профилактических усилий, активно использующего современные технологии.

Таким образом, унификация участия МВД в профилактике представляет собой не административную унификацию ради самой себя, а инструмент повышения эффективности государственного управления в сфере общественной безопасности. Это соответствует как стратегическим ориентирам, заложенным в основах государственной политики, так и теоретическим постулатам современной российской криминологии, выступающей за научно обоснованное, системное и адресное предупреждение преступности.

Список основных источников

1. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. О региональной геоинформационной системе Пермского края (РГИС ПК) [Электронный ресурс] : постановление Правительства Перм. края от 21 дек. 2022 г. № 1127-п // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/5900202212220013?ysclid=mm3tqpxj2w659998433 (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Томские правоохранители и соцслужбы развивают систему профилактики бытовых преступлений [Электронный ресурс]. URL: https://tomsk.gov.ru/news/front/view?id=62396&ysclid=lx3gkyevji456082783 (дата обращения: 19.02.2026). Вернуться к статье

4. О работе по вовлечению несовершеннолетних, состоящих на профилактических учетах, в деятельность социально-культурных, спортивно-оздоровительных и досуговых учреждений по месту жительства. Перспективы развития служб детского телефона доверия в Республике Татарстан [Электронный ресурс] : постановление Респ. комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав от 4 марта 2019 г. № 04-19. URL: https://docs.cntd.ru/document/553224722?ysclid=mm3v9ixu1o584762716 (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.1

О. В. Карпова
доцент кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В ФОРМИРОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Возможность доказывания защитником своей позиции в рамках досудебного производства — вопрос очень спорный и неоднозначный как в юридической литературе, так и на законодательном уровне.

В соответствии с нормами закона, изложенными в ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Российской Федерации [1], защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов.

С внесением изменений в ст. 159 УПК Российской Федерации Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ [2] возможности защитника в процессе доказывания были значительно расширены. Так, согласно ч. 2 ст. 159 УПК Российской Федерации, защитник может инициировать проведение допроса свидетеля, производство судебных экспертиз, других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых он ходатайствует, имеют значение для уголовного дела [1].

Другой подход относительно участия защитника в процессе доказывания прослеживается в УПК Республики Казахстан. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 70 УПК Республики Казахстан, защитник вправе собирать и представлять предметы, документы, сведения, а также иные данные, необходимые для оказания юридической помощи, которые подлежат обязательному приобщению к материалам уголовного дела. Вместе с тем, определяя права преследуемых лиц, законодатель указал в п. 10 ч. 9 ст. 64, ч. 5 ст. 65 УПК Республики Казахстан, что подозреваемый (обвиняемый) может «представлять доказательства». Аналогичным правом могут пользоваться потерпевший и гражданский истец (п. 3 ч. 6 ст. 71, п. 2 ч. 2 ст. 73 УПК Республики Казахстан). При этом гражданский ответчик указанным правом не наделен [3].

Более детальное регулирование правоотношений, возникающих в процессе собирания доказательств, имеет место в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики. Согласно ч. 3 ст. 91 УПК Кыргызской

Республики, сторона защиты вправе получать необходимые сведения следующими способами: истребование справок, характеристик, иных документов от организаций; инициирование производства судебной экспертизы; привлечение специалиста; опрос лиц с их согласия; совершение иных действий. Обратим внимание, что законодатель оперирует термином «сведения», а в ч. 4 ст. 91 УПК Кыргызской Республики называет эти сведения доказательствами [4].

Согласно законодательству Республики Беларусь, защитник вправе представлять доказательства и собирать сведения, необходимые для защиты прав подозреваемого, обвиняемого и оказания им юридической помощи (ч. 3 ст. 103 УПК Республики Беларусь [5]). Аналогичные положения закреплены в УПК Республики Таджикистан (ч. 3 ст. 86) [6], УПК Азербайджанской Республики (ч. 3 ст. 143 УПК) [7].

Представляет интерес уголовно-процессуальное законодательство Республики Узбекистан. Согласно ч. 2 ст. 86 УПК Республики Узбекистан, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, защитник, общественный обвинитель, общественный защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители имеют право участвовать в доказывании. Вместе с тем в ч. 2 ст. 87 УПК Республики Узбекистан нормативно закреплено право защитника «собирать и представлять доказательства по уголовному делу». В целях системного толкования анализируемых положений закона представляется целесообразным обратиться к ч. 1 ст. 90 УПК Республики Узбекистан, в соответствии с которой сведения и предметы могут быть использованы в качестве доказательств только после того, как они зафиксированы в протоколах следственных действий или в протоколе судебного заседания. Такой подход представляется оптимальным.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы [8].

Российское уголовное судопроизводство и судопроизводство большинства зарубежных стран построено на состязательных началах — на принципе состязательности, в соответствии с которым сторона защиты и сторона обвинения должны иметь равные права, а значит, и равную возможность участия в процессе доказывания.

В законодательстве многих государств прослеживается «поспешное» наделение сведений (данных) статусом доказательств еще до процедуры их проверки и оценки органом, осуществляющим уголовное судопроизводство. Полагаем, что такой подход обоснован только в том случае, если законодателем предусмотрено «параллельное» адвокатское расследование, в ходе которого субъектом доказывания (в пределах своей компетенции) будет защитник (адвокат).

В настоящее время защитник (адвокат) в случае его активной позиции является участником процесса доказывания, но при этом не является субъектом доказывания. Роль защитника (адвоката) в процессе доказывания следует определить как «участие защитника в формировании доказательств» с возможностью представления органам, осуществляющим уголовное судопроизводство, сведений (данных), имеющих значение для уголовного дела, а также заявлять обоснованные ходатайства о получении сведений (данных) путем проведения следственных или иных процессуальных действий.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 535-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 17 апр. 2017 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 4 июля 2014 г. № 231-V : в ред. от 29 дек. 2025 г. : с изм. и доп. по состоянию на 16 сент. 2025 г. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 28 окт. 2021 г. № 129 : с изм. и доп. по состоянию на 1 янв. 2026 г. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-37/edition/42104/ru (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : 3 дек. 2009 г. : с изм. и доп. по состоянию на 3 янв. 2024 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : утв. Законом Азербайдж. Респ. от 14 июля 2000 г. № 907-IQ : с изм. и доп. по состоянию на 28 февр. 2025 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : от 22 сент. 1994 г. № 2013-XII : с изм. и доп. по состоянию на 9 нояб. 2025 г. URL: https://lex.uz/docs/111463 (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.97

О. В. Катушонок
старший преподаватель кафедры
конституционного и уголовного права
Полоцкого государственного университета
имени Евфросинии Полоцкой

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КАТЕГОРИИ «ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ» В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Анализ данных уголовной статистики, а также исследований в области противодействия домашнему насилию свидетельствует о необходимости изучения существующих статистических различий в регионах Республики Беларусь. Изучение пространственного распределения преступлений в категории «домашнее насилие» позволит выделить «криминогенные зоны», т. е. регионы с повышенной концентрацией фактов противоправного поведения в семье. Выявление таких зон даст возможность адресно разработать региональные программы и планы профилактики домашнего насилия.

Анализ данных по анализируемым преступлениям за 2024 г.[1] показывает значительное преобладание удельного веса городской преступности над сельской (город — 68,5 %, село — 31,5 %). Сравнивая аналогичные показатели за 2017 г. (60,9 % и 38,9 % соответственно), можно сделать вывод о негативных тенденциях в городской местности. На фоне общего снижения количества зарегистрированных преступлений удельный вес городской преступности за 7 лет увеличился на 7,6 %.

В целом за период с 2017 по 2024 г. наибольшее количество преступлений зарегистрировано в Могилевской области (4 429 преступлений (18 %)), на втором месте — Гомельская область (4 285 преступлений (17,3 %)). Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что с 2021 г. Гомельская область занимала лидирующую позицию по количеству совершенных бытовых преступлений (в 2024 г. — 409 фактов (19,1 %)). Следует отметить положительные тенденции в г. Минске. Так, если в 2017 г. он входил в тройку «лидеров»

[1] Здесь и далее статистические данные предоставлены Министерством внутренних дел Республики Беларусь в рамках диссертационного исследования О. В. Катушонок по теме «Домашнее насилие: особенности идентификации, детерминации и предупреждения», выполняемого на кафедре уголовно-исполнительного права и криминологии учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (письмо № 4 от 03.2025 на № 2/40/1567овд от 04.03.2025).

по количеству совершенных бытовых преступлений, то начиная с 2018 г. в Минске совершалось их меньше всего (в 2024 г. — 237 фактов (11,1 %)).

В большинстве регионов, как и в целом по республике, наблюдалось снижение количества рассматриваемых преступлений. Причем в отдельных регионах идет их заметное снижение: в Могилевской области — на 38,7 %, в г. Минске — на 32,3 %. Наряду с этим наблюдалась негативная тенденция в Гомельской (+9,7 %) и Минской (+8,8 %) областях (табл. 1).

Таблица 1

Динамика и удельный вес преступлений в категории «домашнее насилие» (2017, 2024 гг.)

	2017 г.		2024 г.		
	всего	удельный вес, %	всего	удельный вес, %	темп прироста, %
Республика Беларусь	2 470	100 %	2 148	100 %	–86,6 %
Брестская область	318	12,9 %	285	13,3 %	–10,4 %
Витебская область	280	11,3 %	266	12,4 %	–5 %
Гомельская область	373	**15,1 %**	409	**19,1 %**	**+9,7 %**
Гродненская область	317	12,8 %	281	13,1 %	–11,4 %
Минская область	319	13 %	347	**16,2 %**	**+8,8 %**
Могилевская область	514	**20,8 %**	315	**14,8 %**	**–38,7 %**
Минск	350	**14,1 %**	237	11,1 %	**–32,3 %**

Объективно сравнивать абсолютные показатели преступности невозможно в силу большой разницы в численности населения. В 2024 г. среднегодовая численность населения в городах в 3,7 раза превысила сельское население (городское население — 7 182 690, сельское — 1 926 590) [1, с. 17]. В связи с этим для сравнения криминогенной обстановки в городах и сельской местности следует использовать показатель коэффициента преступности.

Расчет коэффициентов преступности в категории «домашнее насилие» в городе и селе и последующее их сравнение показало, что криминогенная обстановка в данной сфере является более напряженной в сельской местности. Так, в 2024 г. в Республике Беларусь в среднем коэффициент бытовой преступности (на 100 тыс. населения) составил 23,4; в городах — 20,3; в сельской местности — 34,8. Как видно, несмотря на незначительный удельный вес сельской бытовой преступности, криминогенная ситуация в таких регионах значительно хуже.

Уровень преступности различается и в зависимости от региона. Как уже отмечалось, больше всего преступлений в 2024 г. зафиксировано в Гомельской области. Вместе с тем коэффициент преступности выше всего в Могилевской

области — 32,3 (в городе — 26,4, в селе — 56,2). Показатели Гомельской области на втором месте: средний коэффициент — 30,7 (город — 26,9; село — 43,6). Высоки показатели и в Гродненской области (28,4 и 45,2 соответственно). Наименьший коэффициент преступности выявлен в г. Минске — 11,9 (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент городской и сельской преступности в категории «домашнее насилие» (2024 г.)

	Всего преступлений	Численность населения			Коэффициент ($\times 10^5$)		
		по региону	город	село	по региону	город	село
Республика Беларусь	2 148	9 132 629	7 190 487	1 942 142	**23,4**	**20,3**	**34,8**
Брестская область	285	1 304 241	945 031	359 210	21,9	19,8	27
Витебская область	266	1 076 986	850 497	226 489	24,7	22,7	34,4
Гомельская область	409	1 333 295	1 042 755	290 540	**30,7**	**26,9**	**43,6**
Гродненская область	281	988 719	768 140	220 579	**28,4**	**23,4**	**45,2**
Минская область	347	1 458 323	797 183	661 140	23,8	22,9	24,8
Могилевская область	315	976 269	792 085	184 184	**32,3**	**26,4**	**56,2**
г. Минск	237	1 994 796	1 994 796	–	11,9	11,9	–

Как видно, среди всех административно-территориальных единиц к «криминогенным зонам» относится Могилевская и Гомельская области, где коэффициент рассматриваемой преступности значительно превышает среднее значение по республике, а также Гродненская область (К = 28,4), несмотря на то, что ее удельный вес в общей структуре рассматриваемой преступности в 2024 г. составил 13 % (5-е место).

Традиционно считается, что «с ростом народонаселения соответственно возрастает и количество преступлений» [2, с. 85]. Вместе с тем анализ статистических данных, представленных в таблицах 1 и 2, позволяет сделать вывод об отсутствии такой прямой зависимости. Наглядно это можно продемонстрировать при сравнении показателей ряда областей. Так, в 2024 г. количество жителей Брестской области в 1,6 раз превышало количество жителей Гродненской области [1, с. 17], но количество преступлений в данных областях за рассматриваемый год примерно одинаково (285 и 281 соответственно). Численность населения Гомельской области лишь на 4 % превышает численность населения

Брестской области [1, с. 17], но количество преступлений здесь больше на 44 % (табл. 1 и 2).

Таким образом, проведенное исследование показывает более высокий уровень рассматриваемой преступности в селе. Изложенное свидетельствует, что сельская местность заслуживает пристального внимания и требует разработки целенаправленных мер по противодействию домашнему насилию с учетом ее особенностей. Так как проведенный анализ криминогенной ситуации в административно-территориальных единицах Республики Беларусь показывает существенную территориальную дифференциацию преступлений, необходим индивидуальный подход к решению криминальных проблем в каждом конкретном регионе. Полученные выводы позволят перейти от однотипных мер реагирования в рамках республики к адресной, территориально-ориентированной политике. Прежде всего следует обратить внимание на совершенствование профилактических мер преступлений превентивной направленности в Могилевской, Гомельской, Гродненской областях. Для Брестской, Витебской и Минской областей необходимо совершенствование мер предупреждения тяжких и особо тяжких преступлений в категории «домашнее насилие».

Список основных источников

1. Численность населения на 1 января 2025 г. и среднегодовая численность населения за 2024 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, поселков городского типа : статистический бюллетень // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2025. 30 с. Вернуться к статье

2. Юзиханова Э. Г. Тенденции и закономерности преступности с миграционными и демографическими процессами // Юрид. наука и правоохран. практика. 2018. № 4. С. 83–91. Вернуться к статье

УДК 342.9

С. М. Ковалёв
старший преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними, — это деликатный процесс, требующий особого подхода. Его специфика определяется целым рядом факторов: от природы самих преступлений, совершенных из-за юношеского максимализма и наивности, до своеобразия доказательной базы и следственных действий, обусловленных возрастом и психологией подростков. Немаловажную роль в ходе следствия играет и поведение юных правонарушителей, зачастую импульсивное и непредсказуемое.

Подростковый возраст — это период бурного роста и становления личности. Недостаток жизненного опыта, жажда самоутверждения и бравады перед сверстниками толкают подростков на необдуманные поступки. В своем стремлении казаться взрослыми и знающими жизнь они порой теряют грань между допустимым и преступным.

Интенсивное физическое и нравственное развитие, свойственное этому возрасту, обуславливает неумение несовершеннолетних адекватно оценивать ситуацию, недостаточную самокритичность и подверженность перепадам настроения. Особенности восприятия и воспроизведения информации, присущие подросткам, в совокупности с пробелами в воспитании, недостатками в организации досуга и труда могут подтолкнуть их к совершению правонарушений.

К характерным административным правонарушениям, совершаемым несовершеннолетними, относятся прежде всего:

− мелкое хищение (ст. 11.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП));

− мелкое хулиганство (ст. 19.1 КоАП);

− распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте или на работе в состоянии опьянения (ст.19.3 КоАП) [1].

Как правило, путь к преступлению начинается с безобидных шалостей и озорства. Однако под влиянием безнаказанности и искаженного представления

о романтике криминальной жизни подростки постепенно втягиваются в мелкие правонарушения, которые при определенных обстоятельствах могут перерасти в серьезные преступления.

Преступления, совершаемые несовершеннолетними, чаще всего носят спонтанный характер и отличаются дерзостью. Даже если подростки и планируют свои действия, в момент совершения преступления нередко происходит «эксцесс исполнителя», когда они выходят за рамки намеченного. Для подростковой преступности характерна территориальная привязанность, обусловленная контролем со стороны взрослых и ограниченной свободой передвижения. Способы сбыта и хранения похищенного также отличаются от методов взрослых: подростки часто продают украденное открыто и за бесценок.

Чаще всего подростки совершают такие преступления, как:

– кража (ст. 205 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК));

– грабеж (ст. 206 УК);

– угон транспортного средства или маломерного судна (ст. 214 УК);

– хулиганство (ст. 339 УК) [2].

Нередко несовершеннолетние действуют под влиянием взрослых, имеющих криминальный опыт и пользующихся авторитетом у подростков. Под их руководством они приобретают преступные навыки и перенимают модели их поведения.

В ходе расследования подростки, движимые ложным чувством товарищества, страхом, стыдом, особыми отношениями с потерпевшим или соучастниками, а также под влиянием угроз или советов близких могут давать ложные показания, искажая правду об обстоятельствах дела. Иногда они даже берут на себя вину других, чаще всего взрослых, соучастников, стремясь защитить их от правосудия.

Таким образом, рассматривая вопрос об особенностях преступлений, совершаемых несовершеннолетними, можно выделить ряд факторов, влияющих на их совершение, — это возраст, социальная среда и психология подростков.

Список основных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.211

А. В. Ковальчук
докторант научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ И СИСТЕМА ЕЕ ПРИНЦИПОВ КАК ОСНОВА СОРАЗМЕРНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ

Для обеспечения соответствия системы уголовно-правовых запретов современным потребностям общества и исключения субъективизма законодательной оценки необходим набор критериев соразмерности. Эти критерии возможно идентифицировать, обращаясь к сфере их проявления — криминализации деяний и системе ее принципов. Традиционно криминализация понимается как метод уголовной политики, представляющий собой законодательное отнесение деяния к числу уголовно наказуемых, либо процесс выявления общественно опасных форм поведения и фиксации их в законе [1, с. 59]. Полагаем необходимым включать в содержание криминализации установление не только преступности, но и наказуемости (пенализацию) деяния, поскольку уголовно-правовой запрет немыслим без санкционного обеспечения. Криминализация также может осуществляться посредством корректировки возраста ответственности, форм вины, видов соучастия и иных норм Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) [2]. Ее пределы определяются основаниями освобождения от ответственности. С учетом изложенного *криминализацию* следует понимать как социально детерминированный процесс (или его результат), находящий выражение в системе законодательных решений, определяющих потребность в уголовно-правовом противодействии общественно опасному деянию и посредством технико-юридической модели задающих пределы его уголовной противоправности и применения мер уголовной ответственности.

В науке выделяются различные компоненты криминализации: основания, критерии, причины, поводы. Ученые нередко употребляют их как синонимы, что не дает законодателю четких ориентиров. Считаем правильным подход А. И. Коробеева и П. С. Дагеля, именующих эти категории обобщающим термином «факторы» криминализации — существенные обстоятельства, побуждающие законодателя к введению запрета и определяющие его содержание [1, с. 57–58; 3, с. 64–69]. Однако разрозненные факторы не могут служить надежным ориентиром для законодателя. Поэтому в доктрине сформировалось

понятие принципов криминализации — основополагающих идей, научно обоснованных критериев [4, с. 68], в рамках которых стало возможным структурирование процесса криминализации и унификация ее факторов. Деятельность законодателя должна строиться на программных требованиях, обобщающих факторы в единую систему. Именно поэтому под *принципом криминализации* следует понимать научно обоснованное программное требование, представляющее собой результат систематизации и обобщения социальных, экономических, правовых и иных факторов, которым должен руководствоваться законодатель при определении потребности в уголовно-правовом противодействии и установлении уголовно-правового запрета.

Наиболее признанной является система принципов, разработанная Г. А. Злобиным, который предложил рассматривать их на двух уровнях: социальном (принципы общественной опасности, относительной распространенности, соразмерности последствий, уголовно-политической адекватности) и системно-правовом (общеправовые и уголовно-правовые принципы) [5, с. 210]. Несмотря на научную ценность предложенной системы принципов, главная задача современной доктрины — построение рациональной и достаточной ее системы, отвечающей запросам законодательной практики и позволяющей осуществить комплексную проверку соразмерности будущего уголовно-правового запрета. В существующих классификациях соразмерность не получила четкого места: она либо не учитывается, либо представлена фрагментарно. Принимая во внимание функционально-целевое назначение законотворчества, принципы криминализации целесообразно рассматривать на двух ключевых уровнях:

1. *Уровень обоснования социальной обусловленности уголовно-правового запрета* включает: *принцип наличия общественной опасности*, раскрываемый через факторы: характера и степени причиняемого (неизбежного) вреда, относительной распространенности деяния, готовности общества к признанию деяния преступным; *принцип преобладания положительных последствий криминализации*, включающий факторы: субсидиарности уголовно-правового запрета, прогнозируемости последствий криминализации; *принцип уголовно-политической, конституционно-правовой и международно-правовой непротиворечивости криминализации*, обобщающий одноименные факторы; *принцип осуществимости борьбы с криминализируемым деянием*, синтезирующий факторы: готовности правоохранительной системы, а также финансовой возможности борьбы с криминализируемым деянием.

2. ***Уровень учета правил конструирования уголовно-правового запрета*** включает: *принцип системно-правовой согласованности уголовно-правового*

запрета, содержащий факторы межотраслевой и внутриотраслевой согласованности уголовно-правового запрета; *принцип рациональной полноты уголовно-правового запрета*, обобщающий факторы: неизбыточности и беспробельности уголовно-правового запрета, экономии репрессии; *принцип нормативной определенности, ясности и терминологической точности уголовно-правового запрета*, включающий одноименные факторы. Оба уровня находятся в диалектической взаимосвязи, поскольку запрет, не учитывающий принципы социальной обусловленности, теряет легитимность, а не соответствующий правилам конструирования — становится нефункциональным. Соразмерность выступает методологическим стержнем, пронизывающим всю систему и получающим в ней нормативную конкретизацию.

Таким образом, следует отметить, что *криминализация* представляет собой социально детерминированный процесс определения потребности в уголовно-правовом противодействии и закрепления в законе пределов уголовной противоправности и ответственности. Ее понятие охватывает пенализацию и конструирование норм Общей части УК. *Принцип криминализации* — научно обоснованное программное требование, обобщающее факторы, которыми руководствуется законодатель. Принципы обретают методологическую ценность лишь в системе — иерархически выстроенной совокупности, раскрывающей сферы проявления соразмерности. Предлагаемая двухуровневая система принципов позволяет преодолеть фрагментарность существующих подходов и обеспечить комплексную оценку соразмерности уголовно-правовых новелл как в законотворческом процессе, так и в действующем УК.

Список основных источников

1. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 267 с. Вернуться к статье

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Дагель П. С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток : Дальневост. ун-т, 1982. 124 с. Вернуться к статье

4. Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М. : Проспект, 2022. 80 с. Вернуться к статье

5. Злобин Г. А. Понятие и система принципов криминализации // Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П. С. Дагель [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М. : Наука, 1982. С. 208–215. Вернуться к статье

УДК 343.9

К. Ю. Ковальчук
адъюнкт
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

СУЩНОСТЬ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ ЧЕРЕЗ ЕЕ ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ

Термин «миграция» исследуется разными отраслями науки (социологическими, политическими, юридическими, психологическими и др.). В социологическом аспекте под миграцией чаще всего понимают перемещения людей внутри государства или за его пределы с целью поиска лучших условий жизни, в юридическом — совокупность правоотношений, возникающих по поводу такого перемещения и, как правило, получения нового правового статуса. Применительно к уголовно-правовым наукам понятие миграции исследуется в контексте ее осуществления с нарушением законодательства. Несомненно, комплексное и объективное восприятие миграции невозможно без анализа ее видов, поскольку разные классификационные критерии акцентируют внимание на различных аспектах миграции и позволяют учитывать многогранность этого процесса. Предлагаемые учеными критерии классификации миграционных процессов очень многогранны и различны: географический, временной (по протяженности), целевой, уровень организации, вовлеченность и др. Однако виды миграции, исходя из различных критериев ее классификации, не являются предметом исследования в криминологии и рассматриваются нами в качестве отправной точки для определения незаконной миграции.

Рассматривая исключительно подходы ученых в области юриспруденции, необходимо отметить, что ключевым элементом незаконной миграции, выделяемым практически всеми исследователями, является перемещение лица в нарушение законодательства страны нахождения, то есть использование лицом естественного права человека на свободу передвижения в нарушение законодательства страны, где он находится и (или) страны, куда он перемещается.

Для точного понимания и идентификации незаконной миграции, разграничения от иных правовых явлений, а также эффективного правоприменения необходимо выделить признаки незаконной миграции как общественно опасного деяния.

На наш взгляд, можно выделить следующие признаки незаконной миграции:

1. Территориальное перемещение как внутри государства (страны пребывания, нахождения), так и выезд за его пределы. При этом такое перемещение включает в себя четыре основных элемента, составляющих сущность незаконной миграции: незаконный въезд, незаконное пребывание (проживание), незаконный транзитный проезд и незаконный выезд.

2. Противоправность, под которой необходимо понимать нарушение законодательства при любом из указанных выше видов территориального перемещения.

3. Четко регламентированная общественная опасность данного преступления через установление конституционных оснований ограничения свободы передвижения. Право в ограничении данного права предусматривается Конституциями Российской Федерации и Республики Беларусь, однако подходы отличаются [1; 2]. В Беларуси эти основания четко определены и детализированы: защита национальной безопасности, общественного порядка, здоровья граждан или прав и свобод других лиц [1]. В Российской Федерации ограничения, устанавливаемые федеральным законом, охватывают более широкий спектр целей, включая защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других, а также обеспечение обороны страны и безопасности государства [3].

4. Наличие установленного государством ограничения свободы передвижения. Обеспечивая реализацию конституционного права, государство балансирует между защитой прав человека и обеспечением национальной безопасности. Миграционная политика государств часто ограничивает свободу передвижения посредством установления визовых режимов, квот на въезд, требований к документам и других барьеров. Это связано с необходимостью обеспечения национальной безопасности, контроля над демографическими процессами и сохранения социальной стабильности.

5. Осознанность и волевое поведение физического лица, направленное на нарушение миграционной политики страны нахождения, пребывания, транзитного проезда или въезда.

На наш взгляд, говоря о видах незаконной миграции, целесообразно использовать законодательные подходы. Так, анализ ст. 371^1 Уголовного кодекса Республики Беларусь позволяет выделить четыре вида незаконной миграции, выделяемых на законодательном уровне: незаконный въезд в Республику Беларусь, незаконное пребывание на территории Республики Беларусь, незаконный транзитный проезд (транзит) через территорию Республики Беларусь или

незаконный выезд из Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства [4]. В то же время в Российской Федерации на законодательном уровне различают три вида незаконной миграции: незаконный въезд в Российскую Федерацию, незаконное пребывание в Российской Федерации или незаконный транзитный проезд через территорию Российской Федерации (ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) [5].

Выделяемые многими учеными иные виды незаконной миграции (например, незаконное пересечение границы, фиктивный брак и т. п.) являются способами совершения незаконной миграции, а не ее видами. Выделение в качестве видов организованной и неорганизованной незаконной миграции также вряд ли можно признать обоснованным, так как это форма организации незаконной миграции.

Несмотря на широкое использование в законодательствах Республики Беларусь и Российской Федерации термина «незаконная миграция» (более 20 законов и 70 подзаконных нормативных правовых актов Российской Федерации и Республики Беларусь используют его в своих нормах), его законодательное определение отсутствует, что влечет разночтения в трактовке одного и того же правового явления. В целях единообразного использования этого термина на законодательном, доктринальном, практическом уровнях, исключения ошибок и неточностей, связанных с толкованием нормативных правовых актов, использующих понятие незаконной миграции в своих нормах, давно назрела необходимость законодательного закрепления указанного термина.

Выявленные нами признаки позволяют установить сущность и конструкцию незаконной миграции, выступают основанием для ее классификации и в своей совокупности позволяют сформулировать точное определение незаконной миграции как противоправное территориальное перемещение физического лица, нарушающее либо создающее угрозу нарушения национальной безопасности государства, прав и законных интересов других лиц.

Список основных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 1 июля 2020 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-I. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 534-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 343.3/.7

К. А. Краснова
доцент кафедры уголовного права
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОХОЖДЕНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Обеспечение национальной безопасности остается приоритетной задачей любого современного государства [1]. В контексте реализации данной задачи уголовно-правовые средства выступают в качестве ключевого инструмента предупреждения террористической и экстремистской деятельности [2].

Борьба с терроризмом и экстремистскими проявлениями не теряет своей актуальности и на постсоветском пространстве [3]. Уголовная ответственность за прохождение террористической и экстремистской подготовки регламентируется нормами ст. 205.3 Уголовного кодекса (далее — УК) Российской Федерации и ст. 290^3 УК Республики Беларусь [4; 5]. Выбор уголовного законодательства Республики Беларусь для компаративного анализа обусловлен интенсификацией партнерских отношений между странами в сфере противодействия нетрадиционным вызовам безопасности, а также по широкому кругу направлений сотрудничества в правоохранительной сфере, как в формате деятельности Антитеррористического центра (АТЦ) СНГ [6], так и на двухстороннем уровне в рамках развития Союзного государства [7].

Видовой объект рассматриваемых составов преступлений совпадает, что обусловлено размещением соответствующих уголовно-правовых запретов в главе 24 УК Российской Федерации и главе 27 УК Республики Беларусь среди других посягательств на общественную безопасность и общественный порядок.

Поскольку данные составы преступлений являются беспредметными и не имеют потерпевшего, перейдем к рассмотрению признаков объективной стороны. Формулировка деяния в диспозициях обоих уголовных законов совпадает: «прохождение обучения» (в УК Российской Федерации) и «прохождение обучения или иной подготовки» (в УК Республики Беларусь) [4; 5].

Обязательным условием признания подобного учебного процесса преступным выступает заведомое осознание обучающимся лицом не просто его

противоправного характера, а именно рассмотрение его как подготовительного этапа к совершению преступления террористической направленности. И здесь мы сразу обнаруживаем первое отличие — в диспозиции ст. 290^3 УК Республики Беларусь в качестве цели подготовки указывается «последующее участие в террористической деятельности» без упоминания конкретных деяний, в то время как в ст. 205.3 УК Российской Федерации перечень преступлений, к совершению которых готовилось виновное лицо, конкретизирован путем перечисления соответствующих уголовно-правовых норм (ст. 205.1, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360, 361 УК Российской Федерации). Заметим, что в него включены нападения и акты международного характера.

Как разъясняет высшая судебная инстанция России, в случае создания лицом условий для совершения конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления террористической либо иной направленности его действия следует квалифицировать как приготовление к нему (абз. 3 п. 22.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1) [8].

Содержание обучения раскрывается лишь в диспозиции российской нормы и заключается в приобретении соответствующих знаний, умений и навыков. В частности, оно включает практико-ориентированную часть, связанную с обучением навыкам обращения с оружием, веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих [9]. Подобная детализация, на наш взгляд, неполная, поскольку отсутствует, к примеру, обучение обращению с беспилотными летательными аппаратами, которые гораздо чаще используются для совершения террористических атак в период проведения специальной военной операции.

Если сравнивать санкции анализируемых норм, то в российском уголовном законе она отличается строгостью основных видов наказаний, поскольку в ней предусмотрено пожизненное лишение свободы, а лишение свободы ограничено достаточно высокими пределами — от 15 до 20 лет. Подчеркнем чрезмерную репрессивность подобной санкции, которая сопоставима с наказанием за особо квалифицированный состав террористического акта (ч. 3 ст. 205 УК Российской Федерации) [10]. Санкция ст. 290^3 УК Республики Беларусь содержит лишь один вид основного наказания — лишение свободы, ограниченное пределами от 6 до 10 лет.

Необходимо также отметить и отдаленные последствия и уголовно-правовые ограничения, связанные с привлечением виновного лица к ответственности по ст. 205.3 УК Российской Федерации. В силу изменений, внесенных Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 510-ФЗ [11] в норму ч. 5 ст. 79 УК Российской Федерации, осужденные по ст. 205.3 УК Российской

Федерации к пожизненному лишению свободы не подлежат условно-досрочному освобождению. В ст. 90 УК Республики Беларусь подобный запрет не установлен.

В заключение в качестве предложения по совершенствованию уголовного закона предлагаем дополнить диспозицию ст. 205.3 УК РФ указанием на обучение лица правилам обращения с беспилотными летательными аппаратами.

Список основных источников

1. Кобец П. Н. Противодействие терроризму — важнейшая задача современности // Приоритетные направления развития правовой системы общества : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 19 авг. 2017 г. Омск : Агентство междунар. исслед., 2017. С. 26–28. Вернуться к статье

2. Мальгина Я. П., Смыслова В. Н. Терроризм — глобальная угроза человечеству: некоторые механизмы противодействия // Междунар. студ. науч. вестн. 2016. № 3-4. С. 57. Вернуться к статье

3. Власов В. П., Кобец П. Н., Власов Д. В. Об опыте России и государств — членов СНГ по противодействию международному терроризму // Актуальные вопросы юриспруденции и юридического образования в современных условиях : сб. ст. / под ред. В. А. Мухачева. Киров : Моск. финансово-юрид. ун-т и Нижегор. акад. МВД России, 2006. С. 118–125. Вернуться к статье

4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 534-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Кобец П. Н. Развитие правовых основ сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом // Науч. вестн. Орлов. юрид. ин-та МВД России им. В. В. Лукьянова. 2025. № 2 (103). С. 209–215. Вернуться к статье

7. Кобец П. Н. Необходимость совершенствования сотрудничества в сфере противодействия международному терроризму // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации : сб. материалов XXIX междунар. науч.-практ конф., Москва, 27 дек. 2024 г. М. : Изд-во АНО ДПО «Центр развития образования и науки», 2024. С. 45–53. Вернуться к статье

8. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 9 февр. 2012 г. № 1 : ред. от 3 нояб. 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

9. Краснова К. А. Следственно-судебная практика применения норм об ответственности за незаконный оборот оружия и бандитизм // Экономика. Право. Лингвистика. 2011. № 1. С. 62–66. Вернуться к статье

10. Краснова К. А. Противодействие реабилитации нацизма как одна из задач обеспечения обороноспособности и национальной безопасности Российской Федерации // Воен.-юрид. журн. 2025. № 1. С. 12–15. Вернуться к статье

11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 28 дек. 2024 г. № 510-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 343.2

Н. А. Кудла
адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

На территории современной Республики Беларусь, входившей в состав Российской империи, дореволюционное уголовное законодательство не предусматривало понятие административной преюдиции в ее классическом понимании. Повторность совершенных деяний не служило отягчающим фактором наступления ответственности и самостоятельным основанием для криминализации деяния ввиду отсутствия развитой системы административных правонарушений, что препятствовало формированию института административной преюдиции.

Идея усиления юридической ответственности за повторное противоправное поведение (деяние) путем формирования института административной преюдиции зародилась в советской правовой системе. Проследить возникновение института административной преюдиции можно в законодательстве Белорусской Советской Социалистической Республики (далее — БССР), однако напрямую в нормативных правовых актах БССР она не отражена. Так, Декретом Совета народных комиссаров от 23 июня 1921 г. «Об административных взысканиях» (ст. 310) регламентировалась административная ответственность за нарушение правил оптовой и розничной торговли вином [1, с. 107]. В случае повторности деяния предусматривалась уголовная ответственность, наступающая в соответствии с Декретом Совета народных комиссаров от 7 октября 1921 г. «Об ответственности за нарушение Декрета о продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин» [1, с. 113].

Административное взыскание рассматривалось как первичная мера государственного реагирования, тогда как уголовная ответственность наступала в случае повторного совершения аналогичного деяния.

Повторность административных взысканий, приводящих к уголовной ответственности, содержащуюся в санкциях отдельных правовых норм, установил Уголовный кодекс БССР от 23 сентября 1928 г., закрепивший три статьи с признаками административной преюдиции: ст. 93[а] «Неплатеж отдельными гражданами в установленный срок налогов или сборов по обязательному окладному страхованию», ст. 97 «Нарушение правил, установленных для учета

военнообязанных и военнослужащих», ст. 120[1б] «Проживание в местностях, где введена паспортная система лиц, не имеющих паспорта или временного удостоверения» [2].

Указанные уголовно-правовые нормы не изменялись, действуя до принятия 29 декабря 1960 г. Уголовного кодекса БССР, в первой редакции которого содержались пять уголовно-правовых норм с административной преюдицией: ст. 156 «Нарушение правил торговли спиртными напитками», ч. 1 ст. 163 «Незаконная охота», ч. 1 ст. 165 «Незаконная порубка леса», ст. 193 «Нарушение правил въезда или проживания в пограничной полосе», ст. 194 «Нарушение паспортных правил» [3]. В процессе развития общественных отношений и реформации уголовного закона число правовых норм с признаками административной преюдиции менялось, так как законодатель начал рассматривать административное взыскание как первичную меру государственного принуждения, тогда как уголовная ответственность наступала в случае повторного совершения аналогичного деяния. Такой подход соответствовал концепции постепенного усиления репрессивного воздействия и позволял дифференцировать уголовную ответственность.

Обретение Республикой Беларусь государственного суверенитета поспособствовало реформации отечественного законодательства, действующего со времен существования БССР, в связи с чем 9 июля 1999 г. был принят Уголовный кодекс Республики Беларусь, в котором впервые в ст. 32 был закреплен институт административной преюдиции. Указанной статьей предусматривается, что уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение [4]. Анализ рассматриваемой статьи показал, что административная преюдиция стала инструментом уголовно-правового регулирования. В настоящее время в Уголовном кодексе Республики Беларусь закреплено 30 составов преступлений с административной преюдицией.

Таким образом, проведенный историко-правовой анализ позволил выявить закономерности становления и развития института административной преюдиции, его устойчивость в правовой системе и оценку перспектив его дальнейшего развития в уголовном праве Республики Беларусь. На наш взгляд, в свете либерализации уголовной ответственности административная преюдиция нашла более широкое закрепление в нормах правовой системы суверенной Беларуси, нежели БССР, так как нормы уголовного закона в актуальной редакции отражают как изменения в обществе, так и инновации в подходах к противодействию преступности.

Список основных источников

1. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1953. 463 с. Вернуться к статье

2. Об утверждении и введении в действие Уголовного кодекса БССР в редакции 1928 г. постановление ЦИК Бел. ССР от 23 сент. 1928 г. // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. 1928. Отд. 1. № 30. Ст. 287. Вернуться к статье

3. Об утверждении Уголовного кодекса Белорусской ССР : Закон Бел. ССР от 29 дек. 1960 г. // Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР. 1961. № 1. Ст. 4. Вернуться к статье

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.79

В. И. Кузнецов
ведущий научный сотрудник
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА

В Российской Федерации должная степень противодействия преступности в области государственных закупок представляется отражением уровня готовности ее государственного механизма обеспечить полное и своевременное получение государством необходимых материальных и интеллектуальных ресурсов, а также защиту государственных интересов в этой области общественных отношений от посягательств на защищаемые законом общественные отношения в данной сфере.

Эта сама по себе нетривиальная проблема решается разнообразными правовыми средствами и инструментами, в том числе посредством формирования правового института государственного заказа (далее — ГЗ). Особое место в контрактной системе занимает государственный оборонный заказ (далее — ГОЗ). Основу правового регулирования ГЗ (ГОЗ) составляют Конституция Российской Федерации, Федеральные законы от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» и ряд других нормативных актов [1; 2; 3]. В данных актах установлены правовые основы государственного регулирования отношений, связанных с формированием, особенностями размещения, выполнения ГЗ, ГОЗ, государственного контроля (надзора) в данной сфере, а также определены иные важные вопросы.

В настоящее время наблюдается выраженное усиление внимания со стороны общества к деятельности государства в области воздействия на государственные институты [4, с. 120–152], в том числе существующие и действующие в сфере действия поставок для государственных нужд. Это выражается в изменениях, вносимых в нормативно-правовое регулирование ГЗ.

Российский законодатель разделяет указанные закупки и заказ, устанавливая ответственность за преступления, связанные с закупками,

в ст. 285.4–285.6 и 201.1–201.3, с заказом — в ст. 201^1 Уголовного кодекса Российской Федерации [5].

В доктрине не выработано общепризнанного научного определения государственного заказа. В авторском определении ГЗ представляется публично-правовым институтом реализации Конституции Российской Федерации, законов и функций российского государства в форме административного режима отношений между государством и субъектами частного права, реализующим правовой статус и процесс осуществления установленного Конституцией Российской Федерации публично-правового института государственной нужды [6, с. 14]. При этом в системе взаимодействия государства с субъектами гражданского права, в том числе в рамках контрактной системы закупок для государственных нужд [7], государство, являясь сувереном, для которого неприемлемы положения о специальной правоспособности, может выступать как субъект гражданского права [8, с. 45].

Таким образом, действующие в публичных целях институты ГЗ и госзакупок должны быть защищены уголовно-правовыми средствами.

Преступления в сфере ГЗ представляют собой серьезную угрозу для национальной экономики и общественной безопасности. Их общественная опасность заключается в нанесении ущерба экономике страны, связанного с неэффективным расходованием средств, снижением качества товаров и услуг, нарушением нормального порядка конкуренции.

Среди преступлений в сфере ГЗ наиболее распространенным выступает нецелевое использование бюджетных средств (может выражаться в установлении необоснованно высокой начальной максимальной цены контракта, которая затем снижается в процессе проведения закупочной процедуры, но остается выше предложений других потенциальных участников). Помимо этого, недобросовестные участники отношений в сфере ГЗ, пользуясь личной заинтересованностью лиц, влияющих на итоги закупочной процедуры, совершают противоправные действия по получению заранее определенного результата закупки; по сознательному искажению данных в отчетах, протоколах или договорах. Кроме того, в сфере ГЗ не редки факты коррупции, в том числе злоупотребления должностными полномочиями, а также различные виды мошеннических действий [9, с. 82–99].

Предупреждение преступлений в сфере ГЗ (ГОЗ) должно базироваться на комплексе правовых, организационных и иных мер. В доктрине отмечается необходимость повышения прозрачности системы госзакупок с тем, чтобы информация была доступной для всех потенциальных участников торгов, чтобы были также понятны принципы формирования заказов и цен, критерии оценки

предложений. Помимо этого, общественность должна иметь возможность проводить независимый мониторинг в сфере государственных закупок. Следует шире использовать цифровые технологии, чтобы минимизировать человеческий фактор и сократить время на осуществление госзакупок. Все это будет способствовать повышению честной конкуренции между хозяйствующими субъектами, устранению преступных сговоров.

Помимо прочего, следует запретить лицам, совершившим наиболее общественно опасные деяния в сфере ГЗ, дальнейшую деятельность в сфере заключения государственных и муниципальных контрактов.

Как отмечают ученые [10, с. 118], противодействие экономической и коррупционной преступности, проявлением которой является злоупотребление в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, требует комплексных предупредительных мер, субъектом применения которых являются органы государственной власти. Достижение положительных результатов от их применения будет возможным только в случае осознания представителями контрактных государственных и муниципальных служб экономической невыгодности совершения корыстных правонарушений, а также невозможности скрыть факт совершения правонарушения и суммы дохода, незаконно полученного от злоупотребления своим служебным положением.

Список основных источников

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 1 июля 2020 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] : Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ : в ред. от 28 дек. 2025 г. № 507-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. О государственном оборонном заказе [Электронный ресурс] : Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 275-ФЗ : в ред. от 15 дек. 2025 г. № 471-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Уголовно-правовая охрана национальных интересов / В. Ю. Артемов [и др.]. М. : Проспект, 2025. 272 с. Вернуться к статье

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 534-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

6. Кузнецов В. И. Правовое регулирование института государственного заказа : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации М., 2005. 226 с. Вернуться к статье

7. Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] // Рувики : [сайт]. URL: https://bigenc.ru/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%D0%B2_%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5_%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D1%83%D0%BF%D0%BE%D0%BA_%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2,_%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82,_%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3_%D0%B4%D0%BB%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%B8_%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%BD%D1%83%D0%B6%D0%B4 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Братусь С. Н. Юридическая личность государства и бюджетных учреждений // Ученые труды. Вып. IX / под ред. Т. И. Голякова ; ВИЮН МЮ СССР. М., 1947. С. 3–46. Вернуться к статье

9. Уголовная ответственность за преступления в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд : науч.-практ. пособие / В. Ю. Артемов [и др.]. М. : Инфотропик Медиа, 2024. 268 с. Вернуться к статье

10. Морозов Н. А. Обеспечение предупреждения преступлений в сфере закупок товаров для государственных или муниципальных нужд // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки, 2019. С. 114–119. Вернуться к статье

УДК 343.01

С. Я. Лебедев
заведующий кафедрой уголовного права и адвокатуры
Российского государственного университета
имени А. Н. Косыгина (г. Москва),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНТРОЛЯ НАД ИННОВАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Специалисты в области уголовного права и криминологии обоснованно оценивают сегодняшнее виртуальное информационно-телекоммуникационное (цифровое) пространство как приоритетный антикриминогенный объект инновационного правоохранительного контроля. Происходящие в нынешнюю мега-технологическую эпоху из цифровой среды масштабные криминогенные и собственно криминальные акции предопределяют насущную потребность государства, общества, наконец, любого человека в формировании и прогрессивном развитии адекватного инновационной разрушительной силе таких угроз правоохранительного ресурса. Несомненно, его следует рассматривать в целом в качестве перспективного уголовно-политического приоритета.

Между тем все свидетельствует о том, что и уголовный закон, и практика его применения в отношении инновационных цифровых преступлений пока пребывают в некоторой стагнации. Отчасти это может быть связано с тем, что уголовно-правовые признаки преступлений, приобретающих в киберпространстве соответствующие инновационно-технологические формы, не изменяют в целом существующей содержательной уголовно-правовой оценки не только самих этих преступных деяний, но и традиционных уголовных наказаний за их совершение. Потому и процесс криминализации новых общественно опасных деяний, исходящих из киберпространства, идет в уголовном праве своим обычным путем, фактически всего лишь дополняя уже установленные уголовным законом деяния определением сопряженности их с информационно-телекоммуникационными технологиями.

Наказание же за совершение так называемых киберпреступлений и по-давно остается неизменным и по форме, и по содержанию. Видимо, опять-таки оттого, что, стремясь к реализации уголовной ответственности, принимая на себя функцию защиты государства, общества, личности от преступности, уголовное право своими традиционными наказаниями до сих пор нацеливается

на ограничение (лишение) *физической* свободы физических лиц, достойных, по оценке уголовного права и его применителей, таких лишений.

То есть существующее уголовное право в новых информационно-технологических реалиях не замечает главного, а именно — *цифрового* — качества таких инновационных преступлений и, соответственно, достигаемой с помощью программного цифрового «щита» любым использующим его «злодеем» анонимности своего криминального поведения и, как результат, относительной безопасности достижения криминального успеха без каких-либо рисков быть привлеченным к уголовно-правовой ответственности.

В итоге существующий уголовный закон, нацеленный на традиционные формы общественно опасного деяния, просто не «дотягивается» своим «ручным» механизмом до цифрового преступления и тем более цифрового преступника. А потому, сколь бы активно уголовный закон ни стремился с помощью специалистов в области уголовного права «отформатировать» в этом своем обычном качестве новые цифровые образы уголовно наказуемых деяний, все равно реально настигнуть их своим пока еще «аналоговым» ресурсом он будет не в состоянии.

Разумеется, сегодня в области цифровых социальных коммуникаций, как, собственно, и в реальном мире, существует множество иных, не обладающих, в отличие от уголовного права, репрессивным потенциалом и не требующих обладания таковым, ресурсов и механизмов, нацеленных на законопослушное регулирование, в том числе отношений, развивающихся в цифровой среде (технических, информационных, телекоммуникационных, искусственноинтеллектуальных и др.). Но, как известно, последние, в отличие от уголовно-правового потенциала, априори не имеют таких жестких инструментов правовой ответственности, реализация которых способна лишить субъекта, нарушившего своим деянием права, свободы и законные интересы других субъектов общественных отношений, привычных для него социальных коммуникаций. Максимум, на что сориентированы, даже при всей своей технологической результативности, существующие информационно-телекоммуникационные ресурсы фактической (не юридической) нейтрализации криминогенных угроз в киберпространстве — на *пресечение* криминальной, по своей сути, атаки в киберпространстве, но никак не на привлечение инициировавшего ее лица к какой-либо правовой, а уж тем более уголовно-правовой ответственности.

В итоге чаще всего киберпреступники остаются без уголовного наказания. Таким образом, нивелирование отмеченными цифровыми реалиями уголовно-правового принципа неотвратимости уголовной ответственности и уголовного наказания за совершение цифрового преступления влечет

катастрофические масштабы уголовно-правовой безнаказанности, чем еще более обостряет эскалацию преступности цифрового мира.

Потому, ориентируясь на существующую обеспечительную уголовной ответственностью и уголовным наказанием доктрину уголовного права, принимающую на себя ответственную миссию защиты таким путем государства, общества, личности от преступности, а точнее от преступника и его преступного деяния, в условиях, когда достичь этой цели в цифровом пространстве с помощью существующего аналогового уголовного правоприменения не представляется возможным, единственно верным решением видится установление для так называемых цифровых преступников *цифровой* уголовной ответственности и следующего за ней цифрового уголовного наказания.

Представляется, что фактически такое уголовное наказание должно быть перевоплощенным (модернизированным) из привычного традиционного формата *в онлайн уголовное наказание лицу, совершившему преступление в том самом онлайн-пространстве*.

Таким образом, с учетом осознания необходимости цифровой модернизации уголовного права в эпоху глобальной цифровизации профессиональному сообществу специалистов в области контроля над преступностью предлагается к обсуждению для последующего воплощения в законодательном и правоприменительном форматах *инновационный высокотехнологичный, не имеющий аналогов в мировой информационно-технологической и правоохранительной практике обеспечения кибербезопасности авторский научно-исследовательский проект цифрового уголовно-правового контроля над киберпреступностью — цифровое уголовное право* [1].

В проекте обосновывается целесообразность внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [2] в части дополнения его определениями *цифровых преступлений* и инновационных *цифровых наказаний* за их совершение с последующим созданием для их практической реализации в правоохранительной практике официально принимаемого и далее контролируемого государством соответствующего программного информационно-технологического продукта, направленного на:

− *Автоматическое искусственно интеллектуальное выявление, предупреждение и нейтрализацию в виртуальном и реальном пространствах информационно-технологических (цифровых) и производных от них криминогенных деяний* (кибернасилие, киберкража, кибермошенничество, киберэкстремизм, кибертерроризм и др.), формально подпадающих под признаки реальных преступлений, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, однако в силу

своего «аналогового» свойства и такого же «аналогового» правоприменения не способных достичь реального и адекватного правоохранительного успеха в виртуальном пространстве.

− Назначение и реализацию за совершение цифровых преступлений инновационных цифровых уголовных наказаний по принципу *«цифровому преступнику — цифровую уголовную ответственность и цифровое уголовное наказание»*. Таковое представляет собой цифровое лишение преступника киберсвободы на определенный срок с применением к нему в сетевом пространстве правоохранительными органами на основе решения суда при помощи специально созданного для этих целей программного информационно-технологического алгоритма, *длительной* блокировки всех его цифровых коммуникаций («забанивание»), технологически создающей для виновного лица препятствие для всякой новой телекоммуникации на весь период лишения киберсвободы, в какой бы юрисдикции и в каком бы пространстве это лицо не находилось и какими бы техническими средствами для восстановления телекоммуникации оно не попыталось воспользоваться вновь.

Предлагаемый новый информационно-технологический концепт модернизации уголовно-правового ресурса, превентивно нацеленного на инновационную преступность, должен, на авторский взгляд, включать в себя *модернизацию (трансформацию, реконструкцию, переформатирование)* под цифровые стандарты существующих уголовно-правовых форм воздействия на преступления (преступность), оставляя в них по большей части классическое уголовно-правовое и криминологическое содержание, адаптированное к цифровой реальности.

Список основных источников

1. Лебедев С. Я., Джафарли В. Ф. Цифровое уголовное право : моногр. М. : Проспект, 2025. 392 с. Вернуться к статье

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 534-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 343.13

О. И. Левшук
начальник кафедры расследования преступлений
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

УПРОЩЕНИЕ ПОРЯДКА ОЗНАКОМЛЕНИЯ С НАЗНАЧЕНИЕМ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФОРМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ И УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Основная цель использования специальных знаний — содействие в получении доказательств, обеспечивающих полное, всестороннее и объективное расследование и судебное рассмотрение уголовного дела с целью установления истины [1, с. 35]. Роль сведущих лиц (специалистов, экспертов) определяется через выполняемые ими функции. К таковым функциям относятся:

− *поисковая,* выражающаяся в обнаружении, изъятии следов преступления, объектов (предметов), имеющих значение для дела; в установлении мест нахождения преступника, похищенного имущества;

− *исследовательская,* заключающаяся в предварительном анализе следов преступления и объектов (предметов), результаты которого имеют ориентирующий характер и важны для поиска преступника, выдвижения версий об обстоятельствах совершения противоправного деяния; в проведении судебной экспертизы;

− *справочно-консультационная,* проявляющаяся в предоставлении сведений криминалистических учетов и коллекций; даче рекомендаций по назначению судебных экспертиз (по постановке вопросов, определению необходимых для экспертного исследования предметов, объектов, материалов дела);

− *организационно-техническая,* состоящая в техническом обеспечении процессуального действия;

− *профилактическая,* выражающаяся в установлении причин и условий, способствовавших совершению преступления, и формировании рекомендаций по их устранению, т. е. по решению профилактических задач.

Проведенное исследование позволило выделить не только вышеуказанные функции, но и формы использования специальных знаний на досудебных стадиях и в ходе судебного производства.

Так, специальные знания могут быть использованы в *процессуальной* и *непроцессуальной формах*.

Виды процессуальной формы прямо предусмотрены в уголовно-процессуальном законе, а именно:

1) участие сведущего лица и оказание им содействия в производстве процессуальных действий (п. 3 ч. 1 ст. 61, ч. 1 и п. 4 ч. 3 ст. 62, ст. 63, ст. 200, ст. 201, ч. 5 ст. 204, ст. 206, ст. 207, ч. 4 ст. 210, ст. 221, ч. 3 ст. 225, ч. 4 ст. 234 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь)) [2];

2) непосредственное применение специальных знаний сведущим лицом в работе с научно-техническими средствами (ч. 3 ст. 62 УПК Республики Беларусь);

3) проведение судебных экспертиз (глава 26 УПК Республики Беларусь).

Непроцессуальная форма использования специальных знаний реализуется согласно иным правовым актам (за исключением УПК Республики Беларусь) или по усмотрению лица, производящего дознание, следователя, прокурора, судьи. К данной форме относятся:

1) консультативно-справочная деятельность сведущих лиц;

2) предварительный анализ следов преступления, объектов (предметов);

3) техническая помощь сведущих лиц в виде проверки технического состояния оргтехники, применение которой планируется при проведении следственных и иных процессуальных действий;

4) участие сведущих лиц в формировании предложений профилактического характера.

Одной из самых распространенных процессуальных форм использования специальных знаний при производстве по материалам и уголовным делам является проведение экспертизы. По мнению профессора А. В. Дулова, «для правильного решения вопроса о назначении экспертизы необходимо знание криминалистической структуры данного вида преступления (какие факты и связи между ними должны быть установлены в итоге расследования); всестороннее знание и анализ собранной по делу информации; знание научных возможностей предполагаемого к назначению вида судебной экспертизы» [3, с. 376].

Анализ следственной практики указывает на единичный характер заявления ходатайств участниками уголовного процесса об ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы. Соответственно, реализация ими данного права, предусмотренного ст. 229 УПК Республики Беларусь, не рассматривается как действенный инструмент защиты в условиях состязательности сторон.

Однако наличие обязанности следователя (лица, производящего дознание) ознакомить участников процесса с постановлением о назначении экспертизы до его направления для исполнения сказывается на оперативности расследования.

Ввиду отсутствия поддержки со стороны органов прокуратуры и судебных органов в части исключения из уголовно-процессуального закона вышеуказанной обязанности и в целях оптимизации уголовного процесса в рамках Концепции правовой политики, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 [4], а также соблюдения уголовно-процессуальных гарантий реализации участниками уголовного процесса своих прав и интересов видится целесообразным внести следующие предложения относительно совершенствования порядка ознакомления с назначением экспертизы.

Часть 4 ст. 227 УПК Республики Беларусь сегодня нуждается в дополнении. Из ее содержания следует, что с постановлением о назначении экспертизы знакомится только «защитник обвиняемого, в отношении которого вынесено постановление о проведении специального производства, при назначении экспертизы, касающейся установления обстоятельств, имеющих значение для выдвинутого обвинения» [2]. При этом не учтены положения ст. 45 УПК Республики Беларусь, предусматривающей случаи обязательного участия защитника, когда подозреваемый или обвиняемый: являются несовершеннолетними; не владеют языком, на котором ведется производство по уголовному делу, либо являются неграмотными. Данное дополнение позволит соблюсти логическую связь между уголовно-процессуальными нормами, регламентирующими право на защиту подозреваемому или обвиняемому.

Кроме того, видится оправданным дополнить ч. 4 ст. 227 УПК Республики Беларусь обязанностью ознакомления с постановлением о назначении экспертизы законного представителя потерпевшего, представляющего интересы последнего по уголовному делу, который вправе участвовать «в производимых органом уголовного преследования с участием представляемого им лица следственных и иных процессуальных действиях» (п. 4 ч. 1 ст. 57 УПК Республики Беларусь).

Для упрощения порядка ознакомления с назначением экспертизы предлагается в бланке постановления о назначении экспертизы предусмотреть графы для проставления отметки о разъяснении прав, предусмотренных ст. 229 УПК Республики Беларусь, отражения заявлений и замечаний, поступивших от участников следственного действия. Это позволит сэкономить время, которое затрачивается на составление протокола ознакомления подозреваемого,

обвиняемого, потерпевшего, законного представителя, свидетеля, защитника с постановлением о назначении экспертизы. Данное предложение должно найти свое отражение в главе 26 УПК Республики Беларусь.

Таким образом, высказанные предложения по совершенствованию уголовного процесса в части ознакомления с назначением экспертизы позволят рационализировать, повысить его эффективность, снизить процессуальные издержки по уголовным делам.

Список основных источников

1. Егоров В. П., Ефременко Н. В. Теоретические основы экспертизы : курс лекций. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. 160 с. Вернуться к статье

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. Минск : Экоперспектива : Лерокс, 1998. 415 с. Вернуться к статье

4. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 : в ред. от 14 марта 2024 г. № 96. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.231

А. В. Лупенков
старший преподаватель кафедры
административной деятельности органов внутренних дел
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕЮДИЦИОННЫЙ РЕЦИДИВ

Системные исследования преступности, причин и условий, способствующих возникновению преступного поведения, проведенные в течение многих лет, позволили прийти к пониманию, что центральное место в предупреждении преступности занимает личность преступника и связь конкретных ее особенностей с преступным поведением.

В дисциплинах уголовно-правового цикла личность преступника является объектом пристального внимания, однако степень разработанности указанной темы в различных науках указанного цикла различна. Так, в криминологии изучению личности преступника посвящен целый раздел, а наука уголовного права оперирует понятиями субъекта преступления и субъективной стороны преступления, не акцентируя внимание на выработке собственно понятия личности преступника, при этом широко использует криминологическую информацию о личности для решения научных проблем индивидуализации наказания, уголовной ответственности, предупреждения преступлений уголовно-правовыми средствами.

Изучение личности правонарушителя, то есть лица, совершающего административное правонарушение, в том числе совершающего правонарушения неоднократно и системно, с учетом того, что при наличии определенных условий такие деяния, совершенные последовательно, образуют так называемый административно-преюдиционный рецидив, влекущий за собой привлечение к уголовной ответственности, также является актуальной задачей. Следовательно, и предупреждение совершения повторных административных правонарушений должно являться частью системы предупреждения преступности в Российской Федерации и должно функционировать в контексте осуществления мер предупреждения всей преступности в целом с учетом специфики указанных преступлений.

Сравнивая механизмы преступного и противоправного поведения, мы можем прийти к выводу о том, что они одинаковы, состоят из трех элементов:

мотивации, планирования и реализации — и тесно связаны с личностью виновного. Изучая общее понятие личности, мы можем встретить в специализированной литературе различные ее определения. Так, «Большой энциклопедический словарь» содержит следующее определение личности: «1. Человек как субъект отношений и сознательной деятельности. 2. Устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена общества или общности» [1, с. 653]. «Толковый словарь русского языка», в свою очередь, дает следующее определение: «Человек как носитель каких-нибудь свойств» [2, с. 330]. В. Н. Кудрявцев в своих исследованиях пришел к выводу о том, что нетрудно сконструировать формальное понятие личности правонарушителя — это личность человека, совершившего правонарушение. Однако это понятие не будет иметь смысла без установления характерных черт личности, отличающих законопослушного гражданина от правонарушителя и правонарушителей друг от друга, поскольку лица, совершающие тяжкие преступления, отличаются как от лиц, совершающих административные правонарушения, так и от лиц, допустивших деликт в сфере гражданского права [3, с. 191].

В настоящее время существует большое количество определений личности, однако общим для всех определений выступает характеристика личности как набора социально значимых черт, проявляющихся только при взаимодействии индивида и общества. Применительно к преступнику и правонарушителю эти черты, как правило, будут носить негативный характер.

В криминологической науке на всем протяжении ее развития предпринимались неоднократные попытки выработать единый подход к модели личности преступника, к элементам ее структуры, классификации групп характеристик личности преступника. Различными авторами выделяются социально-демографические, уголовно-правовые, нравственно-психологические, социально-психологические, индивидуально-психологические, физико-биологические характеристики личности преступника [4, с. 298–302; 5, с. 84; 6, с. 92–93].

Часть этих характеристик личности, таких как уголовно-правовые, социально-демографические, находят свое отражение в официальной статистике лиц, осужденных за совершение административно-преюдиционного рецидива. Остальные характерные черты личности преступника возможно установить только в ходе проведения специальных исследований. Анализ статистических данных [7; 8; 9; 10] позволяет выделить основные характерные черты указанных лиц: принадлежность к мужскому полу, низкий уровень образования и

трудовой квалификации, отсутствие постоянного источника дохода, устойчивость противоправного поведения.

Во многих случаях указанные характерные черты будут присущи и правонарушителю, впервые совершающему административное правонарушение. Однако, сравнивая характерные черты личности правонарушителя, впервые совершающего административное правонарушение, и лица, осужденного за совершение административно-преюдиционного рецидива, следует учитывать, что преступник проявляет стойкую антиобщественную направленность. То есть при совершении первого административного правонарушения лицо умышленно осуществляет действия, предусмотренные диспозицией статьи, то есть предвидит наступление общественно опасных последствий. Совершая схожее деяние второй раз в течение периода, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию за совершение первого административного правонарушения, виновное лицо также осознает противоправный характер своих действий и умышленно нарушает установленные законом правила, что во многом сближает указанных лиц с преступниками. Учитывая, что многие правонарушения совершаются в условиях неожиданно сложившейся ситуации, сделать вывод о стойкой антиобщественной направленности личности правонарушителя, впервые совершающего административное правонарушение, не представляется возможным.

Основное отличие личности правонарушителя от личности преступника следует искать в мотивационной сфере, поскольку каждый поступок и все поведение индивида определенным образом мотивировано. Соответственно, и мотивы, побуждающие лицо совершить преступление, административное правонарушение (в том числе повторно), будут различными и на предметном, и на смысловом уровне. Так, мотивация руководителя предприятия, не выплатившего вовремя сотрудникам заработную плату, и мотивация подростка с неокрепшей психикой, совершившего хулиганские действия в состоянии опьянения, в любом случае отличаются от мотивов лица, планирующего убийство, по уровню социального конфликта, для разрешения которого совершается деяние.

Таким образом, для формирования системы профилактики неоднократного совершения административных правонарушений, помимо учета характерных признаков личности, содержащихся в статистических данных, необходимым является глубокое изучение личности правонарушителя.

Список основных источников

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Рос. энцикл., 1998. 1456 с. Вернуться к статье

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук ; Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1998. 944 с. Вернуться к статье

3. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М. : Наука, 1976. 286 с. Вернуться к статье

4. Долгова А. И. Российская криминологическая энциклопедия. М., 2000. 808 с. Вернуться к статье

5. Алексеев А. И. Криминология : курс лекций. М., 2006. 331 с. Вернуться к статье

6. Шиханцов Г. Г. Криминология : учеб. для вузов. М. : Зерцало-М, 2001. 359 с. Вернуться к статье

7. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год [Электронный ресурс] // Судеб. департамент при Верхов. Суде Рос. Федерации : [сайт]. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7649 (дата обращения: 01.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год [Электронный ресурс] // Судеб. департамент при Верхов. Суде Рос. Федерации : [сайт]. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823 (дата обращения: 01.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

9. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год [Электронный ресурс] // Судеб. департамент при Верхов. Суде Рос. Федерации : [сайт]. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 01.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

10. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2025 года [Электронный ресурс] // Судеб. департамент при Верхов. Суде Рос. Федерации : [сайт]. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303 (дата обращения: 01.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.13

О. В. Макарова
ведущий научный сотрудник центра
уголовного и уголовно-процессуального законодательства
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИЛИ ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ?

Современное уголовное судопроизводство развивается в условиях трансформации форм преступности и увеличения нагрузки на правоохранительные и судебные органы. В ответ на эти вызовы законодатель последовательно расширяет сферу применения согласительных механизмов, направленных на оптимизацию процессуальной деятельности [1, с. 98].

Однако активное внедрение упрощенных процедур вызывает научную дискуссию: являются ли они действенным инструментом повышения эффективности борьбы с преступностью либо способствуют формализации правосудия и размыванию его принципиальных основ?

Поставленный вопрос имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку затрагивает фундаментальный баланс между публичными интересами государства и гарантиями прав личности в уголовном процессе.

1. Теоретико-правовая природа согласительных механизмов.

Согласительные механизмы представляют собой предусмотренные законом формы разрешения уголовно-правового конфликта, основанные на добровольном волеизъявлении обвиняемого (а в ряде случаев — потерпевшего) при обязательном судебном контроле. Их сущность заключается в трансформации традиционной модели уголовного преследования, где доминирует публичное начало, в более гибкую конструкцию, включающую элементы диспозитивности [2, с. 38].

В классической доктрине уголовный процесс рассматривается как публичная деятельность государства по установлению истины и применению уголовного закона. Согласительные механизмы модифицируют данную парадигму, допуская определенную степень договорного начала. Однако в отличие от гражданско-правовых отношений, диспозитивность в уголовной сфере носит ограниченный характер: окончательное решение остается за судом, а государственный интерес сохраняет приоритет [3, с. 346].

Таким образом, правовая природа согласительных процедур является смешанной, что предопределяет их дискуссионный статус в теории уголовного процесса.

2. Эффективность согласительных механизмов в системе противодействия преступности.

2.1. Процессуальная экономия как фактор рационализации правоприменения.

Одним из ключевых аргументов в пользу расширения согласительных процедур является их вклад в сокращение сроков уголовного судопроизводства. Упрощенный порядок рассмотрения дел позволяет минимизировать объем судебного следствия, сократить количество процессуальных действий и снизить нагрузку на судейский корпус.

Это, в свою очередь, создает возможность концентрации ресурсов на расследовании сложных, многоэпизодных и организованных преступлений. С позиции управленческой логики такая модель выглядит оправданной.

2.2. Стимулирование сотрудничества с органами расследования.

Предоставление обвиняемому определенных преференций в обмен на признание вины или содействие следствию усиливает раскрываемость преступлений, особенно в сфере организованной и коррупционной преступности.

Согласительные механизмы выполняют стимулирующую функцию, побуждая участников преступных сообществ к сотрудничеству с государством. Это повышает уровень выявляемости латентных преступлений и способствует укреплению превентивного потенциала уголовного закона [4, с. 128].

2.3. Восстановительный потенциал.

В случаях примирения сторон и возмещения вреда достигается восстановление нарушенных прав потерпевшего [5, с. 13]. Такой подход сближает уголовное судопроизводство с концепцией восстановительного правосудия, акцентируя внимание не только на карательной, но и на компенсаторной функции уголовной ответственности [6, с. 70].

3. Риски формализации правосудия.

Несмотря на очевидные преимущества, расширение сферы согласительных механизмов сопровождается рядом рисков.

3.1. Снижение стандарта доказывания.

Упрощенный порядок рассмотрения дела не предполагает полноценного судебного исследования доказательств. Суд, как правило, ограничивается проверкой добровольности признания и достаточности представленных материалов.

Возникает опасность смещения акцента с установления фактической истины на формальное подтверждение согласия обвиняемого. В таких условиях существует риск вынесения приговоров без всестороннего анализа доказательственной базы.

3.2. Потенциальное давление на обвиняемого.

Обвиняемый может соглашаться на упрощенную процедуру не из внутреннего убеждения, а под воздействием страха перед более строгим наказанием. Фактически выбор между полной процедурой и согласительной формой может носить принудительно-альтернативный характер.

В этой связи необходимо обеспечить усиленный судебный контроль, а также участие адвоката.

4. Баланс публичных интересов и гарантий личности.

Ключевым условием легитимности согласительных механизмов является соблюдение принципа баланса. Государство заинтересовано в эффективной борьбе с преступностью, однако эта цель не может оправдывать ослабление процессуальных гарантий.

Необходимыми элементами такого баланса выступают: обязательность участия защитника; детальная проверка добровольности и осознанности согласия; судебная оценка достаточности доказательств; обеспечение права обвиняемого отказаться от согласительной процедуры; прозрачность и мотивированность судебных решений. Только при наличии данных гарантий согласительные механизмы могут рассматриваться как инструмент повышения эффективности, а не как средство формального разрешения дел.

Таким образом, согласительные механизмы в уголовном процессе обладают потенциалом в сфере борьбы с преступностью, способствуя процессуальной экономии и сотрудничеству с органами расследования, однако их чрезмерное расширение может привести к формализации правосудия и снижению стандартов доказывания. Поэтому их применение оправданно лишь при строгом соблюдении принципов законности, добровольности и полноценного судебного контроля, обеспечивающих баланс публичных интересов и прав личности.

Список основных источников

1. Проблемы развития процессуального права России : моногр. / под ред. В. М. Жуйкова ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. М. : Норм : ИНФРА-М. 2016. 224 с. Вернуться к статье

2. Макарова О. В. Перспективы развития института примирения сторон в российском уголовно-процессуальном законодательстве // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-

процессуального законодательства : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / Акад. упр. МВД России. М., 2014. Ч. 2. С. 38–43. Вернуться к статье

3. Макарова О. В. Согласительные (договорные) формы в уголовном праве и уголовном процессе: специфика и сфера действия // Договор как общеправовая ценность : моногр. / В. Р. Авхадеев [и др.] ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. М. : Статут, 2018. С. 346–356. Вернуться к статье

4. Гуманизация современного уголовного законодательства : моногр. / под общ. ред. В. П. Кашепова. М. : Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : ИНФРА-М, 2015. 336 с. Вернуться к статье

5. Макарова О. В. Заглаживание причиненного потерпевшему вреда как обязательное условие прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве: организационные, правовые и криминалистические проблемы : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / Акад. упр. МВД России. М., 2016. Ч. 2. С. 13–18. Вернуться к статье

6. Макарова О. В. Медиация в уголовном процессе: восстановительное правосудие как новая парадигма разрешения конфликтов // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. 2025. № 3. С. 70–78. Вернуться к статье

УДК 343.21

В. В. Маркина
судья Брестского областного суда,
магистрант Академии управления при Президенте Республики Беларусь

УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Проблема разграничения смежных и конкурирующих уголовно-правовых норм, особенно при введении нового состава, сходного с действующим, регулярно обсуждается в науке. Согласимся с мнением А. В. Корнеевой, которая подчеркивает, что «неверное определение того, какими являются составы — смежными или конкурирующими, имеет очень важное значение, поскольку влияет на правильность квалификации преступлений» [1, с. 59].

Наглядным примером обозначенной проблемы является ситуация, сложившаяся в правоприменительной практике после внесения изменений в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) Законом Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З, который дополнил ст. 423 частью второй, устанавливающей ответственность за злостное уклонение от отбывания дополнительных наказаний в виде штрафа и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [2].

В правоприменительной практике отсутствует единообразие в квалификации действий лиц, злостно уклоняющихся от отбывания дополнительного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами. При аналогичных обстоятельствах в одних случаях виновных осуждают по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 317^2 и ч. 2 ст. 423 УК Республики Беларусь [3], а в других — привлекают к ответственности только по ст. 317^2 УК Республики Беларусь, криминализирующей неоднократное управление транспортным средством лицом, не имеющим на это права.

Хотя в УК Республики Беларусь прямо не используется термин «конкуренция норм», ч. 2 ст. 42 закрепляет базовый принцип квалификации, направленный на разрешение противоречий между общей и специальной нормами, отдавая предпочтение применению специальной нормы. В соответствии с разъяснениями, приведенными в «Научно-практическом комментарии к Уголовному кодексу Республики Беларусь», общая норма распространяется на все

разновидности конкретного преступного деяния, включая те, которые подпадают под признаки нормы специальной. Специальная же норма охватывает лишь отдельную часть таких преступлений, полностью соответствующих общей норме, но характеризующихся наличием особого (специального) признака [4, с. 251].

Обращаясь к составам, предусмотренным ст. 317^2 и ч. 2 ст. 423 УК Республики Беларусь, на первый взгляд можно предположить, что ч. 2 ст. 423 является общей нормой (так как охватывает уклонение от лишения любого права), а ст. 317^2 — специальной (конкретизирующей уклонение от лишения права управления транспортом). Однако более детальное сопоставление составов выявляет существенные различия, не позволяющие говорить об их соотношении как общей и специальной норм.

Во-первых, различаются непосредственные объекты посягательства. Статья 317^2 УК Республики Беларусь охраняет общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта. В то же время ч. 2 ст. 423 УК Республики Беларусь защищает интересы правосудия, а именно установленный порядок исполнения судебных актов.

Во-вторых, различна объективная сторона. Состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 423 УК Республики Беларусь, выражается в злостном уклонении от отбывания наказания в виде лишения права, которое заключается в продолжении нарушения порядка отбывания наказания после официального предупреждения. Согласно ст. 35 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, к таким нарушениям, помимо управления транспортным средством (что образует объективную сторону ст. 317^2), относятся, например, непредставление сведений о месте работы или жительства, неявка для прохождения принудительного лечения [5]. Таким образом, диспозиция ст. 317^2 УК Республики Беларусь описывает лишь один из возможных способов совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 423 УК Республики Беларусь.

В-третьих, различный круг субъектов преступления. Субъектом по ч. 2 ст. 423 УК Республики Беларусь может быть только осужденный, которому назначено дополнительное наказание в виде лишения права. Субъектный состав по ст. 317^2 УК Республики Беларусь значительно шире и включает как лиц, лишенных права управления по решению суда или в административном порядке, так и тех, кто никогда такого права не имел.

В-четвертых, квалификация исключительно по ст. 317^2 УК Республики Беларусь в случае злостного уклонения от отбывания наказания в виде лишения права управления транспортным средством создает дисбаланс. Это ставит в более выгодное положение лиц, вообще не имевших водительского

удостоверения, по сравнению с теми, кто был лишен судом иного права. Также, если усматривать конкуренцию норм, необоснованное преимущество получают осужденные, чье уклонение выразилось именно в вождении автомобиля, тогда как лица, уклонившиеся иным способом (подпадающим только под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 423 УК Республики Беларусь), оказываются в менее выгодном положении с точки зрения санкций.

Резюмируя изложенное, представляется ошибочной квалификация действий лица, отбывающего дополнительное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами, выразившихся в неоднократном управлении такими средствами, только по ст. 317^2 УК Республики Беларусь. Подобные действия образуют идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст. 317^2 и ч. 2 ст. 423 УК Республики Беларусь, поскольку посягают на два разных охраняемых законом объекта и содержат признаки обоих составов.

Список основных источников

1. Корнеева А. В. Смежные и конкурирующие нормы: вопросы квалификации [Электронный ресурс] // Вестн. Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 4. С. 58–65. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/2343/2367 (дата обращения: 23.12.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь : в 2 т. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. Минск : Амалфея, 2025. Т. 1. Общая часть. 776 с. Вернуться к статье

УДК 343.2/.7

В. Н. Маркотенко
преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности,
адъюнкт Сибирского юридического института МВД России

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Современной чертой наркопреступности в Российской Федерации стало увеличение ее количественно-качественных характеристик. Регистрируется увеличение не просто числа наркопреступлений, а именно квалифицированных составов, связанных со сбытом наркотиков, совершенных групповым способом с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [1, с. 108]. Актуальность уголовно-правового противодействия групповой наркопреступности практически никем не оспаривается.

Вместе с тем по-прежнему в правоприменительной деятельности наблюдаются неоднозначные подходы, в научном сообществе продолжаются дискуссии относительно квалификации действий соучастников незаконного оборота наркотических средств, что негативно влияет на противодействие групповой наркопреступности уголовно-правовыми средствами.

Так, фигуру непосредственного исполнителя различные исследователи видят по-разному. Одни утверждают, что к нему следует относить любое лицо, совершившее общественно опасное деяние, в том числе и единолично. Другие, наоборот, утверждают, что исполнитель — это всегда соучастник.

К выводу об употреблении понятия «исполнитель» лишь в учении о соучастии приходят многие исследователи, в том числе ряд авторитетных ученых. Так, Ф. Г. Бурчак отмечает, что исполнитель мыслим, исключительно когда наряду с ним действуют и иные лица, выполняющие иную социальную роль организаторов, подстрекателей и пособников [2, с. 137].

П. Ф. Тельнов в своих трудах, размышляя о категории «исполнитель», поддерживает мнение, что исполнитель — соучастник, непосредственно либо посредством иного лица полностью либо частично выполнивший внешнюю, объективную, сторону преступления [3, с. 39]. М. И. Ковалев подчеркивает, что понятие исполнителя относительно и оно касается только соучастия в преступлении, потому как нельзя говорить об исполнителе, когда в преступлении задействовано всего одно лицо [4, с. 96].

Сторонники таких суждений обосновывают свое мнение тем, что фигура исполнителя отражена исключительно в институте соучастия, а также тем, что в ч. 1 ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК

Российской Федерации) [5] обозначено, что соучастниками преступления, наряду с исполнителем признаются организатор, подстрекатель и пособник, и подчеркивают, что только в соучастии имеется фигура исполнителя, которая не может существовать самостоятельно без организатора, подстрекателя и пособника. То есть феномен «исполнителя» появляется лишь тогда, когда необходимо распределить роли совместно действующих лиц.

Иной точки зрения, а именно о существовании единоличного исполнителя, придерживаются ряд практических работников и теоретиков. Так, Д. М. Молчанов приходит к выводу, что «исполнитель преступления» — универсальное понятие для описания деяния, составляющего объективную сторону преступления, совершаемого как в соучастии, так и единолично [6, с. 107]. А. Е. Лебедев солидарен также в этом вопросе и отмечает, что уголовное законодательство выделяет единоличного исполнителя преступления и соисполнителя [7, с. 120]. А. В. Шеслер, давая характеристику исполнителю, не уделяет внимание факту совершения им преступления единолично или в группе, единственным важным аспектом для данного лица считает выполнение объективной стороны состава преступления: «Собственно исполнителем преступления является лицо, непосредственно совершившее преступление, то есть лицо, самостоятельно выполнившее конкретный состав преступления, предусмотренный статьей Особенной части УК РФ, прежде всего деяние, входящее в объективную сторону этого состава преступления» [8, с. 91].

Разделяя мнение о признании исполнителем в том числе единолично действующее лицо, приходим к такому выводу по следующим соображениям:

– Анализируя положения ч. 1 ст. 33 УК Российской Федерации, полагаем, что фраза «наряду с исполнителем» может также трактоваться и в ином, обратном значении, а именно в контексте акцессорной теории соучастия, согласно которой действия исполнителя являются обязательными для квалификации преступления как такового, а действия иных соучастников носят дополнительный (акцессорный) характер. Поэтому полагаем, что фразу «наряду с исполнителем» возможно трактовать таким образом, что только при наличии исполнителя возможно соучастие в наркопреступлении.

– Положение ч. 2 ст. 33 УК Российской Федерации устанавливает, что исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее наркопреступление. Очевидно, что лицо, непосредственно выполнившее объективную сторону общественно опасного деяния, может действовать как единолично, так и в соучастии.

Вместе с тем следует признать неоднозначность нормативных предписаний ч. 1 и ч. 2 ст. 33 УК Российской Федерации, что дает основания для различного их толкования.

Полагаем, необходимо согласиться с суждением А. П. Козлова, который утверждает, что различные толкования связаны с несовершенством уголовного законодательства и отсутствием официальных разъяснений, которые позволяют трактовать нормы закона в зависимости от собственных убеждений, призывает при определении понятия исполнителя придать ему однозначное официальное толкование и склоняется к выводу о признании исполнителем любого виновного лица, выполнившего объективную сторону преступления [9, с. 67].

Исходя из вышеуказанного, считаем, что нет необходимости в законодательном изменении чч. 1 и 2 ст. 33 УК Российской Федерации, достаточно официального и доктринального толкования данных предписаний для единого понимания и применения уголовного законодательства.

Список основных источников

1. Маркотенко В. Н. Криминологическая характеристика наркопреступности актуализирует вынужденные защитные меры уголовно-правового характера // Вестн. Сиб. юрид. ин-та МВД России. 2025. № 4 (61). С. 108–116. Вернуться к статье

2. Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев : Вища шк., 1986. 207 с. Вернуться к статье

3. Тельнов П. Ф. Кто отвечает за соучастие в преступлении. М. : Юрид. лит., 1981. 94 с. Вернуться к статье

4. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург, 1999. 202 с. Вернуться к статье

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 534-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

6. Молчанов Д. М. Исполнитель преступления в соучастии и без соучастия: универсальная роль в многообразии юридических конструкций // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 3 (172). С. 107–122. Вернуться к статье

7. Лебедев А. Е. Соисполнитель как самостоятельный вид соучастника преступления // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. 2016. № 1 (51). С. 119–124. Вернуться к статье

8. Шеслер А. В. Исполнитель преступления по действующему российскому уголовному законодательству // Гуманитар. науки и образование в Сибири. 2016. № 4 (22). С. 91–96. Вернуться к статье

9. Козлов А. П. Соучастие в преступлении: традиции и реальность. Красноярск, 2000. С. 233. Вернуться к статье

УДК 343.3/.7

В. Р. Меерсон
доцент кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

СИНТЕЗ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИЛИ ГОЛОСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (МОДИФИКАЦИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА): УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ

Продолжающаяся на протяжении нескольких десятков лет чрезвычайно стремительная повсеместная цифровизация существенно повлияла на государственные и общественные институты. Указанный технический процесс затронул экономическую, политико-правовую, социальную и культурную сферы. Внедрение высоких технологий за счет автоматизации, культивирования использования так называемого искусственного интеллекта меняет традиционные институты: систему управления, рынок труда, образование, здравоохранение и т. д. Вместе с тем возникает определенная асимметрия доступа к указанным технологиям в различных странах, что формирует новые линии социальной стратификации, прямо соотносящиеся с уровнем цифровой компетентности и технологической включенности. В указанной выше связи первостепенное значение приобретает выработка эффективных этических и правовых подходов к указанному неотвратимому процессу. В рамках правовой доктрины не прекращается активное обсуждение ряда вопросов, касающихся регламентации указанных процессов, в определенной степени формирование цифрового суверенитета как неотъемлемой части суверенитета страны, охраны информации, алгоритмической прозрачности и ответственности за решения, генерируемые автоматизированными системами. Цифровая (информационная) среда (либо «киберпространство») стирает границы между публичной и частной сферами, что требует пересмотра устоявшихся представлений о правах человека, приватности и свободе.

В рамках обозначенного поля в уголовно-правовой доктрине отсутствует единство в подходах к определению совокупности преступлений соответствующей направленности, ее дефиниции. Можно встретить дефиниции «киберпреступления», «преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий», «преступления, совершаемые в сфере компьютерной информации», «преступления против компьютерной

(информационной) безопасности» и т. п. Вместе с тем для удобства восприятия назовем условно указанную группу «киберпреступления». Разумеется, не стоит их отождествлять с преступлениями против компьютерной безопасности, признаки которых описаны в разделе XII Уголовного кодекса Республики Беларусь [1] (далее — УК), так как совершение преступлений, содержащихся в иныхразделах УК, может характеризоваться использованием информационно-коммуникационных технологий.

Стоит отметить использование искусственного интеллекта в качестве инструмента, направленного на облегчение совершения целого круга преступлений, посягающих на различные объекты уголовно-правовой охраны. Необходимо упомянуть метод синтеза цифрового контента с использованием искусственного интеллекта, который получил известность как дипфейк (deepfake). Как отмечают отдельные исследователи, «изначально дипфейк определялся как использование искусственного интеллекта для модификации карты лиц для создания новых реалистичных изображений» [2, с. 98]. Вместе с тем, на данный момент в различных источниках упоминается и негативная составляющая при уяснении семантики указанного слова: технология используется для дезинформации, мошенничества, создания фейковых новостей и развлекательного контента. Хоть основная цель и была изначально правомерной, акценты использования технологии обработки искусственным интеллектом активно используются в преступной среде, что подтверждается довольно резонансными ситуациями, а равно достаточно большим объемом публикаций (в т. ч. и в рамках уголовно-правовой науки).

Бесспорно, необходима регламентация использования указанной технологии в отраслевом законодательстве, в том числе с обязательным упором на необходимость указания в мультимедиа того, что оно было создано с применением искусственного интеллекта. Это имеет принципиальное значение с учетом широкой доступности данной технологии, а равно и с поправкой на ее постоянное совершенствование. Постепенно гиперреализм синтезированных изображений, видео, звука становится все сложнее отличить от настоящих со стороны обывателя. А то, что указанный контент может способствовать достижению преступного результата при посягательстве на собственность, порядок управления, честь и достоинство, общественный порядок и безопасность, в настоящее время не вызывает никаких сомнений.

Следует определиться в том, есть ли необходимость в закреплении соответствующей уголовно-правовой дефиниции. Исходя из сущности дипфейка, представляется, что УК уже фактически содержит родовое понятие указанного явления. В примечании к ст. 208 УК дается определение модификации

компьютерной информации как противоправного изменения компьютерной информации либо внесения в компьютерную систему заведомо ложной компьютерной информации [1]. По большому счету синтез изображений, видео, звука, который формируется на основе реального контента, является модификацией компьютерной информации. Единственное, что будет сужать указанную категорию, это наличие специфического инструмента для указанного синтеза — искусственного интеллекта. С другой стороны, при создании, например, фейковых видео не обязательно может быть использована именно эта технология, все зависит от «компетенции» злоумышленника. Вместе с тем возможности нейросетей генеративной (творческой) направленности позволяют нивелировать пробелы в компетенции при создании контента в преступных целях, так как, по большому счету, требуют базового умения в формулировании соответствующих запросов.

Таким образом, технологии синтеза контента с использованием искусственного интеллекта, как правило, являющегося вспомогательным инструментом (средством) при совершении преступлений, не требует самостоятельного уголовно-правового запрета (также с поправкой на наличие и легальной сферы их применения). Вместе с тем присущий реализм (постоянное повышение его качества) дипфейков обуславливает повышение степени общественной опасности соответствующих деяний, совершаемых с их использованием. Тем самым целесообразным является рассмотрение указанного через призму назначения наказания и регламентации в соответствующих нормах Общей части УК (отягчающие обстоятельства).

Дипфейк (deepfake), являющийся синтезом изображения или голоса с использованием современных технологий, на основании имеющихся легальных уголовно-правовых категорий можно отождествить с модификацией компьютерной информации с использованием искусственного интеллекта. Это в определенной степени является отправной точкой в контексте последующих исследований, а также иного учета соответствующего явления в уголовном законодательстве. Например, в контексте дифференциации ответственности по ст. 350 УК путем ее дополнения соответствующей нормой.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Ефремова М. А., Русскевич Е. А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 97–105. Вернуться к статье

УДК 343.148

В. В. Мелешко
профессор кафедры уголовного процесса
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент
В. Л. Гнилякевич
адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ «СВЕДУЩИХ ЛЮДЕЙ» В КОНТЕКСТЕ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 Г.

Эволюция правового института специалиста в белорусском уголовном процессе представляет собой продолжительный исторический процесс. В сравнении с другими субъектами уголовного процесса правовой статус специалиста на протяжении длительного времени характеризовался меньшей степенью нормативной регламентации и научной разработанности, что объясняет теоретический и практический интерес к изучению данного вопроса. Формирование указанного участника уголовного процесса исторически связано с появлением в XIX ст. «сведущих людей», что было обусловлено потребностью в привлечении к уголовному судопроизводству лиц, обладающих специальными знаниями и наделенных самостоятельным процессуальным статусом, в частности для применения этих знаний в рамках процесса доказывания.

Первое упоминание о «сведущих людях», т. е. лицах, обладающих специальными знаниями (в современном понимании специалиста как участника уголовного процесса), появилось в Своде законов Российской империи 1832 г. Данным нормативным правовым актом регламентировались некоторые основания привлечения «сведущих людей» для решения уголовно-процессуальных задач, перечень лиц, выступающих в качестве «сведущих людей» [1], однако конкретизация законодателем была предпринята в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — Устав), который предусмотрел процессуальный порядок участия «сведущих людей» при производстве предварительного следствия. Например, в ст. 112 Устава сказано: «В тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или какомлибо занятии, приглашаются сведущие люди» [2, с. 131]. Аналогичные сведения содержатся в ст. 325 Устава, касающейся проведения осмотра и освидетельствования.

Согласно ст. 326 Устава, в качестве «сведущих людей» могли быть приглашены врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особенную опытность [2, с. 153]. Указанный перечень лиц, привлекаемых в качестве «сведущих людей», не только шире, чем в Своде законов Российской империи 1832 г., но и содержится в отдельной норме рассматриваемого нормативного правового акта. Статьей 113 Устава регламентируется привлечение ценовщиков: «Как количество вреда и убытков, так и цена похищенного при разногласии о том сторон определяются мировым судьей по представленным сторонами доказательствам или же по выслушивании мнения сведущих людей» [2, с. 131].

Глава 4 Устава «Об исследовании события преступления» предусматривает осмотр и освидетельствование, проводимые не только следователем, но и «чрез сведущих людей вообще» и «чрез врачей» [2, с. 152–155].

В ст. 334 Устава содержится положение о том, что «в случае сомнения в правильности заключения сведущих людей или при разногласии в мнении их судебный следователь требует заключения от других сведущих людей или о командировании их, представляет высшему специальному установлению или же отправляет туда сам предмет исследования, когда это возможно» [2, с. 153]. Указание о том, что «для осмотра или освидетельствования мертвых тел, различного рода повреждений, следов насилия и состояния здоровья потерпевшего от преступления или самого обвиняемого судебный следователь приглашает судебного врача», содержалось в ст. 336 [2, с. 154]. Если же врач не участвует в осмотре либо освидетельствовании, а приглашается к следствию или суду для разъяснения какого-либо относящегося к его специальности обстоятельства по делу, то он уже относился к «сведущим людям».

Интерес также представляет регламентация освидетельствования обвиняемого, имеющего психическое расстройство (заболевание), что, по нашему мнению, скорее является судебно-психиатрической экспертизой. В Уставе отсутствовало разграничение понятий «специалист» и «эксперт», что в определенной степени усложняло определение оснований, условий и порядка участия этих лиц в уголовном процессе того периода. Статья 353 Устава определяет: «Если по следствию окажется, что обвиняемый не имеет здравого рассудка или страждет умственным расстройством, то следователь, удостоверясь в том как чрез освидетельствование обвиняемого судебным врачом, так и чрез распрос самого обвиняемого и тех лиц, коим ближе известен образ его действий и суждений, передает на дальнейшее распоряжение прокурора все производство по этому предмету с мнением врача о степени безумия или умственного

расстройства обвиняемого» [2, с. 155]. Кроме того, в ст. 578 Устава указано, что «стороны могут просить о вызове в суд не только свидетелей, но и сведущих людей для объяснения какого-либо предмета или для проверки сделанного уже испытания» [2, с. 176]. При этом на основании ст. 694 Устава стороны могли отводить «сведущих людей» по неимению ими тех качеств, которые требуются от них законом [2, с. 187].

Переводчик рассматривался не как самостоятельный участник уголовного процесса, а как специалист или «сведущее лицо» (не в широком, а в узком смысле) в соответствии со ст. 410 Устава: «К допросу обвиняемого, объясняющегося на языке, не понятном для судебного следователя, приглашается лицо, сведущее в этом языке» [2, с. 161].

Таким образом, несмотря на то, что впервые правовая регламентация участия сведущих людей в уголовном судопроизводстве наблюдается в Своде законов Российской империи 1832 г., основополагающим нормативным правовым актом, способствовавшим развитию института «сведущих людей», а в последующем — и специалиста (как отдельного участника уголовного процесса), стал Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Институт «сведущих людей» был значительным и актуальным на момент действия указанного Устава, ведь в нем детализировалось участие специалиста в отдельных нормах, определялись основания привлечения «сведущих людей», перечень их профессий, порядок привлечения и участия их в производстве следственных действий, а также особенности закрепления результатов проводимых ими исследований.

Список основных источников

1. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Перваго составленный: издание 1857 года : в 15 т. СПб. : тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857–1876. Т. 15 : Законы уголовные. 1857. 964 с. Вернуться к статье

2. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984–1991. Т. 8. : Судебная реформа / отв. ред. Б. В. Виленский. 1991. 496 с. Вернуться к статье

УДК 343.98

Ю. Н. Михайлова
доцент кафедры криминалистики
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О СООТВЕТСТВИИ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ЭТИЧЕСКИМ НОРМАМ

В настоящее время, когда остро стоит вопрос о формировании духовно-нравственных ценностей, что лишний раз подтверждается положениями Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1], возникает вопрос и о переосмыслении соответствия этическим нормам тактических приемов производства следственных действий. Полагаю, что нарушение этических норм в любой сфере деятельности, а в правоохранительной и правоприменительной тем более, влечет за собой подрыв доверия к институтам государства. Вопрос о соответствии тактических приемов производства следственных действий этическим нормам относится к числу детально изученных, но не закрепленных нормами уголовно-процессуального законодательства [2]. Вместе с тем до настоящего времени остается нерешенным вопрос о необходимости законодательной регламентации запрета на использование тактических приемов, в основе которых лежит обман, о влиянии религиозных и национальных особенностей на выбор тактических приемов и рекомендаций при производстве следственных действий и т. д.

Под тактическим приемом производства следственного действия понимают выбранный следователем с учетом сложившейся ситуации и пригодных для ее разрешения типовых тактических рекомендаций и с учетом ее индивидуальных особенностей способ поведения при следственных действиях и тактических комбинациях, обеспечивающий успешное их проведение [3, с. 347]. Исходя из определения, понятие тактического приема образуют два компонента: тактическая рекомендация (научно обоснованный совет о применении тактического приема) и способ поведения следователя. Полагаем, что не в полной степени обоснованным выглядит формулировка одного понятия через другое. Фактически, если тактический прием — это тактическая рекомендация, а тактическая рекомендация — это совет о применении тактического приема, то тактический прием — это совет о своем же собственном применении. В этой связи наиболее удачным можно считать понятие тактического приема как «наиболее

рационального и эффективного способа действий или оптимальной в данных условиях линии поведения лица, осуществляющего расследование» [4, с. 508]. Общность приведенных формулировок корифеев криминалистики, безусловно, выражается в том, что они делают акцент на определении линии поведения лица, осуществляющего расследование. В силу этого особый интерес представляет вопрос не только о профессиональных качествах данных лиц, но и об их нравственных установках и ценностях. В этой связи заслуживает внимания дискуссия по вопросам существования профессиональной этики, развернувшаяся в 70-е гг. прошлого века и до сих пор не утратившая своей актуальности. В результате сформировались три основные школы, сущность которых сводилась к следующему: а) нравственные нормы должны быть общими для всех, не могут существовать специальные нравственные нормы для юристов, медиков и т. д. (М. С. Строгович [5]); б) «в каждой профессии находят выражение не только общие этические нормы, своеобразно преломленные в ней, но и особенные нравственные стороны, присущие данной профессии» [6, с. 31–32]. Причем профессиональные нормы должны вытекать из общих (Л. Е. Ароцкер, Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов); в) нравственные нормы общего характера могут быть дополнены нормами профессиональной этики, и в некоторых случаях могут повлечь ограничение этих норм, обусловленное спецификой деятельности [7, с. 35].

Анализ этих концепций позволяет сделать вывод о том, что авторы единодушно выделяют в качестве основы общепризнанные нравственные нормы и это, безусловно, можно отметить как положительную тенденцию. Однако в условиях дефицита духовно-нравственных устоев нам в большей степени импонирует точка зрения М. С. Строговича, которая является безупречной с позиции нивелирования возможного нарушения прав и свобод человека и гражданина, но делает невозможным применение большинства тактических приемов (допущение легенды, создание преувеличенного представления, внезапный вопрос, изменение темпа производства следственного действия и т. д., не говоря уже об использовании «тактической хитрости»). М. С. Строгович отмечал, что формирование «шкалы ценностей» «по существу означает не что иное, как допущение нарушения норм нравственности для достижения определенной цели, — иными словами, нарушение норм нравственности по соображениям целесообразности. Но если недопустимо нарушение правовых норм по мотивам целесообразности, то в отношении нравственных норм это тем более недопустимо. Строжайшее соблюдение нравственных норм, конечно, не менее необходимо и обязательно, чем такое же соблюдение правовых норм» [5, с. 25–26].

В приведенных выше формулировках тактического приема фигурирует отсылка поведения следователя к конкретной ситуации (условиям). В специальной литературе выделяются компоненты следственной ситуации: психологического, информационного, процессуального и тактического, материально-технического и организационного характера [8, с. 70]. Возникает вопрос, к какому компоненту отнести религиозные и национальные особенности, которые оказывают существенное влияние на тактику следственного действия. При этом можно выделить особенности тактики следственных действий в отношении лиц, которые в силу национальной, религиозной принадлежности могут характеризоваться не только плохим знанием русского языка, но и спецификой обычаев, незнание которых или неуважительное отношение к которым приведет к потере психологического контакта с участником следственного действия, и отдельно в отношении объектов религиозного культа. Так, в православном храме женщине запрещено входить в алтарную зону, в мечеть запрещено входить в обуви и т. д. Данные вопросы наиболее остро стоят в многонациональном и многоконфессиональном государстве, таком как Российская Федерация. При этом Российская Федерация, согласно ч. 1 ст. 14 Конституции Российской Федерации» [9], это светское государство, в котором религиозные объединения отделены от государства, поэтому для сотрудников правоохранительных органов не всегда становится очевидным тот факт, что при расследовании преступлений необходимо учитывать указанные выше обстоятельства. Поэтому особое значение в таких ситуациях приобретает обращение за помощью к специалистам, которые проконсультируют следователя в правилах поведения с участниками следственных действий различных национальностей и вероисповеданий.

Резюмируя, хотелось бы отметить, что национальность и вероисповедание в силу своей специфики не подпадают под компоненты следственной ситуации, обозначенные выше, разве что с большой натяжкой в процессуальный и тактический компонент, а на следственную ситуацию оказывают существенное влияние. Поэтому полагаем, что было бы правильным выделить, наряду с указанными, и компоненты иного характера, которые могут оказать влияние на ситуацию.

Список основных источников

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 : в ред. от 4 марта 2026 г. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (дата обращения: 15.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 535-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Криминалистика : учеб. для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2008. 943 с. Вернуться к статье

4. Криминалистика : учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. М. : НОРМА-ИНФРА М, 1999. 990 с. Вернуться к статье

5. Проблемы судебной этики / под ред. члена-корреспондента АН СССР М. С. Строговича. М. : НАУКА, 1974. С. 25–26. Вернуться к статье

6. Ароцкер Л. Е. Судебная этика // Социалист. законность. 1969. № 9. С. 31–35. Вернуться к статье

7. Ратинов, А., Зархин, Ю. Следственная этика // Социалист. законность. 1970. № 10. С. 35–39. Вернуться к статье

8. Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во ВСШ МВД РФ, 1993. 200 с. Вернуться к статье

9. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 1 июля 2020 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 338.24:004.8:343.97

В. В. Мякинькая
декан инженерно-инновационного факультета
Белорусского государственного университета
пищевых и химических технологий,
кандидат экономических наук, доцент

ПРЕВЕНТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ СИНЕРГИИ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В условиях цифровой трансформации глобального экономического пространства категория экономической безопасности эволюционирует из прикладной государственной функции в функциональную детерминанту национального суверенитета. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко неоднократно подчеркивал: «Будет экономика — будет мир, будет и покой» [1]. В этой связи обеспечение экономической устойчивости субъектов хозяйствования становится стратегическим приоритетом развития страны, что находит отражение в положениях Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [2].

В институциональной структуре национальной безопасности субъект хозяйствования выступает первичным верификатором законности. На мезо- и микроэкономическом уровнях формируются первичные информационные потоки, достоверность и легитимность которых определяют жизнеспособность всей государственной системы. Эффективное функционирование бухгалтерского учета на уровне предприятия является первичным фильтром, предотвращающим накопление системных рисков и трансформацию отдельных правонарушений в угрозы общегосударственного масштаба. Являясь основной функцией управления, учет обеспечивает информационную прозрачность, законность операций, сохранность собственности. Современный бухгалтерский учет перестал быть пассивным инструментом фиксации фактов хозяйственной жизни, превращаясь в активный механизм мониторинга, непосредственно влияющий на уровень безопасности через превентивную идентификацию рисков.

Синергия бухгалтерского учета и искусственного интеллекта (далее — ИИ) инициирует качественный переход от ретроспективного контроля к предиктивной верификации, позволяющей осуществлять блокировку незаконных транзакций в момент возникновения риска. Такая трансформация базируется на следующих положениях:

1. Парадигмальный переход от ретроспективной констатации (статического анализа свершившихся фактов хозяйственной жизни) к предиктивной

верификации (превентивное моделирование их правовых и экономических последствий). Бухгалтер приобретает активную субъектность, становясь интеллектуальным контролером сделки в момент ее совершения.

2. Непрерывный мониторинг. Переход от дискретных (разовых) проверок к непрерывному анализу потоков данных. Системы ИИ осуществляют сплошную детекцию аномальных паттернов и скрытых корреляций, идентифицируя латентную подготовку к преступлению, которая ранее нивелировалась в общем массиве документации.

3. Гибридизация профессионального суждения. Интеграция когнитивных возможностей ИИ освобождает специалиста от операционной рутины, перефокусируя его ресурс на обеспечение нормативно-правовой чистоты операций. Экспертный потенциал бухгалтера соединяется с математической точностью машин, формируя «умный щит», способный распознать суть преступного умысла там, где алгоритм видит лишь массив цифр.

Современная трансформация учета в формат «киберучета» порождает кумулятивный превентивный эффект. Мы полагаем, что переход от статичной защиты к динамической интеллектуальной экосистеме позволит подавлять преступность не санкциями постфактум, а технологической невозможностью реализации преступного замысла. Данные эффекты целесообразно классифицировать по двум группам:

I. Фискально-правовые эффекты (макроуровень / государство). Данная группа эффектов направлена на обеспечение фискальной безопасности и достижение абсолютной транспарентности национальной экономики. Синергия учета и ИИ переводит государственное регулирование в режим предиктивного мониторинга, где на первый план выходят:

1. Ликвидация налоговых «разрывов»: ИИ делает невозможной незаконную минимизацию налоговых обязательств в режиме реального времени и реализацию преступных схем, основанных на запутанности учетных записей, выявляя их в момент возникновения.

2. Интеллектуальный AML-мониторинг. Автоматизация комплаенс-контроля выявляет подозрительные финансовые потоки на стадии их зарождения, что радикально снижает латентность операций по легализации доходов.

3. Предиктивное государственное регулирование: возможность оперативного выявления нормативных лакун на основе анализа больших данных до наступления критического ущерба.

II. Институционально-защитные эффекты (микроуровень / субъекты хозяйствования). На уровне субъекта хозяйствования синергия учета и ИИ создает систему алгоритмической самозащиты:

1. Конвергенция контроля и бизнес-процессов. Контроль перестает быть «надстройкой» и становится «предохранителем». Система проводит интеллектуальный скоринг каждой транзакции: при отклонении параметров сделки (цена, реноме контрагента) от эталона, операция блокируется до момента ее совершения.

2. Нейтрализация внутреннего мошенничества. Алгоритмы ИИ идентифицируют аномалии профессионального поведения сотрудников, блокируя операции, имеющие признаки личной заинтересованности или скрытой аффилированности.

3. Гибридизация профессионального суждения. Интеграция когнитивных способностей ИИ освобождает бухгалтера от операционной рутины, перефокусируя его ресурс на стратегический контроль правового соответствия. Это позволяет эксперту оценивать сложные этико-правовые риски и нестандартные ситуации, недоступные формальным алгоритмам.

4. Минимизация регуляторных рисков: автоматическое соблюдение динамично меняющегося законодательства, исключающее неумышленные правонарушения.

Таким образом, синергия ИИ и бухгалтерского учета превращает последний из пассивного архива событий в активный правоохранительный механизм. Синергия экспертного опыта, алгоритмической точности и машинного восприятия экономической ситуации на предприятии в условиях лавинообразных информационных потоков делает киберучет ключевым инструментом реализации государственной стратегии экономической безопасности. В данной системе бухгалтер выступает интеллектуальным верификатором, гарантирующим чистоту данных и законность операций, что обеспечивает защиту интересов государства, бизнеса и общества в целом.

Список основных источников

1. Прием от имени Президента на старый Новый год [Электронный ресурс] // Пресс-служба Президента Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://president.gov.by/ru/events/priem-ot-imeni-prezidenta-na-staryy-novyy-god-1705070666 (дата обращения: 25.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собрания от 25 апр. 2024 г. № 5. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.2/.7

А. А. Никифорова
заместитель начальника кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
А. В. Креховец
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
А. Ю. Волкова
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СНГ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПЕРЕДАЧЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

В настоящее время трансграничная передача персональных данных стала повседневной технической операцией. Облачные сервисы, глобальные платформы и удаленные команды делают государственные границы «прозрачными» для потоков любых данных, в том числе имеющих персональный характер. При этом значимыми остаются юридические границы: различаются режимы защиты прав субъектов данных, компетенция надзорных органов, основания доступа государства к персональным данным, а также механизмы ответственности за несанкционированные действия.

В условиях глобальной цифровизации персональные данные превратились в стратегический ресурс, обладающий высокой коммерческой и политической ценностью. При этом, как справедливо отмечает С. Д. Гринько, «информационная безопасность должна стать важным приоритетом информационной политики государства» [1, с. 246–249]. В связи с этим считаем, что нельзя не согласиться с Д. Ю. Сапроновым в вопросе необходимости «усиления внимания государства к этой области и ее регулированию по причине возникающих сложностей с саморегулированием» [2, с. 39–43].

Говоря о процессах, происходящих в мире в области информационного обмена, особого внимания, на наш взгляд, заслуживает трансграничная передача персональных данных, представляющая собой неотъемлемую часть мировой

экономики. Сегодня данная сфера сопряжена с критическими рисками в вопросах безопасности государств при едином информационном пространстве и особенно актуальным становится изучение подходов к регулированию этой сферы в странах СНГ, где исторические, экономические и правовые связи создают уникальные условия для гармонизации законодательств.

Исторически первое определение «трансграничной передачи персональных данных», заложившее основу для юрисдикционного подхода стран СНГ к его регламентации, было закреплено в Модельном законе СНГ о персональных данных 1999 г.: «передача держателем персональных данных этих данных держателям, которые находятся под юрисдикцией другого государства» [3].

В Российской Федерации определение трансграничной передачи персональных данных закреплено в п. 11 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и представлено следующим образом: «передача персональных данных на территорию иностранного государства органу власти иностранного государства, иностранному физическому лицу или иностранному юридическому лицу» [4]. Схожая дефиниция нашла отражение в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» [5], ст. 16 Закона Республики Казахстан от 21 мая 2013 г. № 94-V «О персональных данных и их защите» [6], ст. 1 Закона Республики Таджикистан от 3 августа 2018 г. № 1537 «О защите персональных данных» [7], в которых под трансграничной передачей персональных данных понимается передача персональных данных на территорию иностранного государства или иностранных государств.

В законодательстве о защите персональных данных других стран СНГ данное понятие рассматривается более широко и раскрывается через указание на юрисдикцию других стран [8], государственную границу и представителей других стран [9], собственников и операторов [10], предмет обработки и цель обработки персональных данных [11].

Таким образом, несмотря на то, что в представленных законодательных актах стран СНГ содержание понятия «трансграничная передача персональных данных» регламентируется с различной степенью детализации, само изучаемое явление имеет много общих признаков.

Исследуя правовое обеспечение охраны персональных данных, стоит отметить, что одним из важнейших инструментов в этой области выступает уголовное законодательство. В первую очередь необходимо обратить внимание на Главу 30 «Преступления против информационной безопасности» Модельного Уголовного кодекса СНГ, в которой заложены основы противодействия

преступлениям, связанным с компьютерной информацией [12]. Важно отметить, что самостоятельной нормы, обеспечивающей уголовно-правовую охрану персональных данных, в указанном нормативном правовом акте не закреплено.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК Российской Федерации) в ч. 4 ст. 272.1 закреплен особо квалифицирующий признак совершения преступления в виде его сопряженности с трансграничной передачей компьютерной информации, содержащей персональные данные, или трансграничным перемещением носителей такой информации [13]. Таким образом, российским законодателем предпринята попытка криминализации действий, связанных с перемещением персональных данных ее носителей через границу Российской Федерации. При этом имеющаяся на сегодня редакция вызывает неоднозначное отношение в связи с тем, что данные действия не определены в качестве самостоятельного деяния данного состава преступления, а выступают как дополнение к уже совершенным незаконным использованию, передаче, сбору, хранению и другим действиям в отношении компьютерной информации, содержащей персональные данные.

Следует отметить, что в современных условиях охрана персональных данных требует особого внимания, в том числе посредством применения мер уголовно-правового характера не только в России, но и в остальных странах СНГ. Как верно отмечают А. С. Григорьева, О. Б. Новрузова, М. И. Синяева, «защита персональных данных лица в условиях цифровизации и глобализации сталкивается с рядом проблем при распространении, хранении и сборе данных в глобальной сети Интернет» [14, с. 7–10]. Потому согласимся с А. В. Егоровым, который утверждает, что в условиях интеграционного взаимодействия России и Беларуси «компоненту союзного правоприменения недостает лишь гармонизации национальных форм… правовой системы» [15, с. 14–26].

Представляется, что для эффективного противодействия трансграничным преступлениям, в том числе связанным с передачей персональных данных, необходима унификация правил на уровне модельного законодательства в виде дополнения ст. 286 или 289 Модельного УК СНГ квалифицирующим признаком, устанавливающим ответственность за трансграничную передачу персональных данных. Такое решение позволит обеспечить единый подход к криминализации деяний, связанных с трансграничной передачей персональных данных в странах СНГ, приведет к гармонизации их национального законодательства и в целом повысит потенциал законодательной базы в сфере противодействия рассматриваемым преступлениям на всем пространстве СНГ.

Список основных источников

1. Гринько С. Д. Противодействие посягательствам на информационную безопасность // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3 (183). С. 246–249. Вернуться к статье

2. Сапронов Д. Ю. Цифровая трансформация государственного управления в Российской Федерации: особенности совершенствования законодательства о защите персональных данных // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 6. С. 39–43. Вернуться к статье

3. Модельный закон о персональных данных [Электронный ресурс] : постановление от 16 окт. 1999 г. № 14-19. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=424352 (дата обращения: 03.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. О персональных данных [Электронный ресурс] : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ : в ред. от 26 июня 2026 г. № 265-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З : в ред. от 16 марта 2026 г. № 134-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. О персональных данных и их защите [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан от 21 мая 2013 г. № 94-V. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094 (дата обращения: 03.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Таджикистан : принят Постановлением МН МОРТ от 8 июня 2018 г. № 1115 : одобр. Постановлением ММ МОРТ от 2 авг. 2018 г. № 561. URL: https://ncz.tj/system/files/Legislation/1537_RU.doc.pdf (дата обращения: 03.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Об информации персонального характера [Электронный ресурс] : Закон Кыргыз. Респ. от 14 апр. 2008 г. № 58 : утратил силу. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/202269/edition/1239270/ru (дата обращения: 03.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

9. О персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Азербайджан. Респ. от 11 мая 2010 г. № 998-IIIQ. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30774627 (дата обращения: 03.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

10. О персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Узбекистан от 2 июля 2019 г. № ЗРУ-547. URL: https://lex.uz/docs/4396428 (дата обращения: 03.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

11. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Молдова от 8 июля 2011 г. № 133. URL: https://mec.gov.md/sites/default/files/18._legea_privind_protectia_datelor_cu_caracter_personal_ru.pdf (дата обращения: 03.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

12. О модельном Уголовном кодексе для государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств

от 17 февр. 1996 г. № 7-5. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

13. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

14. Григорьева А. С., Новрузова О. Б., Синяева М. И. Правовой аспект обеспечения защиты персональных данных: проблемы и пути решения // Администратор суда. 2024. № 4. С. 7–10. Вернуться к статье

15. Егоров А. В. К вопросу о формировании правовой системы Союзного государства Беларуси и России // Журн. рос. права. 2021. № 6. С. 14–26. Вернуться к статье

УДК 343.13

И. А. Одиназода
докторант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
Кубанского государственного университета (Россия, г. Краснодар),
Академия МВД Республики Таджикистан
(Республика Таджикистан, г. Душанбе),
кандидат юридических наук

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Вопрос правомерности и эффективности использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) в уголовном судопроизводстве России и Таджикистана остается одной из наиболее дискуссионных в науке уголовного процесса. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью обеспечения баланса между эффективностью раскрытия и расследования преступлений и соблюдением процессуальных гарантий прав личности.

Российская Федерация и Республика Таджикистан, имея общие исторические корни правовых систем, сформировавшихся в советский период, в настоящее время развивают собственные подходы к регулированию института использования результатов ОРД в доказывании. Сравнительный анализ данных подходов представляет значительный научный и практический интерес, поскольку позволяет выявить оптимальные модели правового регулирования и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

В Российской Федерации правовую основу ОРД составляет Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1]. Так, ст. 11 данного закона определяет направления использования результатов ОРД, включая их применение в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

В Республике Таджикистан аналогичные отношения регулируются Законом Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности» [2]. Данный нормативный акт также предусматривает возможность использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, однако содержит ряд особенностей, обусловленных спецификой национальной правовой системы.

Как справедливо отмечает Е. А. Доля, результаты ОРД по своей правовой природе не являются доказательствами в уголовно-процессуальном смысле, поскольку получены вне процессуальной формы [3]. Данная позиция находит подтверждение как в российском, так и в таджикском законодательстве, которые устанавливают специальный порядок «преобразования» оперативных данных в процессуально допустимые доказательства.

Так, в ст. 89 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [4] (далее — УПК Российской Федерации) определяет, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Данная норма, сформулированная в негативной форме, порождает дискуссии относительно условий допустимости, относимости и достоверности использования результатов ОРД в доказывании.

Порядок представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд детализирован в Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (далее — Инструкция), утвержденной совместным приказом МВД России, Министерства обороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. [5]. Согласно указанной Инструкции, результаты ОРД представляются на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД. К постановлению прилагаются документы, отражающие результаты ОРД: рапорты, справки, акты, протоколы, а также материальные носители информации (фотографии, аудио- и видеозаписи, электронные носители).

В. И. Зажицкий обоснованно указывает на необходимость соблюдения ряда условий для признания результатов ОРД допустимыми доказательствами: законность проведения оперативно-розыскных мероприятий, надлежащее документальное оформление, соблюдение порядка представления результатов [6].

Конституционный Суд Российской Федерации в ряде решений сформулировал правовые позиции относительно использования результатов ОРД в доказывании. В частности, в Определении от 4 февраля 1999 г. № 18-О указано, что результаты ОРД являются лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем [7].

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан [8] (далее — УПК Республики Таджикистан) содержит более детальную регламентацию

использования результатов ОРД по сравнению с российским законодательством. Так, ст. 84 УПК Республики Таджикистан определяет, что материалы, полученные в ходе ОРД, могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу после их проверки и оценки в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон Республики Таджикистан об ОРД) в ст. 11 устанавливает, что результаты ОРД могут использоваться для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, а также в качестве доказательств по уголовным делам после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Особенностью таджикского законодательства является более четкое закрепление механизма «легализации» результатов ОРД. Как отмечает Ш. М. Исмаилов, в Таджикистане сформировалась практика обязательного допроса лиц, проводивших оперативно-розыскные мероприятия, в качестве свидетелей, что обеспечивает дополнительные гарантии достоверности получаемых сведений [9]. Вместе с тем следует отметить, что подзаконное регулирование порядка представления результатов ОРД в Таджикистане менее развито по сравнению с Россией. Отсутствие единого межведомственного нормативного акта, аналогичного российской Инструкции 2013 г., создает определенные трудности в правоприменительной практике.

А. Ю. Шумилов справедливо отмечает, что различия в правовом регулировании обусловлены не только национальной спецификой, но и различным уровнем развития теории ОРД в рассматриваемых государствах [10].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда проблем, общих для обоих государств. В частности, сохраняется неопределенность в вопросе о том, какие именно результаты ОРД могут быть использованы в качестве доказательств. Как показывает судебная практика, суды нередко признают недопустимыми доказательства, полученные на основе результатов ОРД, ссылаясь на нарушение порядка их получения или представления. Также существует проблема обеспечения права обвиняемого на защиту при использовании результатов ОРД, полученных с применением конфиденциальных источников информации. Необходимость сохранения в тайне сведений о лицах, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД, вступает в противоречие с правом обвиняемого знать источники доказательств и оспаривать их достоверность.

Как отмечает М. П. Поляков, в российской практике нередко результаты ОРД фактически подменяют доказательства, что противоречит принципу законности уголовного судопроизводства [11].

Проведенный сравнительно-правовой анализ свидетельствует о том, что Россия и Таджикистан, имея общие исторические корни правовых систем, сформировали схожие подходы к регулированию использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем каждое государство развивает собственные механизмы «легализации» оперативно-розыскных данных в качестве доказательств, учитывающие национальную специфику правовой системы и правоприменительной практики.

Дальнейшее развитие института использования результатов ОРД в доказывании должно осуществляться с учетом необходимости обеспечения баланса между эффективностью уголовного преследования и соблюдением процессуальных гарантий прав личности, закрепленных в конституциях обоих государств и международных правовых актах.

Список основных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ : в ред. от 28 февр. 2022 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 : в ред. от 18 июля 2017 г. URL: https://ncz.tj/content/3%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD-%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D1%82%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD-%D0%BE%D0%B1-%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE-%D1%80%D0%BE%D0%B7%D1%8B%D1%81%D0%BA%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности : моногр. М. : Проспект, 2014. 376 с. Вернуться к статье

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 535-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации, М-ва обороны Рос.

Федерации, Федер. службы безопасности Рос. Федерации, Федер. службы охраны Рос. Федерации, Федер. таможен. службы Рос. Федерации, Службы внеш. разведки Рос. Федерации, Федер. службы исполнения наказаний Рос. Федерации, Федер. службы Рос. Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следств. комитета Рос. Федерации от 27 сент. 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

6. Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. 449 с. Вернуться к статье

7. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 4 февр. 1999 г. № 18-О // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1999. № 13. Ст. 1666. Вернуться к статье

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : от 3 дек. 2009 г. № 564 : в ред. Закона Респ. Таджикистан от 3 янв. 2024 г. № 2017. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

9. Исмаилов, Ш. М. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Республики Таджикистан // Вестн. Таджик. нац. ун-та. Сер. Гуманитар. наук. 2019. № 4. С. 156–162. Вернуться к статье

10. Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учеб. 4-е изд. М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2008. 391 с. Вернуться к статье

11. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : моногр. Н. Новгород : Нижегород. правовая акад., 2001. 262 с. Вернуться к статье

УДК 343.9

Н. А. Осипова
адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

ПОРЯДОК ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО МАТЕРИАЛАМ И УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

При производстве по материалам и уголовным делам о преступлениях достаточно часто остро встает вопрос об установлении личности иностранного гражданина, не имеющего действительного документа, удостоверяющего личность. Это обстоятельство порождает сложности при осуществлении данного производства и влечет нарушение процессуальных сроков привлечения к уголовной ответственности.

В случае отсутствия у лица, подозреваемого в совершении преступления, документов, удостоверяющих личность, и при невозможности установления его личности путем проверки по имеющимся информационным системам сотрудник подразделения по гражданству и миграции территориального органа внутренних дел (далее — ПГиМ) по месту временного пребывания в Республике Беларусь данного лица проводит идентификацию его личности в соответствии со ст. 63 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [1], и в порядке, определенном Положением о порядке идентификации личности иностранного гражданина или лица без гражданства, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 июня 2010 г. № 892 [2].

Идентификация личности представляет собой проведение комплекса административно-процессуальных, информационно-справочных и иных проверочных мероприятий по установлению гражданства, фамилии, собственного имени, отчества (при наличии), даты и места рождения лица, в отношении которого проводится указанная процедура [3].

При установлении лица, не имеющего документов, удостоверяющих личность, сотрудник ПГиМ осуществляет его административное задержание (если лицо не задержано в порядке ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [4]) на основании п. 3 ч. 2 ст. 8.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [5] (без составления протокола административного задержания или

с его составлением в зависимости от срока задержания) с помещением в специальное учреждение органа внутренних дел.

Если идентифицируемое лицо не владеет ни одним из государственных языков Республики Беларусь, ПГиМ обеспечивает участие переводчика или лица, владеющего языком, понятным идентифицируемому.

Сотрудник ПГиМ, проводящий идентификацию личности:

1. Организует проверку сообщенных лицом основных сведений о себе (фамилия, имя, отчество (при его наличии), дата и место рождения, место жительства, гражданство) по имеющимся в органе внутренних дел автоматизированным информационным системам.

2. Сопоставляет сведения об идентифицируемом лице, содержащиеся в информационных ресурсах, со сведениями, предоставленными самим лицом, в том числе проводит визуальное установление тождественности лица по фотоизображениям, имеющимся в информационных ресурсах.

3. Осуществляет фотографирование идентифицируемого лица, при необходимости отбирает биологические образцы для проведения сравнительного исследования.

4. С учетом требований Закона Республики Беларусь от 4 ноября 2003 г. № 236-З «О государственной дактилоскопической регистрации» [6] проводит дактилоскопирование идентифицируемого лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления. Дактилоскопическая карта незамедлительно направляется в соответствующий по территориальному признаку Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь для постановки на учет.

5. Опрашивает идентифицируемое лицо об обстоятельствах его пребывания в Республике Беларусь. Опрос оформляется в виде протокола опроса (в случае административного задержания) либо объяснения.

Сотрудник ПГиМ на основании изучения имеющихся в деле материалов формулирует вопросы, направленные на конкретизацию, расширение, разъяснение или детализацию информации, уже содержащейся в документах, что в конечном итоге способствует достижению максимально исчерпывающего и однозначного изложения необходимых сведений со стороны идентифицируемого лица. В процессе проведения опроса принимаются во внимание демографические и социальные характеристики опрашиваемого лица, включая гендерную принадлежность, возрастной показатель, уровень образования, специфику частной и семейной жизни, конфессиональные взгляды, а также степень вовлеченности в политические и общественные процессы [7].

6. Проводит дополнительные мероприятия с целью идентификации личности, в частности через Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь направляются запросы об оказании содействия в компетентные органы других государств (в соответствии с международными договорами Республики Беларусь) либо при их отсутствии — через главное консульское управление Министерства иностранных дел.

При наличии обстоятельств, позволяющих предполагать наличие либо отсутствие у идентифицируемого гражданства Республики Беларусь, ПГиМ организует проверку принадлежности данного лица к гражданству Республики Беларусь в порядке, установленном Положением о порядке рассмотрения вопросов, связанных с гражданством Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 17 ноября 1994 г. № 209 [8].

7. По итогам идентификации личности лица ПГиМ выносит заключение о результатах идентификации личности и выдает справку, подтверждающую личность иностранного гражданина или лица без гражданства, форма которой установлена Положением о порядке идентификации личности иностранного гражданина или лица без гражданства, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 июня 2010 г. № 892 [2]. Копия данной справки приобщается к материалам уголовного дела.

Таким образом, процедура идентификации личности иностранного гражданина или лица без гражданства, не имеющего действительного документа, удостоверяющего личность, представляет собой строго регламентированный административно-процессуальный механизм, который призван преодолеть правовую неопределенность, возникающую в производстве по материалам и уголовным делам, и минимизировать риски нарушения процессуальных сроков. Следовательно, установление личности в описанном порядке является не только технической мерой, но и обеспечивает баланс между оперативными интересами предварительного расследования и соблюдением прав и законных интересов вовлеченных в процесс лиц, чья личность не была документально подтверждена.

Список основных источников

1. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 105-З : в ред. от 2 февр. 2026 г. № 130-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. О порядке идентификации личности иностранного гражданина или лица без гражданства [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ.

Беларусь от 10 июня 2010 г. № 892 : в ред. от 27 авг. 2021 г. № 490. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Куреев В. В. Проблемы установления личности иностранного гражданина (лица без гражданства) при производстве по делу об административных правонарушениях миграционного законодательства // Гуманитар., соц.-экон. и обществ. науки. 2023. № 12. С. 152–155. Вернуться к статье

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 92-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. О государственной дактилоскопической регистрации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 нояб. 2003 г. № 236-З : в ред. от 20 июля 2016 г. № 414-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. Вихляев А. А., Калинина С. В. О совершенствовании системы идентификации иностранных граждан и лиц без гражданства — выходцев из стран африканского континента — при привлечении последних к административной ответственности за нарушения миграционного законодательства // Криминол. журн. 2022. № 3. С. 9–13. Вернуться к статье

8. Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов, связанных с гражданством Республики Беларусь, и образовании при Президенте Республики Беларусь Комиссии по вопросам гражданства [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 17 нояб. 1994 г. № 209 : в ред. от 29 авг. 2024 г. № 345. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.97

А. А. Папенко
аспирант направления подготовки «Уголовно-правовые науки»
Пензенского государственного университета

ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ И СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С НИЗМЕННЫМИ МОТИВАМИ

Преступность является глобальной проблемой, стоящей перед любым государством и обществом. Борьба с этим явлением включает в себя несколько направлений, одним из которых выступает предупреждение преступности. В своем учебнике Н. В. Кузьмина дает следующее определение: «Предупреждение преступности — это целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений» [1, с. 94]. Однако, прежде чем рассматривать указанные меры предупреждения, следует обозначить, что подразумевается под низменными мотивами и какие преступления к ним относят.

В законодательстве нет закрепленного понятия «низменные мотивы», но в науке уголовного права можно найти мнения ученых касательно этого. Например, по мнению А. И. Рогова, к низменным следует отнести те мотивы и цели, с которыми Уголовный кодекс связывает усиление уголовной ответственности либо в рамках Общей части, оценивая их как обстоятельства, отягчающие ответственность, либо в рамках Особенной части, рассматривая их в конкретных составах преступлений как квалифицирующие признаки, либо в качестве признаков, с помощью которых конструируются специальные составы преступлений с усилением наказания по сравнению с более общими составами подобных преступлений (например, захват заложника (ст. 206 Уголовного кодекса Российской Федерации) как частный случай незаконного лишения свободы (ст. 127 Уголовного кодекса Российской Федерации)) [2, с. 190].

Предупреждение преступности подразделяется на несколько видов, среди которых общесоциальные и специально-криминологические меры.

Комплекс общесоциальных мер предупреждения преступности охватывает широкий спектр направлений, включая экономические, социальные, культурно-воспитательные и правовые аспекты. Особенностью является то, что эти меры, в отличие от специальных, лишь способствуют в преодолении

негативных действий. Реализация данных мер направлена на всестороннее развитие и повышение качества жизни населения. По своей сути они направлены на управление социальными процессами, которые препятствуют проявлению предпосылок антиобщественного поведения и возможности его перерастания в преступное [3, с. 216]. Следует привести небольшую классификацию общесоциальных мер предупреждения:

1) экономические (повышение доходов населения, развитие производства на современных технологиях, снижение инфляции, криминалистический прогноз на основе принятых решений в области экономики);

2) социальные (меры поддержки семей, укрепление семейных и общественных устоев, снижение различия людей в социальном положении в обществе);

3) культурно-воспитательные (развитие и поддержка культуры, образования, создание различных сфер досуга в культурных и образовательных организациях, правовое воспитание);

4) правовые (совершенствование законодательства, повышения уровня правовой культуры у населения);

5) политические (сохранение политической стабильности, укрепление власти).

Специальные меры предупреждения — это меры, осуществляемые государством и общественными организациями в целях предотвращения конкретных криминогенных факторов, а также предотвращения и пресечения преступлений, совершаемых отдельными лицами [4, с. 103]. Данные меры дополняют и конкретизируют общесоциальные. Их целью является эффективное противодействие определенным видам преступной деятельности. Особенностью данных мер является то, что их осуществляют специализированные субъекты, в частности, правоохранительные органы. Такие меры могут быть направлены на разные объекты: от социальных групп до отдельных лиц. Они подлежат классификации, и среди специально-криминологических мер можно выделить следующие:

1) предотвращение преступлений (деятельность по снижению уровня преступности, основанная на прогнозировании криминального поведения индивидов через анализ их действий);

2) пресечение преступлений (система действий, осуществляемых с целью остановить преступление до его полного совершения на стадиях подготовки и покушения);

3) предупреждение рецидива (административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, как особый вид контроля);

4) функциональные меры (профилактические меры, направленные на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступления);

5) индивидуальное предупреждение (деятельность в отношении конкретных лиц, к которой относят проведение профилактических бесед, постановку на профилактический учет).

Стоит отметить, что эффективное предупреждение преступности возможно лишь при взаимодействии обоих видов мер.

Таким образом, можно сказать, что общесоциальные и специально-криминологические меры играют важную роль в предупреждении преступлений. Они имеют общую цель, но также существуют и различия в их сути и применяемых действиях. Общесоциальные меры направлены на улучшение благосостояния населения во многих сферах жизни общества, а специально-криминологические меры направлены против форм преступной деятельности. В связи с научно-техническим прогрессом и изменениями в обществе данные меры могут быть улучшены и (или) дополнены новыми мерами предупреждения преступности.

Список основных источников

1. Кузьмина Н. В. Криминология и предупреждение преступлений : учеб. М. : ИНФРА-М, 2024. 222 с. Вернуться к статье

2. Рарог А. И. Уголовное дело. Общая часть : учеб. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : КОНТРАКТ : ИНФРА-М, 2008. 560 с. Вернуться к статье

3. Секиров А. А. Различие общесоциальных и специально-криминологических мер // Молодой ученый. 2024. № 41 (540). С. 215–218. Вернуться к статье

4. Кудрявцев В. Н. Лекции по криминологии : учеб. пособие. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 188 с. Вернуться к статье

УДК 343.8

А. В. Петровский
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент

ОБ АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ ПРЕВЕНТИВНОЙ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ) ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Изменения в российской антикриминальной (криминологической) политике трудно заметить, но они происходят, оказывая влияние на общественную и национальную безопасность. До идеальной модели пока далеко, что обусловлено разрывом между общественными пожеланиями, требованиями безопасности и существующей нормативной правовой системой, обладающей низкой способностью нейтрализовать или устранять криминогенные детерминанты, генерировать правопослушное поведение у граждан [1, с. 220]. Неэффективность криминологической политики можно объяснить неготовностью государственной власти реально заниматься предупреждением преступлений в том виде, который предполагают доктрина и ряд профилактических законов, по причинам экономической нестабильности и текущих социально-политических событий, а также недостаточного восприятия гражданами существующих нормативных предписаний.

Согласно Стратегии национальной безопасности [2], в Российской Федерации акцент антикриминальной превенции должен быть направлен на профилактику террористической и экстремистской деятельности, радикализма, преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, фактов социальных, межнациональных, межконфессиональных конфликтов, легализации преступных доходов, финансирования терроризма, преступлений коррупционной направленности, а также незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ [2]. Предупреждение преступлений в данном документе, упоминается дважды и исключительно в части необходимости совершенства единой государственной системы профилактики правонарушений. Однако, согласно данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2021–2025 гг., удельный вес преступлений, определяемых Стратегией национальной безопасности как актуальные, в общем объеме российской преступности составляет, в среднем 17,1 % [3].

Трудно сделать вывод о важности предупреждения преступлений для правоохранительной и управленческой деятельности, изучив программу Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», неоднократно дополненную и измененную (последнее изменение — 28.11.2025 г.) [4]. Данный документ, кроме угроз, упоминаемых в Стратегии национальной безопасности, делает акцент на уменьшение смертности на автодорогах, снижение доли тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых в общественных местах, а также числа ненайденных без вести пропавших граждан к 2030 г.

Можно подытожить, что предупреждение отдельных видов преступлений присутствует в правоохранительной деятельности, но при отсутствии системной анитикриминальной государственной превентивной политики, определяющей цели, задачи, объекты, методы, целевые индикаторы общей и специально-криминологической профилактики, рассуждать о ее эффективной реализации в социальной действительности сложно.

Рассматривая концептуальные основы политики предупреждения преступлений, можно констатировать наличие двух основных подходов. Первый, основанный на утилитаристской концепции, предполагает, что угроза репрессии и уголовное наказание с различными мерами уголовно-правового характера либо безопасности, предполагающее лишения, страдания, ограничения для индивида, могут обеспечить правопорядок, защитить права граждан, гарантировать неприкосновенность собственности и добросовестных экономических отношений [5; 6]. Сторонники указанного подхода неоднозначны в трактовке своих позиций, делясь на радикальных, допускающих применение смертной казни за большой перечень преступлений либо несудебные репрессии, и умеренных, полагающих, что существующее уголовное наказание и меры уголовно-исполнительного исправления при эффективном их применении дадут положительный эффект и снизят уровень преступности.

Приверженцы другого направления считают, что только социальные преобразования в совокупности с экономическим развитием, реформа полицейской деятельности, избирательная наказательная и предупредительная политика будут иметь антикриминальный эффект [7; 8, с. 120–121; 9, с. 89; 10, с. 18–20]. И если их позиция на первый взгляд кажется исключительно либеральной, то это не так. Последователи «превентивного подхода» хоть и выступают за минимизацию применения уголовного наказания, предлагая заменить репрессию социально-принудительными мерами упреждения или социального контроля, для реализации своих идей предлагают широкое использование принудительных превентивных мер. Однако, реализация в социальной жизни первой или

второй концепции потребует создания специального бюрократического аппарата, увеличения полномочий у органов исполнительной власти и местного самоуправления, передачу правоохранительных функций инициативным гражданам, что будет серьезно затрагивать права и свободы граждан. От себя хочется добавить, что эффективное предупреждение преступлений предусматривает не только наличие законов и эффективного управленческого аппарата, но и социального и экономического благополучия населения, т. е. того уровня жизни, которого не хочется лишаться, меняя благополучие на преступную деятельность.

Определяя место криминологической политики в системе уголовной политики, обществу нужно понять и признать социальную миссию предупреждения различных угрожающих обществу девиаций. Стоит доктринально и на правоприменительном уровне разделить предупредительную репрессию (административная ответственность, уголовное наказание) и превентивную профилактику (выявление и устранение либо нейтрализацию детерминантов, а также воспитательное воздействие с целью недопущения совершения новых преступлений), т. е. профилактическую и наказательную функции. Криминологическая политика должна включать разработку стратегии и тактики предупреждения преступного поведения различными социальными, управленческими, правоохранительными и правовыми средствами, предлагая идеологический базис. Само антикриминальное профилактическое воздействие должно быть достаточно разнообразным и обусловленным правовыми и этнокультурными особенностями региона. В противном случае углубляющаяся в России тенденция отрыва криминологии от правотворчества и правоприменения будет усугубляться, становясь мировоззренческой ошибкой.

Список основных источников

1. Пикуров Н. И. Ограниченность возможностей уголовного закона в предупреждении социальных конфликтов в условиях реформирования социально-экономических отношений // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели : материалы VII Рос. конгресса уголов. права, 31 мая – 1 июня 2012 г. М. : Проспект, 2012. С. 219–221. Вернуться к статье

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Состояние преступности в России [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Рос. Федерации. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 25.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апр. 2014 г. № 345 :

в ред. от 28 нояб. 2025 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. Горшенков Г. Н. Доктринальные инновации в криминологии: сущность, ценность, проблемы реализации // Юрид. техника. 2021. № 15. С. 498–507. Вернуться к статье

6. Милюков С. Ф. Смертная казнь как актуальное наказание // Проф. юрид. образование и наука. 2021. № 1 (1). С. 12–18. Вернуться к статье

7. Гилинский Я. И. В тупике ли криминология постмодерна? // Всерос. криминол. журн. 2024. Т. 18. № 3. С. 228–230. Вернуться к статье

8. Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ : моногр. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 398 с. Вернуться к статье

9. Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М. : Наука, 1983. 183 с. Вернуться к статье

10. Рыбак А. З. Криминология в человеческом измерении: новая методология : моногр. М. : Юрлитинформ, 2020. 294 с. Вернуться к статье

УДК 343.985

В. А. Попов
начальник кафедры криминалистики
Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
Д. М. Владимиров
преподаватель кафедры криминалистики
Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ТАКТИКА ДОПРОСА В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТНОЙ И БЕСКОНФЛИКТНОЙ ОБСТАНОВКИ

В теории криминалистики под допросом понимается следственное действие, состоящее в получении и фиксации в установленном уголовно-процессуальным законом порядке показаний участников уголовного судопроизводства (свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, экспертов) об известных им обстоятельствах, значимых для конкретного уголовного дела. Допрос играет одну из главных ролей в расследовании преступлений, что подчеркивается во многих научных работах, посвященных рассматриваемой проблематике. Так, А. Н. Васильев, Л. М. Карнеева указывают, что в ходе допроса «почти по каждому делу добывается большое количество доказательств, позволяющих установить истину. В этом смысле допрос можно считать основным или главным источником получения доказательств» [1, с. 79].

В условиях конфликтной обстановки следователь может столкнуться с противодействием, оказываемым со стороны допрашиваемого, которое проявляется через дачу ложных показаний, попытки сокрытия известных ему фактов или вовсе отказа от дачи показаний. В таком случае необходимо применение тактических приемов психологического воздействия, которые включают в себя:

1. Убеждение допрашиваемого лица в объективности следователя, а также возбуждение у допрашиваемого чувства уважения к следователю.

2. Возбуждение заинтересованности допрашиваемого в даче показаний путем, например, уговоров и обещаний о снижении меры наказания по отношению к нему в случае, если допрашиваемое лицо — подозреваемый или обвиняемый [2, с. 136].

3. Использование тактико-психологических приемов для преодоления имеющегося сопротивления и противодействия со стороны допрашиваемого, а именно:

− проведение повторного допроса или иной постановки вопросов в ходе допроса (вопросы и ход допроса должны приобрести новый характер и контекст);

− приемы, создающие обстановку высокой осведомленности следователя о произошедшем событии;

− постановка косвенных вопросов (следователем задаются вопросы, несущие второстепенное значение для допрашиваемого, отвечая на которые, лицо может сообщить важные данные о событии);

− предъявление допрашиваемому изобличающих доказательств (указанный метод применяется тогда, когда лицо утверждает, что рассказало все известные ему сведения и больше пояснить по расследуемому событию ничего не может).

Конфликтная ситуация между допрашиваемым и следователем имеет характерные особенности. Так, в изучаемой обстановке следователь старается скрыть от конфликтующего лица свою тактическую позицию, в том числе уровень осведомленности следователя о произошедшем преступлении.

Также важное значение имеет применение следователем мер психологического воздействия, соответствующих нормам уголовного судопроизводства, что проявляется в недопустимости применения по отношению к допрашиваемому лицу насилия, угроз, шантажа, и иных противоправных методов.

Изучая условия бесконфликтной обстановки, хотелось бы отметить, что данная ситуация характеризуется наличием единых целей и задач, обеспечивающих тесное и благоприятное взаимодействие и сотрудничество следователя с допрашиваемым. В таком случае пути установления и укрепления психологического контакта содержатся в следующем:

1) поддержание эмоционального состояния допрашиваемого лица со стороны следователя, проявляющееся в спокойном и размеренном проведении следственного действия, полном и неукоснительном соблюдении прав и законных интересов в процессе производства допроса;

2) создание ощущения у допрашиваемого в искренней заинтересованности следователя не только по отношению к произошедшему событию, но и к личности допрашиваемого;

3) проведение следственного действия в комфортных условиях при отсутствии посторонних лиц для создания доверительной обстановки [3, с. 498].

Главными особенностями допроса, проводимого в бесконфликтной обстановке, являются соблюдение субординации и выстраивание личного контакта между участниками указанного следственного действия.

В условиях бесконфликтного допроса создаются оптимальные предпосылки для получения полных и достоверных показаний.

Ключевым фактором здесь выступает доброжелательная атмосфера, которую следователь должен поддерживать на протяжении всего процесса. Однако она не должна перерастать в развязное общение: недопустимы снисходительность, использование жаргонизмов или подражание речи и манерам допрашиваемого.

Эффективность допроса может быть снижена из-за ряда типичных ошибок:

− слабая коммуникация: неумение поддерживать психологический контакт;

− отсутствие подготовки: пренебрежение планированием и поверхностное знакомство с материалами уголовного дела;

− ошибочная оценка ситуации: неверный прогноз о бесконфликтном характере допроса и поспешность в его проведении;

− недостаточная работа с личностью: отсутствие тщательного изучения допрашиваемого.

Становится ясно, что результативность допроса обусловлена навыком следователя применять тактические методы для установления, поддержания и укрепления этого контакта.

Список основных источников

1. Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М. : Юрид. лит., 1970. 208 с. Вернуться к статье

2. Чинякова А. Н. Особенности тактики допроса в конфликтных ситуациях // Вестн. науки. 2020. Т. 3, № 6 (27). С. 135–138. Вернуться к статье

3. Рожкова В. А. Особенности тактики допроса подозреваемого и обвиняемого в конфликтной ситуации // Молодой ученый. 2016. № 26 (130). С. 497–499. Вернуться к статье

УДК 343.9

М. В. Прушковский
начальник отдела организационно-аналитической
и методической работы
Контрольно-ревизионного управления МВД России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МЕГАПОЛИСОВ: ВЫЗОВЫ «УМНОГО ГОРОДА»

Современный мегаполис представляет собой сложнейший социально-технический организм, жизнедеятельность которого все в большей степени определяется процессами цифровизации и внедрения новых технологий. Концепции «умного города» (Smart City), «цифрового двойника», «Интернета вещей» (IoT) и больших данных (Big Data) трансформируют управление городской средой: повышая ее эффективность, приводят к экономии ресурсов и отражаются на качестве жизни граждан. Однако эта трансформация носит диалектический характер: параллельно с очевидными преимуществами она порождает принципиально новые, системные угрозы, масштаб и природа которых до конца еще не осознаны ни правовой доктриной, ни правоприменительной практикой.

Уголовно-правовые риски «умного города» можно структурировать по традиционным объектам уголовно-правовой охраны, однако их ключевая особенность в мегаполисе заключается в глубинной интеграции и взаимозависимости, которые превращают единичный сбой в потенциальный каскадный коллапс.

Наиболее очевидный пласт рисков связан с защитой информации и устойчивостью цифровых систем. В мегаполисе эти риски обретают новое качество. Во-первых, речь идет о несанкционированном доступе к критической информационной инфраструктуре (далее — КИИ) (ст. 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК Российской Федерации)) [1]. Мегаполис концентрирует множество объектов КИИ: от энерго- и водоснабжения до транспортных узлов федерального значения (крупнейшие аэропорты, вокзалы, метрополитен). Их объединение в единую цифровую платформу управления создает так называемую единую точку отказа. Успешная атака на нее способна вызвать не просто локальный сбой, а каскадный коллапс, парализующий жизнь многомиллионного города. Ответственность по ст. 274.1 УК Российской Федерации наступает уже за создание угрозы, но в условиях

мегаполиса сама оценка степени этой угрозы должна быть принципиально иной.

Во-вторых, меняется природа таких преступлений, как создание и использование вредоносных программ (ст. 273 УК Российской Федерации) и неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК Российской Федерации). Целью атак становятся не отдельные серверы или персональные компьютеры, а распределенные сети миллионов IoT-устройств (камеры, датчики, системы «умного дома»), образующие периферийную систему города. Массовый захват таких устройств позволяет злоумышленникам проводить беспрецедентные по мощности DDoS-атаки на городские сервисы или использовать устройства для скрытого наблюдения [2]. Объем похищаемых персональных данных в мегаполисе — от биометрических параметров до детальных паттернов перемещения — исчисляется петабайтами, что качественно меняет характер и общественную опасность этого преступления, превращая его в инструмент тотального контроля или шантажа.

Внедрение автономных систем и алгоритмов искусственного интеллекта для управления городскими процессами порождает сложнейшие вопросы уголовной ответственности. Правовая проблема установления субъекта ответственности за действия, совершенные автономной системой, в мегаполисе усугубляется частотой и плотностью таких взаимодействий. Отсутствие в УК Российской Федерации специальных норм, регламентирующих ответственность за вред, причиненный решениями искусственного интеллекта, создает правовой вакуум, затрудняет возмещение вреда потерпевшим и не создает превентивных стимулов для разработчиков.

Технологическая инфраструктура мегаполиса становится идеальной мишенью для преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Диверсия (ст. 281 УК Российской Федерации) и террористический акт (ст. 205 УК Российской Федерации) обретают новую, киберфизическую форму. Взлом системы управления химическим заводом в городской черте или дестабилизация энергосети могут быть приравнены к диверсии, но совершены удаленно, без физического проникновения на объект и часто с пересечением государственных границ, что кардинально усложняет расследование [2].

В экономической сфере колоссальные бюджеты проектов «умного города», исчисляемые миллиардами рублей, создают мощнейший криминогенный стимул. Риски мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК Российской Федерации) и коммерческого подкупа (ст. 204 УК Российской Федерации), дачи взятки (ст. 290 УК Российской Федерации) и других преступлений резко возрастают. Сложность и уникальность технических решений

позволяют недобросовестным подрядчикам завышать стоимость, использовать некачественные компоненты или предоставлять неполный функционал, маскируя это под технические трудности. Коррумпированные должностные лица, курирующие такие проекты, получают возможность для получения взяток в особо крупном размере за лоббирование интересов конкретных компаний.

Среда «умного мегаполиса» сама по себе порождает специфические криминогенные факторы. Гиперконцентрация и взаимозависимость инфраструктур создают эффект «домино». Падение одного элемента (например, энергосети) вызывает лавинообразное падение других (транспорт, связь, водоснабжение, финансовые сервисы).

Анонимность в цифровом шуме — еще один ключевой фактор [3]. Ежедневный объем данных, генерируемый мегаполисом, столь огромен, что позволяет преступнику эффективно маскировать свою активность на фоне легитимного трафика. Криминальные транзакции, коммуникации злоумышленников и следы их деятельности легче скрыть в этом океане информации, что требует от правоохранительных органов принципиально новых инструментов и компетенций в области Big Data-аналитики.

Научно-технологическое развитие мегаполисов — объективный и необратимый процесс, несущий в себе диалектическое единство огромных возможностей и беспрецедентных угроз. Проведенный анализ показывает, что уголовно-правовые риски, порождаемые этой трансформацией, отличаются от традиционных не количественно, а качественно. Им присущи гипермасштаб, синергетический эффект, при котором атака на одну систему обрушивает другие, а также способность провоцировать системные социально-технические кризисы, выходящие далеко за рамки компетенции только правоохранительных органов.

Криминологическое измерение проблемы свидетельствует о том, что среда «умного города» активно генерирует новые детерминанты преступности, связанные с гиперконцентрацией уязвимостей, анонимностью в больших данных и появлением нового рынка киберкриминальных услуг. Население мегаполиса оказывается в положении массы системно виктимизированных «пользователей», чья безопасность напрямую зависит от надежности цифровых систем, в которые они не имеют доступа.

Список основных источников

1. Головенчик Г., Краско Г., Головенчик М. Проблемы кибербезопасности умных городов [Электронный ресурс] // Наука и инновации. 2020. № 12 (214). С. 51–57. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kiberbezopasnosti-umnyh-gorodov (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Костина Е. А. Риски умного города [Электронный ресурс] // Мир экономики и управления. 2023. № 2. С. 109–125. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/riski-umnogo-goroda (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Цифровая безопасность умных городов / Д. Н. Панин [и др.] // Междунар. науч.-исследоват. журн. 2019. № 11-1 (89). С. 31–33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-bezopasnost-umnyh-gorodov-1 (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.13

Л. А. Пупышева
начальник научно-исследовательского отдела
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент

СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЕ ПОСТРОЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Уголовное судопроизводство, независимо от того, какое его определение взять за основу (например, как форму реализации судебной власти, как досудебное и судебное производство по уголовному делу и т. д.), является единственной формой применения норм уголовного закона.

Принято считать, что уголовное судопроизводство приведено в определенную систему с помощью стадий. При этом стадия уголовного судопроизводства по своему смысловому значению, как правило, приравнивается к стадии производства по уголовному делу. Кроме того, зачастую уголовный процесс отождествляется с производством по уголовному делу.

Вопросы системно-структурного построения уголовного процесса для обслуживающей его доктрины не являются новыми. Еще в советский период учеными ставились вопросы о наличии особых и дополнительных уголовно-процессуальных производств (В. В. Николюк, Ю. К. Якимович). Многие идеи, появившиеся преимущественно в годы действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., получили свое дальнейшее развитие, являются актуальными в современных правовых и политических условиях.

За 25 лет, прошедших с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК), появилось множество правовых конструкций, которые ставят под сомнение привычное понимание системно-структурного построения уголовного процесса. К таковым, в частности, относятся процедуры, предусмотренные ст. 125.1, 214.1 УПК, главами 40.1, 51.1, 55.1 УПК и др.

Их появление катализируют дискуссии о содержательном наполнении таких категорий, как стадия уголовного процесса, уголовно-процессуальное производство, особое производство, особые порядки уголовного судопроизводства, дополнительное производство.

Результат соответствующей полемики должен обеспечивать научно обоснованный подход к решению более глобальных вопросов: В каком направлении должно развиваться уголовно-процессуальное законодательство? Каковы

основания и пределы дифференциации и унификации уголовно-процессуальной формы? Есть ли необходимость пересматривать систему принципов уголовного судопроизводства? Существует ли сегодня объективная необходимость в принятии нового УПК? Если да, то какова будет система уголовно-процессуального законодательства? Целесообразно ли разделять новый уголовно-процессуальный закон на Общую и Особенную части? Есть ли основания выделять в отрасли уголовно-процессуального права подотрасли? Какие уголовно-процессуальные нормы образуют самостоятельные институты и субинституты?

Полагаем, что указанные вопросы, которые сегодня стоят перед «лицом» юридической, в первую очередь уголовно-правовой, науки, являются перспективными направлениями научного поиска, требуют глубокого доктринального осмысления с учетом выработанных в общей теории права подходов, позитивного и отрицательного собственного (отечественного) и международного опыта.

Комплексное решение соответствующих научно-исследовательских задач актуально как для российского, так и для белорусского законодателя.

УДК 343

А. В. Пучнин
начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПОИСК И АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (КЕЙС-ТЕХНОЛОГИИ В ПОДГОТОВКЕ И ПЕРЕПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД)

В настоящее время значительно выросла потребность правоохранительных органов в специалистах, обладающих компетенциями в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Одной из таких компетенций является способность сотрудника применять как свободно распространяемое, так и специализированное программное обеспечение, использовать методы сбора информации по открытым источникам и на их основе деанонимизировать лицо, администрирующее аккаунты в сетевом пространстве, а также фиксировать противоправную деятельность с целью дальнейшего использования при решении задач оперативно-розыскной работы.

В связи с этим в 2025 г. кафедрой оперативно-розыскной деятельности Воронежского института МВД России разработаны три интерактивных кейс-тренажера для обучения оперативных сотрудников ОВД решению обозначенных задач. В их числе один кейс для Главного управления по контролю за оборотом наркотиков, второй — для подразделений по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий. В настоящее время создается четвертый тренажер — для Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России.

Тезисы посвящены кейсу, разработанному с участием сотрудников Главного управления по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел России для подразделений по противодействию экстремизму, его содержанию и практическому использованию в обучении.

Созданный тренажер нацелен на развитие ключевых компетенций в области цифровых следов, профайлинга и OSINT, он ориентирован на формирование у сотрудников конкретных профессиональных навыков, необходимых для раскрытия экстремистских преступлений в сети Интернет. В процессе

прохождения кейса отрабатываются навыки выявления и документирования цифровых следов преступной деятельности, осуществления профайлинга проверяемых лиц через их сетевую активность, а также проведения углубленного анализа данных из открытых источников. Прохождение данного кейса развивает способность сотрудника собирать оперативно значимую информацию в информационно-телекоммуникационном пространстве, деанонимизировать лиц, администрирующих экстремистские интернет-аккаунты, и фиксировать их противоправную активность.

Практическая ценность кейса подтверждается его сюжетом, в котором участники интерактивной игры выступают в роли специалистов по OSINT, которым поручено собрать оперативно значимую информацию и установить личности всех членов экстремистского сообщества, действующего в глобальном сетевом пространстве. Сценарий имитирует деятельность преступной группы, использующей зашифрованные каналы в мессенджерах, Даркнете и социальных сетях, а задача обучающихся сводится к поэтапному сбору так называемых хлебных крошек, которые приводят к деанонимизации каждого участника группы. Таким образом, тренажер позволяет на практике отработать комплекс умений: от поиска следов присутствия преступников онлайн до составления профилей подозреваемых и анализа открытых данных об их активности.

Тренажеры в ходе создания апробировались в образовательном процессе Воронежского института МВД России и используются по ряду учебных программ на кафедре оперативно-розыскной деятельности для слушателей очной и заочной форм обучения.

Кейс интегрирован в Систему электронного обучения Воронежского института МВД России, благодаря чему его можно использовать также в дистанционном формате из любой точки страны.

В очной форме обучения интерактивный кейс эффективно дополняет практические и семинарские занятия со слушателями. Руководитель занятий может организовать командное прохождение кейса или индивидуальную работу обучающихся в аудитории, отслеживая ход решения ситуационных задач в реальном времени. Решение задач кейса на занятиях позволяет моделировать реальные ситуации выявления противоправного контента в Сети и обсуждать тактику действий непосредственно по ходу прохождения.

В дистанционной форме кейс-тренажер предоставляет возможность сотрудникам самостоятельно проходить задания онлайн в удобное время. Система Moodle фиксирует прогресс и результаты, что дает возможность организовать контролируемое самостоятельное обучение для тех, кто проходит переподготовку или повышение квалификации удаленно.

При первоначальной подготовке сотрудников кейс включен в учебный план как практическое упражнение. Молодые сотрудники, проходящие обучение, через кейс знакомятся с современными методами работы в интернет-пространстве: учатся обнаруживать признаки экстремистской активности онлайн, работать с социальными сетями и мессенджерами, идентифицировать фигурантов по цифровым следам.

В программах переподготовки и повышения квалификации действующих оперативных сотрудников кейс также нашел применение в курсах для подразделений по противодействию экстремизму, чтобы обновить и углубить их навыки OSINT. Опытные сотрудники через интерактивный сценарий проверяют свою актуальную компетентность: знают ли они новые инструменты поиска информации, умеют ли распознавать скрытую активность экстремистов в Сети. Кейс служит своего рода диагностикой текущих навыков и одновременно их тренингом в условиях, максимально приближенных к реальным.

Структура кейса предусматривает автоматизированный контроль, защиту от копирования решений, актуальность контента.

Далее тезисно разберем содержание заданий. Всего данный тренажер включает 17 последовательных заданий, и успешное выполнение каждой из них приближает участника к финальному разоблачению преступной группы:

Задание 1. Установить город и место проведения акции.

Задание 2. Выяснить установочные данные лица, скрывающегося под псевдонимом Кеша Попугаев.

Задание 3. Установить страницу ВК лица, участвовавшего в мотопробеге.

Задание 4. Установить теневой почтовый сервис, с помощью которого участники сообщества обмениваются информацией.

Задание 5. Установить логин и пароль для авторизации на теневом почтовом сервисе.

Задание 6. Установить адрес криптокошелька получателя.

Задание 7. Установить название телеграм-канала финансового агента.

Задание 8. Определить место проведения отпуска финансового агента.

Задание 9. Установить человека, который сопровождал финансового агента во время заграничной поездки.

Задание 10. Установить рейс, которым летел финансовый агент.

Задание 11. Установить настоящее имя финансового агента.

Задание 12. Установить абонентские номера телефонов ближайших связей финансового агента.

Задание 13. Установить модели телефонов наиболее устойчивых связей фигуранта.

Задание 14. Установить имя лица, которое пользуется установленными абонентскими номерами.

Задание 15. Установить иностранный банк, через который осуществляется вывод средств.

Задание 16. Установить адрес банкомата, в котором наиболее часто обналичивают средства.

Задание 17. Узнать российский статический IP-адрес и провайдера.

Все задания по направлению можно разделить на пять групп:

– открытый поиск информации в интернет-ресурсах и соцсетях для установления фактов и лиц;
– анализ анонимных (теневых) коммуникаций;
– криптофинансовая аналитика;
– анализ медиафайлов и данных о перемещениях;
– анализ данных коммуникаций и сетевой активности.

Первая группа — это методы открытого поиска информации на интернет-ресурсах и в соцсетях для установления фактов и лиц. В эту группу входят задания 1–3. Обучающиеся анализируют публичные страницы и социальные связи, выявляя место события и фигурантов экстремистского сообщества.

Вторая группа — анализ анонимных (теневых) коммуникаций. Предполагает выявление и исследование скрытых каналов связи (Даркнет, анонимные сервисы). Задания направлены на поиск теневого почтового сервиса сообщества и получение доступа к переписке. Используются специализированные инструменты (например, Tor-браузер) и методы подбора учетных данных. В эту группу входят задания 4, 5.

Третья группа — криптофинансовая аналитика. Отслеживание движения средств в криптовалюте и банковской системе. Участники декодируют зашифрованные сообщения о переводах и анализируют финансовые транзакции для выявления получателей и посредников. Применяются инструменты блокчейн-анализа и изучение банковских выписок. В эту группу входят задания 6, 15, 16.

Четвертая группа заданий направлена на анализ медиафайлов и данных о перемещениях. Предполагает применение OSINT к мультимедийному контенту и открытым данным для слежения за ключевым фигурантом. Участники исследуют содержимое телеграм-канала финансового агента, анализируют фото- и видеоматериалы (по географическим ориентирам на видео определяется конкретная улица, место и координаты, используются данные о расписании рейсов, списки пассажиров для установления маршрутов поездок и настоящей личности одного из фигурантов). В эту группу входят задания 7–11.

Пятый блок заданий предполагает осуществление анализа данных коммуникаций и сетевой активности, а именно обработку телекоммуникационных метаданных и логов для выявления ключевых связей и технических следов. Участники изучают детализацию телефонных соединений, выявляют наиболее частые контакты и их устройства по IMEI, идентифицируют пользователей номеров через открытые сервисы (например, обнаружение фамилии через сервис GetContact). Также анализируются сетевые логи: по списку IP-адресов входа в аккаунт определяется постоянный российский IP-адрес подозреваемого и его интернет-провайдер. В эту группу входят задания 12–14, 17.

Платформа, на базе которой реализован контроль за вводимыми ответами, позволяет отслеживать попытки списывания: выявлять неестественно быстрое или подозрительно идентичное прохождение этапов разными участниками, то есть факты возможного копирования чужих ответов. Каждый сотрудник проходит игру под своим аккаунтом, а результаты и время решения заданий журналируются. Анализ этих данных позволяет обнаружить случаи несамостоятельного выполнения (например, если кто-то попытался воспользоваться готовыми ответами коллег). Таким образом, структура кейса стимулирует каждого участника решать задачи самостоятельно, что повышает эффективность обучения.

Поскольку информационная обстановка в Интернете динамична, кейс спроектирован с возможностью гибкого обновления контента. Администраторы могут редактировать заложенные в системе правильные ответы и условия задач, если реальные данные меняются. Например, если кейс ссылается на публично доступный источник или профиль, который со временем стал неактивен, либо появляются новые примеры методов сокрытия экстремистской активности, эти изменения можно оперативно внести в сценарий. Такой подход обеспечивает поддержание кейса в актуальном состоянии: каждый новый поток обучающихся получает задания, соответствующие реальным тенденциям и технологиям на момент прохождения. Это повышает прикладную ценность кейса и позволяет использовать его длительно, обновляя по мере необходимости.

Интерактивный кейс может выступать не только в роли обучающего модуля, но и как эффективный инструмент оценки уровня подготовки действующих сотрудников, то есть может быть использован руководителями на местах как для проверки профессиональных компетенций подчиненного оперсостава, так и при собеседовании с кандидатами для трудоустройства. В процессе прохождения задания каждый участник демонстрирует свой личный уровень владения навыками поиска и анализа сетевых данных, профайлинга и документирования цифровой оперативно значимой информации. Результаты,

их правильность, скорость решения и количество ошибок позволяют объективно оценить компетентность сотрудника в данной области.

Руководители подразделений могут включать прохождение кейса для внутренней проверки и поддержания навыков личного состава, выявляя, кто уверенно владеет методиками OSINT, а кому требуется дополнительное обучение. Индивидуальные результаты прохождения кейса могут храниться и учитываться при оценке деятельности сотрудника.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что кейс-технология представляет собой эффективный инструмент прикладного обучения и оценки сотрудников оперативных подразделений. Ее интеграция в образовательный процесс и повседневную деятельность территориальных подразделений по противодействию экстремизму способствует развитию необходимых компетенций у личного состава, повышает готовность к раскрытию преступлений экстремистской направленности в цифровой среде и обеспечивает единый стандарт профессиональных навыков. Такой подход отвечает современным вызовам и существенно укрепляет потенциал ОВД в сфере информационного противоборства экстремизму.

УДК 343.2

Е. А. Реутская
доцент кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ВЛИЯНИЕ УЧЕНИЯ О СОУЧАСТИИ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Общественная опасность преступления традиционно рассматривается в уголовном праве как материальный признак преступления и фундаментальное основание уголовной ответственности. В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) данная категория занимает центральное место, поскольку именно через нее законодатель обосновывает необходимость уголовно-правового запрета и применения мер уголовной ответственности. Вместе с тем в теории уголовного права нередко встречается упрощенное понимание общественной опасности, сводящееся к оценке санкции конкретной статьи Особенной части УК [1]. Подобный подход не отражает системной природы уголовного закона и не позволяет раскрыть реальный механизм определения общественной опасности конкретного деяния. В действительности общественная опасность преступления формируется не только через диспозицию и санкцию нормы Особенной части, но и посредством целого комплекса норм Общей части уголовного закона, которые уточняют, изменяют либо полностью исключают уголовно-правовую оценку деяния как преступного.

В этом контексте особое значение имеет институт соучастия в преступлении. Совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления объективно повышает его общественную опасность, поскольку объединение усилий нескольких субъектов усиливает способность причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Законодатель, закрепляя в ст. 16 УК понятие соучастия и виды соучастников (исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник), исходит из различной степени общественной опасности их поведения в зависимости от преступной роли каждого. Так, П. Ф. Тельнов отмечал, что виды соучастников различаются по единому классифицированному критерию, по характеру исполняемых функций. Степень участия в преступлении показывает меру активности виновного, она является количественной характеристикой лица в совместном деянии [2, с. 69]. Общественная опасность при соучастии проявляется не только в самом факте коллективного совершения преступления, но и в характере и степени участия каждого лица. Тем самым уголовный закон отказывается от механического

переноса общественной опасности состава преступления на всех соучастников и требует индивидуальной оценки вклада каждого из них. Данная позиция получила отражение и в разъяснениях судебной практики: в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2002 г. № 1 «О назначении судами уголовного наказания» судам предписано при индивидуализации наказания учитывать форму соучастия, а также конкретную роль и степень участия лица в совершении преступления [3]. Так, например, организатор преступления в большинстве случаев несет наибольшую ответственность, так как наносит своими действиями больший ущерб [4, с. 100]. Понимание наибольшей общественной опасности личности организатора преступления было учтено в рамках ст. 66 УК «Назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии», которая предписывает при выборе наказания организатору (руководителю) организованной группы назначать не менее трех четвертей срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК.

Как справедливо подчеркивается в научной литературе, увеличение размера наказания за групповое совершение преступления должно носить логичный и последовательный характер, чтобы отражать различную степень общественной опасности групповых объединений [5, с. 421]. Рассмотрев особенности увеличения размера наказания за совершение преступления в соучастии (группой лиц) по сравнению с основным составом, можно отметить, что закономерности прослеживаются не в полной мере. Обращаясь к главе 24 «Преступления против собственности», приведем в пример ст. 205–208 УК. Так, по ст. 205 УК «Кража» законодатель повысил наказание за групповое совершение преступления на год по сравнению с основным составом, за грабеж на два года, а за разбой и вымогательство — на пять лет. В рамках главы 27 «Преступления против общественной безопасности» за групповое совершение акта терроризма (ст. 289 УК) по сравнению с основным составом наказание в виде лишения свободы увеличено на пять лет, за захват заложника (ст. 291 УК) — на два года, за хищение оружия (ст. 294 УК) — на три года и за незаконный оборот оружия — на пять лет. За групповое совершение хулиганства (по ст. 339 УК) и получение взятки (ст. 430 УК) — строже на три года лишения свободы по сравнению с основным составом. Анализ санкций рассмотренных выше статей позволяет сделать вывод о том, что при совершении преступления группой лиц по предварительному сговору по сравнению с основным составом наблюдается ужесточение наказания, что выражается в увеличении минимального и (или) максимального срока наказания в виде лишения свободы, а также в сокращении либо исключении альтернативных, более мягких видов

наказания. Повышение санкции при наличии группы лиц обычно носит умеренный характер и по степени усиления сопоставимо с такими квалифицирующими признаками, как повторность или крупный размер ущерба. В отдельных составах увеличение верхней границы наказания является незначительным, а диапазон между верхним и нижним пределом уголовно-правовой санкции частично пересекается с основным составом.

За совершение преступления в составе организованной группы как более сложной формы соучастия наказание в УК традиционно установлено строже, что закреплено в особо квалифицированных составах преступлений [5, с. 420]. Такая тенденция отчетливо прослеживается как в преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности, так и в преступлениях, связанных с эксплуатацией человека, торговлей людьми.

Проведенный анализ показывает, что уголовное законодательство Республики Беларусь в целом последовательно исходит из учета повышенной общественной опасности соучастия, что выражается в закреплении соучастия в качестве квалифицирующего признака и ужесточении наказания по сравнению с основным составом. Однако усиление уголовной ответственности за совершение преступления группой лиц не всегда отличается единообразием и пропорциональностью, тогда как при совершении преступления организованной группой усиление уголовной ответственности в санкциях носит более системный характер.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. 208 с. Вернуться к статье

3. О назначении судами уголовного наказания [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 26 марта 2002 г. № 1 : в ред. от 28 сент. 2023 г. № 7. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Сидорова Е. З., Кутузов В. В. О роли соучастников в преступлении // Академ. мысль. 2023. № 1 (22). С. 97–100. Вернуться к статье

5. Иванова Л. В. Общественная опасность преступления и уголовно-правовые санкции (на примере противодействия групповой преступности) // Соврем. ученый. 2025. № 11. С. 419–423. Вернуться к статье

УДК 343.214

Л. А. Рябцева
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат педагогических наук

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Умение корректно толковать уголовно-правовые нормы является одной из ключевых компетенций для лиц, получающих или имеющих квалификацию «юрист». Проблема толкования уголовного закона обладает исключительной значимостью для целей эффективного правоприменения.

При том, что система существующих способов толкования уголовно-правовых норм общеизвестна (исторический, систематический, логический и др.), их использование в процессе нормоприменения может вызывать некоторые сложности. В настоящей публикации рассмотрим грамматический способ толкования.

В большинстве учебников и учебных пособий по Общей части уголовного права дается характеристика указанного способа, но ее нельзя назвать развернутой.

Само наименование способа «грамматический» восходит к названию одного из разделов языкознания — грамматики. То есть обращение к грамматическому способу толкования уголовно-правовой нормы потребует от лица знания так называемого «строя языка» [1] без ограничения исключительно морфологией и синтаксисом как разделами грамматики. И если белорусские правоведы (Ю. А. Борщев [2, с. 34], А. В. Барков [3, с. 53] и др.) не акцентируют внимание на разновидностях грамматического способа толкования, то российский исследователь А. М. Ораздурдыев выделяет семантическое, лексическое, морфологическое, синтаксическое, пунктуационное, этимологическое, стилистическое и смешанно-лингвистическое толкование [4, с. 466–467]. Поскольку зачастую при прочтении уголовно-правовых норм возникают сложности, касающиеся восприятия синтаксических конструкций с союзами «и», «или», «либо», то в этой части следует обратить внимание на синтаксический способ толкования как разновидность грамматического способа.

Приведенные союзы, являясь сочинительными, могут связывать как равноправные части сложносочиненного предложения, так и члены предложения.

Однако они отличаются по своему грамматическому значению, что может создавать трудности в восприятии содержания нормы уголовного права. Так, сочинительный соединительный союз «и» указывает либо на одновременность, либо на последовательность совершения общественно опасных деяний, образующих объективную сторону состава. Например, анализ диспозиции ч. 1 ст. 243^3 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) «Уклонение от уплаты страховых взносов» показывает, что состав общественно опасного деяния образуют два одновременно совершаемых действия: неначисление и неуплата обязательных страховых взносов, взносов на профессиональное страхование [5]. Понимание грамматической роли союза «и» в указанной конструкции позволяет правильно истолковать норму права, а соответственно, оценить поведение лица как неоконченное преступление, если имеет место лишь факт неначисления обозначенных взносов с целью их дальнейшей неуплаты.

В некоторых случаях «и» соединяет однородные признаки, указывая на императивную одновременность их наличия. Например, при уклонении детей от содержания родителей (ч. 1 ст. 175 УК) потерпевшими лицами выступают родители, которые должны не только являться нетрудоспособными, но и одновременно нуждаться в материальной помощи.

В других случаях союз «и» обозначает последовательность совершения общественно опасных действий. Примером служит диспозиция ч. 1 ст. 214 УК (угон), в которой обозначено, что лицо сначала должно неправомерно завладеть предметом преступления (первое действие) и осуществить поездку на нем (второе действие).

Сочинительные союзы «или», «либо» относятся к разделительным, являются синонимичными и в контексте диспозиции уголовно-правовой нормы указывают на альтернативную возможность любого из указанных общественно опасных деяний входить в объективную сторону состава преступления либо обладать тем или иным конструктивным, квалифицирующим либо особо квалифицирующим признаком.

Примером обоих описанных случаев может служить состав фальшивомонетничества (ст. 221 УК). В диспозиции перечислены три общественно опасных действия (изготовление, хранение, сбыт), любое из которых образует объективную сторону состава указанного преступления. Об этом свидетельствует наличие союзов «или» между словами «изготовление», «хранение» и «либо» — между словами «хранение», «сбыт». То есть правильное понимание союзных значений позволяет заключить, что настоящее преступление будет оконченным с момента начала совершения любого из перечисленных в диспозиции действий (при условии, что изготовление или хранение осуществляются с целью

дальнейшего сбыта). На альтернативность наличия квалифицирующих признаков в содеянном также указывает разделительный повторяющийся союз «либо», используемый перед вторым (организованная группа) и третьим (особо крупный размер) признаками, усиливающими ответственность виновного лица за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 221 УК.

Таким образом, важность синтаксического способа толкования уголовно-правовой нормы не вызывает сомнений, поскольку в ряде случаев он позволяет точно и корректно установить факт наличия или отсутствия общественно опасного деяния и, как следствие, дать верную правовую оценку содеянному, избежать интуитивного толкования уголовного закона.

Список основных источников

1. Современный русский язык : учеб. / С. М. Колесникова [и др.]. 3-е изд., испр. М. : ФЛИНТА, 2021. 560 с. Вернуться к статье

2. Борщёв Ю. А. Уголовное право. Общая часть: курс интенсивной подготовки. Минск : ТетраСистемс, 2008. 336 с. Вернуться к статье

3. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е. А. Авраменко [и др.] ; под ред. В. А. Кашевского. Минск : Акад. МВД, 2012. 734 с. Вернуться к статье

4. Ораздурдыев А. М. Основы уголовного права. Общая часть : учеб. для вузов. Кн. 3. Уголовный закон. М. : Юрлитинформ, 2023. 526 с. Вернуться к статье

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.6

Я. В. Саврук
адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТА ИСТЯЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В соответствии со ст. 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), охрана человека, его прав и свобод установлена как одна из основных задач, реализация которой будет способствовать предупреждению преступных посягательств. В этом контексте наибольший научный интерес представляет анализ субъекта преступлений против жизни и здоровья человека, объединенных в главе 19 УК, поскольку именно данные общественные отношения признаются фундаментальными и подлежат первоочередной уголовно-правовой защите [1].

Указанная группа преступлений закрепляет уголовную ответственность за истязание, предусмотренную ст. 154 УК. Данный состав отличается повышенной степенью общественной опасности, что обусловлено причинением потерпевшему продолжительных физических и психических страданий, а также, по существу, неизбежным посягательством на его честь и достоинство личности. В связи с изложенным представляется обоснованным и необходимым проведение научного анализа субъекта истязания как элемента состава рассматриваемого преступления. В соответствии с нормами уголовного закона, субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 154 УК, является вменяемое лицо, к моменту совершения преступления достигшее шестнадцатилетнего возраста. При изучении материалов 32 приговоров судов Республики Беларусь в сфере семейно-бытовых отношений было установлено, что виновные действия во всех случаях были совершены совершеннолетними лицами. Однако в научной литературе высказывалась точка зрения о снижении возраста уголовной ответственности за истязание. Рассмотрение вопроса о снижении возраста уголовной ответственности по ст. 154 УК до 14 лет требует более детального анализа, но само по себе может являться уголовно-правовым инструментарием, охраняющим уязвимые категории граждан от психического и физического насилия со стороны подростков. Актуальность подобного исследования подтверждается и примерами судебно-следственной практики. В повседневной жизнедеятельности имеются факты жестокого поведения лиц, не достигших возраста уголовной ответственности (подростки), общественно опасных действий, содержащих признаки истязания, так называемого буллинга [2; 3].

Изучение вышеуказанных примеров позволило установить, что подростковая агрессия направлена на уязвимые категории лиц (младшие по возрасту, бездомные, престарелые).

На основании обозначенных выше признаков можно сделать заключение, что субъект является общим. Дискуссионным остается вопрос о специальном субъекте по критерию «систематическое нанесение побоев», согласно которому один и тот же субъект должен причинять побои одному и тому же потерпевшему (сочетание количественного и качественного критерия). Действия обвиняемого могут быть установлены как при установлении административной преюдиции, так и непосредственном установлении достоверных трех и более фактов избиения обвиняемым потерпевшего, по которому уголовный и административный процесс не производился.

Обращаясь к квалифицированному составу истязания, отметим, что диспозиция ч. 2 данной статьи устанавливает ответственность за истязание, совершенное в отношении лица, находящегося в зависимом положении, либо лицом, ранее судимым за истязание. В данном случае субъект является специальным ввиду наличия вышеуказанных специальных признаков.

Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» (далее — Закон об НПА) в ст. 69 установлено, что официальное толкование осуществляется законодательным органом, издавшим закон. В соответствии с данным положением, в ст. 4 УК даются определения некоторым используемым терминам (близкие родственники, члены семьи, должностное лицо), в то время как квалифицирующий признак «лицо, находящееся в зависимом положении» разъяснения не имеет. Законом об НПА установлено, что постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (далее — ППВС) имеют силу закона и для единообразного и неукоснительного правоприменения устанавливаются правила юридической оценки в ситуациях, где государственными органами наблюдается неоднозначный подход к толкованию законодательства, в особенности в части интерпретации оценочных понятий, влияющих на уголовно-правовую оценку. Так, ППВС дает разъяснение «беспомощному состоянию», «особой жестокости», «существенному вреду, причиняемому правам граждан», однако такой квалифицирующий признак, как «лицо, находящееся в зависимом положении» своего толкования не получил, что наделяет это понятие критерием «оценочное», а соответственно, в рамках уголовного законодательства ведет к расширительному толкованию и нарушению единообразия судебной практики.

Под критерием «лицо, ранее судимое за истязание» подразумевается, что судимость лица не была снята или погашена. В соответствии с санкциями

чч. 1, 2 ст. 154 УК, данный состав преступления относится к категории менее тяжкого преступления, судимость за который погашается по истечении двух лет после отбытия основного и дополнительного наказания, за исключением допущения лицом особо опасного рецидива или совершения нового умышленного преступления до истечения срока погашения судимости.

Далее обратимся к признаку вменяемости. Законодательно вменяемость не определена, установлена так называемая презумпция вменяемости, подразумевающая, что каждое лицо является вменяемым, только если правоохранительными органами не будет установлено обратное. Отечественными учеными данный подход подвергается критике, в частности приведем позицию А. А. Примаченка и В. А. Кашевского о необходимости внесения изменений в ст. 28 УК и установлении уголовно-правовой категории «вменяемость» [4, с. 146].

Анализируя вышеизложенное, целесообразно резюмировать, что анализ судебной практики и научных источников свидетельствует о наличии дискуссионных вопросов, связанных с возможностью снижения возраста уголовной ответственности за истязание и установлением систематичности насильственных действий. Квалифицированный состав истязания предполагает наличие специального субъекта, однако отсутствие официального толкования признака «лицо, находящееся в зависимом положении» создает риски неоднородного правоприменения. В этой связи представляется необходимым дальнейшее теоретическое осмысление и нормативная конкретизация признаков субъекта истязания.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Милиция в Минске установила личности подростков, которые издевались над шестиклассником [Электронный ресурс]. URL: https://news.by/news/obshchestvo/militsiya_v_minske_ustanovila_lichnosti_podrostkov_kotorye_izdevalis_nad_shestiklassnikom (дата обращения: 15.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. «Выбирали жертву и ставили клеймо». Откровения белорусов, которые в детстве издевались над одноклассниками [Электронный ресурс]. URL: https://people.onliner.by/opinions/2021/11/18/izdevalis-nad-odnoklassnikami (дата обращения: 15.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Примачёнок А. А., Кашевский В. А. Вменяемость лица, совершившего общественно опасное деяние, как условие уголовной ответственности // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2020. № 1. С. 143–147. Вернуться к статье

УДК 343.1

А. Н. Савченко
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России

УСЛОВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Ряд норм действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации регламентирует использование электронных документов при производстве предварительного расследования. Анализ этих норм позволяет сформулировать следующие условия использования электронных документов в ходе досудебного производства:

1. *Электронные документы не должны содержать сведений:*

− затрагивающих безопасность государства;

− составляющих государственную тайну, иную охраняемую федеральным законом тайну;

− затрагивающих права и законные интересы несовершеннолетних;

− о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности.

Слово «тайна» употребляется в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК Российской Федерации) 30 раз, но его понятие не раскрывается. По информации справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» тайн насчитывается более 50 (государственная, коммерческая, налоговая, врачебная, адвокатская, служебная, нотариальная и т. д.), и регулируются они более чем 70 различными правовыми актами [1]. Понятие государственной тайны определено в Федеральном законе от 6 октября 1997 г. № 131-ФЗ [2], а вопрос о том, что подразумевал законодатель под «иной охраняемой законом тайной», дискуссионный и требует разъяснений и конкретизации.

2. *Наличие технической возможности.*

Законодатель не раскрывает понятие технической возможности. Анализ нормативных актов, регулирующих электронный документооборот, позволяет сделать вывод о том, что под технической возможностью необходимо понимать наличие цифрового оборудования с соответствующим программным обеспечением, позволяющим создавать, редактировать, подписывать, хранить и отправлять электронные документы. В соответствии с ч. 5 ст. 474.2 УПК Российской Федерации, копии процессуальных документов могут быть направлены посредством Федеральной государственной информационной системы «Единый

портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее — ЕПГУ, Госуслуги) [3]. Однако интервьюирование следователей, дознавателей Омской области показало, что электронные документы участникам уголовного процесса таким способом не направляются ввиду того, что доступ к ЕПГУ не оформлен. Следует отметить, что такой порядок взаимодействия успешно используется в рамках производства по делам об административных правонарушениях, зафиксированных камерами видеонаблюдения на автомобильных дорогах [4].

3. *Использование электронной подписи.*

Законодатель (чч. 5, 8, 10 ст. 115.2, ч. 3 ст. 186.1, ч. 3.1 ст. 222, чч.1, 2, 3 ст. 474.2 УПК Российской Федерации) оперирует двумя понятиями — «усиленная квалифицированная электронная подпись» и «простая электронная подпись».

Простая электронная подпись — это набор символов, которые подтверждают личность пользователя. Она может быть оформлена любому участнику уголовного судопроизводства.

Усиленная квалифицированная электронная подпись (УЭЦП) — это цифровой сертификат, позволяющий подписывать юридически значимые документы и, соответственно, необходим должностным лицам правоохранительных органов. В настоящее время УЭЦП имеется у каждого лица, производящего расследование по уголовному делу.

4. *Согласие лица, которому электронный документ направляется.*

Часть 5 ст. 474.2 УПК Российской Федерации закрепляет то, что копии процессуальных документов могут быть направлены участнику уголовного процесса с его согласия. Каким образом такое согласие должно быть выражено, законодатель не указывает. Вероятно, оно может быть оформлено в письменном виде при разъяснении прав участникам уголовного судопроизводства. Для этого, по нашему мнению, в УПК Российской Федерации необходимо внести соответствующие изменения. К примеру, в п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК Российской Федерации, п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК Российской Федерации закрепить право обвиняемого, потерпевшего получить копии документов в электронном виде. С февраля 2012 г. судам общей юрисдикции предоставлена возможность использовать для извещения участников средства мобильной связи (СМС-сообщения) [5]. Согласие на такое оповещение в ходе предварительного расследования оформляет лицо, производящее расследование по уголовному делу, по установленному образцу. Такой образец документа, возможно, следует использовать для оформления согласия участника уголовного процесса на получение копий электронных документов в досудебном производстве.

5. *Соблюдение формы процессуальных документов.*

Процессуальная форма — это урегулированный нормами уголовно-процессуального законодательства порядок осуществления процессуальной деятельности и документального закрепления ее результатов. Мы рассмотрим вопрос только в контексте закрепления процессуальной деятельности в документах. Требования, предъявляемые к оформлению процессуальных документов в уголовном процессе, установлены в УПК Российской Федерации только для документов, выполненных на бумаге. Что касается электронных документов, то порядок их оформления уголовно-процессуальный закон не регламентирует. Отличий в содержании процессуальных документов, выполненных как в бумажном, так и в электронном виде, быть не должно, а внешние реквизиты могут быть отличны (к примеру место электронной подписи, сохранение документа в определенном формате: word, pdf, rtf и т. д.). Это объясняется тем, что электронные документы не имеют материального носителя и для их изготовления необходимы шаблоны и правила заполнения. С этой целью целесообразно внести в приказ МВД России от 2 сентября 2024 г. № 515, регламентирующий делопроизводство в органах внутренних дел [6], ряд дополнений, касающихся оформления электронных документов в рамках уголовного дела, а также их хранения, или разработать отдельную инструкцию по использованию электронных документов в ходе досудебного производства.

Подводя итог сказанному, отметим, что условия использования электронных документов в ходе досудебного производства, обозначенные законодателем, ориентированы на соблюдение прав участников уголовного процесса. В то же время эти условия должны подкрепляться не только реальной возможностью их соблюдения, но и сопровождаться детальным разъяснением их применения.

Список основных источников

1. Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 : в ред. от 13 июля 2015 г. № 357. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной тайне» [Электронный ресурс] : Федер. закон от 6 окт. 1997 г. № 131-ФЗ : в ред. от 4 авг. 2023 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 20 февр. 2026 г. № 39-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Об утверждении Положения о порядке подачи (направления) документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде и требованиях к их формату, типового положения о порядке подачи (направления) документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде посредством регионального портала государственных и муниципальных услуг, а также о рекомендациях к формату таких документов [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 2025 г. № 980. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда от 9 февр. 2012 г. № 3 : в ред. от 25 дек. 2018 г. № 50. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

6. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 2 сент. 2024 г. № 515. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 351.74:061.1(100)+343.14

В. И. Самарин
доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

РАСКРЫТИЕ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБМЕНА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРПОЛА

Одним из ключевых критериев оценки доказательств в уголовном процессе является их способность подтверждать либо опровергать обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Именно через призму предмета доказывания наиболее наглядно проявляется функциональная роль информации, полученной по каналам Интерпола, а также ее влияние на формирование стандартов доказанности. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть информацию, полученную через Интерпол, не изолированно, а в контексте системы доказательств в уголовном процессе в рамках предмета доказывания.

В теории уголовного процесса предмет доказывания традиционно рассматривается как совокупность юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению по каждому уголовному делу [1, с. 158]. Эти обстоятельства образуют структурированную систему, включающую событие преступления, виновность лица, характеристики личности обвиняемого, обстоятельства, влияющие на уголовную ответственность и наказание, а также иные данные, необходимые для разрешения дела по существу. Использование Интерпола позволяет задействовать трансграничные источники информации для подтверждения практически каждого из указанных элементов.

Применительно к событию преступления сведения, полученные через Интерпол, могут способствовать установлению фактических параметров деяния — времени, места, способа совершения, а также объективных связей между участниками и предметами преступления [2, с. 56–57]. Теоретически важно отметить, что такие сведения, как правило, не носят исчерпывающего характера и редко выступают в качестве прямых доказательств. Их значение заключается в уточнении и дополнении доказательственной картины, а также в подтверждении либо опровержении версий, выдвигаемых сторонами.

Так, в уголовном деле по обвинению в мошенничестве одним из источников доказательств, подтверждающих, что бронирование номеров на базе отдыха носило фиктивный характер и указанные в обвинении лица ни при каких

обстоятельствах не могли туда вселиться, а также оставить свои подписи в чеках эквайрингового терминала, являются информационные письма из Главного управления Министерства внутренних дел России, которыми подтверждается, что, по данным Национального центрального бюро Интерпола иностранных государств, в отношении тринадцати иностранных граждан отсутствуют сведения о таких лицах [3].

Особое место занимает использование информации Интерпола при установлении личности обвиняемого и его роли в совершении преступления. В условиях трансграничной мобильности лиц и распространенности поддельных документов именно международные учетные системы нередко позволяют устранить сомнения в идентификации субъекта. С точки зрения теории доказательств такие сведения имеют повышенную доказательственную значимость, поскольку напрямую связаны с ключевым элементом предмета доказывания — виновностью обвиняемого в совершении преступления. Вместе с тем они требуют тщательной проверки, поскольку ошибки в идентификации способны привести к существенным нарушениям прав лица.

Информация, полученная по каналам Интерпола, активно используется и при характеристике личности обвиняемого. Данные о предыдущих судимостях, фактах привлечения к уголовной ответственности в иных государствах, наличии либо отсутствии международного розыска позволяют суду сформировать более полное представление о личности лица. В теоретическом плане такие сведения относятся к вспомогательным доказательствам, не определяющим вывод о виновности, но способным повлиять на оценку степени общественной опасности и индивидуализацию наказания.

Значимым направлением является и доказывание отрицательных фактов — отсутствие определенных обстоятельств, имеющих правовое значение. В уголовном процессе доказывание отрицательных фактов традиционно вызывает сложности, поскольку оно не предполагает установления конкретного события. Сведения Интерпола в этом контексте позволяют подтвердить, например, отсутствие розыска, судимости, регистрации лица или объекта в иностранных учетах. В ряде приговоров упоминаются ответы Национального центрального бюро Интерпола в качестве источника доказательственной информации, подтверждающего отсутствие факта выдачи водительского удостоверения обвиняемому [4]. Такие доказательства повышают роль презумпций и косвенного доказывания, что напрямую связано с формированием стандартов доказанности.

Отдельного внимания заслуживает использование информации Интерпола при установлении обстоятельств, влияющих на уголовную ответственность и

наказание. Данные о передвижении лица между государствами, применении к нему мер процессуального принуждения за рубежом, особенностях применения экстрадиционных мер пресечения способны существенно повлиять на выводы суда. В этом аспекте информация, полученная через Интерпол, выходит за рамки классического понимания предмета доказывания и затрагивает вопросы справедливости и соразмерности уголовно-правового воздействия.

С точки зрения стандартов доказанности важно подчеркнуть, что информация Интерпола, как правило, не формирует самостоятельного основания для вывода о виновности. Ее доказательственная сила проявляется в совокупности с иными доказательствами, где она выполняет функцию подтверждающего либо опровергающего элемента. Это соответствует современным представлениям о доказанности как результате системной оценки всего доказательственного массива, а не доминирования отдельного источника.

Таким образом, информация, полученная по каналам Интерпола, интегрируется в национальную систему доказательств не как автономный источник, а как функциональный элемент предмета доказывания, способный подтверждать, уточнять либо опровергать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Ее доказательственная значимость проявляется преимущественно в совокупности с иными доказательствами — при установлении события преступления, идентификации и характеристике личности обвиняемого, доказывании отрицательных фактов и определении обстоятельств, влияющих на ответственность и наказание. При этом использование таких сведений усиливает роль косвенного доказывания и презумпций, одновременно требуя повышенных стандартов проверки ввиду трансграничного характера источника и потенциального воздействия на права человека. В конечном итоге практика обращения к каналам Интерпола отражает формирование международно-правового измерения современного уголовного процесса и трансформацию стандартов доказанности в условиях глобализации преступности.

Список основных источников

1. Уголовный процесс : учеб. пособие / Л. Л. Зайцева [и др.] ; под ред. Л. Л. Зайцевой, В. И. Самарина. Минск : БГУ, 2023. 591 с. Вернуться к статье

2. Самарин В. И. Использование каналов Интерпола в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2026. № 3. С. 52–59. Вернуться к статье

3. Определение Четвертого КСОЮ от 26.03.2024 № 77-927/2024 (РФ) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=169459 (дата обращения: 12.02.2026). Вернуться к статье

4. Приговор суда Советского района г. Минска от 27 октября 2023 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.3/7

Ю. Б. Самойлова
доцент кафедры медицинского права
Ростовского государственного медицинского университета
(Российская Федерация),
адвокат РОКА «Правовой Интегратор»,
кандидат юридических наук

ЗАЩИТА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ, СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

Вопросы защиты врачебной тайны в медицинских организациях достаточно подробно регламентированы. Однако время от времени появляются публикации о привлечении медицинских работников к уголовной ответственности за разглашение конфиденциальных сведений о пациентах.

В отличие от Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь), в котором имеется ст. 178 «Разглашение врачебной тайны» [1], в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК Российской Федерации) специальная норма об ответственности за разглашение врачебной тайны отсутствует [2]. Вместе с этим умышленные действия по собиранию и распространению сведений о частной жизни гражданина в нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья влекут привлечение к уголовной ответственности по ст. 137 УК Российской Федерации. При этом конструкция состава данного преступления такова, что по общему правилу преступление будет окончено независимо от того, получена ли эта информация третьим лицом, причинен ли такими действиями тяжкий вред. И в этом имеется сходство со ст. 178 УК Республики Беларусь.

Нами была исследована российская правоприменительная практика с целью установить, в чем выражалось нарушение врачебной тайны, за которым последовало привлечение к уголовной ответственности.

Рассмотрим несколько примеров 2022–2024 гг. В 2024 г. в Оренбургской области была осуждена медицинская сестра, которая, получив в силу исполняемых обязанностей пароль к учетной записи в государственной информационной системе в сфере здравоохранения (ЕЦП), воспользовалась этим доступом в незаконных целях. Далее без служебной необходимости получила из ЕЦП сведения о состоянии здоровья пациента, распечатала их на принтере, а затем сфотографировала и отправила фото с этими данными третьему лицу посредством мессенджера WhatsApp [3].

В 2023 г. другая медицинская сестра совершила аналогичные действия: через WhatsApp, установленный в ее мобильном телефоне, переслала собранные ею сведения о диагнозе и состоянии здоровья (протокол ультразвукового исследования) пациента третьему лицу. Как указано в приговоре, медицинский работник тем самым произвела незаконное собирание и распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную тайну, без его согласия, совершенные с использованием своего служебного положения [4]. Мотивы такого распространения персональных данных пациентов в приговоре не указаны. Они имеют значение для криминологического исследования, но на квалификацию не влияют.

Приведем примеры привлечения к уголовной ответственности врачей. Врач-психиатр заполнила медицинское заключение с указанием диагноза на пациента и передала бывшему супругу для дальнейшего предоставления в суд с целью определения места жительства их малолетнего ребенка. Суд квалифицировал «такую помощь» в решении семейной проблемы по ст. 137 УК Российской Федерации [5].

В 2024 г. был осужден по ст. 137 УК Российской Федерации заведующий отделением одной из больниц за то, что он, не будучи лечащим врачом, сфотографировал на свой мобильный телефон сведения о проведении обследования пациентки. В дальнейшем эти данные он отправил своему знакомому. Сам приговор на сайте суда не опубликован, судебное заседание было закрытым [6].

Приведенная практика наглядно демонстрирует, что с развитием высоких технологий, информатизации системы здравоохранения возрастают риски разглашения сведений о состоянии здоровья пациентов, содержащихся в информационных системах.

В декабре 2024 г. в УК Российской Федерации была введена ст. 272.1, которая предусматривает ответственность за незаконные передачу, сбор компьютерной информации, содержащей персональные данные (далее — ПДн), включая специальные категории. Одновременно в ст. 137 УК Российской Федерации сделано исключение — случаи, предусмотренные ст. 272.1 УК Российской Федерации.

Рассмотрим данный состав преступления подробнее, сделав акцент на специальной категории ПДн — сведениях о состоянии здоровья как составляющей врачебной тайны (ч. 2). Для наступления ответственности по основному составу наступления таких вредных последствий, как крупный ущерб, тяжких последствий не требуется. При их наступлении ответственность должна наступать по чч. 3 и 5 соответственно, а это квалифицированные составы.

Такая формулировка приводит к сложностям в разграничении преступления, предусмотренного анализируемой ст. УК Российской Федерации, и административного правонарушения, предусмотренного ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [7]. В отзыве на проект № 502113-8, изложенном в письме Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2023 г. № 4-ВС-79/23 [8], обращено внимание на то, что ст. 13.11 КоАП Российской Федерации охватываются незаконные сбор, хранение, использование и передача как самих ПДн, так и баз, включающих такие данные, если деяние не содержит каких-либо дополнительных признаков, повышающих его общественную опасность.

При таких обстоятельствах имеются риски привлечения медицинских работников за передачу ПДн специальной категории даже одного пациента, полученных из медицинской базы данных, по ст. 272.1 УК Российской Федерации.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Постановление Оренбургского районного суда Оренбургской области от 08 июля 2024 г. по делу №1-243/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://orenburgsky--orb.sudrf.ru/modules.php (дата обращения: 16.02.2026). Вернуться к статье

4. Приговор Пожарского районного суда Приморского края от 13.12.2023 по делу №1-167/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://pozharsky--prm.sudrf.ru/modules.php?name (дата обращения: 16.02.2026). Вернуться к статье

5. Приговор Калачеевского районного суда Воронежской области от 02.06.2022 по делу № 1-115/2022 [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=477 (дата обращения: 16.02.2026). Вернуться к статье

6. Сибайский городской суд Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://sibaisky--bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&case_id=140044728&ca (дата обращения: 16.02.2026). Вернуться к статье

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 562-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

8. Письмо Верховного Суда РФ от 11 января 2023 г. № 4-ВС-79/23 «Официальный отзыв на проект федерального закона № 502113-8 “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/77097225/ (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.141

Д. М. Сафронов
доцент кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА СВЕДЕНИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ НА ПРИМЕРЕ БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ: ТРАДИЦИИ И ПОТРЕБНОСТИ

Российская Федерация с 2022 г. осуществляет специальную военную операцию. На территориях, где она проводится, введено военное положение. В таких особых условиях [1, с. 11–15] реализуются основные государственные виды деятельности, включая уголовное судопроизводство. Особенность ситуации проявляется в том, что досудебное производство осуществляется по правилам, разработанным для мирного времени. Это, в частности, означает использование сложных процедур ограничения прав и свобод лиц, в которые вовлекаются органы, осуществляющие ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль. Однако, если в условиях повседневной деятельности эти органы существуют в каждой местности и каждом населенном пункте, то в условиях военного времени можно наблюдать и частичный некомплект лиц, и даже отсутствие отдельных органов и учреждений в определенных административных единицах. Такая ситуация обуславливает постановку вопроса о перераспределении их полномочий на иные ближайшие органы, которые могут находиться на удалении 60–140 км [2, с. 19]. Подобная ситуация, безусловно, снижает оперативность предварительного расследования.

Наряду с организационными проблемами, связанными с процессуальными, существуют и собственно уголовно-процессуальные особенности производства, решительно не вписывающиеся в изменяющуюся систему отношений — условия военного времени. В частности, так обстоит дело с получением сведений, составляющих банковскую тайну в Российской Федерации. В соответствии с УПК Российской Федерации, эти данные получаются по судебному решению. Такая ситуация возникла еще на раннем этапе формирования рыночной экономики, когда законодатель выступил в защиту сведений финансово-кредитной сферы. В Федеральном законе от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» он закрепил предоставление сведений о конкретных сделках и операциях кредитных организаций, о сделках и об операциях их клиентов и корреспондентов лишь «судам по уголовным

делам» (ч. 32 ст. 26) [3]. Избранная формулировка создает условия для толкования нормы права, допуская такие варианты, как «только судам по делам, принятым ими к производству», «по запросу суда», «по запросу органа предварительного расследования, направленного суду и одобренного им». С учетом потребностей уголовного судопроизводства получение данной информации важно именно на досудебном производстве, поэтому первый вариант, вариант наиболее близкий к положению закона, видится неправильным. В этой связи более взвешенной была бы формулировка по запросу суда либо с его согласия. Развивая данную идею в УПК Российской Федерации, законодатель не только подтвердил судебный порядок получения сведений, но и закрепил форму изъятия, указав на выемку (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК Российской Федерации).

Сложившаяся ситуация обуславливает постановку ряда вопросов. Почему банковская тайна подлежит повышенной защите? Почему законодатель избрал выемку в качестве средства изъятия? Почему был избран суд в качестве органа, обеспечивающего гарантии?

Отвечая на первый вопрос, можно сделать предположение, что в период, предшествующий разделению СССР на самостоятельные субъекты, данный вопрос был пролоббирован. Между тем с тех пор прошло более 25 лет, банки, включая Центральный банк Российской Федерации [4], не являются государственными, не связаны с органами государственной власти, не преследуют государственные цели и на этом основании не должны иметь исключительную защиту государства.

Отвечая на второй вопрос, полагаем, избранная форма не является оптимальной. Во-первых, она ограничивает возможности по поиску и изъятию иных документов, сведения о которых исходно отсутствовали, и которые изобличают преступную деятельность организации [5, с. 128]. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать ситуацию как юридическую фикцию [6, с. 47–52]. Во-вторых, препятствует поисковым действиям, разрешенным в ходе обыска, и кредитные организации начинают самостоятельно истолковывать требования органов расследования [7, с. 11–15]. В-третьих, сама процедура судебного контроля вызывает сомнение, поскольку ходатайства о выемке удовлетворяются в 94 % случаев [8].

При такой ситуации в условиях военного положения целесообразно исследовать потребности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, и рассмотреть вопрос об отказе от судебного санкционирования изъятия данных сведений, предоставив органам предварительного расследования получить эти данные по запросу в порядке ч. 4 ст. 21 УПК Российской Федерации,

а законность и обоснованность проведенных действий оценивать в ходе судебного заседания.

Список основных источников

1. Сафронов Д. М. Особенности применения задержания в условиях военного положения // Рос. следователь. 2024. № 8. С. 11–15. Вернуться к статье

2. Горбатых И. М. О некоторых проблемных вопросах организации расследования преступлений в особых условиях // Организационные и правовые особенности деятельности органов внутренних дел в особых условиях (специальных правовых режимах): теория и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Мариуполь, 6 февр. 2025 г. / ВА МВД России, Волгоград, 2025. С. 19–22. 1 электрон. опт. диск (DVD-R). Вернуться к статье

3. О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1 : в ред. от 28 нояб. 2025 г. № 431-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) [Электронный ресурс] : Федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 543-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. Корнуков В. М., Неверова Н. В. Проблемы выемки предметов и документов и истребования сведений, содержащих банковскую тайну // Юрид. вестн. Самар. ун-та. 2017. Т. 3, № 4. С. 126–130. Вернуться к статье

6. Переплетчикова А. И. Юридическая фикция как один из способов устранения неопределенности в праве // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. 2023. № 5. С. 47–52. Вернуться к статье

7. Грачев С. А. Банковская тайна в уголовном судопроизводстве: коллизии толкования и правоприменения // Рос. следователь. 2021. № 8. С. 11–15. Вернуться к статье

8. Уголовное судопроизводство. Рассмотрение ходатайств при следственных действиях [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ : [сайт]. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/15/s/13 (дата обращения: 20.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.35

Д. А. Свиридов
начальник кафедры
общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В научных кругах отмечается, что уголовное законодательство, регулирующее ответственность за коррупционные преступления, нуждается в совершенствовании. Хотя в Беларуси проведена значительная работа по совершенствованию уголовного законодательства в сфере ответственности за коррупционные преступления, проблема несовершенства остается актуальной. Несмотря на это, в подходах к определению коррупционных преступлений наблюдается некоторая несогласованность, а также возникают трудности в практическом применении соответствующих норм права. В частности, продолжаются дискуссии по таким вопросам, как круг субъектов взяточничества, квалификация неудавшегося посредничества во взяточничестве, разграничение коррупционных преступлений между собой и от близких по составу преступлений, а также по ряду других проблем.

Тема противодействия коррупционным преступлениям нашла широкое отражение в научной уголовно-правовой литературе. В разработку этой тематики значительный вклад внесли ученые, среди которых выделяются В. Н. Борков [1], В. В. Коробченков [2], А. А. Нечепуренко [3], Е. В. Ромашина [4] и др. Тем не менее по многим вопросам, связанным с уголовно-правовой ответственностью за коррупционные преступления, научное сообщество пока не пришло к единому мнению. Это обстоятельство, безусловно, неблагоприятно сказывается на состоянии правовых норм и практике их применения. Данный вывод подразумевает необходимость углубленного изучения темы, освещенной в статье. Такое исследование позволит обобщить существующие в науке уголовного права подходы и выделить наиболее убедительные предложения по совершенствованию уголовного законодательства [5, с. 4].

Коррупционные преступления можно классифицировать как разновидность коррупционных правонарушений, что подтверждается, например, работами В. В. Коробченко и Т. В. Иванкиной. Авторы отмечают, что коррупционные правонарушения не являются однородной категорией и могут быть разделены по отраслевому признаку на коррупционные преступления,

административные правонарушения коррупционного характера, дисциплинарные проступки коррупционной направленности и др. [2, с. 32].

Чтобы разобраться в понятии «коррупционные преступления», необходимо сначала определить, что же такое коррупция. По мнению Е. В. Ромашиной, в современной юридической среде сформировались два основных подхода к интерпретации этого термина. Некоторые исследователи ограничивают коррупцию подкупом и взяточничеством. Другие же придерживаются более широкой трактовки, определяя коррупцию как любое корыстное злоупотребление служебным положением [4, с. 32–34].

Считаю, что наиболее подходящим является широкий подход. И. Ю. Шокот определяет коррупцию как негативное, противозаконное и социально-правовое явление, которое проявляется в сознательном действии или бездействии чиновника. Это действие или бездействие совершается в личных интересах или во благо определенных лиц и осуществляется с использованием полномочий, предоставляемых служебным положением. Цель такого поведения — незаконное получение имущественных или нематериальных благ как непосредственно самим чиновником, так и через посредников или третьих лиц [6, с. 11].

Точное определение коррупции играет ключевую роль в развитии уголовно-правовых механизмов борьбы с ней. Исследование понятия коррупционных преступлений является необходимым условием для решения задачи законодательной регламентации деяний, обладающих коррупционным характером, а также для определения их классификационных особенностей.

Предложенный подход к определению признаков коррупционных преступлений заслуживает одобрения, однако требует некоторой доработки. А. А. Нечепуренко и В. Н. Борков считают, что в перечень признаков коррупционного преступления, помимо обязательного участия должностного лица, действующего в своих интересах, и корыстной мотивации, необходимо включить обязательное наличие соучастия [3, с. 106]. Коррупционные преступления неразрывно связаны с коррупционными отношениями, которые искажают естественное взаимодействие в сфере государственного управления, замещая его.

В. Н. Борков определяет коррупционное преступление как общественно опасное деяние, совершаемое участниками коррупционных схем, которые возникают между должностными лицами и другими индивидами. Цель этих схем — получение незаконной выгоды, материальной или иной путем злоупотребления должностными полномочиями или положением, что противоречит интересам личности, общества и государства [1, с. 118].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Нерешенными остаются такие проблемы, как правовая квалификация получения и передачи взятки под видом поддельных денег; правовой анализ коррупционной практики, заключающейся в предоставлении преимуществ неимущественного характера; правовая оценка обещания о даче взятки и предложения таковой и др.

В качестве самостоятельной разновидности коррупционных преступлений следует рассматривать действия, связанные с получением и дачей взяток, когда их целью является незаконное назначение взяткодателя на какую-либо государственную должность или позицию в системе государственной службы. Предлагается признать дачу взятки с целью незаконного назначения взяткодателя на государственную должность или в государственную службу самостоятельным преступлением; признать деяния, связанные с коррупцией, в качестве преступлений, включая получение выгод (услуг) без материальной составляющей; внедрить в Особенную часть Уголовного кодекса статью, предусматривающую ответственность за обещание и предложение взятки.

Среди перспективных путей совершенствования законодательства в сфере ответственности за коррупционные преступления стоит выделить развитие норм, предусматривающих ответственность юридических лиц за коррупционные деяния. Это развитие должно быть связано с расширением административно-правовых инструментов.

Список основных источников

1. Борков В. Н. Коррупционное преступление как основной элемент системы коррупционных отношений // Соврем. право. 2022. № 4. С. 114–118. Вернуться к статье

2. Коробченко В. В., Иванкина Т. В. Правовая природа ответственности гражданских служащих за коррупционные правонарушения // Актуальные проблемы рос. права. 2016. № 7 (68). С. 31–41. Вернуться к статье

3. Нечепуренко А. А., Борков В. Н. Коррупционные преступления в сфере управления государственной собственностью // Соврем. право. 2021. № 8. С. 101–105. Вернуться к статье

4. Ромашина Е. В. Классификация научных подходов к определению коррупции // Гос. власть и мест. самоуправление. 2011. № 7. С. 32–34. Вернуться к статье

5. Новиков Е. Е. Теоретико-правовые основы противодействия коррупции при реализации контрольно-надзорных функций сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций : учеб. пособие. Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН, 2018. 43 с. Вернуться к статье

6. Шокот И. Ю. К вопросу о понятии коррупции, ее сущности и признаках // Воен.-юрид. журн. 2015. № 7. С. 8–12. Вернуться к статье

УДК 343.3

В. Е. Сериков
адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ ПУБЛИЧНОЕ ОПРАВДАНИЕ ТАКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Экстремизм и экстремистская деятельность как явления проникли во все сферы жизнедеятельности общества и государства. Как показала практика, наиболее эффективным способом распространения экстремистской идеологии являются публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

В современном мире ключевую роль в распространении информации (особенно среди молодежи) играет сеть Интернет. При этом Всемирная паутина также является главным средством распространения экстремистских идей и осуществления определенных видов экстремистской деятельности, а определенные интернет-площадки (социальные сети, тематические форумы и т. п.) используются как средства для публичного оправдания подобного рода деятельности. Также необходимо учитывать, что у каждого гражданина сейчас имеется смартфон с круглосуточным и стабильным доступом в сеть Интернет, что дает возможность получать доступ к совершенно любой информации за секунды, в том числе к информации, которую сам пользователь может и не желать получать (например, непропускаемая реклама в видеороликах, рекламные баннеры на сайтах, требующие некоторого времени для их закрытия, и т. п.). Иногда из-за политики отдельных интернет-ресурсов (которые сами по себе могут и не являться экстремистскими) пользователь может получить информацию деструктивного содержания.

Несомненно, главными способами противодействия экстремизму и экстремистской деятельности должны быть превентивные методы, прежде всего связанные с идеологическим и психологическим воспитанием граждан (и прежде всего молодежи). Однако, как показывает практика, наиболее эффективным способом противодействия подобным негативным феноменам является установление уголовной ответственности за соответствующие действия.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) отсутствует норма, направленная на противодействие публичным призывам к осуществлению экстремистской деятельности [1]. Отдельными нормами устанавливается ответственность за публичные призывы к осуществлению конкретных видов

деятельности (например, ст. 342^2 УК «Неоднократное нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий» или 369^3 «Публичные призывы к организации или проведению незаконных собрания, митинга, уличного шествия, демонстрации или пикетирования либо вовлечение лиц в участие в таких массовых мероприятиях» и т. п.). Однако стоит отметить, что данные деяния будут признаваться экстремистскими только в случае, если они осуществляются с целью посягательства на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность (в соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму») [2]. Но даже в таком случае это является частными случаями публичных призывов и не охватывает всех возможных видов экстремистской деятельности, регламентированных Законом «О противодействии экстремизму».

Аналогичное можно сказать и про публичное оправдание подобного рода деятельности — ответственность за публичное оправдание экстремистской деятельности фактически не регламентирована.

В правоприменительной практике действия, связанные с публичными призывами и публичными оправданиями экстремистской деятельности, можно отнести к ст. 361^4 УК «Содействие экстремистской деятельности» из-за предельно широкой формулировки «иное содействие экстремистской деятельности», однако, на наш взгляд, это является не совсем верным.

Во-первых, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а также публичное оправдание такой деятельности является отдельным видом (или формой) экстремистской деятельности, регламентированным Законом «О противодействии экстремизму».

Во-вторых, сама по себе диспозиция ст. 361^4 УК «Содействие экстремистской деятельности» требует конкретизации не только в рамках рассматриваемой проблемы, но и также в контексте того, что подпадает под формулировку «иное содействие экстремистской деятельности».

В-третьих, УК в ст. 289^1 «Пропаганда терроризма» регламентирует ответственность за пропаганду терроризма или его публичное оправдание, в том числе с использованием средств массовой информации и сети Интернет. Не вдаваясь в подробности неоднозначности соотношения понятий «терроризм» и «экстремизм», считаем необоснованной позицию законодателя не предусмотреть аналогичную норму, регламентирующую ответственность за публичные призывы и публичное оправдание экстремистской деятельности.

Примером регламентации ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности может служить Уголовный кодекс

Российской Федерации, а именно ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» [3]. Квалифицирующим признаком в данной статье является осуществление призывов с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Необходимо обратить внимание, что российским законодателем предусматривается повышенная ответственность за осуществление публичных призывов с использованием сети Интернет. В ряде статей УК сеть Интернет выступает только для раскрытия признаков публичности, однако в ст. 361 «Призывы к мерам ограничительного характера (санкциям), иным действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь», совершение преступлений в сети Интернет уже является квалифицирующим признаком.

В связи с вышеуказанным считаем необходимым рассмотреть возможность законодательного закрепления уголовной ответственности за публичные призывы и публичное оправдание экстремистской деятельности в Уголовном кодексе Республики Беларусь.

Предлагаемая нами норма УК может быть сформулирована следующим образом:

«Статья 361^6 УК. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности или публичное оправдание такой деятельности

1. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности или публичное оправдание такой деятельности —

наказываются...

2. Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, —

наказываются...».

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

− деятельность, связанная с публичными призывами к экстремистской деятельности и публичным оправданием такой деятельности, является существенной проблемой для Республики Беларусь;

− сформулированная нами норма УК будет способствовать повышению эффективности уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности в Республике Беларусь.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2007 г. № 203-З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 534-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 343.2(476)

В. П. Скобелев
заместитель декана по учебной работе
и образовательным инновациям
юридического факультета
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

ИСТЕЧЕНИЕ СРОКА ДАВНОСТИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА

Одним из оснований освобождения от уголовной ответственности является истечение срока давности совершения преступления (ст. 83 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК)) [1]. Очевидно, что данный уголовно-правовой институт (подобно гражданско-правовому институту исковой давности) учрежден в целях обеспечения стабильности и определенности правовых отношений, а именно чтобы угроза применения государственного принуждения за совершение правонарушения не существовала для субъектов права бесконечно долгое время и чтобы любой из них мог полагаться на то, что по истечении установленного законом срока его привлечение к ответственности будет исключено.

Механизм реализации указанного института регламентирован другим кодексом — Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее — УПК). Так, согласно п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК, истечение срока давности влечет прекращение производства по уголовному делу. Вместе с тем в силу ч. 3 ст. 29 УПК прекращение производства по уголовному делу на основании п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК допустимо лишь с согласия обвиняемого, и при отсутствии такового суд обязан довести разбирательство уголовного дела до конца и постановить либо оправдательный приговор (при наличии предусмотренных ст. 357 УПК оснований), либо обвинительный приговор (если вина обвиняемого в совершении преступления совокупностью исследованных судом доказательств будет подтверждена) с назначением лицу наказания и освобождением от его отбывания [2].

Положения ч. 3 ст. 29 УПК вызывают у некоторых практических работников нарекания. Например, отмечается, что ч. 3 ст. 29 УПК не вполне согласована со ст. 83 УК, предусматривающей безусловное освобождение обвиняемого

от уголовной ответственности и не предполагающей получения от него на это согласия. Кроме того, указывается, что благодаря ч. 3 ст. 29 УПК обвиняемый может сугубо по собственной инициативе получить судимость за преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, которое было совершено им задолго до рассмотрения судом уголовного дела [3, с. 34–35]. Однако нам представляется, что положения ч. 3 ст. 29 УПК и высказываемые по поводу них нарекания являются следствием лишь более общей проблемы, которую отечественные юристы практически не замечают, — ненадлежащей организации освобождения от уголовной ответственности по ст. 83 УК в целом.

По смыслу ст. 83 УК освобождение лица от уголовной ответственности требует достоверного установления того, что преступление им было совершено, поскольку предусмотренные ст. 83 УК сроки давности исчисляются «со дня совершения преступления». Соответственно, если преступление лицом совершено не было, срок давности объективно своего течения начать не мог, а значит, и освобождение лица от уголовной ответственности по ст. 83 УК исключено.

Между тем предусмотренная УПК процедура освобождения от уголовной ответственности по ст. 83 УК такова, что достоверного установления факта совершения обвиняемым преступления не предполагает. Во-первых, применение п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК влечет прекращение производства по уголовному делу, т. е. судебное разбирательство уголовного дела до обсуждения вопроса о совершении обвиняемым преступления попросту не доходит. Во-вторых, при применении п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК завершение процесса оформляется таким правовым документом, который для закрепления выводов о совершении (несовершении) преступления в принципе не предназначен — определением (постановлением) суда. Собственно, о том, что в описанной ситуации суд не разрешает вопроса о совершении лицом преступления, свидетельствуют возможные варианты дальнейшего (в соответствии с ч. 3 ст. 29 УПК) развития событий — постановление в отношении гражданина как обвинительного, так и оправдательного приговора.

Таким образом, освобождение лица от уголовной ответственности по ст. 83 УК происходит в условиях полной неопределенности относительно того, было ли данным лицом совершено преступление. По сути, освобождение от уголовной ответственности происходит по принципу: если преступление лицом и было совершено (вероятность чего отнюдь не исключена), то ввиду истечения давностного срока ответственности за него оно в любом случае не понесет. Тем самым срок давности применяется как некий абстрактный срок,

т. е. как срок, течение которого никак не связано с совершением лицом преступления.

В этом плане уместно провести параллели с гражданским процессуальным законодательством, которое с 2006 г. позволяет суду в предварительном судебном заседании вынести решение по мотиву пропуска истцом исковой давности без исследования иных фактических обстоятельств по делу, т. е. без выяснения того, имеется ли у истца утверждаемое им право и было ли данное право нарушено ответчиком (соответствующие правила были введены Законом Республики Беларусь от 20 октября 2006 г. № 173-З «О внесении дополнений и изменений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь», изложившим главу 26 «Подготовка дела к судебному разбирательству» Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК) в новой редакции (чч. 6, 7 ст. 264 ГПК), и затем перенесены в чч. 6, 7 ст. 252 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее — КГС)) [4; 5; 6]. Исковая давность здесь тоже применяется как некий абстрактный (не связанный с совершением правонарушения) срок, хотя вполне очевидно, что если у истца материальное право отсутствует или хоть и имеется, но ответчиком нарушено не было, то исковая давность свое течение начать не могла, а значит, и отказ в удовлетворении иска пропуском исковой давности мотивирован быть не может. Поэтому закономерно, что и прежние чч. 6, 7 ст. 264 ГПК [7], и нынешние чч. 6, 7 ст. 252 КГС [8, с. 247–248, 324–325, 333, 377] были подвергнуты справедливой критике в литературе.

Вполне естественно, что освобождение от уголовной ответственности в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК, или, выражаясь языком ГПК и КГС, «без исследования иных фактических обстоятельств по делу» может не устраивать освобождаемое от ответственности лицо, т. к. определенность собственного правового статуса (т. е. считается оно лицом, совершившим преступление, или же нет) для гражданина может быть крайне важна. Для удовлетворения подобной потребности гражданина как раз и предусмотрены положения ч. 3 ст. 29 УПК.

Однако применительно к ч. 3 ст. 29 УПК мы сталкиваемся с новыми противоречиями, которые при введении данных положений не были учтены. Ведь если суд приходит к выводу о наличии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности по ст. 83 УК (а по буквальному смыслу ст. 83 УК такими основаниями являются факт совершения лицом преступления и факт истечения с этого момента определенного срока), то лицо уже не может быть признано не совершавшим преступления (путем постановления оправдательного приговора, как это допускает ч. 3 ст. 29 УПК), а освобождение от уголовной

ответственности не может являться частичным (в виде освобождения лица лишь от отбывания назначенного наказания, как это предписывает делать ч. 3 ст. 29 УПК в случае вынесения обвинительного приговора).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Освобождение от уголовной ответственности по ст. 83 УК требует достоверного установления того, что преступление обвиняемым было совершено. Для этого разбирательство уголовного дела нужно довести до конца (а не прекращать по нему производство, как об этом говорит п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК) и вынести по его итогам правовой документ, который, с одной стороны, будет констатировать совершение обвиняемым преступления, а с другой стороны, — в полном объеме (а не только в части отбытия наказания) освобождать обвиняемого от уголовной ответственности. Очевидно, что таким правовым документом не может выступать определение (постановление) суда, равно как и предусмотренные УПК разновидности приговора (обвинительный и оправдательный). Вероятно, в уголовный процесс необходимо ввести третий вид приговора — приговор об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности совершения преступления. В гражданском процессе его аналогом является решение об отказе в иске в связи с пропуском истцом исковой давности, вынесенное на основе исследования всех «иных фактических обстоятельств по делу» (такое решение тоже, с одной стороны, констатирует допущенное ответчиком правонарушение, а с другой стороны, освобождает его от применения со стороны государства принуждения, направленного на ликвидацию последствий этого правонарушения).

Сделанные нами выводы могут показаться достаточно революционными для сферы уголовного процесса, однако, как нам представляется, только такой подход способен обеспечить применение положений ст. 83 УК в строгом соответствии с заложенным в них законодателем смыслом.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Ефремов А., Ковальчук А. Особенности применения судами норм УПК, регламентирующих порядок прекращения производства по уголовному делу в связи

с истечением сроков давности и вследствие акта амнистии // Судовы весн. 2022. № 4. С. 34–38. Вернуться к статье

4. О внесении дополнений и изменений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 20 окт. 2006 г. № 173-З : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г. № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек.1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 22-З : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 126-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. Скобелев В. П. О праве суда вынести решение в предварительном судебном заседании // Современные тенденции кодификации законодательства (10 лет ГПК, ХПК, ТК Республики Беларусь) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 нояб. 2009 г. / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, Бел. гос. ун-т ; редкол.: Т. А. Белова [и др.]. Минск : Белпринт, 2009. С. 91–105. Вернуться к статье

8. Скобелев В. П. Пределы апелляционной проверки судебных постановлений в гражданском судопроизводстве. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2025. 414 с. Вернуться к статье

УДК 343.9

А. А. Смольницкая
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОВД ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современное развитие искусственного интеллекта, особенно в областях машинного обучения, обработки естественного языка и компьютерного зрения, создает принципиально новые инструменты для решения традиционных криминологических задач.

Важность развития технологий искусственного интеллекта отметил В. В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию: «Важным элементом цифровой платформы являются алгоритмы искусственного интеллекта. Здесь мы также должны быть самодостаточными и конкурентоспособными. Уже подписан указ о подтверждении обновленной редакции Национальной стратегии развития искусственного интеллекта. В ней поставлены новые цели» [1].

Ключевым условием применения субъектами профилактики различных моделей искусственного интеллекта (генеративные модели, компьютерное зрение, аналитические модели и их совокупность) является доступность качественных сервисов, функционал которых можно использовать для решения профилактических задач [2].

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, применяемых в различных областях, в том числе открывает значительные возможности для их использования ОВД в профилактической деятельности [3].

Технологии искусственного интеллекта позволяют ОВД анализировать большие объемы данных, оперативно выявлять в них закономерности и криминальные тенденции, что не так эффективно осуществляется традиционными методами ручной обработки информации. Это создает предпосылки для совершенствования существующих форм профилактики преступлений. Необходимо отметить, что искусственный интеллект выступает не в роли замены сотрудника, а в качестве вспомогательного инструмента, увеличивающего возможности по предупреждению преступлений.

Специалисты в области технических наук классифицируют технологии искусственного интеллекта с точки зрения их технических возможностей [4]. В рамках нашего исследования предлагаем классифицировать технологии искусственного интеллекта по их функциональному назначению:

1. Аналитико-генеративные.
2. Интерактивные.

1. Аналитико-генеративные. Сочетают в себе две взаимодополняющие функции: анализ существующих данных и генерацию нового контента. Основными функциями являются обработка больших объемов информации, выявление закономерностей, построение прогнозов; создание оригинального контента — текстов, изображений, аудио, видео. Например, языковые модели, системы генерации изображений, аналитические платформы для бизнес-аналитики, системы прогнозирования, инструменты автоматического программирования.

2. Интерактивные. Фокусируются на динамическом взаимодействии с пользователями в режиме реального времени, адаптируясь к их запросам и контексту общения. Основными функциональными возможностями являются ведение диалога, построение ответа на запросы; обучение на предыдущих взаимодействиях, персонализация ответов под конкретного пользователя; работа с несколькими типами данных одновременно (текст, речь, жесты, визуальные подсказки). Например, голосовые ассистенты, чат-боты, системы интеллектуального поиска, адаптивные обучающие платформы, интерактивные игровые персонажи, системы дополненной реальности.

Одной из интерактивных технологий искусственного интеллекта является чат-бот. Это программа, которая имитирует человеческий разговор (чат) через текстовые или голосовые интерфейсы. Их основная задача — понять запрос пользователя и дать актуальный полезный ответ. По степени автономности чат-боты можно подразделить на реактивные (отвечают только на прямые запросы); проактивные (могут инициировать диалог, напоминать); AI-агенты (самостоятельно выполняют многошаговые задачи с использованием инструментов); автономные системы (принимают решения с минимальным вмешательством человека) [5].

Использование чат-ботов в предупредительной деятельности ОВД может оказать помощь во взаимодействии с гражданами и повышении результативности профилактической работы — массовая рассылка профилактического контента, автоматическая отправка сообщений, возможность круглосуточно отвечать на вопросы граждан, оперативные опросы и анкетирование, автоматическое сопровождение лиц, состоящих на профилактическом учете (напоминание о необходимости явки, информирование о социальных услугах и программах реабилитации, проведение дистанционных бесед).

В настоящий момент для сотрудников ОВД в рамках предупредительной деятельности интерес могут представлять следующие технологии

искусственного интеллекта, которые доступны в России: ChatGPT, GigaChat, OpenAI 01, DeepSeek, Perplexity, «Нейросеть Алиса», Gemini, Gerwin AI, Gamma AI, Qwen, Wayground, TurboText.

Указанные технологии искусственного интеллекта могут использоваться сотрудниками ОВД для решения следующих профилактических задач: изучение и анализ криминогенной обстановки — аналитика, интеграция и обработка структурированных данных из различных источников (базы данных ОВД, социальные сети и мессенджеры, открытые данные), выявление скрытых связей между лицами, группами, организациями, местами и событиями; прогнозирование будущего состояния преступности и связанных с ней явлений и факторов (криминологической обстановки), выявление основных тенденций их развития, определение приоритетных направлений предупредительной деятельности ОВД в сети Интернет, распределение ресурсов на наиболее эффективные направления; разработка профилактического материала — автоматическая генерация профилактических текстов, изображений, презентаций, интерактивных кейсов; разработка профилактических программ, планов профилактических мероприятий по предупреждению преступлений; оценка эффективности профилактических мероприятий.

Список основных источников

1. Путин поручил сформировать цифровые платформы в ключевых отраслях экономики [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20240229/platformy-1930223920.html (дата обращения: 01.11.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Грибанов Е. В. Использование технологий искусственного интеллекта в предупреждении преступлений // Общество и право. 2025. № 4 (94). С. 7–11. Вернуться к статье

3. Смольницкая А. А. Предупреждение органами внутренних дел преступлений в сети Интернет: проблемы теории и практики // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2025. № 2 (68). С. 35–42. Вернуться к статье

4. Гаврилов М. В., Климов В. А. Информатика и информационные технологии: учебник для среднего профессионального образования. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 319 с. Вернуться к статье

5. Что такое боты — определение и описание // Лаборатория Касперского : [сайт]. URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-are-bots (дата обращения: 01.11.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.9

В. В. Стальбовский
заместитель начальника кафедры философии
и идеологической работы
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент
Т. И. Вишневская
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

КОНВЕРГЕНТНЫЕ НБИКС-ТЕХНОЛОГИИ КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Современный период мироустроства, характеризующийся развитием инновационных технологий, меняет всю социальную систему, трансформирует преступность и требует от человечества развития новых мер противодействия преступности. Криминологическая наука не только позволяет выявить и объяснить криминальные инновации и вызовы безопасности, но и способна спрогнозировать их развитие, определить способы их нейтрализации благодаря достижениям нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий (НБИКС-технологий).

Аббревиатура НБИКС в настоящее время уже стала самостоятельным смысловым конструктом, характеризующим концепцию управления развитием технонауки и одновременно попытку формирования эволюции человечества как осознанно направляемого процесса трансформации природы человека. НБИКС-технологии представляют собой важнейшие технологии современности, а именно нанотехнологии, биотехнологии, информационные, когнитивные и социальные технологии. Все технологии конвергентно взаимодействуют, дополняют и усиливают друг друга, создавая небывалые, чрезвычайно мощные средства преобразования человека и земной цивилизации. Рассмотрим наиболее известные и потенциально применимые НБИКС-технологии, которые необходимо использовать для эффективного предупреждения, выявления и расследования преступлений цифровой эпохи метамодерна.

Нанотехнологии служат основой для разработки и использования микроматериалов и миниустройств в предупреждении и расследовании преступлений: высокочувствительные нанопорошки позволяют обнаруживать отпечатки пальцев на самых сложных поверхностях; наночастицы и наночипы

применяются в ДНК-идентификации; наномаркеры применяются для маркировки оружия, наркотиков, денежных купюр, защиты ценных предметов от хищения, идентификации подделок; наноэлектронные системы, встроенные в форменную экипировку, повышают личную безопасность сотрудников правоохранительных органов; носимые и вживляемые в тело нанодатчики позволяют постоянно получать сведения о личности; наносенсоры, ультрачувствительные нанодатчики используются для обнаружения следов взрывчатки, наркотиков и др.; нанотехнологические разработки в биометрии повышают точность идентификации биометрических систем, позволяют контролировать поведение преступников [1, с. 78–80].

Биотехнологии позволяют использовать возможности различных биологических систем, живых организмов в противодействии преступности: репрограммирование «гена преступности»; генная модификация биологической структуры людей, обладающих физическими и (или) психическими аномалиями, для подавления заболеваний, способствующих преступному поведению.

Развитие информационно-технологических ресурсов позволяет внедрить в правоохранительную систему многочисленные информационные кластеры, такие как ИИ-технология, применяемая в выявлении и сборе криминологически значимой информации; ИИ-видеоаналитика, способная автоматически распознавать, анализировать и интерпретировать события для своевременного реагирования на правонарушения (компьютерное зрение, обработка больших данных, нейросети); программы, ориентированные на автоматическое блокирование киберугроз; платформы верификации телефонных вызовов для борьбы с телефонным мошенничеством; боты, позволяющие осуществлять поиск, сбор и анализ данных, представляющих интерес для правоохранительных органов; киберфизические комплексы (роботы, дроны) слежения и фиксации, позволяющие распознавать образы (лица, речи, эмоции), имеющие возможность самоорганизации (обучение, принятие решений), способные обеспечивать общественный порядок и безопасность [1, с. 27].

Когнитивные технологии позволяют получить доступ к информации, хранящейся в мозге человека, и установить причинно-следственную связь между криминальными поступками и состоянием психики; обнаружить ложь и помочь прояснить показания участников уголовного процесса; диагностировать расстройства нервной системы человека, оценить их влияние на сознание, поведение и своевременно осуществить профилактику и лечение неврологических и психиатрических заболеваний; вмешаться в психические процессы человека для воздействия на его сознание и реализации мер предупреждения криминального и виктимного поведения; обеспечивать соединение между мозгом и

внешними техническими устройствами для генерации команд (интерфейс «мозг-компьютер») цифровых устройств в предупредительной деятельности; разработать киберорганические системы (киборги) и включить их в противодействие преступности [2, с. 87; 3].

Социальные технологии способны значительно повысить эффективность предупреждения преступлений за счет решения социальных проблем, формирования условий достойной жизни и благополучного развития общества путем внедрения социальных инноваций, способствующих подъему по «социальному лифту»: благотворительные инициативы, социальный маркетинг и социальная реклама в предупреждении преступлений; технологии оценки качества профилактических мероприятий и деятельности лиц, их осуществляющих; технологии использования средств массовой коммуникации в предупреждении преступлений, развитие социальной инженерии и др. [4, с. 45].

Противодействие криминально-цифровой глобализации требует парадигмального сдвига в подходе к обеспечению планетарной кибербезопасности. Архиважным сегодня становится активное внедрение НБИКС-технологий в правоохранительную деятельность, направленную на обеспечение защиты личности общества и государства от преступности в реальном и цифровом пространстве. Закономерно и оправданно видим необходимым формирование криминологии будущего — НБИКС-криминологии, ориентированной на разработку мер противодействия преступности в условиях глобальных социальных трансформаций нового этапа цивилизационных отношений, связанного с развитием 6-го технологического уклада.

Список основных источников

1. Джафарли В. Ф. Криминологическая кибербезопасность: теоретические, правовые и технологические основы : моногр. / под ред. и с предисл. С. Я. Лебедева. 2-е изд. М. : Проспект, 2024. 480 с. Вернуться к статье

2. Черникова Д. В., Черникова И. В. Когнитивные технологии: перспектива социального развития vs утопия трансгуманизма // Сиб. психол. журн. 2013. № 47. С. 85–94. Вернуться к статье

3. Воздействие, возможности и проблемы применения нейротехнологии в отношении поощрения и защиты всех прав человека [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g24/133/30/pdf/g2413330.pdf (дата обращения: 01.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Лебедев С. Я., Джафарли В. Ф. Цифровое уголовное право : моногр. М. : Проспект, 2024. 309 с. Вернуться к статье

УДК 343.9

О. А. Старостенко
старший преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности в ОВД
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ДИСТАНЦИОННЫХ ХИЩЕНИЙ

Дигитализация экономики и повсеместное внедрение алгоритмов искусственного интеллекта формируют новую оперативную реальность. Криминальные структуры, используя технологии социальной инженерии, превратили киберхищения в высокоорганизованный, массовый и адаптивный вид преступности.

Если раньше правоохранительные органы в целях предупреждения преступлений воздействовали на личность преступника или конкретную криминогенную ситуацию, то сегодня вынуждены воздействовать на цифровую среду обитания потенциальной жертвы, что требует принципиально иных подходов [1, с. 16–19].

Проведенный анализ современных угроз в киберпространстве, а также данные статистики свидетельствуют, что основной массив дистанционных преступлений составляют именно хищения [2, с. 3–9].

Система предупреждения дистанционных хищений традиционно включает три уровня: массовый, групповой и индивидуальный. В рамках текущего исследования остановимся на массовом уровне предупредительного воздействия.

Массовый уровень предполагает работу с неограниченным кругом лиц, и здесь ключевую роль играют средства массовой коммуникации (далее — СМК). Важно подчеркнуть: сегодня мы должны говорить именно о СМК, а не только о средствах массовой информации (далее — СМИ). СМК — понятие более широкое, включающее, помимо традиционных СМИ, наглядную агитацию, социальную рекламу, сайты, социальные сети, мессенджеры и иные формы сетевого взаимодействия.

Социологические исследования подтверждают: даже при блокировках наши граждане остаются в WhatsApp, Telegram, YouTube, используя VPN. Эту цифровую фрагментацию необходимо учитывать в профилактической деятельности [3].

Рассмотрим различные виды СМК и особенности их использования для предупреждения дистанционных хищений.

Особое положение в силу официального статуса занимают традиционные СМИ: телевидение, радио, печатные издания. Сегодня многие из них имеют гибридный характер, присутствуя в сети Интернет, имея собственные сайты, страницы в соцсетях, каналы на видеосервисах. Профилактический контент может быть представлен в виде широкого спектра материалов: телепередач, интервью, социальной рекламы, стримов, подкастов, документальных фильмов, статей [4, с. 82–110].

Анализ практики показывает, что потенциал используемых форм воздействия реализован не в полной мере.

Во-первых, трансформация коммуникационного ландшафта привела к фрагментации аудитории: люди ушли в мессенджеры, тематические чаты, соцсети. Традиционная модель «централизованного вещания» уже не позволяет в должной мере охватить все целевые группы.

Во-вторых, доверие сегодня формируется «горизонтально» — через блогеров, соседские чаты, коллег. Официальные каналы, сохраняя свою значимость, не всегда воспринимаются как источник «живого» совета.

В-третьих, изменились форматы потребления информации. Короткие видео, мемы, интерактив работают эффективнее длительных интервью и официальных роликов.

В-четвертых, отсутствует дифференциация: пенсионеру и студенту нужны разные каналы и разный язык описания угроз. Требуется переход от массовой рассылки однотипного контента к адресному воздействию.

В-пятых, скорость появления новых мошеннических схем крайне высока. Правоохранительным органам необходимо обеспечивать оперативную связь между подразделениями, фиксирующими новые виды обмана, и пресс-службами, готовящими предупреждения.

В-шестых, количественные показатели (количество материалов, выходов в эфир) не всегда коррелируют с реальным снижением числа преступлений. Важно выстраивать систему метрик, отражающих вовлеченность аудитории и в конечном счете уровень защищенности граждан.

В-седьмых, парадигма «проинформировал — защитил» устарела, работает только парадигма вовлечения и тренировки навыков, когда человек распознает угрозу автоматически, а не просто читал памятку.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что работа идет, но в рамках устаревшей модели, которая не учитывает современную экосистему внимания, не имеет обратной связи.

Полагаем, что соответствующий профилактический контент должен разрабатываться совместно со СМИ или непосредственно субъектами профилактики в лице оперативных сотрудников.

При использовании возможностей СМИ следует также учитывать основные характеристики целевой аудитории (возраст, пол, преимущественное использование тех или иных видов СМИ).

Технологии развиваются стремительно: старые платформы уходят, им на смену приходят новые. Яркий пример — платформа «Дзен», которая набирает все большую популярность. Ее алгоритмы на основе искусственного интеллекта анализируют поведение пользователя и формируют уникальную ленту, подстраиваясь под его интересы. Чем больше данных, тем точнее подборка. Однако проведенный нами контент-анализ показал: субъекты профилактики «Дзен» не используют. А ведь здесь можно распространять профилактические материалы в любых гибридных формах — от мемов до тематических цитат.

Отдельное направление — профилактика в мессенджерах на районном и местном уровне. Сегодня жители городов, жилых комплексов, трудовые и учебные коллективы объединены в десятки групп и чатов. Они обсуждают насущные проблемы, делятся информацией. Присутствие сотрудников полиции в этих цифровых сообществах пока эпизодично. Полагаем, что назрела необходимость организационно-штатного и нормативного закрепления такой деятельности, регламентации взаимодействия с некоммерческими и коммерческими организациями для вхождения в локальные чаты [5, с. 178–190].

При работе в социальных сетях полиции необходима система быстрого реагирования на комментарии граждан. Сотрудник должен не просто публиковать посты, а вести диалог: давать советы, разъяснять, куда обращаться за помощью, инициировать обсуждения и опросы. Информация должна быть актуальной. Важно анализировать статистику аккаунта, использовать популярные хештеги для роста охватов.

Еще один эффективный инструмент — сотрудничество с лидерами общественного мнения, блогерами. К их мнению прислушиваются, они способны вызывать доверие. Но к выбору блогера нужно подходить избирательно. Нужен автор, который специализируется на тематике, близкой к общественной безопасности, регулярно генерирует контент и поддерживает активность аудитории. Взаимодействие может быть организовано в двух форматах: либо блогер самостоятельно размещает предоставленную профилактическую информацию, либо рекомендует подписаться на официальный аккаунт Министерства внутренних дел (далее — МВД).

На сегодняшний день основным каналом распространения профилактической информации в органах внутренних дел России являются ресурсы официального интернет-сайта МВД России и его территориальных органов, а также официальные аккаунты в социальных сетях. На сайте функционирует подраздел «Внимание, мошенники!», где представлены общие рекомендации, социальные ролики, памятки.

Анализ посещаемости за период с 1 марта по 1 сентября 2025 г. показал, что 1 177 193 пользователя посетили сайт, но лишь 7,1 тыс. обратились к разделу «Правовое информирование». Это свидетельствует о том, что граждане не всегда знают о наличии там профилактического контента и требуется дополнительная навигация.

При переходе в разделы «Правовое информирование», «Памятки для граждан» пользователь попадает на аналогичные ресурсы территориальных органов. Посещаемость этих разделов также невысока: 67 212 посетителей, из них лишь 3,1 тыс. перешли в новостную ленту. Это указывает на необходимость повышения привлекательности и доступности материалов.

На официальной странице МВД России в социальной сети «ВКонтакте» (более 484 тыс. участников) размещено около 25 видеороликов по профилактике дистанционных хищений. Однако просмотры распределяются неравномерно: от единичных до 70 тысяч. Анализ аккаунтов территориальных органов также демонстрирует различную степень вовлеченности аудитории, что говорит о потенциале для совершенствования контент-политики [6].

Принципиально важным направлением повышения эффективности профилактики и раскрытия дистанционных хищений является интеграция технологий искусственного интеллекта в деятельность оперативных подразделений.

Современные ИИ-инструменты, выступающие вспомогательным аналитическим ресурсом для работы с открытыми данными и генерации идей, классифицируются по функциональному назначению:

Большие языковые модели обрабатывают сверхбольшие объемы информации, вплоть до материалов многотомных уголовных дел, выявляют противоречия и готовят проекты процессуальных документов.

Генеративные модели оперативно создают адаптированный профилактический контент для различных социальных групп (посты в соцсетях, видеоинструкции).

Поисковые системы на основе ИИ формируют структурированные ответы с верифицированными источниками, ускоряя анализ трендов мошенничества.

Очевидно, что реализация всех предложений требует не только изменения ведомственных приказов, но и пересмотра норм нагрузки сотрудников

пресс-служб и уголовного розыска, а также выделения временных ресурсов для освоения ИИ-компетенций.

Список основных источников

1. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Как изменилась разведка в мире технологий // Защита и безопасность. 2024. № 3 (110). С. 16–19. Вернуться к статье

2. Старостенко О. А. Виктимологическое предупреждение хищений, совершаемых дистанционно : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4 / Краснодар. ун-т МВД России. 2023. 232 с. Вернуться к статье

3. Список заблокированных соцсетей и мессенджеров [Электронный ресурс] // Рувики : [сайт]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Список заблокированных соцсетей и мессенджеров (дата обращения: 18.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Родина Е. А. Противодействие криминальной виктимизации пользователей сети «Интернет» в киберпространстве : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4 / Сарат. гос. юрид. акад. Саратов, 2022. 217 с. Вернуться к статье

5. Простосердов М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Рос. гос. ун-т правосудия. М., 2016. 232 с. Вернуться к статье

6. Интернет-мошенничество — памятка для граждан [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Рос. Федерации : [сайт]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/1910260 (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.98.062

А. П. Стефаненко
старший преподаватель кафедры экономической безопасности
Академии МВД Республики Беларусь
Е. А. Немытьков
курсант 2 курса факультета криминальной милиции
Академии МВД Республики Беларусь

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Современные экономические преступления характеризуются высокой степенью латентности, использованием цифровых технологий и сложных финансовых схем. В таких условиях выявление экономических преступлений становится возможным при получении достоверной информации от негласных источников или путем тщательного анализа различной информации с целью установления многочисленных косвенных признаков преступлений. Данный процесс анализа тесно взаимосвязан с изучением информации о хозяйственных операциях, отраженной в первичных документах учета и отчетности [1, с. 57]. В связи с этим развитие информационных компетенций сотрудников правоохранительных органов по проведению анализа различных источников информации становится важным фактором их аналитической деятельности. Эти компетенции выражаются во владении инструментами обработки и анализа данных, в умении выявлять закономерности и скрытые связи между финансовыми операциями, что позволяет обнаруживать признаки противоправной деятельности и с высокой эффективностью выявлять экономические преступления.

Информационные компетенции включают совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для поиска, анализа и обработки различных данных. Они обеспечивают эффективное выявление экономических преступлений на основе полученной информации. Этот процесс осуществляется посредством построения аналитических моделей, выявления закономерностей и связей между финансовыми операциями, использования различных видов анализа (документального, бухгалтерского, экономического) экономически значимой информации.

В настоящее время правоохранительные органы обладают большим инструментарием программного обеспечения для выявления экономических преступлений. Они позволяют обрабатывать большое количество данных,

схематизируют и визуализируют информацию, что помогает сотруднику правоохранительных органов принимать необходимое решение. В качестве примера такого программного обеспечения можно привести программы для работы с таблицами и их аддоны — надстройки для табличного процессора. На базе Excel аддон позволяет обрабатывать большие массивы различных данных, фильтровать и сортировать информацию по заданным критериям, и в результате углубленно изучить информацию, сопоставить ее с различными источниками и построить неочевидные связи.

В современных условиях информация чаще всего проходит обработку на нескольких уровнях, например после ее оптимизации в аддоне информацию можно использовать для работы в программах визуальной аналитики. Они позволяют строить наглядные схемы связей между различными объектами анализа (банковская информация, информация от операторов сотовой связи и др.). Программное обеспечение облегчает анализ сложных схем мошенничества, отмывания денежных средств и уклонения от уплаты налогов, предоставляя аналитикам возможность выявлять аномальные и подозрительные действия. Особенно актуальны данные возможности при раскрытии киберпреступлений или преступлений в банковской сфере, в связи с ее распространенностью, цифровизацией и обилием безналичных потоков денежных средств [2, с. 118]. Так, программа визуальной аналитики позволяет работать с данными в ручном режиме, а визуальное представление значительно облегчает процесс анализа банковских переводов и выявления паттернов, что является затруднительным при работе с данными в необработанном виде.

После ручной обработки информации она может быть использована для последующего анализа в специализированном программном обеспечении. Такая программа представляет собой современную библиотеку машинного обучения, предназначенную для автоматического анализа больших массивов данных и построения моделей прогноза. Основным преимуществом использования такого программного обеспечения в правоохранительной деятельности является возможность обработки категориальных данных, т. е. способность автоматически обрабатывать категориальные признаки без необходимости их предварительного кодирования или преобразования в числовые значения. В дополнение к этому информация обрабатывается в реальном времени и может быть актуализирована с учетом изменений в любой момент, что повышает точность прогнозирования, а также может быть использовано для выявления еще готовящегося или планируемого преступления [3, с. 127–128]. Однако для эффективной работы данного программного обеспечения необходимы большие объемы данных, приведенных к единообразному виду, а также опыт и

определенные навыки работы сотрудников правоохранительных органов с методами машинного обучения.

Развитие у сотрудников правоохранительных органов аналитических и информационных навыков представляет собой сложный, многоплановый процесс, требующий сочетания знаний в области экономики, финансов, информационных технологий и криминалистики. При этом основные проблемы в процессе обучения — это быстрое развитие цифровых технологий, расходы на современное материальное и программное обеспечение, высокая сложность освоения аналитических навыков.

Таким образом, одним из вариантов повышения эффективности противодействия экономическим преступлениям в современных условиях является комплексное развитие информационной компетенции сотрудников правоохранительных органов. Это достигается посредством развития умений работать с современными инструментами обработки данных, большими объемами данных, а также высокого уровня аналитических навыков. Такой комплексный подход может обеспечить высокую эффективность аналитической работы, позволяет своевременно выявлять сложные преступные схемы, анализировать большие массивы информации, а также предсказывать потенциальные угрозы.

Список основных источников

1. Егорова Е. В. Использование экономических знаний в процессе выявления и расследования экономических преступлений // Альманах соврем. науки и образования. 2015. № 5 (95). С. 57–59. Вернуться к статье

2. Стефаненко А. П., Гаркавый К. Д. Обеспечение кибербезопасности в экономике Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Экономическая безопасность как основной приоритет устойчивого развития государства : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 22 нояб. 2024 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: О. В. Маркова (отв. ред.), Д. Г. Вильмак, А. В. Дешук. Минск, 2024. С. 116–118. URL: https://elib.amia.by/bitstream/docs/13523/1/ekon_bezop_konf2024-118.pdf (дата обращения: 20.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Мезяк В. Ю. О возможности использования метода машинного обучения CatBoost в служебной деятельности: положительные и отрицательные стороны // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 апр. 2024 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2024. С. 127–128. Вернуться к статье

УДК 343.9

Е. Г. Терешенко
старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права и криминологии
уголовно-исполнительного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

Е. А. Старовойтова
студент 3 курса факультета права
Академии МВД Республики Беларусь

О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Проблема своевременного выявления фактов незаконного оборота наркотических и психотропных веществ на сегодняшний день является одной из наиболее актуальных. Ввиду наличия ряда объективных причин, таких как переход от классического наркооборота в область торговли в теневом сегменте сети Интернет (DarkNet), использование бесконтактных способов сбыта (исключающих взаимодействие «продавца» и «покупателя»), а также обусловленность специфической природы анализируемого вида преступности (отсутствие потерпевшей стороны, заинтересованной в раскрытии преступления), возникают трудности для правоохранительных органов как в части своевременного выявления и раскрытия вышеупомянутых преступлений, так и в области применения предупредительных и профилактических мер, ввиду высокого уровня латентности преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ.

Важным с точки зрения выработки предупредительных мер является понимание упомянутых выше процессов, обусловливающих повышение уровня латентности наркопреступлений.

В настоящее время в условиях стремительной цифровизации всех сфер жизни общества одной из ключевых причин выступает переход от классического сбыта наркотических веществ к бесконтактной модели сбыта. В отличие от сбыта, подразумевающего личную встречу «продавца» и «покупателя», который был актуален ранее и позволял отследить номера телефонов участников наркооборота, вычислить место встречи и т. д., сбыт наркотиков в теневом сегменте сети Интернет, предполагает прежде всего сокрытие IP-адресов, использование зашифрованных мессенджеров и осуществление транзакций через

криптовалюты (с отсутствием привязки данных лица к номеру кошелька), что делает наружное наблюдение правоохранительных органов неэффективным. Кроме того, важно отметить, что зачастую подобного рода преступления являются трансграничными, что значительно усложняет процесс раскрытия преступления и в дальнейшем привлечение виновных к уголовной ответственности.

Исходя из вышеприведенного, важно отметить использование бесконтактных способов сбыта, обусловленных переходом наркоторговли в цифровую среду, что также влияет на повышенный уровень латентности анализируемой группы преступлений. В сравнении с классическими формами распространения наркотиков (оффлайн), подразумевающими личную встречу, бесконтактная модель в онлайн-пространстве полностью исключает физический контакт между участниками незаконного оборота наркотиков. Кроме того, следует отметить, что в качестве «закладчика» при бесконтактном сбыте наркотиков может выступить любое физическое лицо (вне зависимости от возраста, социального положения и т. п.), имеющее при себе смартфон либо иное устройство с возможностью выхода в сеть Интернет (в целях отправки фото и местоположения, подтверждающих доставку товара). Это создает трудности в изобличении преступников и повышает уровень латентности анализируемой группы преступлений, поскольку отличить «закладчика» от обычного гражданина без предварительной оперативной информации практически невозможно.

В качестве еще одной значимой причины, обусловливающей высокий уровень латентности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ, важно отметить специфическую природу рассматриваемого вида преступности. В отличие от преступлений, где явно наблюдается нарушение прав и законных интересов потерпевшего лица (например: кража, нанесение телесных повреждений, захват заложника и т. д.), в случаях незаконного оборота наркотиков интересы лиц, принимающих в нем участие, совпадают. В уголовно-правовом смысле в качестве «потерпевшего» выступает абстрактное понятие — здоровье населения (дополнительный объект рассматриваемой группы преступлений), но в реальной действительности, субъект, готовый заявить о факте совершения преступления, отсутствует. Это вызвано прежде всего отсутствием очевидного материального (физического, морального) вреда, а также пониманием противоправности деяния как со стороны «продавца» (незаконный сбыт либо незаконные с целью сбыта изготовление, переработка, хранение и т. д. (ч. 2 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК)), так и со стороны «покупателя» (незаконные

приобретение, хранение наркотических веществ без цели сбыта (ч. 1 ст. 328 УК) либо с последующей целью сбыта (ч. 2 ст. 328 УК)) [1].

На основании приведенного выше необходимость совершенствования предупредительных мер является очевидной. В данной связи в качестве одного из ключевых векторов может выступить внедрение алгоритмов интеллектуальных систем мониторинга теневого сегмента сети Интернет, заключающихся в автоматическом выявлении скрытой рекламы наркотических и психотропных веществ (в т. ч. предложений легкого заработка с высокой оплатой), замаскированных под легальную деятельность. Поскольку на сегодняшний день одним из основных аспектов участия в незаконном наркообороте в качестве «закладчиков» выступает стремление к получению быстрой материальной выгоды, вышеупомянутая программа будет адаптирована в том числе и на распознание объявлений о найме сотрудников, где предлагаемые условия труда и материального вознаграждения не соответствуют реальным на рынке труда. Помимо этого, внедрение алгоритмов мониторинга сети Интернет позволит распознавать рекламу наркотических веществ (QR-кодов, специфической символики и т. п.), что даст возможность выявить и минимизировать обозначенный деструктивный контент.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод, что повышенный уровень латентности в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ обусловлен рядом причин:

1. Переход незаконного наркооборота в цифровую среду (влекущий трудности в изобличении ввиду имеющихся возможностей для анонимизации личности, шифрования данных в Сети, наличия трансграничности).

2. Использование опосредованного способа сбыта наркотических веществ (исключающего личную встречу «продавца» и «покупателя»).

3. Отсутствие специфических внешних признаков деятельности «закладчика» при бесконтактном способе сбыта наркотиков (что практически исключает его идентификацию без предварительной оперативной информации).

4. Отсутствие конкретного субъекта в роли потерпевшего.

Указанные обстоятельства требуют комплексного подхода для предупреждения рассматриваемого вида преступности, что предполагает глубокий анализ современных способов распространения наркотиков. Однако вместе с тем в качестве ключевого способа предупреждения наркопреступлений может выступить разработка интеллектуальных систем мониторинга цифровой среды, адаптированных под распознание предложений нелегального заработка, а также под идентификацию рекламы, содержащей прямую пропаганду наркотических и психотропных веществ. Данный подход выступит в качестве превентивного и

позволит выявить подготовку и совершение наркопреступлений еще на начальных стадиях.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.2

А. А. Тит
доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии
уголовно-исполнительного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

О ФОРМИРОВАНИИ МЕХАНИЗМА ГАРАНТИРОВАННОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ЛИЦУ, ПОСТРАДАВШЕМУ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Восстановление нарушенных преступным деянием общественных отношений является одним из актуальных направлений развития науки уголовного и уголовно-исполнительного права. Уголовное законодательство Республики Беларусь в качестве одной из задач своей реализации содержит указание на необходимость восстановления социальной справедливости. Так, в частности, в ч. 3 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) говорится: «Уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда» [1]. В соответствии со ст. 21 Конституции Республики Беларусь (далее — Конституция), «государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства». В соответствии со ст. 25 Конституции, «государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности» [2]. В случае совершения преступления и нанесения имущественного ущерба, материального либо морального вреда потерпевшему можно констатировать, что гарантированные Конституцией права были нарушены и требуется вмешательство государства для восстановления нарушенных прав.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 933 Гражданского кодекса Республики Беларусь, «вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме» [3]. Данная норма является фундаментом, на основании которого выстраивается организационно-правовой конструкт, формирующий механизм восстановления прав лиц, понесших имущественный ущерб, материальный либо моральный вред от действий лица, совершившего преступление.

Закрепленная в ч. 3 ст. 44 УК возможность взыскания с осужденного имущественного ущерба, а также материального либо морального вреда от совершенного преступления, по своей сути, является бланкетной нормой, содержащей лишь указание на саму возможность у потерпевшей стороны получить возмещение вреда, но не разъясняющей, как ее реализовать на практике. Это подразумевает, что механизм возмещения ущерба от совершенного преступления находит свое раскрытие в других нормативных правовых актах. В частности, можно отметить положения главы 17 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК), закрепляющей возможность предъявления гражданского иска лицом, понесшим вред от преступления [4]. Кроме возможности предъявления гражданского иска, УПК закрепляет механизмы его обеспечения. Так, можно отметить положения ст. 156 УПК, устанавливающей, что в случае, если у органа уголовного преследования имеются достаточные данные о причинении вреда преступлением или предусмотренным УК общественно опасным деянием невменяемого, органы уголовного преследования обязаны принять меры по обеспечению гражданского иска в части специальной конфискации. В случае, если имущество обвиняемого не покрывает сумму вреда, нанесенного преступлением, то, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 155 УПК, производится принудительное исполнение гражданского иска в порядке, установленном законодательством о принудительном производстве.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что закрепленный на сегодняшний день в законодательстве организационно-правовой механизм возмещения вреда от совершенного преступления содержит классические контуры взыскания материального и морального вреда в пользу лица, признанного потерпевшим. Сказанное предполагает предъявление гражданского иска потерпевшим лицу, нанесшему вред общественно опасным деянием, и удовлетворение требований истца после постановления обвинительного приговора и признания гражданским истцом на основании положений ст. 150 УПК.

Возможность реализации указанного механизма восстановления прав потерпевших обусловлена платежеспособностью виновного в причинении общественно опасным деянием вреда. Иными словами, вред, причиненный совершенным деянием, будет восстановлен только при наличии материальной возможности у обвиняемого лица возместить вред от совершенного преступления. В случае, если данное лицо не имеет возможности возместить причиненный преступлением вред ввиду отсутствия средств, то взыскание проходит в порядке принудительного производства. Это предполагает возмещение ущерба путем удержания по исполнительным документам из заработной платы и приравненных к ней доходов осужденного. В случае, если сумма иска большая

по величине, то из заработной платы осужденного погашение иска будет производиться небольшими суммами в процессе отбывания наказания.

Контент-анализ национального законодательства на предмет закрепления вопросов возмещения вреда и ущерба от совершенного преступлением с лица, осужденного за его совершение, показывает, что применительно к наказаниям, не связанным с лишением свободы, возмещение ущерба с заработной платы и приравненных к ней доходов осуществляется в рамках принудительного производства по правилам, закрепленным в главе 9 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве». В соответствии с ч. 1 ст. 107 и ч. 2 ст. 108 указанного закона, максимальный размер удержаний по исполнительному листу не может быть более пятидесяти процентов от суммы начисленной заработной платы либо пенсии [5]. В случае, если мы говорим об осужденном, отбывающем наказание в виде лишения свободы, то в соответствии с ч. 3 ст. 102 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, максимальный размер удержаний по исполнительным листам может быть выше — девяносто процентов от суммы начисленной заработной платы у осужденного, отбывающего наказание в исправительной колонии, и пятидесяти процентов от суммы начисленной заработной платы независимо от всех удержаний у осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии-поселении [6]. В случае, если заработная плата у осужденного небольшая по размеру, это может создать ситуацию, когда жертва преступления вынуждена ждать возмещения вреда от совершенного преступления в течение длительного промежутка времени, который может растянуться на годы. В ряде случаев преступление может быть совершено, вред причинен, но взыскивать не с кого: преступник погиб, получил инвалидность либо скрылся от правосудия и находится в розыске. При этом потерпевший вынужден нести бремя восстановления своих нарушенных прав: расходы на медицинскую реабилитацию вследствие причиненного физического либо морального вреда, расходы, связанные с захоронением убитого близкого родственника и т. д., к которым материально он может быть не готов. В данном случае можно констатировать, что закрепленные в Конституции гарантии прав и свобод граждан Беларуси не выполнены и требуется вмешательство государства для восстановления нарушенных преступлением прав и свобод.

Таким образом, отталкиваясь от всего вышесказанного, для восстановления гарантированных Конституцией Республики Беларусь прав потерпевших от преступления, целесообразно закрепить в национальном законодательстве механизм гарантированного возмещения вреда посредством создания Республиканского фонда возмещения вреда лицам, пострадавшим от преступлений.

При этом целесообразно предусмотреть гарантированную государством возможность покрывать только моральный и материальный вред от преступлений, которые совершены против жизни и здоровья, а также половой свободы и неприкосновенности личности.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 апр. 2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 24 окт. 2016 г. № 439-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2025 г. № 87-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г. № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.3

С. С. Тихонова
доцент кафедры уголовного права и процесса
Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского,
кандидат юридических наук, доцент
Д. А. Батраков
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского,
кандидат юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ КОМПОНОВКИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ КОДИФИЦИРОВАННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Одним из направлений юридико-технического совершенствования уголовного законодательства выступает конструирование квалифицированных составов, функциональное назначение которых — существенное усиление наказуемости деяний, подпадающих под включаемые в соответствующие конструкции *квалифицирующие признаки* (от лат. *qualificatie* — определять, устанавливать качество).

Базируясь на узком понимании объекта законотворческой техники, из которого мы исходим в рамках настоящего исследования, отбор обстоятельств содеянного, подлежащих отражению в кодифицированном уголовном законе в качестве квалифицирующих признаков, в число критериев которого входит их фактическая и вероятностная распространенность, не относится к юридико-техническим вопросам. Однако формулировка, расположение и оформление квалифицирующих признаков — это бесспорная проблематика техники уголовного законотворчества [1, с. 297], где формулировка осуществляется с использованием языковых юридико-технических инструментов, расположение — нормативно-структурных, а оформление — документально-технических.

Фокусируя внимание на вопросах расположения квалифицирующих признаков в статьях Особенной части кодифицированного уголовного закона, следует выделить качественные и количественные аспекты их компоновки.

Качественным аспектом можно считать компоновку квалифицирующих признаков внутри части статьи Особенной части кодифицированного уголовного закона [2]. Для такой компоновки квалифицирующие признаки как составные части перечня должны обладать одноуровневостью, т. е. единством уровня общественной опасности. Нельзя не отметить, что в случаях, когда квалифицирующие признаки различны по содержанию, оценка уровня их общественной опасности затруднена. В то же время сравнение последней достаточно просто производить в случаях, когда квалифицирующие признаки обладают так называемыми вертикальными связками, т. е. относятся к одному смысловому блоку. Так, например, смысловой блок «имущественные последствия» объединяет неравнозначные квалифицирующие признаки «значительный ущерб», «крупный ущерб», «особо крупный ущерб», смысловой блок «физические последствия» объединяет неравнозначные квалифицирующие признаки «средней тяжести вред здоровью», «тяжкий вред здоровью», «смерть», «смерть двух и более лиц» и т. д. Одноуровневость квалифицирующих признаков предполагает, что неравнозначные по уровню общественной опасности квалифицирующие признаки не следует отражать в одной и той же части статьи Особенной части кодифицированного уголовного закона. Однако при формулировке предложений в адрес законодателя представители уголовно-правовой науки нередко сознательно объединяют неравнозначные квалифицирующие признаки в одной части статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, например, различные формы группового соучастия. И причина подобных законотворческих решений — существование параметра одноуровневости квалифицирующих признаков только в статусе неофициальной юридико-технической рекомендации.

Количественным аспектом расположения квалифицирующих признаков можно считать компоновку квалифицирующих признаков по группам, распределенным по различным частям статьи Особенной части кодифицированного уголовного закона. И здесь вновь нельзя не обратить внимание на расхождения в позициях ученых, в данном случае — относительно предельного количества таких частей — от двух [3, с. 282] до определяемого по принципу «чем больше, тем лучше», т. к. выше уровень дифференциации уголовной ответственности [4, с. 7]. И, несмотря на то, что теория российского уголовного права до настоящего времени не «подготовила» наименования для квалифицирующих признаков, размещаемых или предлагаемых к размещению в чч. 4, 5 и т. д. статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, указанная позиция обладает достаточным количеством сторонников. Появляются и новые — инновационные решения. Так, например, Р. Г. Асланян в своем докторском исследовании предлагает «размещение квалифицирующих признаков, общих

для некоторой группы преступлений, в отдельной статье в начале главы Особенной части», с конструированием в диспозициях тех статей Особенной части, для которых данные квалифицирующие признаки являются общими, внутренних правовых отсылок к таким создаваемым статьям [5, с. 40]. Однако необходимо тщательно продумать, насколько предлагаемое юридико-техническое решение, безусловно, обеспечивающее действие юридико-технического принципа экономии текста закона, скажется на уровне формальной определенности закона, в частности, усложнит поиск уголовно-правовых предписаний для правоприменителя.

Обращаясь к практике вторичного (текущего) уголовного законотворчества, мы видим, что российский законодатель то соблюдает, то нарушает параметр одноуровневости квалифицирующих признаков, вариативно группирует квалифицирующие признаки то по двум частям, то по большему количеству таковых. И это не удивительно, поскольку предлагаемые современной российской уголовно-правовой наукой юридико-технические решения носят характер неофициальных рекомендаций, подчас противоречащих друг другу. В этой связи только выработка единых решений по количественной и качественной компоновке квалифицирующих признаков, формирование неофициальных юридико-технических требований (правил) их расположения может привести к единообразию законотворческой практики, а, следовательно, реальному совершенствованию уголовного законодательства.

Список основных источников

1. Тихонова С. С. Отраслевые юридико-технические рекомендации по группировке квалифицирующих признаков в Особенной части кодифицированного уголовного закона в зависимости от типовой степени общественной опасности // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : материалы XIV Рос. конгресса уголовного права, г. Москва, 30–31 мая 2024 г. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 297–301. Вернуться к статье

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности (теория и законодательная практика) : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2000. 400 с. Вернуться к статье

4. Лопашенко Н. А. Пенализация преступлений против собственности: состояние и проблемы // Библиотека криминалиста. 2011. № 1. С. 6–23. Вернуться к статье

5. Асланян Р. Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.4. / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2023. 46 с. Вернуться к статье

УДК 343.3:343.9:342.9

В. В. Толочко

преподаватель кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь

ПРИЗНАКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Коррупция представляет собой многогранное социальное явление, способное проявляться в различных формах, которые далеко не всегда очевидны. Она является одним из наиболее сложных объектов научных исследований, поскольку рассматривается не только с точки зрения права, но также с точки зрения экономики, социологии и других наук [1]. Существует большое разнообразие формулировок понятия коррупции, ни одна из которых, однако, не отражает в полной мере все ее признаки. Вместе с тем исследование коррупции невозможно без определения ее основных признаков [2].

Выявление, систематизация и анализ признаков, присущих какому-либо правонарушению, составляют методологическую основу формирования понятия этого правонарушения. В общем случае «под признаком явления или предмета принято понимать его отличительное свойство, которое позволяет как отнести то или иное явление или предмет к определенному классу явлений или предметов, так и индивидуализировать то или иное явление или предмет» [3, с. 47]. В частности, к основным признакам правонарушения относятся такие, как деяние, противоправность, общественная опасность, виновность, наказуемость [3].

Для каждого конкретного вида правонарушений характеризующие его признаки могут иметь свои особенности. Ниже некоторые из этих особенностей рассмотрены в отношении признаков коррупционных правонарушений.

В качестве наиболее общих признаков коррупционных правонарушений называют: «совершение деяния специальным субъектом; наличие определенного объекта коррупционного посягательства, которому преступным деянием причиняется вред; коррупционное поведение специального субъекта, использующего в преступных целях должностное положение и (или) служебные полномочия; незаконное получение специальным субъектом каких-либо преимуществ (имущества, права на него, услуг или льгот), в результате совершенного преступления коррупционной направленности» [4, с. 343].

Для описания общего характера осуществления коррупционных правонарушений предлагают использовать такие признаки, как «комплексное социально-правовое явление» и «явление, носящее системный характер»,

т. е. коррупцией признаются систематическое (многоразовое) получение материальных и иных имущественных благ государственным служащим [5, с. 57].

К числу наиболее криминалистически значимых признаков коррупционных правонарушений относят: «1) наличие определенного должностного положения; 2) наличие специальной квалификации в определенной сфере деятельности, уровень которой в ряде случаев достаточно высок; 3) использование или создание условий для противоправной деятельности в определенной профессиональной сфере; 4) возможность осуществления преступной деятельности в ходе осуществления своих служебных полномочий; 5) наличие специальных знаний или профессионального опыта; 6) возможность оказания противодействия выявлению, раскрытию и расследованию преступления на основе знания системы защиты объекта и ее недостатков» [6, с. 35].

Среди признаков коррупционного преступления как наиболее общественно опасной формы коррупции выделяют совершение коррупции при участии лица, которое использует должностное положение, должностные полномочия, а также причинение коррупцией ущерба интересам и авторитету государства, службе в государственных и коммерческих, некоммерческих структурах, правам и интересам граждан [2].

Довольно полно и всесторонне представлены признаки коррупции в формулировке понятия коррупции, изложенной в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией»: «…коррупция — умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного» [7]. Однако существует мнение, что даже такая формулировка понятия коррупции не отражает в должной мере ее сущности [6]. Вместе с тем, как отмечается [6], ряд признаков деяний, признанных коррупционными правонарушениями, получили отражение в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК); так, к ним относятся: хищение путем

злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК); злоупотребление властью или служебными полномочиями (чч. 2 и 3 ст. 424 УК); бездействие должностного лица (чч. 2 и 3 ст. 425 УК); превышение власти или служебных полномочий (чч. 2 и 3 ст. 426 УК) и др. [8].

Таким образом, как следует из выполненного краткого анализа состояния исследований признаков коррупционных правонарушений, «толкование коррупции является одним из самых дискутируемых вопросов среди юридического сообщества», причина тому — «достаточно большое количество определений данного понятия связано, прежде всего, с широким проявлением коррупции в современных условиях» [9, с. 90]. Стоит понимать, что ввиду динамичности развития общества закономерно может появляться ряд новых характерных черт, свойственных данному виду правонарушений. Отсюда видится практически необходимым дальнейшее исследование проявлений признаков коррупционных правонарушений и, при необходимости, совершенствование их правовой регламентации, что позволит правильно определять и квалифицировать деяния, с которыми должна осуществляться борьба.

Список основных источников

1. Бондаренко Е. В. Понятие, признаки и виды коррупции // Молодой ученый. 2025. № 12 (563). С. 73–76. Вернуться к статье

2. Верченко Н. И. К вопросу определения признаков коррупционного преступления // Вестн. НГУЭУ. 2014. № 2. С. 364–370. Вернуться к статье

3. Егоров А. А. Понятие и признаки правонарушения в современной юридической литературе: теоретико-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2017. № 4. С. 47–50. Вернуться к статье

4. Хлус А. М. Уголовно-правовые признаки коррупционных преступлений и их криминалистический анализ // Эпомен. 2020. № 46. С. 332–347. Вернуться к статье

5. Хандурдыев С. М. Понятие и признаки коррупции // Образование и право. 2022. № 7. С. 55–58. Вернуться к статье

6. Хлус А. М. Коррупция и коррупционные правонарушения: понятие, условия возникновения и меры криминалистического противодействия // Вестн. Караганд. гос. ун-та. Серия Право. 2017. № 1 (87). С. 27–37. Вернуться к статье

7. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З : в ред. от 30 дек. 2025 г. № 126-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

9. Майстренко Г. А. Понятие и признаки коррупции: теоретико-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 90–92. Вернуться к статье

УДК 343.125.2

Т. Н. Уласевич
адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

ПОДОЗРЕНИЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Процесс демократизации и формирования правового государства объективно детерминирует необходимость укрепления системы гарантий прав и охраняемых законом интересов личности. Данная проблема обретает особую актуальность в контексте реализации в отношении лица мер процессуального принуждения, в особенности — задержания по подозрению в совершении преступления, которое направлено на временное лишение свободы передвижения и иных свобод задержанного лица.

Стоит отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит формализованной грани дифференциации между возникновением подозрения и его отсутствием. Иными словами, действующий уголовно-процессуальный закон не устанавливает достаточную совокупность сведений, при установлении которых у органа уголовного преследования возникает обоснованное подозрение в причастности конкретного лица к совершению предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, что, в свою очередь, является необходимым условием для легитимного применения задержания.

Важно подчеркнуть, что законодателем в ч. 1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) определено, что только в случае наличия подозрения в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, лицо может быть задержано действующим в пределах своей компетенции органом уголовного преследования при наличии одного из оснований, установленных законом [1]. Согласно ч. 1 ст. 40 УПК, подозреваемым является физическое лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления [1]. Рассмотренная норма устанавливает, что одним из случаев для признания лица подозреваемым выступает его задержание при условии наличия в отношении него конкретизированного подозрения. Однако, несмотря на систематическое использование в уголовно-процессуальном законе термина «подозрение», его доктринальная сущность и материально-правовое содержание остаются нераскрытыми. Данное обстоятельство обуславливает необходимость проведения специального научно-теоретического исследования указанной правовой категории.

Различные ученые в свое время рассматривали категорию «подозрение» в различных аспектах и значениях.

Так, Л. М. Карнеева рассматривала подозрение в трех значениях: как психологическую характеристику состояния сознания следователя, определяющую его субъективное отношение к исследуемому факту; как криминалистическое понятие, используемое при подборе оснований к решению задач расследования и для выдвижения версий; как процессуальную категорию, когда с возникшим подозрением закон связывает наступление определенных процессуальных последствий [2, с. 8–9]. Аналогичной точки зрения придерживается В. Ю. Мельников, который говорит о многогранности и многозначности такой категории, как «подозрение» [3, с. 12].

В свою очередь, А. М. Ларин исследовал подозрение лишь в двух аспектах: «в специальном криминалистическом значении подозрение — это вывод (объясняющая часть), версия о субъекте преступления», а также в уголовно-процессуальном смысле — подозрение есть не что иное, как «вывод из версий, основание которого специально предусмотрено законом» [4, с. 140–141].

Совсем иной точки зрения придерживается И. А. Пантелеев, который говорит о том, что «подозрение как уголовно-процессуальная категория не может являться версией или психологическим состоянием следователя, а имеет место лишь тогда, когда в отношении заподозренного лица официально выдвинут тезис подозрения в форме какого-либо процессуального акта [5, л. 105]. При этом он же отмечает, что «право на выдвижение подозрения имеют не все органы уголовного судопроизводства, а только органы уголовного преследования, которые выдвигают его не в отношении лица, причастного к совершенному преступлению, а лица, причастного к совершению преступления» [5, л. 106]. В результате последний формулирует подозрение как «выраженное в специальном процессуальном решении утверждение органа уголовного преследования о причастности лица к совершению преступления, при отсутствии достаточных доказательств для предъявления ему обвинения» [5, л. 106].

Немного иной точки зрения придерживается А. К. Аверченко, который определяет подозрение как «основанное на достаточных доказательствах предположение органа расследования о причастности лица к преступлению, которое официально объявлено лицу в соответствующей форме и образует у него правовой статус подозреваемого» [6, л. 40].

С. В. Рыбак в своих трудах проводит детальный и полный анализ данной категории, в результате чего приходит к выводу о том, что подозрение — это основанное на фактических данных предположение органа уголовного

преследования о совершении конкретным лицом деяния, содержащего признаки преступления» [7, с. 211].

В результате изучения мнений вышеперечисленных ученых можно прийти к выводу о том, что подозрение является не чем иным, как основанным на фактических данных, полученных из материалов проверки или уголовного дела, внутренним предположением органа уголовного преследования о причастности конкретного лица к совершению общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Карнеева Л. М. К вопросу о подозреваемом в советском уголовном процессе // Совет. криминалистика на службе следствия. М. : Госюриздат, 1959. Вып. 12. С. 3–24. Вернуться к статье

3. Мельников В. Ю. Задержание заподозренного лица. Ростов н/Д : ИнфоСервис, 2003. 224 с. Вернуться к статье

4. Ларин А. М. От следственной версии к истине. М. : Юрид. лит., 1976. 200 с. Вернуться к статье

5. Пантелеев И. А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Екатеринбург, 2000. 160 л. Вернуться к статье

6. Аверченко А. К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Томск, 2001. 239 л. Вернуться к статье

7. Рыбак С. В. Понятие подозрения и его назначение в уголовном процессе // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2008. № 1 (15). С. 207–211. Вернуться к статье

УДК 343.6

Д. Л. Фаизова
адъюнкт кафедры уголовного права
Казанского юридического института МВД России

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 117 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Субъект выступает обязательным элементом состава преступления: при отсутствии установленных законом признаков лица уголовно-правовая оценка содеянного по соответствующей норме исключается. Данный тезис является общепринятым в теории уголовного права и отражается в учебной литературе и научных работах, посвященных субъекту преступления и его признакам. Субъект истязания (ст. 117 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК)) относится к числу общих субъектов [1]. Тем не менее возрастной порог, установленный в УК для несовершеннолетних, совершивших истязание, уже давно вызывает полемику в научных кругах.

В доктрине обсуждается снижение возраста ответственности за истязание до 14 лет, поскольку деяние посягает на здоровье и достоинство личности и нередко носит осознанный, целенаправленный характер. Ряд авторов прямо предлагают закрепить ответственность с 14 лет, мотивируя это высокой общественной опасностью преступления и необходимостью более раннего уголовно-правового реагирования [2, л. 144].

В качестве дополнительного аргумента приводятся данные о криминальной активности подростков младших возрастов: по статистической отчетности Росстата, число несовершеннолетних, доставленных в органы внутренних дел за совершение общественно опасных деяний до достижения возраста уголовной ответственности, составило 4 692 человека в 2021 г. (для сравнения: 4 709 — в 2020 г., 7 137 — в 2019 г.) [3]. На этом фоне в государственных аналитических документах также фиксируется, что в 2019 г. на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних было поставлено 18,8 тыс. лиц, не подлежащих уголовной ответственности вследствие недостижения возраста, а распространение в Интернете сюжетов побоев и истязаний, совершаемых несовершеннолетними, способствует культивированию насилия в молодежной среде [4].

В доктрине представлена и противоположная позиция. Ряд авторов указывают на сложность конструкции состава истязания и потому поддерживают сохранение 16-летнего возраста уголовной ответственности по ст. 117 УК [5, л. 92]. Отмечается также, что в отношении несовершеннолетних приоритет

должны иметь превентивные меры, поскольку ювенальная преступность носит преимущественно социальный характер, а перечень преступлений с ответственностью, наступающей по достижении 14 лет, является исчерпывающим и может расширяться лишь при наличии убедительных криминологических, психологических и правовых оснований [6, с. 106].

По нашему мнению, закрепленное законодателем возрастное решение видится дискуссионным по ряду причин. Одним из признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 117 УК, выступает систематичность побоев и иных действий. Само слово «систематичность», согласно словарю галлицизмов русского языка Н. И. Епишкина, обозначает наличие системы в чем-либо, например, систематичность в работе [7]. С точки зрения уголовно-правовой терминологии она предполагает повторяемость действий два и более раза, устойчивость поведения, то есть наличие у виновного лица не только понимания противоправности конкретного эпизода, но и осознания общего характера продолжаемого воздействия на потерпевшего. В связи с этим стоит отметить, что систематичность по своей сути исключает случайность в действиях.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43, истязание относится к продолжаемым преступлениям, что предполагает наличие двух или более тождественных противоправных деяний, охватываемых единым умыслом [8]. Следовательно, при совершении истязания мы можем говорить не о единичной, случайной ошибке лица, достигшего 14-летнего возраста, а о поведении, требующем устойчивого волевого решения причинять страдания и воспроизводить насилие в течение определенного периода времени, что усиливает аргумент о возможности осознания содеянного лицом в возрасте 14–15 лет.

Считаем, что следует дополнить ч. 2 ст. 20 УК и внести туда ст. 117 УК, поскольку в настоящее время огромное число насильственных преступлений против жизни и здоровья человека совершаются несовершеннолетними в возрасте 14–16 лет. Вместе с тем при решении вопроса об ответственности необходимо оценивать психологическую зрелость несовершеннолетнего, учитывая, что закон уже исключает ответственность при отставании в психическом развитии, не связанном с расстройством, если оно лишает лицо способности осознавать характер и общественную опасность действий или руководить ими.

Кроме того, следует учитывать, что истязание по своей природе нередко совершается в отношении заведомо зависимых и уязвимых лиц (прежде всего несовершеннолетних, членов семьи), в условиях бытовой или групповой среды, где повторяемость насилия поддерживается стремлением к доминированию и

контролю. В таких ситуациях виновный, как правило, не только осознает противоправность отдельных эпизодов, но и целенаправленно закрепляет модель систематического насилия, что делает раннее уголовно-правовое вмешательство обоснованным как с точки зрения защиты потерпевшего, так и с позиции профилактики эскалации жестокого поведения.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Багун Э. А. Ответственность за побои и истязание по Уголовному кодексу Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Оренбург, 2007. 216 л. Вернуться к статье

3. Отчет о числе несовершеннолетних, доставленных в органы внутренних дел за совершение правонарушений, 2019–2021 гг. [Электронный ресурс] // Федер. служба гос. статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5_Deti_pravo.xlsx (дата обращения: 13.02.2026). Вернуться к статье

4. Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение правительства Рос. Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р : в ред. от 18 марта 2021 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. Булавин Е. Д. Уголовная ответственность за истязание : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Северо-Кавказ. гос. техн. ун-т. Ставрополь, 2008. 181 л. Вернуться к статье

6. Хромова Н. М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журн. рос. права. 2018. № 4 (256). С. 96–109. Вернуться к статье

7. Систематичность [Электронный ресурс] // Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. URL: https://gufo.me/dict/gallicisms/%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения: 13.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 12 дек. 2023 г. № 43. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 343.915

Г. Р. Фарахиева
оперуполномоченный управления уголовного розыска МВД
по Республике Татарстан,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО

Процесс глобальной цифровизации общества привел к тому, что интернет-пространство стало не только образовательной и коммуникационной площадкой, но и пространством формирования новых криминальных угроз. Одной из наиболее острых проблем является вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений через информационно-телекоммуникационные сети.

Несовершеннолетние, в силу своих возрастных, психологических особенностей и отсутствия жизненного опыта, являются наиболее уязвимой категорией пользователей [1, с. 106]. Анонимность интернет-пространства, возможность дистанционного воздействия и использование игровых механик позволяют преступникам эффективно манипулировать сознанием несовершеннолетних. В настоящее время вовлечение несовершеннолетних происходит в самых разных формах: от участия в незаконном обороте наркотиков (кураторство «закладок») до совершения киберпреступлений и вступления в сообщества экстремистской направленности. Учитывая высокую латентность таких деяний и постоянное совершенствование способов вербовки, теоретический анализ и поиск эффективных методов профилактики данной проблемы приобретают первостепенное значение.

Современная криминологическая ситуация характеризуется глубокой адаптацией механизмов вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность к цифровой среде. На основе анализа актуальных данных можно выделить три основных канала деструктивного воздействия на несовершеннолетних.

Первый канал — психолого-развлекательный (игровой). Геймификация преступности рассматривается как метод, использующий когнитивные особенности подростков через механизмы многопользовательских онлайн-платформ. Противоправное деяние (например, вандализм или сбыт запрещенных веществ) камуфлируется под «квест» или игровое поручение. Мотивация субъекта

подкрепляется предоставлением внутриигровых преимуществ (валюта, статус), что нивелирует осознание общественной опасности совершаемых действий.

Второй канал — экономический («быстрый заработок»). Наиболее массовым проявлением данного сегмента является вовлечение подростков в «дропперство» — схемы по легализации (отмыванию) денежных средств, полученных преступным путем. Под видом легального стартапа или удаленной работы в финтехсфере несовершеннолетние становятся финансовыми посредниками в цепочках фишинга и кардинга. Таргетированная реклама таких «вакансий» формирует ложное представление о правомерности данных действий.

Третий — платформенный (социально-коммуникативный) канал. Его специфика заключается в использовании различных методов социальной инженерии, направленных на получение конфиденциальной информации у несовершеннолетних. На современном этапе данный канал трансформировался за счет использования поддельных онлайн-платформ и сайтов, имитирующих популярные ресурсы, которыми пользуются подростки (социальные сети, интернет-магазины).

Рассмотренные каналы показывают, как преступная деятельность успешно маскируется под привычные подростку цифровые активности. Однако именно эта технологичность процесса не только облегчает поиск исполнителей, но и служит инструментом защиты для самих организаторов. Возникает критический разрыв: пока способы вовлечения совершенствуются, методы их раскрытия остаются прежними. Это приводит к тому, что процесс привлечения виновных к ответственности наталкивается на серьезные барьеры, связанные с самой природой современных технологий.

Одной из ключевых сложностей остается установление личности организатора преступления. Современные криминальные сообщества все чаще выстраиваются по принципу децентрализованных автономных организаций, где управление распределено между участниками, а команды отдаются через смарт-контракты. Использование мессенджеров нового поколения с протоколами автоматического удаления следов нейросетевой активности делает невозможным классическое изъятие цифровых доказательств, что требует внедрения новых методик судебной экспертизы.

Проблемным местом следствия остается доказывание того, что взрослый субъект осознавал несовершеннолетний возраст вовлекаемого лица. В условиях анонимности интернет-пространства преступники зачастую выстраивают линию защиты, основанную на «незнании реального возраста пользователя за аватаром». Судебная практика показывает, что без фиксации момента верификации возраста или явных лингвистических признаков обращения

к подростку квалификация по ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации становится крайне затруднительной [2].

Таким образом, проведенный анализ выявляет существенный разрыв между технологическим развитием преступной деятельности в интернет-пространстве и текущими возможностями правоохранительных органов по эффективному противодействию этой угрозе. Современные методы совершения преступлений, использующие достижения в области децентрализованных сетей, искусственного интеллекта и анонимизации, демонстрируют критическую уязвимость традиционных правовых и технических механизмов. Для преодоления данного разрыва необходимо:

1) модернизировать инструментарий расследования, активно внедряя передовые методы цифровой криминалистики и анализа больших данных для выявления и фиксации преступлений в киберпространстве;

2) адаптировать нормативно-правовую базу для эффективного регулирования цифровых доказательств и определения ответственности участников интернет-пространства;

3) разработать механизмы международного сотрудничества для трансграничного преследования киберпреступников и оперативного обмена информацией.

Только комплексный подход, сочетающий технологическое развитие, правовую адаптацию и международное взаимодействие, позволит повысить эффективность борьбы с высокотехнологичной преступностью.

Список основных источников

1. Макашева М. Н. Сеть Интернет и общая оценка ее влияния на личность несовершеннолетнего // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2021. № 3 (91). С. 102–109. Вернуться к статье

2. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 1 февр. 2011 г. № 1 : в ред. от 9 дек. 2025 г. № 33. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 343.37

Р. Ф. Хакимуллина
преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
Казанского юридического института МВД России

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ

Процессы глобальной интеграции экономики, технологий и социокультурного взаимодействия детерминируют усиление межгосударственных связей, что находит прямое отражение в трансформации национальных правовых систем. В условиях динамичного развития транснациональной преступности изучение зарубежного опыта выступает неотъемлемым инструментом совершенствования отечественного законодательства.

Страны Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) традиционно ориентировались на российское законодательство: историческое взаимодействие государств на протяжении периода их развития обусловило формирование схожих институтов и положений [1, с. 7]. В настоящее время членами СНГ являются Азербайджан, Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Таджикистан и Узбекистан. Украина и Туркменистан, не подписавшие в 1993 г. Устав Содружества, де-юре считаются не государствами — членами, а государствами — участниками СНГ [2].

Российское уголовное законодательство выступило в качестве базиса для формирования антипирамидальных правовых систем стран СНГ. Вместе с тем внедрение норм происходило с учетом национальной экономической специфики и особенностей законотворческой техники каждой страны. В России специальный состав предусмотрен ст. 172.2 Уголовного кодекса (далее — УК) Российской Федерации [3]. Характерной чертой данной нормы является субъектный состав: ответственность ограничена исключительно организатором противоправной схемы. Несмотря на отсутствие легальной дефиниции термина «финансовая пирамида» в тексте закона, диспозиция ст. 172.2 УК Российской Федерации раскрывает его сущность через описание специфического механизма функционирования: привлечение активов лиц при условии выплаты дохода за счет средств новых участников, при заведомом отсутствии соразмерной инвестиционной или предпринимательской деятельности.

Сравнительно-правовой анализ законодательства государств выявляет существенную дифференциацию в подходах к определению субъектного

состава преступления. Так, в отличие от российского права, ст. 188.1 УК Республики Узбекистан устанавливает расширенную ответственность: санкциям подлежит не только организатор, но и лица, осуществляющие продвижение (рекламу) схемы, в том числе посредством информационно-телекоммуникационных сетей [4]. При этом законодатель Узбекистана, аналогично российскому, избегает использования термина «финансовая пирамида», характеризуя деяние через механизм исполнения обязательств перед участниками исключительно за счет притока новых активов.

Иной подход демонстрирует УК Кыргызской Республики, где в ст. 221 не только криминализировано пособничество в виде рекламы, но и представлено легальное определение финансовой пирамиды в примечании к статье [5]. Согласно примечанию, под финансовой пирамидой следует понимать создание, использование, эксплуатацию или содействие развитию систем продаж, при которых потребитель платит за возможность получения компенсации (дохода), предоставляемой преимущественно за счет привлечения других потребителей к такой схеме, а не за счет продажи или потребления продукции.

Особый интерес представляет опыт Республики Казахстан, где законодатель пошел по пути детальной дифференциации уголовной ответственности. В отличие от консолидированных норм других стран СНГ, казахстанское право разделяет «Создание и руководство финансовой (инвестиционной) пирамидой» (ст. 217 УК Республики Казахстан) и «Реклама финансовой (инвестиционной) пирамиды» (ст. 217-1 УК Республики Казахстан) [6]. Примечательно, что в диспозиции ст. 217 содержится развернутая легальная дефиниция, которая квалифицирует пирамидальную схему не только как перераспределение активов, но и как деятельность, связанную с извлечением выгоды из «права на имущество», что расширяет возможности правоприменения. При этом уголовная ответственность за рекламу в Казахстане носит материальный характер: она наступает лишь в случае причинения значительного ущерба, что отличает ее от формального состава, принятого в Узбекистане.

В свою очередь, Уголовный кодекс Республики Армения (ст. 189.1) привносит в понимание финансовой пирамиды важный регуляторный аспект [7]. Законодатель прямо исключает из-под действия данной нормы деятельность, подлежащую лицензированию. Таким образом, в Армении финансовая пирамида дефинируется как неправомерная альтернатива легальному финансовому рынку, где материальная выгода участников обусловлена исключительно притоком новых инвестиций при заведомом отсутствии намерения осуществлять реальную предпринимательскую деятельность. Данная формулировка

позволяет четко отграничить преступные схемы от деятельности лицензированных инвестиционных институтов, сталкивающихся с финансовыми трудностями.

Особое место в системе антипирамидального законодательства занимает Республика Беларусь, где уголовно-правовой запрет интегрирован в структуру нормы о предпринимательской деятельности, осуществляемой без лицензии, специального разрешения (лицензии) (ч. 2 ст. 233 УК Республики Беларусь) [8]. Модель Республики Беларусь отличается наиболее широким субъектным составом: ответственности подлежат не только инициаторы схемы, но и ее активные участники. Законодатель закрепил детальную дефиницию, включающую привлечение не только традиционных денежных средств, но и «электронных денег», что делает данную норму одной из наиболее адаптированных к современным цифровым реалиям в рамках СНГ.

Иной подход сохраняется в уголовном праве Азербайджана [9], Молдовы [10], Таджикистана [11], Туркменистана [12] и Украины [13]. В данных юрисдикциях отсутствуют спциальные антипирамидальные статьи, и борьба с подобными структурами ведется через применение общих норм об ответственности за мошенничество. Это обуславливает необходимость доказывания признаков хищения и обмана в каждом конкретном случае, что в ряде ситуаций затрудняет превентивное пресечение деятельности пирамид на этапе их формирования, до момента причинения реального ущерба вкладчикам.

Представляется, что дефиниция, закрепленная в УК Кыргызстана, является наиболее гибкой, так как охватывает не только денежные средства, но и компенсации за развитие систем продаж, что позволяет квалифицировать как пирамиды современные криптопроекты.

Таким образом, уголовное законодательство стран СНГ активно совершенствуется в направлении усиления защиты населения от рисков участия в финансовых пирамидах. Благодаря наличию специализированных норм и жестких санкций удается существенно снизить уровень угроз, исходящих от подобных организаций.

Список основных источников

1. Волосова Н. Ю., Журкина О. В. Уголовное право стран СНГ [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Оренбур. гос. ун-т. Оренбург : ОГУ, 2019. 122 с. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Вернуться к статье

2. О Содружестве Независимых Государств [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Рос. Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/sng/1813264/ (дата обращения: 01.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 534-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : утв. Законом Респ. Узбекистан от 22 сент. 1994 г. № 2012-XII : в ред. Закона Респ. Узбекистан от 27 нояб. 2025 г. № ЗРУ-1098. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 28 окт. 2021 г. № 127 : введен в действие Законом Кыргыз. Респ. от 28 окт. 2021 г. № 126 : в ред. Закона Кыргыз. Респ. от 14 нояб. 2025 г. № 259. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/2087/ru (дата обращения: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 3 июля 2014 г. № 226-V. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] : 27 мая 2021 г. № ЗР-199 : принят Национальным Собранием Респ. Армения 5 июня 2022 г. : с изм. и доп. по сост. на 1 янв. 2026 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=39571894&show_di=1 (дата обращения: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

9. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : утв. Законом Азербайдж. Респ. от 30 дек. 1999 г. № 787-IQ : в ред. Закона Азербайдж. Респ. от 8 июля 2025 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

10. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : от 18 апр. 2002 г. № 985-XV : в ред. Закона Респ. Молдова от 10 июля 2025 г. № 255. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

11. Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : 21 мая 1998 г. № 574 : в ред. Закона Респ. Таджикистан от 17 дек. 2025 г. № 2206. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

12. Уголовный кодекс Туркменистана [Электронный ресурс] : 12 июня 1997 г. № 222-I : введен в действие с 1 янв. 1998 г. Законом Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-1 : в ред. Закона Туркменистана от 12 апр. 2025 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

13. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 5 апр. 2001 г. № 2341-III : в ред. Закона Украины от 17 июня 2025 г. 4499-IX URL: https://continent-

online.com/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.352.4

А. А. Харитонова
магистрант юридического факультета
Белорусского государственного университета

ЦИФРОВЫЕ ЗНАКИ (ТОКЕНЫ) КАК ПРЕДМЕТ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В современных условиях стремительной и всеобъемлющей цифровизации практически все ключевые общественные отношения и формы противоправной деятельности претерпевают глубокие, качественные трансформации, адаптируя коррупционные механизмы под новые технологические реалии. В этом контексте особую научно-практическую актуальность приобретает вопрос использования цифровых знаков (токенов) в качестве предмета взяточничества. Сложность уголовно-правовой квалификации таких деяний во многом обусловлена специфической, децентрализованной природой токенов, а также сохраняющимся отсутствием единообразного подхода к определению их юридического статуса в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации.

Квалификация цифровых знаков (токенов) в качестве предмета взяточничества напрямую зависит от установления их имущественной природы и наличия у них стоимостных характеристик. Ввиду отсутствия в Гражданском кодексе Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее — ГК Республики Беларусь) [1] законодательно закрепленного определения термина «имущество» трактовка этой категории осуществляется на теоретическом уровне. Тем не менее в современной цивилистике до сих пор не сформировано единого мнения относительно содержания данного понятия [2].

Исходя из содержания ст. 128 ГК Республики Беларусь, цифровые знаки (токены), хотя и не отождествляются с традиционными денежными средствами или ценными бумагами, явно подпадают под категорию «иное имущество» [1]. Данный статус обоснован их участием в гражданском обороте и наличием объективной экономической ценности. Именно признание цифровых знаков (токенов) объектом гражданских прав позволяет рассматривать их в качестве возможного предмета взяточничества. Подтверждением такой позиции служит подп. 3.1 п. 3 Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», где операции по отчуждению токенов приравниваются к реализации имущественных прав, что подтверждает их квалификацию как имущественной выгоды [3].

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» (далее — постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 6) статус цифровых знаков (токенов) как предмета взяточничества не определен [4].

Важным аргументом в пользу признания криптовалюты имуществом является примечание к ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З, прямо позволяющее налагать арест на криптовалюту. Это нормативно закрепляет возможность государства воздействовать на цифровые активы как на материальное благо и служит доводом в пользу их признания предметом взяточничества [5].

Опыт Российской Федерации в рассматриваемом вопросе демонстрирует более высокую степень детализации регуляторного подхода. С 1 октября 2019 г. вступили в силу масштабные изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее — ГК Российской Федерации), закрепившие понятие «цифровые права» (ст. 141.1 ГК Российской Федерации). Данная категория была включена в перечень объектов гражданских прав и прямо отнесена к категории иного имущества (ст. 128 ГК Российской Федерации) [6]. Статья 128 ГК Российской Федерации в ее нынешней редакции закрепляет широкое и адаптивное толкование объектов гражданских прав, что устраняет препятствия для признания токенов предметом преступления.

Стоит отметить, что 24 декабря 2019 г. вступили в силу изменения и для постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях. В п. 9 указанного постановления сказано, что в тех случаях, когда предметом взятки являются имущественные права, у должностного лица, получившего такое незаконное вознаграждение, возникает возможность вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в свою пользу имущественных обязательств, получать доходы от использования бездокументарных ценных бумаг или цифровых прав и др. [7]. Исходя из вышенаписанного, получение цифровых активов квалифицируется как взяточничество по признаку «иное имущество».

Проведенный сравнительно-правовой анализ подтверждает необходимость внесения изменений в национальное законодательство в целях эффективного противодействия коррупции. Представляется целесообразным внести дополнения в ст. 128 ГК Республики Беларусь, прямо закрепив правовой статус

цифровых знаков (токенов) как самостоятельных объектов гражданских прав. Кроме того, обоснованным видится дополнение Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 6 положениями, прямо квалифицирующими цифровые знаки (токены) в качестве предмета взяточничества с закреплением детального алгоритма оценки их стоимости и определением момента окончания преступления. Изложенные предложения сформируют единый подход к квалификации деяний в условиях цифровой трансформации. Комплексная унификация норм и практики исключит возможности для злоупотреблений и обеспечит неотвратимость ответственности за коррупцию в цифровой среде.

Список основных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Григорьев А. В., Протащик П. И. Криптовалюта как предмет взяточничества: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2025. № 1 (49). С. 127–133. Вернуться к статье

3. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь от 21 дек. 2017 г. № 8 : в ред. от 18 марта 2021 г. № 1. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : одобр. Советом Федерации 30 окт. 1994 г. : в ред. Федер. закона от 31 июля 2025 г. № 315-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

7. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 : в ред. от 9 дек. 2025 г. № 33. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 343.85

И. Г. Хомицевич
адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

КОЛЛИЗИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОСУЖДЕННОГО В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМА ОТСУТСТВИЯ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ КАК СУБЪЕКТА ПРАВООТНОШЕНИЙ И ПУТИ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ

Правовое регулирование исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь декларирует комплексный подход, основанный на принципах гуманизма, приоритета воспитательных мер над карательными.

Так, функции по воспитательной работе и профилактическому контролю распределены между уголовно-исполнительными инспекциями, исполняющими наказания, не связанные с лишением свободы, и инспекциями по делам несовершеннолетних, исполняющими иные меры уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних, осужденных согласно ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь [1]. Однако действующая модель содержит системные противоречия, которые снижают эффективность процесса исполнения наказаний. Изучение этих противоречий, а также поиск путей оптимизации межведомственного взаимодействия является актуальной научной и практической задачей.

Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, а также иных мер уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних имеет ряд ограничений в правах несовершеннолетних осужденных. Согласно ст. 20 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), несовершеннолетний имеет ограниченную дееспособность [2]. В случаях нарушений трудовых, гражданских, уголовных и уголовно-исполнительных прав несовершеннолетний осужденный может обращаться с ходатайствами в суд либо иные государственные учреждения лишь через законного представителя (опекуна). Статус представителя может быть подтвержден документами об отцовстве или материнстве согласно ст. 73 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь, при этом данные лица выступают в качестве законных представителей, либо опекунство может быть назначено в судебном порядке [3]. Это обуславливает необходимость вызова несовершеннолетнего совместно с законными представителями для постановки на учет, а также ознакомления с правами и обязанностями, отобрания объяснений, обязательств, вынесения официальных предупреждений и

составления иных процессуальных документов. Однако УИК не признает законного представителя субъектом уголовно-исполнительных правоотношений. Данное несоответствие создает правовой вакуум и значительные сложности в правоприменительной практике, порождая вопросы о юридической силе действий, совершенных с участием или без участия законного представителя.

Несовершеннолетний осужденный выступает в двух правовых качествах одновременно: как субъект уголовно-исполнительных отношений, несущий обязанности по отбыванию наказания, и как субъект гражданских правоотношений с ограниченной дееспособностью. УИК, регулируя первую сферу, фокусируется на карательном и воспитательном воздействии на самого осужденного, игнорируя его гражданско-правовую недееспособность. Это приводит к ситуации, когда УИК требует от несовершеннолетнего осужденного самостоятельного выполнения юридических обязанностей (своевременная явка, соблюдение запретов, отобрание объяснений), но в то же время, в соответствии с ГК, он лишен возможности самостоятельно защищать свои права в этих же правоотношениях.

Однако в уголовно-процессуальных правоотношениях законный представитель несовершеннолетнего предусмотрен, более того, наделен особыми правами и обязанностями (ст. 56, 57 УПК) [4].

Отсутствие четкого правового регулирования роли законного представителя ставит под сомнение юридическую силу ключевых процессуальных действий. Так, объяснения и обязательства, отобранные у несовершеннолетнего осужденного без присутствия законного представителя, могут быть признаны полученными с нарушением его прав и не иметь юридической силы при рассмотрении вопроса о замене наказания более строгим или применении взыскания. Официальные предупреждения, вынесенные несовершеннолетнему осужденному, могут быть обжалованы, так как не были доведены до сведения лица, несущего за него гражданско-правовую ответственность.

Решение данной проблемы видится в дополнении УИК, по аналогии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь, нормами, закрепляющими статус, а также права обязанности законного представителя. Дополнительно необходимо также закрепление перечня процессуальных действий, которые в обязательном порядке совершаются в присутствии или с письменного уведомления законного представителя.

Таким образом, разрешение данной коллизии требует системной гармонизации уголовно-исполнительного законодательства, которое позволит перейти от формального контроля к комплексной и детально регламентированной

работе по исполнению наказаний в отношении несовершеннолетних осужденных с активным вовлечением их законных представителей.

Список основных источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г. № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Федерации 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.97

М. В. Шайкова
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юго-Западного университета,
кандидат психологических наук, доцент

ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЕСТРУКТИВНОГО И ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вопросам предупреждения преступности несовершеннолетних посвящено большое количество нормативных правовых актов, в том числе и международных, таких как Пекинские правила (приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г.) [1] и Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) (приняты 14 декабря 1990 г. резолюцией 45/112 на 68-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций) [2]. На сегодняшний день в России существует целый ряд правовых норм, позволяющих соответствующим органам выстраивать работу по профилактике преступности несовершеннолетних. Вместе с тем некоторые нормы сами по себе несовершенны либо даже могут способствовать росту преступности несовершеннолетних, прежде всего рецидивной.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 [3], 2018–2027 гг. в Российской Федерации названы Десятилетием детства. В ст. 38 Конституции Российской Федерации определено, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства» [4]. Предупреждение и профилактика преступности несовершеннолетних являются одними из основных задач в Российской Федерации, о чем говорит п. 9. ст. 47 Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [5]. В соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», одной из основных задач деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних является предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому [6].

Эффективная профилактическая деятельность в Российской Федерации строится на следующих принципах: приоритет социальных мер

над карательными — государство и общество должны стремится не наказать ребенка за проступок, а понять причины этого проступка и помочь их устранить; комплексность. Для работы привлекаются семья, школа, органы власти, общественные организации и правоохранительные органы для достижения наилучшего результата; индивидуальный подход предполагает работу с конкретным ребенком, с его историей и его потребностями.

Несовершеннолетние правонарушители потенциально пополняют ряды взрослой преступности. Следственный комитет Российской Федерации приводит следующие данные: «Согласно статистике МВД России, в 2024 году преступили закон более 21 тыс. несовершеннолетних, это на 6 % меньше, чем в 2023 году. Из них 15,5 тыс. (74 %) — учащиеся и студенты, 4 тыс. ранее совершали преступления, полторы тысячи уже были судимы… В 2024 году наши следователи в 53 регионах установили подростков, совершивших преступление, предусмотренное ст. 213 УК РФ (хулиганство). В числе совершивших преступления указанной категории подростки в возрасте от 14 до 15 лет составляли 35,2 %, в возрасте от 16 до 17 лет — 64,8 %. Только 7,5 % состояли на учете как неблагополучные или были из семей, состоящих на таком учете. При этом возросло число подростков, совершивших хулиганство в состоянии алкогольного опьянения, — с одного в 2023 году до 18 в 2024 году, а также с использованием оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств — с четырех в 2023 году до 14 в 2024 году» [7]. В связи с этим своевременное начало профилактической работы со стороны государственных институтов и общественности является ключевым условием для снижения и предупреждения преступности среди подростков.

Сегодня возникла необходимость создания безопасной среды для взросления подрастающего поколения. Профилактика должна осуществляться в единой логике противодействия деструктивным факторам в детско-подростковой среде, а результаты этой работы необходимо оценивать с точки зрения объективных и субъективных показателей благополучия каждого конкретного ребенка.

В настоящее время использование сети Интернет несовершеннолетними является повсеместным. Так, М. Н. Шарлова указывает, что «сегодня с уверенностью можно сказать, что для определенных слоев несовершеннолетних и молодежи сеть Интернет является единственным источником информации, способом общения, познания нового» [8, с. 15]. К сожалению, не всегда подростки используют телекоммуникационные возможности для получения новой полезной информации. Особую тревогу вызывает информация экстремистской направленности, вовлечения в различные деструктивные группы. В наши дни

отмечается рост преступлений, совершенных несовершеннолетними с применением искусственного интеллекта, сотовой связи. Отдельно можно выделить преступность иностранных граждан несовершеннолетнего возраста, совершающих преступления на территории Российской Федерации, которая за последние «четыре года увеличилась почти в 2 раза: с 0,7 % в 2021 г. до 1,1 % в 2024 г.» [9, с. 18].

По нашему мнению, для улучшения профилактики и предупреждения преступности несовершеннолетних необходимо законодательное регулирование внешних угроз, которые способствуют различным видам девиантного поведения несовершеннолетних. Использование новейших педагогических и психологических методик вместе с системой правового воспитания и культурными инициативами будет способствовать устойчивости детей и подростков к деструктивным манипуляциям и совершению противоправных действий.

Список основных источников

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс] // Кодекс. URL: https://docs.cntd.ru/document/901747237 (дата обращения: 18.05.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) [Электронный ресурс] : приняты резолюцией 45/112 Генер. Ассамблеи от 14 дек. 1990 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml?ysclid=mqdlwh05vd43477701 (дата обращения: 18.05.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2017 г. № 240. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм. от 1 июля 2020 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

6. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

7. Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС [Электронный ресурс] // Следств. ком. Рос. Федерации : [сайт]. URL:

https://sledcom.ru/press/interview/item/1967409/ (дата обращения: 14.05.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Шарлова М. Н. Профилактические аспекты проведения социально-психологических исследований по проблемам деструктивности и экстремизма в молодежной среде // Вопр. ювен. юстиции. 2025. № 1. С. 14–17. Вернуться к статье

9. Фролова С. М. Основные направления совершенствования профилактики преступлений несовершеннолетних // Вопросы ювен. юстиции. 2025. № 4. С. 16–19. Вернуться к статье

УДК 343.01

А. А. Шаламов
адъюнкт адъюнктуры
Нижегородской академии МВД России

ДОБРОВОЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Общемировой и исторически обусловленной тенденцией совершенствования уголовного законодательства многих развитых стран является его гуманизация, и Республика Беларусь не является исключением. Гуманизация выражается в том, что уголовная ответственность признается не единственной формой реакции на общественно опасное поведение, т. к. принуждение не всегда ведет к предупреждению преступлений и исправлению лиц, их совершающих. Это обуславливает внедрение в механизм уголовно-правового воздействия компромиссно-поощрительных мер, ориентированных на стимулирование субъекта к правопослушному поведению. Они выражаются в отдельных нормах и даже целых институтах (например, освобождения от уголовной ответственности и наказания, амнистии и помилования), начинающих действовать при соблюдении определенных условий.

К числу последних относится условие добровольности тех или иных действий (нормативно предусмотренных) лица, совершающего или совершившего преступление. Добровольно, в соответствии с источниками, значит, по собственному желанию, самостоятельно, не насильственно [1, с. 169]. Это условие имеет важнейшее значение для распознания характера воли потенциального подозреваемого, а потому представляет самостоятельный теоретико-прикладной интерес.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) термин «добровольность» встречается в нормах как Общей, так и Особенной части [2]. В ст. 15 УК Республики Беларусь регламентируется добровольный отказ от преступления, по своей содержательной характеристике схожий с аналогичными положениями ст. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК Российской Федерации) [3]. Добровольность выступает обязательным условием освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 88 УК Республики Беларусь) и возмещением ущерба (ст. 88^1 УК Республики Беларусь). Отметим, что в УК Российской Федерации норма о возмещении ущерба формально не предусматривает признака добровольности.

В Особенной части УК Республики Беларусь добровольность является системообразующим признаком специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. Упоминания заслуживают составы преступлений, предполагающие такую возможность в отличие от УК Российской Федерации. Это характерно, например, для организации деятельности общественного объединения, в отношении которого принято решение о ликвидации или приостановлении деятельности (ст. 193^1 УК Республики Беларусь); легализации средств, полученных преступных путем (ст. 235 УК Республики Беларусь), а также воинских преступлений, выражающихся в различного рода уклонении от соблюдения призывных и мобилизационных обязанностей (ст. 434–437 УК Республики Беларусь).

Отличительной спецификой, по сравнению с УК Российской Федерации, некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности является перечень условий, при наличии которых допускается такая возможность. Например, для освобождения лица от ответственности за участие в незаконном вооруженном формировании требуются всего два условия: добровольное прекращение участия и сдача оружия (в УК Российской Федерации в аналогичном составе предусматривается четыре условия: совершение преступления впервые, добровольное прекращение участия, сдача оружия и отсутствие в действиях иного состава преступления). Также дела обстоят при решении вопроса об освобождении от ответственности за участие в деятельности террористической организации (в УК Республики Беларусь — одно условие; в УК Российской Федерации — три). В указанных случаях белорусское уголовное законодательство демонстрирует большую снисходительность к преступникам и, надо полагать, тем самым активнее стимулирует их к позитивному посткриминальному поведению. Не последнее значение в этом имеет проявление субъектом «доброй воли», демонстрирующей его желание исправиться и помочь государству в выявлении и раскрытии отдельных преступлений в обмен на своеобразную снисходительность со стороны последнего.

Отдельные нормы УК Республики Беларусь, напротив, показывают более строгий подход к освобождению лиц, совершивших преступление. Согласно примечанию к ст. 275 УК Российской Федерации, для освобождения от ответственности за государственную измену и шпионаж необходимо соблюдение альтернативных условий: либо добровольно и своевременно сообщить о противоправном факте органам власти, либо иным образом способствовать предотвращению ущерба интересам Российской Федерации. Схожая ст. 356 УК Республики Беларусь альтернативы не предлагает: должны быть соблюдены три названных условия. То же характерно и для коррупционных преступлений:

в УК Российской Федерации добровольное сообщение о факте дачи взятки является самостоятельным основанием для непривлечения лица к ответственности, в УК Республики Беларусь одной добровольности подобного рода недостаточно (лицо должно добровольно заявить и активно способствовать раскрытию или расследованию).

Следует отметить, что в УК Республики Беларусь отсутствует специальное указание на возможность освобождения от ответственности лица, совершившего преступления, предусмотренные ст. 181 (торговля людьми) или ст. 182 УК Республики Беларусь (похищение человека), и добровольно его освободившего. Отметим при этом, что такая перспектива имеется в смежном составе преступления о захвате заложника (ст. 291 УК Республики Беларусь). Кроме того, представляется, что белорусское уголовное законодательство могло бы способствовать повышению эффективности выявления и раскрытия преступлений, сопряженных с заведомо ложными показаниями участников уголовного судопроизводства, в случае закрепления возможности избежать государственной реакции при добровольном сообщении об этом факте.

Таким образом, обзорное исследование добровольности в уголовном законодательстве Республики Беларусь позволяет сформулировать следующие выводы:

Во-первых, белорусское уголовное законодательство закономерно движется по пути гуманизации и расширения возможности нерепрессивной реакции на совершенное преступление.

Во-вторых, неотъемлемой частью уголовно-правового поощрения по УК Республики Беларусь выступает условие добровольности совершения тех или иных действий субъектом общественно опасного посягательства. Это условие, с одной стороны, демонстрирует его желание исправиться и переориентир с антисоциальных на правомерные ценностные установки, а с другой стороны, помогает государству быстрее выявить преступление или минимизировать его последствия.

В-третьих, отдельные нормы Особенной части УК Республики Беларусь, на наш взгляд, нуждаются в совершенствовании в части регламентации перечня условий освобождения от уголовной ответственности. В частности, исходя из логики противодействия отдельным видам преступлений, требуется предусмотреть условие добровольности в качестве освобождающего от ответственности за торговлю людьми, похищение человека и заведомо ложные показания отдельных участников уголовного судопроизводства.

Список основных источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2004. 944 с. Вернуться к статье

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 343.9

А. В. Шатилов
старший преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности в ОВД
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА — УЧАСТНИКА ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ

Для территорий многих субъектов Российской Федерации, в том числе и многих когда-то очень крупных промышленных городов, со временем утративших эти статусы ввиду закрытия или уменьшения объемов производства основных предприятий и, как следствие, увеличения уровня фактической безработицы, характерно сосредоточение резонансных тяжких и особо тяжких преступлений.

Занятость населения в целом представляет собой активную деятельность граждан, требующую достаточного количества физических и интеллектуальных усилий. На это способен человек с развитыми волевыми качествами, который может управлять своим поведением и эмоциями. Не менее важным выступает присутствие у человека высокой нравственной основы. Объединение воли и нравственных основ не дает человеку искать материальное благополучие где бы то ни было, кроме как в результате осуществления им трудовой или служебной деятельности. При отсутствии нравственных основ у конкретного человека и при его максимально быстро растущих потребностях в различных материальных достижениях практически единственным для него видится преступный путь получения материального благополучия. Тот, кто не способен самостоятельно, силой воли ограничить свои финансовые потребности, движется по пути нарушения закона с последующим пополнением категории лиц, совершающих преступления.

Наибольшую общественную опасность создает то обстоятельство, что большинство корыстных и корыстно-насильственных преступлений совершаются в составе организованного преступного формирования. Достижение преступного результата преступным формированием обусловлено в том числе тем, что на определенном этапе преступления тщательно подготавливаются. Лидером преступной группы соответствующим образом распределяются необходимые роли между участниками, соблюдаются определенные меры конспирации. Помимо этого, деятельность в ходе своего существования и функционирования преступной группы может обрастать множественными коррупционными

связями, наличие которых призвано облегчить совершение преступлений. Полагаем, что корыстный мотив является фундаментальным для организованной преступности. Организованные преступные формирования, как правило, создаются с целью совершения преступлений, направленных на получение материальной выгоды, и в меньшей степени — корыстно-насильственных преступлений. Данная категория преступлений может включать как посягательства на собственность, так и иные общественно опасные деяния, объектом которых выступают неимущественные отношения. Сделаем ряд промежуточных выводов:

− Преобладание меркантильных побуждений является очевидным фактором, определяющим формирование и деятельность организованных преступных формирований. Это связано не только с совершением преступлений против собственности, но и с совершением других преступлений, где объектами посягательств выступают личность, нравственность и т. д.

− Наличие корыстной мотивации сопряжено со значительными дефектами в морально-этической сфере членов преступных групп, что проявляется в полном пренебрежении к правам и интересам окружающих.

Говоря о структуре преступной группы, отметим, что преступный коллектив предполагает определенную иерархию среди его участников и распределение ролей.

В теории криминологии под психолого-криминалистической характеристикой личности преступника понимается комплекс психических свойств личности преступника, отразившихся в следах преступления в процессе подготовки, совершения и сокрытия следов преступления, а также его постпреступного поведения [1, с. 18]. Согласимся с утверждениями Е. И. Дудкиной, что криминологическая характеристика личности участника организованного преступного формирования значительно усложняется, поскольку не просто представляет собой сумму нравственно-психологических особенностей каждого из участников преступного сообщества (преступной организации), но предполагает и взаимное влияние членов организованного преступного формирования [2, с. 224].

Важную роль в изучении участника организованной преступной группы играют выводы по заключениям судебных психолого-психиатрических экспертиз, проводимых в отношении уже установленных обвиняемых по уголовным делам, некоторые из которых признали свою вину, что дает возможность сделать комплексную объективно-субъективную оценку при изучении субъекта —

участника преступной группы. Выделим ряд наиболее типичных психологически-личностных особенностей, представляющих наибольший интерес для нашего исследования.

Члены организованных преступных групп, как правило, легко идут на контакт, открыты и коммуникабельны. Это вполне логично, ведь им необходимо постоянно взаимодействовать и согласовывать свои шаги с другими. Некоммуникабельному человеку крайне затруднительно вписаться в такой состав.

Участники организованных групп обычно отличаются твердой убежденностью в правильности своего выбора, уверенностью в своих решениях. Они осознанно встают на преступный путь, не испытывая сомнений в своих действиях и решениях [3, с. 28].

Высокий уровень риска является отличительной чертой поведения членов преступных группировок. Любое преступление сопряжено с опасностью быть пойманным, разоблаченным или столкнуться с сопротивлением жертвы. Готовность рисковать является ключевым фактором при выборе противоправного образа жизни.

Члены преступных групп характеризуются недальновидностью и бездумностью: часто наблюдается отсутствие глубокого анализа своих поступков и их возможных, в том числе негативных, последствий. Человек не задумывается о своем будущем всерьез, довольствуясь расплывчатыми и нереалистичными представлениями. Со временем страх перед наказанием притупляется, уступая место чувству безнаказанности и вседозволенности.

Список основных источников

1. Ахмедшин Р. Л. Психолого-криминалистическая характеристика социально-дезадаптационной личности преступника : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Томск, 1999. 180 с. Вернуться к статье

2. Дудкина Е. И. Некоторые особенности криминологической характеристики участников организованных преступных формирований // Вестн. Сарат. гос. юрид. акад. 2014. № 1 (96). С. 224–228 с. Вернуться к статье

3. Шатилов А. В. Отдельные черты личности участника организованной преступной группы [Электронный ресурс] // Universum: Экономика и юриспруденция. 2017. № 3 (36). URL: http://7universum.com/ru/economy/archive/item/4337 (дата обращения: 28.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.9

А. А. Шевченко
адъюнкт
Дальневосточного юридического института МВД России
имени И. Ф. Шилова

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВОВЛЕЧЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблема вовлечения несовершеннолетних в деятельность террористических организаций и экстремистских сообществ приобрела особую актуальность в последние годы. Одной из характерных черт современности является смещение активности вербовщиков в сеть Интернет.

Террористические и экстремистские группы рассматривают интернет-пространство как удобный инструмент для анонимного установления контакта с молодежью. С помощью социальных сетей и мессенджеров они целенаправленно воздействуют на умы подростков, склоняя их к совершению преступных деяний. Нередко подростков вербуют под видом игры или предложения заработка. Так, в Краснодарском крае летом 2025 года двое несовершеннолетних (15 и 17 лет) совершили поджог объекта железнодорожной инфраструктуры, записав свои действия на видео, за что им было обещано денежное вознаграждение от анонимного куратора в мессенджере [1].

Ранее в том же регионе 18-летний юноша посредством сети Интернет связался с неизвестным куратором (предположительно с территории Украины) и получил от него задания: совершить подрыв железнодорожных путей и поджог административного здания за вознаграждение. Молодой человек привлек к поджогу административного здания своего 17-летнего знакомого. Оба были задержаны, старшему, помимо прочего, инкриминировано вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации) [2].

Указанные случаи иллюстрируют две ключевые тенденции. Во-первых, радикализация несовершеннолетних все чаще происходит дистанционно посредством сети Интернет, где экстремисты целенаправленно воздействуют на несовершеннолетних. Во-вторых, несовершеннолетние исполнители зачастую руководствуются не глубокой идеологической убежденностью, а корыстной заинтересованностью или ложным романтизмом и желанием самоутвердиться. Тем не менее независимо от мотивации участие подростка

в преступлениях экстремистской направленности приводит к тяжким последствиям как для общества, так и для самих несовершеннолетних.

Для эффективного противодействия необходимо понять, почему подростки становятся уязвимыми к экстремистскому влиянию.

По мнению Ю. М. Антоняна и ряда других исследователей, корни молодежного экстремизма лежат в упущениях воспитания и социализации подрастающего поколения [3, с. 28]. Современная система образования зачастую основывается на прагматических знаниях, оставляя без внимания формирование нравственных установок и гражданской позиции. В результате значительная часть подростков не имеет устойчивых представлений о патриотизме, толерантности, уважении к закону.

Идеологический вакуум и падение авторитета традиционных ценностей способствуют тому, что подростки ищут смысл и признание в альтернативных субкультурах, в том числе радикальных. С. С. Медведев подчеркивает, что деполитизация образовательной среды и ослабление воспитательной работы привели к появлению благоприятных социально-педагогических условий для поддержания экстремистского настроя у несовершеннолетних [4, с. 160]. Террористические группировки и экстремистские сообщества воссоздают подобную ситуацию и активно вовлекают подростков в орбиту своего влияния, фактически подменяя собой недостающие институты социализации.

Кроме того, подростковый возраст характеризуется повышенной внушаемостью, тягой к острым ощущениям, самоутверждению и протестным настроениям, что экстремистские вербовщики умело используют.

Также важным фактором является наличие в окружении подростка уже радикализованных знакомых. Случаи группового участия несовершеннолетних обычно подразумевают наличие лидера старшего возраста, как в ранее упомянутом примере, где в Краснодарском крае 18-летний молодой человек вовлек 17-летнего в совместное преступление.

Зачастую вовлечение начинается с малого: старший приятель может склонить подростка сначала к хулиганству, посещению экстремистских сообществ, а затем постепенно втягивает его в более тяжкие преступления.

Анализ научной литературы по теме исследования позволил выработать комплекс рекомендаций по противодействию вовлечению несовершеннолетних в экстремизм и терроризм на современном этапе.

1. Повышение эффективности кибермониторинга — правоохранительные органы должны активно выявлять экстремистские сообщества в сети Интернет и своевременно предупреждать попытки вербовки несовершеннолетних.

2. Усиление воспитательной составляющей образования посредством проведения в школах и других учебных учреждениях занятий, направленных на воспитание патриотизма, формирование культуры межнационального и межконфессионального уважения. Полезной практикой могут стать встречи школьников с сотрудниками правоохранительных органов, которые в доверительной форме объяснят, как вербовщики действуют в сети Интернет.

3. Информирование родителей посредством проведения родительских собраний, социальной рекламы, выдачи брошюр о признаках возможной радикализации: резкая смена интересов ребенка, агрессивные высказывания, скрытность в использовании сети Интернет, новые подозрительные контакты и т. д. Родителей следует призывать контролировать онлайн-активность детей, особенно подростков младшего возраста, устанавливать фильтры на гаджетах, быть внимательными к их кругу общения. Вместе с тем эффективна только разумная, доброжелательная форма контроля — избыточный запрет может вызвать протест и толкнуть подростка к вступлению в преступные группы.

4. В условиях, когда основная арена борьбы — сеть Интернет, необходимо использовать схожие инструменты для противодействия экстремистской пропаганде в Сети, что обуславливает необходимость создания и продвижения позитивного и информативного контента: блогов, видеороликов, пабликов, где популярные для молодежи спикеры говорят о последствиях экстремизма, разоблачают ложь террористических идеологов. Важно говорить с молодежью на понятном для нее языке.

Таким образом, современный этап характеризуется активным использованием сети Интернет радикальными структурами для воздействия на несовершеннолетних, что бросает вызов традиционным методам профилактики. Российское государство реагирует на указанные угрозы, совершенствуя законодательство, однако указанной меры недостаточно: необходима системная профилактика — воспитание молодежи в духе толерантности и патриотизма, раннее выявление групп риска, конструктивная занятость подростков, поддержка семей. Только при таком подходе возможно защитить молодое поколение от разрушительного влияния терроризма.

Список основных источников

1. На Кубани арестовали двух подростков за поджог на железнодорожной станции [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: https://rg.ru/2025/08/08/reg-ufo/na-kubani-arestovali-dvuh-podrostkov-za-terakt-na-zheleznodorozhnoj-stancii.html (дата обращения: 12.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Подростков обвиняют в поджоге по заданию неизвестного куратора [Электронный ресурс] // Реальное время. URL: https://realnoevremya.ru/news/347023-

podrostkov-obvinyayut-v-podzhoge-po-zadaniyu-neizvestnogo-kuratora (дата обращения: 12.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Антонян Ю. М., Рачицкая В. А. Понятие и причины экстремизма // Науч. портал МВД России. 2021. № 4 (56). С. 21–29. Вернуться к статье

4. Медведев С. С., Паньков Н. В. Криминологические аспекты вовлечения несовершеннолетних в совершение террористических преступлений // Эпомен. 2019. № 26. С. 160–166. Вернуться к статье

УДК 343.123.1

Ю. П. Шкаплеров
профессор кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

ПОЛНОМОЧИЯ НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ: НЕ ВСЕ ТАК ОДНОЗНАЧНО

Начальник органа дознания, как участник уголовного процесса и представитель органа уголовного преследования, наделен широкими полномочиями. Данные полномочия позволяют ему не только реализовывать ведомственный и процессуальный контроль за деятельностью подчиненных сотрудников, но и самостоятельно осуществлять досудебное производство в уголовном процессе. Подавляющее число полномочий данного участника уголовного процесса по руководству досудебным производством органов дознания сосредоточены в ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) [1]. В указанной норме уголовно-процессуального закона особый интерес представляет ч. 5, содержащая перечень постановлений лица, производящего дознание, подлежащих утверждению начальником органа дознания.

Целесообразность существования в наши дни механизма утверждения наиболее важных решений лиц, производящих дознание, начальником органа дознания является предметом отдельной дискуссии. Следует лишь отметить, что исторически его появление связано с теми временами, когда уровень образования и подготовки милиционеров, осуществляющих производство по материалам и уголовным делам, в отличие от следователей, был низким, что требовало дополнительного контроля за их действиями со стороны начальника подразделения. В последние десятилетия уровни и качество образования следователей и сотрудников органа дознания стали идентичными, в связи с чем необходимость обозначенного процессуального института требует пересмотра.

И все же, говоря о перечне постановлений, требующих утверждения у начальника органа дознания, предполагается, что таковой, содержащийся в ч. 5 ст. 38 УПК, должен коррелировать с остальными положениями уголовно-процессуального закона. Однако анализ УПК позволяет усомниться в этом.

В частности, одним из юридических оснований признания лица подозреваемым, согласно ч. 1 ст. 40 УПК, является постановление, вынесенное «органом уголовного преследования». Точно также постановление названного органа выступает в качестве юридического основания для признания лица

потерпевшим (ч. 1 ст. 49 УПК). Два названных постановления приведены здесь потому, что, согласно ч. 1 ст. 186 УПК, орган дознания в качестве неотложных следственных действий по уголовным делам, помимо прочего, проводит допрос подозреваемых и потерпевших [1]. Соответственно, допросу должно предшествовать вынесение постановления о признании подлежащих допросу лиц подозреваемыми и потерпевшими.

О постановлении органа уголовного преследования (а не следователя, лица, производящего дознание) говорится в ч. 2 ст. 164, чч. 1, 8 ст. 165 УПК как о процессуальном документе, которым оформляется решение о соединении и выделении уголовных дел.

Со своей стороны, постановление только уже органа, ведущего уголовный процесс, является юридическим основанием для освобождения задержанного (ч. 1 ст. 114 УПК) и отмены мер безопасности (ч. 2 ст. 74 УПК).

Все названные постановления органа уголовного преследования либо органа, ведущего уголовный процесс, не названы законодателем в ч. 5 ст. 38 УПК. Можно было бы подумать, что в данных случаях под органом уголовного преследования и под органом, ведущим уголовный процесс, понимается конкретно лицо, производящее дознание. Но это не так. Так, в ст. 234 УПК, регламентирующей порядок получения образцов для сравнительного исследования, указывается, что данное следственное действие проводится на основании постановления *лица, производящего дознание*. Следует напомнить, что под органом, ведущим уголовный процесс, подразумевается орган уголовного преследования и суд (п. 19 ст. 6 УПК), а под органом уголовного преследования — орган дознания, следователь, прокурор (п. 22 ст. 6 УПК).

Таким образом, в ч. 5 ст. 38 УПК имеются очевидные противоречия с иными вышеуказанными нормами уголовно-процессуального закона, которые затрудняют правильное его применение. Более того, в существующем виде ст. 38 УПК не соответствует требованиям нормотворческой техники, содержащимся в ст. 28 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» [2], а именно требованию логического построения нормативного правового акта, которое обеспечивается «последовательностью, взаимосвязанностью и согласованностью» его положений [1]. В этой связи анализируемая статья УПК нуждается в корректировке.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр.

2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З : в ред. от 28 июня 2024 г. № 15-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.1

Т. Н. Шумилова
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России
Н. С. Комарова
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России

ВИДЫ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Обратим внимание, что рассматривать содержание видов судебной деятельности по осуществлению правосудия в досудебном производстве необходимо через призму видов судебных заседаний, порядок разрешения процедурных вопросов в которых в досудебном производстве обладает существенной спецификой, определяемой существом рассматриваемых дел, процедурными особенностями их разрешения и существом актов применения права, а также организационно-вспомогательными аспектами, повышающими качество правосудия.

Стремясь выработать критерии, позволяющие выделить виды судебных заседаний в досудебном уголовном судопроизводстве, считаем необходимым обратиться к точке зрения В. В. Кальницкого, обосновывающего наличие оснований формально различать три порядка проведения судебного заседания в ходе досудебного производства, которые установлены ст. 108, 125 и 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК) [1, с. 12; 2]. Дополним позицию ученого положениями ст. 125.1, 214.1 УПК и уточним, что это не является недостатком в воззрениях автора, а обусловлено содержанием правового регулирования, действовавшего в период написания им научного труда.

Исследование сущностной характеристики деятельности суда в досудебном производстве дает возможность констатировать, что она является комплексной. Об этом свидетельствуют положения УПК, в которых для различных вопросов уголовного судопроизводства предусмотрен самостоятельный порядок разрешения. Бесспорно, основной целью деятельности суда является достижение назначения уголовного судопроизводства, определенного в ст. 6 УПК. Все же исследование точек зрения ученых [3, с. 17–18; 4, с. 784], анализ уголовно-процессуального закона позволили нам выделить частные задачи, решаемые судом в судебных заседаниях.

Эти задачи определяются содержанием вопроса, рассматриваемого судом, и сущностью его полномочий, что позволяет нам говорить о возможности разграничить самостоятельные виды судебных заседаний, в том числе исходя из характера принимаемых правоприменительных актов, а также наступающими в связи с их принятием правовыми последствиями, а именно: правовосстановительные (ст. 125, 125.1 УПК), разрешительные (ст. 108, 118, 165, ч. 3 ст. 217, 214.1, 448, 463 УПК и др. [2]) и правообеспечительные (законодательно предусмотренная возможность отмены решения суда нижестоящей инстанции в порядке апелляционного производства, кассации и надзора — ч. 1 ст. 127 УПК).

Подводя итог, отметим следующее: специфика правового регулирования и содержания деятельности суда в досудебном производстве, определяющая особенности процессуальной формы, создает условия, при которых определить виды судебных заседаний в досудебном производстве и отделить их от теоретических установок о судебном контроле в досудебном уголовном судопроизводстве весьма затруднительно.

Предлагаемые нами критерии дифференциации, а именно содержание процессуального порядка, характер вынесенного на рассмотрение суда вопроса и правовые последствия принятого судом решения, позволили нам прийти к выводу о возможности выделения таких видов судебных заседаний в досудебном уголовном судопроизводстве, как: 1) правовосстановительное; 2) разрешительное; 3) правообеспечительное. В каждом из названных видов заседаний наиболее отчетливо выражено целеполагание деятельности суда, связанное с реализацией публичных и частных правовых интересов участников уголовного судопроизводства при разрешении правового спора.

Обособленность форм указанной деятельности суда не означает их выведение за рамки правосудия, а напротив, подчеркивает многоаспектность деятельности суда в границах осуществления своей основной задачи. Определение перечня видов судебных заседаний в досудебном производстве позволяет наиболее предметно исследовать их правовую природу и сущность, а также способствует повышению эффективности правоприменительной деятельности, поскольку формирует предметное понимание целей и задач, решаемых судом в досудебном производстве при реализации соответствующих порядков, что будет способствовать выработке единообразной правоприменительной практики.

Список основных источников

1. Кальницкий В. В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам. Омск, 2009. 96 с. Вернуться к статье

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 535-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в досудебном судопроизводстве России : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Волгогр. акад. МВД России. Н. Новгород, 2002. С. 17–18. Вернуться к статье

4. Правосудие в современном мире : моногр. / В. М. Лебедев [и др.]. М. : Норма, 2018. 784 с. Вернуться к статье

УДК 343.3/.7

И. В. Юркова
преподаватель кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь

ХИЩЕНИЕ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЕЛОРУССКОГО И РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», под коррупцией понимается умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц [1].

Исходя из рассматриваемой категории, использование умышленно своих служебных полномочий должностным лицом, а также связанных со служебными полномочиями возможностей как раз и составляет содержание такого преступления, как хищение путем злоупотребления служебными полномочиями.

Уголовная ответственность за такого рода противоправные деяния в Республике Беларусь предусмотрена ст. 210 Уголовного кодекса (далее — УК) Республики Беларусь и характеризуется использованием должностным лицом принадлежащих ему служебных полномочий в целях завладения имуществом либо приобретения права на него. Следует отметить, что не имеет никакого значения факт того, находится ли такое имущество в непосредственном владении должностного лица либо имущество, на которое посягает такое должностное лицо, вверено иным лицам, через отдание приказов и распоряжений которым должностное лицо в силу возложенных на него полномочий обладает правом по распоряжению и управлению таким имуществом [2].

Суть хищения, совершенного путем злоупотребления служебными полномочиями, состоит в том, что должностное лицо совершает такие действия по службе, которые формально соответствуют его компетенции и полномочиям, но по существу являются незаконными, так как совершены вопреки интересам службы. При этом служебные полномочия используются виновным не просто для получения доступа к имуществу, а именно для завладения им.

Существенными особенностями хищения путем злоупотребления служебными полномочиями являются признаки безвозмездности и корыстной цели.

Законодательством Российской Федерации уголовная ответственность за такое преступление, как хищение имущества путем злоупотребления служебными полномочиями, предусмотрена ч. 3 ст. 160 УК Российской Федерации. Преступление содержательно характеризуется как присвоение или растрата, то есть хищение имущества, которое вверено виновному, совершенное им с использованием служебного положения [3]. Необходимо уточнить, что в качестве субъектов по преступлениям в данной части выступают как должностные лица, так и иные служащие, при совершении преступления могущие использовать свое служебное положение в целях присвоения или растраты имущества, вверенного им. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», присвоением признается безвозмездное, совершенное с корыстной целью, противоправное обращение виновным лицом вверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника [4]. Объективная же сторона растраты заключается в таких противоправных действиях, при которых чужое имущество, которое вверено виновному, безвозмездно и незаконно расходуется, отчуждается любым способом или потребляется им.

Ключевыми общими признаками хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в законодательствах Республики Беларусь и Российской Федерации является то, что в обеих странах данное преступление направлено на собственность, совершается лицом с использованием служебного положения, требует наличия корыстной цели.

Таким образом, можно констатировать, что ключевыми различиями хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в законодательствах обеих стран является то, что в УК Республики Беларусь ответственность за вышеуказанное хищение предусмотрено отдельной статьей — ст. 210, в то время как в законодательстве Российской Федерации хищение путем злоупотребления служебными полномочиями выступает в качестве квалифицирующего признака общего состава присвоения или растраты, предусмотренного ст. 160 УК Российской Федерации, что, на наш взгляд, не позволяет оценить данное правонарушение самостоятельно, и, как результат, суд не в полной мере может вынести объективное решение. Кроме того, несмотря на схожие подходы к определению должностных полномочий и преступлений против интересов службы, базирующихся на принципах законности и ответственности, существует различие в трактовке материальных составов и оценке последствий. Так,

в Республике Беларусь акцент делается на ущербе интересам службы, а в Российской Федерации — на нарушении прав граждан или организаций.

Список основных источников

1. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З : в ред. от 30 дек. 2025 г. № 126-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 30 нояб. 2017 г. № 48 : в ред. от 15 дек. 2022 г. № 38. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 316.624:343.9

Д. В. Яковчик
преподаватель кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь,
магистр юридических наук

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Изучение личности преступника традиционно находилось на стыке психологии, юриспруденции и социологии. Если первые два подхода часто акцентируют внимание на индивидуальных особенностях, патологиях и правовых аспектах, то социологический подход предлагает принципиально иную грань: он рассматривает личность преступника как социальный феномен, порождаемый неблагоприятными структурными условиями, общественными отношениями и процессами социализации. В рамках данного подхода личность преступника перестает быть исключительно результатом «злой воли» или психического отклонения индивида, а становится следствием более глубоких социальных дисфункций. Настоящая публикация посвящена анализу ключевых социологических теорий, объясняющих генезис преступного поведения.

Социологический подход рассматривает преступность как социальный феномен, порождаемый общественными отношениями, а не как результат индивидуальных патологий. Социологический подход подчеркивает роль общественных отношений и структур в генезисе преступности.

В труде «О преступлениях и наказаниях» итальянский криминолог Чезаре Беккариа объясняет совершение преступления неспособностью массы (людей) «усвоить твердых правил поведения и избежать действия всемирного начала разложения» [1, с. 89]. Не может усвоить человек эти правила поведения, поскольку, обладая свободной волей, стремится к удовольствию и избегает страданий вне зависимости от того, является ли линия поведения, ведущая к этому наслаждению и избавляющая от горестей, преступной. При этом человека беспокоит лишь его благосостояние, добытое любым путем, а забыть об этом мешает собственная человеческая сущность, не способная бороться с преступностью как с несправедливостью по отношению к другим: «Ни один человек не пожертвовал частью своей свободы единственно ради общего блага» [1, с. 90].

В это же время развивалось субъективно-психологическое направление социологии, которое также оказало влияние на учение о личности преступника. Мнение представителя этого течения Габриеля Тарда о том, что порочными рождаются, но преступниками становятся, вероятно, лишь впоследствии, свидетельствует о том, что склонность к совершению преступлений уже не считалась врожденной. Преступник становится таковым ввиду отторжения и противопоставления той части общества, к которой он не принадлежит [2, с. 341]. Здесь ученые предполагали, что преступник, совершая деяние, знал, что будет оправдан в «родной среде» (такими же людьми, как и он сам), а мнение государства и суда для него не имело значения.

Несколько иного мнения придерживался Эмиль Дюркгейм — автор теории аномии, которая и до сих пор используется в качестве объяснения всего девиантного поведения, включая и преступное. Общество, согласно теории, есть единый организм, существующий по собственным законам и занимающий надындивидуальное положение относительно каждого своего члена, которое должно быть в состоянии контролировать свои компоненты. Аномия как явление — это состояние общества, проявляемое в виде ряда социальных деформаций: кризиса нормативного регулирования в переходных обществах, когда старая система норм и ценностей разрушена, а новая еще не утвердилась; неэффективности социальных и моральных норм в качестве методов регуляции социального поведения; неопределенности ценностно-нормативных ориентаций, потери целей жизни; роста числа самоубийств, преступлений и т. д., при этом основным выражением аномии выступает рост преступности [3, с. 32]. То есть аномию можно рассматривать как состояние безнормности, отсутствие должных регуляторов, когда традиционные нормы и ценности разрушаются, а новые еще не сформированы. Личность преступника — это индивид, утративший устойчивые ценностно-нормативные ориентиры и жизненные цели, оказавшийся в состоянии безнормности (аномии), когда прежние моральные регуляторы разрушены, а новые не сформированы, что лишает его эффективного внутреннего и внешнего контроля и толкает к девиантному поведению.

Теория стигматизации (теория «лейблов») представляет собой одно из ключевых направлений в социологии девиантного поведения, которое принципиально изменило взгляд на природу преступности и личность преступника. Основная идея теории заключается в том, что преступником человека делает не сам факт нарушения закона, а социальная реакция на это нарушение — публичное осуждение, судебное преследование и наложение статуса «преступника». Этот процесс получил название стигматизации (от греч. στίγμα — клеймо, пятно), то есть наклеивания социального ярлыка.

Ф. Танненбаум считал, что преступление является, по существу, результатом столкновения двух противоположных определений ситуации со стороны правонарушителя и общества в целом. Такой конфликт определений, по мысли исследователя, возникает из-за расхождения в ценностях [4, p. 322].

При этом теория объясняет скорее вторичную, то есть повторную девиацию. Первое же отклонение происходит случайно или по каким-то иным причинам (результатом клеймения оно может быть, к примеру, если родители лица были преступниками и клеймо «передалось» ему по наследству), и такой проступок, по мнению Э. Лемерта, имеет значение первичного отклонения. «Когда индивид, — утверждал ученый, — начинает использовать свое девиантное поведение или свою роль, основанную на девиантном поведении, в качестве средства защиты, наступления или приспособления к своим явным и скрытым проблемам, порожденным последовавшей социальной реакцией, его отклонение является вторичным» [5, с. 8]. Таким образом, вторичные отклонения — результат реакции общества (в виде клеймения лица как преступника) на первичный проступок. В целом процесс стигматизации и становления преступника можно представить следующим образом: первичное отклонение (происходит ввиду случая или навешивания ярлыка, например, из-за наследственности); социальная реакция (наказание, общественное осуждение); дальнейшее отклонение (уже ввиду первой реакции); усиливающаяся социальная реакция (стигматизация); дальнейшая возрастающая девиация [5, с. 8–11].

Э. Сатерленд предложил теорию дифференциальной ассоциации, согласно которой преступному поведению учатся через взаимодействие с другими индивидами в процессе коммуникации. Важную роль играют частота, интенсивность и продолжительность контактов с девиантными образцами. Эта теория подчеркивает, что преступность — результат социализации в определенной среде, а не врожденное качество. Основными принципами теории являются следующие: 1) преступному поведению учатся в процессе взаимодействия с другими людьми в ходе общения; 2) основная часть научения преступному поведению происходит в группах, где отношения имеют личный, непосредственный характер; 3) обучение преступному поведению происходит в процессе усвоения приемов совершения преступлений; 4) процесс обучения через ассоциации с криминальными и антикриминальными структурами включает в себя все механизмы, участвующие в любом другом обучении; 5) человек становится преступником из-за преобладания у него оценок, благоприятствующих нарушению закона; 6) дифференциальные ассоциации могут различаться по частоте, продолжительности, приоритету и интенсивности [6, с. 16].

Социологический подход к изучению личности преступника демонстрирует, что преступность — это не просто сумма индивидуальных правонарушений, а сложный социальный феномен, укорененный в противоречиях структуры и несовершенстве общества. Все эти теории подчеркивают определяющую роль социальной среды, общественных отношений и процессов формирования преступного поведения. Таким образом, социологический подход позволяет перейти к аналитической парадигме, фокусируясь на системных причинах преступности и предлагая пути социальной профилактики.

Список основных источников

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях // сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004. 184 с. Вернуться к статье
2. Маслов В. А. Учение Габриеля Тарда о личности преступника // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2019. Т.10, № 3. С. 339–345. Вернуться к статье
3. Кузьменков В. А. Аномия: основные подходы // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45, № 1. С. 31–41. Вернуться к статье
4. Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. 692 p. Вернуться к статье
5. Комлев Ю. Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 2 (24). С. 6–14. Вернуться к статье
6. Щербаков Г. В., Лаврентьева И. В. Развитие научных взглядов на преступное поведение: к социальному научению через теории психодинамики, социального окружения и дифференциальной ассоциации // Приклад. юрид. психология. 2020. № 3 (52). С. 6–18. Вернуться к статье

УДК 343.13

В. В. Якубук
заместитель начальника юридического управления
Государственного пограничного комитета Республики Беларусь

О ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКОВ ДАВНОСТИ

Основной целью уголовно-процессуальной деятельности является разрешение возникающих в связи с совершением преступных деяний уголовно-правовых отношений. В первоначальной стадии уголовного процесса органами уголовного преследования осуществляется рассмотрение поступающей информации о совершаемых (совершенных) преступлениях. Одним из итоговых решений этой стадии является решение об отказе в возбуждении уголовного дела. В связи с требованиями ч. 1 ст. 178 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) в резолютивной части указанного решения необходимо указание соответствующего пункта ч. 1 ст. 29 УПК, т. е. одного из обстоятельств, исключающих возможность ведения процессуальной деятельности. В перечень таких обстоятельств также входит истечение сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК) [1]. Вопросы, связанные с проблематикой применения указанного обстоятельства в уголовном процессе, неоднократно исследовались учеными-процессуалистами А. М. Лариным [2, с. 55], Т. Г. Хатеневич [3] и др. Однако при этом в научной литературе проблематике определения условий и порядка применения этого обстоятельства при вынесении рассматриваемого решения в первоначальной стадии уголовного процесса уделено недостаточное внимание, что и определило необходимость проведения настоящего исследования.

Так, А. М. Лариным справедливо отмечается, что «возбуждение уголовного дела и расследование после истечения давности бессмысленно, поскольку исключена возможность последующего привлечения к уголовной ответственности», в связи с чем в законе непосредственно регламентировано соответствующее «пресекательное» обстоятельство [2, с. 55]. В свою очередь, Т. Г. Хатеневич указывает, что «норма о давности своим основанием имеет презумпцию исправления лица за время, прошедшее со дня совершения преступления, подтвержденную тем, что за указанный период лицо не совершило умышленного преступления и не уклонялось от правосудия», что обуславливает позицию законодателя о необходимости освобождения лица от уголовной ответственности [3]. При этом нормы УПК непосредственно не содержат таких

сроков давности, они определены только в ч. 1 ст. 83 Уголовного кодекса Республики Беларусь [4] и дифференцированы на четыре вида в зависимости от категории совершенного преступления и напрямую связаны с произведенной квалификацией рассматриваемого деяния при вынесении процессуального решения. Согласно положениям ч. 4 ст. 29 УПК, решение об отказе в возбуждении уголовного дела в начальной стадии уголовного процесса может производиться только при отсутствии «лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого» [1]. Вместе с тем, по нашему мнению, в данном случае законодателем допущена терминологическая неточность. Так, в начальной стадии уголовного процесса решается вопрос о наличии в рассматриваемом деянии признаков преступления, необходимости задержания в связи с совершением такого деяния лица, которое только в таком случае наделяется статусом подозреваемого, при этом в этой стадии обвиняемый как участник уголовного процесса отсутствует, вопрос наличия «достаточных доказательств, дающих основания для предъявления лицу обвинения в совершении преступления» может рассматриваться только в следующей стадии судопроизводства, в связи с чем нами предлагается указанную в ч. 4 ст. 29 УПК формулировку изложить следующим образом: «(при наличии оснований для возбуждения уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления)». Вместе с тем в настоящем исследовании также следует отметить, что уголовный закон в указанном случае содержит положения только об освобождении лица от уголовной ответственности, привлечение к этой ответственности и освобождение от нее возможны именно в отношении конкретных индивидуально-определенных лиц, детальных давностных рамок ведения уголовно-процессуальной деятельности в случаях неустановления совершивших преступные деяния лиц Уголовный кодекс Республики Беларусь не содержит. Тем самым законодатель с целью определения таких временных пределов возможности ведения уголовного процесса, регламентации его актуальности и экономичности путем использования аналогии закона указанное «пресекательное» обстоятельство также применил и к случаям возможного отсутствия информации о совершивших преступные деяния лицах.

Исходя из положений закона о порядке применения рассматриваемого обстоятельства в начальной стадии уголовного процесса именно в случаях отсутствия лица, совершившего исследуемое преступное деяние, такая процессуальная ситуация, по нашему мнению, может складываться при условии полной информационной неопределенности в отношении неустановленного лица с одновременным наличием имеющейся совокупности доказательств совершения им преступного деяния. Только отсутствие на момент принятия решения

совокупности доказательств, позволяющих утверждать о совершении деяния индивидуально-определенным лицом, т. е. невозможность вынесения итоговых процессуальных решений в отношении конкретного лица, и также прогнозируемая полная невозможность установления такого лица средствами следующей стадии уголовно-процессуальной деятельности, по нашему мнению, позволяют применить указанное обстоятельство. При этом необходимо также учитывать и ситуацию возникновения конкуренции «пресекательных» обстоятельств, рассмотренную нами в отдельном исследовании [5], в связи с чем это обстоятельство может применяться именно в случаях наличия общественно опасного деяния, состава преступления и при отсутствии ряда других обстоятельств. Одновременно также необходимо учитывать положения ст. 8 Закона Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 94-З «О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений» [6], определяющей обязательность регистрации и учета преступлений в случаях применения рассматриваемого обстоятельства при вынесении указанного процессуального решения, в связи с чем нарушение порядка выбора этого обстоятельства может влечь незаконные регистрацию и учет деяния в качестве преступления и искажение статистики преступности.

Результаты настоящего исследования могут быть применены в ходе совершенствования законодательства, непосредственно в правоприменительной деятельности и для дальнейших правовых исследований.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М. : Наука, 1985. 240 с. Вернуться к статье

3. Хатеневич Т. Г. Проблема определения времени и места совершения позитивных посткриминальных действий // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорус. науки, 27 янв. 2006 г., г. Минск / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; редкол.: М. Г. Знак [и др.]. Минск, 2006. С. 53–54. Вернуться к статье

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Якубук В. В. О вопросах применения оснований отказа в возбуждении уголовного дела при их конкуренции [Электронный ресурс] // Преступность. Общество. Безопасность : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 30–31 окт. 2025 г., г. Москва : в 2 ч. / Акад. упр. М-ва внутр. дел России ; редкол.: Л. Н. Боде [и др.]. М., 2025. Ч. 2. С. 189–194. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=86437900 (дата обращения: 28.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2006 г. № 94-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.102

А. С. Апекунов
преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Приоритетность предупреждения преступлений в деятельности правоохранительной системы не вызывает сомнений, поскольку именно своевременное вмешательство позволяет избежать общественно опасных последствий, обезопасить граждан и укрепить правопорядок. В общей структуре превентивных мер особое место отведено оперативно-розыскной профилактике, реализуемой посредством уникального арсенала сил и методов, закрепленных в законодательстве об оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД).

Современные реалии, отмеченные эволюцией преступности, возникновением ее новых форм и ростом организованности, многократно повышают значимость оперативно-розыскной профилактики. Особенно остро стоит вопрос предотвращения киберпреступлений и деяний, совершаемых с применением цифровых технологий, что актуализирует потребность в углубленном изучении их оперативно-розыскных характеристик и методов противодействия [1].

Базовые положения, регламентирующие эту сферу, содержит Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон № 307-З). Он определяет ОРД как деятельность, нацеленную на защиту личности, общества и государства от преступных посягательств, и прямо относит к ее задачам как выявление, так и предупреждение противоправных деяний, включая обнаружение граждан, их подготавливающих [2].

Цель данной работы заключается в многостороннем изучении правовых и организационных оснований оперативно-розыскной профилактики на текущем этапе, идентификации проблем правоприменения и определении наиболее перспективных путей совершенствования законодательства и практической деятельности, опираясь на последние изыскания ученых России и Беларуси.

1. Сущность и нормативная база оперативно-розыскной профилактики.

Оперативно-розыскная профилактика представляет собой комплексную систему действий уполномоченных органов, сочетающую гласные и негласные методы воздействия. Ее содержание включает выявление и нейтрализацию обстоятельств, способствующих преступлениям, работу с лицами, чье поведение указывает на повышенную криминальную активность, а также пресечение преступлений на стадиях замысла и подготовки.

Фундамент правового регулирования здесь составляют конституционные нормы, положения Закона № 307-З и сопутствующих нормативных актов. Статья 5 Закона № 307-З провозглашает такие принципы ОРД, как законность, уважение прав личности, конспирация, сочетание гласных и негласных начал, которые в полной мере распространяются и на профилактическую работу [2].

Белорусский исследователь А. Толочко подчеркивает, что выработка современных подходов к предупреждению преступлений невозможна без интеграции знаний из смежных юридических дисциплин. В своих трудах он демонстрирует, как дифференциация различных практик и научных направлений позволяет выделить наиболее эффективные компоненты для формирования новых междисциплинарных связей в сфере ОРД [3], что имеет прямое отношение к теоретическому обогащению института профилактики.

Важной гарантией соблюдения прав граждан выступает ст. 7 Закона № 307-З. Она устанавливает, что ограничение прав допустимо исключительно в интересах национальной безопасности, общественного порядка и защиты прав других лиц [2]. Данное положение формирует необходимый баланс между необходимостью осуществления профилактических мер и обеспечением конституционных прав.

2. Роль оперативно-розыскной характеристики в профилактическом процессе.

Результативность профилактики напрямую зависит от глубины понимания объекта предупредительного воздействия, т. е. от оперативно-розыскной характеристики конкретных видов преступлений. Сегодня научное сообщество активно разрабатывает такие характеристики применительно к преступлениям в цифровой среде.

Анализ правоприменительной практики Волгоградской области, представленный в одном из исследований, убедительно доказывает необходимость комплексного задействования как гласных, так и негласных ресурсов ОРД в борьбе с киберпреступностью. Авторами детально рассмотрены ключевые элементы оперативно-розыскной характеристики подобных деяний: криминальная обстановка, особенности личности преступника и потерпевшего,

типичные способы совершения противоправных действий и, что особенно важно, специфика их оперативно-розыскной профилактики. Особое внимание уделено анализу способов противодействия, применяемых преступниками, что позволяет оперативным сотрудникам выстраивать более эффективную линию поведения [1].

В свою очередь, белорусский ученый С. Петлицкий акцентирует внимание на значимости межнаучного подхода к организации раскрытия и расследования преступлений. Выделяя организационные уровни, он разграничивает управленческие и криминалистические аспекты этой деятельности [3], что вносит весомый вклад в теоретическое осмысление организации профилактической работы.

3. Круг субъектов профилактики и проблемы обеспечения их безопасности.

Субъектный состав оперативно-розыскной профилактики многогранен. Помимо штатных оперативных сотрудников, ключевую роль здесь играют лица, сотрудничающие с органами на конфиденциальной основе. Легальные дефиниции этих субъектов закреплены в ст. 2 Закона № 307-З [2].

Проблематика защищенности граждан, вовлеченных в орбиту ОРД, глубоко проработана в статье И. П. Кравца, И. О. Жука и Н. С. Базановой. Исследователи справедливо указывают, что обеспечение безопасности от посткриминального воздействия является одной из наиболее острых задач, стоящих перед ОРД, которая, как и уголовный процесс, служит конечным целям правосудия [4].

Авторы приходят к заключению, что действующее российское законодательство об ОРД содержит необходимый набор инструментов для гарантирования безопасности содействующих лиц. Однако они обращают внимание на специфику этих мер: они не выделены в обособленные нормы, а «растворены» в регламентации самих оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). Такой подход, по их мнению, является определенным недостатком, который необходимо учитывать и корректировать при совершенствовании законодательства [4].

4. Координация усилий на международном уровне: аспекты Союзного государства.

В эпоху глобальных вызовов международное сотрудничество в сфере оперативно-розыскной профилактики приобретает стратегическое значение, особенно в рамках Союзного государства России и Беларуси.

М. Ю. Тарасов и Е. В. Ступаченко в своем исследовании детально раскрывают предпосылки и конкретные формы взаимодействия органов

внутренних дел двух стран в розыскной сфере. Среди наиболее значимых форм они выделяют: взаимный обмен оперативно-значимой информацией (дактилоскопической, криминалистической и др.); совместное участие в розыскных мероприятиях; командирование сотрудников инициирующей стороны для координации действий и присутствия при проведении ОРМ. Авторы делают обоснованный вывод о высоком потенциале такого сотрудничества в деле борьбы с преступностью [5]. Для профилактики это означает возможность отслеживать и пресекать трансграничные преступные замыслы на ранних стадиях.

5. Правовая регламентация ОРМ в контексте профилактики.

Эффективность профилактики во многом зависит от четкости правового регулирования отдельных ОРМ, позволяющих получать информацию о готовящихся преступлениях.

Белорусский автор А. О. Мартынов, анализируя правовое регулирование ОРМ «Исследование предметов и документов, компьютерной информации», предлагает ряд новаций. Он обосновывает целесообразность изменения названия этого мероприятия и расширения круга лиц, уполномоченных на его проведение, внося конкретные предложения по корректировке Закона № 307-З [3]. Эти инициативы напрямую связаны с профилактикой, т. к. именно своевременное исследование цифровых носителей и документации зачастую позволяет выявить признаки подготовки преступления.

Дополняет эту тему работа Н. В. Поляковской и И. А. Анищенко, посвященная использованию специальных знаний. Они приходят к выводу, что такие знания востребованы не только в ходе следственных действий и экспертиз, но и при получении ориентирующей информации в рамках ОРД [3], что критически важно для профилактики высокотехнологичных преступлений.

6. Перспективные направления развития института профилактики.

Обобщение современных научных взглядов позволяет выделить несколько магистральных путей совершенствования оперативно-розыскной профилактики.

1. Совершенствование правовой защиты содействующих лиц. Как отмечают И. П. Кравец и соавторы, требуется более четкая законодательная регламентация мер безопасности, возможно, с выделением их в отдельный институт, что повысит гарантии защищенности граждан [4].

2. Изучение оперативно-розыскной характеристики преступлений. Продолжение исследований в этой области, особенно в сегменте киберпреступности, позволит сделать профилактическую работу более адресной и эффективной [1].

3. Развитие интеграционных связей. Необходимо наращивать сотрудничество в рамках Союзного государства, унифицируя методы и обмениваясь передовым опытом [5].

4. Адаптация правового регулирования ОРМ. Требуется постоянное обновление нормативной базы, регламентирующей проведение ОРМ, с учетом технологического прогресса (например, исследования компьютерной информации) [3].

Оперативно-розыскная профилактика представляет собой сложный, динамично развивающийся институт, играющий первостепенную роль в системе сдерживания преступности. Ее правовую основу образуют как конституционные принципы, так и специальные нормы законодательства об ОРД.

Современный этап, отмеченный цифровой трансформацией криминала, требует постоянного совершенствования профилактического инструментария. Научные дискуссии 2024–2025 гг. фокусируются вокруг таких узловых проблем, как гарантии безопасности конфиденциальных помощников, разработка актуальных оперативно-розыскных характеристик, углубление международного сотрудничества и уточнение регламентации отдельных ОРМ.

Решение этих многоплановых задач возможно только на пути комплексного подхода, предполагающего модернизацию законодательства, внедрение передовых организационных решений и укрепление межгосударственного взаимодействия. Реализация такого подхода станет залогом эффективной защиты личности, общества и государства, что и составляет конечную цель оперативно-розыскной профилактики.

Список основных источников

1. Артюхов А., Юрин А. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (на примере правоприменительной практики Волгоградской области) [Электронный ресурс] // Вестн. Калининград. фил. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2025. № 2. С. 48–58. URL: https://vestnikspbmvd.ru/en/nauka/article/83679/view (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З : в ред. от 7 февр. 2023 г. № 248-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11500307 (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. / Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. 2024. Вып. 1 (18). URL: https://sudexpert.gov.by/special/en/seb_archive_n.html?news_id=12231 (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Тарасов М. Ю., Ступаченко Е. В. Как организована совместная работа органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере розыскной деятельности [Электронный ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 20, № 1. С. 89–93. URL: https://journals.rcsi.science/2541-8025/article/view/284295 (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Кравец И. П., Жук И. О., Базанова Н. С. Проблемы обеспечения безопасности граждан, участвующих в оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18, № 6. С. 50–58. URL: https://journals.eco-vector.com/2072-3164/article/view/698215 (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.985.3

А. М. Бянкина
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Международного факультета права и бизнеса
Забайкальского государственного университета

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Вопросы использования знаний криминалистики в цивилистическом процессе обсуждались еще в начале XX ст. Белорусский ученый В. Г. Тихиня был первым, кто обозначил данный вопрос в доктрине права. Так, в журнале «Правоведение» в 1979 г. была опубликована его статья по данному вопросу на тему «Криминалистические приемы и методы в гражданском процессе» [1].

В своих работах В. Г. Тихиня указывал, что в решении задач гражданского судопроизводства немалая роль принадлежит криминалистике [2, с. 258]. Исследователь отмечал, что криминалистика имеет «выходы» в сферу гражданского судопроизводства, т. к. «своим конкретным содержанием она связана в гражданском судопроизводстве с процессуальной деятельностью суда, направленной на собирание, представление, исследование и оценку доказательств» [2, с. 259].

Учеными ранее обозначалось, что теория доказательств является общей областью для процессуальных наук и криминалистики. «В современных условиях, — как указывает Р. С. Белкин, — теория доказательств приобретает все черты комплексной области знаний, которую невозможно разрабатывать только в рамках уголовного процесса или только в рамках криминалистики» [3, с. 259]. В. Г. Тихиня отмечает, что «криминалистические методы, приемы и средства работы с доказательствами при умелом и правильном их применении значительно расширяют возможности суда в процессе собирания, исследования и оценки доказательств, способствуют повышению качества доказывания в гражданском судопроизводстве» [2, с. 259].

Исследователями отмечается, что криминалистические знания могут найти свое применение при исследовании таких средств доказывания, как показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, при назначении соответствующего вида экспертиз в гражданском/арбитражном процессе и оценке экспертных заключений, а также заключений специалистов [2, с. 259], что свойственно всем процессуальным видам деятельности.

По мнению В. Г. Тихини, «правовой основой применения криминалистических приемов и методов в судебном разбирательстве гражданских дел является действующее процессуальное законодательство. Криминалистические приемы и методы, применяемые в гражданском процессе, должны основываться на законе и исходить из требований закона» [1, с. 65].

В настоящее время среди российских ученых можно отметить труды М. В. Жижиной, которая комплексно исследовала данный вопрос в диссертационной работе. Сама же профессор М. В. Жижина также указывает, делая ссылку на основоположника данного научного подхода, что «первым монографическим исследованием процессуальных и содержательных основ применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве еще в советский период были диссертационные работы В. Г. Тихини» [4, с. 38]. В частности, М. В. Жижиной достаточно подробно и глубоко обозначено, насколько криминалистические методы, знания и подходы в современный период могли бы обогатить и расширить иные науки цивилистического профиля и, несомненно, улучшить юридическую практику по гражданским делам, и, как результат, конечно, — эффективность работы правоприменителей по гражданским делам [4].

В отношении уголовного судопроизводства исследователями отмечается, что «как и досудебное производство, судебное разбирательство нуждается в использовании данных криминалистики, т. е. в криминалистическом обеспечении» [5, с. 75]. Однако следует отметить, что данное утверждение применимо и для цивилистического процесса. Криминалистические знания и опыт, учитывающие достижения естественно-технических наук, могли бы обогатить цивилистический процесс, т. к. могут быть применены в любом направлении. Однако, к сожалению, следует констатировать, что широкой популярности данный подход все еще не получил. В правоприменительной деятельности, как и ранее, акцент применения криминалистических знаний смещен на следственную деятельность («полицейский уклон») и недооценен в иных сферах.

Список основных источников

1. Тихиня В. Г. Криминалистические приемы и методы в гражданском процессе // Правоведение. 1979. № 1. С. 64–65. Вернуться к статье

2. Тихиня В. Г. Избранные труды. Минск : ЮрСпектр, 2020. 620 с. Вернуться к статье

3. Белкин Р. С. Закон, уголовно-процессуальная наука и криминалистика // Сов. государство и право. 1979. С. 86. Вернуться к статье

4. Жижина М. В. Теория и практика применения современной криминалистики в цивилистическом процессе : дис. … докт. юрид. наук : 12.00.12 / Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина. М., 2016. 539 с. Вернуться к статье

5. Современные направления развития и криминалистических методик и технологий в уголовном судопроизводстве : моногр. / под науч. ред. Д. В. Кима ; отв. ред. А. И. Баянов. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. 244 с. Вернуться к статье

УДК 343.98

Д. В. Герасимов
старший преподаватель кафедры расследования преступлений
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
магистр права

ГЕНЕЗИС СТАНОВЛЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Термин «компьютерная преступность» впервые появился в американской печати в начале 60-х гг. прошлого столетия в связи с выявлением первых правонарушений, совершенных с использованием возможностей электронно-вычислительной машины (ЭВМ) [1, с. 56]. Фактически это и были первые мошеннические действия, совершенные без контакта с жертвой преступления.

М. А. Простосердов выделяет два этапа распространения киберпреступности в мире: до появления глобальной информационной сети Интернет (1967–1991), которая и породила киберпространство в привычном нам виде, и после (с 1991 г. по настоящее время) [2, с. 14]. Н. С. Солдатов в статье «Проблемы мошенничества в сфере компьютерной информации и возможные пути их решения» выделяет три этапа: первый этап (1960-е гг. – 1990 г.) — зарождение компьютерной преступности; второй этап (1991–2001) — рост преступлений в интернет-пространстве; третий этап (2001 г. – настоящее время), когда преступления, совершенные в сети Интернет, обретают мировой характер [3, с. 27–28].

Е. В. Адрианова в своей статье «Социальный портрет жертв кибермошенничества» говорит о том, что рассматривать историю кибермошенничества необходимо с 1990-х гг., когда на рынке стали повсеместно распространяться информационные технологии. Первый этап, по мнению Е. В. Адриановой, начинается с 1990-х гг. в связи с широким распространением телефонных сетей. Второй этап — с 2000-х гг. в связи с развитием в обществе социальных сетей и Интернета [4, с. 266].

По результатам анализа периодов развития данного вида преступлений, по нашему мнению, необходимо выделить 3 этапа развития мошенничества в сфере информационно-коммуникационных технологий в структуре международной преступности.

− Первый этап (1969–1990 гг.) характеризуется становлением интернет-преступности. В 1969 г. в Соединенных Штатах Америки начинает свою работу

прообраз будущей глобальной сети Интернет — сеть ARPANet. В 1973 г. сеть становится международной, к ней подключаются Великобритания и Норвегия. В 1971 г. создается первая программа электронной почты. 1 января 1983 г. ARPANet переходит с протокола NCP (первый стандарт сетевого протокола ARPANet) к TCP/IP (сетевая модель передачи данных, представленных в цифровом виде), который применяется до сих пор для объединения сетей. На данном этапе появляется специализация компьютерных преступников — хакеров. В 1980-х гг. отмечается значительное увеличение компьютерных преступлений, в связи с чем принимаются попытки разработки правовых средств борьбы с мошенничеством в сфере высоких технологий.

− Второй этап (1991–2000 гг.). В 1991 г. глобальная сеть Интернет стала мировой, что обусловило стремительный рост преступности, появление первых хакерских групп. В этом же году британский физик Тим Бернерс-Ли опубликовал первый в истории веб-сайт. В 1994 г. появился первый интернет-магазин Amazon, давший толчок развитию интернет-торговли. В 1995 г. появилась первая социальная сеть Classmates (русский аналог — «Одноклассники»), спровоцировавшая появление нескольких десятков аналогичных сервисов. В 1996 г. израильская компания Mirabilis запустила ICQ (*от англ.* I seek you — «я ищу тебя»), с которой начинается история мессенджеров как универсальных настольных приложений. Данная программа использовала онлайн-систему с многопользовательскими чатами для мгновенного обмена текстовыми сообщениями, а также изображениями, видео- и аудиофайлами, в том числе осуществляя поиск и связь с другими пользователями.

− Третий этап (с 2001 г. по настоящее время). Интернет-преступность приобретает транснациональный характер. Этот этап характеризуется появлением международных преступных организаций во всех IT-сферах [5, с. 139].

С начала XXI в. осуществляется массовое внедрение банковских карт с их способностью онлайн-оплаты, небывалыми темпами развиваются интернет-магазины, онлайн-сервисы и площадки по купле-продаже товаров. В 2003–2004 гг. начинается бум социальных сетей после запуска LinkedIn, MySpace и Facebook. В Российскую Федерацию и Республику Беларусь мода на социальные сети пришла двумя годами позже — в 2006 г., с появлением социальных сетей «Одноклассники» и «ВКонтакте» [6, с. 75–77].

Хотя мобильные телефоны уже давно имели возможность доступа к сетям передачи данных, таким как Интернет, с 2001 г. начала распространяться технология 3G, которая значительно увеличила скорость передачи данных в мобильных телефонах через сеть Интернет, а также привела к появлению специализированных устройств (3G-модемы, нетбуки и т. п.) для доступа

к мобильному Интернету. Данная технология обусловила бурный рост мессенджеров: Skype (2003), WhatsApp (2009), Viber (2010), Telegram (2013). С 2017 г. появилась технология дипфейк (Deepfake) — процесс синтезирования изображения и создания звуковых дорожек с заданными параметрами за счет использования нейронных сетей.

Наряду с появлением мошенничества в структуре международной преступности в изучаемой сфере определенный интерес представляет исследование ее становления в Республике Беларусь. По нашему мнению, в Республике Беларусь необходимо выделить два этапа развития мошенничества в сфере информационно-коммуникационных технологий.

− Первый этап (1991–2000 гг.). 1991 год знаменует собой появление в нашей стране первого узла электронной почты. Так как домена Беларуси еще не существовало, то использовался домен Советского Союза — SU. Именно в этом домене через московский узел сети RELCOM начал работу первый белорусский узел электронной почты сети Интернет и телеконференций USENET/RELCOM — brc.minsk.by. В числе первых пользователей — Секретариат Верховного Совета Республики Беларусь и Белорусский государственный университет. 5 мая 1994 года была создана национальная доменная зона by. В след за этим появляется рынок хостинга и электронной почты. 3 июля 1995 г. было создано Республиканское государственное предприятие «Белтелеком», ставшее национальным оператором связи, которое активно развивает услуги по подключению Интернета в стране, делая его более доступным [7]. Первое высокотехнологичное преступление, в том числе с использованием сети Интернет, на территории Беларуси было зарегистрировано 20 ноября 1998 г. Внедрив в программное обеспечение «компьютера-жертвы» вредоносную программу типа «троянский конь» под названием BackOrifice, злоумышленник осуществил несанкционированный доступ к сетевым реквизитам пользователей сети Интернет из числа клиентов крупнейшего в Беларуси столичного сервис-провайдера OpenBy. На основе полученного доступа мошенник решил обогатиться за счет друзей хозяина интернет-ресурса. Он связывался с ними по Интернету, представляясь именно администратором сервис-провайдера, и просил перевести некоторую сумму денег [8, с. 165].

− Второй этап (с 2000 г. по настоящее время). 2000 год является переломным в развитии белорусского Интернета. Развитие оборудования и необходимых технологий, появление на рынке новых провайдеров, что повлекло снижение стоимости услуг, вызвало значительное увеличение количества пользователей, которое к 2001 г. составило более 1 миллиона [7]. Данный рост сразу отразился на криминогенной обстановке в стране. Если за три года (1998–2000)

было возбуждено всего три уголовных дела, связанных с использованием компьютерных технологий, то в период с 2001 по 2005 гг. — уже 1 813 таких дел [8, с. 166]. В настоящее время количество мошенничеств в сфере информационно-коммуникационных технологий увеличилось многократно.

Проанализировав развитие, становление и производство расследования мошенничества в сфере информационно-коммуникационных технологий, следует констатировать, что в общемировой практике вышеуказанных деяний выделяют 3 этапа: с 1969 по 1991 г. — этап развития аналоговых технологий, становление киберпреступности; с 1991 по 2000 г. — этап компьютерной техники, появление профессиональных преступников в сфере высоких технологий, начало формирования преступных сообществ; с 2001 по настоящее время — этап развития цифровых технологий, характеризуется возникновением и развитием транснациональных преступных группировок.

На территории Республики Беларусь следует вести речь о двух этапах развития мошенничеств в сфере информационно-коммуникационных технологий: первый — с 1991 по 2000 г. — период создания инфраструктуры, позволившей злоумышленникам начать заниматься данным видом преступлений. На втором этапе — с 2000 г. по настоящее время — произошло повсеместное внедрение Интернета, смартфонов, практически полное покрытие территории Республики Беларусь 3G- и 4G-сетями, что повлекло за собой рост данных деяний в структуре преступности.

Список основных источников

1. Козлов В. Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью. М. : Горячая линия-Телеком, 2002. 336 с. Вернуться к статье

2. Простосердов М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпротранстве, и меры противодействия им : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Рос. гос. ун-т правосудия. М., 2016. 29 с. Вернуться к статье

3. Солдатов Н. С., Ушакова К. Н. Проблемы мошенничества в сфере компьютерной информации и возможные пути их решения // Вестн. образоват. консорциума. Среднерус. ун-т. Сер.: Юриспруденция. 2022. № 19. С. 27–30. Вернуться к статье

4. Адрианова Е. В., Шакиров И. К. Социальный портрет жертв кибермошенничества // Экономическая безопасность страны, регионов, организаций различных видов деятельности : материалы IV Всерос. форума в Тюмени по экон. безопасности / ТюмГУ. Тюмень, 2023. С. 265–269. Вернуться к статье

5. Старостенко О. А. Закономерности становления и развития кибермошенничества в России и за рубежом // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. 2021. № 1 (29). С. 138–143. Вернуться к статье

6. Патюков С. В., Коврига Е. В. Социальная сеть: понятие, история возникновения, современное положение дел // Юный ученый. 2017. № 2 (11). С. 75–77. Вернуться к статье

7. Умпирович Д. Как зарождался белорусский Интернет [Электронный ресурс] // SB.BY. Беларусь сегодня. URL: https://www.sb.by/articles/iz-oflayna-v-onlayn.html?ysclid=lqy193srmm148741598 (дата обращения: 20.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Черненко И. Т. Противодействие киберпреступности в Республике Беларусь // Комплексная защита информации : материалы XXII науч.-практ. конф., Полоцк, 16–19 мая 2017 г. / Полоц. гос. ун-т ; отв. за вып. С. Н. Касанин. Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2017. 282 с. Вернуться к статье

УДК 343.98

В. М. Демьянова
преподаватель кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ЦЕЛИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Термин «экспертиза» имеет латинские корни (expertus — «опытный, сведущий»). Экспертиза в уголовном процессе — это процессуальное действие, состоящее в проведении экспертом исследования, основанного на его специальных знаниях в науке, технике, искусстве или ремесле с применением необходимых методов, приемов и средств, а также опыте их использования для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [1, с. 217].

Суть судебной экспертизы заключается в проведении экспертом, основываясь на своих специальных познаниях, по постановлению следователя, лица, производящего дознание, или судьи (по определению суда) специального исследования (экспертизы), необходимого для доказывания или опровержения тех или иных обстоятельств уголовного дела, выводы и результаты которого имеют процессуальную форму — заключение эксперта.

Основные признаки судебной экспертизы:

1. Специальные знания (судебная экспертиза проводится лицом, обладающим глубокими познаниями в конкретной области).
2. Специальное исследование (эти знания применяются для изучения представленных объектов особыми методами).
3. Самостоятельность (эксперт проводит исследование автономно, основываясь на научных методиках и собственном опыте).
4. Процессуальная форма (назначается и проводится в строгом порядке, установленном законом, а ее результаты оформляются специальным документом — заключением эксперта, которое является самостоятельным видом доказательств).

К специальным познаниям относятся знания в науке, технике, искусстве или ремесле и других отдельных областях человеческой деятельности. Постановка перед экспертами вопросов правового характера в рамках действующего законодательства недопустима.

Важно различать объект и предмет экспертизы.

Объект — это то, что исследуется (документы, вещи, человек, животные, образцы и т. д.). Объектами судебной экспертизы могут являться физические лица, документы, предметы, объекты либо предполагаемые объекты интеллектуальной собственности, животные, трупы и их части, иные объекты, в том числе биологического происхождения, системы, технологии, информационные массивы, образцы для проведения судебной экспертизы, в том числе полученные в ходе ее проведения [2, ст. 32].

Предмет — это круг конкретных вопросов или свойств объекта, которые могут быть изучены экспертом с помощью имеющихся специальных знаний и методов. Важно понимать, что один объект может иметь несколько предметов исследования (потожировой след пальца руки может исследоваться на предмет как наличия и характера папиллярного узора, так и химического состава потожирового вещества).

Специальные познания при производстве судебной экспертизы используются для выполнения исследований и (или) изучения представленных объектов. В этом и есть отличие экспертизы от получения различных справок и консультаций (например, справки метеослужбы о погодных условиях в конкретный день, консультация узкого специалиста в определенной области знаний).

Процессуальная форма экспертного исследования требует особого процессуального порядка назначения — вынесения постановления о проведении экспертизы, далее — проведения экспертизы и, соответственно, оформления ее результатов в форме заключения эксперта. Эта особенность позволяет отграничить судебную экспертизу от различного рода непроцессуальных форм использования специальных знаний, результаты которых также используются в уголовном процессе (например, медицинское заключение, акт ревизии) и приобщаются к материалам уголовного дела в качестве заключения специалиста или иных документов [3, ст. 227]. Такие исследования, в отличие от экспертизы, носят в основном ориентирующий характер и уже служат основанием для назначения судебной экспертизы.

Общей целью судебной экспертизы является оказание содействия судам (судьям), органам, ведущим уголовный процесс, в установлении обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дел, посредством применения специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла, т. е. экспертиза служит инструментом для обеспечения объективного и научно-обоснованного исследования доказательств. Конкретные цели судебной экспертизы реализуются через постановку перед экспертом конкретных вопросов. Цели можно классифицировать следующим образом:

1. Идентификационные цели — установление тождества конкретного объекта или его групповой принадлежности. Это одна из самых частых целей экспертиз (идентификация личности по дактилоскопическим следам, идентификация оружия по стреляным гильзам).

2. Диагностические цели — исследование свойств, состояния объектов, механизма события, причинно-следственных связей (установление причины смерти, степени тяжести телесных повреждений; определение скорости движения технического состояния транспортного средства; установление вменяемости лица).

3. Классификационные цели — отнесение объекта к определенному классу, виду, типу (судебно-химическая экспертиза по наркотическим веществам, определение вида и назначения холодного оружия).

4. Реконструкционные (ситуационные) цели — воссоздание картины события, механизма происшествия, отдельных элементов обстановки (реконструкция обстоятельств пожара, взрыва, падения человека).

5. Установление подлинности/факсимильности — особо актуально для документов и предметов искусства (установление признаков подделки банкнот, ценных бумаг, подделки акцизных марок).

Таким образом, цели судебной экспертизы направлены на получение независимого, объективного и научно обоснованного заключения, которое является источником доказательств и помогает органам уголовного преследования установить истину по делу и привлечь виновное лицо к ответственности. Судебная экспертиза является наиболее квалифицированной формой использования специальных знаний в уголовном процессе. Она расширяет возможности органов следствия и суда в установлении истины и служит важным источником доказательств по делу.

Список основных источников

1. Криминалистическая тактика : пособие для студентов учреждений высш. образования по специальности «Правоведение». Минск : Амалфея, 2025. 292 с. Вернуться к статье

2. О судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 дек. 2019 г. № 281-З : в ред. от 11 марта 2024 г. № 359-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.985.2

О. Б. Дронова
профессор кафедры криминалистической техники
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ

Современный рынок цифровых финансовых активов Российской Федерации, который в ближайшее время включит и оборот криптовалюты, еще продолжает свое становление, однако данный инструмент уже более 10 лет выступает в качестве предмета преступного посягательства (ст. 158, 159 Уголовного кодекса Российской Федерации), а также средства совершения преступления (ст. 205.5, 228, 290, 291 и т. д.) [1].

Согласно данным, опубликованным аналитической компанией Chainalysis, криптовалютная преступность в 2025 г. увеличилась в 2,6 раза (рост составил более 160 %). При этом сумма цифровых активов, поступившая на адреса нелегальных кошельков, превысила 150 млрд долларов. К числу основных факторов такого роста отнесено расширение схем, применяемых для обхода международных экономических санкций [2].

Установление обстоятельств совершения рассматриваемой категории преступлений относится к числу наиболее технически сложных задач, которые субъектами предварительного расследования должны решаться с привлечением специалистов в сфере оборота цифровых активов. Однако следует признать, что существующий уровень научно-технического и кадрового обеспечения следственных, оперативных и судебно-экспертных подразделений правоохранительных органов находится лишь на начальном этапе становления. Особо следует подчеркнуть, что нет единства мнений относительно вида специальных знаний, которые необходимы для обеспечения предметного установления обстоятельств уголовного дела. В зависимости от обстоятельств расследуемого события могут быть востребованы знания в области компьютерной техники, предусматривающие владение инструментарием, применяемым на аналитических платформах при проведении операций с криптовалютой, а также технологиями блокчейн. В других случаях более значимыми могут быть знания

в финансовой сфере, которые обеспечат установление данных об операциях по движению денежных средств, или может быть определена необходимость комплексной оценки обоих направлений деятельности.

Однако следует констатировать, что в настоящее время при любой следственной ситуации, с которой сталкивается субъект предварительного расследования, имеет место безальтернативность привлечения к производству первоначальных следственных действий стороннего специалиста, профессиональная деятельность которого связана с финансовой аналитикой, аудитом, банковской деятельностью, информационной безопасностью, блокчейн-аналитикой.

Профессиональные компетенции данных специалистов предусматривают наличие системных знаний функционирования криптовалют и блокчейн-сетей, ориентирование в возможностях применения механизмов регуляции крипторынка, владения основными инструментами, применяемыми для противодействия криминальному использованию криптовалюты: систем идентификации клиента KYC[1], CDD[2], EDD[3], систем мониторга операций с криптовалютой KYT[4], а также преодоления механизмов анонимизации.

Вопросам изучения особенностей использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с использованием криптовалют, посвящены отдельные исследования, раскрывающие общие вопросы указанного направления деятельности [3], особенности собирания вещественных доказательств [4], а также вопросы организации и тактики взаимодействия субъектов использования и применения специальных знаний [5].

Исследователи в основном сходятся во мнении приоритетности привлечения специалиста, осуществляющего деятельность в рассматриваемой сфере, в качестве сотрудника профильной компании. Однако, далеко не в каждом субъекте Российской Федерации можно найти консалтинговые агентства, инвестиционные фонды, технологические компании, деятельность которых предусматривает работу с рассматриваемым видом цифровых активов, а привлечение к расследованию частного специалиста нередко затруднено установлением наличия у него необходимых знаний. В своем большинстве у второй категории специалистов имеется сертификат о дистанционном прохождении курсов «Специалист по криптовалютам» (специализация: торговля и инвестиции, аналитика рынка, майнинг и управление фермами и т. д.), «Специалист по исследованию

[1] Know your customer — пер. с англ. «Знай своего клиента».
[2] Customer Due Diligence — пер. с англ. «Надлежащая проверка клиента».
[3] Enhanced Due Diligence — пер. с англ. «Расширенная проверка клиента».
[4] Know your transaction — пер с англ. «Знай свою транзакцию».

криптовалют» («Регулирование криптовалют в России и мире», «Криптовалютные расследования») и т. д.

Очевидно, что в условиях необходимости установления обстоятельств криминального использования криптовалют, совершения мошеннических и иных противоправных действий с данным видом активов от субъектов предварительного расследования требуется понимание сущности действий, осуществленных преступником на всех этапах совершенного преступления. Однако даже при наличии у субъекта расследования необходимых профессиональных компетенций ему необходимо привлечь к производству первоначальных следственных действий компетентного специалиста, грамотные действия которого не только обеспечат собирание следов, сформировавшихся при совершении преступления, но и возможность возврата владельцу похищенных активов. Следует особо подчеркнуть, что помощь специалиста, оказываемая субъектам раскрытия и расследования преступлений в процессуальной или непроцессуальной форме, предусматривает полноценное его участие в целом комплексе первоначальных мероприятий (тактических операций). В ходе их реализации должны быть установлены:

− факты действительного использования в ходе совершения преступления криптовалютных активов;

− компьютеры, ноутбуки и иные технические средства, а также программный инструментарий, который был использован, как потерпевшим для обеспечения сохранности цифровых активов, так и преступником для совершения первичных и последующих транзакций. При этом должны быть получены образы жестких дисков указанных устройств, содержащие файлы кошельков, ключи, истории браузеров;

− объекты, содержащие данные о паролях и seed-фразах (записи на бумажных носителях, фотографии, скриншоты с экранов);

− последовательность действий участников криминального события.

Подводя итог краткому рассмотрению особенностей использования специальных знаний при производстве первоначальных следственных действий по преступлениям, связанным с использованием криптовалют, следует указать, во-первых, что субъект предварительного расследования должен обладать необходимыми компетенциями в сфере современного оборота цифровых активов; во-вторых, субъект предварительного расследования должен владеть информацией о региональных организациях, осуществляющих деятельность в рассматриваемой сфере, сотрудники которых могут оказать необходимую помощь следствию; в-третьих, привлекать специалиста нужно не только к первоначальному осмотру, но и к дальнейшим мероприятиям, направленным

на установление обстоятельств преступления и восстановление нарушенных прав потерпевших.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. 2025 Crypto Crime Trends: Illicit Volumes Portend Record Year as On-Chain Crime Becomes Increasingly Diverse and Professionalized [Electronic resource] // Chainalysis : [website]. URL: https://www.chainalysis.com/blog/2025-crypto-crime-report-introduction (date of access: 22.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Специалист по исследованию криптовалюты: понятие и обзор практики [Электронный ресурс] // Шард : [сайт]. URL: https://shard.ru/article/cryptocurrency_analyst_concept_and_practice_overview?ysclid=lotyxk9jpj902538308 (дата обращения: 21.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Титов А. А., Васюков В. Ф. Процессуальные и тактические проблемы изъятия электронных носителей и копирования информации при расследовании преступлений с использованием криптовалюты // Российский следователь. 2023. № 2. С. 23–27. Вернуться к статье

5. Гармаев Ю. П., Осипов Г. П. Привлечение специалиста для исследования криптовалют в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводствах // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Юрид. науки. 2024. Т. 28, № 3. С. 669–684. Вернуться к статье

УДК 343.98

Л. Н. Евдохова
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат технических наук, доцент

ТОВАРОВЕДНАЯ ОЦЕНКА СТОИМОСТИ ПАРТИЙ КОМБИКОРМОВ: ТОВАРОВЕДЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время увеличивается роль товароведческой экспертизы в современных условиях функционирования экономики Республики Беларусь. Так, рост объемов производства и торговли кормовой продукцией, а также интеграционные процессы в рамках ЕАЭС приводят к увеличению количества хозяйственных споров, связанных с качеством и стоимостью партий комбикормов [1]. Качество комбикормов напрямую влияет на продуктивность сельскохозяйственных животных, а следовательно, на экономическую эффективность всей животноводческой и птицеводческой отраслей. Отсутствие унифицированной методики определения оценочной стоимости на основе товароведных характеристик затрудняет разрешение конфликтных ситуаций между поставщиками и покупателями, что негативно сказывается на экономической безопасности отрасли. В условиях нестабильности цен на зерновое сырье и белковые добавки объективная экспертиза становится инструментом минимизации финансовых рисков.

Правовое регулирование проведения товароведческой экспертизы начинается с Гражданского кодекса Республики Беларусь, регламентирующего вопросы качества товара и ответственности продавца (ст. 476–494) [2]. Однако фундаментально оценка качества комбикормов начинается с формулирования оценочных характеристик продукции. Номенклатура оценочных характеристик комбикормов приводится (как качественно, так и количественно) в ключевом нормативном документе — стандарте, определяющем технические характеристики комбикорма. Для различных животных и птицы они разные, так, например, товароведные характеристики комбикорма для птицы нормируются ГОСТ 18221-2018 «Комбикорма полнорационные для сельскохозяйственной птицы. Общие технические условия» [3]. Кроме того, в техническом регламенте «Корма и кормовые добавки. Безопасность» (ТР 2010/025/BY) [4] и Законе Республики Беларусь «О ветеринарной деятельности» [5] регламентируются

показатели безопасности всех видов комбикормов в ветеринарно-санитарном аспекте.

При проведении экспертизы анализируются три основные группы товарных характеристик. Первая группа — питательная ценность. Сюда входят содержание обменной энергии (для разных видов животных), сырого протеина, аминокислотный состав, содержание сырой клетчатки. Снижение обменной энергии в комбикорме свидетельствует о низком качестве наполнителя (зерна) или нарушении технологии приготовления, что требует перерасчета стоимости партии пропорционально потерям питательности. Вторая группа — технологические свойства. Так, например, гранулометрический состав, прочность гранул, содержание крошки и пыли влияют на усвояемость корма и потери при транспортировке. Третья группа — показатели безопасности. Наличие микотоксинов (афлатоксин, дезоксиниваленол, зеараленон), солей тяжелых металлов, остаточные количества пестицидов и радионуклидов контролируются в строгом соответствии с гигиеническими нормативами. Например, наличие микотоксинов сверх допустимых норм ведет к признанию продукции несоответствующей требованиям ветеринарной безопасности и может послужить основанием для полной утилизации партии [6].

Процедура экспертизы включает несколько этапов. На первом этапе проводится документальная идентификация партии комбикорма и отбор проб согласно действующим стандартам. На этом этапе важно обеспечить репрезентативность средней пробы, чтобы результаты лабораторных анализов можно было экстраполировать на всю партию. На следующем этапе осуществляются лабораторные исследования в лабораториях, аккредитованных на проведение таких исследований. На третьем этапе эксперт сопоставляет полученные данные с требованиями договора поставки и техническими нормативно-правовыми актами на конкретный вид комбикорма. Если выявлено несоответствие, составляется акт экспертизы, который является юридическим документом для предъявления претензии.

Таким образом, системное интегрирование объективных товароведных характеристик в процедуру оценочной экспертизы комбикормов выступает стратегическим фактором, гарантирующим экономическую безопасность и обеспечивающим цивилизованный характер рыночных взаимоотношений в агропромышленном комплексе Республики Беларусь. Совершенствование методологической базы экспертизы, внедрение современных инструментальных методов анализа и строгое соблюдение нормативно-правовых требований позволят повысить эффективность управления качеством в комбикормовом производстве.

Список основных источников

1. Евдохова Л. Н., Пинчукова Ю. М., Болотько А. Ю. Теоретические основы товароведения : учеб. пособие. Минск : Выш. шк., 2016. 262 с. Вернуться к статье

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. от 16 марта 2026 г. № 134-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Комбикорма полнорационные для сельскохозяйственной птицы. Общие технические условия : ГОСТ 18221-2018. Взамен ГОСТ 18221-99 ; введ. 01.11.2019. Минск : Госстандарт : Бел. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2019. 20 с. Вернуться к статье

4. Об утверждении технического регламента Республики Беларусь «Корма и кормовые добавки. Безопасность» (ТР 2010/025/BY) [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 14 июля 2010 г. № 1055 : в ред. от 1 апр. 2014 г. № 294. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. О ветеринарной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 2 июля 2010 г. № 161-З : в ред. от 3 янв. 2024 г. № 338-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Евдохова Л. Н., Масанский С. Л. Товарная экспертиза : учеб. пособие. Минск : Выш. шк., 2013. 332 с. Вернуться к статье

УДК 343.98

И. Л. Жаркевич
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

СИМБИОЗ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Правоохранительные ведомства Республики Беларусь при установлении всех обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, зачастую сталкиваются с необходимостью обнаружения, фиксации и изъятия различных по природе следов криминалистического характера. Возрастающая потребность в применении специальных знаний в рамках уголовного судопроизводства обуславливает необходимость привлечения сведущих лиц. Вследствие усиления значимости экспертного сопровождения, в 2013 г. в структуре правоохранительных органов было сформировано специализированное подразделение, осуществляющее два вида деятельности: экспертно-криминалистическую (далее — ЭКД) и судебно-экспертную (далее — СЭД).

Правовой основой реорганизации стал Указ Президента Республики Беларусь от 22 апреля 2013 г. № 202 «Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» (далее — ГКСЭ) [1]. В ходе последующих структурных изменений в системе МВД и иных ведомств их криминалистические подразделения подверглись упразднению. В подавляющем большинстве сотрудники, ранее входившие в штат ЭКП ОВД и на должном уровне обеспечивающие научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства, оказались в территориальных и областных подразделениях ГКСЭ.

Анализируя нормативно-правовые акты, связанные с деятельностью ГКСЭ, можно выделить две наиболее актуальные задачи экспертного ведомства, связанные с СЭД и ЭКД:

− проведение экспертиз в рамках межведомственного взаимодействия по материалам проверок, уголовным делам, а также по заявлениям граждан. Такой подход позволяет обеспечить выполнение основной доли экспертных исследований, назначаемых в республике;

− привлечение специалистов (криминалистов, судебно-медицинских экспертов и др.), которые участвуют в осмотрах мест происшествий и иных следственных действиях по различным категориям и видам уголовных дел. За-

частую ими обнаруживаются, фиксируются и изымаются объекты, способствующие в дальнейшем раскрытию преступления.

Как нам представляется, упомянутые основные задачи, характерные для экспертного ведомства, свидетельствуют об актуальности и повсеместности реализации ЭКД и СЭД. Каждый из этих видов деятельности имеет специфические цели, задачи, использует особую номенклатуру технических средств и методов для достижения поставленных целей. И тем не менее ЭКД и СЭД фактически определяют двуединый процесс собирания и последующего исследования доказательств. Заметим, что ЭКД во многих случаях является взаимодополняющим к СЭД, ведь зачастую в рамках проведения экспертиз исследуется то, что было обнаружено в ходе поисково-познавательной деятельности специалиста.

По нашему мнению, в настоящее время в Республике Беларусь закрепилась и успешно функционирует единственная в своем роде система научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. Становление ГКСЭ положило начало «симбиоза» ЭКД, по содержанию и задачам поисково-познавательной, и СЭД, в основе своей исследовательской, в рамках единого обособленного ведомства.

Таким образом, наблюдающийся «симбиоз положительной направленности» в рамках ГКСЭ способствовал тому, что два разных, но взаимодополняющих вида деятельности фактически синтезировались и определяют взаимодополняющий процесс собирания и последующего исследования вещественных доказательств, составляющих основу научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Отдельно обозначим, что в настоящее время научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства Республики Беларусь имеет свои ярко выраженные особенности. По нашему мнению, к данным особенностям можно отнести следующее:

1. *Особенности организационного характера.* Образование ГКСЭ в единую структуру, которая является обособленной и централизованной, сформировало в Республике Беларусь «единое экспертное пространство», где все подразделения действуют по единым требованиям локальных нормативно-правовых актов, что существенно повысило эффективность судебно-экспертного сопровождения в целом.

2. *Особенности методического обеспечения*. Анализируя задачи экспертного ведомства, можно заметить, что одной из них является реализация единой государственной политики в сфере СЭД, включая ее

научно-методическое обеспечение. Полагаем, что централизованное методическое обеспечение судебно-экспертных подразделений выступает гарантом единства, качества и научной обоснованности экспертных исследований на всей территории республики, что положительно влияет на достоверность заключения эксперта в рамках уголовного судопроизводства.

3. *Особенности оперативного межведомственного взаимодействия.* Интеграция экспертных подразделений различных ведомств Республики Беларусь в единое экспертное ведомство стала ключевым шагом в модернизации судебно-экспертной деятельности, чем позволила в кратчайшие сроки обеспечить своевременное выполнение почти всех экспертиз, назначаемых различными правоохранительными министерствами и ведомствами.

Перечень обозначенных особенностей, приведенных выше, не является исчерпывающим, однако в определенной степени просматриваются тенденции повышения роли и значения ЭКД и СЭД в научно-техническом обеспечении уголовного судопроизводства.

Таким образом, научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства Республики Беларусь с созданием ГКСЭ приобрело индивидуальные, ярко выраженные особенности, позволяющие усилить положительную динамику раскрытия и расследования преступлений. Сформированный положительный опыт Беларуси может служить примером для иных государств в правоохранительной сфере.

Список основных источников

1. Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 22 апр. 2013 г. № 202 : в ред. от 23 июня 2023 г. № 180. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.98

А. С. Жидович
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

РАССЛЕДОВАНИЕ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ: ИСТОЧНИКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Эффективное решение задач уголовного процесса, а также оперативное и всестороннее расследование преступных деяний, установление виновных лиц и их привлечение к уголовной ответственности, в том числе по преступлениям, предусмотренным ст. 295 Уголовного кодекса Республики Беларусь [1], существенно осложняется при отсутствии комплексного применения методов и средств, доступных правоохранительным органам. Судебно-следственная практика свидетельствует о важной роли в указанном процессе информационной составляющей криминалистического обеспечения.

Под *информационным обеспечением расследования незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ* понимается «деятельность государственных органов, осуществляемая в соответствии с действующим законодательством и направленная на сбор, фиксацию, обработку, хранение и использование криминалистически значимой информации для успешного решения задач расследования преступлений указанной категории» [2, с. 57].

Отдельные вопросы информационного обеспечения расследования преступлений изучались в трудах А. О. Белова, А. А. Бессонова, А. Ф. Волынского, В. О. Давыдова, А. М. Ишина, П. П. Ищенко, А. М. Кустова, А. И. Лузгина, И. В. Тишутиной и Р. А. Усманова.

Вместе с тем анализ криминалистической литературы свидетельствует об отсутствии среди ученых единой точки зрения относительно источников криминалистически значимой информации. Так, А. А. Бессонов и И. А. Цховребова к ним относят «процессуальные и иные документы; информационные массивы оперативно-справочных и экспертно-криминалистических учетов; материалы оперативно-розыскной деятельности, в которых содержатся

данные о результатах проверки объектов по оперативно-справочным и экспертно-криминалистическим учетам» [3, с. 120].

По мнению А. М. Ишина, к рассматриваемым источникам следует отнести материальные объекты, а также системы, содержащие данные, имеющие отношение (прямое/косвенное) к уголовному процессу (в частности, места совершения преступлений, учеты, материалы средств массовой информации) [4, с. 158, 162].

Интересной представляется позиция Н. Е. Мещерякова, который в качестве источников информационного обеспечения расследования выделяет архивные уголовные дела и оперативные материалы [5, с. 9–10].

В общем виде к ним относятся: материальные, идеальные и цифровые следы преступления, т. е. источники и носители криминалистически значимой информации, отображаемой в материальной, вербальной и цифровой форме. Однако для следователя с практической точки зрения наиболее важной является конкретизация и детализация этих источников применительно к расследованию конкретного вида преступлений.

Опираясь на приведенные подходы, а также итоги изучения судебно-следственной практики по делам рассматриваемой категории, к таковым следует отнести:

1. *Базы данных (учеты) и информационные (информационно-поисковые) системы как ведомственных, так и иных правоохранительных органов и организаций (отмечено в 78,8 % изученных дел)*. В частности, использовались возможности следующих систем: Единого государственного банка данных о правонарушениях, Банка данных криминальной информации, Республиканской системы мониторинга общественной безопасности, а также различных учетов (данных ДНК; дактилоскопический; стреляных пуль, гильз и боеприпасов со следами стрелкового огнестрельного оружия с нарезным стволом) и иное.

2. *Материалы оперативно-розыскной деятельности (23,1 %).* В ряде случаев они служили источником доказательств по уголовному делу, а также использовались при подготовке и производстве следственных действий. В частности, к числу проводимых оперативно-розыскных мероприятий относились: оперативный опрос, наблюдение, слуховой контроль, контролируемая поставка, контроль в сетях электросвязи и др.

3. *Интернет-ресурсы, социальные сети и приложения-мессенджеры (18,6 %)*. По указанным делам они фигурируют в качестве средств совершения преступлений и/или источника сведений о преступной деятельности. Например, такие как: социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники»; мессенджеры

Telegram, WhatsApp, Viber; интернет-видеоплатформа YouTube, а также различные торговые интернет-площадки, в том числе онлайн-аукционы. К непосредственным источникам сведений о преступной деятельности относятся видео- и фотоматериалы, опубликованные статьи, записи, личная переписка и другие материалы [6]. Следует отметить, что использование преступниками разнообразных информационно-коммуникационных технологий создает трудности для правоохранительных органов в процессе установления их личности (деанонимизации).

4. *Архивные уголовные дела (16,7 %)*. Данный источник охватывал архивные материалы как незаконных действий в отношении огнестрельного оружия и предметов вооружения, так и иных видов преступной деятельности. Содержащиеся в указанных делах сведения имели существенное значение для уголовно-правовой квалификации расследуемого уголовно наказуемого деяния.

Проведенный анализ вышеперечисленных источников позволяет констатировать, что наиболее распространенным из них являются базы данных (учеты) и информационные (информационно-поисковые) системы. Вместе с тем представляется, что более активное использование иных источников криминалистически значимой информации является неиспользованным потенциалом правоохранительных органов.

В заключение следует отметить, что применение на практике сведений, касающихся сформированных нами источников, будет способствовать повышению эффективности расследования дел рассматриваемой категории.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Жидович А. С. К вопросу об информационном обеспечении расследования незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ // Криминалистика: наука, практика, опыт : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (памяти проф. А. Г. Филиппова) (к 50-летию обр. МВШМ МВД СССР), г. Москва, 28 мая 2025 г. : в 2 т. / Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя ; сост. И. В. Тишутина. М., 2025. Т. 2. С. 55–58. Вернуться к статье

3. Расследование преступлений прошлых лет : науч.-практ. пособие / А. И. Бастрыкин [и др.] ; под ред. И. А. Бастрыкина. М. : Юрлитинформ, 2021. 184 с. Вернуться к статье

4. Ишин А. М. Теория и практика информационного обеспечения расследования преступлений в современных условиях : моногр. Калининград : Калинингр. юрид. ин-т МВД России, 2009. 256 с. Вернуться к статье

5. Мещеряков Н. Е. Использование архивных дел и оперативных материалов в информационном обеспечении : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Юрид. ин-т МВД России. М., 1992. 22 с. Вернуться к статье

6. Тишутина И. В. Информационные аспекты преодоления противодействия расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации : материалы междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 26–27 нояб. 2025 г. / С.-Петерб. ун-т МВД России. СПб., 2025. С. 262–265. Вернуться к статье

УДК 343.9:004.056

М. М. Жуков
начальник кафедры
компьютерной безопасности и технической экспертизы
Воронежского института МВД России,
кандидат технических наук, доцент
А. Ю. Телков
заместитель начальника кафедры
компьютерной безопасности и технической экспертизы
Воронежского института МВД России,
кандидат физико-математических наук, доцент

О ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ПОДХОДЕ К ОБУЧЕНИЮ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Стремительное совершенствование сетевых технологий не только расширило коммуникационные возможности, но и породило ранее не известные юридической практике способы совершения противоправных действий. Виртуальная природа Интернета, его ключевые особенности — отсутствие централизованного управления, возможность действовать скрытно, программная управляемость и способность транслировать любые данные — позволяют использовать его в качестве основного инструмента киберпреступности [1; 2].

Ряд авторов высказывают мнение, что при дистанционных атаках на информационные системы криминалистически значимые данные рассредоточиваются по различным элементам сетевой архитектуры — они могут фиксироваться как на устройствах жертвы и злоумышленника, так и на серверах провайдеров или промежуточных узлах связи [2; 3].

Типовая схема реализации кибератак предполагает существование теневой инфраструктуры, ориентированной на компрометацию информационных систем. Злоумышленники стремятся либо перехватить управление устройством (для включения в ботнет), либо похитить или зашифровать данные (с целью вымогательства или перепродажи), либо вывести ресурс из строя. Структура такой инфраструктуры включает четыре звена: программистов, пишущих вредоносный код, операторов, применяющих его с подконтрольных машин, сеть доставки вредоносного программного обеспечения и серверы управления и контроля (C&C).

При подготовке обучающихся (курсантов, сотрудников МВД России, сотрудников правоохранительных органов иностранных государств), в процессе проведения различных видов занятий на кафедре компьютерной безопасности и технической экспертизы Воронежского института МВД России используется созданный сотрудниками кафедры киберполигон для исследования сетевых компьютерных атак, структура которого показана на рис. 1.

Во-первых, это моделируемый объект нападения. Для отработки реалистичных сценариев в инфраструктуру полигона включен сегмент, имитирующий корпоративную или пользовательскую сеть с преднамеренно ослабленной защитой (типовые уязвимости, ошибки в настройке политик доступа). Во-вторых, это моделируемый субъект угрозы. Противовесом первому сегменту выступает блок, воспроизводящий действия нарушителя. Он включает вычислительные узлы, с которых производится запуск атакующего программного обеспечения и управляющих скриптов.

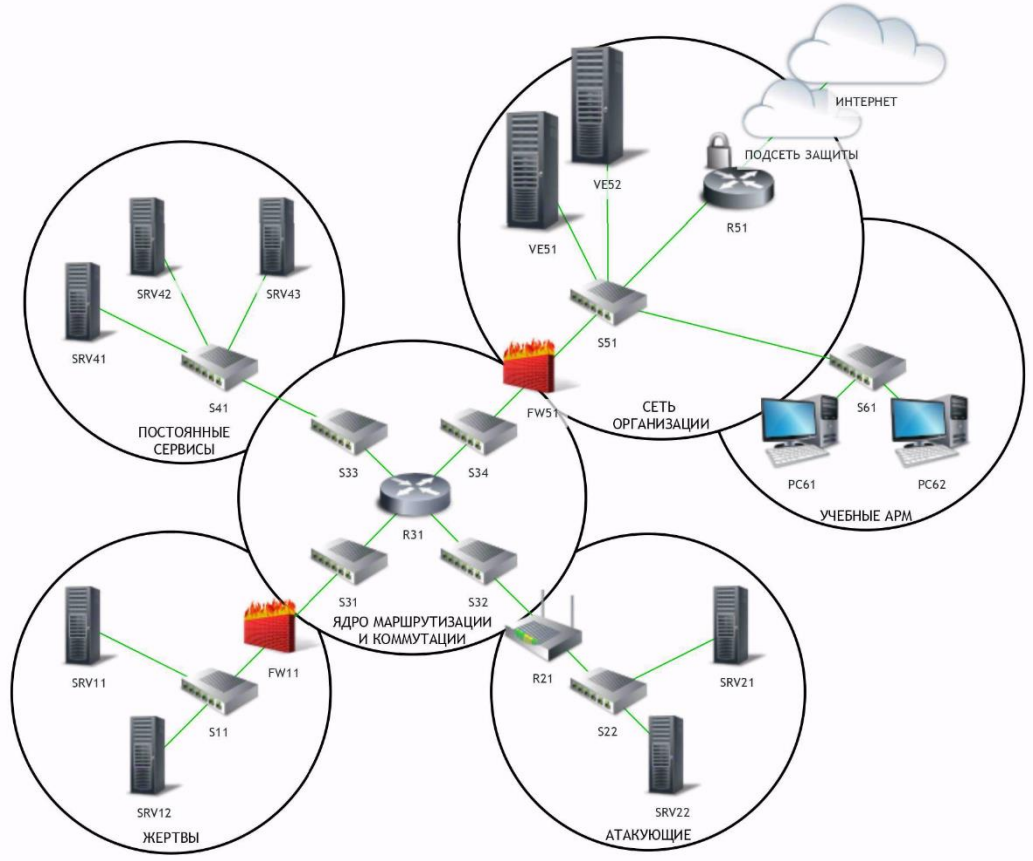

Рис. Структура киберполигона для исследования сетевых атак

В-третьих, это базовый сетевой уровень. Предназначен для реализации связности между сегментами — выполняет задачи продвижения пакетов

(маршрутизация) и соединения узлов (коммутация) в соответствии с топологией полигона. В-четвертых, имеется еще инфраструктурный сегмент. В его состав входят сервисы, функционирующие на постоянной основе: подсистемы сбора и анализа данных о безопасности (SIEM), средства наблюдения за состоянием оборудования, а также иное обеспечивающее программное обеспечение.

Реализация на киберполигоне типовых сценариев сетевого нападения (подбор паролей сетевых служб — RDP, FTP, PostgreSQL и др., DoS, SQL-инъекции, межсайтовый скриптинг и т. п.) позволяет решить задачи формирования у обучающихся профессиональных компетенций, связанных с обнаружением и фиксацией различных виртуальных следов, формирующихся как на оконечных устройствах в журналах служб, так и получаемых с помощью сетевых протоколов (NetFlow, Syslog, snmp и др.). На киберполигоне обучающимися также отрабатываются различные подходы, реализующие комплексную защиту информационных систем (решаются задачи по настройке хостовых и сетевых (межсетевых) экранов и систем обнаружения и предотвращения атак и др.).

Список основных источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года [Электронный ресурс] // МВД России : [сайт]. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Введенская О. Ю. Особенности следообразования при совершении преступлений посредством сети Интернет // Юрид. наука и правоохран. практика. 2015. № 4 (34). С. 209–216. Вернуться к статье

3. Dayal N., Srivastava S. Analyzing behavior of DDoS attacks to identify DDoS detection features in SDN // 2017 9th International Conference on Communication Systems and Networks (COMSNETS), Bengaluru, 12 June 2017. Bengaluru, 2017. P. 274–281. Вернуться к статье

УДК 343.9

В. С. Красиков
доцент кафедры криминалистики
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Применение заимствованного из другой науки термина зачастую приводит к дискуссии относительно, например, сущности, содержания и места этого термина в системе нового научного знания. В этом отношении следует рассмотреть проблематику применения термина «стратегия» в криминалистике, его неоднозначность в понимании и использовании.

В. Ю. Сокол отмечает: «К числу идей, связанных с ревизией системы криминалистики, относится предложение о выделении “криминалистической стратегии” в качестве самостоятельного раздела криминалистики» [1, с. 67]. В своей научной статье автор делает вывод о том, что «…перспективное направление разработки мер борьбы с преступностью «Криминалистическая стратегия» способна образовывать самостоятельный элемент системы криминалистики… и что научная разработка криминалистикой своих стратегических проблем борьбы с преступностью станет приоритетным направлением научных исследований в XXI веке» [1, с. 76].

В научном исследовании В. Ю. Сокола обозначены три парадигмы понимания и изучения стратегии в криминалистике: 1) сугубо криминалистическая категория в системе этой науки, в которой исследуются искусство руководства расследованием, закономерности общих моделей и методов расследования, варианты криминалистического учения о планировании расследования (в узком понимании); 2) специфическая часть уголовной политики, нацеленная на борьбу криминалистическим инструментарием с преступностью в целом, в том числе и в международном масштабе (в широком понимании); 3) своеобразная интерпретация положений военной стратегии применительно к криминалистическим действиям.

Современные представления о стратегии в криминалистике также исследованы в научных работах Д. С. Хижняка и Н. В. Матковой, которые характеризуются оригинальностью суждений, но не лишены дискуссионности в выводах и формулировках. В своей диссертации Д. С. Хижняк отмечает следующее: «В криминалистике понятие “стратегия” имеет методологическую ценность… стратегия и ее методы сопровождают весь процесс расследования

преступлений» [2, с. 309], однако в формулировке самого понятия указывает: «Криминалистическая стратегия — это выработанные на перспективу основы руководства расследованием преступлений, т. е. криминалистической деятельностью, регламентированной нормативно-правовыми актами государства, осуществляемой несколькими субъектами и направленной на достижение системы целей (общих, конкретных, специфических, частных), состоящей из нескольких этапов с последовательным изменением имеющейся информации (следственной ситуации), а также целей и задач с момента возбуждения уголовного дела до его рассмотрения в суде. Именно стратегия структурирует и оптимизирует криминалистическую деятельность… Центральным звеном, руководителем расследования является следователь. Он же является и стратегом» [2, с. 314–315]. Н. В. Маткова в своей статье резюмирует следующее: «К настоящему моменту полагаем возможным и необходимым рассматривать криминалистическую стратегию в узком смысле как составную часть частных криминалистических методик» [3, с. 245].

Изложенные позиции, исходя из объекта и предметов криминалистики, представляют собой авторские характеристики явления, научные позиции исследователей по проблеме, но не вносят полной ясности в решение научной проблемы, что порождает дальнейшие полемику и дискуссии. В этом отношении справедливо следующее мнение А. С. Александрова: «Считаю, что тезис о научной объективности, принятый по настоянию криминалистов, имеет скорее этическое, чем естественное происхождение. В связи с этим напомню, что есть как общие, так и отличные черты у «настоящих» науки и искусства: искусство первое видит проблему и предлагает науке решить ее теми средствами, которые у нее есть в распоряжении. Если наука не может проблему решить, искусству остается предложить только оптимальный вариант действий, с той или иной степенью вероятности способствующий решению этой проблемы. Искусство не гарантирует достижение результата, оно не озабочено созданием алгоритма, но предостерегает от совершения непоправимых ошибок» [4, с. 278–279]. Такое видение проблемы стратегии в науке вполне согласуется с выводами А. Свечина относительно соотношения науки и искусства стратегии в военном деле: «Мы склонны понимать под наукой всякую систему знаний, облегчающую нам понимание жизни и практики. Под такое широкое определение науки, несомненно, подходит теория всего военного искусства, в том числе и стратегия… Стратегия — искусство военных вождей» [5, с. 273–274].

Как уже отмечалось, третьей парадигмой исследования изучаемой проблемы в статье Ю. В. Сокола является интерпретация положений военной стратегии применительно к криминалистическим действиям, и этот аспект за-

имствования представляет интерес. Так, в военной науке есть четкое понимание стратегии как искусства стратега в достижении победы в войне, которое академически необходимо изучать в историческом аспекте и оценивать в условиях реальности происходивших событий. В этой связи А. Свечин отмечал: «Отсюда понятна необходимость двух линий военно-исторической работы: первая — творческая, исследовательская работа, зашифровывающая свои выводы в виде параграфов уставов, декретов, инструкций, штатов; другая линия военно-исторической работы — толкующая, объясняющая, расшифровывающая, конкретизирующая на военно-историческом материале эти требования» [5, с. 487].

Следовательно, стратегия в криминалистике может раскрываться через создание четких алгоритмов, соблюдение которых не позволит совершить ошибку в расследовании видов преступлений, а также через исследовательскую работу, объясняющую эти алгоритмы на примерах расследования конкретных уголовных дел с отражением в этом мастерства следователя. В контексте криминалистики, в рамках ее стратегии это означает не создание сущностей в теории, а изучение закономерностей, опыта и искусства раскрытия и расследования конкретных уголовных дел (их видов) в рамках диссертационных исследований, позволяющих комплексно оценить стратегию в организации и тактике следственной работы в рамках предмета криминалистики. Стратегию в криминалистике следует изучать по результатам прикладной деятельности в раскрытии и расследовании преступлений, которая проявляется именно в искусной работе (по Г. Гроссу).

Таким образом, можно заключить следующее. Первой задачей стратегии в криминалистике является ее теоретическая разработка, определяющая сущность, воплощенную в простую и единообразно понимаемую формулировку. Теория предполагает единую терминологию и алгоритмы (правила) криминалистической работы, позволяющие обеспечивать и процесс расследования уголовных дел (их видов), и обучение в образовательных учреждениях юридического профиля.

Вторая задача стратегии в криминалистике — это конкретизация искусства организационно управленческого и интеллектуального обеспечения раскрытия и расследования конкретных преступлений и их видов; организационного и интеллектуального обеспечения проведения тактических операций и следственных действий в состоянии противодействия; раскрытия и расследования преступной деятельности на примерах конкретных уголовных дел. Здесь сочетаются теория и практика, здесь видится обширное поле для диссертационных исследований, дающих понимание стратегии в конкретном расследовании.

Совершенствование научного знания в рамках традиционных предметов криминалистики возможно путем интеграции в нее достижений военных, технических, естественных и общественных наук, а также современных высоких технологий. Это позволяет в полной мере соответствовать требованиям правоохранительной деятельности в сфере противодействия преступной деятельности (коррупции, организованной преступности, киберпреступлениям и др.). Это направление эволюции науки позволяет развивать и теорию, и технику, и тактику, и методику в криминалистике.

Список основных источников

1. Сокол Ю. В. Криминалистическая стратегия в России и Германии // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2010. № 2. С. 67–77. Вернуться к статье

2. Хижняк Д. С. Методологические основы расследования транснациональных преступлений: модельный подход : дис. … докт. юрид. наук : 12.00.12 / Сарат. гос. юрид. акад. Саратов, 2018. 488 с. Вернуться к статье

3. Маткова Н. В. О месте и содержании стратегии в криминалистике // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 4 (57). С. 241–246. Вернуться к статье

4. Александров А. С. Семь смертных грехов современной криминалистики // Вестн. Нижегор. акад. МВД России. 2011. № 2. С. 277–280. Вернуться к статье

5. Постижение военного искусства: Идейное наследие А. Свечина. 2-е изд. М. : Рус. путь, 2000. 688 с. Вернуться к статье

УДК 343.102

А. М. Криксин
старший преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИЧНОГО СЫСКА В РАСКРЫТИИ, ВЫЯВЛЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Сохранность личного имущества граждан и эффективность раскрытия совершенных преступлений всегда являлись приоритетными направлениями деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД) Республики Беларусь. Несмотря на практически повсеместное распространение и активное использование при охране общественного порядка республиканской системы мониторинга общественной безопасности (далее — РС МОБ), личный сыск остается одним из эффективных средств предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений как против личности, так и против собственности.

Понятие и определение личного сыска неоднократно рассматривались в литературе по теме оперативно-розыскной деятельности различными советскими и белорусскими учеными и исследователями (Д. В. Гребельский, Г. К. Синилов, С. С. Овчинский, М. П. Карпухин, И. И. Басецкий и многие другие), которые в своих трудах рассматривали сущностные характеристики и практическое применение личного сыска при раскрытии преступлений и сборе доказательной базы.

В современной теории оперативно-розыскной деятельности личный сыск рассматривается как комплексное использование сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, применяемое непосредственно оперативным работником в целях выявления, предупреждения, раскрытия преступлений, розыска скрывшихся преступников и лиц, без вести пропавших. В основе личного сыска лежит распознание фактов, представляющих оперативный интерес, заключающееся в выявлении лиц, склонных к совершению преступлений, предметов, добытых преступным путем, явлений, предшествующих совершению преступлений, на основе установления их принадлежности или тождества по ранее известным свойствам и признакам [1].

Личный сыск является одной из наиболее распространенных форм оперативно-розыскной деятельности, при которой оперативный сотрудник, основываясь на собственных психофизиологических особенностях, осуществ-

ляет деятельность по раскрытию и предупреждению преступлений. В практическом применении личного сыска основополагающее значение для его эффективного осуществления оказывают такие составляющие, как:

− память, т. е. сохранение, накопление, воспроизведение и использование данных, относящихся к процессу предупреждения и раскрытия преступлений (внешние приметы лиц, ранее судимых; лиц, разыскиваемых другими ОВД; приметы похищенного имущества, обстоятельства совершенных преступлений, способы раскрытия аналогичных преступлений и т. д.);

− мышление, познавательный процесс, который обеспечивает отражение происходящей действительности и позволяет формировать представления о предметах и выявлять необходимые связи между ними (предполагать о способах совершения определенного преступления, приметах и особенностях лица, его совершившего, местонахождении похищенного имущества);

− внимание, избирательная направленность сознания на определенные процессы, явления или события, выделение одних процессов из череды аналогичных (определение лица, представляющего интерес из общей массы граждан, выявление похищенного имущества на рынках, торговых площадках и т. д.);

− наблюдательность, способность выделять из увиденного существенные и малозаметные детали и делать соответствующие выводы, непосредственно направленные на выявление фактов преступной деятельности.

На основании изложенного при использовании личного сыска при раскрытии имущественных преступлений (краж, грабежей, разбойных нападений) сотрудник ОВД запоминает обстоятельства совершенного преступления, приметы лиц, подозреваемых в его совершении, и идентификационные признаки похищенного имущества. Предполагает направления движения потенциальных преступников и предположительные места хранения и сбыта имущества, добытого преступным путем. С помощью аналитического мышления и анализа по способу совершения преступления и следам, изъятым в ходе осмотра места происшествия, определяет лиц, которые потенциально могли совершить данное преступление, а также лиц, причастных к совершению иных преступлений, и лиц, находящихся в розыске за совершение различных преступлений. Далее при исполнении служебных обязанностей, находясь вне службы, сотрудник, сопоставляя малейшие признаки причастности лиц к совершению преступлений, осуществляет их отработку путем проведения комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Список основных источников

1. Дикун А. А., Криксин А. М. Психологические аспекты применения оперативного поиска и личного сыска при раскрытии имущественных преступлений [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь ; редкол.: К. Д. Сазон (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2025. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Вернуться к статье

УДК 343.985.7

Н. Н. Кубышкина
преподаватель кафедры криминалистики
Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ И ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

Незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств представляет угрозу национальной безопасности Российской Федерации, а также оказывает негативное воздействие на все стороны жизни общества [1].

Объектами указанных преступлений выступают взрывчатые вещества (далее — ВВ) и взрывные устройства (далее — ВУ), которые различными способами вовлекаются в незаконный оборот, при этом в последние годы отмечена тенденция увеличения количества зарегистрированных преступлений по указанным фактам, что предопределяет поиск новых методов и приемов их расследования [2, с. 375].

Современные технологии, которые в настоящее время помогают раскрывать, расследовать и предупреждать преступления, еще несколько десятилетий назад можно было увидеть только в научно-фантастических фильмах, а в настоящее время они постепенно входят в повседневную работу следователя.

К числу современных технологий с использованием искусственного интеллекта, позволяющих оптимизировать процесс раскрытия и расследования незаконного оборота ВВ и ВУ, целесообразно отнести следующие:

− Распознавание лиц — это одно из самых популярных направлений в криминалистике, которое позволяет почти безошибочно идентифицировать человека, помимо записи фактического изображения, некоторые программные приложения собирают и биометрические данные, с помощью которых можно более точно определить личность, так, алгоритм распознавания лиц NtechLab, разработанный в России, используется на 30 железнодорожных станциях Индии, в общей сложности установлено 470 камер с интеллектуальной аналитикой, система способна распознавать одновременно до 50 человек в кадре, в течение трех секунд распознает лица на видео, сравнивает результаты с базами данных [3] и отправляет оповещение. Нейросети помогают искать преступ-

ников через обработку огромного массива данных, на изучение которых ранее требовались целые месяцы или работа команды, а сейчас часы или минуты.

− Анализ данных из социальных сетей для выявления связей между пользователями и интересующего контента (слова, сообщения) [4, с. 439].

− Использование сверточных нейронных сетей (CNN), которые помогают изучать и классифицировать многообразные жесты рук с более низким уровнем ошибок. Так, при проведении допроса в рамках расследования незаконного оборота ВВ и ВУ следователь нередко сталкивается с ситуацией, когда подозреваемые хорошо осведомлены о задаваемых им вопросах и способах ответов на них, поведение допрашиваемого можно идентифицировать по языку жестов и жестам рук, но выполнять данный процесс следователями вручную в течение всего дня не всегда получается качественно. Уличить во лжи помогают нейронные сети, которые хорошо обучены и протестированы, что дает очень высокий уровень точности [5].

− Использование видеонаблюдения с целью анализа изображений, полученных при помощи стационарных камер или дронов, для выявления подозрительных объектов и действий [6, с. 270]. Незаконный оборот ВВ и ВУ включает в себя незаконные действия в том числе, выражающиеся в незаконном хранении, ношении и перевозке вышеуказанных предметов, с целью выявления указанных действий может быть применена технология с возможностью анализа записей с камер видеонаблюдения, на относимость поведения лиц в кадре с ранее установленными аналогичными действиями преступников.

− Использование современных технических средств выявления ВВ и ВУ. На международной выставке Securika Moscow 2025 был представлен усовершенствованный «Премиум Сегмент» группы компаний «Южполиметалл-Холдинг» (ЮПХ), это детектор для выявления следов ВВ и предотвращения попыток проноса ВВ в места массового скопления людей (Шереметьево в Москве и Пулково в Санкт-Петербурге). Система исключает необходимость в использовании одноразовых расходных материалов, что позволяет увеличить долю объектов досмотра на наличие следов ВВ. В указанном детекторе имеется технология интеграции искусственного интеллекта через платформу «Сегмент ИИ», все данные анализируются на мощном удаленном сервере, что обеспечивает высокую скорость обработки информации и постоянное самообучение системы (за счет данных, полученных как в лабораторных условиях, так и в ходе реальной эксплуатации) [7].

Подводя итог, отметим, что нами приведен перечень современных технологий с использованием искусственного интеллекта, часть из которых в настоящее время уже применяется при раскрытии и расследовании других

преступлений [4, с. 437], и по итогам их использования складывается положительный практический опыт, что дает возможность рассмотреть перспективу их применения при расследовании указанной выше категории преступлений. Так, использование искусственного интеллекта со сверточными нейронными сетями поможет оценить поведение подозреваемого и дать следователю более точную информацию о правдивости его показаний, использование нейросетей для анализа видеоматериалов позволит проанализировать действия лиц в общественном месте, выполнить их оценку на относимость к преступным.

Список основных источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Кубышкина Н. Н. К вопросу актуальности исследования методики расследования незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф., Рязань, 6 апр. 2023 г. Рязань : Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2023. С. 375–378. Вернуться к статье

3. Железные дороги Индии начали применять российскую технологию распознавания лиц [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/ekonomika/12222333 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Столбанов Р. А. Использование современных технологий в борьбе с незаконным наркооборотом [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2024. № 22 (521). С. 437–439. URL: https://moluch.ru/archive/521/114962 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Меняйло Д. В. Искусственный интеллект в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств // Аграрное и земельное право. 2024. № 11 (239). С. 268–271. Вернуться к статье

6. Идентификация подозреваемых в совершении преступлений по человеческим жестам с использованием глубокого обучения [Электронный ресурс] // Springer Nature Link : [сайт]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-33-4501-0_67 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Досмотр без очередей. В России создали умный детектор взрывчатых веществ с ИИ [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/ekonomika/23749841 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.3/.7;343.97

Е. А. Лаппо
временно исполняющий обязанности по должности
начальника кафедры тактико-специальной подготовки
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КАК СРЕДСТВО ДЕСТРУКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Неотъемлемым фактором современного геополитического противостояния является информационное противоборство, характеризующееся целенаправленным поступательным и непрерывным воздействием в виде деструктивных информационных кампаний и операций, направленных на осуществление информационно-психологического воздействия с применением дезинформации, и широкого спектра технологий манипуляции общественным сознанием. Современные конфликты все чаще имеют постоянную, гибридную и глобальную формы, охватывая новые сегменты общественно-политических отношений в глобальном противостоянии.

Основными целями такого воздействия являются политическая, экономическая, военная, правоохранительная, социокультурная, миграционная и другие сферы жизнедеятельности общества. В целом феномен национальной безопасности по мере эволюционного развития стал охватывать национальные интересы, весь спектр известных в настоящее время внешних и внутренних рисков, вызовов и угроз в различных сферах жизнедеятельности человека, а также способность государства обеспечить их защиту [1]. В указанном контексте особенное значение приобретает фактор информационно-психологического влияния, современный спектр которого имеет стойкие тенденции к постоянному расширению и интеграции с высокими технологиями, широкому использованию цифрового информационного пространства, искусственного интеллекта.

Развитие информационных технологий и способов коммуникации изменяет характер противоборства между субъектами геополитического противостояния. В частности, информационные потоки, распространяемые с использованием сети Интернет, могут быть использованы при подготовке и координации осуществления цветных революций в конкретном государстве или регионе [2]. Указанные действия, по сути, представляют собой психологические операции специальных служб и подразделений, основной задачей которых является оказание влияния на неопределенный круг лиц с использованием прямой и (или) непрямой коммуникации, и в конечном итоге на решения, которые

основываются на этом отношении. Отношение отдельных представителей общества к полученной в процессе коммуникации информации формируется на уровне, на котором происходят процессы осознания, принятия, отрицания, переосмысления, форматирования и дальнейшей передачи полученной информации, зависящих от ее полноты, достоверности, актуальности, важности и способа получения.

На первоначальном этапе субъектом проведения психологической операции осуществляется:

1) планирование;

2) сбор и анализ первичных материалов об объекте воздействия;

3) поиск целевых аудиторий и изучение их характеристик;

4) распространение материалов воздействия, в том числе с использованием дезинформирования;

5) координация субъектов, участвующих в проведении психологической операции;

6) сбор и анализ данных о материалах (мероприятиях), распространяемых в средствах массовой информации государственными органами, их должностными лицами для использования их в противоправной деятельности.

На современном этапе основными каналами осуществления психологических операций являются: Интернет, сети мобильной связи и другие информационно-телекоммуникационные системы; печатные и электронные средства массовой информации, лидеры политических партий и общественных объединений, блогеры, связанные с необходимыми целевыми аудиториями. Таким образом, информационные ресурсы и отдельные «специалисты» являются средствами продвижения как объективной, так и недостоверной информации, формируя тем самым деструктивные установки в общественном сознании.

Вариантами применения информационно-психологических операций во время электоральных кампаний могут быть:

1) распространение недостоверных сведений о нарушениях и фальсификациях государственными должностными лицами результатов голосования, ущемления прав и свобод избирателей;

2) размещение не соответствующих действительности материалов об имуществе отдельных кандидатов;

3) вброс информации о нарушении законодательства сотрудниками силовых ведомств при осуществлении ими действий, прямо предусмотренных законодательством при защите правопорядка и общественной безопасности;

4) распространение в обществе сведений о массовом отказе от активных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов при защите государственных интересов;

5) распространение среди населения и международного сообщества о нарушении должностными лицами государственных органов предварительных соглашений, договоренностей;

6) рассылка на мобильные телефоны, электронные адреса, мессенджеры руководителей и личного состава правоохранительных органов материалов, которые вызывают стресс, панику, страх;

7) распространение среди членов семей сотрудников и должностных лиц государственных органов, учреждений и организаций материалов с призывом способствовать отказу от участия в защите интересов государства и общества;

8) размещение в информационном пространстве видеообращений бывших сотрудников силовых структур, фото-, видео- и информационных материалов с призывами об отказе в выполнении приказов и распоряжений со стороны непосредственных и прямых начальников, передаче документов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, информацию ограниченного распространения;

9) побуждение населения к противостоянию подразделениям, задействованным в охране правопорядка и защите общественной безопасности;

10) склонение населения к предоставлению сведений о перемещении подразделений силовых структур, особенностях их тактики действий, местах дислокации, временного сосредоточения.

Приведенный выше перечень не является исчерпывающим и может быть скорректирован, исходя из целевых установок психологической операции и ее замысла, тактических и стратегических целей противоборства. Эффективность использования подобного рода мероприятий может быть оценена как прямым, так и косвенным путем, в частности наблюдением за изменением поведения целевой аудитории, в том числе с привлечением «независимых» неправительственных организаций, находящихся под контролем.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что осуществление целенаправленного воздействия на систему «человек — информация — технические средства хранения, обработки, преобразования и предоставления информации» является одним из средств противостояния на различных уровнях противоборства и оказывают значимое влияние на общественные процессы. Нейтрализация описанных выше рисков, вызовов и угроз со стороны заинтересованных субъектов обеспечения национальной безопасности возможна в результате мониторинга информационного пространства, принудительной

блокировки информационных ресурсов, разоблачение дезинформации, игнорирование, контрпропагандистская деятельность, кибербразведка и аналитический поиск источников и распространителей сведений, оказывающих влияние на общественное сознание, в том числе с использованием сил и средств оперативно-розыскной деятельности.

Список основных источников

1. Баньковский А. Л. К вопросу о концептуализации в сфере национальной безопасности // Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь : материалы междунар. науч. конф., Минск, 17 дек. 2021 г. / редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2021. С. 35–39. Вернуться к статье

2. Савлучинский В. В., Бартошевич А. В. Психологические операции как способ воздействия на общественную безопасность // Наука — образованию, производству, экономике : материалы X междунар. науч.-техн. конф., Минск, 20–24 мая 2012 г. : в 4 т. / Бел. нац. техн. ун-т ; редкол.: Б. М. Хрусталев, Ф. А. Романюк, А. С. Калиниченко. Минск : БНТУ, 2012. Т. 2. С. 451. Вернуться к статье

УДК 343.98

В. Г. Лосева
старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ФОТОИЗОБРАЖЕНИЙ ЛИЦ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПОРТРЕТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для производства сравнительных идентификационных исследований, помимо вещественных доказательств — следов искомых лиц или предметов, изъятых с места преступления, необходимы образцы — отображения свойств проверяемых объектов [1, с. 380]. Как указывает Р. С. Белкин, «образцы необходимы для того, чтобы установить связь объектов, для сравнения с которыми их получают, с событием преступления. Процесс такого сравнения нужен для идентификации» [2, с. 649].

В имеющихся на сегодняшний день научных публикациях, раскрывающих тактику получения образцов для сравнительного исследования, рассматриваются вопросы получения образцов почерка, реже — запаха, голоса и речи [1; 2; 3; 4]. В то же время проведенный анализ архивных и приостановленных (прекращенных) уголовных дел об использовании заведомо подложных документов в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь позволяет констатировать, что по данным фактам в рамках материалов проверок, административного и уголовного дел возникала необходимость в получении образцов фотоизображений лиц, предъявивших подложный документ при пересечении государственной границы, для последующего проведения судебной портретной экспертизы. При этом зачастую проведение данного следственного действия вызывает определенные трудности у следователя (лица, производящего дознание), приводящие к процессуальным ошибкам оформления следственного действия, а также техническим ошибкам качества предоставляемого сравнительного материала.

Все вышесказанное предопределяет необходимость более детального рассмотрения криминалистических особенностей получения образцов фотоизображений лиц для проведения сравнительного портретного исследования. В первую очередь необходимо обозначить, что отбираемый сравнительный материал должен отвечать следующим требованиям: сопоставимости, доброкачественности, полноте и достоверности.

Сопоставимость сравнительного материала означает, что при отборе фотоснимков, направляемых на экспертизу, необходимо стремиться к тому, чтобы лица были сфотографированы в одинаковом положении относительно фотоаппарата, с одинаковым освещением, при одинаковом состоянии внешности. Доброкачественность и полнота предполагает, что фотоснимки должны быть предоставлены резкие, нормальные по контрастности, отображающие все мелкие особенности лица (морщины, родимые пятна и т. д.), лишенные дефектов, затрудняющих восприятие и анализ признаков внешности и, соответственно, препятствующих использованию всего арсенала методов и приемов, разработанных и рекомендованных для решения типовых задач портретной экспертизы. Если на фотоснимке детали лица не просматриваются, то такой фотоснимок считается непригодным для проведения сравнительного исследования [5; 6]. Под достоверными понимаются материалы, изъятые и направленные на экспертизу с соблюдением всех процессуальных норм и правил, исключающих их подмену, фальсификацию, путаницу в наименовании. С этой целью фотоснимки помещаются на оптический диск типа CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW, который упаковывается, упаковка на оборотной стороне подписывается, надпись заверяется подписью следователя и печатью.

При получении сравнительного материала в виде фотоизображений лица, предъявившего документ в пункте пропуска через государственную границу, необходимо составление таких процессуальных документов, как постановление о получении образцов для сравнительного исследования, а также протокол получения образцов для сравнительного исследования. В постановлении о получении образцов для сравнительного исследования необходимо учинять запись о том, где будет производиться получение данных образцов, с участием или без участия специалиста. При этом в протоколе получения образцов для сравнительного исследования обязательно указывается, каким образом будут получены образцы (например, путем фотографирования на камеру мобильного телефона «Vivo V11»), а также время получения образцов и поступившие замечания от участников следственного действия.

Применительно к той ситуации, которая может складываться в пункте пропуска через государственную границу, когда физическое лицо пытается незаконно пересечь границу по не принадлежащему ему документу, данное лицо надо сфотографировать в том же ракурсе и при таких же условиях освещения, что и на фотографии в документе. При фотографировании наиболее полно следует запечатлеть одноименные признаки внешности, видимые на фотоизображении лица в документе, приняв меры к устранению экранирующих их объектов. Например, надо сфотографировать лицо в том же ракурсе,

без головного убора, очков, с незакрытыми волосами ушными раковинами. Наиболее эффективно проведение для дальнейшего исследования фотографирования лица без усов, бакенбард или бороды, если таковые отсутствуют на фотоизображении в сравниваемом документе. Иными словами, исследуемый фотоснимок изготавливается с учетом сопоставимости с имеющимися образцами для сравнения (это характерно исключительно при установлении личности тех, кто выдает себя за другое лицо).

Нередки случаи, когда на экспертизу направляется одно, по их мнению, лучшее изображение. В то же время практика показывает, что наличие в распоряжении эксперта нескольких фотопортретов, даже не равноценных по качеству, помогает ему полнее проанализировать признаки внешности, поскольку разные фотоснимки могут дать дополнительную информацию об отображении внешнего облика человека.

Таким образом, получение образцов фотоизображений лиц для проведения сравнительного портретного исследования находится в тесной связи с методикой проведения судебной портретной экспертизы и необходимо для получения ее однозначных категорических выводов.

Список основных источников

1. Криминалистика : учеб. / отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001. 718 с. Вернуться к статье

2. Криминалистика : учеб. / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 928 с. Вернуться к статье

3. Криминалистическая тактика : учеб. пособие / Г. Б. Дергай [и др.] ; под общ. ред. В. М. Логвина ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск : Акад. МВД, 2021. 324 с. Вернуться к статье

4. Криминалистика : учеб. / под ред. И. Ф. Крылова, А. И. Бастрыкина. М. : Дело, 2001. 800 с. Вернуться к статье

5. Чванкин В. А., Елётнов В. И., Лужинская Е. Л. Габитоскопия и судебная портретная экспертиза : учеб. пособие / под общ. ред. В. А. Чванкина ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск : Акад. МВД, 2022. 268 с. Вернуться к статье

6. Зинин А. М. Руководство по портретной экспертизе : учеб. пособие. М. : Эксмо, 2006. 208 с. Вернуться к статье

УДК 343.98

Е. Л. Лужинская
заместитель начальника кафедры криминалистических экспертиз
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ МОДИФИКАЦИИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА КАК ОТДЕЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ГАБИТОСКОПИИ

Идентификация человека по признакам внешности осуществляется на основе положений теории криминалистической идентификации и формирует отдельную отрасль криминалистической техники — габитоскопию, базирующуюся на принципах индивидуальности, отображаемости внешнего облика человека и его устойчивости. Проблемным полем в теории идентификации внешнего облика человека на современном этапе видится появление множества факторов, влияющих на относительную устойчивость как непосредственно внешнего облика человека — распространение пластической хирургии и косметологических процедур (контурная пластика и пр.), так и на достоверность изображений человека — массовое использование цифровых фильтров, создание реалистичных дипфейков, генерация внешнего облика человека искусственным интеллектом и пр.

В условиях стремительного развития программных технологий, эстетической медицины и цифровых средств обработки изображений проблема изменения (модификации) внешности приобретает особую актуальность как при проведении портретных исследований, так и в целом, в процессе раскрытия преступлений и расследования уголовных дел. Данный факт, по нашему мнению, обуславливает необходимость выделения отдельного направления в рамках криминалистического учения о внешнем облике человека — криминалистического исследования модификаций внешнего облика. Развитие данного направления видится в изучении закономерностей изменения внешнего облика человека, способах искусственного и естественного преобразования, а также влияния этих процессов на возможность последующей идентификации.

Для изучения основных аспектов данного направления необходимо уяснить понятие модификации внешнего облика человека, под которым следует понимать процесс целенаправленного или естественного изменения элементов и признаков внешности, влияющих на их идентификационную значимость.

Исходя из природы возникновения предлагается выделить следующие группы модификаций:

− естественные (объективные), к которым относят возрастные изменения; посмертные изменения; последствия заболеваний; травм; изменения массы тела; гормональные изменения. Данные модификации происходят закономерно и отличаются детерминированностью;

− искусственные (умышленные): смена прически, цвета волос; косметическое оформление внешнего облика (в том числе татуаж); пластические операции; косметологические процедуры без оперативного вмешательства (контурная пластика и пр.); бодимодификации.

Видится целесообразным уделить внимание такому популярному направлению трансформации внешности, как бодимодификация. Само понятие «бодимодификация», по мнению С. Блэк и Т. Томпсона, охватывает различные изменения тела человека по немедицинским причинам. Основным критерием бодимодификации они считают ее сознательный, эстетический, ритуальный характер. А. В. Воронова полагает, что бодимодификация — изменение, преобразование тела с целью его украшения либо улучшения его возможностей. Таким образом, под бодимодификацией следует понимать сознательное устойчивое (относительно устойчивое) изменение тела человека (его частей) по немедицинским причинам [1].

Ряд ученых занимаются исследованием данной проблемной области. Так, Н. Н. Телепова и М. Н. Телепов отмечают, что современные виды искусственного изменения тела в большинстве своем носят экстремальный, калечащий характер (тоннели в мочках ушей, щеках, носу, губе и прочих частях тела, микродермалы, сплит языка, скарификация (шрамирование), удаление частей тела или, наоборот, имплантация) [2].

Рассмотрим наиболее встречающиеся в современной молодежной культуре модификации, такие как микродермал — разновидность плоскостного пирсинга, отличающегося большим диаметром, при котором прокол любой части тела, кроме ушной раковины, совершается точечно, а не насквозь [3].

Шрамирование (скарификация) — создание повреждений на коже, влекущее за собой образование келоидных рубцов. В зависимости от способа выполнения выделяют: брендинг — нанесение на кожу горячего или холодного металла; надрез — создание следов на коже путем ее разрезания; плетение — удаление участков кожи (включает нарезку трех полосок кожи с последующим их плетением через открытую рану).

Вставление имплантатов в тело человека может быть выражено в формах субдермальной и трансдермальной модификации. При субдермальной

модификации силиконовые имплантаты вживляются под кожу, при трансдермальной модификации внедрение инородного объекта в часть тела человека происходит таким образом, чтобы одна из его поверхностей находилась снаружи [1].

Тоннели — это разновидность украшений для пирсинга, вставляющихся в мочку уха, реже в губу, нос, щеки, язык. Ношение тоннелей провоцирует появление дополнительных негативных изменений внешнего облика, таких как наросты на коже вокруг бортов тоннеля, келоидные рубцы, разрывы мягких тканей, атрофия тканей вокруг прокола и пр.

Сплит языка — центральное рассечение языка на две части. Данное изменение внешности не оказывает сильного влияния на процесс идентификации, т. к. визуально определяется только при открытой ротовой полости человека.

Моделирование «эльфийских ушей» — хирургическая операция, в ходе которой рассекается ушной хрящ, затем сворачивается, моделируется в соответствии с желаемой формой и фиксируется швами.

Таким образом, в контексте исследования модифицированного внешнего облика человека, запечатленного на объективных носителях информации, эксперту важно владеть терминологией современных трансформаций внешности, ориентироваться в способах их выполнения, а также оценивать как непосредственно признаки самой модификации, так и сопутствующие изменения во внешнем облике человека, вызванные в большинстве своем травмированием тела, для определения возможности идентификационных исследований с учетом внесенных во внешний облик изменений.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что анализ модификаций внешнего облика человека является важным структурным элементом как в целом в габитоскопии, так и в частности в судебной портретной экспертизе. Данное аналитическое составляющее подчеркивает тот факт, что внешний облик человека не статичный набор элементов и признаков внешности, а «динамичная система», видоизменяющаяся по определенным закономерностям. Но несмотря на множественные варианты трансформации внешнего облика, его индивидуальность не утрачивает своей значимости, а лишь требует глубокой оценки измененных элементов внешности для объективности формулирования выводов и недопущения экспертных ошибок.

Список основных источников

1. Елетнов В. И. Бодимодификация: понятие, виды, криминалистическое значение // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв. 2018 г. /

Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А. В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2018. С. 228–229. Вернуться к статье

2. Телепова Н. Н., Телепов М. Н. Особенности проявления субъективного благополучия у молодых людей, склонных к необратимой бодимодификации как виду самоповреждающего поведения // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сб. материалов III Всерос. симпозиума психологов с междунар. участием, посвящ. 30-летию со дня образования психол. фак. Акад. ФСИН России, Рязань, 8–9 апр. 2021 г. / Акад. права и упр. Федер. службы исполнения наказаний. Рязань, 2022. С. 181–186. Вернуться к статье

3. Дорожкин А. С. Телесные модификации: к вопросу терминологии // Искусство и культура. 2018. № 2 (30). С. 77–80. Вернуться к статье

УДК 343.985

Н. А. Марцынкевич
доцент кафедры криминалистики
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ

Планирование является одним из условий высокого качества производства по уголовным делам, способствует определению направлений уголовно-процессуальной деятельности, соблюдению сроков расследования, оптимальному распределению сил и средств. Упущения же в организации планирования влекут серьезные недостатки, к числу которых относятся волокита, необоснованное принятие процессуальных решений, неполнота расследования. Традиционно одним из обязательных элементов содержания (структуры) планирования выступает определение задач расследования, характер которых вытекает из обстоятельств уголовного дела и обусловливается видом преступления. Как отмечается в научной литературе, задачи планирования определяются следователем в момент, когда они приступают к проверке версий, при этом эти задачи могут быть направлены на разрешение одной или нескольких версий, получение информации по отдельным элементам состава преступления [1, с. 31]. Однако более глубокое понимание содержания многоэтапного процесса планирования позволяет говорить о том, что определение задач расследования конкретного уголовного дела предшествует выдвижению частных версий и осуществляется неразрывно с установлением предмета доказывания по нему, а следовательно, должно находить свое отражение в основном документе планирования — плане расследования по уголовному делу.

В настоящее время в следственной практике используются различные формы плана, в структуре которых в зависимости от способа планирования отражаются различные сведения. Однако проведенный анализ встречающихся форм планов расследования показал, что ни одна из них не отражает предмет доказывания по уголовному делу. В отдельных формах планов встречается такой реквизит, как «обстоятельства, подлежащие выяснению» [2, с. 218–219], но его этимология не в полной мере отражает суть предмета доказывания, вследствие чего не всегда выясняются обстоятельства, подлежащие доказыванию, что препятствует реализации такого принципа уголовного процесса, как все-

стороннее, полное, объективное исследование обстоятельств уголовного дела, и, следовательно, принятию законного решения по уголовному делу.

В этой связи для обеспечения полноты доказывания в ходе расследования конкретного уголовного дела обязательным элементом плана расследования должен выступать такой реквизит, как «обстоятельства, подлежащие доказыванию», перечень которых необходимо определять путем установления взаимосвязи между обстоятельствами, предусмотренными ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК), и признаками, закрепленными соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК).

Реализация данного подхода на примере планирования расследования уголовного дела об убийстве можно представить следующим образом:

Обстоятельства, подлежащие доказыванию		**Перечень следственных и иных процессуальных действий**
Обстоятельства, относящиеся к общественно опасному деянию (п. 1 ч. 1 ст. 89 УПК)	Был ли факт противоправного причинения смерти живому человеку?	Назначение судебно-медицинской экспертизы (далее — СМЭ) трупа; допросы свидетелей, подозреваемого; изъятие и осмотр видеозаписи с камер видеонаблюдения на месте происшествия; проверка показаний на месте
	Место и время убийства	Осмотр места происшествия (далее — ОМП); истребование карты вызова бригады скорой медицинской помощи; изъятие аудиозаписи звонка, поступившего на станцию скорой медицинской помощи, в оперативно-дежурную службу ОВД и ее осмотр; допросы свидетелей (очевидцев, фельдшера, лиц, обнаруживших труп, родственников убитого, соседей и т. д.), подозреваемого; СМЭ трупа; изъятие (в рамках ОМП / обыска / выемки) и осмотр одежды трупа / подозреваемого; проверка показаний на месте
	Способ убийства и наличие причинной связи между действиями виновного и наступлением смерти	ОМП; СМЭ трупа; изъятие и осмотр орудий преступления (в рамках ОМП / обыска / личного обыска / выемки / проверки показаний на месте); назначение медико-криминалистической экспертизы; допросы свидетелей, подозреваемого; проверка показаний на месте; следственный эксперимент; изъятие и осмотр одежды трупа; изъятие и осмотр видеозаписи с камер видеонаблюдения на месте происшествия; дополнительная СМЭ

Обстоятельства, определяющие характер и размер вреда (п. 4 ч. 1 ст. 89 УПК)	Физический вред	СМЭ трупа
	Имущественный вред (в рамках п. 12 ч. 2 ст. 139 УК)	ОМП; допрос потерпевшего (члена семьи убитого / близкого родственника / законного представителя); изъятие похищенных предметов, документов на них (в рамках ОМП / обыска / личного обыска / выемки) и их осмотр; истребовать сведения о стоимости похищенного имущества; назначение судебной товароведческой экспертизы
	Моральный вред	Предъявление искового заявления потерпевшим
Обстоятельства, определяющие виновность обвиняемого в совершении преступления (п. 2 ч. 1 ст. 89 УПК)	Наличие субъекта преступления (физическое вменяемое лицо 14 лет)	Получить документы, удостоверяющие личность, и о состоянии здоровья (в рамках обыска / выемки / направления запросов / получения информации из баз и банков данных); назначение судебно-психиатрический экспертизы
	Установление умысла, мотива и цели	ОМП; СМЭ; допросы свидетелей, подозреваемого; изъятие и осмотр компьютерной информации; изъятие и осмотр одежды подозреваемого; изъятие и осмотр орудий преступления; назначение судебной генетической и криминалистических экспертиз
Обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности (п. 3 ч. 1 ст. 89 УПК)	Характеристика личности обвиняемого	Истребование характеристик по месту учебы, работы, службы, жительства, сведений о наградах, дипломах, грамотах, трудовом стаже, образовании, состоянии здоровья
	Наличие обстоятельств смягчающих / отягчающих ответственность	Истребование справки о составе семьи, свидетельства о рождении, сведений из медицинских учреждений; получение информации из баз и банков данных; допросы свидетелей, подозреваемого, потерпевшего

Предложенный подход позволит обеспечить процесс собирания доказательств в канве всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств уголовного дела, имеющих значение для правильного разрешения дела. В этой связи обстоятельства, подлежащие доказыванию, выступают своего рода маяком уголовно-процессуальной деятельности, в направлении которого должна двигаться и версионная деятельность следователя.

Список основных источников

1. Криминалистическая тактика : учеб. пособие / Г. Б. Дергай [и др.] ; под общ. ред. В. М. Логвина. Минск : Акад. МВД, 2021. 323 с. Вернуться к статье

2. Организация расследования отдельных видов преступлений : учеб. пособие : в 2 т. / П. В. Гридюшко [и др.] ; под ред. Ю. М. Юбко. Минск : Акад. МВД, 2018. Т. 1 : Общая часть. 2018. 239 с. Вернуться к статье

УДК 343.983.22

А. Н. Матлак
начальник кафедры криминалистических экспертиз
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь

ПРЕДПОСЫЛКИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ И ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СУДЕБНОЙ БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Оценивая различные взгляды ученых по вопросу разделения судебных экспертиз в зависимости от решаемых ею задач, следует констатировать, что он продолжает оставаться дискуссионным. На наш взгляд, такая дифференциация необходима по нескольким причинам.

Во-первых, различия идентификационного и диагностического процессов проявляются прежде всего в их предмете и содержании: предметом идентификации является установление наличия или отсутствия тождества, предметом диагностики — установление природы, состояния, свойств и отношений объекта; содержание идентификации и диагностирования — специфические отличные друг от друга процессы, хотя и с некоторыми общими составляющими их элементами (например, наличием сравнительного исследования).

Во-вторых, сущность диагностики заключается в исследовании свойств диагностируемого объекта (природа или состояние которого неизвестны). На основании изучения выявленных свойств объект может быть отнесен к определенному виду, роду, классу и другой группе уже изученных объектов либо (например, в случае ситуационного исследования) может быть дана характеристика механизму определенного события и его элементам. При отнесении диагностируемого объекта к определенному виду, роду, классу и другой группе уже изученных объектов он, как правило, связан с событием преступления или другого события, а диагностирующий (образец из натурной коллекции, информация из картотеки, альбома, справочника и т. п.) является элементом существующей классификации, не связанным с данным событием. При идентификации чаще всего именно установление наличия взаимосвязи между идентифицируемым, идентифицирующим (например, автомат и пуля со следами полей нарезов) объектами и исследуемым событием составляет суть задачи по отождествлению.

Например, пистолет, изъятый в ходе задержания и личного обыска подозреваемого, в рамках диагностической экспертизы, задачами которой являются

установление способа изготовления объекта и его последующее отнесение к категории ручного стрелкового огнестрельного оружия (далее — РСОО), исследуется судебным экспертом путем проведения измерений, изучения конструкции, принципа действия, особенностей функционирования деталей и механизмов, установления наличия или отсутствия маркировочных обозначений, вида использованных при изготовлении материалов, характера и качества обработки поверхностей деталей. С учетом установленного способа изготовления различается дальнейший алгоритм действий по отнесению к категории РСОО: для объекта, изготовленного заводским способом, это будет сравнение вышеуказанных свойств с характеристиками пистолетов соответствующей конструкции и принципа действия, приведенными в специальной справочной литературе (либо с образцами из натурной коллекции), а для самодельно изготовленного объекта — установление соответствия отдельных критериев требованиям, предъявляемым к изделиям для их отнесения к категории оружия (надежность, огнестрельность, предназначенность для поражения цели и т. д.). При этом связь объекта, посредством которого устанавливаются искомые данные о представленном пистолете (каталоги, альбомы, натурная коллекция), с событием преступления отсутствует.

И другой пример: на экспертизу представлены пуля, извлеченная из туши животного, по делу о незаконной охоте, а также два охотничьих карабина, изъятые у лиц, задержанных неподалеку от места происшествия. При решении идентификационной задачи по установлению наличия или отсутствия тождества судебным экспертом будут выявлены индивидуальные особенности в следах на представленной пуле, а также получены экспериментальные образцы пуль, выстрелянных из карабинов. Далее следы на полученных в ходе экспериментальной стрельбы образцах пуль будут сравниваться со следами на представленной пуле. По результатам сравнительного исследования формулируется вывод о наличии тождества, что указывает на взаимосвязь с событием преступления как пули, извлеченной из туши добытого животного, так и карабина, из которого пуля была выстреляна.

В-третьих, предполагаемый результат проведения экспертизы — установленный факт наличия или отсутствия тождества объекта по совокупности признаков или определение природы, состояния или свойств объекта — обусловливает определенные требования к процессу экспертного исследования и используемым технико-криминалистическим средствам. Например, во время проведения экспертного эксперимента при решении задачи по идентификации РСОО по следам на пуле ключевым моментом является получение экспериментальных образцов снарядов в состоянии, пригодном для сравнительного иссле-

дования, т. е. пули должны быть недеформированными, с сохранением площади отображения следов от полей нарезов канала ствола на всей пуле, что, в свою очередь, обусловливает соответствующие требования к используемым технико-криминалистическим средствам (в первую очередь к пулеулавливателю и его содержимому — вода, кевлар, арселоновая нить и т. д.) и количеству производимых выстрелов в зависимости от получаемого от выстрела к выстрелу результата — полного и четкого воспроизведения следовой картины на пулях (но не менее трех). При решении же диагностической задачи по определению пригодности ручного стрелкового огнестрельного оружия для стрельбы в рамках экспертного эксперимента также проводится отстрел оружия, но для ответа на вопрос достаточно осуществления хотя бы одного выстрела, при этом состояние выстрелянной пули не имеет значения для формирования вывода, что позволяет производить стрельбу в блок пулеулавливателя, содержащий материал более низкого качества (например, ранее неоднократно использовавшуюся арселоновую нить). Да и в целом перечень технико-криминалистических средств, используемых при решении идентификационных и диагностических задач существенно различается (сравнительный микроскоп при установлении тождества оружия по следам на гильзе, специфические измерительные приборы при установлении дистанции выстрела, динамометр при установлении возможности выстрела из оружия без нажатия на спусковой крючок и т. п.).

В-четвертых, идентификационное исследование во многих видах судебной экспертизы предполагает выявление совокупности определенного (достаточного для положительного или отрицательного вывода о наличии или отсутствии тождества) количества совпадающих или различающих признаков, основанное на использовании вероятностно-статистических методов, обосновывающих применительно к конкретному виду экспертизы данное количество (например, двенадцать совпадающих признаков в следе руки и отпечатке в дактилоскопической карте лица, достаточных для отождествления личности). В свою очередь, метод диагностического исследования не предполагает установления какой-либо строго определенной совокупности характеристик и свойств объекта исследования в количественном выражении, достаточной для отнесения его к соответствующей уже известной группе предметов, изделий или определения его состояния.

И, наконец, несмотря на отсутствие в теории судебной экспертизы единства мнений по вопросу классификации экспертных задач на идентификационные, диагностические и иные, содержание научных публикаций свидетельствует, что выделение идентификационных задач всегда используется

как при теоретической разработке проблем проведения различных видов судебных экспертиз, так и при описании практических результатов судебно-экспертной деятельности.

УДК 343.98.062

В. Ю. Мезяк
старший преподаватель кафедры информационного права
факультета криминальной милиции
Академии МВД Республики Беларусь

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Экономическая преступность в современных условиях характеризуется высоким уровнем латентности, интеллектуализации и маскировки противоправной деятельности под законные формы хозяйствования, что непосредственно влияет на выбор средств и методов ее выявления. Существенная часть экономических преступлений совершается в рамках формально правомерной хозяйственной деятельности и не сопровождается образованием традиционных материальных следов, что значительно затрудняет их выявление на первоначальных этапах оперативно-служебной и следственной деятельности. В этих условиях особое значение приобретают документы, фиксирующие управленческие решения, хозяйственные операции и деловые коммуникации, которые выступают одним из основных источников информации о механизме совершения экономических преступлений.

В криминалистической литературе обоснованно указывается, что документы, используемые в хозяйственной деятельности, обладают значимостью уже на стадии выявления преступлений, поскольку содержат ориентирующую информацию, позволяющую реконструировать механизм преступной деятельности и установить фактическое содержание управленческих воздействий [1, с. 94–95]. В этой связи документы целесообразно рассматривать не только как носители учетно-правовой информации и специфические материальные следы преступной деятельности, но и как источники криминалистически значимой лингвистической информации, отражающей содержание управленческих воздействий и коммуникативные намерения участников преступной деятельности.

П. П. Ищенко подчеркивает, что деятельность организованных преступных формирований, в том числе экономической направленности, носит преимущественно коммуникативный характер, поскольку управление и координация действий участников осуществляются посредством передачи информации, управленческих сигналов и принятия решений, зафиксированных в различных формах коммуникации, включая документированную [2, с. 41–42].

Поэтому исследование документов в целях выявления экономических преступлений не может ограничиваться формально-логическим анализом и должно быть ориентировано на установление их фактического смыслового содержания и коммуникативной функции в механизме преступной деятельности.

Традиционные методы исследования документов в практике выявления экономических преступлений, реализуемые в форме ревизий, инвентаризаций и формальной проверки документации, ориентированы преимущественно на проверку арифметической точности, соответствия нормативным требованиям и логической согласованности учетных данных. Однако, как справедливо отмечает Н. А. Бояркина, подобный подход, не затрагивающий лингвистическую составляющую содержания документов, не позволяет выявить интеллектуальные формы преступной деятельности, при которых противоправный замысел реализуется через внешне корректные по форме тексты [1, с. 92–93]. В результате значительный криминалистический потенциал документов, содержащих сведения о механизме экономического преступления, используется не в полной мере.

Указанные обстоятельства обусловливают необходимость расширения аналитического инструментария выявления экономических преступлений за счет целенаправленного исследования смыслового содержания текста и его коммуникативной функции с применением специальных методов анализа.

Теоретико-методологической основой такого исследования является положение о том, что текст представляет собой не только средство фиксации информации, но и форму социального действия, что имеет принципиальное значение для криминалистического анализа документов, используемых в механизме совершения и сокрытия экономических преступлений. В рамках теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля показано, что высказывания способны выполнять управленческие и волевые функции — предписывать, разрешать, запрещать, распределять обязанности и ответственность [3, с. 96–98; 4, с. 41–43]. Применительно к криминалистическому анализу это означает, что договоры, приказы, служебные записки и иные документы следует рассматривать как акты управления, посредством которых реализуется воля субъектов экономической деятельности и осуществляется воздействие на поведение других лиц.

Развитие дискурсивного подхода, представленного в работах Т. ван Дейка, позволило рассматривать тексты как элементы институционального дискурса, отражающие властные отношения, иерархию ролей и цели совместной деятельности [5, с. 27–29]. В криминалистическом аспекте документы хозяйственной деятельности выступают как средства формального закрепления и одновременной маскировки управленческих решений, направленных на реализацию преступного замысла. Дополняя указанные положения, Э. Гоффман по-

казал, что институциональные тексты нередко используют языковые механизмы, ориентированные на размывание ответственности и сокрытие субъекта действия [6, с. 34–36], что имеет существенное значение при анализе документов, используемых для прикрытия противоправной экономической деятельности.

На прикладном уровне данные теоретические положения находят развитие в исследованиях, посвященных судебной лингвистической экспертизе и криминалистическому анализу коммуникации. Н. С. Бельская обосновывает возможность выявления признаков организованной совместной деятельности и ключевых точек принятия решений посредством анализа дискурса коммуникации [7, с. 36–37]. Хотя указанные исследования ориентированы преимущественно на устную речь, данный подход применим и к письменным документам, фиксирующим управленческие решения и экономические операции.

Е. И. Галяшина отмечает, что стратегии руководства и управления находят отражение в речевых конструкциях, посредством которых выражаются волевые решения и побуждение других лиц к совершению определенных действий [8, с. 27–28]. В документах такие стратегии проявляются через императивные формулировки, распределение прав и обязанностей, а также указание на обязательность либо допустимость определенных действий, что позволяет использовать результаты лингвистического анализа для установления роли и функций участников преступной деятельности.

Особое значение лингвистический анализ документов приобретает при выявлении интеллектуального подлога, когда документ формально является подлинным, однако его смысловое содержание используется для сокрытия реального характера экономических операций. В подобных случаях искажение действительности достигается не путем подделки формы документа, а посредством специфической организации текста и целенаправленного выбора языковых средств.

Таким образом, лингвистическое исследование документов следует рассматривать как самостоятельный специальный криминалистический метод, обладающий прикладной значимостью для оперативно-служебной и следственной деятельности. Его применение дополняет традиционные приемы документального контроля, повышает эффективность выявления латентных экономических преступлений на ранних стадиях, способствует более точной реконструкции механизма преступной деятельности и формированию доказательственной базы для последующего правового анализа и доказывания.

Список основных источников

1. Бояркина Н. А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами в сфере экономики // Сибир. юрид. вестн. 2009. № 2 (45). С. 92–96. Вернуться к статье

2. Ищенко П. П. Актуальные проблемы судебно-экспертного обеспечения расследования организованной преступной деятельности // Пролог: журнал о праве. 2019. № 4 (24). С. 40–45. Вернуться к статье

3. Остин Д. Как производить действия при помощи слов. М. : Идея-Пресс, 1999. 329 с. Вернуться к статье

4. Серль Дж. Речевые акты. Очерк философии языка. М. : Прогресс, 1986. Вернуться к статье

5. Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с. Вернуться к статье

6. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. 304 с. Вернуться к статье

7. Бельская Н. С. Разработка методики судебной лингвистической экспертизы групповой коммуникации при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (54). С. 35–38. Вернуться к статье

8. Галяшина Е. И. Использование результатов судебной лингвистической экспертизы телефонных и иных переговоров в целях выявления организатора или руководителя организованного преступного сообщества // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2019. № 1. С. 25–31. Вернуться к статье

УДК 343.985.5

Г. С. Мишугис-Бекер
старший преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности ОВД
Дальневосточного юридического института МВД России
имени И. Ф. Шилова
М. Р. Городецкий
слушатель 4 курса факультета правоохранительной деятельности
Дальневосточного юридического института МВД России
имени И. Ф. Шилова

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТАКТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ IT-ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

По данным Министерства внутренних дел (далее — МВД) России, с 2017 по 2022 г. количество преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий возросло с 90,6 тыс. до 683,5 тыс., а доля в общей преступности увеличилась с 4,4 % до 25,8 % [1; 2]. В 2023 г. доля IT-преступлений составила 34,8 %. Это связано с массовым использованием цифровых технологий и интернет-сервисов злоумышленниками для скрытия личности и доступа к данным граждан. Цифровые преступления характеризуются высокой латентностью и новыми методами анонимизации, что затрудняет их расследование [3]. Для МВД важно повышение эффективности расследований и разработка нестандартных методов борьбы с киберпреступностью.

Далее важно отметить, что тактико-организационный подход МВД к борьбе с IT-преступлениями сочетает традиционные и новые методы оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Основным инструментом остаются оперативно-технические методы, включая прослушивание, съемку и мониторинг сетевого трафика, а также внедрение спецсредств. Современные аналитические технологии, такие как машинное обучение и искусственный интеллект, позволяют выявлять подозрительные паттерны поведения в Интернете. Агентурный метод продолжает играть ключевую роль, несмотря на высокую анонимность преступников в Сети, обеспечивая сбор информации, недоступной автоматизированным системам. Важным элементом является мониторинг сети Интернет, включая активность в социальных сетях и Darknet, что становится основой для оперативных мероприятий. Техническое оснащение ОРД включает

современные системы для анализа сетевого трафика, дешифровки данных и прогнозной аналитики преступлений. Важно, что использование IT-ресурсов при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) предусмотрено законодательством, однако правовое регулирование зачастую отстает, и оперативники действуют в рамках косвенных норм, таких как ст. 143 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК) [4].

Также техническая база ОРД постоянно модернизируется и МВД использует современные программно-аппаратные комплексы для цифровой криминалистики: специализированное программное обеспечение (далее — ПО) для анализа сетевого трафика, дешифровки контейнеров и извлечения данных из зашифрованных носителей, а также инструменты прогнозной аналитики преступлений. Особое место занимают сервисы выявления анонимности: например, посредством управления «согласными агентами» через вредоносное ПО (подобное правозащитному трояну) оперативники могут деанонимизировать преступников, выявлять реальный IP-адрес и геолокацию их устройств. Российские авторы предлагают узаконить и усиленно применять подобные средства: так, Хамидуллин и Лебедева приходят к выводу, что внедрение вредоносного ПО в рамках проведения оперативно-технических мероприятий (далее — ОТМ) позволяет своевременно «снять маскировку» и установить личность злоумышленника [5]. Практика подтверждает эффективность такого подхода — например, подразделения МВД отмечают случаи, когда заражение телефона жертвы специальной программой вывело на организаторов киберпреступной группы.

Кроме того, создаются и развиваются межведомственные информационные системы, объединяющие единую федеральную контрактную систему (ЕИС), ведомственные реестры, банковские базы данных, а также информационные ресурсы государственных органов и иных структур, которые позволяют без суда получать цифровые следы — выписки по счетам, регистрацию доменов, историю платежей. Развитие инфраструктуры «Интернет вещей» и облачных сервисов также расширяет возможности технического сбора: например, таргетированная слежка через IP-камеры и датчики в помещениях, доступ к сетевым журналам (логам) провайдеров, перехват сообщений Telegram/WhatsApp по решению суда [6].

В нормативном плане Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 6) прямо допускает использование IT-ресурсов при проведении ОРМ [7]. Федеральный закон «О полиции» (ст. 11) обязывает МВД обеспечивать полицию возможностями работы в сети Интернет и Автоматизированной информационной системе [8]. Тем не менее, правовое регулирование отстает, и

оперативники часто действуют в «серой зоне», используя косвенные нормы: так, сведения из открытых интернет-источников оформляются как сообщение о преступлении по ст. 143 УПК или как информационные письма прокуроров [9].

В практической деятельности МВД всего мира (в том числе России) широко используется концепция цифровой ОРД, где многочисленные аналитические отчеты Генпрокуратуры и МВД демонстрируют, как мониторинг социальных сетей и Darknet помогал выявлять каналы продажи наркотиков, оружия и персональных данных. Например, при одной операции удавалось за короткий срок выявить сеть телефонных скимминговв (считывающих устройств на банкоматах), используя слежку за поставщиками оборудования и анализ финансовых транзакций. Согласно официальному решению коллегии МВД (июнь 2024), за 2023 г. органами внутренних дел раскрыто более 149 тыс. IT-преступлений (рост — 20 %) [10]. Более 70 % из них — дистанционные мошенничества и кражи (ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК) [11]), где успешными оказались схемы с созданием фишинговых сайтов и завладением паролями жертв [12]. Следствием таких операций стало предъявление обвинений по «обычным» статьям УК (кража, присвоение) и специальной статье за вредоносное ПО (ст. 273 УК) [11].

Опыт зарубежных коллег в целом аналогичен: автоматизированный мониторинг, use Malware и криптовалютный анализ. Так, например, Центральное разведывательное управление США и Федеральное бюро расследований применяют метод honeypot и метод массовой аналитики на уровне провайдеров; в Европе существуют проекты по обмену интернет-данными между странами. Однако, как указывал И. Н. Железняк, законодателю трудно мгновенно отреагировать на новую угрозу — МВД вынуждено «догонять» преступников после инцидентов [13]. Поэтому практики МВД делают упор на проактивность: помимо расследований, внедряют превентивный мониторинг социальных сетей и публичных площадок, взаимодействуют с IT-компаниями для оперативного блокирования подозрительных ботов и сайтов.

Таким образом, на основе анализа опыта МВД и исследований в области киберпреступности можно рекомендовать следующие меры:

1. Развитие цифровых аналитических инструментов. Интеграция средств искусственного интеллекта и машинного обучения в ОРД позволит раньше распознавать схемы кибератак и аномалии трафика. Как отмечают отечественные эксперты, «перенос борьбы с преступностью в информационную сферу» и освоение «информационного оружия» открывает новые возможности, которые не решаются традиционными методами [14]. Например, автоматизированный

анализ больших данных в системе «Цифровой дозор» МВД поможет выявлять подозрительные массивы транзакций или шаблонные сообщения одновременно по всему массиву клиентов банков.

2. Законодательное совершенствование. Несмотря на принятые в 2023–2024 гг. поправки (право заморозки счетов, конфискация имущества, ужесточение ответственности), оперативникам требуется четкая нормативная база для цифровых ОРМ. В частности, стоит расширить законодательные основания для применения «средств ОТМ», например, официально разрешив внедрение контролируемого вредоносного ПО (по аналогии со схемами Федеральной службы безопасности в рамках антитеррора) при строгом контроле. Сторонники такого подхода считают, что применение специализированного ПО в расследовании IT-преступлений должно стать частью арсенала правоохранителей [5].

3. Усиление подготовки кадров. Практики подчеркивают, что успех борьбы с IT-преступлениями зависит от специалистов, совмещающих юриспруденцию и техническую экспертизу. В связи с этим следует расширить курсы по кибербезопасности в Академии МВД и на факультетах специальных программ МВД (как указывали Архипцев и Сарычев) [6]. Молодые оперативники должны уметь пользоваться цифровыми инструментами: от настройки сетевых мониторов и СОРМ до работы с блокчейн-аналитикой.

4. Межведомственное и международное сотрудничество. Практика показывает, что эффективное противодействие требует слаженных действий полиции, ФСБ, ФНС и спецслужб, а также IT-компаний. Например, рекомендации коллегии МВД отмечают необходимость обмена информацией с банками и операторами связи (пилотный проект с 2025 г.) [10]. Следует развивать единую платформу обмена «красными сообщениями» о признаках преступлений в сети, упрощая совместное расследование. Международный обмен опытом (через Интерпол, ООН) и обучение оперативников зарубежным методам мониторинга (кража персональных данных, DDoS-защита) также усиливают тактическую готовность полиции.

В заключение можно сказать, что совершенствование тактики и технического обеспечения ОРД при противодействии IT-преступлениям требует комплексного подхода: сочетания новейших информационных технологий с традиционными методами работы подразделений МВД [9; 14]. Основные тенденции — активное использование мониторинга Интернета и аналитики «больших данных», внедрение специализированного ПО для выявления и деанонимизации киберпреступников, а также упор на профессиональную подготовку кадров. Практические рекомендации, сформулированные в данной

работе, направлены на повышение уровня раскрываемости IT-преступлений и минимизацию ущерба от них. Их реализация потребует совместных усилий правоохранительных органов, научного сообщества и законодателей.

Список основных источников

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года : стат. сб. М. : ФКУ «ГИАЦ» МВД России, 2022. 66 с. Вернуться к статье
2. Ховавко С. М. Влияние фактора цифровизации на оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел // Ученые зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 283–286. Вернуться к статье
3. Картавенко П. С., Чикулина А. Р. Особенности оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений, совершенных с использованием сети «Интернет» // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы : материалы VII межвуз. студенч. науч. конф., г. Москва, МПГУ, 3 дек. 2022 г. / под общ. ред. С. В. Ширяевой. М. : МПГУ, 2023. С. 104–108. Вернуться к статье
4. Виноградов Е. А. Проведение оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники // Advances in Law Studies. 2023. Т. 11, № 2. С. 61–65. Вернуться к статье
5. Хамидуллин С. А., Лебедева А. В. К вопросу о применении вредоносного программного обеспечения в деятельности оперативных подразделений по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, в сфере компьютерной информации // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2022. Т. 13, № 3. С. 139–146. Вернуться к статье
6. Результаты опроса оперативных сотрудников МВД по вопросам противодействия киберпреступности // Вестн. МВД России. 2023. № 8. С. 50–57. Вернуться к статье
7. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ : в ред. от 1 апр. 2025 г. № 41-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье
8. О полиции [Электронный ресурс] : Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ : в ред. от 8 марта 2026 г. № 52-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье
9. Стрельченко В. В. Правовые и тактические особенности использования интернет-источников информации в оперативно-розыскной деятельности и документировании преступлений экономической и коррупционной направленности // Закон и право. 2021. № 9. С. 183–188. Вернуться к статье
10. Решение коллегии МВД России от 4 июня 2024 г. № 2км «О мерах, принимаемых органами внутренних дел Российской Федерации по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационно-коммуникационных технологий» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/409559293/ (дата обращения: 12.12.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

11. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

12. Озеров К. И. Раскрытие мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2021. № 1 (89). С. 167–171. Вернуться к статье

13. Железняк И. Н. Трудности законодательного реагирования на новые формы преступности // Право и государство. 2023. № 2. Вернуться к статье

14. Овчинский А. С., Борзунов К. К. Информационные взаимодействия и противоборство в политической деятельности // Информация и безопасность. 2024. Т. 27. Вып. 4. С. 509–520.Вернуться к статье

УДК 336.14

М. В. Мыглан
адъюнкт адъюнктуры
Сибирского юридического института МВД России

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ: ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Современная доктрина уголовно-процессуального права и криминалистики все настоятельнее акцентирует внимание на том, что деятельность следователя не сводится исключительно к установлению факта преступления, сбору доказательств и привлечению виновного к уголовной ответственности, а предполагает уделяет больше внимания профилактической деятельности. Р. С. Белкин подчеркивал, что правовое предназначение следователя выходит за рамки традиционных задач — установления факта преступления, собирания доказательств и привлечения виновного к ответственности, — включая в себя также профилактику преступлений [1, с. 312]. Кроме того, законодательство Российской Федерации, а также сложившаяся правоприменительная практика признают за следователем специальные профилактические полномочия, направленные на выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Профилактическая деятельность следователя — это не внешнее дополнение к его работе, а ее необходимый внутренний компонент. Этот подход находит свое теоретическое обоснование в трудах М. Е. Игнатьева, который справедливо утверждает: «Деятельность по расследованию преступлений и деятельность по установлению их причин — едины и неделимы» [2, с. 182]. Причины и условия, способствующие совершению преступления, рассматриваются в криминалистике не как пассивный объект анализа, а как непосредственный объект профилактического воздействия, требующий целенаправленных процессуальных и организационных мер со стороны следователя.

Однако на практике реализация профилактической функции в рамках расследования дел о хищении бюджетных средств сталкивается с множеством взаимосвязанных трудностей, которые целесообразно делить на объективные (организационные, нормативные) и субъективные (профессионально-личностные, мотивационные). Эти категории не существуют изолированно: объективные трудности формируют и усиливают субъективные, вследствие

чего профилактическая деятельность следователя утрачивает содержательную основу и сводится к формальному исполнению обязанностей.

К числу ключевых объективных и субъективных трудностей относятся:

Недостаток научно-методической базы (объективные трудности) затрудняет формирование у следователей убеждения в значимости профилактической деятельности (субъективные трудности). Как верно подчеркивает М. Ш. Махтаев, эффективная борьба с преступностью и защита общественных интересов возможны только при постоянном развитии специализированных научных, тактических и методических подходов, повышающих профессионализм следователей и эффективность расследования, что особенно актуально для сложных и социально значимых преступлений в бюджетной сфере [3, с. 57]. Без систематизированной методической поддержки, в виде аналитических обзоров, актуальных рекомендаций, обучающих кейсов и т. д. по вопросу установления и устранения причин и условий хищения бюджетных средств, следователи в полной мере не осознают, что профилактика является неотъемлемой частью их профессиональной деятельности, а не второстепенной или формальной обязанностью.

Аналогичным образом нехватка квалифицированных экспертов, специалистов в области аудита, бюджетного учета, антикоррупционного контроля, финансово-экономической деятельности и других областей и бюрократические барьеры при их привлечении (объективные трудности) напрямую ведут к снижению мотивации и профессиональной уверенности следователя, провоцируя формальный подход к анализу причин и условий, способствующих совершению хищений бюджетных средств (субъективные трудности). Как показало анкетирование следователей и оперативных сотрудников[1], даже при наличии потенциальных специалистов их привлечение к участию в уголовном деле сопряжено со значительными организационными сложностями: процедура оформления требует подготовки и согласования большого количества процессуальных и административных документов, прохождения многоуровневых согласований, что нередко замедляет ход расследования. Кроме того, не всегда обеспечивается необходимое финансирование для оплаты услуг специалистов, что дополнительно ограничивает возможности следователей по привлечению внешней экспертной помощи. В совокупности эти факторы снижают оперативность и глубину анализа, затрудняя выявление причин и условий

[1] В процессе исследования было осуществлено анкетирование 197 следователей следственных подразделений территориальных органов МВД России, расследующих уголовные дела о хищении бюджетных средств, 48 оперативных сотрудников подразделений ЭБиПК. Некоторые респонденты отметили наличие организационных сложностей в ходе привлечения специалистов и экспертов.

совершения преступлений, а также формирование эффективных профилактических мер. В результате следователь, сталкиваясь с системными препятствиями, постепенно утрачивает уверенность в возможности качественного профилактического анализа, что, в свою очередь, закрепляет формальное отношение к выполнению этой функции.

Ситуация усугубляется недостаточной осведомленностью следователей о специфике финансовых операций, бюджетном учете и механизмах госзакупок. Как справедливо отмечает Е. В. Шишкина, действуя строго в рамках уголовно-процессуальных требований, следователь обладает достаточной свободой в определении содержания и границ своей деятельности в сфере профилактической работы по уголовному делу. В конечном счете эффективность этой работы определяется степенью личной ответственности следователя и уровнем его профессиональной подготовки в данной области [4, с. 109]. Так, без понимания экономической сути преступления сложно выявить его истинные причины и условия, без чего невозможно предложить содержательные, а не шаблонные меры по их устранению. Таким образом, недостаток знаний (субъективный фактор) усугубляется отсутствием обучающих программ и методической поддержки (объективный фактор), негативно сказываясь на результатах профилактической деятельности.

Одной из наиболее острых субъективных проблем, напрямую обусловленных объективными факторами, является хроническая нехватка времени и ресурсов у следователей. Эта проблема в значительной степени вызвана системным некомплектом кадров в органах МВД. Некомплект сотрудников полиции, в том числе в подразделениях ЭБиПК, в следственных подразделениях, по мнению В. А. Колокольцева, достиг предельно критического значения [5]. При этом наблюдается тенденция к увеличению как числа, так и уровня сложности уголовных дел, в том числе в сфере преступлений, связанных с хищением бюджетных средств. В результате на одного следователя ложится объем работы, несоразмерный имеющимся ресурсам, что вынуждает его концентрироваться исключительно на оперативном раскрытии дел, отодвигая профилактические функции на второй план.

Кроме того, объективной проблемой устранения причин и условий, способствующих хищению бюджетных средств, является пассивность гражданских, должностных и юридических лиц, в отношении которых следователем вынесено представление об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления. Пассивность указанных лиц выражается в формальном исполнении следственных представлений или вовсе в их игнорировании.

Проблема усиливается неэффективностью применения санкций в отношении лиц, невыполнивших требования следователя, дознавателя о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, предусмотренных ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении» [6]. Так, меры в виде дисквалификации должностных лиц на срок от шести месяцев до одного года, юридических лиц — в виде административного приостановления деятельности на срок до девяноста суток, несмотря на их потенциальную силу воздействия, на практике судами почти не применяются, что негативно отражается на профилактической деятельности следователя.

На сегодняшний день в системе Министерства внутренних дел отсутствует устойчивый механизм контроля исполнения представлений как на уровне руководства, так и на уровне самих следователей: нет реестров, не назначены ответственные лица и т. д. В результате даже ценные предложения по устранению обстоятельств, способствующих совершению хищений бюджетных средств, не получают должного внимания, а их профилактический потенциал теряется. Внедрение простых процедур контроля исполнения представлений могло бы повысить ответственность всех участников уголовного процесса и превратить профилактику в действенный инструмент предотвращения повторных преступлений. В данном случае представляет интерес подход к организации контроля за получением ответов в УМВД России по Оренбургской области, где в качестве эксперимента введен в эксплуатацию информационный ресурс «Запросы ИТТ»[1], которым предусмотрено информирование сотрудников о неполучении ответа в установленный срок (аналогичные комплексы функционируют и в иных следственных подразделениях) [7].

Сопротивление должностных лиц предоставлению запрашиваемой информации и ограниченный доступ к бухгалтерской, финансовой и иной документации представляют собой устойчивые объективные трудности, характерные как для расследования, так и для профилактики хищений бюджетных средств. Такие действия, проявляющиеся в уклонении от дачи пояснений, предоставлении выписок по бюджетным счетам или затягивании сроков выдачи первичных бухгалтерских документов (например, актов сверки, счетов-фактур и др.), создают искусственные барьеры для установления полной картины совершения преступления. В условиях, когда следователь не обладает достаточными компетенциями в сфере бюджетного учета или госзакупок,

[1]ИТТ — информационно-телекоммуникационные технологии.

а также испытывает нехватку времени и экспертной поддержки, эти препятствия становятся практически непреодолимыми. В результате выводы о причинах и условиях совершения преступления делаются на основе неполных данных (например, без анализа цепочки согласований или внутренних регламентов), что снижает обоснованность и эффективность профилактических рекомендаций.

Преодоление обозначенных негативных факторов требует комплексного подхода, а именно:

− разработки и внедрения специализированных методических пособий и обучающих программ по профилактике преступлений, связанных с хищением бюджетных средств;

− упрощения процедур привлечения квалифицированных экспертов, специалистов в области аудита, бюджетного учета, антикоррупционного контроля, финансово-экономической деятельности и других сфер и гарантированного финансирования их участия;

− создания устойчивого механизма внутриведомственного контроля исполнения представлений по делам о хищении бюджетных средств.

Список основных источников

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Юристъ, 1997. Т. 3. 478 с. Вернуться к статье

2. Игнатьев М. Е. Установление причин и условий, способствовавших совершению преступлений, как одна из криминалистических задач расследования [Электронный ресурс] // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2 (89). С. 182–186. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-prichin-i-usloviy-sposobstvovavshih-sovershheniyu-prestupleniy-kak-odna-iz-kriminalisticheskih-zadach-rassledovaniya (дата обращения: 11.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Махтаев М. Ш. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений (правонарушений) : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2025. 229 с. Вернуться к статье

4. Шишкина Е. В. Криминалистические средства профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними [Электронный ресурс] // Электрон. прил. к Рос. юрид. журн. 2017. № 3. С. 109–118. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-sredstva-profilaktiki-prestupleniy-sovershaemyh-nesovershennoletnimi (дата обращения: 11.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Петров И. Колокольцев заявил о критической нехватке личного состава в МВД [Электронный ресурс] // Рос. газета. URL: https://rg.ru/2023/08/10/reg-dfo/kolokolcev-zaiavil-o-kriticheskom-nekomplekte-lichnogo-sostava-v-mvd.html. Дата публ.: 10.08.2023. Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 562-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

7. Мельникова О. А. Внесение представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, как вид профилактической деятельности следователя на стадии предварительного расследования (постановка проблем) // Юрид. наука и правоохран. практика. 2022. № 1 (59). С. 78–84. Вернуться к статье

УДК 343.983

Д. Н. Панченя
начальник отдела исследования и учетов объектов
животного происхождения и волокнистой природы
центрального аппарата
Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В прошлом году в центральном аппарате Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь завершены мероприятия по внедрению в судебно-экспертную деятельность нового вида (подвида) экспертиз «Судебная ботаническая (дендрохронологическая)». Данная работа будет продолжена в дальнейшем — в 2026–2028 гг. планируется существенно расширить перечень проводимых ботанических экспертиз (палинологическая, анатомо-морфологическая, дендрологическая).

Дендрохронология как наука занимается датировкой годичных слоев прироста древесины и связанных с ними событий, изучением влияния экологических факторов на величину прироста древесины, анатомическую структуру годичных слоев и их химический состав, а также анализом содержащейся в годичных слоях информации для целей реконструкции условий окружающей среды. Использование дендрохронологических методов в экспертной практике базируется на биологических закономерностях формирования годичных колец, изменения размеров которых тесно связаны с условиями места произрастания деревьев и определяется влиянием факторов среды.

Сущность судебной ботанической экспертизы с использованием дендрохронологического анализа заключается в точном измерении годичных приростов у образцов, предоставленных на исследование, и сопоставлении их путем перекрестного датирования с эталонными шкалами. В качестве последних могут выступать спилы со стволов и пней, деревянных строений и предметов, буровые керны с живых деревьев, произрастающих в границах места происшествия и возле него, иные объекты.

Одним из наиболее востребованных на сегодняшний день направлений практического применения результатов дендрохронологических исследований является установление фактических обстоятельств в процессе расследования

уголовных и административных дел, связанных с незаконной рубкой леса, нелегальным оборотом древесины, повреждением и уничтожением древесной растительности, не связанных с лесозаготовкой, иных категорий преступлений и правонарушений, а также в гражданском судопроизводстве.

В качестве объектов экспертизы выступают живые и сухостойные деревья хвойных и лиственных пород, пни, валежная древесина, крупные порубочные остатки, хлысты, круглые лесоматериалы, пиломатериалы, изделия из древесины. Кроме того, экспертному исследованию подлежат участок местности или помещения, являющиеся местом происшествия; различные предметы и объекты, имеющие отношение к месту происшествия; иные следы преступления (преступника).

Судебная ботаническая экспертиза с использованием методов дендрохронологии позволяет решать *классификационные* (установление вида (рода) дерева или кустарника), *диагностические* (определение возраста дерева; установление сроков гибели/рубки дерева); установление сроков начала негативного воздействия (повреждения) на дерево и/или древостой; определение жизненного состояния дерева, в том числе, являлось ли оно жизнеспособным на момент рубки), *идентификационные* (установление единого целого дерева по отделенным частям при наличии/отсутствии общей линии разделения; отождествление участка местности, на котором выросло дерево) и *ситуационные* (определение последовательности проведения рубок по времени; установление последовательности нанесенных дереву/древостою повреждений) задачи.

На разрешение эксперта могут быть поставлены следующие вопросы: К каким породам древесины принадлежат образцы, предоставленные на экспертизу? Каков возраст дерева? В какой календарный год и/или период года была проведена вырубка деревьев? На сколько лет позже/раньше было срублено одно дерево по сравнению с другим на одной и той же лесосеке? Каким жизненным состоянием характеризовались деревья на момент рубки (живые, сухостойные)? Составляли ли ранее пень и срубленный ствол единое целое? Произрастала ли группа деревьев в конкретном древостое, типе лесорастительных условий, регионе?

Самыми распространенными объектами судебной дендрохронологической экспертизы являются спилы, фрагменты спилов и буровые керны, изымаемые в ходе проведения осмотра места происшествия, иных следственных и процессуальных действий. Их правильный отбор, упаковка, хранение и транспортировка оказывают существенное влияние на сроки проведения экспертизы и полноту исследования.

Спилы наиболее пригодны для исследования, т. к. позволяют измерять ширину годичного кольца по любому радиальному направлению и исключать допущение неточностей при измерениях ежегодного прироста древесины. Толщина спилов зависит от степени сохранности древесины, диаметра ствола и возможности их последующего хранения. На каждом спиле обозначают верхнюю и нижнюю стороны, при возможности — стороны света, древесную породу, номер дерева. При отборе образцов со стволов большого диаметра необходимо уменьшить их вес и объем спилов для облегчения транспортировки и хранения. В данном случае изъятию подлежат фрагменты спила.

Из здоровой древесины для уменьшения трудозатрат и объема образцов при помощи возрастного бура отбирают буровые керны. Отбор кернов с живых деревьев требуется при решении большинства экспертных задач, связанных с проведением дендрохронологического анализа. В подавляющем большинстве случаев они выступают в качестве контрольных образцов сравнения. Отбор кернов производят по двум радиусам, находящимся на противоположных сторонах ствола. Высота отбора должна составлять 1,0–1,3 м от поверхности земли. При решении задачи установления возраста дерева, а также у небольших деревьев и кустарников образцы отбирают на высоте 0,2–0,3 м, поскольку в этой части ствола содержится максимальное число годичных колец. Керны, содержащие древесину заросших сучков, ран и иных аномалий, для последующего исследования непригодны. Для старой, подгнившей, растрескавшейся и высушенной древесины получение образцов с применением бура нецелесообразно.

Все объекты, изымаемые в ходе проведения ОМП, иных следственных и процессуальных действий, подлежат упаковке в соответствии с определенными требованиями. Упаковка должна исключать возникновение существенных необратимых изменений внешнего вида и основных идентификационных свойств объектов, их повреждения и утраты, что особенно актуально для хранения и транспортировки буровых кернов. Для упаковки спилов и их фрагментов используют бумагу или картон. Применение полимерных пакетов и пленок в качестве упаковочных материалов допускается лишь на короткий срок. Для правильной упаковки кернов на первоначальном этапе применяют бумажные пакеты, полиэтиленовые контейнеры, отрезки пластиковых кабель-каналов и др., исключающие деформирование, повреждение или утрату керна в целом и его отделившихся частей.

Таким образом, внедрение в практическую деятельность центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь дендрохронологической экспертизы является одним из важных этапов развития

судебной ботанической экспертизы в нашей стране. Результаты проводимых исследований будут способствовать установлению ряда фактических обстоятельств преступлений и правонарушений, совершаемых в сфере природопользования, принятию объективных решений по делу. При подготовке материалов и назначении экспертизы инициатору необходимо соблюдать разработанные профильными экспертами требования и рекомендации.

УДК 343.98

А. П. Пацкевич
доцент кафедры криминалистики
юридического факультета
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Одним из старейших и наиболее надежных инструментов криминалистической науки по-прежнему является дактилоскопия, которая, несомненно, продолжает играть ключевую роль в противодействии преступности. Но в условиях стремительного развития науки, техники традиционные подходы к использованию дактилоскопической информации уступают место новым информационным технологиям, в том числе для оперативного поиска и сравнения отпечатков пальцев в дактилоскопических учетах и при производстве судебно-дактилоскопических экспертиз (далее — СДЭ).

В настоящее время в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь (далее — ГКСЭ) активно используется автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система «Дакто-2000», которая оснащена современными техническими инструментами для хранения и обработки дактилоскопических данных. Система поддерживает четыре базовых режима идентификации объектов, содержащих дактилоскопическую информацию, каждый из которых характеризуется определенным уровнем надежности и селективности, надежность поиска системы в следующих режимах: «след — след» — 100 %; «дактилокарта — след» — 85,5 %; «след — дактилокарта» — 90 %; «дактилокарта — дактилокарта» — 100 %.

АДИС способна осуществлять исследование на основе изображений с использованием технологии распознавания образов, а также использовать методику кодирования криминалистических признаков. Она может анализировать до 130 признаков дактилоскопического отпечатка и других следов, обнаруженных на месте происшествия.

Основная цель системы АДИС «Дакто-2000» заключается в хранении массивов дактилоскопической информации и осуществлении поиска похожих объектов внутри этих массивов. Несмотря на то, что изначально в систему были заложены функции проведения дактилоскопических экспертиз, на практике эта возможность никак не связана с проведением СДЭ. Основной недостаток

АДИС «Дакто-2000» при использовании в экспертной практике заключается в избыточности функций, обусловленных широким спектром решаемых задач, хотя изначально данная система разрабатывалась как многофункциональная, многокомпонентная и многоуровневая оперативно-розыскная платформа для нужд правоохранительных органов.

Причины разделения дактилоскопической регистрации и судебной дактилоскопической экспертизы кроются в ряде объективных факторов. Так, задачи дактилоскопического учета сводятся преимущественно к следующим направлениям: подбор определенного количества цифровых дактилокарт (или следов рук из электронного массива следов) с признаками, совпадающими с особенностями следов подозреваемого, иными словами, осуществление автоматического поиска; обновление и поддержка актуальности информационных ресурсов; налаживание взаимодействия с прочими автоматизированными системами. Главная цель СДЭ — идентификация личности правонарушителя именно по его оставленным следам пальцев рук.

Сравнение следов в АДИС производится по ограниченному, заранее установленному кругу признаков, а результаты проведенного сравнения должны быть получены в максимально короткий срок и иметь вид рекомендательного списка из 20–30 схожих следов. При проведении же СДЭ следы сравниваются по максимально доступному количеству признаков, требования к оперативности ее проведения на порядок ниже, а результатом является установление конкретного лица.

Из изложенного следует, что оптимальным решением указанных проблем станет создание с использованием современных информационных технологий программного комплекса, совмещающего технические возможности АДИС и улучшенной методики СДЭ. Алгоритмы и математические инструменты, применяющиеся в АДИС при формировании списка наиболее подходящих следов, объективны и понятны всем участникам процесса, включая экспертов.

Сейчас имеется техническая возможность и практическая необходимость создать специализированный аппаратно-программный комплекс для потребностей СДЭ. Этот комплекс может быть построен по принципу экспертных систем поддержки принятия решений, сочетающей современные информационные технологии с профессиональными знаниями и опытом экспертов. Внедрение подобного комплекса в практику экспертных подразделений должно осуществляться параллельно с разработкой улучшенной методики проведения СДЭ, которая должна учитывать теоретические положения дактилоскопии; современные подходы вероятностно-статистической оценки важности

частных признаков папиллярных узоров; современные технологии выявления, фиксации и изъятия следов рук.

Мы полагаем, что перспективным направлением является развитие автоматизированных интеллектуальных систем дактилоскопического учета, способных не только хранить дактилоскопическую информацию, но и осуществлять прогнозирование, выявление скрытых связей между объектами дактилоскопического учета и поддержку принятия решений в деятельности следственных и экспертных подразделений. Внедрение подобной системы повысит надежность и научную обоснованность экспертных выводов, обеспечит увеличение объема предоставляемой следствию и суду дактилоскопической информации, сократит сроки проведения СДЭ, снизит временные затраты, уменьшит число нерешенных вопросов и улучшит качество решения экспертных задач.

Использование криминалистических учетов в экспертной и следственной практике способствует раскрытию как текущих преступлений, так и преступлений прошлых лет, что подтверждается примерами применения ДНК-учета и дактилоскопических систем. Накопленные информационные массивы позволяют устанавливать устойчивые связи между различными уголовными делами, выявлять серийный характер преступной деятельности, а также получать достоверные образцы для сравнительных исследований при производстве судебных экспертиз.

Вместе с тем анализ показал наличие ряда проблем, связанных с фрагментарностью информационных систем, недостаточной интеграцией отдельных учетов между собой, а также ограниченным использованием отдельных видов криминалистической информации в экспертной деятельности.

Перспективы развития криминалистических учетов связаны с дальнейшей автоматизацией процессов регистрации и поиска информации, внедрением интеллектуальных информационных систем, а также интеграцией различных видов учетов в единую информационную среду. Особую актуальность приобретает создание комплексных информационных профилей конкретных лиц, включающих дактилоскопические, генетические и портретные данные, что позволит обеспечить экспертов необходимыми образцами для сравнительных исследований.

По нашему мнению, дактилоскопическая информация, сосредоточенная в АДИС, является неотъемлемым элементом информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений, дальнейшее развитие должно осуществляться с учетом потребностей экспертной практики и достижений современных информационных технологий.

УДК 343.98

Е. В. Пуцик
преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь
Я. В. Ковалевский
курсант 3 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ РОЗЫСКА ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Розыск лиц, пропавших без вести, является одной из важнейших задач оперативно-розыскной деятельности, закрепленных в ст. 3 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [1]. В 2025 г. в органы внутренних дел Беларуси поступило более 6 700 сообщений о безвестном исчезновении граждан [2]. Несмотря на цифровизацию и техническое переоснащение, проблема оперативного установления местонахождения лиц, пропавших без вести, сохраняет остроту.

Правовой институт розыска лиц, без вести пропавших, регулируется комплексом нормативных актов, центральное место среди которых занимает Закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Статья 3 Закона прямо относит к задачам оперативно-розыскной деятельности «розыск… граждан, без вести пропавших (безвестно исчезнувших)» [1]. Важно подчеркнуть, что законодатель разграничивает розыск обвиняемых, скрывшихся от следствия, и собственно без вести пропавших, что предполагает различную тактику и методы работы.

Статья 2 Закона вводит понятие «компьютерная информация», которая определяется как сведения, воспринимаемые комплексом программно-технических средств [1]. Это определение имеет ключевое значение для понимания правовой природы данных, получаемых из республиканской системы мониторинга общественной безопасности (далее — РСМОБ): видеозаписи, результаты идентификации, цифровые следы являются компьютерной информацией и подлежат защите и использованию в порядке, установленном законодательством.

Республиканская система мониторинга общественной безопасности создана в целях повышения уровня общественной безопасности путем использования современных информационно-коммуникационных технологий

в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 187 [3]. Ее технологической основой выступает облачная платформа Kipod, разработанная компанией Synesis, также данная платформа используется в системе «Умный город», которая применяется на территории Российской Федерации. Система представляет собой комплекс программно-аппаратных средств, обеспечивающий сбор, обработку и хранение видеопотоков с подключенных камер, а также их анализ с использованием технологий искусственного интеллекта и компьютерного зрения.

Ключевой функционал Kipod с точки зрения розыска — распознавание и обнаружение разыскиваемого лица в видеопотоке. Принципиально важным для розыска является вопрос о том, с какими базами данных интегрирована РСМОБ. С учетом современного уровня информационного развития реализация интеграции любых баз данных Министерства внутренних дел между собой не представляет большой технической проблемы, однако на сегодняшний день автоматическое добавление файлов из АИС «Паспорт», АИС ГАИ и АС «Розыскные учеты» не предусмотрено.

Оперативные подразделения имеют возможность загружать в систему фото разыскиваемых лиц из автоматизированных учетов Министерства внутренних дел, предоставленные родственниками или полученные в ином законном порядке.

Подключение к РСМОБ позволяет централизованно искать человека по всем камерам системы, но на практике:

− загрузка фото в систему требует времени и определенных прав доступа;

− не все камеры, особенно в районных центрах и сельской местности, подключены к РСМОБ;

− взаимодействие между различными службами (оперативные подразделения, информационные подразделения, дежурная часть) не всегда отлажено.

Кроме того, в первые часы после поступления заявления часто отсутствует качественная фотография пропавшего, пригодная для загрузки в систему распознавания. Родственники предоставляют снимки с телефонов, где лицо может быть в очках, головном уборе, с искаженной мимикой. Такие изображения снижают точность идентификации.

Для наиболее эффективной работы по розыску лиц предлагается оптимизировать работу с данными через интеграцию систем: необходимо реализовать на программном уровне автоматизированную интеграцию РСМОБ с ведомственными базами данных Министерства внутренних дел (в частности, с АИС «Паспорт» и др.). Это исключит человеческий фактор и временные задержки

при «ручной» загрузке фотоснимков, позволяя системе мгновенно ставить в «розыскной профиль» лиц, по которым поступило заявление, обеспечивая непрерывный мониторинг в режиме реального времени.

Реализация данного предложения позволит трансформировать потенциал РСМОБ в реальные результаты, сократив время на установление местонахождения без вести пропавших граждан и сделав систему поиска более гибкой и скоординированной.

Список основных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З : в ред. от 7 февр. 2023 г. № 248-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11500307 (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Сколько людей пропадает в Беларуси за год и почему это происходит [Электронный ресурс] // Новостной портал Кобрина: [сайт]. URL: https://www.kobrincity.by/pravoporyadok/skolko-lyudej-propadaet-v-belarusi-za-god-i-pochemu-eto-proiskhodit.html (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. О республиканской системе мониторинга общественной безопасности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 25 мая 2017 г. № 187 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31700187 (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.98

И. В. Родичева
старший следователь Лидского районного отдела
Следственного комитета Республики Беларусь

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИК УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И СБОРОВ

Преступления, связанные с нарушением налогового законодательства, причиняют значительный ущерб экономическим интересам не только самого государства, но и общества в целом, его социальным правам, гарантиям. В связи с этим деятельность правоохранительных органов, направленная на борьбу с налоговыми преступлениями, должна быть особенно эффективной.

Для обеспечения качественного расследования уголовных дел данной категории, привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, предупреждения и предотвращения совершения подобных деяний, необходимо учитывать не только особенности их уголовно-правовой характеристики, но и криминалистического анализа. Криминалистическая характеристика преступления предопределяет обстоятельства, подлежащие установлению в ходе расследования, планирование самого процесса расследования дела и проведения отдельных следственных действий. Вместе с тем криминалистическая характеристика преступлений, используемая в особенности при формировании частных методик расследования, к которым относится расследование преступлений, связанных с нарушением налогового законодательства, тесно связана с уголовно-правовой. Так, при отсутствии в деянии признаков состава преступления, предусмотренного Уголовным законом, необходимость его исследования с точки зрения криминалистики теряет свое смысловое значение. В свою очередь, при исследовании некоторых элементов криминалистической характеристики налогового преступления могут быть установлены обстоятельства, не позволяющие квалифицировать действия или бездействие виновного лица как уголовно наказуемое деяние, что является недопустимым для привлечения к уголовной ответственности и влечет за собой прекращение уголовного преследования и производства по делу.

В уголовно-правовой характеристике в качестве элементов выступают субъект, объект, объективная сторона и субъективная сторона. Отсутствие признаков, содержащихся в уголовно-правовых нормах, хотя бы для одного из элементов, влечет за собой непризнание деяния преступлением. Наличие

в уголовно-правовых нормах, предусматривающих уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов, сборов; уклонение от исполнения обязанностей налогового агента по перечислению налогов, сборов и налоговое мошенничество, отсылочных норм обусловлено необходимостью знания следователем налогового законодательства, особенностей ведения бухгалтерского и налогового учетов. Установление необходимых для правильной квалификации деяния признаков, содержащихся в бланкетных нормах, может быть обеспечено использованием криминалистической методики расследования дел данной категории.

Понятие характеристики преступления с точки зрения криминалистики в литературных источниках приводится разными, хотя и совпадающими во многих аспектах, формулировками. Справедливым видится подход И. В. Александрова, который криминалистическую характеристику рассматривает как информационную категорию, отражающую свойства и признаки преступлений определенной классификационной группы, имеющие значение для расследования, а также служащие информационной базой для построения методики расследования [1, с. 18]. Такого же мнения придерживается О. Ш. Петросян, который целью криминалистической характеристики называет определение типичных черт вида преступлений и их обусловленность друг другом, чтобы на практике можно было уже на первоначальном этапе при минимуме информации об обстоятельствах совершенного преступления по уже имеющимся данным о некоторых элементах сделать суждение об остальных и найти наиболее эффективные, оптимальные пути их установления [2, с. 35].

По-прежнему остается дискуссионным вопрос о содержании, т. е. структурных составляющих криминалистической характеристики преступлений, в том числе и преступлений в налоговой сфере. Представляется обоснованным выделение в научных подходах взаимосвязи между элементами данной структуры.

Основными элементами криминалистической характеристики налоговых преступлений И. В. Александров называет обобщенные данные о предмете, времени, месте и обстановке преступного посягательства, типичных способах совершения налоговых преступлений и лицах, их осуществляющих, механизме следообразования и локализации следов. Исследование совокупности этих элементов, их особенностей позволяет создать типовую криминалистическую модель налогового преступления [1, с. 18].

В свою очередь, О. Ш. Петросян выделяет два взаимозависимых элемента криминалистической характеристики: общие и типичные. К общим элементам относятся характеристика сферы совершения налоговых преступлений; уголов-

но-правовая, криминологическая, оперативно-розыскная характеристики налоговых преступлений, а к типичным — данные о предмете преступных посягательств, обстановка совершения данных преступлений; системы данных о типичных способах совершения и сокрытия налоговых преступлений; сведения о типичных личностных особенностях преступников; данные о типичных обстоятельствах, способствовавших совершению налоговых преступлений [2, с. 43].

Н. Г. Цыпарков определяет историко-правовые (историко-правовой и нормативно-правовой анализ уголовной политики в сфере налогообложения) и деятельностно-личностные (способы совершения уклонения от уплаты налогов, личность правонарушителя, бухгалтерские документы) элементы криминалистической характеристики уклонения от уплаты налогов. По его мнению, в основе криминалистического анализа структуры преступления лежит мысленное расчленение преступления на составляющие, раздельное исследование каждого выделенного элемента, а затем рассмотрение их в комплексе и взаимосвязи применительно в структуре содеянного и механизму следообразования [3, с. 25–26].

Элемент криминалистической характеристики, именуемый «законодательная база», устанавливается В. А. Козловым. Тщательное, глубокое и всестороннее изучение его необходимо субъектам уголовного преследования в целях выработки алгоритма планируемых и проводимых мероприятий по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению налоговых преступлений [4, с. 232].

С учетом вышеизложенного представляется целесообразным рассматривать преступления в сфере налогового законодательства через взаимосвязанную систему характеристик, включающую криминалистический и уголовно-правой аспекты, т. к. для осуществления эффективной борьбы с преступлениями в сфере налогового законодательства необходимо учитывать особенности преступного деяния и личности преступника, предмет и объект преступного посягательства, что может быть обеспечено путем полного исследования структурных элементов этих характеристик. Взаимосвязь и взаимодополняемость исследуемых элементов обусловлены спецификой возникающих налоговых правоотношений в системе налогообложения, и отражение этих элементов может встречаться в документах, регулирующих саму процедуру налогообложения и факт преступного нарушения налогового законодательства, а также подкрепляться сведениями в документах по финансово-хозяйственной деятельности предприятия.

Список основных источников

1. Александров И. В. Теоретические и практические проблемы расследования налоговых преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Урал. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2003. 40 с. Вернуться к статье

2. Петросян О. Ш. Характеристика налоговых преступлений. Теория и практика : моногр. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2010. 143 с. Вернуться к статье

3. Цыпарков Н. Г. Особенности расследования уклонения от уплаты налогов : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2001. 135 с. Вернуться к статье

4. Козлов В. А. Научные основы криминалистической характеристики налоговых преступлений : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказания. Владимир, 2006. 567 с. Вернуться к статье

УДК 343.9

К. В. Сечина
преподаватель кафедры криминалистики
Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ОШИБКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Качественное проведение осмотра оказывает влияние на правильность определения дальнейших путей расследования, формулирования типичных следственных ситуаций, а также организации вероятных путей розыска преступника.

И. Н. Якимов отмечал, что производство осмотра места происшествия дает возможность восстановить картину преступления, найти и зафиксировать следы, а также убедиться в существовании преступления [1, с. 101].

Сам осмотр места происшествия включает в себя наблюдение, изучение объектов и сбор следов, необходимых для последующего анализа и формулирования выводов о ходе расследования [2, с. 35].

Процесс осмотра требует строгого соблюдения не только процедурных (процессуальных) правил, но и тактических приемов, например:

− способ упаковки изъятых предметов должен быть таким, чтобы невозможно было уничтожить следы, например, от пальцев рук или алой краски, которые визуально не отличить от крови;

− после упаковки предметы должны быть запечатаны для подтверждения их целостности и защиты от подделки или повреждения;

− протокол осмотра места происшествия должен быть подписан всеми участниками, что подтвердит проведение всех необходимых мероприятий и обнаружение потенциальных доказательств для уголовного дела [3, с. 29].

Анализ судебных решений показывает, что должностные лица при производстве осмотра места происшествия допускают ошибки:

− при заполнении протокола следственного действия (13 %);

− при изъятии и упаковке объектов (18 %);

− при фиксации обстановки места происшествия и следов (32 %);

− при применении фотосъемки, дактилоскопических и других технических средств (11 %);

− не привлекают к участию в осмотре специалистов для обнаружения следов преступления (26 %).

Проблема фиксации обстановки места происшествия и следов — одна из ключевых при проведении осмотра места происшествия. Для обеспечения более эффективной и точной фиксации обстановки места происшествия необходимо использовать современные дополнительные средства и методы фотографической фиксации в дополнение к основному средству — протоколу. Письменные средства ограничены и неэффективны для детального описания объектов, поэтому цифровые средства и методы фотографирования предпочтительнее в современных условиях. Они позволяют сделать большое количество фотоснимков с высокой детализацией обстановки на месте происшествия.

На основании изложенного можно сделать вывод, что качество осмотра места происшествия напрямую определяет успех всего дальнейшего расследования. Проведенный анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии устойчивого комплекса ошибок, допускаемых должностными лицами при производстве данного следственного действия. Наиболее критичными из них являются недостатки в фиксации обстановки и следов, а также непривлечение специалистов, что в совокупности составляет более половины от всех выявленных нарушений.

Указанные обстоятельства диктуют необходимость пересмотра подходов к фиксации хода и результатов осмотра. Письменный протокол, оставаясь основным процессуальным документом, не может в полной мере обеспечить передачу всей полноты обстановки, ее деталей и динамики. В этой связи применение цифровых средств фиксации перестает быть просто рекомендацией и становится насущной необходимостью. Видеозапись, в частности, позволяет не только запечатлеть статичную картину, но и сохранить для следствия и суда процессуально значимые нюансы обстановки в их развитии, что минимизирует риски утраты информации и повышает объективность материалов уголовного дела.

Таким образом, активное внедрение и грамотное применение современных технических средств фиксации следует рассматривать как важнейший резерв повышения эффективности осмотра места происшествия и качества доказательственной базы в целом.

Список основных источников

1. Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929. 312 с. Вернуться к статье

2. Хамидуллин Р. С., Малых А. А. Опыт использования специальных знаний при осмотрах мест происшествий в России и США // Полицейская и следств. деятельность. 2016. № 2. 312 с. Вернуться к статье

3. Шейфер С. А. Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики : моногр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 112 с. Вернуться к статье

УДК 343.102

А. С. Сысоев
начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ВОПРОСЫ ОБОСНОВАННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ СБОРЕ СВЕДЕНИЙ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ О ДОПУСКЕ ГРАЖДАН К ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАМ

В современном мире обеспечение сохранности государственных секретов является одним из ключевых условий суверенитета и безопасности любого государства. Республика Беларусь, обладая развитой экономикой, научно-техническим и оборонным потенциалом, уделяет повышенное внимание защите сведений, составляющих государственную тайну. Ключевым элементом этой системы является институт допуска граждан к государственным секретам, который представляет собой не только административную процедуру, но и сложный процесс проверки благонадежности лица.

Важнейшую роль в этом процессе играют органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД). Проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) при решении вопроса о допуске граждан к государственным секретам позволяет выявить обстоятельства, препятствующие такому допуску, и предотвратить возможные угрозы национальной безопасности в виде разглашения или утраты таких сведений. Целью данной статьи является комплексный анализ правовых оснований проведения ОРМ в рамках допуска граждан к государственным секретам в Республике Беларусь.

Правовую основу института допуска к государственным секретам и проведению проверочных мероприятий, в том числе и оперативно-розыскных, в Республике Беларусь составляет ряд законодательных актов.

Во-первых, это Закон Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З «О государственных секретах» [1]. Закон устанавливает, что допуск граждан к государственным секретам осуществляется в добровольном порядке и предусматривает принятие обязательств перед государством по неразглашению доверенных сведений. Важнейшей составляющей допуска является проведение проверочных мероприятий, связанных с оформлением допуска.

Во-вторых, Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон), который определяет основания и условия проведения ОРМ, в том числе и при сборе све-

дений для принятия решения о допуске граждан к государственным секретам [2].

В настоящее время одним из оснований проведения ОРМ, в соответствии с абзацем 14 ст. 16 Закона, является необходимость сбора сведений для принятия решений о допуске граждан к государственным секретам, к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья граждан и окружающей среды, к участию в оперативно-розыскной деятельности, к содействию на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Если буквально трактовать нормы Закона, следует, что при сборе сведений о допуске граждан к государственным секретам инициатор вправе провести в отношении гражданина любое ОРМ, предусмотренное Законом.

Вместе с тем некоторые ОРМ затрагивают конституционные права граждан, в связи с чем законодатель определил особый порядок их проведения, такой как получение санкции у прокурора (например, ОРМ «Контроль в сетях электросвязи»).

Так, ст. 28 и 29 Конституции Республики Беларусь (далее — Конституция) гарантируют гражданину защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, от посягательства на тайну его переписки, телефонных и иных уведомлений, неприкосновенность жилища и иных законных владений (никто не имеет права без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли) [3].

Из положений ст. 23 Конституции следует, что ограничение прав и свобод личности возможно только в случаях, предусмотренных Законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Таким образом, сбор сведений о допуске граждан к государственным секретам не имеет отношения к предупреждению или пресечению угроз национальной безопасности, выявлению (раскрытию) преступлений против общественного порядка или безопасности, защите здоровья, прав и свобод граждан.

Об особом порядке проведения некоторых ОРМ, таких как проверочная закупка, контролируемая поставка, слуховой контроль, контроль в сетях электросвязи, контроль почтовых отправлений, оперативное внедрение, оперативный эксперимент, указывает и то обстоятельство, что они проводятся в рамках дел оперативного учета (ст. 19 Закона). При этом большинство из перечисленных ОРМ затрагивают конституционные права граждан и проводятся по постановлению с санкции прокурора. Вместе с тем в этой же статье имеется

ссылка, указывающая на возможность проведения ОРМ при сборе сведений о допуске граждан к государственным секретам, вне рамок дел оперативного учета.

О несогласованности положений Закона свидетельствует ст. 39, согласно которой должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при сборе сведений о допуске граждан к государственным секретам может проводить следующие ОРМ: оперативный опрос, наведение справок, сбор образцов, исследование предметов и документов, компьютерной информации, оперативное отождествление и наблюдение.

При этом четыре из перечисленных ОРМ (оперативный опрос, сбор образцов, оперативное отождествление и наблюдение) проводятся по решению должностного лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и лишь в малой части затрагивают личную жизнь гражданина, не нарушая при этом его конституционные права.

Наведение справок также не раскрывает сведений о частной жизни лица, т. к. суть мероприятия заключается в направлении письменного запроса гражданину или организации для получения сведений, связанных с профессиональной деятельностью этого гражданина.

Последнее ОРМ из перечисленных, исследование предметов и документов, компьютерной информации, исходя из целей проведения, а именно поручения гражданину или организации, обладающему специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, изучение предметов и документов, компьютерной информации, также не затрагивает частную жизнь лица. Несмотря на необходимость вынесения постановления на проведение исследования предметов и документов, компьютерной информации, получение санкции у прокурора не требуется.

Требуют уточнения и конкретики условия проведения указанного в ст. 39 Закона ОРМ «Наблюдение». По решению должностного лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, наблюдение может проводиться в общественных местах, на участках местности, а также во всех видах общественного транспорта.

В свою очередь, наблюдение с использованием средств негласного получения (фиксации) информации и иных средств, установленных в жилище и ином законном владении гражданина, помещении, здании, сооружении, транспортном средстве, на ином объекте и территории организации, требует получения санкции прокурора, и, соответственно, затрагивают права гражданина на неприкосновенность жилища, гарантированные Конституцией.

Вместе с тем, как указывалось ранее, при сборе сведений о допуске граждан к государственным секретам угрозы национальной безопасности отсутствуют, как и отсутствуют действия, связанные с нарушениями общественного порядка, необходимостью защиты здоровья, прав и свобод граждан.

Таким образом, в абзац 14 ст. 16 Закона следует внести изменения, содержащие ссылку на ст. 39, которую необходимо изложить в следующей редакции: «Должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при сборе сведений для принятия решений о допуске граждан к государственным секретам и (или) работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья граждан и окружающей среды, участию в оперативно-розыскной деятельности, содействию на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, ограничивается проведением оперативного опроса, наведением справок, сбором образцов, исследованием предметов и документов, компьютерной информации, оперативным отождествлением и наблюдением в общественных местах, на участках местности, а также во всех видах общественного транспорта».

Вопросы возможности и обоснованности проведения ОРМ при сборе сведений для принятия решений о допуске граждан к государственным секретам по-прежнему являются актуальными. Институт проведения ОРМ при допуске граждан к государственным секретам в Республике Беларусь представляет собой специфический правовой режим.

Основанием является не оперативная информация о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, а государственный интерес в обеспечении надежности носителя государственной тайны, подкрепленный согласием гражданина. Возможности сбора информации из открытых источников в настоящее время ничем не ограничены, однако имеются ограничения в плане вмешательства в частную жизнь, а именно особый порядок проведения ряда ОРМ, требующий получения санкции.

В данных вопросах необходимо соблюдать баланс между обеспечением безопасности и защитой прав граждан, в связи с чем законодательство в области допуска граждан к государственным секретам требует постоянного совершенствования.

Список основных источников

1. О государственных секретах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З : в ред. от 29 мая 2025 г. № 80-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З : в ред. от 7 февр. 2023 г. № 248-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1994 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.98

В. А. Чванкин
доцент кафедры криминалистических экспертиз
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент
Е. В. Пляхимович
старший эксперт отдела металловедческих,
почвоведческих и геммологических экспертиз
управления физико-химических и взрывотехнических экспертиз
главного управления специальных экспертиз центрального аппарата
Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ ГЕММОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Владение общими положениями и основами судебной геммологической экспертизы является важным и значимым аспектом и позволяет инициаторам назначения данных экспертиз оптимизировать сам процесс их назначения, а также грамотно оценивать данные заключения для использования при раскрытии и расследовании преступлений.

Геммология — это наука о самоцветах (ювелирных камнях), совокупность сведений о драгоценных и поделочных камнях (физических свойствах и химическом составе), их декоративно-художественных достоинствах для ювелирного камнерезного производства.

Геммологическое исследование — это определение физического и химического состояния камня, его происхождения, эстетической ценности, особенностей обработки драгоценных и поделочных камней.

Предметом судебной геммологической экспертизы являются устанавливаемые фактические данные, свидетельствующие о связи с событием происшествия конкретных объектов — драгоценных камней, их синтетических аналогов и имитаций, а также изделий с ними и др.

Задачи судебной геммологической экспертизы: отнесение различных камней и вставок в ювелирных изделиях к группе драгоценных камней; определение их фактической или расчетной массы (для закрепленных драгоценных камней); установление основных характеристик бриллиантов (группы цвета, чистоты, огранки); определение прейскурантной стоимости бриллиантов и др. [1].

Для решения вышеизложенных задач могут быть поставлены вопросы:

– Являются ли предоставленные на исследование камни драгоценными?

– Имеются ли в предоставленных на исследование изделиях какие-либо вставки? Если да, то относятся ли они к категории драгоценных?

– Какова масса или расчетная масса представленных камней?

– Каковы характеристики представленных бриллиантов (форма, чистота, цвет и т. д.)?

– Какова прейскурантная стоимость бриллиантов?

– и т. д.

Среди *объектов* геммологической экспертизы выделяют: природные драгоценные камни, их синтетические аналоги и имитации; жемчуг и янтарь; ювелирные изделия и украшения со вставками из драгоценных камней, их синтетических аналогов и имитаций и др.

Драгоценные камни — это редкие и ценные природные минералы и органогенные материалы, используемые в ювелирном деле. В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» [2], к драгоценным камням относят природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры, александриты, а также природный жемчуг в сыром (естественном) и обработанном виде. К драгоценным камням приравниваются уникальные янтарные образования. К уникальным янтарным образованиям относят янтарные образования массой свыше 1 000 г, разнообразной, фантазийной формы, относительно монолитные по своей структуре (не менее 80 %), не содержащие сквозных раковин, визуальных трещин, угрожающих целостности образца, разнообразной цветовой гаммы, возможно с хорошо сохранившимися включениями флоры и фауны размерами более 10 мм.

Синтетические камни создаются искусственно путем моделирования условий, в которых формируются кристаллы природных драгоценных камней. Современные технологии позволяют создавать высококачественные аналоги натуральных камней. Это осуществляется в ходе сложного лабораторного процесса, который позволяет ускорить рост кристаллов, по химическим и физическим свойствам идентичным драгоценностям, созданным природой. Данные камни являются *химическими эквивалентами натуральных камней* (тогда они называются как и природные, но с приставкой «синтетический»). Например, синтетический изумруд, синтетический александрит и т. д. То же относится и к жемчугу, но используется термин «культивируемый», искусственно выращенный.

Имитации не являются ни химическими эквивалентами природных драгоценностей, ни искусственными камнями. Чаще всего имитации делают

из пластмассы, стекла, глазури и других современных материалов. К имитациям относятся и составные камни, состоящие из нескольких камней, соединенных между собой. Как правило, верх делается из натурального драгоценного камня, а нижняя часть из более дешевого или искусственного, например, природный сапфир и искусственный корунд.

Облагораживание камней — это любой процесс, который направлен на улучшение эстетического восприятия драгоценного камня без существенного изменения его химических и физических свойств. Так, от небольших дефектов драгоценных камней избавляются путем обработки смолами, маслами и другими реактивами. Мелкие включения в алмазах удаляются с помощью лазера.

Камни, используемые в ювелирных украшениях, бывают: натуральные (природные); синтетические; имитации; составные камни (композитные); камни, которые подверглись специальной обработке (облагораживанию).

Среди современных методов исследования объектов геммологической экспертизы наибольшее распространение получили спектрометрические методы: оптическая и инфракрасная спектроскопия, спектроскопия комбинационного рассеивания (рамановская), а также такие методы определения химического состава: рентгенофлуоресцентный и масс-спектрометрический анализ с индуктивно связанной плазмой и с лазерной абляцией, электронно-зондовый микроанализ, а также энергодисперсионная рентгеновская флуоресценция.

При изучении и оценке данных объектов используются неразрушающие методы исследования и следующее оборудование: электронные и оптические рефрактометры, полярископы с коноскопами, весы, измерители ювелирные, штангенциркули, измерительные лупы, геммологические стереомикроскопы, лампы ультрафиолетового света, дихроскопы, фильтры Челси, рентгеновские спектрометры, различные эталоны (например, цвета ювелирных камней, цвета бриллиантов, твердости и т. д.), тестеры драгоценных камней и т. д.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что владение основами судебной геммологической экспертизы позволит инициаторам назначения экспертиз определить возможности этой экспертизы, сформулировать соответствующие вопросы, а также оценить результаты исследования, что, в свою очередь, позволит оптимизировать процесс расследования преступлений.

Список основных источников

1. Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://sudexpert.gov.by/ (дата обращения: 24.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. О драгоценных металлах и драгоценных камнях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 21 июня 2002 г. № 110-З : в ред. от 6 дек. 2024 г. № 45-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.98

Ю. М. Юбко
профессор кафедры расследования преступлений
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный работник образования Республики Беларусь

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИЦА, ПРОИЗВОДЯЩЕГО ДОЗНАНИЕ, ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО ЗАЯВЛЕНИЯМ И СООБЩЕНИЯМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ

Информационно-аналитическая деятельность лица, производящего дознание по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по заявлениям и сообщениям о преступлениях против интересов службы, представляет собой двухуровневый структурный элемент:

− во-первых, информационно-аналитическая деятельность состоит из комплекса знаний, которыми должен владеть сотрудник: норм материального права о данных видах преступлений (их уголовно-правовой структуры); об элементах криминалистической характеристики; положениях методики расследования данных видов преступлений (что устанавливать в стадии возбуждения уголовного дела, какие процессуальные действия проводить для доказывания отдельных обстоятельств и т. п.); требований уголовно-процессуальной формы к порядку производства проверки по материалам; других отраслей права и других научных знаний, совокупность которых позволяет установить и процессуально закрепить признаки преступления;

− во-вторых, информационно-аналитическая деятельность является компонентом мыслительного процесса лица, производящего дознание при организации производства по материалам проверки по заявлениям и сообщениям о преступлениях против интересов службы, и представляет собой:

а) изучение поступившей в орган уголовного преследования информации с учетом особенностей повода к возбуждению уголовного дела (ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [1]);

б) собирание (обнаружение и закрепление) новых фактических данных (доказательств), устанавливающих или опровергающих ее достоверность;

в) оценку поступившей информации и собранных фактических данных на предмет доказанности признаков преступления с позиции требований уголовного и уголовно-процессуального законов Республики Беларусь;

г) использование полученной информации в процессе проверки для принятия соответствующих организационных и процессуальных решений.

Данный вид деятельности лица, производящего дознание, направлен на собирание доказательств, которые могут как прямо устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию (прямые доказательства), так и косвенно свидетельствовать о совершении преступления против интересов службы (косвенные доказательства). При этом необходимо принимать во внимание, что только наличие их совокупности позволяет свидетельствовать об установлении конкретного обстоятельства преступного деяния [2, с. 242–243].

Для достоверности высказанного умозаключения продемонстрируем его реализацию в конкретных практических ситуациях при установлении некоторых обстоятельств совершения отдельных видов рассматриваемых преступлений. Преступления против интересов службы совершаются должностным лицом или должностным лицом, занимающим ответственное положение — то есть «специальным субъектом», статус которого должен быть установлен с учетом требований чч. 4, 5 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь [3]. В этой связи лицо, производящее дознание, обязано доказать данный статус совокупностью источников доказательств путем приобщения к материалу проверки: приказа о назначении на должность; должностной инструкции; личного дела; характеристики; объяснения вышестоящего руководителя, инициировавшего его назначение. Однако наличие отдельных из указанных документов не всегда может свидетельствовать о реализации лицом своих компетенций в той или иной ситуации, складывающейся в конкретной сфере экономической деятельности.

Поэтому следует предварительно изучить должностные инструкции и произвести их анализ, сопоставив должностные компетенции с действиями должностного лица, то есть установить их роль в механизме преступного события, что позволит констатировать наличие злоупотребления, бездействия и т. п.

В другой ситуации необходимо констатировать, что изучение, анализ и оценка должностной инструкции в отдельных случаях позволяет выявить некорректность изложения отдельных компетенций (отсутствие конкретики, наличие общих формулировок), что влечет определенные сложности при даче правовой оценки лицом, производящим дознание, действий конкретного должностного лица.

Другие документы (как правило, документы финансово-хозяйственной деятельности), являясь в дальнейшем в стадии предварительного расследования вещественными доказательствами, могут непосредственно устанавливать механизм совершенного преступления против интересов службы, в связи с чем при организации производства проверки по материалам они должны быть изъяты и изучены лицом, производящим дознание, а информация, зафиксированная в них, должна быть проанализирована относительно требований, содержащихся в нормативных правовых актах, регламентирующих порядок производства финансово-хозяйственной деятельности юридического лица, функционирующего в конкретной отрасли экономики Республики Беларусь. Целью данного анализа является выявление информации, свидетельствующей о наличии признаков должностного преступления.

Изучение документов в той или иной сфере финансово-хозяйственной деятельности как ключевого источника доказательственной информации требует также их анализа и оценки относительно ранее собранной информации, содержащейся в других полученных источниках, а именно: объяснениях подчиненных должностного лица; протоколах осмотра иного законного владения, не являющегося жилищем; протоколах осмотра компьютерной информации; протоколах осмотра документов финансово-хозяйственной деятельности; заключениях экспертов и т. д.

Понимание и уяснение сущности соотношения элементов уголовно-правовой структуры преступления против интересов службы и элементов его криминалистической характеристики позволяет лицу, производящему дознание, также осуществить планирование проверки по материалу с целью доказывания неустановленных материальных признаков преступления путем установления причинно-следственных связей между элементами криминалистической характеристики, отобразившимися в объективной реальности и элементами уголовно-правовой структуры должностного преступления в виде:

− материально-фиксированной информации (финансово-хозяйственные документы, приказы и распоряжения должностного лица в конкретной ситуации);

− вербальной информации о конкретных действиях должностного лица, зафиксированной в сознании очевидцев (будущих свидетелей).

Изложенный подход к организации проверки по заявлениям (сообщениям) о преступлениях против интересов службы позволяет лицу, производящему дознание, выполнить требования ст. 18 УПК Республики Беларусь по установлению оснований к возбуждению уголовного дела.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск : Акад. МВД, 2014. 1232 с. Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.102

В. В. Юрченко
преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

СООТНОШЕНИЕ ГЛАСНЫХ И НЕГЛАСНЫХ МЕТОДОВ: ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В XXI в. цифровая трансформация стала определяющим фактором развития общественных отношений, неизбежно затронувшим и сферу борьбы с преступностью. Смещение коммуникаций, экономической активности и, как следствие, противоправной деятельности в информационно-телекоммуникационную среду предъявляет новые требования к инструментарию правоохранительных органов. Оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД), исторически основывающаяся на сочетании гласных и негласных методов, сегодня столкнулась с вызовом, когда грань между этими методами становится все более размытой.

Законодатель определяет ОРД как деятельность, осуществляемую с соблюдением конспирации, проведением мероприятий гласно и негласно. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», ОРД направлена на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан и обеспечивается путем проведения мероприятий как гласно, так и негласно [1]. Однако цифровая среда создает ситуацию правовой неопределенности: сбор информации из открытых источников (социальные сети, форумы) технически не является тайным, но его тотальность и глубина позволяют сформировать детальный «цифровой профиль» личности, что по степени вторжения в частную жизнь сопоставимо с классическими негласными мероприятиями.

Целью настоящей работы является комплексный анализ проблем соблюдения прав граждан при изменении соотношения гласных и негласных методов оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) в условиях цифровизации, а также выработка предложений по гармонизации правоприменительной практики и законодательства с опорой на новейшие научные исследования.

1. Эволюция правового регулирования и принцип баланса в ОРД.

Правовую основу ОРД в постсоветском пространстве формируют законы, закрепляющие ее специфический характер. Принцип законности (ст. 6 Закона № 307-З) требует, чтобы любое ограничение прав осуществлялось строго на основании закона и в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц [1].

Однако современные исследователи отмечают, что цифровизация вносит коррективы в классическое понимание «гласности». Ранее гласные методы (опрос, наведение справок) подразумевали открытое взаимодействие с гражданами или организациями. Сегодня же «гласный» сбор общедоступной информации в Интернете может осуществляться без ведома лица и в масштабах, которые законодатель при разработке законов 1990-х гг. не мог прогнозировать.

Как справедливо отмечается в современной доктрине, проблема соблюдения прав граждан при проведении ОРМ сегодня напрямую связана с вопросом законности и допустимости использования цифровых методов. Исследователи подчеркивают, что правоприменительная практика сталкивается с вызовами, которые не могли быть предусмотрены законодателем два десятилетия назад, что требует пересмотра подходов к оценке допустимости получаемых доказательств.

2. Цифровая информация как объект ОРД: новые вызовы.

Современная оперативно-розыскная деятельность все больше смещается в сферу работы с цифровыми следами. Ключевой проблемой становится применение технологий OSINT-анализа (Open Source INTelligence). В научной литературе 2024–2025 гг. активно обсуждается проблема правовой квалификации сбора данных из открытых источников.

В. Ю. Жандров в своем исследовании 2025 г. обосновывает необходимость формализации «цифровой оперативной информации» как особого рода сведений, извлекаемых из информационно-телекоммуникационной среды. Автор аргументированно доказывает, что законодательное закрепление этого понятия позволит снизить риски нарушения законности при документировании цифровых следов преступлений и создаст четкие критерии для разграничения гласных и негласных методов работы с такими данными [2].

Р. Ю. Кохан в статье 2024 г. подчеркивает, что OSINT, связанный с мониторингом социальных сетей и обработкой персональных данных, в силу негласного характера ограничения прав на неприкосновенность частной жизни, по сути, должен приравниваться к ОРМ [3]. Его проведение допустимо только при наличии установленных законом оснований и специальных полномочий

должностного лица, а не как простое «собирание открытых данных». Парадокс ситуации заключается в том, что формально открытые данные (посты, геолокация, список друзей) при их агрегации и аналитической обработке дают правоохранительным органам информацию, сопоставимую по объему с результатами негласного наблюдения, но без получения судебной санкции.

3. Судебный контроль и проблема эффективности гарантий.

Важнейшей гарантией соблюдения конституционных прав является судебный контроль за проведением ОРМ, ограничивающих тайну переписки, телефонных переговоров (ст. 28 Конституции РБ) и неприкосновенность жилища [4]. Однако современная практика ставит эффективность такого контроля под сомнение.

Анализ публикаций в специализированных юридических изданиях за 2024–2025 гг. показывает, что проблема формального подхода судов к рассмотрению ходатайств о проведении ОРМ остается актуальной. Исследователи отмечают, что высокий процент удовлетворяемых ходатайств (превышающий 90 %) сам по себе не свидетельствует о качестве судебного контроля [5]. Отсутствие в открытом доступе детализированной статистики по отказам и их мотивировке создает риск того, что судебная санкция превращается в формальность.

Особенно остро эта проблема стоит в контексте доступа к цифровым данным. Обсуждаются инициативы, позволяющие получать доступ к переписке в мессенджерах и данным из облачных хранилищ в упрощенном порядке, мотивируя это высокой скоростью уничтожения цифровых следов. Упрощение удаленного доступа к данным может привести к злоупотреблениям и массовым нарушениям прав граждан, сводя на нет конституционные гарантии тайны связи.

4. Проблемы разграничения гласных и негласных методов в цифровой среде.

Цифровизация приводит к размыванию традиционной границы между гласными и негласными методами ОРД. Возникает так называемая серая зона — действия, которые формально являются гласными (поскольку информация собирается из открытых источников), но по своей сути и последствиям для частной жизни граждан являются негласными.

В современной научной литературе обосновывается позиция, согласно которой критерием отнесения метода к негласным должно выступать не столько наличие или отсутствие непосредственного контакта с гражданином, сколько возможность для гражданина осознавать факт сбора информации и осуществлять контроль за использованием своих данных. Если технологии позволяют собирать и анализировать информацию скрытно от гражданина и

в масштабах, исключающих возможность осознанного согласия, такой сбор должен рассматриваться как негласный метод со всеми вытекающими правовыми последствиями.

Особую сложность представляет использование систем распознавания лиц и анализа Big Data. Внедрение биометрических систем в общественных местах создает правовой вакуум. Отсутствие четких законодательных оснований для обработки таких данных и механизмов оценки воздействия на приватность позволяет расширительно трактовать нормы законов об ОРД [5].

5. Пути совершенствования законодательства и правоприменения.

Для решения обозначенных проблем необходим комплексный подход, сочетающий обновление законодательства, усиление институциональных гарантий и развитие научно обоснованных подходов к правоприменению.

Во-первых, требуется уточнение законодательства в части определения правового режима цифровой информации. Целесообразно законодательно закрепить, что сбор и анализ общедоступной информации (OSINT), осуществляемый с использованием специальных программных средств для профилирования личности, является негласным методом ОРД и требует соответствующих правовых оснований. Как обоснованно предлагает В. Ю. Жандров, необходимо определить правовой режим «цифровой оперативной информации» как самостоятельного объекта оперативно-розыскных отношений [2, с. 180].

Во-вторых, требуется развитие судебного контроля. Необходима специализация судей, рассматривающих ходатайства о проведении ОРМ в цифровой среде. Судебный контроль должен оценивать не только формальные основания, но и соразмерность вмешательства, а также адекватность применяемых технологий тем целям, которые преследуются при проведении ОРМ.

В-третьих, важным направлением является восполнение понятийных пробелов в законодательстве. Формирование единообразного понятийного аппарата в сфере обеспечения конституционных прав граждан в условиях цифровизации является необходимым условием для выработки эффективных правовых норм.

В-четвертых, требуется более глубокая научная проработка критериев допустимости использования результатов ОРМ, полученных с применением цифровых технологий. Современные исследования подчеркивают необходимость выработки четких стандартов законности и допустимости ОРМ в цифровой среде, которые учитывали бы как потребности правоохранительных органов, так и конституционные права граждан.

Цифровизация коренным образом меняет ландшафт ОРД. Соотношение гласных и негласных методов смещается: технологии позволяют достигать целей, ранее требовавших проведения негласных мероприятий, за счет тотального анализа «открытых» данных. Это создает серьезные риски для конституционных прав граждан, поскольку формально законные действия могут приводить к необоснованному вторжению в частную жизнь.

Законодательство об ОРД, созданное в доцифровую эпоху, нуждается в адаптации с учетом современных реалий и новейших научных разработок. Главная задача сегодня — найти баланс между эффективностью борьбы с преступностью и защитой прав человека в цифровом пространстве. Достижение этого баланса возможно только при условии четкого правового регулирования работы с цифровыми данными, усиления содержательного, а не формального судебного контроля и создания механизмов, позволяющих гражданам защищать свои права в случае их нарушения.

Современные исследования 2024–2025 гг. убедительно демонстрируют, что игнорирование этих вызовов может привести к тому, что принцип законности, провозглашенный основой ОРД, превратится в фикцию, а методы работы правоохранительной системы вступят в неразрешимое противоречие с конституционными гарантиями. Только опора на актуальные научные разработки и своевременное обновление законодательства позволят сохранить необходимый баланс публичных и частных интересов в эпоху цифровизации [5].

Список основных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З : в ред. от 7 февр. 2023 г. № 248-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11500307 (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Жандров В. Ю. Цифровая оперативная информация: нормативное регулирование и правовой режим использования в уголовном преследовании // Вестн. Ин-та права Башкир. гос. ун-та. 2025. Т. 8, № 3 (27). С. 172–186. Вернуться к статье

3. Кохан Р. Ю. О проблемных вопросах обеспечения конституционных прав граждан в процессе информационно-аналитического обеспечения оперативно-разыскной деятельности, использования технологий OSINT-анализа // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2024. № 4 (57). С. 33–38. Вернуться к статье

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Хрипкова Е. Е. Законность и допустимость оперативно-розыскных мероприятий: современные вызовы и правовые решения [Электронный ресурс] // Науч.

лидер. 2025. № 19 (220). URL: https://scilead.ru/article/8686-zakonnost-i-dopustimost-operativno-rozisknikh (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 351.74:343.85

А. С. Андрианова
старший преподаватель кафедры
общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ПОТЕНЦИАЛ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Приоритетными задачами функционирования правоохранительных органов любого государства являются профилактика и предупреждение преступности. В связи с этим актуализируется задача поиска новых форм и способов профилактической деятельности. В рамках данной статьи оценим спектр возможностей юридической клиники в сфере профилактики правонарушений.

Юридическая клиника — структурное подразделение учреждения высшего образования, осуществляющего подготовку специалистов юридического профиля, созданное для соединения теоретического и практического обучения студентов (курсантов), которые под руководством преподавателей и практикующих юристов оказывают правовую помощь нуждающимся категориям населения [1, с. 11]. Создание и функционирование юридических клиник (общественных приемных по оказанию правовой помощи) предусмотрено п. 14 Плана мероприятий по правовому просвещению граждан в 2024–2029 годах [2].

Деятельность обучающихся в рамках юридической клиники включает в себя следующие направления:

1. Образовательное: со студентами (курсантами) — консультантами проводится обучение по проведению юридического интервьюирования, анализа дел, составлению процессуальных документов и т. д.

2. Консультационное: оказание обучающимися бесплатной юридической помощи посредством устного либо письменного консультирования.

3. Научно-исследовательское: подготовка студентами (курсантами) материалов для участия в научно-практических конференциях по результатам анализа конкретных правовых ситуаций.

4. Просветительское: участие обучающихся в проводимых мероприятиях по правовому просвещению населения, в том числе и по пропаганде правовых знаний. В рамках данного направления деятельности юридической клиники может быть реализован ряд мероприятий по профилактике правонарушений: создание инфографики на правовую тематику, подготовка видеороликов для социальных сетей, выступление перед аудиторией, создание специальных интернет-ресурсов для правового информирования населения.

Инфографика позволяет визуализировать не только содержание правовых норм, но и алгоритм поведения в той либо иной правовой ситуации. Например, использование графического способа представления правовой информации позволяет визуализировать изменения в правовом регулировании общественных отношений в рамках конкретных отраслей права (административного, уголовного, гражданского и др.). Обучающиеся в рамках юридической клиники могут реализовать свои творческие способности, проанализировав содержание нормативных правовых актов, обобщив правоприменительную практику и подготовив материалы в виде инфографики, ориентированные на определенную категорию граждан (несовершеннолетних, молодежь, лиц пожилого возраста и др.).

Видеоролики — одна из эффективных форм правовой пропаганды, что обусловлено широким распространением информационных технологий, ростом популярности непродолжительных видеороликов, изменением порядка восприятия информации человеком (клиповое мышление), большим спектром способов доведения данной информации до населения (размещение в социальных сетях; трансляция на видеомониторах, установленных в организациях торговли, общественном транспорте, организациях образования и (или) здравоохранения, общественных местах и др.). Следует отметить, что молодежь обладает особым потенциалом в представлении информации посредством видеороликов. В свою очередь, в Республике Беларусь стимулируется данный вид деятельности посредством организации проведения различных видов конкурсов (например, конкурс видеороликов «Правовая мастерская», проводимый Национальным центром законодательства и правовой информации), включения заданий по созданию видеороликов на определенную правовую тематику при проведении юридических олимпиад и т. д.

В рамках юридической клиники обучающиеся получают дополнительные возможности для подготовки видеороликов на актуальную для общества и государства тематику, поскольку в рамках рассмотрения конкретных жизненных ситуаций могут выявить проблемные вопросы, требующие не только разрешения, но и предотвращения их возникновения в будущем.

Выступление участников юридических клиник на правовую тематику перед аудиторией — еще один из способов профилактики правонарушений и преступлений. Особенно эффективен данный вид деятельности при выступлении перед обучающимися иных учреждений образования (средних специальных, профессионально-технических, высших и др.), когда «равный обучает равного». Относясь к одинаковой возрастной категории, клиницисты в ходе доверительного общения передают обучающимся иных учреждений образования актуальную правовую информацию, акцентируют внимание на последствиях совершения противоправных поступков, обмениваются опытом.

В ходе встреч могут быть применены различные формы передачи информации: лекционные занятия, демонстрация видеороликов на правовую тематику, распространение инфографики, акции, интерактивные занятия и др.

Подводя итоги, отметим, что профилактика и предупреждение преступности — актуальные задачи, решение которой невозможно без консолидации деятельности государственных органов, негосударственных организаций, граждан. Достаточно большим потенциалом в осуществлении профилактической деятельности, особенно в работе с подростками и молодежью, имеют юридические клиники.

Список основных источников

1. Хастинов Э. М., Шарапов И. И. Юридическая клиника : учеб. пособие. М. : Изд-во Рос. тамож. акад. 2012. 180 с. Вернуться к статье

2. О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 12 янв. 2024 г. № 24 : в ред. от 18 сент. 2025 г. № 513. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 796.8:351.74

Н. А. Баранов
преподаватель
кафедры профессионально-прикладной физической подготовки
Могилевского института МВД Республики Беларусь
А. Н. Тарасевич
курсант 3 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ РУКОПАШНОГО БОЯ В ПРОЦЕССЕ ФИЗИЧЕСКОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КУРСАНТОВ

Эффективность физического совершенствования курсантов в значительной степени зависит от обоснованности используемых средств и методов. В современной педагогической и методической литературе рукопашный бой рассматривается не просто как прикладная дисциплина, а как комплексное средство, интегрирующее в себе элементы физической, психологической и тактической подготовки. Для обоснования выбора средств и методов в данной работе проведен анализ статей ведущих специалистов в области физической подготовки ведомственных учебных заведений.

В статье С. В. Иванова «Методика обучения рукопашному бою в системе физической подготовки курсантов» детально рассматривается структура построения учебного процесса. Традиционный подход, основанный на механическом разучивании отдельных приемов, характеризуется автором как недостаточно эффективный для формирования устойчивых двигательных навыков, необходимых в экстремальных ситуациях. С. В. Иванов отмечает, что при стандартной организации занятий возникает существенный разрыв между изучением техники и условиями ее вероятного применения, что снижает качество подготовки [1, с. 46].

В указанной статье приводятся результаты педагогических наблюдений, согласно которым при использовании традиционной методики до 40 % курсантов испытывают значительные трудности при попытке применить изученные приемы в условиях внезапного нападения или активного противодействия противника. Данный факт, по убеждению исследователя, свидетельствует о необходимости пересмотра сложившихся подходов к обучению [1, с. 47].

В качестве альтернативы С. В. Иванов предлагает модифицировать методику за счет увеличения доли вариативных тренировок и активного внедрения ситуационного моделирования. Обоснование данной позиции строится на том,

что двигательный навык, сформированный в жестких стереотипных условиях, не обладает необходимой пластичностью. Введение метода круговой тренировки с включением элементов рукопашного боя рассматривается автором как способ повышения моторной плотности занятия и развития у курсантов комплексной координации, позволяющей оперативно переключаться между различными видами двигательных действий [1, с. 49].

Таким образом, анализ статьи С. В. Иванова показывает, что успех физического совершенствования напрямую зависит от внедрения в методику обучения принципов ситуационной вариативности. Только при условии моделирования нестандартных условий боевого контакта возможно сформировать у курсантов готовность к эффективным действиям в реальной оперативной обстановке.

Исследование А. Н. Петрова, представленное в статье «Физическое воспитание и рукопашный бой в учебных заведениях МВД», посвящено воспитательному и прикладному потенциалу рукопашной подготовки. В работе обосновывается положение, согласно которому рукопашный бой выступает не просто как одна из дисциплин физической подготовки, а как важнейший фактор формирования профессионально важных качеств будущего сотрудника. К числу таких качеств А. Н. Петров относит решительность, стрессоустойчивость, уверенность в себе, а также способность принимать адекватные решения в условиях жесткого дефицита времени [2, с. 13].

Важным теоретическим положением статьи является обращение к концепции интегральной подготовки. Согласно данной концепции, средства рукопашного боя не могут рассматриваться изолированно от общей системы физического воспитания. А. Н. Петров доказывает, что именно в процессе занятий рукопашным боем наиболее эффективно решается задача переноса физических качеств — силы, выносливости, быстроты — в практическую плоскость профессиональной деятельности. В отличие от абстрактных физических упражнений рукопашный бой задает конкретный контекст применения этих качеств, что значительно повышает прикладную ценность физической подготовки [2, с. 15].

Особого внимания заслуживает позиция исследователя относительно методов контроля подготовленности. Традиционные нормативы, оценивающие скорость выполнения одиночных приемов или технику их демонстрации, признаются автором недостаточно информативными. Обосновывается это тем, что в реальной служебно-боевой ситуации действия сотрудника никогда не сводятся к изолированному выполнению одного приема. В связи с этим А. Н. Петров предлагает использовать в качестве более объективного метода оценки

моделирование поединка с высокой плотностью действий. Такой подход позволяет оценить способность курсанта применять изученные средства в условиях нарастающего физического утомления и психологического давления, что в большей степени соответствует требованиям профессиональной деятельности [2, с. 17].

Проведенный анализ позволяет заключить, что в концепции А. Н. Петрова средства рукопашного боя выполняют системообразующую функцию в процессе физического совершенствования курсантов. Они связывают воедино физическую подготовку и формирование профессионально-психологических качеств, а метод ситуационного моделирования признается наиболее адекватным инструментом оценки реальной готовности.

В работе В. М. Сидорова «Рукопашный бой как средство повышения боевой готовности курсантов» рассматривается взаимосвязь между уровнем владения приемами рукопашного боя и общей профессиональной надежностью выпускников. Ключевая идея статьи заключается в том, что рукопашный бой представляет собой универсальное средство, позволяющее моделировать экстремальные состояния, максимально приближенные к реальным служебно-боевым ситуациям. В отличие от других разделов физической подготовки, рукопашный бой изначально включает в себя элемент противоборства, что создает естественные условия для развития психологической устойчивости [3, с. 31].

В статье подвергается критике традиционная система физического совершенствования, в которой, как отмечается, часто игнорируется фактор психологического давления, оказываемого физическим противодействием противника. В. М. Сидоров указывает, что выполнение упражнений без реального сопротивления формирует у курсантов ложное чувство подготовленности. В качестве решения предлагается активное использование соревновательного метода и метода усложненных условий выполнения упражнений, которые позволяют моделировать стресс-факторы, характерные для реальных оперативных ситуаций [3, с. 33].

Таким образом, изученные источники в совокупности подтверждают, что использование специальных средств и методов рукопашного боя является необходимой составляющей качественной физической подготовки курсантов. Общей тенденцией, прослеживаемой во всех проанализированных работах, выступает требование максимальной ситуационной приближенности учебного процесса к условиям реальной профессиональной деятельности, что предполагает дальнейшее совершенствование методик обучения и контроля.

Список основных источников

1. Иванов С. В. Методика обучения рукопашному бою в системе физической подготовки курсантов // Воен.-спортив. вестн. 2020. № 3. С. 45–50. Вернуться к статье

2. Петров А. Н. Физическое воспитание и рукопашный бой в учебных заведениях МВД // Журн. физ. культуры и спорта. 2018. № 2. С. 12–18. Вернуться к статье

3. Сидоров В. М. Рукопашный бой как средство повышения боевой готовности курсантов // Воен.-пед. журн. 2021. № 1. С. 30–36. Вернуться к статье

УДК 355.588

А. М. Богданов
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Сибирского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ РАДИАЦИИ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Слово «радиация» ассоциируется с атомными электростанциями, оружием массового поражения или радиоактивными отходами, при этом радиация является совокупностью излучений, способных ионизировать вещество, тем самым вызывая в нем спонтанный распад атомов. Радиация — это ионизирующее излучение, которое образуется при распаде радиоактивных частиц. Сама по себе она незаметна, и встречается она везде, только в разных количествах.

Все источники радиации на планете можно разделить на две основные категории: естественные (газы и космическое излучение) и искусственные (причиной появления является человек) [1, с. 19].

Рассмотрим основные источники естественной радиации:

1. Космическое излучение — это высокоэнергетические частицы, которые приходят из космоса, включая солнечное излучение и частицы от других звезд и галактик.

2. Радон — опасный радиоактивный газ, который образуется из урана, находящегося глубоко в земле. Радон способен накапливаться в воздухе внутри зданий, особенно в подвалах и домах, построенных на участках с гранитными или другими радиоактивными породами.

3. Геологические источники — радиоактивность может исходить из геологических образований. Например, гранит и другие породы содержат природные радиоактивные элементы (уран, торий, калий-40), распад которых генерирует излучение.

4. Биологические источники — в тканях человека и животных обнаруживаются природные радионуклиды, такие как калий-40, который содержится в пищевых продуктах и, соответственно, участвует в метаболизме.

5. Почва и вода — могут содержать радиоактивные частицы, которые формируют так называемый естественный радиационный фон Земли.

Искусственная радиация возникает в результате человеческой деятельности и имеет следующие источники возникновения:

1. Медицинские процедуры. Одним из самых значительных источников искусственной радиации является медицинская диагностика и лечение. Рентгеновские исследования, компьютерная томография, радиотерапия и другие

процедуры используют ионизирующее излучение для диагностики и лечения заболеваний.

2. Ядерная энергетика. Управление радиоактивными отходами является главной задачей атомной энергетики. Эти отходы, содержащие радиоактивные изотопы и образующиеся при переработке ядерного топлива, требуют крайне осторожного обращения и утилизации во избежание вреда здоровью и экологии.

3. Ядерные испытания. Ядерные взрывы выбрасывали в воздух радиоактивные частицы. Когда эти частицы оседали на землю и в воду, они оставляли после себя радиоактивные пятна, которые остаются опасными надолго.

4. Промышленное использование. Промышленность активно использует радиацию для контроля производства, неразрушающего тестирования и стерилизации медицинских изделий. Радионуклиды также незаменимы в науке.

5. Космическое излучение. Несмотря на то, что космическое излучение существует в природе, наша собственная деятельность способна усиливать его воздействие. Примерами такого усиления служат полеты на больших высотах и космические путешествия.

6. Радиоактивные материалы в быту. Отдельные категории бытовых изделий могут включать в свой состав радиоактивные материалы. К ним относятся, в частности, винтажные часы с тритиевой подсветкой, ионизационные дымовые детекторы и некоторые разновидности газоразрядных ламп.

В целях обучения сотрудников обнаружению радиации необходимо уделить внимание ее типам (ионизирующая и неионизирующая радиация). Благодаря знаниям характеристик радиации можно обеспечить радиационную безопасность для себя и окружающего мира, предупредить попытки заражения населения [2, с. 32].

Каждый тип радиации имеет свои свойства и уровни опасности для человека и окружающей среды.

В целях обеспечения состояния защищенности настоящего и будущего поколений людей от вредного для их здоровья воздействия ионизирующего излучения необходимо использовать средства и методы для обеспечения безопасности жизни.

Таким образом, можно определить следующие методы обнаружения радиации:

1. Фотографический метод — основан на степени почернения фотоэмульсии. Под воздействием ионизирующих излучений молекулы бромистого серебра в эмульсии распадаются на бром и серебро. Образовавшиеся при этом кристаллики металлического серебра вызывают почернение фотоматериалов

при их проявлении. Сравнив степень почернения проявленных фотоматериалов с эталоном, можно определить дозу поглощенного излучения.

2. Сцинтилляционный метод — основан на способности некоторых веществ (сернистый цинк, йодистый натрий) давать вспышки при попадании ионизирующих частиц в их кристаллы.

3. Химический метод — базируется на изменении структуры некоторых растворенных веществ под воздействием ионизирующих излучений. Так, хлороформ в воде при облучении разлагается с образованием соляной кислоты, которая меняет цвет или насыщенность цвета индикатора ионов водорода, добавленных к хлороформу.

4. Ионизационный метод — под воздействием излучений в изолированном объеме происходит ионизация газа: электрически нейтральные атомы (молекулы) газа разделяются на положительные и отрицательные ионы.

Список основных источников

1. Бельский А. Е. Особенности подготовки полицейских к действиям по оценке радиационной и химической обстановки // Общество. Право. Современность : материалы науч.-представит. мероприятий, Красноярск, 15–27 окт. 2025 г. : в 4 ч. / Сиб. юрид. ин-т МВД России. Красноярск, 2025. Ч. 3. С. 31–34. Вернуться к статье

2. Тарута А. Г. Некоторые аспекты теории двух сфер планеты Земля // Диалог естественных и технических наук: теория и эксперимент : сб. науч. ст. Казань : НКР-Научный мир, 2025. С. 18–20. Вернуться к статье

УДК 351.74:343.98:355.551

Т. С. Боровая
преподаватель кафедры
профессионально-прикладной физической подготовки
Могилевского института МВД Республики Беларусь

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ТАКТИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Современная преступность представляет собой сложное социальное явление, которое не стоит на месте, а адаптируется к меняющимся условиям и использует новые возможности, что требует от правоохранительных органов не только теоретических знаний, но и высокого уровня практической подготовки.

Эффективность правоохранительных органов в борьбе с преступностью напрямую зависит от профессиональной подготовки сотрудников, в особенности от тактической специальной подготовки (далее — ТСП). ТСП представляет собой комплекс знаний, умений и навыков, направленных на эффективное планирование, организацию и проведение оперативно-служебных мероприятий по пресечению преступной деятельности. Роль тактической подготовки в борьбе с преступностью невозможно переоценить, именно она формирует умение действовать решительно, грамотно и безопасно в условиях повышенного риска, значительно уменьшая при этом возможные негативные последствия для гражданского населения и самих правоохранителей. ТСП является неотъемлемой частью обучения курсантов и формирует навыки, необходимые для эффективного выполнения служебных обязанностей. В данном докладе рассмотрим основные аспекты роли и значения ТСП курсантов в борьбе с преступностью.

Тактическая специальная подготовка — это комплекс мероприятий, направленных на обучение основам тактики выполнения служебных задач, действиям в условиях повышенного риска, а также взаимодействию внутри подразделений и между различными службами правоохранительных органов. Эта подготовка включает в себя физические тренировки, отработку навыков самообороны, применение специальной техники и оружия, а также психологическую подготовку [1].

ТСП не является сугубо формальным элементом в образовательном процессе обучения. Ее значение заключается в формировании у курсантов ключевых навыков для эффективного противодействия преступности. ТСП включает в себя следующие важные элементы:

1. Формирование практических навыков: программа обучения предусматривает углубленное изучение курсантами комплекса прикладных медотик, таких как техника задержания и конвоирования, проведение досмотра, а также алгоритмы действий при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях. Эти навыки особенно важны при столкновении с агрессивными и хорошо подготовленными преступниками.

2. Развитие психологической устойчивости: тренировки ТСП моделируют стрессовые ситуации, тем самым курсанты учатся контролировать эмоции и быстро принимать взвешенные решения под давлением, в условиях стресса, повышенного риска. Данные навыки необходимы при столкновении с агрессивными и непредсказуемыми правонарушителями (например, захват заложников или вооруженные столкновения) [2].

3. Развитие навыков командного взаимодействия: занятия направлены на отработку сценариев, имитирующих реальные условия боевого взаимодействия. В процессе таких занятий анализируются допущенные ошибки при выполнении поставленных различных задач, принимаются командные решения, которые позволяют устранить ошибки и повысить общий уровень готовности команды. Также данные занятия включают развитие навыков лидерства и ответственность за каждого участника и сплоченность команды, что обеспечивает успешное выполнение поставленных задач.

Актуализация знаний: учебная программа ТСП постоянно совершенствуется в зависимости от динамики преступности и появления новых видов преступной деятельности (например, киберпреступность). В связи с этим в образовательный процесс внедряются новые технологии (например, использование беспилотных летательных аппаратов для мониторинга, современных систем видеонаблюдения, средств связи и оперативного реагирования).

Использование современных тренажеров, симуляторов, технологий виртуальной реальности (VR) и специализированных полигонов, оснащенных передовыми технологиями, моделирование уличных столкновений, проведение специальных операций в закрытых помещениях, в различных транспортных средствах — все это помогает приблизиться курсантам к реальным боевым условиям без риска для жизни, тем самым давая результативность занятий по ТСП, формирует практический опыт и выработку устойчивых навыков.

Профилактика правонарушений: профессионализм сотрудников определяется не только глубоким знанием нормативно-правовой базы, но и способностью оперативно и точно реализовывать ее в практической деятельности. Демонстрация сотрудниками органов внутренних дел высокого уровня профессионализма и готовности к решительным действиям благодаря занятиям

по ТСП оказывает существенное сдерживающее воздействие на потенциальных преступников, что способствует снижению уровня преступности в долгосрочной перспективе.

Высокий уровень тактической специальной подготовки курсантов способствует повышению эффективности борьбы с преступностью. ТСП играет важную роль в формировании профессиональных качеств и морально-этических принципов у курсантов, что является основой для их успешной карьеры в дальнейшем. Комплексный подход к образовательному процессу, включающий современные методики обучения, развитие психологической устойчивости, совершенствование прикладных навыков, обеспечивает курсантам высокую готовность к выполнению служебных обязанностей и поддержанию правопорядка в обществе.

Список основных источников

1. Анисимов Л. Н. Теория и практика тактической подготовки сотрудников органов внутренних дел : учебник. М. : Моск. ун-т МВД России, 2020. 350 с. Вернуться к статье

2. Закалюжный Н. И. Психологическая подготовка сотрудников правоохранительных органов к действиям в экстремальных условиях : монография. М. : Акад. упр. МВД России, 2018. 192 с. Вернуться к статье

УДК 343.92

М. С. Гаджимурадов
главный тренер по специальной физической подготовке и самозащите Национальной Федерации Джиу-джитсу Азербайджанской Республики

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА В НЕЗАКОННЫХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: КОМПЛЕКСНЫЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Эскалация современных угроз национальной безопасности, связанная с активизацией деятельности незаконных вооруженных формирований (далее — НВФ) и террористических организаций (далее — ТО), требует всестороннего анализа их оперативного потенциала. Физическая подготовка их участников остается системно недооцененным аспектом в отличие от идеологических, финансовых и организационных компонентов [1, с. 45]. В научной литературе криминологическое и оперативно-тактическое измерение физической подготовки изучено недостаточно [2, с. 18]. Физическая подготовка в контексте деятельности НВФ и ТО представляет собой целенаправленный процесс формирования специфических двигательных навыков, физических способностей и психофизиологической устойчивости, направленный на повышение эффективности вооруженной борьбы, террористических актов и иных форм насилия [3, с. 92]. Игнорирование данного компонента ведет к недооценке возможностей указанных групп и разработке неадекватных мер противодействия [4, с. 56].

Объект и предмет исследования. Объект исследования — физическая подготовка как элемент оперативной деятельности и системы управления НВФ и ТО. Предмет исследования — ее целевые функции, содержание, методическое обеспечение, организационные формы и региональная специфика физической подготовки НВФ и ТО.

Цели и задачи физической подготовки. Система физической подготовки в НВФ и ТО реализует взаимосвязанные цели, выходящие за рамки простого развития физических качеств.

Задачи физической подготовки НВФ и ТО:

1. Обеспечение физической подготовленности к боевым действиям в гибридных условиях: развитие силовой выносливости (переноска грузов, боеприпасов), скоростных (быстрые перебежки, смена позиций) и координационных (передвижение в разрушенной урбанизированной среде) способностей

[5, с. 112]. Например, подготовка боевиков ISIS в Сирии включала марш-броски на 20–30 км в полной экипировке по пустынной и горной местности при экстремальных температурах [6, с. 78].

2. Формирование прикладных двигательных навыков: бесшумное перемещение и маскировка [7, с. 134]; преодоление инженерных заграждений (техники чеченских сепаратистов) [8, с. 47]; штурмовые действия (подразделения Hamas, отрабатывающие проникновение в здания) [9, с. 63].

3. Психологическая обработка и групповая динамика: изнурительные нагрузки используются для подавления индивидуальной воли, формирования рефлекторного подчинения и групповой сплоченности («ночи сатаны» в некоторых спецподразделениях, позже перенятые НВФ) [10, с. 155].

4. Идеологическая индоктринация: физические тренировки подаются как «джихад телом», испытание веры и преданности (тренировочные лагеря Taliban) [11, с. 89].

5. Селекция и ротация кадров: интенсивный тренировочный процесс служит механизмом естественного отбора. Например, в Irish Republican Army к операциям допускались только боевики, прошедшие многомесячную подготовку [12, с. 201].

Содержание и методы физической подготовки НФВ и ТО. Анализ позволяет выделить утилитарное содержание физической подготовки, варьирующейся в зависимости от региона и задач.

Общая физическая подготовка (35 %): Является основой, формирующей базовые физические способности боевика, — выносливость и силовую подготовленность, без которых невозможны длительные операции в сложных условиях. Выносливость: кроссовый бег 10–15 км, марш-броски с грузом 20–30 кг (Al-Qaeda в Афганистане) [13, с. 34]. Силовая подготовка: использование нестандартных снарядов (покрышки, бревна, камни). В лагерях ISIS применялись тяжелые мешки, имитирующие тело человека [6, с. 80].

Тактико-специальные комплексы (30 %). Второй по важности компонент, напрямую переводящий физическую готовность в прикладные навыки, необходимые для ведения боя (штурм, преодоление препятствий, перемещение в городе).

Тактико-специальные комплексы: полосы препятствий из подручных материалов, штурм городков (Hezbollah в Ливане) [14, с. 117].

Психологическая подготовка и групповая динамика (20 %). Значительная часть процесса отводится изнурительным нагрузкам для подавления воли, формирования групповой сплоченности и стрессоустойчивости.

Рукопашный бой (10 %): Имеет прикладное значение для ближнего боя и силового задержания, но его доля меньше, так как основной акцент делается на огневую мощь и тактику. Рукопашный бой: упрощенные, агрессивные техники (исламистские группировки Северного Кавказа) [8, с. 49].

Снайпинг и меткая стрельба (5 %). Хотя это критически важный навык, его физическая составляющая (развитие статической выносливости, контроль дыхания) является узкоспециализированной и потому занимает наименьшую долю в общей программе подготовки (Irish Republican Army) [12, с. 205].

Вышеизложенное демонстрирует утилитарный и комплексный подход НВФ и ТО, где физическая подготовка тесно интегрирована с тактической и психологической составляющими.

Методы тренировки характеризуются высокой интенсивностью, минимальным отдыхом, соревновательными элементами и усложнением условий (ночные тренировки, психологическое давление) [15, с. 72]. Организационные формы:

− стационарные учебные центры (лагеря Al-Qaeda в Афганистане, ISIS в Сирии) [6; 13];

− полевые лагеря (сепаратисты в Донбассе) [16, с. 28];

− легализованные структуры (спортивные секции, стрелковые клубы, используемые праворадикальными группировками в Германии и США) [17, с. 91]; децентрализованная подготовка: руководства в пропагандистских ресурсах (журнал Inspire, телеграм-каналы) [18, с. 25].

Физическая подготовка в НВФ и ТО является многоуровневой системой, непосредственно влияющей на их оперативные возможности. Она интегрирована в идеологию, психологическую обработку и кадровую политику, что повышает жизнеспособность этих структур [19, с. 102]. Устаревшие программы физической подготовки в ведомственных вузах ориентированы на сдачу нормативов, а не на формирование боевых компетенций, что создает тактическое отставание [20, с. 64].

Переход от формальной физической культуры к прикладной, интеллектуально насыщенной и психологически обоснованной системе физической подготовки позволит спецподразделениям и правоохранительным органам обеспечить техническое и психофизиологическое превосходство над противником.

Список основных источников

1. Петров А. Н. Современные вызовы национальной безопасности. М. : Изд-во РГГУ, 2020. 256 с. Вернуться к статье

2. Криминологические аспекты терроризма / под ред. С. И. Иванова. СПб. : Юрид. центр, 2019. 318 с. Вернуться к статье

3. Сидоров В. П. Оперативно-тактическая подготовка незаконных вооруженных формирований. М. : Акад. ФСБ, 2018. 194 с. Вернуться к статье

4. Smith J. Counter-Terrorism Strategies. N. Y. : Routledge, 2021. 275 p. Вернуться к статье

5. Johnson M. Hybrid Warfare and Physical Training. L. : Palgrave Macmillan, 2019. 168 p. Вернуться к статье

6. Brown K. ISIS Training Methods. Berlin : Springer, 2020. 213 p. Вернуться к статье

7. Лесные братья: история и методы / сост. П. В. Громов. Рига : Liesma, 2017. 278 с. Вернуться к статье

8. Соколов М. П. Тактико-специальная подготовка незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе // Вестн. Акад. воен. наук. 2008. № 2 (23). С. 45–51. Вернуться к статье

9. Cohen A. Hamas Operational Tactics. Tel-Aviv: IDF Press, 2019. 185 p. Вернуться к статье

10. Psychological Warfare in Special Forces / ed. by R. Miller. L. : Osprey, 2018. 144 p. Вернуться к статье

11. Giustozzi A. The Taliban: An Organizational Analysis. L. : Hurst & Company, 2008. 278 p. Вернуться к статье

12. O’Brien B. The Long War: The IRA and Sinn Fein. Syracuse: Syracuse University Press, 1999. 446 p. Вернуться к статье

13. Bergen P. The Osama bin Laden I Know. N. Y. : Free Press, 2006. 544 p. Вернуться к статье

14. Norton A. R. Hezbollah: A Short History. Princeton : Princeton University Press, 2007. 208 p. Вернуться к статье

15. Modern Training Techniques / ed. by K. Schmidt. Berlin : Tactical Press, 2021. 196 p. Вернуться к статье

16. Hughes A., Sasse G. A New Hot War in the Donbas? // Journal of Democracy. 2022. Vol. 33, № 1. P. 125–139. Вернуться к статье

17. Koehler D. Right-Wing Terrorism in the 21st Century. L. : Routledge, 2016. 212 p. Вернуться к статье

18. Ingram H. J. An Analysis of Inspire and Dabiq. L. : ICSR, 2016. 48 p. Вернуться к статье

19. Williams B. G. Inferno in Chechnya. Lebanon : University Press of New England, 2015. 248 p. Вернуться к статье

20. Кузнецов В. И. Реформа физической подготовки спецподразделений. М. : Воениздат, 2021. 167 с. Вернуться к статье

УДК 378.147

Д. Н. Евлушина
заместитель начальника кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ СЛЕДСТВЕННЫХ КАДРОВ КАК ОСНОВА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Профессионально-прикладная направленность и инновационные технологии сегодня должны стать неотъемлемой составляющей образовательного процесса, обеспечивающего обучающимся доступ к современным методам и инструментам для подготовки специалистов. В современных подходах педагогики особое внимание уделяется компетентностному подходу или практико-ориентированному обучению. Вместо традиционных понятий «знания», «умения», «навыки» более адекватным становится понятие «компетентность», предполагающее усиление практической направленности подготовки, не умаляя значимости теоретического блока. Анализируя палитру различных мнений ученых по данному вопросу, мы солидарны с ними относительно первостепенного внимания к связи теории с практикой и последующим максимальным приближением обучения к практическим условиям деятельности специалиста, учитывая возникающие проблемы и конструктивные пути их решения. Если не вдаваться в дискуссию относительно компетентностного подхода, его форм, методов, указанное в полной мере присуще подготовке специалистов в Волгоградской академии МВД России, об отдельных аспектах которого изложим далее.

Более чем за 59-летний период истории в образовательной организации выработана наиболее эффективная система подготовки высококлассных специалистов, которая сочетает в себе необходимую, достаточную материально-техническую базу и актуальные методики преподавания, учитывающие динамично меняющуюся архитектуру современной преступности и передовой опыт следственной практики. В учебном процессе значительное количество учебного времени, кроме лекционных курсов и семинарских занятий, отводится отработке практических навыков, прохождению практик и стажировок обучающимися. При этом акцент в практическом обучении ставится на инициативу курсантов и слушателей принимать самостоятельное решение согласно возникающих

ситуаций, не боясь совершения возможных ошибок, а при их наличии они анализируются и принимаются конструктивные меры к их исправлению.

Данная система подготовки предполагает использование, с одной стороны, новейших педагогических технологий, основанных именно на активном вовлечении курсантов и слушателей в образовательный процесс, нацеленный на индивидуализацию и профессионально-творческое развитие каждого обучающегося, а с другой — комплексной и многоуровневой практико-ориентированной подготовки к будущей профессии, разумного сочетания «классического» образования с инновационными моделями обучения будущих специалистов для следственных органов.

Фундаментальной основой названного подхода является использование фабул изначально сравнительно простых преступлений, сложность их возрастает постепенно — от дисциплины «Предварительное следствие в органах внутренних дел» до дисциплины «Расследование преступлений в сфере экономики, компьютерной информации и др.». Эта связь между элементами обучения придает всей системе подготовки будущих следователей внутреннее единство и устойчивость при необходимой динамичности. В данном процессе ключевую роль играет высокопрофессиональный профессорско-преподавательский состав, использующий в своей деятельности бинарные занятия, учения, тренинги, кейс-методы, ситуационное моделирование, деловые и ролевые игры.

В современных условиях Волгоградская академия МВД России обладает необходимым инструментарием для эффективной подготовки начинающих следователей. Профильные кафедры академии имеют в своем распоряжении специальные учебные аудитории, оборудованные в том числе различными натурными объектами, материалами следственной практики. Это позволяет обучающимся прикоснуться к реальным орудиям совершения преступлений, следственным документам, понять и оценить значение доказательств для установления истины по уголовному делу, а также увидеть цену ошибки следователя. С использованием специализированных компьютерных программ («Программный комплекс моделирования деятельности подразделений полиции «По горячим следам», «Виртуальный осмотр места происшествия» и др.) воспроизводятся отдельные аспекты профессиональной деятельности следователя. Применяемые IT-технологии позволяют обучающимся в условиях меняющихся следственных ситуаций на различных этапах расследования преступления правильно анализировать их информационную составляющую и с учетом предложенных 3D-моделей мест производства следственных действий провести необходимые из них, используя весь имеющийся современный технико-криминалистический инструментарий. В академии созданы разнообразные

криминалистические полигоны, имитирующие как наиболее типичные места совершения «традиционных» противоправных деяний, так и вероятные локации, в которых происходят самые актуальные в эпоху цифровых технологий IT-преступления. Перечисленные и другие специально оборудованные комплексы и полигоны оснащены необходимыми натурными объектами и специальной техникой, что позволяет привить навыки проведения всех следственных и иных процессуальных действий и выработать у обучающихся психологическую устойчивость к стрессовым ситуациям, характерным для выбранной ими профессии, что в конечном счете ведет к формированию у выпускников чувства уверенности в себе, своих теоретических и профессиональных знаниях и умениях.

Кроме того, инновационные возможности создания современной учебно-полигонной базы и соответствующих компьютерных программ позволяют усовершенствовать образовательный процесс, максимально использовать активные методы обучения, разрабатывать и внедрять новые, целью которых является формирование у обучающихся требуемых ключевых компетенций.

В этой связи отдельного внимания заслуживает использование академией в образовательном процессе аппаратно-программного комплекса моделирования следственных ситуаций с использованием VR-технологий, что открывает новые возможности для изучения теории и отработки практических навыков производства следственных действий [1, с. 55], а также криминалистической техники, в том числе полностью оснащенной передвижной криминалистической лаборатории, позволяющей обучающимся на основе ранее полученных знаний сформировать профессиональные навыки использования возможностей современных средств обнаружения, фиксации, измерения и первоначального исследования следов на месте происшествия, учета и обработки криминалистически значимой информации и др.

Будущего следователя необходимо учить не только грамотно проводить те или иные следственные действия, но и вырабатывать навыки составления процессуальных документов и деловых бумаг. К примеру, на кафедре предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел по всем специальным дисциплинам каждый обучающийся под руководством преподавателей, а затем и самостоятельно готовит около десяти учебных уголовных дел, объем которых доходит до двухсот листов. Контроль за расследованием учебного уголовного дела и подготовкой необходимых протоколов, процессуальных документов, других деловых бумаг от сбора материалов процессуальной проверки до заключительного этапа следствия осуществляется с момента их подготовки на занятиях, в часы

самоподготовки до окончательного оформления и передачи преподавателю для проверки. В случае выявленных недостатков, в том числе тактических и процессуальных ошибок в материалах, преподаватель возвращает дело для доработки. На завершающем этапе изучения дисциплины и окончательной проверки всех уголовных дел группы преподаватель анализирует типичные недостатки, доводит информацию до обучающихся в целях недопущения ошибок впредь. Все материалы учебного дела оформляются рукописно.

Указанные дела впоследствии используются молодыми специалистами как наглядные пособия в первое время их работы в должности следователя.

Завершающим этапом обучения в Волгоградской академии МВД России выступает итоговая государственная аттестация, куда входит сдача комплексного междисциплинарного экзамена по профильным учебным дисциплинам, который носит как теоретический, так и практический характер.

Подводя итог изложенному, выделим основные формы (методы), используемые в обучении: моделирование следственных ситуаций и алгоритмизация действий следователя по ним, привитие навыков и умений производства отдельных следственных, процессуальных действий и их соответствующее процессуальное оформление, проведение занятий на специально оборудованных комплексах и многочисленных современных полигонах, привлечение к занятиям практических сотрудников следственных органов, прокуратуры, суда, организация работы курсантов и слушателей как самостоятельно в рамках расследования «преступлений», так и в составе следственно-оперативных групп (СОГ), дежурной и специализированной, самообразовательная деятельность обучающихся в часы самоподготовки и др.

Список основных источников

1. Сафонова Ю. С. Применение инновационных методов обучения в подготовке следователей // Современное образование: традиции и инновации : материалы Четвертой междунар. науч.-метод. конф., 19 апр. 2024 г. / Волгогр. акад. МВД России ; редкол.: А. А. Редько [и др.]. Вып. 4. Волгоград, 2024. С. 55–57. Вернуться к статье

УДК 159.9

Л. Л. Евсеев
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Могилевского института МВД Республики Беларусь

О ЗНАЧИМОМ ФАКТОРЕ В ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Огневая подготовка в системе служебной подготовки сотрудников органов внутренних дел направлена на формирование специальных компетенций, обеспечивающих эффективное выполнение ими служебных обязанностей как в повседневной деятельности, так и в экстремальных ситуациях, связанных с необходимостью применения и использования огнестрельного оружия (далее — оружие), а также культуры безопасного обращения с ним. Уверенное владение оружием является одним из направлений профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, что в совокупности с тактической составляющей позволяет эффективно противодействовать правонарушителям с целью пресечения их противоправных действий, а также применять (использовать) оружие для обеспечения личной и профессиональной безопасности, защиты иных лиц в различных ситуациях служебной деятельности.

Эффективность поражения цели из огнестрельного оружия является результативным показателем системы «стрелок — оружие — боеприпас — цель». Очевидно, что каждая структурная единица рассматриваемого механизма влияет на результат стрельбы, однако, по нашему мнению, особого внимания заслуживает стрелок, являющийся фундаментальным компонентом указанной модели, который определяет ее целевое назначение.

Подготовка сотрудника органов внутренних дел для работы с огнестрельным оружием включает теоретико-техническую подготовку (изучение правовых положений действующего законодательства; правил безопасного обращения с оружием; устройства, принципа работы частей и механизмов; характеристик и порядка обслуживания оружия; приемов и правил стрельбы и др.); тактическую подготовку (изучение способов приведения оружия в готовность к стрельбе; перемещений с оружием; использования укрытий; работы в группе и др.); специальную физическую подготовку (развитие скоростных способностей, выносливости необходимых групп мышц и др.); психологическую подготовку (формирование умений работать с оружием в условиях стресса и нервно-психического напряжения; скоростной стрельбы и т. п.), что, в свою очередь, обеспечивает его профессиональную подготовленность для работы с оружием.

Служебная деятельность сотрудников органов внутренних дел предусматривает применение и использование ими оружия в ситуациях, связанных с непосредственной угрозой государственной, общественной и личной безопасности. Рассматриваемые ситуации разнообразны по своему содержанию и непосредственно связаны с угрозами наступления неблагоприятных последствий для участников подобных событий, сопряжены с экстремальностью и, как следствие, развитием реакции организма на стресс (учащенное сердцебиение, повышение мышечного напряжения, выброс адреналина и т. п.), что, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на эффективность стрельбы.

В стрессовой ситуации сотрудник, имеющий достаточную профессиональную подготовленность, в том числе и для работы с оружием, то есть обладающий определенным набором знаний, умений, навыков и физических качеств, не всегда может успешно выполнить стоящую перед ним задачу вследствие присутствия у него низкого уровня стрессоустойчивости [1].

Так, в частности, согласно исследованию О. В. Лозгачевой, под стрессоустойчивостью понимается «…комплексное свойство человека, которое характеризуется необходимой степенью адаптации индивида к воздействию экстремальных и (или) кумулятивных внешних и внутренних факторов в процессе жизнедеятельности, обусловленное уровнем активации ресурсов организма и психики индивида, проявляющееся в показателях его функционального состояния и работоспособности» [2].

Согласно научным данным, в проблемном поле психологической готовности к деятельности в условиях воздействия стресса психологическая готовность заключается в активном деятельном состоянии человека применительно к обстановке, связанной с опасностью, и обеспечивается его адаптационным потенциалом, способностью к мобилизации приобретенного опыта для достижения целей профессиональной деятельности на основе сформированных у него устойчивых и ситуативных психологических образований [3].

Таким образом, огневая подготовка сотрудников органов внутренних дел в системе «стрелок — оружие — боеприпас — цель» должна обеспечивать формирование психологической готовности у стрелка к умелым и эффективным действиям с оружием в различных ситуациях служебной деятельности, а также к его правомерному использованию и применению.

Список основных источников

1. Трифонов В. В., Каранкевич А. И. Стрессоустойчивость как элемент готовности сотрудника органов внутренних дел к эффективной реализации

специальных мер административного принуждения (силового воздействия) // Вестн. Сиб. юрид. ин-та МВД России. 2017. № 1. С. 59–64. Вернуться к статье

2. Лозгачева О. В. Формирование стрессоустойчивости на этапе профессионализации: на примере юридического вуза : дис. … канд. психол. наук : 19.00.03. Екатеринбург, 2004. 222 с. Вернуться к статье

3. Евсеев Л. Л. Психологическая готовность к профессиональной деятельности в опасных ситуациях // Вестн. Могилев. гос. ун-та им. А. А. Кулешова. 2019. № 1 (53). С. 73−77. Вернуться к статье

УДК 159.9: 351.74

А. А. Ивендиков
преподаватель кафедры
профессионально-прикладной физической подготовки
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К ДЕЙСТВИЯМ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) характеризуется высокой степенью экстремальности и непредсказуемости. В современных условиях возрастающих угроз общественной безопасности психологическая подготовка правоохранителей к действиям в критических ситуациях приобретает особую актуальность. Способность эффективно функционировать в условиях стресса, неопределенности и опасности становится ключевым фактором успешного выполнения служебных задач и обеспечения личной безопасности сотрудников. Современные реалии правоохранительной деятельности требуют от специалистов не только профессиональных знаний и навыков, но и высокого уровня психологической устойчивости.

Экстремальные условия деятельности сотрудников ОВД представляют собой комплекс психотравмирующих факторов, которые существенно влияют на психическое состояние и работоспособность правоохранителей. Анализ специфики служебной деятельности показывает, что экстремальность проявляется через воздействие морально-психологических и профессионально-психологических факторов [1].

К первой группе относятся осознание нарушения общественного порядка, наблюдение за человеческими потерями и страданиями, необычное поведение граждан в кризисных ситуациях, активизация криминального элемента в зонах чрезвычайных обстоятельств. Вторая группа включает новизну и внезапность событий, дефицит времени для принятия решений, высокие физические и психологические нагрузки. Длительные нагрузки в условиях эмоционального напряжения приводят сотрудника в состояние, требующее проявления высокого самообладания и сдержанности. Неопределенность и риск, связанные с нехваткой достоверной информации, заставляют принимать решения в условиях повышенной ответственности за возможные негативные последствия.

Психологическая готовность к экстремальной деятельности представляет собой сложное интегративное образование, включающее мотивационно-волевой, интеллектуально-когнитивный и регулятивно-деятельностный компоненты. Мотивационно-волевой компонент характеризуется выраженностью профессиональных мотивов, доминированием установки на достижение успеха, развитием волевых качеств личности. Интеллектуально-когнитивный компонент обеспечивает способность к быстрому анализу ситуации, принятию оптимальных решений в условиях неопределенности, прогнозированию развития событий.

Регулятивно-деятельностный компонент включает эмоциональную устойчивость, навыки саморегуляции и способность к эффективному взаимодействию с гражданами в критических ситуациях.

Формирование психологической устойчивости требует комплексного подхода к подготовке личного состава. Система психологической подготовки должна включать теоретическое изучение механизмов стресса, практическое освоение техник саморегуляции, моделирование экстремальных ситуаций в учебном процессе [2]. Особое внимание необходимо уделять развитию навыков управления эмоциональным состоянием, поскольку неконтролируемые эмоциональные реакции могут привести к ошибочным действиям и снижению эффективности деятельности.

Важным аспектом психологической подготовки является работа с психологическими травмами и негативными установками, сформировавшимися в результате предыдущего травматического опыта. Непроработанные эмоциональные потрясения могут существенно снижать адаптивные возможности личности и препятствовать эффективному выполнению служебных обязанностей [3]. Применение методов аудиотерапии, включающих психоаналитический подход и медитативно-дыхательные техники, показывает высокую эффективность в коррекции посттравматических состояний.

Практическая реализация психологической подготовки должна осуществляться через систему специализированных тренингов и упражнений. Моделирование экстремальных ситуаций позволяет сотрудникам отработать алгоритмы действий, развить автоматизированные навыки реагирования, повысить уверенность в собственных силах. Регулярные тренировки в стрессовых условиях способствуют формированию привычки к стрессу и выработке эффективных стратегий преодоления критических ситуаций. Важно проводить анализ действий после завершения экстремальных ситуаций для извлечения опыта и совершенствования профессиональных навыков.

Таким образом, психологическая подготовка сотрудников ОВД к действиям в экстремальных условиях представляет собой многоуровневую систему формирования профессиональной готовности к эффективному выполнению служебных задач в критических ситуациях. Комплексный подход, включающий теоретическую подготовку, практические тренинги и психологическую коррекцию, обеспечивает развитие необходимых компетенций для успешного противодействия угрозам общественной безопасности и личной защиты правоохранителей.

Список основных источников

1. Каранкевич А. И. Экстремальность в деятельности сотрудников органов внутренних дел: психофизический аспект // Вестн. Могилев. ин-та МВД. 2022. № 2 (6). С. 95–104. Вернуться к статье

2. Кибак И. А., Скриганюк А. И. Особенности морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2011. № 1. С. 178–183. Вернуться к статье

3. Андросова В. В. К вопросу о психологической подготовке будущих сотрудников ОВД Республики Беларусь // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Могилев. ин-т МВД ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2022. С. 416–420. URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/6511/1/androsova.pdf (дата обращения: 01.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 355.543

А. И. Каранкевич
старший преподаватель кафедры
профессионально-прикладной физической подготовки
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат педагогических наук, доцент
Д. П. Игнатик
курсант 2 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ФОРМИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ СТРЕЛКОВОЙ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТОВ В УСЛОВИЯХ ВРЕМЕННОЙ И АЛЬТЕРНАТИВНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В проведенных ранее исследованиях в рамках разработки комплексной научно-исследовательской проблемы по формированию психофизической готовности курсантов к успешной реализации двигательных задач в особых условиях служебной деятельности нами выявлены и систематизированы факторы, которые в данном контексте рассматриваются как экстремальные (повышенной напряженности, неопределенности, опасности и т. д.) [1], а доказанный положительный эффект сопряжения средств экстремального воздействия с техникой осваиваемых движений [2] позволил рассмотреть новый подход, при котором совершенствование двигательной активности обучающихся строится через моделирование технико-тактических заданий, учитывающих воздействие конкретного фактора на сформированную базовую конструкцию двигательного действия.

В настоящей публикации представлена модель задания, позволяющего совершенствовать навыко-двигательную структуру стрелкового упражнения в условиях воздействия факторов внезапности и неопределенности. В качестве экспериментального выбрано упражнение, предполагающее выполнение стрельбы по одиночной мишени (мишень — № 4, положение для стрельбы — стоя, расстояние до цели — 25 м, количество выстрелов — 3) из лазерного тренажера пистолета Макарова, входящего в комплектацию интерактивного тира.

Организация выполнения задания предусматривает четыре последовательных этапа. В качестве оцениваемых показателей, характеризующих устойчивость сформированной техники стрельбы (базовый навык) к факторам сбивающих воздействий, выступает результат соотношения целевой точности и кучности попаданий.

На первом этапе выполняется стрельба без учета времени. После каждого выстрела оружие убирается с линии прицеливания в точку контроля на уровне груди. *Задача* — определение уровня стабильности результата стрельбы в экспериментальном упражнении.

На втором этапе выполняется стрельба с постоянным удержанием оружия на линии прицеливания в течение 30 секунд. Выстрелы выполняются на 10-й, 20-й и 30-й секундах. *Задача* — определение уровня устойчивости результата стрельбы при регламентированном статическом положении.

На третьем этапе выполняется стрельба с постоянным удержанием оружия на линии прицеливания в течение 30 секунд. Сигналом к выстрелу является громкий хлопок (всего 3 хлопка). Испытуемому известен вид сигнала, а время его возникновения не известно. *Задача* — определение уровня устойчивости результата стрельбы при регламентированном статическом положении в условиях временной неопределенности.

На четвертом этапе выполняется стрельба с постоянным удержанием оружия на линии прицеливания в течение 30 секунд. Сигналом к выстрелу выступает одна из двух альтернатив: громкий хлопок или свисток. Например, указанная альтернатива к действию — свисток, в таком случае выстрел, произведенный по хлопку, будет считаться ошибкой, приводящей к снижению общей результативности. Всего в указанный период времени воспроизводятся 6 альтернатив (3 хлопка и 3 свистка) в различной временной и вариативной последовательности. *Задача* — определение уровня устойчивости результата стрельбы при регламентированном статическом положении в условиях временной и альтернативной неопределенности.

Предварительные результаты проведенных исследований по апробации экспериментального задания в представленном алгоритме распределения средств сбивающих воздействий подтвердили факт ухудшения результативности стрельбы курсантов на 3-м и 4-м этапах. Дальнейшая работа по рассматриваемой проблеме будет направлена на разработку интегрального показателя, учитывающего взаимосвязь результатов стабильности стрелковой подготовленности с факторами внезапности и неопределенности, а также перевод итоговых значений в оценочную шкалу, что в перспективе позволит применять данное упражнение и в качестве контрольного.

Список основных источников

1. Каранкевич А. И., Ковалев Н. Ю., Игнатик Д. П. Экстремальные факторы в деятельности сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Организация образовательного процесса в учреждении высшего образования: научные и

методические аспекты : сб. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: К. Д. Сазон (пред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2025. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 88–92. Вернуться к статье

2. Каранкевич А. И., Гончаренко Э. А., Шиян В. В. Оценка навыков скоростной стрельбы в условиях стандартизированной психофизической нагрузки [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы огневой, тактико-специальной и профессионально-прикладной физической подготовки : сб. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2024. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 110–115. Вернуться к статье

УДК 796.8:351.74

Н. Ю. Ковалев
старший преподаватель
кафедры профессионально-прикладной физической подготовки
Могилевского института МВД Республики Беларусь
Н. В. Чуйко
курсант 3 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СИСТЕМЫ ОЦЕНИВАНИЯ УРОВНЯ ТЕХНИКИ БОЕВЫХ ПРИЕМОВ БОРЬБЫ

При оценивании уровня владения техникой приемов задержания необходимо учитывать множество факторов, которые будут влиять на применение данных технических действий в процессе непосредственного задержания лиц. На протяжении всего процесса обучения, начиная с 1-го и заканчивая 4-м курсом, техника выполнения приемов совершенствуется, становится более разнообразной и ситуационной. Так, курсанты 1-го курса начинают с освоения базовой техники приемов, которые в дальнейшем послужат основой для более сложных по своей структуре технических действий. Например, удержание под воздействием болевого приема «загиб руки за спину» завершает все технические действия задержания. Необходимо не только показать правильную последовательность движений, но и объяснить его механику, принцип работы данного приема.

После овладения техникой выполнения базовых приемов начинается обучение более сложным техническим действиям. Автоматическое выполнение приемов задержания является основной целью для дальнейшего обучения и зависит от формирования нейромышечной памяти [1].

После изучения приемов задержания начинается обучение броскам, защитным действиям от ударов и захватов противника [2]. Изучаемые броски, такие как «задняя подножка», «бросок через бедро», «передняя подножка», являются наиболее эффективными в критических условиях, а правильное, быстрое и четкое их выполнение значительно повышает уровень личной безопасности. Броски сложны в изучении, механика их выполнения непонятна многим сотрудникам, поэтому преподавателю необходимо обеспечить максимальную доступность и наглядность преподаваемого материала.

По нашему мнению, система оценивания уровня технической подготовленности должна учитывать факторы сложности приемов и технических

элементов. Ведь выполнение в одной и той же смоделированной ситуации более сложного технического действия показывает общую подготовку сотрудника и его готовность действовать в условиях изменяющейся обстановки. Таким образом, будет уместна классификация приемов по сложности, поскольку оценивание проходит по большей части субъективно преподавателем, для которого все элементы, в силу его профессиональных знаний, являются очевидными и понятными.

Мы предлагаем рассмотреть дифференциацию технических действий от простого к сложному, где более простые элементы, такие как ограничение свободы передвижения «рывком», будут относиться к простому уровню сложности, а сложные технические действия вроде защиты от попытки обезоруживания сзади — к высокому. Соответственно, в зависимости от сложности будет варьироваться максимально возможная оценка. За технические действия простого уровня, например, ограничение свободы передвижения «рывком», «толчком», «замком» и т. д., максимальная оценка составит 8 баллов, в то время как за приемы высокой сложности — 10 баллов [3]. Оценивается скорость выполнения, качество движений, автоматизм, потенциальная эффективность расслабляющих ударов, понимание механики приема и скорость реакции на внешние воздействия. В совокупности соблюдение всех аспектов дает возможность получить максимальную отметку.

Важно следить за работой ассистента, который не должен помогать выполняющему. Намеренное падение, направление движения, напоминания и т. п. следует считать за ошибку у выполняющего. Ассистент не должен сопротивляться намеренно, а просто должен делать естественные движения, которые бы он делал, будучи гражданином, не имевшим представление о том, как проводится задержание.

Таким образом, оценивание технических действий должно не только зависеть от техники, но и проходить сквозь призму соответствия возможным условиям реальной служебной деятельности. Например, оцениваем прием «бросок через бедро», сложность которого соответствует высокому уровню, соответственно максимальной отметке — 10 баллов. Выполняющий произвел бросок медленно, выбрал неудобный захват, широко расставил ноги и завалился вперед в конечной фазе. Таким образом, наиболее объективная отметка — 6 баллов. В случае, если аналогичное количество ошибок будет допущено при выполнении технических действий низкого уровня сложности, будет выставлена оценка 4 балла.

Методика дифференцированного оценивания поможет не только объективнее оценивать уровень тактико-технической подготовленности сотрудников,

но и активизировать их познавательную деятельность, вынуждая анализировать свой технический арсенал и выбирать наиболее подходящие к конкретной ситуации технические действия. При оценке уровня профессиональной подготовки в целом стоит помнить, что общая физическая подготовка не менее важна. Следует понимать, что сотрудник может идеально владеть техникой приемов и бросков, но низкий уровень развития собственно-силовых качеств не позволит ему применить навыки в условиях реального противодействия.

Несомненно, основная нагрузка в процессе профессионально-прикладной физической подготовки лежит на преподавателе, и только его профессиональные качества смогут помочь обучаемому освоить технику двигательных действий и довести ее до автоматизма. Сохранение динамики образовательного процесса, постепенное повышение сложности и вариативности приемов — основа гармоничной всесторонней тактико-технической подготовки.

Список основных источников

1. Нейромышечная связь: что это такое и как тренеру развить ее у клиентов [Электронный ресурс]. URL: https://pedsovet.org/article/nejromysecnaa-svaz-cto-eto-takoe-i-kak-treneru-razvit-ee-u-klientov (дата обращения: 20.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Костюкович В. Е., Кривенков Ю. В. Определение критериев оценки уровня подготовленности курсантов на занятиях по профессионально-прикладной физической подготовке // Актуальные проблемы огневой, тактико-специальной и профессионально-прикладной физической подготовки : сб. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2014. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 238–242. Вернуться к статье

3. Боевые приемы борьбы (техническая подготовка) : учеб.-метод. пособие : с электронным приложением / А. И. Каранкевич [и др.] ; под общ. ред. А. И. Каранкевича ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2024. 228 с. Вернуться к статье

УДК 351.74

С. М. Ковалев
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Сибирского юридического института МВД России

ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ К ДЕЙСТВИЯМ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Служебная деятельность в органах внутренних дел является одной из наиболее требовательных и многогранных профессий. При этом наибольшая нагрузка ложится на плечи тех сотрудников, которые выполняют свои функции в неординарных, порой критических ситуациях (в особых условиях).

Действующее законодательство устанавливает, что особые условия службы в органах внутренних дел возникают в случаях, когда в стране введено военное или чрезвычайное положение, проводятся контртеррористические операции, осуществляется территориальная оборона или иные специальные операции, предусмотренные соответствующими нормативными актами. Особые условия характеризуются тем, что вводимые в правовой статус сотрудников ограничения являются обязательными и не подлежат отказу. Сотрудник, не желающий принимать эти ограничения в период действия специальных административно-правовых режимов, будет уволен из органов внутренних дел [1, с. 31].

Готовность сотрудников правоохранительных органов к действиям в особых условиях включает в себя:

1. Профессиональную подготовку — знание нормативно-правовой базы, тактических приемов, правил применения оружия и специальных средств, оказания первой медицинской помощи и других необходимых навыков.

2. Психологическую подготовку — способность сохранять самообладание, принимать взвешенные решения и эффективно действовать в стрессовых ситуациях, под давлением времени и в условиях неопределенности.

3. Физическую подготовку — выносливость, силу, ловкость и другие физические качества, необходимые для выполнения служебных задач в экстремальных условиях.

Готовность сотрудников Министерства внутренних дел к действиям в особых условиях является сложной, многоуровневой системой подготовки и обеспечения, которая включает следующие ключевые компоненты:

1. Правовая и нормативная основа — сотрудник должен четко знать, какие права и обязанности у него появляются в условиях чрезвычайной ситуации,

режима чрезвычайного происшествия и контртеррористической операции. Любые действия, даже в экстремальной ситуации, должны иметь правовое обоснование. Сотрудник должен знать, когда он имеет право применить силу, оружие и ограничить свободу передвижения.

2. Тактико-специальная подготовка — включает в себя следующие практические навыки, отрабатываемые на постоянной основе:

− действия в составе группы — взаимодействие, связь, распределение ролей (ведущий, ведомый, прикрытие);

− тактика в зоне вооруженного конфликта или контртеррористической операции — передвижение на местности, штурм помещений, проверка автомобилей, организация блокпостов [2, с. 331];

− работа в условиях массовых беспорядков — построение и действия в строю, использование спецсредств (щиты, шлемы, бронежилеты), задержание групп нарушителей;

− действия при чрезвычайных ситуациях (пожары, наводнения) — эвакуация населения, охрана правопорядка, взаимодействие с Министерством по чрезвычайным ситуациям.

3. Огневая подготовка — включает следующие ключевые навыки для выживания и выполнения задачи в экстремальной обстановке:

− регулярные стрельбы в тире и на тактических полигонах;

− тренировки в условиях, приближенных к реальным, — ночь, ограниченная видимость, стресс-факторы;

− отработка решения на применение оружия — когда стрелять можно и нужно, а когда — нет.

4. Физическая подготовка — экстремальные условия требуют высокой выносливости, силы и скорости. В этих целях необходимо уделять внимание следующим аспектам:

− сдача нормативов (бег, подтягивания, отжимания);

− рукопашный бой и самооборона без оружия;

− умение действовать в полной экипировке (бронежилет, каска, разгрузочный жилет).

5. Психологическая подготовка — является одним из самых сложных аспектов, так как включает в себя:

− формирование стрессоустойчивости — умение принимать решения под давлением, в условиях неопределенности и опасности;

− работу со страхом и паникой (как со своими, так и окружающих);

− взаимовыручку и боевое братство — понимание, что от действий каждого зависит жизнь всей группы;

− посттравматическую поддержку — работу с психологами после возвращения из командировок или участия в тяжелых событиях.

6. Материально-техническое обеспечение, включающее в себя:

− экипировку — качественные бронежилеты и каски (не ниже 5-го класса защиты), средства связи, аптечки;

− оружие и спецсредства — современные образцы стрелкового оружия, средства бронезащиты транспорта;

− транспорт — подготовленные автомобили повышенной проходимости.

7. Взаимодействие с другими силовыми структурами.

Для подготовки сотрудников применяют различные методы, например командно-штабные учения, тактико-специальные учения, использование тактических городков и полигонов. Такая подготовка оценивается через внезапные проверки: сбор личного состава, готовность транспорта и выполнение нормативов.

Готовность сотрудников органов внутренних дел к действиям в особых условиях — это комплексная задача, требующая постоянного внимания и совершенствования. Эффективная подготовка, психологическая устойчивость и взаимодействие с другими службами являются ключевыми факторами, которые определяют успешность работы полиции в кризисных ситуациях. Важно помнить, что безопасность граждан зависит от профессионализма и готовности тех, кто стоит на страже правопорядка.

Таким образом, необходимо продолжать исследования в этой области, разрабатывать и внедрять новые методы и технологии обучения, учитывать индивидуальные особенности сотрудников и обеспечивать их всестороннюю поддержку.

Список основных источников

1. Ковалев С. М. Основные аспекты формирования профессиональных навыков сотрудников полиции // Рефлексия. 2025. № 6. С. 31–34. Вернуться к статье

2. Тарута А. Г. Особенности проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации досмотровых мероприятий при несении службы на блок-посту // Общество. Право. Современность : материалы науч.-представит. мероприятий : в 2 ч. Красноярск, 23–27 мая 2024 г. / Сиб. юрид. ин-т МВД России. Красноярск, 2024. С. 331–334. Вернуться к статье

УДК 351.74

Э. П. Костюкович
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
факультета права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРУППЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БЕСПИЛОТНЫМ ЛЕТАТЕЛЬНЫМ АППАРАТАМ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Организация противодействия беспилотным летательным аппаратам (далее — БЛА) в особых условиях требует учета специфики задач, решаемых органами внутренних дел (далее — ОВД), а также ограничений, обусловленных правовым режимом мирного времени. Специфика угрозы, исходящей от современных БЛА, состоит в сложности их обнаружения посредством органов зрения или средств оперативного наблюдения, разнообразии конструктивных и тактико-технических характеристик, а также способности применяться в преступных, террористических и диверсионных целях.

Для решения указанной проблемы в настоящее время широко разрабатываются новые технологии и средства противодействия БЛА, в том числе такие, как средства радиоэлектронного подавления (далее — РЭП), средства огневого поражения, а также средства направленного излучения энергии — лазерного оружия [1].

Средства РЭП могут применяться одним из нескольких способов или их комбинацией: подавление или навязывание ложных режимов работы командной радиолинии управления и радиолиниям передачи данных БЛА; подавление или навязывание ложных режимов работы каналу навигации БЛА, основанному на приеме и обработке сигналов одной или нескольких спутниковых радионавигационных систем [2].

Как показывает практика, в особых условиях ключевую роль приобретают малые тактические группы — группы противодействия БЛА (далее — МТГ), создаваемые для оперативного реагирования на угрозу применения беспилотных аппаратов. В качестве основных задач данной группы следует выделить: оперативное обнаружение и классификацию воздушных объектов, документирование фактов незаконного использования БЛА, выбор и применение адекватных средств нейтрализации с учетом правовых ограничений.

Анализ современных способов противодействия FPV-дронам силами МТГ позволяет заключить, что они ориентированы на мобильность, скрытность и комбинацию применения пассивных тактик действий группы с применением портативных средств радиоэлектронного обнаружения (далее — РЭО) и средств РЭП. Эффективность деятельности достигается за счет распределения выполняемых функций среди членов группы, что и определяет ее численный состав — два-три сотрудника (например, наблюдатель, оператор средств РЭО и РЭП, стрелок/водитель).

К числу наиболее востребованных в деятельности МТГ средств РЭП относятся радиоэлектронные комплексы подавления каналов управления и навигации БЛА, включая их переносные и возимые варианты исполнения. Данные устройства работают по принципу направленного создания мощных помех в ключевых частотных диапазонах: 400–1 050 МГц (управление FPV-дронами), 2,4 ГГц и 5,8 ГГц (Wi-Fi-каналы управления и видео), а также 1,5 ГГц (GPS/ГЛОНАСС-навигация). Подавление приводит к разрыву связи оператора с аппаратом, потере ориентации, невозможности передачи видеосигнала и вынужденной посадке или отклонению БПЛА.

Одним из перспективных направлений при техническом переоснащении органов внутренних дел средствами РЭП является приобретение модульных систем с возможностью апгрейда частотных модулей под «эволюционирующие» протоколы БЛА и их интеграцией с искусственным интеллектом, обеспечивающим автоматическое распознавание сигналов и селективное подавление. Данное техническое решение повысит эффективность применения средств подавления малых летательных аппаратов в насыщенной электромагнитной обстановке.

Кинетические средства противодействия БЛА в деятельности МТГ рассматриваются как крайняя мера, применяемая при наличии прямой и очевидной угрозы жизни и здоровью граждан или возможного причинения существенного ущерба охраняемым объектам. В качестве таких средств могут использоваться стрелковое оружие с прицельными комплексами для стрельбы по малоразмерным воздушным целям и специальные боеприпасы [3].

Ключевым ограничителем применения средств противодействия БПЛА со стороны ОВД выступает правовое регулирование, определяющее условия и порядок вмешательства в воздушное пространство, использования радиоэлектронных средств и вооружения [4]. Правовые рамки должны обеспечивать необходимый баланс между эффективностью нейтрализации угроз и соблюдением прав и свобод граждан, а также интересов законных пользователей воздушного пространства.

Подготовка личного состава и техническое обеспечение МТГ являются необходимым условием реализации изложенных подходов в практической деятельности ОВД. Данный факт обуславливает необходимость разработки и внедрения специализированных программ обучения, включающих тактику действий при угрозе применения БЛА (моделирование типовых сценариев действия МТГ в особых условиях и формирование на этой основе типовых алгоритмов реагирования), основы работы с современными средствами РЭО и РЭП, правовые аспекты применения оружия при пресечении полетов дронов [5].

Таким образом, противодействие БЛА в правоохранительной деятельности ОВД следует рассматривать как динамично развивающееся направление, требующее комплексного развития правового регулирования данной деятельности, современного научно-технического оснащения и разработки эффективных организационно-тактических решений. Системное использование МТГ, оснащенных современными средствами РЭО и РЭП, действующих в рамках четко определенных правовых регламентов, является одним из факторов повышения устойчивости национальной системы безопасности к угрозам, формируемым современными беспилотными технологиями.

Список основных источников

1. Техника радиоэлектронной борьбы [Электронный ресурс] // БЕЛВНЕШПРОМСЕРВИС : [сайт]. URL: www.bvpservice.by/catalog/tekhnika-radioelektronnoy-borby/ (дата обращения: 23.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Макаренко С. И. Противодействие беспилотным летательным аппаратам : моногр. СПб. : Наукоемкие технологии, 2020. 204 с. Вернуться к статье

3. Максименко С. «Антидронин»: как глубоко мирные люди придумали «лекарство» от беспилотников // ДАН. Донецкое агентство новостей : [сайт]. URL: https://dan-news.ru/defence/antidronin-kak-gluboko-mirnye-ljudi-pridumali-lekarstvo-ot-bespilotnikov/ (дата обращения: 23.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. О пресечении полета (функционирования) беспилотных аппаратов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 5 июня 2019 г. № 215 : в ред. от 7 окт. 2024 г. № 392. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Костюкович Э. П. Использование возможностей искусственного интеллекта при подготовке специалиста-выпускника к деятельности в особых условиях // Актуальные проблемы юридического образования : тез. докл. междунар. науч.-метод. конф., г. Минск, 11 дек. 2025 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республика Беларусь» ; редкол.: А. В. Башан (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2025. С. 129–130. Вернуться к статье

УДК 377.8

В. С. Кот
заместитель начальника кафедры
оперативно-тактической подготовки внутренних войск
факультета внутренних войск
Военной академии Республики Беларусь

ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОФИЦЕРА

Служебно-боевая деятельность офицера внутренних войск предполагает выполнение широкого круга задач: от организации боевой подготовки до охраны общественного порядка и взаимодействия с населением. Это требует от офицера не только командирских качеств, но и способности обучать, воспитывать подчиненных, педагогически грамотно строить общение в конфликтных ситуациях. Педагогическая компетентность становится системообразующим элементом профессионализма офицера. Обращение к ее генезису позволяет выявить устойчивые тенденции и современные проблемы формирования данного качества.

В развитии педагогической подготовки офицерских кадров можно выделить четыре основных этапа [1].

Первый этап (XVIII – первая половина XIX в.) — эмпирическое накопление опыта. В этот период, связанный с реформами Петра I и деятельностью А. В. Суворова, закладывались основы обучения, приближенного к боевой обстановке. Однако педагогическая подготовка как таковая отсутствовала, знания передавались через личный пример и наставничество. В войсках правопорядка (гарнизонные части) доминировала муштра, что не способствовало развитию педагогических умений [2, с. 86].

Второй этап (вторая половина XIX – начало XX в.) — институционализация военно-педагогической подготовки. Реформы Д. А. Милютина и идеи М. И. Драгомирова о роли офицера-воспитателя привели к созданию первых учебных заведений для подготовки офицеров-педагогов (Учительская семинария, Педагогические курсы). В жандармерии акцент делался на политическую благонадежность, однако потребность в специальной подготовке к работе с личным составом уже осознавалась [3, с. 64].

Третий этап (1917–1991 гг.) — фундаментальная научная разработка вопросов военной педагогики. Под руководством А. В. Барабанщикова была создана научная школа, обосновавшая личностно-социально-деятельностный подход и теорию педагогического мастерства офицера. Педагогическая

подготовка заняла до 30 % учебного времени. Исследования В. Я. Слепова, П. Н. Городова, В. И. Хальзова заложили основы понимания специфики педагогической деятельности офицера внутренних войск, особенно в аспектах правового воспитания и психологической устойчивости [4, с. 131].

Четвертый этап (с 1991 г. по настоящее время) — парадигмальная трансформация. Деидеологизация, сокращение объемов педагогической подготовки в 1990-е гг. привели к дефициту воспитательных навыков у молодых офицеров. Переход на компетентностный подход и новые образовательные стандарты актуализировал проблему формирования целостной педагогической компетентности. Современные исследования (Л. А. Рябцева, Н. И. Гомель, Л. К. Волченкова) показывают, что для офицера внутренних войск особое значение приобретают компетенции в области профилактики правонарушений, психолого-педагогического сопровождения, общения с гражданами. Однако в белорусской педагогической науке отсутствуют комплексные исследования, посвященные именно педагогической компетентности офицера внутренних войск.

Анализ генезиса позволяет выделить ряд современных проблем:

− сохраняющийся разрыв между теоретической подготовкой и реальными условиями служебно-боевой деятельности;

− недостаточная интеграция педагогических и специальных дисциплин в образовательном процессе;

− слабая разработанность критериев и методик оценки сформированности педагогической компетентности у курсантов;

− необходимость учета специфики внутренних войск (действия в особых правовых режимах, контакт с гражданским населением) при проектировании содержания педагогической подготовки.

Таким образом, эволюция педагогической подготовки офицера прошла путь от эмпирического наставничества до научно обоснованной системы. На современном этапе ключевой проблемой остается отсутствие целостного подхода к формированию педагогической компетентности офицера внутренних войск, что требует дальнейших исследований и разработки практико-ориентированных моделей обучения.

Список основных источников

1. Алехин И. А. Развитие теории и практики военного образования в России XVIII – начала XX века : дис. … д-ра пед. наук : 13.00.01. М., 2004. 636 с. Вернуться к статье

2. Новиков В. Н., Рудаев С. А. Генезис подготовки офицерских кадров к обучению и воспитанию подчиненных // Человеч. капитал. 2022. № 3 (159). С. 84–93. Вернуться к статье

3. Кричевский В. Г. Историко-педагогический анализ процесса подготовки офицеров-воспитателей и преподавателей в ведомстве военно-учебных заведений России во второй половине XIX – начале XX вв. // Ученые зап. ун-та им. П. Ф. Лесгафта. 2014. № 5 (111). С. 63–67. Вернуться к статье

4. Юматов В. А. Историко-педагогический анализ научных исследований профессиональной подготовки офицерских кадров внутренних войск МВД России // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2011. № 3 (51). С. 130–134. Вернуться к статье

УДК 378.634+159.9:34

Е. В. Котенко
профессор кафедры психологии и педагогики
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат филологических наук, доцент

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Правовая культура как психологический феномен представляет собой не только отражение уровня развития законодательства и правоприменительной практики, но и прежде всего систему ценностных ориентаций, установок и моделей поведения, которые определяют направленность личности в правовой сфере. В условиях современного общества именно психологическая составляющая правовой культуры обеспечивает внутреннее принятие правовых норм, их осознание и интеграцию в структуру мировоззрения человека. Для будущих сотрудников органов внутренних дел это имеет особое значение, поскольку их профессиональная деятельность связана с обеспечением национальной безопасности, защитой прав и свобод граждан, поддержанием общественного порядка. Такая деятельность требует не только знания и применения правовых норм, но и устойчивых психологических установок, позволяющих действовать в условиях высокой социальной ответственности, конфликтных ситуаций и необходимости принимать решения, имеющие правовые последствия.

Структура правовой культуры личности включает правовую идеологию, правовую психологию и юридически значимое поведение [1]. При этом именно правовая психология играет ключевую роль в закреплении правовых норм на уровне индивидуального и группового сознания. Она формируется в процессе социального взаимодействия, проявляется в эмоциональной реакции на правовые явления и отражает способность личности выбирать ценности и принимать решения. Для курсантов Академии МВД Республики Беларусь это означает необходимость развития устойчивых правовых установок, которые будут определять их профессиональное поведение в условиях служебной деятельности. Таким образом, правовая культура выступает не как абстрактная категория, а как практический инструмент формирования готовности к правомерному и ценностно ориентированному поведению.

Формирование правовой культуры не сводится к передаче знаний о праве, оно предполагает целенаправленное воздействие на ценностно-нормативную сферу личности и ее психологическую готовность к служебной деятельности. Как подчеркивает И. А. Крыгина, правовая культура вырабатывается в ходе организованного педагогического процесса, который воздействует на правосознание индивидов и социальных групп посредством специально созданных правовоспитательных форм и средств [2]. В условиях подготовки кадров для системы обеспечения национальной безопасности этот процесс приобретает особую специфику: он направлен на формирование профессиональной идентичности, где правовое воспитание неразрывно связано с развитием психологической готовности к службе.

В Академии МВД Республики Беларусь воспитательная работа строится как комплексная система, объединяющая различные формы деятельности, которые в совокупности обеспечивают целостное развитие курсантов. Она включает участие в государственных и республиканских мероприятиях, ритуалах и традициях органов внутренних дел, что способствует закреплению общегражданских ценностей и формированию чувства принадлежности к профессиональному сообществу. Наряду с этим значимым элементом является поддержка научного и творческого потенциала курсантов, позволяющая развивать аналитическое мышление и способность к самостоятельному осмыслению правовых явлений. Важное место занимают социально ориентированные инициативы, направленные на помощь ветеранам, поддержку детей-сирот и участие в общественно полезных акциях, формирующие установки на социальную ответственность и гуманизм. Дополняют систему мероприятия профилактического характера, ориентированные на предупреждение вредных привычек и развитие навыков бесконфликтного поведения, что укрепляет психологическую устойчивость и готовность к служебной деятельности.

Особое значение в формировании правовой культуры курсантов имеет образовательный процесс, который в Академии МВД Республики Беларусь строится как единая система, где все учебные дисциплины — от социально-гуманитарного цикла до дисциплин профилизации — органично увязаны с задачами будущей службы в правоохранительных органах. Каждая учебная дисциплина не ограничивается передачей знаний в рамках стандарта по специальности «Правоведение», но трансформируется и наполняется содержанием, отражающим специфику правоохранительной деятельности. На занятиях реализуется воспитательная цель обучения, обеспечивающая формирование профессиональной идентичности и нравственно-правового мировоззрения. В результате, как подчеркивает Т. А. Морозова, у личности

должны сформироваться зрелое нравственно-правовое мировоззрение, мышление, система нравственно-правовых ценностей и принципов [3, с. 617].

Таким образом, правовая культура как психологический феномен в системе подготовки кадров органов внутренних дел проявляется в образовательном процессе Академии МВД Республики Беларусь как единство освоения психологических знаний и воспитательного воздействия. Освоение психологии и реализация приобретенных компетенций позволяют курсантам становиться носителями правосознания и правовой культуры, транслируя их в профессиональной и социальной среде. Одновременно целенаправленное педагогическое влияние способствует формированию ценностных ориентаций и установок, обеспечивающих готовность к правомерному и социально ответственному поведению. В результате правовая культура предстает не отвлеченной теоретической конструкцией, а практическим инструментом становления профессиональной идентичности будущих сотрудников органов внутренних дел.

Список основных источников

1. Гурьянов Н. Ю. Диалектика идеологического и социально-психологического в структуре правовой культуры : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / Самар. гос. техн. ун-т. Самара, 2017. 26 с. Вернуться к статье

2. Крыгина И. А. Правовая культура, правовое воспитание и управление правовоспитательным процессом в современном российском обществе : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ростов. гос. ун-т. Ростов н/Д, 1999. 24 с. Вернуться к статье

3. Морозова Т. А. Правовое воспитание и правовое образование в формировании правовой культуры личности и общества [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 615–619. Вернуться к статье

УДК 378.6

Е. Н. Лаппо
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь
А. В. Перунова
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАКОГНИТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В рамках международного сотрудничества правоохранительных органов от современных выпускников требуются не только знания норм права и иностранных языков, но и сформированная способность к быстрой адаптации в новой профессиональной среде. В связи с возникающими противоречиями между растущими требованиями к профессиональной мобильности сотрудника и недостаточной сформированностью у курсантов метакогнитивных компетенций — умений самостоятельно планировать, контролировать и оценивать свою познавательную деятельность — возникает необходимость разработки и внедрения в образовательный процесс педагогических условий, способствующих развитию рефлексии и саморегуляции.

Качество подготовки сотрудников для международного правоохранительного сотрудничества в педагогическом аспекте рассматривается как сбалансированный концепт развития профессиональных знаний и навыков, личностных качеств и регулятивных умений курсанта. Так, ключевыми критериями сформированности профессиональной готовности выступают: профессионально ориентированная иноязычная коммуникативная компетенция, способность анализировать и применять нормы национального и международного права в ситуациях их противоречия, а также владение технологиями эффективного межведомственного взаимодействия.

При этом важно подчеркнуть, что указанные компоненты не просто суммируются, а взаимно усиливают друг друга в процессе целостного педагогического воздействия. Например, развитие языковых навыков через элементы рефлексивного обучения способствует более глубокому осмыслению правовых норм, а моделирование ситуаций международного сотрудничества в учебном процессе активизирует как когнитивные, так и метакогнитивные ресурсы обучающегося. Таким образом, педагогическая оценка качества подготовки смещается с контроля усвоения информации в сторону диагностики способности

курсанта к самостоятельному профессиональному росту и адаптации в условиях меняющейся международной обстановки.

В данных условиях ключевым фактором эффективности учебной и в последующем профессиональной деятельности является метакогнитивная регуляция. В современной педагогической науке под метакогнитивной регуляцией понимается способность субъекта осознанно управлять собственными познавательными процессами посредством планирования, мониторинга, контроля и оценки учебно-профессиональной деятельности [1, с. 178]. Согласно классическому определению Дж. Флейвелла, метакогниция включает «знания о собственных когнитивных процессах и умение регулировать их через планирование, отслеживание прогресса и рефлексию результатов» [2, с. 908]. А. В. Карпов дополняет дефиницию, рассматривая метакогнитивную регуляцию как интегральный механизм рефлексивного опосредования, позволяющий специалисту адаптировать стратегии деятельности в условиях неопределенности [3, с. 53].

В международной правоохранительной деятельности сформированные метакогнитивные навыки позволяют сотруднику эффективно действовать в условиях правовой неопределенности, особенно когда прямые аналоги законодательных норм отсутствуют или противоречат друг другу. Способность к постоянной рефлексии помогает быстро адаптироваться к культурным особенностям зарубежных партнеров, минимизируя коммуникационные барьеры и этические конфликты. Таким образом, метакогнитивная регуляция трансформируется из абстрактного психологического конструкта в практический инструмент обеспечения безопасности, позволяя офицеру не просто механически воспроизводить заученные знания, а гибко генерировать новые решения в нестандартных ситуациях межнационального сотрудничества, что напрямую влияет на результативность борьбы с преступностью и укрепление доверия между ведомствами.

Для эффективного формирования метакогнитивной регуляции в образовательном процессе учреждений высшего образования Министерства внутренних дел предлагается внедрение специализированных практико-ориентированных модулей и методов. Так, в рамках академических дисциплин «Иностранный язык», «Речевая культура сотрудников ОВД» наблюдается необходимость применения метакогнитивного подхода, поскольку наиболее эффективным и продуктивным является отказ от механического заучивания лексики в пользу осознанного управления коммуникативными стратегиями информации. Предлагаемая модель внедрения включает три ключевых возможных инструмента, адаптированных для ведомственного образования:

кейс-методы; карты/дневники саморегуляции (мониторинг осуществляется через фиксацию индивидуальных алгоритмов поиска информации об иностранном правовом поле, учитывая трудности); интерактивные деловые и коммуникативные игры, моделирующие совместные с «иностранными коллегами» патрулирования / расследования [4].

Наиболее эффективным инструментом в рамках практических занятий выступает адаптированный кейс-метод, при котором курсанты и слушатели в рамках изучаемых дисциплин анализируют реальные и приближенные к реальным сконструированные ситуации межкультурного взаимодействия, фокусируясь не на результате, а на процессе принятия решений в условиях дефицита информации и их целесообразности [5]. Согласно исследованиям А. В. Карпова, именно рефлексивный анализ ошибок способствует развитию регуляторных механизмов личности [6, с. 168].

Внедрение описанных методик меняет саму роль преподавателя. Он перестает быть просто транслятором информации, выступая координатором познавательной деятельности обучающихся и запуская у них механизмы самоконтроля. Так мы уходим от механического заучивания: курсант должен осознавать, как именно он воспринимает иноязычный контекст, и уметь самостоятельно корректировать процесс понимания. В международной оперативной работе это не просто педагогическая теория. Любая коммуникативная неточность при взаимодействии с иностранными коллегами может привести к серьезным профессиональным последствиям.

Развитие метакогнитивных навыков в системе учреждений высшего образования Министерства внутренних дел перестает быть абстракцией. Специфика современной работы требует от офицера не шаблонных действий, а гибкости профессионального мышления. Критически важна способность к самоанализу и быстрой адаптации. Именно поэтому, исходя из специфики специальностей обучения, на стыке правовых и гуманитарных дисциплин необходимо использовать инструменты, активирующие внутреннюю рефлексию. Такой подход дает возможность уйти от пассивного репродуктивного обучения, позволяя курсантам осмысленно и продуктивно применять знания при решении реальных служебных задачах.

Список основных источников

1. Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. А. М. Матюшкина. М. : Педагогика, 1983. Т. 3 : Проблемы развития психики. 368 с. Вернуться к статье

2. Flavell J. H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34, № 10. P. 906–911. Вернуться к статье

3. Карпов А. В., Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности : моногр. Ярославль : Филигрань, 2022. 816 с. Вернуться к статье

4. Лаппо Е. Н. Метакогнитивные компетенции как средство организации эффективного процесса обучения [Электронный ресурс] // Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД ; редкол.: С. Н. Чайкин (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2024. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 51–54. Вернуться к статье

5. Шатова А. В. Профиль учебной автономии курсантов как ориентир самоуправляемого обучения // Вестн. Самар. юрид. ин-та. Пед. науки. 2024. № 2 (58). С. 105–114. Вернуться к статье

6. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности : моногр. М. : Ин-т психологии РАН, 2004. 424 с. Вернуться к статье

УДК 159.9:351.74

А. А. Ластовский
старший преподаватель кафедры психологии и педагогики
Академии МВД Республики Беларусь
С. А. Онопко
курсант 2 курса факультета милиции общественной безопасности
Академии МВД Республики Беларусь

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАВЫКОВ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИК ДЕЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТА СОТРУДНИКАМИ ОВД ПРИ ПОМОЩИ ЭЛЕКТРОННОГО ТЕСТА

Служебная деятельность сотрудников ОВД Республики Беларусь неизбежно сопряжена с высокоэмоциональными и конфликтогенными ситуациями. Правила профессиональной этики прямо предписывают сотрудникам ОВД в работе с гражданами и должностными лицами проявлять терпение, вежливость, тактичность, доброжелательность и уважение, не допускать действий, унижающих их честь и достоинство [1, с. 182].

Несмотря на наличие разработанных психологических техник деэскалации, ключевой проблемой остается несоответствие между теоретической подготовкой и практическим применением этих навыков в ежедневной служебной деятельности. Существующие формы контроля знаний часто носят теоретический характер, не моделируя реальное давление и динамику конфликта, что затрудняет объективную оценку готовности сотрудника к эффективному и правомерному взаимодействию с гражданами.

В этой связи кафедрой психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь разработан и внедрен электронный ситуационный тест (далее — тест), построенный на моделировании реальных профессиональных сценариев, с которыми сталкиваются сотрудники ОВД в профессиональной деятельности. Тест, созданный в среде Google Forms, представляет собой серию из 10 ключевых ситуаций, требующих выбора оптимальной поведенческой стратегии из трех предложенных [2]. Каждый вопрос-кейс сконструирован на основе классических техник деэскалации и направлен на оценку следующих компетенций:

- умение распознавать эмоциональное состояние собеседника;
- способность применять конкретные коммуникативные техники;
- контроль собственной невербальной коммуникации;
- понимание важности четкости, ясности и процедурной справедливости.

Особенностью теста является автоматизированная обратная связь: после выбора ответа сотрудник получает не просто указание на правильность, а развернутое методическое разъяснение, почему один вариант действий является эффективным с точки зрения психологии и правоприменения, а другие могут привести к эскалации. Это трансформирует тест из контролирующего в обучающий инструмент.

Практическую значимость теста составляют следующие аспекты:

− возможности массовой и быстрой диагностики уровня сформированности навыков деэскалации у личного состава;

− результаты теста позволяют выявить типичные ошибки и слабые места тестируемого для точечной коррекции в рамках профессиональной подготовки;

− стандартизация подхода к оценке одного из ключевых профессионально важных качеств сотрудника ОВД.

В основу теста заложены основные техники деэскалации конфликтов, направленные на обеспечение безопасности всех участников процесса, защиту законных прав и интересов граждан, поддержание общественного порядка. Они имеют достаточно четкую структурную классификацию. К ним относятся такие, как активное слушание, выражение эмпатии, контроль невербальной коммуникации, предложение паузы, открытые вопросы, инструментами деэскалации конфликта являются четкость и ясность. Рассмотрим их кратко.

Активное слушание требует полного сосредоточения на высказываниях и чувствах оппонента, активного участия в разговоре. Позволяет человеку осознать, что его слышат, воспринимают и пытаются понять его аргументацию, что может уменьшить его оборонительный импульс и проложить дорогу к конструктивному диалогу. В комбинации с перефразировкой и уточняющими вопросами эта техника помогает прояснить детали и предотвратить недопонимание.

Выражение эмпатии к собеседнику позволяет понять чувство тревоги человека: что стало причиной его эмоционального возбуждения, есть ли веские основания у него вести себя подобным образом. Когда сотрудник ОВД проговаривает состояние собеседника (например, фразой «Вы кажетесь обеспокоенным»), он усиливает воздействие, подчеркивая эмпатию на эмоциональном уровне.

Контроль невербальной коммуникации подразумевает управление своей манерой речи и невербальными сигналами, которые зачастую могут сказать больше, чем слова. В частности, угрожающая осанка может способствовать

обострению ситуации, тогда как спокойный тон общения и уверенная интонация снижают уровень конфликтности.

Предложение паузы может быть применено в ситуации, когда собеседник находится на эмоциональном пике и его поведение может выйти за рамки закона. Смещение акцента на коллективное нахождение выхода из затруднительной ситуации превращает противостояние в партнерство.

Существенно снизить уровень конфликтного поведения помогает техника *открытых вопросов* — стимулирование диалога и поиск совместных решений. Открытые вопросы требуют развернутого ответа, так как на них трудно ответить односложно.

Четкость и ясность являются мощными инструментами деэскалации конфликта. Перевод коммуникации от эмоциональной аргументации в плоскость понятного и доступного гражданину толкования юридических норм способен перевести диалог в логическое русло.

Таким образом, разработанный на основе вышеперечисленных техник деэскалации электронный тест представляет собой новый формат учебно-методического обеспечения для ОВД, отвечающий современным требованиям цифровизации и практикоориентированности обучения. Он выполняет тройную функцию: диагностическую, обучающую и стандартизирующую. Его ключевое преимущество заключается не только в возможности массового и быстрого оценивания уровня сформированности навыков у сотрудников, но и в автоматизированной системе обратной связи, которая превращает процесс тестирования в интерактивный учебный модуль. Каждое разъяснение к ответу закрепляет теоретические знания через призму конкретной ситуации, формируя у сотрудника устойчивые поведенческие алгоритмы.

Следует отметить, что реализованный проект представляет собой закономерный шаг в технологизации прикладной психологии в правоохранительной деятельности. Он служит эффективным связующим звеном между академическим знанием и практической деятельностью сотрудников ОВД, способствуя повышению их профессиональной компетентности, снижению рисков эскалации конфликтов и, как следствие, укреплению законности и доверия к системе ОВД.

Список основных источников

1. Гамола М. А. Особенности формирования имиджа сотрудника органов внутренних дел (на примере Московского РУВД г. Минска) // Актуальные психолого-педагогические вопросы совершенствования правоохранительной деятельности и формирования имиджа органов правопорядка : сб. материалов / Акад. М-ва внутр.

дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. Г. Стуканов (пред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 182–185. Вернуться к статье

2. Применение техник деэскалации конфликтов в служебной деятельности сотрудников ОВД [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3RhUhM (дата обращения: 07.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 316.647.5

Е. Н. Панина
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Сибирского юридического института МВД России,
кандидат психологических наук

ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ НА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЧВЕ У ПОДРОСТКОВ

В современном мире экстремизм становится все более актуальной проблемой, особенно среди молодежи. При этом подростковый возраст является наиболее уязвимым периодом для формирования экстремистских взглядов. Рассматривая причины активного распространения экстремистской идеологии среди молодых, автор выделяет несформированность и нечеткость мировоззренческой позиции у подростков, проявление юношеского максимализма и обостренного чувства справедливости, социальные и возрастные кризисы [1].

Подростки активно ищут идентичность (в том числе и этническую), стремятся определить свой статус в обществе. Экстремистские группы могут использовать это состояние, предлагая подросткам простые ответы на сложные вопросы и создавая иллюзию принадлежности к группе [2]. Кроме того, бинарное («черное/белое») восприятие мира определяет их большую восприимчивость к идеологическим крайностям, принятие экстремистской идеологии как способа самоутверждения и поиска смысла.

Молодежный экстремизм выражается в крайних, радикальных взглядах и действиях, которые не вписываются в рамки правового поведения в обществе. Это понятие охватывает широкий спектр идеологий, включающих в себя политический, социокультурный, религиозный и даже экономический аспект. Особую актуальность приобретает этнический экстремизм, выражающийся в совершении противоправных действий (часто сочетающихся с насилием), обусловленных национальными противоречиями.

Важным аспектом борьбы с этническим экстремизмом является формирование этнической толерантности молодежи, которая определяет способность подростков противостоять радикальным настроениям, разжигающим национальную рознь в обществе, пропагандирующим превосходство или исключительность одной национальной группы над другой.

Многоаспектность понятия этнической толерантности определяет существование разнообразных подходов к его определению, различающихся анализом ее сущностных характеристик и вариантов проявления: установочное

(Е. И. Шлягина, И. П. Ивкова и др.), ценностное (Е. А. Журавлева), черта национального характера (Е. А. Самсонова, Е. Ю. Юдина) и др. Несмотря на разнообразие характеристик этнической толерантности, рассматриваемых различными исследователями, можно выделить наиболее распространенные: способность уважать и принимать традиции, обычаи, поведение и мировоззрение представителей различных этнических групп, которые могут отличаться от собственных; терпимость к инакости, ценностям, к чужому образу жизни, традициям, культуре, нравам, мнениям и др.; готовность проявлять инициативу по установлению контактов, основанная на взаимопонимании и взаимоуважении, и др. [3].

Таким образом, этническая толерантность подразумевает уважение и принятие культурных различий, что способствует снижению предвзятых установок и национальных стереотипов. В условиях, когда подростки способны уважать и принимать различия, они становятся менее восприимчивыми к экстремистским идеям [2]. Сформированный высокий уровень этнической толерантности способствует развитию этнической идентичности на основе межкультурного уважения, а не исключения.

А. Г. Асмолов определяет следующие виды этнической толерантности: культурная (уважение культурных различий), социальная (готовность к взаимодействию), политическая (принятие идеи равных прав и свобод), экономическая (признание экономических возможностей), к идентичности (принятие разнообразия в рамках социума) [4].

В процессе изучения социально-психологического аспекта этнической толерантности исследователи выделяют уровневый компонент понятия: низкий, средний и высокий уровни. С точки зрения профилактики экстремистских проявлений на национальной почве особый интерес представляют характеристики низкого уровня этнической толерантности: выраженность предвзятости, основанной на национальных стереотипах; готовность к дискриминации и социальной изоляции; поддержка экстремистских идеологий, определяющая конфликты на национальной почве, допускающие насилие и агрессию. Низкая толерантность часто сопровождается нежеланием изучать и принимать чужие культуры, традиции и обычаи.

Низкий уровень этнической толерантности может характеризовать как отдельного индивида и социальную группу, так и общество в целом. В обществах с низким уровнем этнической толерантности экстремистские идеологии, пропагандирующие ненависть и насилие по отношению к другим этническим группам, возникают и распространяются гораздо активнее, чем в обществах с высоким уровнем сформированности данного явления.

Высокий уровень толерантности определяет готовность представителей социума к установлению межличностных контактов с представителями иных этнических групп на основе сотрудничества, что способствует решению существующих проблем и достижению общих целей.

В конечном итоге формирование этнической толерантности играет важную роль в профилактике экстремистских настроений на национальной почве среди подростков. Поддержка со стороны семьи, система образования и создание безопасной социальной среды могут способствовать развитию способности молодежи противостоять радикальным экстремистским настроениям.

Таким образом, формирование высокого уровня этнической толерантности в обществе является одним из ключевых факторов, определяющих укрепление правопорядка, эффективную профилактику экстремизма на национальной почве и как позитивный результат — построение гармоничного мультикультурного общества, в котором правовое государство способно защитить права и свободы каждого вне зависимости от принадлежности.

Список основных источников

1. Мешев И. Х. Экстремизм в молодежной среде: причины возникновения и пути противодействия [Электронный ресурс] // Междунар. науч. вестн. 2024. № 9. С. 15–19. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-v-molodezhnoy-srede-prichiny-vozniknoveniya-i-puti-protivodeystviya (дата обращения: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Дробижева Л. Ф. Психология экстремизма и его профилактика. М. : Психология, 2010. 215 с. Вернуться к статье

3. Юдо А. В. Подходы к определению понятия этнической толерантности [Электронный ресурс] // Наука и современность. 2013. № 21. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-etnicheskoy-tolerantnosti (дата обращения: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Асмолов А. Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Вопр. психологии. 2003. № 4. С. 3–12. Вернуться к статье

УДК 796.015.15

Е. В. Панов
доцент кафедры физической подготовки
Сибирского юридического института МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОСИМЫХ УСТРОЙСТВ ДЛЯ МОНИТОРИНГА ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ, ОПТИМИЗАЦИИ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА И МОТИВАЦИИ КУРСАНТОВ ВУЗОВ МВД РОССИИ

Активное внедрение носимых устройств — смарт-часов и фитнес-трекеров — является одним из ключевых направлений цифровизации физической культуры и спорта, поскольку они позволяют непрерывно и неинвазивно регистрировать основные физиологические показатели и оперативно использовать эти данные для управления тренировочным процессом. В отечественных исследованиях такие гаджеты рассматриваются как инструмент педагогического контроля, позволяющий фиксировать объем и интенсивность нагрузки, состояние организма и тем самым повышать осознанность занимающихся и качество планирования тренировок [1, с. 101].

Все вышеобозначенное можно в полной мере использовать и в образовательном процессе по учебной дисциплине «Физическая подготовка» в образовательных организациях МВД России.

Фитнес-браслеты и смарт-часы регистрируют количество шагов, пройденное расстояние, частоту сердечных сокращений, расход калорий, параметры сна и нередко — уровень насыщения крови кислородом, артериальное давление и интегральные индексы нагрузки, что создает возможности для количественной оценки как внешней (объем, интенсивность), так и внутренней (реакция сердечно-сосудистой системы, восстановление) стороны тренировки [1, с. 102].

Сопоставление моделей, проведенное Н. Г. Михайловым и Д. М. Смолевой, показало, что современные фитнес-браслеты обеспечивают базовый мониторинг шагов, дистанции, калорий и сна, тогда как смарт-часы дополнительно позволяют измерять пульс, SpO_2 , иногда температуру тела, оценивать стресс и рассчитывать индекс PAI, отражающий достаточность недельной двигательной активности для поддержания здоровья [1, с. 103]. Это делает смарт-часы особенно перспективными для индивидуализации тренировок, когда тренер и сам занимающийся опираются не только на субъективные ощущения усталости, но и на объективные показатели реакции организма. Подробный перечень

регистрируемых показателей фитнес-браслета как средства длительного мониторинга повседневной активности по пульсу, сатурации, уровню стресса, давлению и качеству сна представлен, в частности, в работе А. А. Полозова с соавторами [2, с. 43].

Исследование ученых Белорусского государственного университета Н. В. Казака и В. В. Бурдаевой, направленное на изучение влияния фитнес-трекеров на тренировочный процесс студентов, убедительно демонстрирует тренировочный потенциал таких устройств. Авторы подчеркивают, что фитнес-трекер упрощает и повышает эффективность самоконтроля, позволяя обучающимся отслеживать прогресс или регресс тренировок по динамике шагов, дистанции, частоте сердечных сокращений и калориям [3, с. 558].

В Сибирском юридическом институте МВД России на занятиях по физической подготовке также используются различные фитнес-трекеры как в тренировочной деятельности курсантов и слушателей, входящих в группы спортивного совершенствования по видам спорта, путем сбора и анализа данных с трекеров для адаптации тренировочных программ под фактический уровень активности занимающихся, так и для поддержания мотивации обучающихся на практических занятиях с использованием системы поощрений.

Безусловно, использование носимых устройств на занятиях по физической подготовке возможно не на всех занятиях, а лишь на тех, где исключено получение царапин, ссадин, травм из-за ношения на руке фитнес-трекеров, смарт-часов и др.

Спортсменам настоятельно рекомендуется ежедневно проходить дистанцию более 10 000 шагов и проводить не менее 150 минут интенсивной физической активности в неделю, выполнение норм контролировать по данным о числе шагов и частоте сердечных сокращений, автоматически передаваемым на онлайн-платформу.

Этот пример иллюстрирует, как носимые устройства превращаются в инструмент нормативного управления нагрузкой и формируют у молодежи навык планомерного достижения целевых тренировочных показателей.

Влияние встроенных мотивационных механизмов смарт-часов на оптимизацию тренировок показано в исследовании Р. Г. Азиатцевой, где носимые устройства рассматривались как средство повышения вовлеченности молодежи в занятия физической культурой. В ходе 7-месячного эксперимента две группы испытуемых 20–25 лет использовали разные режимы мониторинга: в контрольной группе шаги учитывались только с помощью телефона, а в экспериментальной применялись смарт-часы с социальными и игровыми функциями (соревнования, рейтинги, взаимная поддержка) [4, с. 436].

Сравнительный анализ показал, что в экспериментальной группе среднее количество шагов в день возросло на 15–17 %, тогда как в контрольной существенного прироста не было; кроме того, из контрольной группы выбыли два участника из-за снижения мотивации [4, с. 437]. Таким образом, интеграция объективного мониторинга (шагов, калорий) с элементами геймификации и социального сравнения позволяет не только количественно увеличить объем нагрузки, но и сделать тренировочный процесс более устойчивым за счет снижения числа отказов и поддержания интереса к занятиям.

Важным аспектом применения носимых устройств является учет психологических эффектов их использования. Н. В. Казак и В. В. Бурдаева, анализируя тренировочный процесс студентов с фитнес-трекерами, показывают, что визуализация прогресса и достижение заданных целей усиливают самоорганизацию и личную ответственность за соблюдение режима тренировок и образа жизни.

В то же время возможно то обстоятельство, что постоянный контроль показателей у части обучающихся может провоцировать стресс, тревогу и зависимость от цифр [3, с. 559].

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что в совокупности результаты современных исследований и практический опыт использования позволяют рассматривать смарт-часы и фитнес-трекеры как эффективное средство повышения информативности и управляемости тренировочного процесса, которое при правильной организации мотивационных механизмов повышает приверженность к регулярным занятиям и устойчивость сформированного двигательного режима у курсантов вузов МВД России.

Список основных источников

1. Михайлов Н. Г., Смолева Д. М. Гаджеты как средство цифровизации занятий инновационной физической культурой // Культура физическая и здоровье. 2023. № 1. С. 100–105. Вернуться к статье

2. Фитнес-браслет для оптимизации жизни / А. А. Полозов [и др.] // Науч. и образоват. основы в физ. культуре и спорте. 2022. № 4. С. 41–50. Вернуться к статье

3. Казак Н. В., Бурдаева В. В. Влияние фитнес-трекеров на тренировочный процесс студентов. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2025. С. 557–560. Вернуться к статье

4. Азиатцева Р. Г. Влияние гаджетов на занятия физической культурой: гаджеты и носимые устройства [Электронный ресурс] // ЭкоВектор : [сайт]. URL: https://journals.eco-vector.com/osnk-sr2025/article/view/680509/211702/ru_RU (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 351.74

В. А. Папков
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Могилевского института МВД Республики Беларусь

КООРДИНАЦИЯ И СИНХРОНИЗАЦИЯ ПРИ ПРИЦЕЛИВАНИИ: КЛЮЧ К ТОЧНОСТИ

Желание во что бы то ни стало поразить цель вызывает «старание», которое влечет за собой отвлечение внимания стрелка от самого процесса стрельбы, в результате правильность выполнения выстрела нарушается. Старание — это измененное напряжение сознания, которое вызывает излишнее мышечное напряжение. В таком состоянии стрелок не может контролировать выполнение тех или иных движений, координация нарушается, результаты падают.

Прицеливание взаимосвязано со спуском курка, и выполняются они как единый процесс. В любом случае — в тире или в боевой обстановке — внимание стрелка сосредоточивается на цели. Момент спуска курка должен производиться автоматически, на уровне подсознания [1, с. 147]. В основе этого процесса лежат два фундаментальных понятия: координация и синхронизация. Они представляют собой согласованную работу зрительной системы, двигательной активности мышц рук и глаз, а также психоэмоциональное состояние стрелка, направленные на точное совмещение цели и оружия. Понимание и развитие этих аспектов является краеугольным камнем для достижения высокой точности в любом виде стрельбы.

Координация движений — это способность организма выполнять сложные двигательные акты с высокой степенью точности и экономичности. При прицеливании она проявляется в нескольких ключевых аспектах:

− Согласованность действий рук и глаз. Это основа точного прицеливания. Глаза фиксируют цель и прицельные приспособления, а руки, управляя оружием, должны обеспечить их идеальное совмещение. Любое несогласованное движение, даже минимальное, приводит к отклонению от цели.

− Минимизация колебаний ствола оружия. Координация позволяет стрелку удерживать оружие максимально стабильно, минимизируя естественные колебания, вызванные мышечной активностью и дыханием. Это достигается за счет оптимального распределения мышечного напряжения и эффективного использования опорных точек.

− Стабильность положения тела играет ключевую роль в обеспечении высокой точности стрельбы и эффективного управления оружием. Общая устойчивость тела является фундаментом для стабильного удержания оружия,

поскольку даже незначительные колебания или смещения могут существенно повлиять на результат. Правильная стойка обеспечивает оптимальное распределение веса между ногами, что позволяет сохранять равновесие и снижает утомляемость при длительном удержании позиции. Важным аспектом является также напряжение мышц кора — глубоких мышц живота, спины и таза, которые обеспечивают жесткость и контроль над движениями корпуса.

− Контроль дыхания является важным аспектом координации при стрельбе. Поскольку дыхание — это ритмичный процесс, оно может вызывать непроизвольные движения тела, которые негативно сказываются на точности прицеливания. Умение осознанно регулировать дыхание, задерживая его в наиболее подходящий момент перед выстрелом, позволяет значительно снизить влияние дыхательных колебаний на положение оружия. Такая техника помогает стабилизировать прицел и повысить общую точность стрельбы.

Психологическое состояние стрелка играет не менее важную роль, чем физическая подготовка. Стрессовые ситуации, эмоциональное напряжение, страх промаха — все это может значительно ухудшить координацию и синхронизацию, приводя к снижению точности прицеливания. Контроль эмоций — умение сохранять спокойствие и хладнокровие в условиях давления — является критически важным. Эмоциональное возбуждение приводит к тремору, учащению сердцебиения и нарушению концентрации. Концентрация внимания — это способность полностью сосредоточиться на цели и прицельных приспособления, игнорируя отвлекающие факторы, что является залогом успешного выстрела. Психологическая устойчивость позволяет поддерживать высокий уровень концентрации на протяжении всего процесса прицеливания.

Регулярные и целенаправленные тренировки позволяют значительно улучшить точность прицеливания.

Упражнения на баланс и устойчивость, стойки на одной ноге, упражнения с закрытыми глазами, использование балансировочных платформ — все это способствует развитию и улучшению общей стабильности тела.

Зрительные тренировки, упражнения на фокусировку взгляда на разных дистанциях, отслеживание движущихся объектов, тренировки периферического зрения — все это улучшает остроту зрения, скорость реакции и способность к быстрому переключению внимания между целью и прицельными приспособлениями.

Принципиальная особенность построения тренировочного процесса заключается:

− в комплексном применении научно обоснованных тренировочных средств и методов;

– в применении тренировочных занятий с моделированием соревновательных условий, а также на фоне сбивающих факторов физической и психической нагрузок непосредственно перед стрельбой;

– в постепенном увеличении интенсивности тренировочных нагрузок по физической подготовке и тактико-технической подготовке в соревновательном мезоцикле с увеличением объема контрольных стрельб [2].

Основными методами подготовки являются строго регламентированные упражнения, частично регламентированные упражнения, стрельба вхолостую и стрельба на точность [2].

Список основных источников

1. Потапов А. Приемы стрельбы из пистолета. Практика СМЕРШа. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2001. 576 с. Вернуться к статье

2. Константинов В. Н. Методические основы построения и организации тренировочного процесса в практической стрельбе [Электронный ресурс] : дис. … канд. пед. наук : 13.00.04 / Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2010. 174 л. Вернуться к статье

УДК 159.99

Е. А. Петранис
преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ДОПРОС БЕЗ ТРАВМ: ЗНАЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Уголовно-процессуальное законодательство закрепляет нетривиальный порядок проведения следственных действий с участием лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, что является гарантией защиты их прав и законных интересов [1]. Тем не менее специфика процессуальных действий не всегда исключает вероятность психологической травматизации ребенка. В связи с этим необходимо отметить важность осознания лицом, проводящим следственные действия с участием несовершеннолетних, целесообразности использования имеющихся знаний и практического опыта работы детских психологов.

Одним из самых распространенных следственных действий, где принимают участие несовершеннолетние, является допрос. Отдельные авторы, подчеркивая значимость допроса, отмечают следующее: «Допрос — не менее сложная процедура, чем операция. На допросе сталкиваются два различных мировоззрения, две воли, две тактики борьбы, различные интересы… на допросе нередко решается судьба допрашиваемого и судьбы других людей. Победить в этой борьбе следователю помогают специальные научные знания в области психологии и тактики допроса и мастерство, проявляющееся в профессиональных навыках ведения диалога» [2, с. 446]. Вместе с тем отсутствие у сотрудников правоохранительных органов регулярной практики взаимодействия с детьми в сочетании с дефицитом знаний о возрастной психофизиологии зачастую приводит к использованию конфронтационных методов общения с подростками: сотрудник концентрируется исключительно на фактических последствиях противоправного поведения, игнорируя совокупность субъективных факторов и мотивов, обуславливающих поведение несовершеннолетнего. В этой связи взаимодействие сотрудника и несовершеннолетнего в рамках проведения допроса может привести к негативному воздействию на психику последнего и к появлению враждебности или антагонизма к лицу, которое проводит следственное действие, в частности и к правоохранительной системе в целом. В результате проведение такого следственного действия утрачивает свою эффективность.

Стоит отметить, что определенная сложность появляется и при применении нормы уголовно-процессуального законодательства об участии педагога или психолога при проведении допроса, ввиду того, что закон не предусматривает конкретную цель их вовлечения, требования, которым специалист должен соответствовать, а также случаи, когда необходимо привлечь конкретно психолога, а когда педагога.

Важность сопровождения допроса подростков психологом обусловлена рядом психологических особенностей, характерных для данного возрастного периода. Этот возрастной этап отягощен отклонениями со стороны сердечно-сосудистой, нервной, гормональной систем, а также нейровегетативной неустойчивостью [3, с. 54]. Данные особенности воздействуют на становление личности подростка, формирование мировоззрения, убеждений, взглядов на жизнь, представлений о справедливости; происходит переоценка своего поведения, поведения других. Большую значимость для подростка приобретают взаимоотношения со сверстниками, чувство товарищества. Это все может повлиять на поведение подростка в момент проведения допроса, он может быть не искренен, давать формальные ответы, проявлять агрессию, не идти на контакт со следователем. В этой связи, на наш взгляд, можно рассмотреть целесообразность взаимодействия психолога и подростка заблаговременно до проведения допроса на территории, которая будет комфортна для последнего. Данное взаимодействие поможет в установлении доверительного контакта, а также позволит сделать специалисту вывод о психологическом состоянии подростка в текущий момент времени. Психолог получит информацию о личности и интересах несовершеннолетнего, после чего при необходимости сможет оказать содействие сотруднику в построении стратегии ведения беседы с подростком, формировании алгоритма допроса, формулировке вопросов таким образом, чтобы получить на них более точные и полные ответы. В дальнейшем при проведении самого следственного действия психолог может определить наличие интенциональных искажений в показаниях несовершеннолетнего. Необходимо отметить, что уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь не закрепляет возраст, до достижения которого несовершеннолетний не может быть допрошен, в этой связи определить способность ребенка последовательно излагать обстоятельства произошедшего, воспроизводить хранящиеся в памяти образы и описывать свое эмоциональное состояние может только специалист в области детской психологии.

Согласно уголовно-процессуальному закону, привлечение педагога или психолога к допросу несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста, осуществляется по усмотрению лица, производящего следственное действие.

На наш взгляд, в каждом конкретном случае проведения допроса с участием несовершеннолетнего обязательно необходимо учитывать его индивидуально-психологические особенности, а также обстоятельства дела, подлежащие выяснению, и при необходимости привлекать к участию в следственном действии специалиста в области детской психологии, при этом рекомендуется привлечение психолога, с которым у ребенка уже установлен доверительный контакт (школьный психолог, психолог из круга знакомых несовершеннолетнего).

Таким образом, важность привлечения именно специалиста в области детской психологии при подготовке и проведении такого следственного действия, как допрос, очевидна. Свою ценность имеет и заблаговременная подготовка к допросу в виде встречи психолога и подростка: преодоление барьера в общении, доброжелательная атмосфера, а также возможность осознания, насколько адекватно подросток оценивает ту ситуацию, в которой он оказался ввиду совершенного противоправного деяния, а также степени психотравмирующего воздействия данной ситуации на несовершеннолетнего, его готовности открыто говорить о ней и давать показания, а в отдельных случаях это возможность проведения работы по снижению тревожности у подростка. Присутствие профильного специалиста позволяет преодолеть барьер в коммуникации между сотрудником и ребенком и, как результат, обеспечить получение исчерпывающих и достоверных показаний, объективно отражающих фактические обстоятельства дела, при одновременном соблюдении принципа психологической безопасности несовершеннолетнего и сохранении его доверия к правоохранительной системе.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Васильев В. Л. Юридическая психология : учеб. для вузов. 6-е изд. СПб. : Питер, 2009. 608 с. Вернуться к статье

3. Лебедева Ю. В. Проведение допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в возрасте до 14 лет: специфика, особенности возраста, тактические приемы // Вестн. Сиб. юрид. ин-та МВД России. 2024. № 4. С. 45–54. Вернуться к статье

УДК 351.74:355.541.1

И. В. Плюскевич
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Могилевского института МВД Республики Беларусь

РАЗВИТИЕ УСТОЙЧИВОСТИ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ СТРЕЛЬБЕ ИЗ ПИСТОЛЕТА

Совершенствование профессиональной готовности сотрудников правоохранительных органов к эффективному применению огнестрельного оружия достигается посредством целенаправленной прикладной стрелковой подготовки. Для выполнения приемов стрельбы, обеспечивающих наибольшую меткость, стреляющий должен в зависимости от своих индивидуальных особенностей выработать наиболее выгодную и устойчивую изготовку для стрельбы, добиваясь при этом однообразного положения рукоятки в руке и наиболее удобного положения корпуса, рук и ног [1, с. 198]. Производство метких одиночных либо серийных выстрелов из пистолета в условиях временного ограничения представляет собой сложную задачу, обусловленную необходимостью достижения высокого уровня физиологической стабильности стрелка.

Под физиологической устойчивостью понимается способность человеческого организма поддерживать стабильное положение комплекса «стрелок — оружие» относительно заданной точки прицеливания при обеспечении точности поражения цели. Данный показатель определяется комплексом факторов, включающих координацию мышечной активности, управление дыхательной функцией и состояние сердечно-сосудистой системы. К основным составляющим физиологической устойчивости относятся:

– Тонус и статическая выносливость мускулатуры. Оптимальная фиксация положения тела («изготовка») способствует снижению напряжения мышечных групп, минимизации микровибраций («тремора»), интенсивность которых возрастает вследствие физического переутомления.

– Контроль дыхательных циклов. В момент производства выстрела важно умение временно задерживать дыхание, поскольку двигательная активность грудной клетки и диафрагмы оказывает влияние на стабильность линии прицеливания.

– Частота сердечного ритма. Ускоренный пульс способен приводить к нежелательным колебаниям оружия, синхронизированным с частотой ударов сердца. Практикующие стрелки стремятся производить выстрел в межударном интервале.

– Функциональное состояние зрительного аппарата и вестибулярной системы. Высокая острота зрения необходима для четкости восприятия элементов прицела и цели, тогда как стабильная работа вестибулярного аппарата обеспечивает поддержание баланса в вертикальной плоскости, что особенно актуально при выполнении стрельбы стоя.

Физическая нагрузка в ходе практической огневой подготовки характеризуется специфическими особенностями: сотрудники органов внутренних дел не нуждаются в достижении предельных силовых показателей, однако должна обеспечиваться адекватная сила мышц, необходимая для поддержания устойчивого захвата оружия и выработки навыков физиологического самоконтроля. Данная область профессионального роста включает в себя:

1. Сохранение устойчивой позиции изготовления оружия, требующей определенного уровня физической силы.

2. Совершенствование способности точной коррекции направления ствола и плавного нажатия на спусковой крючок, действий, не сопряженных с высокими физическими усилиями, но предъявляющих повышенные требования к точности моторики и координации движений.

Несмотря на отсутствие потребности в развитии значимой силовой компоненты, повышение уровня общей физической подготовленности выступает обязательным условием повышения эффективности исполнения вышеуказанных операций. Повышение качества стрельбы тесно связано с улучшением устойчивости оружия и согласованностью процессов прицеливания и спуска курка. Фундаментом стабильности служит способность стрелка продолжительное время удерживать оружие направленным точно в цель. Увеличение запасов силового ресурса облегчает выполнение данной задачи, позволяя сосредоточиться на тонкостях прицеливания и отработке техники обработки спускового механизма.

Только систематическое формирование устойчивых навыков удержания оружия в стабильно фиксированном положении позволяет сотруднику правоохранительной структуры впоследствии концентрироваться исключительно на производственном этапе выстрела, осознанно контролировать и совершенствовать свою технику стрельбы.

Во время прицеливания оружие подвержено естественным колебаниям, проявляющимся в форме смещения проекции прицельных устройств относительно мишени. Регулярные тренировки способствуют постепенному уменьшению амплитуды указанных колебаний. Выработка физиологической устойчивости занимает значительное количество.

Постоянные тренировки, направленные на выработку навыков холостой стрельбы, и дополнительные физические упражнения, специально разработанные для формирования физиологической устойчивости при удерживании оружия в пределах зоны прицеливания, обеспечивают сотрудникам органов внутренних дел прогрессивное улучшение меткости и компактности группы выстрелов. Следовательно, в образовательный процесс подготовки сотрудников целесообразно внедрять методики, которые используются на протяжении многолетнего опыта подготовки высококвалифицированных спортсменов, занимающихся прикладной стрельбой из боевого и спортивного оружия, а также применять накопленный практический опыт сотрудников правоохранительных органов, имеющих реальный опыт применения оружия в оперативно-служебной деятельности. Одновременно следует проводить научно обоснованный поиск эффективных педагогических приемов и методик, направленных на дальнейшее повышение уровня навыков стрельбы сотрудников органов внутренних дел, необходимых для решения профессиональных задач в современных условиях оперативной обстановки [2].

Список основных источников

1. Гончаренко Э. А., Скачинский А. П. Огневая подготовка : учеб. пособие / М-во внутр. дел. Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. 292 с. Вернуться к статье

2. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З : в ред. от 19 мая 2022 г. № 171-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 347.9

Р. Н. Сагитов
начальник кафедры тактико-специальной подготовки
Сибирского юридического института МВД России

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗАКОННОСТИ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ

Гарантирование правомерности всех аспектов функционирования патрульно-постовой службы представляет собой одну из первостепенных и неотложных задач для любого современного государства, стремящегося к верховенству права. В условиях непрерывных социальных изменений и постоянно усиливающихся требований к неукоснительному соблюдению гражданских прав и свобод роль и значение общественного надзора за деятельностью правоохранительных органов приобретают особую, повышенную актуальность.

В настоящее время угрозы общественной безопасности в городских условиях значительно изменили характер деятельности сотрудников силовых ведомств [1, с. 839], при этом нарушения дисциплины и законности, допускаемые сотрудниками органов внутренних дел, в том числе патрульно-постовой службы полиции, подрывают авторитет всех сотрудников полиции, вызывают широкий общественный резонанс, отрицательно сказываются на доверии граждан к органам внутренних дел в целом [2, с. 71]. Это свидетельствует о наличии системных проблем в обеспечении законности и подчеркивает острую необходимость в поиске новых, инновационных методов налаживания диалога между правоохранительными органами и обществом.

Развитие в этой области происходит очень медленно, что вызывает значительные опасения. Особенно это касается правоохранительных структур, чья работа по своей сути должна быть максимально открытой и прозрачной. Особую важность данная проблема приобретает для патрульно-постовой службы, которая постоянно находится на переднем крае, обеспечивая защиту населения в различных общественных сферах.

Опасность нарушений законности состоит и в вероятности искажения представлений о должном (требуемом) поведении сотрудника полиции, когда интересы целесообразности и собственного удобства, стремление приукрасить результаты своей работы подменяют собой истинное назначение полиции в обществе [3, с. 126].

Открытость информации — это основа для общественного контроля над государственными институтами. Открытость информации о деятельности органов государственной власти является необходимым условием обеспечения общественного контроля. Такая прозрачность делает органы власти подотчетными перед обществом. Принцип гласности и доступности данных обязывает государственные структуры предоставлять населению достоверную информацию о своей работе, без искажений и пропаганды [4, с. 16].

Общественный надзор представляет собой важнейший канал коммуникации между властными структурами и населением, который может эффективно функционировать лишь в условиях развитого гражданского общества. Эта форма мониторинга имеет фундаментальное значение для упрочения демократических принципов, способствуя достижению консенсуса между государственными интересами и потребностями социума.

Следует отметить, что даже при наличии законодательной основы и успешных примеров общественного контроля его полноценная имплементация в деятельность патрульно-постовой службы не гарантирована. Этому препятствует комплекс проблем, среди которых ключевую роль играет низкая степень вовлеченности граждан, вызванная прежде всего дефицитом доверия.

Современному государству все сложнее реагировать на множество общественных запросов, что приводит к обострению социальных конфликтов [5, с. 69].

Еще одной значимой проблемой является недостаточный уровень осведомленности граждан о своих правах и возможностях участия в общественном контроле. Поэтому важно обеспечить открытый доступ не только к информации, необходимой для осуществления общественного контроля, но и к данным о самом процессе контроля: о его участниках, объектах, проведенных проверках, выявленных нарушениях и привлеченных к ответственности лицах. С одной стороны, это позволит обществу эффективно контролировать процесс общественного надзора, а с другой — обеспечит контролируемым сторонам уверенность в объективности и прозрачности проверок, что способствует снижению числа нарушений. В связи с этим представляется целесообразным разработать и внедрить образовательные программы и информационные кампании, направленные на повышение правовой грамотности населения.

Для обеспечения более действенного общественного надзора за функционированием патрульно-постовой службы первостепенное значение приобретает расширение взаимодействия между правоохранительными структурами и гражданским обществом. С целью реализации этой задачи целесообразно имплементировать многоаспектные стратегии, охватывающие управленческие,

нормативно-правовые и инновационно-технологические измерения. Одним из перспективных путей является создание коллегиальных общественных советов, формируемых из аккредитованных граждан, обладающих релевантными знаниями и опытом, например, юристов и активистов локальных сообществ. В компетенцию этих советов будет входить проведение объективных расследований резонансных происшествий, формулирование предложений по оптимизации служебных регламентов и выполнение иных значимых функций.

Придание указанным советам официального статуса на муниципальном уровне позволит делегировать часть полномочий по общественному контролю с федерального уровня. Реализация данной концепции предполагает поэтапное выделение бюджетных средств на федеральном и муниципальном уровнях, а также налаживание партнерских отношений с профильными организациями для проведения независимого аудита достигнутых результатов. Достижение высокого уровня доверия к правоохранительным органам возможно только при условии синергии технологических, кадровых и нормативно-правовых ресурсов.

Список основных источников

1. Тарута А. Г. Инновации, применяемые сотрудниками силовых ведомств при обеспечении правопорядка // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации : сб. науч. ст. XVII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 18–19 нояб. 2025 г. Новосибирск : Новосиб. военный ин-т им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Рос. Федерации, 2025. С. 839–842. Вернуться к статье

2. Десятова О. В. Типичные нарушения законности в деятельности сотрудников строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: правовая оценка и предупреждение // Юрид. наука и правоохран. практика. 2016. № 2 (36). С. 71–80. Вернуться к статье

3. Гарманов В. М. Сущность нарушений законности в деятельности сотрудников подразделений патрульно-постовой службы полиции и основные направления их предупреждения // Вестн. Тюмен. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1 (4). С. 125–132. Вернуться к статье

4. Гриб В. В. Право на получение информации и проблемы его реализации субъектами общественного контроля в Российской Федерации и за рубежом // Рос. юстиция. 2015. № 10. С. 16–19. Вернуться к статье

5. Макарова О. В. Общественный контроль как средство обеспечения открытости деятельности публичной власти // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. 2017. № 5 (61). С. 69–74. Вернуться к статье

УДК 343.85

А. С. Сильванович
преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ИНТЕРЕСАХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В статье предлагается рассмотреть актуальные вопросы повышения эффективности управления человеческими ресурсами в органах внутренних дел (далее — ОВД) Республики Беларусь как ключевого фактора успешной борьбы с преступностью. Проводится анализ взаимосвязи между консервативными элементами управления кадрами (приверженность традициям, идеологическая выдержанность, корпоративная этика) и необходимостью формирования у сотрудников всех подразделений ОВД нестандартного профессионального мышления, позволяющего действовать быстро и профессионально в современных стремительно изменяющихся условиях.

Современная система управления в ОВД представляет собой сложный социально-правовой механизм, в котором классические административные рычаги дополняются психологическими инструментами управления личным составом. Специфика правоохранительной деятельности требует от сотрудника не только безупречного знания закона, но и устойчивых морально-нравственных ориентиров, а также способности принимать верные решения в условиях дефицита времени и информации. Рассмотрим ключевые теоретические подходы к управлению служебным коллективом, реализуемые в системе Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

В теории управления человеческими ресурсами ОВД приверженность традициям рассматривается не как архаичный пережиток, а как важнейший элемент стабилизации коллектива. Историческая память белорусской милиции, ритуалы принятия Присяги, присвоения очередных званий, чествование ветеранов формируют у сотрудников чувство сопричастности к большой профессиональной семье.

С управленческой точки зрения опора на традиции и этические нормы позволяет снизить у сотрудников чрезмерное чувство контроля. В условиях, когда непосредственный руководитель не может проконтролировать каждое действие сотрудника на выезде или при общении с гражданами, именно устоявшиеся этические нормы и традиции, сложившиеся и поддерживаемые

в коллективе, выступают внутренним регулятором, предотвращающим злоупотребления и халатность. Правила поведения сотрудников ОВД при исполнении своих служебных обязанностей и во внеслужебной деятельности закреплены в приказе Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 4 марта 2013 г. № 67 [1].

Совершенствование этого механизма также нашло отражение в Указе Президента Республики Беларусь от 9 сентября 2024 г. № 353, который откорректировал требования к кадровой работе и гражданской идентичности сотрудников ОВД [2].

Следующим фундаментальным принципом, обеспечивающим эффективную борьбу с преступностью, является строгое соблюдение служебной дисциплины.

Дисциплина обеспечивает предсказуемость поведения сотрудника в критической ситуации, является инструментом поддержания авторитета власти. Каждый факт нарушения законности или служебной этики сотрудником милиции наносит ущерб имиджу всей правоохранительной системы и подрывает доверие населения, без которого невозможно эффективное противостояние преступности.

Специфической чертой управления в ОВД является неразрывная связь профессиональной подготовки с государственной идеологией. Идеологическая выдержанность в теоретическом плане — это сформированная устойчивость личного состава к деструктивному информационному воздействию и готовность защищать национальные интересы. На практике управление данным направлением реализуется путем доведения личному составу актуальной общественно-политической информации. Одной из основных функций идеологического сопровождения служебной деятельности является объяснение целей и задач ОВД в контексте обеспечения суверенитета и общественной безопасности Республики Беларусь. Сотрудник, будучи идеологически мотивированным, более эффективен при выполнении задач в оперативно-служебной деятельности, так как его мотивация выходит за рамки материального вознаграждения, переходя в плоскость служения Отечеству.

Применительно к управлению человеческими ресурсами в ОВД физическую подготовку следует расценивать не как факультативное занятие, а как ключевое профессиональное качество, от которого напрямую зависит результативность борьбы с преступностью. Высокий уровень физических качеств позволяет обеспечить личную безопасность сотрудника. Сотрудник, находящийся в хорошей физической форме, способен эффективно применять боевые приемы

борьбы, быстро преодолевать препятствия при преследовании правонарушителя и, что критически важно, сохранять высокую работоспособность при длительном несении службы в усиленном режиме [3].

Регулярные занятия физической культурой и спортом способствуют выработке стрессоустойчивости, уверенности в собственных силах и способности принимать взвешенные решения. Руководители подразделений обязаны организовывать и контролировать процесс физической подготовки, рассматривая его как элемент воспитания волевых качеств, необходимых для выполнения оперативно-служебных задач.

Несмотря на консервативный фундамент (традиции, субординация, строгая дисциплина, идеология), современная теория управления в ОВД ставит перед руководителем задачу по воспитанию в подчиненных интеллектуальной маневренности. Преступность эволюционирует стремительно: кибермошенничества, наркотрафик в Даркнете, новые схемы экстремистской деятельности требуют от сотрудника не шаблонного исполнительства, а творческого, нестандартного мышления. Для этого требуется обучить сотрудников сканировать окружающую среду, фильтровать информацию и прогнозировать развитие событий на несколько шагов вперед.

Чтобы эффективно управлять служебным коллективом, руководителю необходимо создать среду, в которой сотрудник может и хочет проявлять разумную инициативу, не опасаясь санкций при выходе за рамки инструкций, если это привело к успешному решению оперативно-служебной задачи.

Управление служебным коллективом ОВД в настоящее время представляет собой баланс между сохранением традиционной модели и внедрением современных управленческих методик.

Наряду с консервативными методами управления следует в обязательном порядке учитывать динамично меняющуюся криминогенную обстановку и технологический прогресс. Эти факторы диктуют необходимость воспитания сотрудника нового типа — интеллектуально мобильного, тактически грамотного и психологически готового к нешаблонным действиям.

Однако следует отметить, что на современном этапе не все руководители владеют данными знаниями и успешно применяют их на практике.

Суть проблемы в том, что многие руководители, обладая врожденными лидерскими качествами, делают значительное количество ошибок, прежде чем научатся правильно и эффективно руководить другими.

Вопросы состояния и формирования организационной и управленческой культуры руководителей ОВД в последнее время становятся все более актуальными, ведь именно такие разновидности профессиональной культуры

выступают наиболее обобщенной характеристикой качества управленческой деятельности.

Таким образом, должным образом выстроенная на государственном уровне корпоративная культура правоохранительных органов при всем многообразии факторов, влияющих на эффективность их деятельности, играет роль ключевого фактора, формирующего и поддерживающего на оптимальном уровне престижность и привлекательность этого вида государственной службы.

Список основных источников

1. Об утверждении Правил профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 4 марта 2013 г. № 67 : в ред. от 25 марта 2013 г. № 114. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Об изменении указов Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 сент. 2024 г. № 353 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 6 марта 2025 г. № 95. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Об утверждении Дисциплинарного устава органов внутренних дел Республики Беларусь и текста Присяги лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 29 мая 2003 г. № 218 : в ред. от 9 сент. 2024 г. № 353. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 351.74

А. П. Скачинский
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Могилевского института МВД Республики Беларусь

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Деятельность сотрудников органов внутренних дел при выполнении задач по борьбе с преступностью, охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности напрямую связана с профессиональным риском [1]. Министерство внутренних дел Республики Беларусь предъявляет высокие требования по обеспечению личной и профессиональной безопасности сотрудников в различных, в том числе экстремальных, ситуациях служебной деятельности.

Личная и профессиональная безопасность сотрудника органов внутренних дел — система правовых, защитных, тактических и психологических, а также иных мер, позволяющих обеспечить сохранение жизни и здоровья сотрудников при условии поддержания высокого уровня эффективности профессиональных действий [2]. С учетом геополитической напряженности в современном мире вопросы личной безопасности вооруженного сотрудника требуют пристального изучения.

Традиционно готовность вооруженного сотрудника к безопасному выполнению задач по предназначению строится на знании им правовых основ применения (использования) оружия, мер безопасности при обращении с ним во время несения службы, а также иных ведомственных требований при проведении стрельб и гранатометании. Безусловно, к этим вопросам следует добавить владение эксплуатационной документацией соответствующих образцов вооружения, знание особенностей их обслуживания и применения [3].

Следует отметить, что в структуре обеспечения личной безопасности вооруженного сотрудника следует выделить следующие актуальные вопросы:

– техническая подготовленность;

– тактическая подготовленность;

– психологическая подготовленность.

Так, при подготовке к несению службы следует уделить пристальное внимание техническим аспектам размещения оружия и боеприпасов на элементах экипировки. Приоритетным при этом является обеспечение их сохранности и недопущение утраты либо хищения, а также возможность максимально быстрого приведения в боевую готовность [4].

С учетом практики ежедневного получения (сдачи) оружия сотрудниками наружных служб необходимо сформировать у них осознанную последовательность технических манипуляций с табельным оружием, направленную на безопасное его заряжание (разряжание) под контролем ответственных лиц в специально отведенном месте [3].

В ситуации огневого контакта первостепенно необходимы тактические навыки оценки степени угрозы, складывающейся обстановки и последствий профессионального риска; координации действий других сотрудников; определения приоритетов целей и безопасной дистанции. При работе с оружием, приведенным в готовность к стрельбе, важны навыки безопасного контроля состояния оружия при передвижении и изменении положения в пространстве, при появлении посторонних лиц; знания особенностей рикошета боеприпасов.

Психологическая подготовленность при обращении с оружием обеспечивается устойчивостью психики к воздействию эмоциональных нагрузок: страха, неуверенности в своих действиях, боязни последствий и т. п.

Таким образом, при обеспечении личной безопасности вооруженного сотрудника следует учитывать не только уровень его правовой грамотности, но и техническую оснащенность и экипированность, а также тактическую подготовленность к действиям с оружием, что в целом позволит сформировать у него культуру безопасного обращения с оружием и обеспечить психологическую уверенность при его применении либо использовании.

Список основных источников

1. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З : в ред. от 19 мая 2022 г. № 171-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Труфанов Н. И. Обеспечение личной безопасности сотрудников органов внутренних дел при выполнении оперативно-служебных задач // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 мая 2023 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2023. С. 359–360. Вернуться к статье

3. О порядке обращения с огнестрельным оружием при несении службы сотрудниками органов внутренних дел [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 15 июня 2020 г. № 130. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Огневая подготовка : учеб. / под ред. В. Г. Лупыря. Омск : Омская акад. МВД России, 2014. 348 с. Вернуться к статье

УДК 343.985

А. Г. Тарута
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Сибирского юридического института МВД России

ПРОВЕДЕНИЕ ОСМОТРА ТЕРРИТОРИИ В РАМКАХ ОПЕРАТИВНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ

Осмотр территории является ключевым тактическим элементом оперативно-профилактических мероприятий, рейдов, целевых проверок и операций, проводимых силами сотрудников органов внутренних дел и иными субъектами правоохранительной системы. Его сущность заключается в целенаправленном, планомерном визуальном и инструментальном обследовании определенного участка местности (дворов, пустырей, парков, гаражных массивов, лесопарковых зон, прибрежных полос, строительных площадок, объектов транспорта) с целью фиксации и пресечения противоправной деятельности, выявления источников криминальных угроз, а также причин и условий, им способствующих [1, с. 710].

Координация действий всех участвующих в проведении осмотра территории подразделений является обязательным условием эффективности. Осмотр может быть как сплошным (тотальным) на выделенном участке, так и выборочным (точечным), ориентированным на места концентрации криминогенного контингента или участки с повышенной латентной преступностью.

В ходе исследования следует выделить основные задачи осмотра территории:

1. Выявление лиц, находящихся в розыске, скрывающихся от следствия и суда, а также лиц, совершающих преступления и правонарушения, по горячим следам.

2. Обнаружение похищенного имущества, орудий преступлений и следов противоправных действий.

3. Выявление и документирование мест несанкционированного оборота наркотиков (точки сбыта, «закладки»), употребления психоактивных веществ, а также притонов для потребления наркотических средств.

4. Пресечение административных правонарушений (распитие спиртных напитков, мелкое хулиганство, нарушение общественного порядка, порча чужого имущества, нарушение правил благоустройства).

5. Выявление и проверка лиц без определенного места жительства, несовершеннолетних, находящихся в ночное время без сопровождения взрослых,

а также лиц, чье поведение или внешний вид вызывают обоснованные подозрения.

6. Проверка объектов потенциальной криминальной активности (заброшенные здания, строительные вагончики, чердаки, подвалы, гаражи, где могут укрываться преступники или может храниться краденое).

7. Контроль за соблюдением паспортно-регистрационного режима.

8. Сбор оперативной информации о криминогенной обстановке, маршрутах передвижения, связях антиобщественных элементов.

9. Профилактическое взаимодействие с населением, информирование граждан о мерах безопасности, прием заявлений и сообщений о правонарушениях.

Тактика и методика проведения осмотра включают два основных этапа:

1. Подготовительный этап — инструктаж личного состава, изучение оперативной обстановки на участке, получение ориентировок, распределение сил по группам и секторам, проверка средств связи, фото- и видеофиксации.

2. Основной этап — действия строятся по принципу «от общего к частному» (сначала общий обзор территории, затем детальный осмотр потенциально опасных мест); применяется комбинация гласных (патрулирование в форме и опрос граждан) и негласных (наблюдение с использованием лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, скрытое визуальное наблюдение) методов; обязательно взаимодействие с кинологами для поиска наркотиков, взрывчатых веществ, оружия, а также для преследования скрывшихся лиц, взаимодействие с участковыми уполномоченными, которые обладают подробной информацией о вверенной территории и проживающих лицах; контроль за транспортом на прилегающих дорогах и проверка подозрительных автомобилей.

Все выявленные факты, задержанные лица, изъятые предметы подлежат обязательной документальной фиксации, в которую входит составление процессуальных документов; написание рапортов о результатах осмотра, выявленных обстоятельствах и принятых мерах; внесение информации в учетно-регистрационные документы дежурной части; фото- и видеосъемка вещественных доказательств и обстановки места; передача материалов в компетентные подразделения для дальнейшей процессуальной проверки или оперативной разработки.

В ходе осмотра сотрудникам в обязательном порядке следует помнить об обеспечении личной безопасности, так как осмотр территорий, особенно в темное время суток и в неблагополучных районах, связан с повышенным риском [2, с. 67]. В этих целях необходимо:

1. Действовать в составе группы (не менее двух человек).

2. Обеспечить постоянную связь с дежурной частью и другими нарядами.

3. Соблюдать внимательность и осмотрительность при приближении к подозрительным объектам, проверке подвалов и чердаков.

4. Обеспечить готовность к правомерному применению физической силы, специальных средств и в исключительных случаях — огнестрельного оружия при отражении нападения.

Таким образом, осмотр территории в рамках комплексных мероприятий — это не механическое патрулирование, а целенаправленная, ресурсоемкая, тактически выстроенная оперативно-служебная деятельность, эффективность которой напрямую зависит от качества планирования, межведомственного взаимодействия, профессиональной подготовки личного состава и его способности анализировать обстановку. Грамотно организованный осмотр не только позволит пресекать уже совершенные правонарушения, но и может оказывать мощное профилактическое и предупредительное воздействие, создавая ощущение неотвратимости контроля со стороны правоохранительных органов.

Список основных источников

1. Бордачев А. Ю., Сагитов Р. Н. Влияние тактических свойств местности на проведение специальных мероприятий // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации : сб. науч. ст. XVII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 18–19 нояб. 2025 г. / Новосиб. воен. ин-т им. генерала армии И. К. Яковлева войск нац. гвардии Рос. Федерации. Новосибирск, 2025. С. 709–712. Вернуться к статье

2. Тарута А. Г. Обеспечение личной безопасности сотрудниками полиции при угрозе и непосредственном огневом контакте с вооруженным противником // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной и огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 19 июля 2024 г. Ростов н/Д : Ростов. юрид. ин-т МВД России, 2025. С. 67–70. Вернуться к статье

УДК 355.541.1:159.91

В. В. Трифонов
доцент кафедры тактико-специальной подготовки
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат биологических наук, доцент

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ К ПРИМЕНЕНИЮ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Деятельность сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) связана с экстремальными ситуациями, которые характеризуются воздействием стрессогенных факторов, представляющих опасность для жизни и вынуждающих сотрудника ОВД применять огнестрельное оружие (далее — оружие) [1].

Вероятность того, что сотрудникам ОВД придется вмешиваться в конфликтные ситуации, применять огнестрельное оружие и нести службу в экстремальных (особых) условиях, оговорена в Законе Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [2] и других нормативных правовых актах.

Экстремальная ситуация по своей сути является психологически опасной и оказывает на сотрудника стрессовое воздействие. Необходимость применения [3] и применение [4] сотрудником ОВД оружия также являются сильным стресс-фактором, который в совокупности с другими стрессовыми воздействиями в определенной ситуации может оказывать (а в отдельных случаях и оказывает) негативное влияние на когнитивную сферу человека и, как следствие, на эффективность его действий в экстремальных ситуациях. В связи с этим проблема подготовки и готовности сотрудников ОВД к эффективному применению оружия является актуальной.

Рассматривая профессиональную подготовку сотрудника в контексте эффективности применения оружия в особых условиях, необходимо разграничивать понятия «подготовленность» и «готовность».

Подготовленность — это конечный результат процесса обучения по работе с огнестрельным оружием, который во многом зависит от когнитивных способностей обучаемого и включает в себя теоретическую, техническую, тактическую, специальную физическую и психологическую подготовку.

Готовность — это состояние человека, обеспечивающее эффективность его действий в конкретной ситуации, в определенный момент времени

и зависящее от функционального состояния систем организма [5]; уровня физического развития; двигательной и психологической подготовленности [6]; состояния когнитивной сферы, обеспечивающей восприятие и обработку информации из внешней среды и принятие решения.

Выработка навыка обращения с оружием тесно связана с развитием когнитивной сферы обучаемого.

Стрессовые воздействия экстремальных ситуаций вызывают нарушение когнитивных функций — памяти, процессов восприятия и анализа окружающей действительности [7], что отрицательно сказывается на оценке окружающей обстановки и, как следствие, на эффективности действий человека в этой ситуации.

Согласно исследованиям В. Н. Смирнова [8], у сотрудников ОВД, имеющих хорошую подготовленность, при выполнении служебных задач в стрессовых условиях часто происходит нарушение внимания, ухудшение памяти и других аспектов когнитивной деятельности, что оказывает негативное воздействие на принятие законного и тактически правильного решения.

Возникновение вышеуказанных когнитивных нарушений зависит от стрессоустойчивости организма, которая определяется механизмами гуморальной регуляции функций организма, состоянием вегетативной и центральной нервной системы, типологическими свойствами нервной системы [9].

Таким образом, одним из основных факторов, определяющих профессиональную готовность сотрудника ОВД к применению огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях, является его стрессоустойчивость, которая включает в себя два аспекта: психологический и физиологический.

Подготовка сотрудника к применению оружия в экстремальных ситуациях не может ограничиваться только занятиями по огневой подготовке [10], она должна быть комплексной и основываться «на междисциплинарных взаимосвязях психологических, психофизиологических, педагогических закономерностей формирования умений и навыков стрельбы» [11, л. 4].

Список основных источников

1. Ахматгатин А. А. Основы подготовки сотрудников полиции к действиям в экстремальных ситуациях // Вестн. Вост.-сиб. ин-та МВД России. 2013. № 3 (66). С. 3–8. Вернуться к статье

2. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З : в ред. от 19 мая 2022 г. № 171-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Белецкий А. А. К вопросу о формировании психологической готовности сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия // Междунар. науч.-исследоват. журн. 2023. № 8 (134). С. 1–5. Вернуться к статье

4. Хайбуллов А. Р. Формирование психологической готовности сотрудников ОВД к применению огнестрельного оружия в реальных условиях / // Изв. Сарат. воен. ин-та войск нац. гвардии. 2021. № 4 (4). С. 34–37. Вернуться к статье

5. Функциональное состояние вегетативной и центральной нервной системы у лиц, занимающихся экстремальными видами спорта [Электронный ресурс] / М. А. Попова [и др.] // Соврем. проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=9240 (дата обращения: 01.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Евсеев Л. Л. Психологическая готовность к профессиональной деятельности в опасных ситуациях // Вестн. Могилев. гос. ун-та им. А. А. Кулешова. 2019. № 1 (53). С. 73−77. Вернуться к статье

7. Блеер А. Н. Основы психофизиологии экстремальной деятельности. М. : Анита Пресс, 2006. 380 с. Вернуться к статье

8. Смирнов В. Н. Профессионально-психологическое обеспечение деятельности сотрудников органов внутренних дел в экстремальных условиях : учеб.-метод. пособие. Домодедово : ВИПК МВД России, 2003. 152 с. Вернуться к статье

9. Корреляция параметров системы гемостаза и вегетативной нервной системы при экзаменационном стрессе / Р. И. Жданов [и др.] // Журн. высш. нерв. деятельности им. И. П. Павлова. 2016. № 2. С. 202–208. Вернуться к статье

10. Сибирко М. А., Панферкина И. С. Психолого-педагогические аспекты подготовки сотрудников ОВД к профессиональным действиям с применением огнестрельного оружия // Психопедагогика в правоохранит. органах. 2018. № 3 (74). С. 61–67. Вернуться к статье

11. Торопов В. А. Теория и практика эффективного обучения сотрудников ОВД стрельбе из личного оружия : дис. … д-ра пед. наук. : 13.00.08 / Петерб. ун-т МВД России. СПб., 2001. 341 л. Вернуться к статье

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Воробьев А. А. Организация милиции г. Могилева и Могилевского уезда в первой половине 1920-х гг. 8

Галынский Р. Д. Кий как плебейское оружие в актовых книгах Могилевского магистрата 1578–1580 гг. 11

Григорьева Я. И. Социальная ответственность как фактор влияния на уменьшение количества правонарушений в условиях цифровой трансформации 15

Демидова И. А. Правопорядок: теоретическая конструкция и социальная практика в проекции правовой культуры современного общества 19

Дыжова А. А. Правовая охрана диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыбной ловли 22

Еремеева Н. В. Милостыня как принцип смягчения наказания в Русской Правде 27

Иванов Е. Е. Способы применения канареечных токенов для защиты информации 31

Игнатович А. Е. Образ милиции в серии плакатов Н. П. Чарухина периода перестройки 34

Козыренко Р. Н., Новицкий Е. С. Конституционные основы символического капитала белорусской нации 37

Маслакова А. А. Принцип конфиденциальности примирительной процедуры и ответственность за его нарушение 40

Некрашевич Т. А. Правовое воздействие как элемент системы социального воздействия 43

Пушко Н. В. Правовое регулирование использования мессенджеров как инструментов корпоративной коммуникации в трудовом законодательстве Республики Беларусь 46

Соколов Е. В. Эволюция форм организованной преступности и приоритеты государственной политики противодействия 49

Толочко А. Н. Методологические положения развития имиджелогии органов внутренних дел на основе междисциплинарного подхода 52

Тютюнков А. Н. Деятельность комсомольских организаций г. Могилева в борьбе с преступностью среди молодежи в 1954 г. 57

Чмыга О. В., Кохнович К. А. Правовые основы защиты информации в сети Интернет на территории Республики Беларусь 60

Ярмоц Е. Н. Категории «легальность» и «легитимность»: разница в понимании 64

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ВОПРОСАМ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Боровик П. Л. Рискориентированный надзор за провайдерами услуг виртуальных активов: сравнительный анализ подходов стран ЕАГ 67

Бушуева О. В., Гай И. Е., Мамыко В. А. Отказ в экстрадиции: причины, законные основания и политическая целесообразность 71

Мельникова Л. Ю. Международное сотрудничество по противодействию киберпреступлениям: проблемы эффективности..... 75

Меркушин В. В., Лесун В. А. Роль подразделений финансовой разведки (ДФР КГК Республики Беларусь) в системе международного противодействия легализации преступных доходов 79

Ревин Д. А. Влияние Республики Беларусь на международную борьбу с преступностью 83

Студнев А. С. Международное оперативно-розыскное сотрудничество органов внутренних дел: механизмы и перспективы развития 87

Тепляшин П. В. Значимость законодательства Организации Договора о коллективной безопасности для антинаркотической безопасности ее государств-членов 91

Шумская Б. И. Совершенствование международного сотрудничества в расследовании кибертеррористических атак: политико-институциональные вызовы и направления трансформации 95

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Антонова С. Г. Вопросы правового регулирования участия группы риска в дорожном движении 99

Бань А. А. Об особенностях некоторых противоправных деяний против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования 103

Голубев И. В. Концепция оценки опасного вождения посредством использования балловой системы 107

Горностаева М. А. О некоторых вопросах привлечения родителей к административной ответственности за невыполнение обязанностей по воспитанию детей 111

Данилин А. Н., Тарасенко А. П. Особенности регулирования защиты персональных данных в контексте использования искусственного интеллекта и перспективы предотвращения незаконного их использования 114

Дизер О. А., Муленко Н. В. Административно-правовые механизмы противодействия нелегальной миграции в России: современные тенденции их реализации 117

Каразей О. Г. Значение определения Конституционного Суда по вопросу конституционности ч. 4 ст. 18.15 КоАП Республики Беларусь 120

Касницкая И. Ю. Обеспечение общественного порядка в период избирательной кампании: сравнительный анализ российского и белорусского законодательства 125

Климов С. Н. Методы и способы выявления фактов домашнего насилия в Республике Беларусь 130

Койнов М. Ю. Аспекты использования электронной (цифровой) формы составления административного протокола в деятельности патрульно-постовой службы полиции 134

Кончатова С. В. Административная ответственность за жестокое обращение с животными 138

Купреева П. Г. Эволюция административной ответственности родителей за правонарушения несовершеннолетних: сравнительно-правовой анализ КоАП БССР 1984 г. и КоАП Республики Беларусь 2021 г. 141

Лубенков А. В. Использование возможностей искусственного интеллекта в борьбе с административными правонарушениями, совершаемыми при проведении массовых мероприятий, спортивных соревнований 145

Магазинщикова М. А. Роль женщины — сотрудника органов внутренних дел в системе профилактики семейно-бытовых конфликтов в Республике Беларусь 149

Макацария Д. Ю. Безопасный проезд перекрестка, движение на котором регулируется сигналами регулировщика 153

Мельникова О. А. Электронный документооборот в административно-юрисдикционном производстве России: анализ правового регулирования 156

Митрофанова С. В. Административно-правовое регулирование обеспечения тишины и покоя граждан в Российской Федерации: современное состояние и проблемы правоприменения 159

Павлова Л. В. О проблемных аспектах правовой регламентации досмотра, личного досмотра и личного обыска 163

Павловец В. В. Понятие и правовая природа контроля в административном процессе 168

Плоскунов Д. В. Прокурорский надзор за законностью при привлечении к административной ответственности как средство предупреждения преступлений 171

Полуян В. А. Анализ эффективности административных взысканий в современном правовом поле 175

Пустовойт Е. С. Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей как субъект профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних 178

Самолысов П. В. Административно-правовое обеспечение борьбы с картелями 182

Семенюк Д. П. Проблемы квалификации мелкого хулиганства по КоАП Республики Беларусь: оценочные категории и правонарушения в сети Интернет 185

Смелова Н. Н. Защита от киберугроз — гарантия обеспечения надежности и сохранности средств на счетах в банках 189

Телятицкая Т. В. Административное пресечение как профилактический ресурс борьбы с преступностью 192

Федчук И. Л. Оптимизация процессуально-исполнительного законодательства Республики Беларусь об административных правонарушениях на современном этапе 196

Шелегова Н. А. Правовая база и процедура применения административной ответственности 200

Явица Р. С. Административно-правовые меры противодействия экстремизму в Республике Беларусь и Российской Федерации: современное состояние и перспективы интеграции в рамках Союзного государства 203

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Абдулханнянова Я. М. Генезис и эволюция оценочных понятий в российском уголовном праве: от казуального применения к научному осмыслению 206

Алекперов Р. Р., Тукишев М. А. Об альтернативе Международному уголовному суду 209

Алешина-Алексеева Е. Н. Сравнительный анализ защиты прав кредиторов в уголовном праве Российской Федерации и Республики Беларусь 212

Антропов Р. В. Трансформация криминальных угроз в цифровой среде: от кибервандализма к гибридным посягательствам 215

Аюпова Г. Ш. Международный опыт уголовно-правовой регламентации ответственности за причинение вреда пользователями средств индивидуальной мобильности 219

Бахур О. И. Законодательная регламентация уголовной ответственности за несанкционированное распространение информации о расположении или перемещении подразделений, вооружения, военной техники и боеприпасов 224

Волколупов В. Г. Квалификация бесконтактного сбыта наркотиков: критерии разграничения стадий совершения преступления 229

Воспякова О. Ф. Правовая регламентация мотивации коррупционных преступлений 234

Гаврилов Д. И. Меры процессуального принуждения в системе профилактики преступлений 237

Горенская Е. В. Отдельные аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве в России и Беларуси 241

Горчакова Е. В. Исторические аспекты развития института прекращения уголовного дела в уголовном судопроизводстве 245

Делль Д. А. Запрет выезда за границу как мера процессуального принуждения: опыт Республики Беларусь и возможное применение в Российской Федерации 249

Дзюба М. А. Характеристика преступлений, совершаемых учащимися в общеобразовательных организациях 252

Дрозд А. Н. Избирательность в отнесении результатов психофизиологического исследования к доказательствам по уголовным делам 256

Духовник Ю. Е. Крайняя необходимость и деяние, связанное с риском, в уголовном и административном праве: сравнительно-правовой анализ 260

Ермолович Д. В. К вопросу о понятии соучастия в уголовном праве 264

Жук А. А., Канчер Я. В. Профилактика преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь: диагностика системных проблем и поиск оптимальных моделей 267

Заббарова И. А. Международно-правовые стандарты защиты от семейно-бытового насилия и пути совершенствования национального законодательства 272

Злыденко А. Д. Криминологические аспекты установления и устранения в ходе предварительного расследования обстоятельств, способствующих совершению преступлений..... 275

Ибатуллина А. Н. Общественная опасность сбыта товаров и продукции, осуществляемого посредством онлайн-торговли 279

Ищук Я. Г. Опыт участия МВД России в региональных программах профилактики правонарушений 282

Карпова О. В. Участие защитника в формировании доказательств в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран 286

Катушонок О. В. Территориальный анализ преступлений в категории «домашнее насилие» в Республике Беларусь..... 289

Ковалёв С. М. Особенности преступлений, совершаемых несовершеннолетними 293

Ковальчук А. В. Криминализация и система ее принципов как основа соразмерности уголовно-правовых запретов 295

Ковальчук К. Ю. Сущность незаконной миграции через ее основные признаки 298

Краснова К. А. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за прохождение террористической подготовки..... 302

Кудла Н. А. Историко-правовой анализ административной преюдиции в уголовном праве Республики Беларусь..... 306

Кузнецов В. И. Отдельные вопросы предупреждения преступлений в сфере государственного заказа 309

Лебедев С. Я. Модернизация уголовно-правового контроля над инновационной преступностью в эпоху глобальной цифровизации..... 313

Левшук О. И. Упрощение порядка ознакомления с назначением экспертизы как одно из направлений совершенствования форм использования специальных знаний по материалам и уголовным делам..... 317

Лупенков А. В. К вопросу о личности преступника, совершившего административно-преюдиционный рецидив..... 321

Макарова О. В. Согласительные механизмы в борьбе с преступностью: эффективность или формализация правосудия?..... 325

Маркина В. В. Уклонение от отбывания дополнительного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами: дискуссионные вопросы квалификации 329

Маркотенко В. Н. Непосредственный исполнитель преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств 332

Меерсон В. Р. Синтез изображения или голоса с использованием современных технологий (модификация компьютерной информации с использованием искусственного интеллекта): уголовно-правовой контекст 335

Мелешко В. В., Гнилякевич В. Л. Уголовно-процессуальное значение «сведущих людей» в контексте Устава уголовного судопроизводства 1864 г. 339

Михайлова Ю. Н. К вопросу о соответствии тактических приемов этическим нормам 342

Мякинькая В. В. Превентивные эффекты синергии бухгалтерского учета и искусственного интеллекта в системе обеспечения экономической безопасности 346

Никифорова А. А., *Креховец А. В., Волкова А. Ю.* Перспективы гармонизации законодательства государств — участников СНГ в сфере противодействия трансграничной передаче персональных данных 349

Одиназода И. А. Процессуальные основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве России и Республики Таджикистан 354

Осипова Н. А. Порядок идентификации личности иностранных граждан и лиц без гражданства при производстве по материалам и уголовным делам 359

Папенко А. А. Общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения преступлений, совершаемых с низменными мотивами 363

Петровский А. В. Об антикриминальной превентивной (криминологической) политике Российской Федерации 366

Попов В. А., Владимиров Д. М. Тактика допроса в условиях конфликтной и бесконфликтной обстановки 370

Прушковский М. В. Криминологические риски реализации научно-технологического развития мегаполисов: вызовы «умного города» 373

Пупышева Л. А. Системно-структурное построение современного уголовного процесса как перспективное научное направление 377

Пучнин А. В. Поиск и анализ информации в глобальном сетевом пространстве при выявлении и раскрытии преступлений экстремистской направленности (кейс-технологии в подготовке и переподготовке сотрудников оперативных подразделений ОВД) 379

Реутская Е. А. Влияние учения о соучастии на определение общественной опасности преступления 385

Рябцева Л. А. Синтаксический способ толкования уголовного закона как основа эффективного правоприменения 388

Саврук Я. В. Об установлении признаков субъекта истязания в уголовном праве 391

Савченко А. Н. Условия использования электронных документов в ходе досудебного производства России 394

Самарин В. И. Раскрытие предмета доказывания в условиях международного информационного обмена: процессуальный потенциал Интерпола..... 398

Самойлова Ю. Б. Защита уголовно-правовыми средствами врачебной тайны, содержащейся в информационных системах..... 402

Сафронов Д. М. Судебная защита сведений при осуществлении уголовного судопроизводства в особых условиях на примере банковской тайны: традиции и потребности..... 406

Свиридов Д. А. К вопросу об уголовно-правовом противодействии преступлениям коррупционной направленности..... 409

Сериков В. Е. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности или публичное оправдание такой деятельности в Республике Беларусь 412

Скобелев В. П. Истечение срока давности совершения преступления как основание освобождения от уголовной ответственности: о некоторых проблемах применения правового института 416

Смольницкая А. А. Использование ОВД технологий искусственного интеллекта в предупреждении преступлений 421

Стальбовский В. В., Вишневская Т. И. Конвергентные НБИКС-технологии как квинтэссенция противодействия преступности..... 424

Старостенко О. А. Актуальные вопросы повышения эффективности профилактики дистанционных хищений 427

Стефаненко А. П., Немытьков Е. А. Информационные компетенции сотрудников правоохранительных органов в сфере противодействия экономическим преступлениям 432

Терешенко Е. Г., Старовойтова Е. А. О предупреждении незаконного оборота наркотических и психотропных веществ в информационном пространстве 435

Тит А. А. О формировании механизма гарантированного возмещения вреда лицу, пострадавшему от преступления 439

Тихонова С. С., Батраков Д. А. Современная теория компоновки квалифицирующих признаков в Особенной части кодифицированного уголовного закона: юридико-технический аспект совершенствования уголовного законодательства 443

Толочко В. В. Признаки коррупционных правонарушений 446

Уласевич Т. Н. Подозрение как предпосылка задержания лица в уголовном процессе 449

Фаизова Д. Л. К вопросу о возрасте субъекта преступления, предусмотренного ст. 117 Уголовного кодекса Российской Федерации 452

Фарахиева Г. Р. Особенности вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений через интернет-пространство 455

Хакимуллина Р. Ф. Уголовно-правовое противодействие деятельности финансовых пирамид: сравнительный анализ законодательства стран СНГ 458

Харитонова А. А. Цифровые знаки (токены) как предмет взяточничества: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации 463

Хомицевич И. Г. Коллизия правового статуса несовершеннолетнего осужденного в уголовно-исполнительном праве: проблема отсутствия законного представителя как субъекта правоотношений и пути ее разрешения 466

Шайкова М. В. Профилактика и предупреждение деструктивного и девиантного поведения несовершеннолетних в Российской Федерации 469

Шаламов А. А. Добровольность в уголовном законодательстве Республики Беларусь 473

Шатилов А. В. Криминологические особенности субъекта — участника преступной группы 477

Шевченко А. А. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в экстремизм и терроризм на современном этапе: криминологический аспект 480

Шкаплеров Ю. П. Полномочия начальника органа дознания: не все так однозначно 484

Шумилова Т. Н., Комарова Н. С. Виды судебной деятельности по осуществлению правосудия в досудебных стадиях уголовного процесса 487

Юркова И. В. Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями: сравнительный анализ белорусского и российского законодательств 490

Яковчик Д. В. Личность преступника в контексте социологических подходов: историко-теоретический обзор 493

Якубук В. В. О принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности 497

ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Апекунов А. С. Оперативно-розыскная профилактика: правовые и организационные аспекты предупреждения преступлений на современном этапе 501

Бянкина А. М. К вопросу о возможности применения криминалистических знаний в цивилистическом процессе 507

Герасимов Д. В. Генезис становления мошенничества в сфере информационно-коммуникационных технологий 510

Демьянова В. М. Понятие, сущность и цели судебной экспертизы в современных условиях 515

Дронова О. Б. Особенности использования специальных знаний при производстве первоначальных следственных действий по преступлениям, связанным с использованием криптовалют 518

Евдохова Л. Н. Товароведная оценка стоимости партий комбикормов: товароведческие критерии и правовое регулирование в Республике Беларусь 522

Жаркевич И. Л. Симбиоз экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь 525

Жидович А. С. Расследование незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ: источники криминалистически значимой информации 528

Жуков М. М., Телков А. Ю. О практико-ориентированном подходе к обучению специалистов по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 532

Красиков В. С. Современные теоретические и практические аспекты стратегии в криминалистике 535

Криксин А. М. Практические аспекты использования личного сыска в раскрытии, выявлении и пресечении имущественных преступлений 539

Кубышкина Н. Н. К вопросу использования искусственного интеллекта в расследовании незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств 542

Лаппо Е. А. Психологические операции как средство деструктивного воздействия 545

Лосева В. Г. Криминалистические особенности получения образцов фотоизображений лиц для проведения сравнительного портретного исследования 549

Лужинская Е. Л. Основные аспекты модификации внешнего облика человека как отдельного направления габитоскопии 552

Марцынкевич Н. А. Особенности планирования по уголовным делам об убийствах 556

Матлак А. Н. Предпосылки дифференциации идентификационных и диагностических исследований в судебной баллистической экспертизе 560

Мезяк В. Ю. Лингвистический анализ документов при выявлении экономических преступлений 564

Мишугис-Бекер Г. С., Городецкий М. Р. Совершенствование тактических особенностей и технического обеспечения оперативно-розыскной деятельности при противодействии IT-преступлениям 568

Мыглан М. В. Профилактическая деятельность следователя: объективные и субъективные проблемы при расследовании хищений бюджетных средств 574

Панченя Д. Н. О возможности проведения судебной дендрохронологической экспертизы в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь 580

Пацкевич А. П. Перспективные направления использования дактилоскопической информации 584

Пуцик Е. В., Ковалевский Я. В. Современные методы розыска лиц, пропавших без вести: проблемы эффективного использования возможностей республиканской системы мониторинга общественной безопасности 587

Родичева И. В. Особенности уголовно-правовой и криминалистической характеристик уклонения от уплаты налогов и сборов 590

Сечина К. В. Типичные следственные ошибки, допускаемые при производстве осмотра места происшествия 594

Сысоев А. С. Вопросы обоснованности проведения оперативно-розыскных мероприятий при сборе сведений для принятия решений о допуске граждан к государственным секретам 597

Чванкин В. А., Пляхимович Е. В. Возможности судебной геммологической экспертизы 602

Юбко Ю. М. Информационно-аналитическая деятельность лица, производящего дознание, по установлению обстоятельств, подлежащих

доказыванию по заявлениям и сообщениям о преступлениях против интересов службы 606

Юрченко В. В. Соотношение гласных и негласных методов: проблемы соблюдения конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий в условиях цифровизации 610

ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Андрианова А. С. Потенциал юридических клиник в сфере профилактики и предупреждения преступности 616

Баранов Н. А., Тарасевич А. Н. Использование средств и методов рукопашного боя в процессе физического совершенствования курсантов 619

Богданов А. М. Некоторые аспекты выявления радиации сотрудниками правоохранительных органов 623

Боровая Т. С. Роль и значение тактической специальной подготовки курсантов в борьбе с преступностью 626

Гаджимурадов М. С. Физическая подготовка в незаконных вооруженных формированиях и террористических организациях: комплексный криминологический и оперативно-тактический анализ 629

Евлушина Д. Н. Практико-ориентированный подход в подготовке специалистов для следственных кадров как основа борьбы с преступностью 633

Евсеев Л. Л. О значимом факторе в огневой подготовке сотрудников органов внутренних дел 637

Ивендиков А. А. Особенности психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях 640

Каранкевич А. И., Игнатик Д. П. Формирование специальной стрелковой готовности курсантов в условиях временной и альтернативной неопределенности 643

Ковалев Н. Ю., Чуйко Н. В. О дифференциации системы оценивания уровня техники боевых приемов борьбы 646

Ковалев С. М. Подготовка сотрудников правоохранительных органов к действиям в особых условиях 649

Костюкович Э. П. Некоторые аспекты обеспечения деятельности группы противодействия беспилотным летательным аппаратам в особых условиях 652

Кот В. С. Генезис и современные проблемы формирования педагогической компетентности офицера 655

Котенко Е. В. Правовая культура как психологический феномен в системе подготовки кадров органов внутренних дел 658

Лаппо Е. Н., Перунова А. В. Формирование метакогнитивной регуляции как фактор эффективности международной правоохранительной деятельности 661

Ластовский А. А., Онопко С. А. Совершенствование навыков применения техник деэскалации конфликта сотрудниками ОВД при помощи электронного теста 665

Панина Е. Н. Этническая толерантность как фактор профилактики экстремистских проявлений на национальной почве у подростков 669

Панов Е. В. Использование носимых устройств для мониторинга физиологических показателей, оптимизации тренировочного процесса и мотивации курсантов вузов МВД России 672

Папков В. А. Координация и синхронизация при прицеливании: ключ к точности 675

Петранис Е. А. Допрос без травм: значение профессиональной поддержки 678

Плюскевич И. В. Развитие устойчивости у сотрудников органов внутренних дел при стрельбе из пистолета 681

Сагитов Р. Н. Роль общественного контроля законности действий сотрудников патрульно-постовой службы 684

Сильванович А. С. Эффективность управления человеческими ресурсами органов внутренних дел Республики Беларусь в интересах борьбы с преступностью 687

Скачинский А. П. Некоторые вопросы обеспечения личной безопасности 691

Тарута А. Г. Проведение осмотра территории в рамках оперативно-профилактических мероприятий 693

Трифонов В. В. Психофизиологические аспекты подготовки курсантов к применению огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях 696

Вернуться к статьям

Вернуться на титульный экран издания